ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ

по

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ И ПРОСВѢЩЕНІЮ

М. И. СУХОМЛИНОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Suchomlinov
Izslědovanija
i stat'i
1.2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1889

38 G angleichen

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I.

стр.

ГЛАВА I. Главное правленіе училищъ.—Составъ его.—Министры народнаго просвѣщенія при Александрѣ I.—Члены главнаго правленія училищъ: Муравьевъ, Чарторижскій, Потоцкій и другіе.—Члены - спеціалисты. — Важнѣйшія занятія главнаго правленія училищъ . 1

ГЛАВА II. Университеты.—Предварительныя работы по составленію университетскаго устава.—Уставъ 1804 года.—Первый періодъ университетовъ александровскаго времени.—Устройство университетовъ.—Первые профессора.—Ученая дѣятельность.—Отношеніе университетовъ къ подвѣдомымъ имъ училищамъ.—Общественные нравы.—Университетскія постановленія, касающіяся студентовъ . 37

ГЛАВА III. Преобразованіе общественнаго воспитанія по началамъ священнаго союза.—Библейскія общества и вліяніе ихъ на открытіе народныхъ школъ.—Событія въ Европѣ, находящіяся въ связи съ судьбою русскихъ университетовъ.—Политическая реакція въ Европѣ.—Карлсбадскія конференціи и франкфуртскій сеймъ.—Записка Стурдзы.—Противодѣйствіе духу и направленію протестанскихъ университетовъ и сочувствіе католической системѣ воспитанія . 158

ГЛАВА IV. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.—Ученый комитетъ.—Инструкція ему.—Книги, одобренныя ученымъ комитетомъ, и книги, отвергнутыя имъ.—Новое росписаніе учебныхъ предметовъ для среднихъ, низшихъ и начальныхъ училищъ.—Вмѣшательство во внутреннюю жизнь университетовъ.—Опредѣленіе круга предметовъ и характера ихъ преподаванія. 193

стр.

ГЛАВА V. Преобразованіе Казанскаго университета.—Магницкій.—Инструкція директору и ректору университета.—Мистицизмъ.—Крайности въ примѣненіи инструкціи къ преподаванію.—Нравственный упадокъ университета.—Слѣды реакціи въ Харьковскомъ университетѣ . 216

ГЛАВА VI. Учрежденіе университета въ Петербургѣ.—Первоначальное образованіе Петербургскаго университета.—Составленіе устава.—Устройство преподаванія.—Первые профессоры.—Начало и быстрое развитіе реакціи.—Удаленіе профессоровъ: Арсеньева, Галича, Германа, Раупаха и гругихъ.—Разсмотрѣніе дѣла обвиняемыхъ профессоровъ въ университетской конференціи, въ главномъ правленіи училищъ и въ комитетѣ министровъ 239

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Выписки вредныхъ мѣстъ изъ лекцій профессоровъ Германа, Раупаха и Арсеньева.

Выписки мѣстъ изъ лекцій профессора Германа 271

Выписка мѣстъ изъ лекцій профессора Раупаха о всеобщей исторіи . 287

Выписка мѣстъ изъ уроковъ адъюнкта Арсеньева въ университетскомъ пансіонѣ о статистикѣ 299

II. Краткая записка о общемъ собраніи Имераторскаго С.-Петербургскаго университета 3, 4 и 7-го числа ноября сего 1821 года. 301

III. Историческая записка о дѣлѣ С.-Петербургскаго университета (Составлена профессоромъ Плисовымъ) 307

IV. Записка о частномъ испытаніи въ С.-Петербургской губернской гимназіи ученикамъ VII класса, произведенномъ въ среду 7-го декабря 1821 года по предмету естественнаго права . . . 337

V. Вопросные пункты и отвѣты на нихъ профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева 346

VI. Мнѣніе графа Лаваля о теоріи статистики Германа 358

VII. Мнѣніе графа Лаваля о дѣлѣ обвиняемыхъ профессоровъ . . 363

VIII. Мнѣніе графа Лаваля о составѣ университетскаго преподаванія . 365

IX. Мнѣніе Казанскаго попечителя по дѣлу профессоровъ Германа и Раупаха . 373

X. Мнѣніе И. И. Мартынова по дѣлу о профессорахъ Германѣ, Раупахѣ, Галичѣ, Шармуа, Деманжѣ и адъюнктѣ Арсеньевѣ . 377

XI. Письмо бывшаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварова къ императору Александру I 378

XII. Письмо Уварова по поводу дѣла о профессорахъ 385

XIII. Мнѣніе Шишкова по дѣлу о профессорахъ 386

XIV. Мнѣніе князя Куракина по дѣлу о профессорахъ, въ комитетѣ гг. министровъ по Высочайшему повелѣнію разсматриваему. 391

XV. Мнѣніе государственнаго контролера барона Кампенгаузена по дѣлу о профессорахъ 394

стр.
ГЛАВА VII. Учрежденіе цензуры въ Росссіи.—Датскія постановленія о книгопечатаніи.—Разсмотрѣніе ихъ, примѣнительно къ Россіи, въ главномъ правленіи училищъ. — Проектъ Озерецковскаго и Фуса.—Уставъ 1804 года.—Сужденія современниковъ 398
ГЛАВА VIII. Дѣйствіе перваго цензурнаго устава въ Россіи.—Вліяніе духа времени, личнаго взгляда главы министерства и постороннихъ обстоятельствъ.—Статьи о крѣпостномъ правѣ.—Баллада Жуковскаго: Ивановъ вечеръ.—Періодическія изданія.—Протестъ Россійской Академіи.—Разсужденіе Ломоносова о размноженіи и сохраненіи Русскаго народа . 420
ГЛАВА IX. Преобразованіе цензуры.—Временный комитетъ при главномъ правленіи училищъ.—Проектъ устава о цензурѣ и секретной инструкціи цензурнымъ комитетамъ, составленный Магницкимъ.—Проектъ Стурдзы.—Замѣчанія членовъ главнаго правленія училищъ.—Пренія о правѣ университетовъ и профессоровъ пользоваться книгами безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ цензурою.—Новый цензурный уставъ 461
Примѣчанія . 489

А. Н. Радищевъ.

Юношескіе годы Радищева.—Литературная исторія Путешествія.—Появленіе его въ печати.—Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева.—Арестъ автора и предварительное слѣдствіе.—Литературныя занятія Радищева въ крѣпости.—Мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ комиссію о составленіи законовъ.—Отношеніе послѣдующей литературы къ Радищеву 514

BIBLIOTHECA REGIA MONACENSIS

ОТЪ АВТОРА.

Давно уже замѣчено однимъ изъ первостепенныхъ знатоковъ нашей литературы, что «писать ея исторію по предположеніямъ—дѣло неумное». Для избѣжанія произвольныхъ догадокъ и выводовъ и для вѣрной оцѣнки литературныхъ произведеній необходимо обращаться къ первымъ источникамъ. Несомнѣнные факты, добытые изслѣдованіемъ, знакомятъ съ ходомъ литературныхъ работъ, и даютъ возможность устранять недоразумѣнія, возникающія по тому или другому поводу. Правдивая исторія цѣлаго невозможна безъ тщательной разработки частей, которая и составляетъ одну изъ прямыхъ и неотложныхъ задачъ исторіи литературы, находящейся въ тѣсной связи съ исторіею просвѣщенія.

Предлагаемыя изслѣдованія и статьи, въ основу которыхъ положены первые источники, появлялись въ разное время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Литературѣ прошлаго столѣтія посвящены двѣ монографіи: «Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ» и «Радищевъ, авторъ путешествія изъ Петербурга въ Москву».

Въ исторіи русской образованности особенное значеніе имѣютъ университеты. Обозрѣніе судьбы русскихъ университетовъ въ царствованіе Александра I представлено въ

одной изъ монографій. Преимущественно эту эпоху имѣютъ въ виду двѣ монографіи, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ цензуры въ Россіи, а въ другой— разсматривается дѣятельность Лагарпа, воспитателя императора Александра I.

Въ остальныхъ монографіяхъ находятся данныя, относящіяся къ жизни и литературной дѣятельности Пушкина, Гоголя, князя Вяземскаго, Полевого и другихъ писателей.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

I.

Главное правленіе училищъ.— Составъ его.— Министры народнаго просвѣщенія при Александрѣ I.— Члены главнаго правленія училищъ: Муравьевъ, Чарторижскій, Потоцкій и другіе.— Члены-спеціалисты.— Важнѣйшія занятія главнаго правленія училищъ.

Начало девятнадцатаго вѣка ознаменовано для Россіи рядомъ событій, имѣвшихъ благотворное вліяніе на умственную жизнь русскаго общества. Самымъ яркимъ признакомъ новаго и лучшаго времени служатъ тѣ дѣятельныя мѣры для народнаго образованія, которыми началось царствованіе императора Александра I и плоды которыхъ все сильнѣе и сильнѣе обнаруживаются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Во времена Александра I довершено дѣло, начатое Петромъ Великимъ. Петръ Великій ввелъ къ намъ европейскую науку и далъ ей пріютъ на окраинѣ обширнаго государства въ новосозданной академіи наукъ. При преемникахъ Петра наука перенесена въ самое сердце Россіи: учрежденъ университетъ въ Москвѣ и открыты народныя училища въ различныхъ мѣстностяхъ. Но мѣры для заведенія училищъ не обѣщали продолжительнаго и прочнаго успѣха, пока не было разсадниковъ, откудо бы могли выходить дѣятели съ запасомъ силъ и знаній, съ готовностью и умѣньемъ послужить дѣлу народнаго образованія во всѣхъ краяхъ нашего отечества. Учрежденіе университетовъ открыло путь для развитія народной образованности и дало вѣрный залогъ для ея безостановочнаго движенія. При Александрѣ I, университеты открыты въ Харьковѣ и Казани, преобразованы—въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ; данъ новый уставъ академіи наукъ и

духовнымъ академіямъ и училищамъ; открыто нѣсколько лицеевъ; организована цѣлая система учебныхъ заведеній — отъ университетовъ до приходскихъ школъ.

Стремленіе къ открытію новыхъ источниковъ образованія не было простою случайностію, а вытекало изъ основнаго взгляда, господствовавшаго въ правительственныхъ сферахъ нашихъ въ началѣ XIX вѣка. Воспитанный при Екатеринѣ II и проникнутый идеями лучшей поры ея дѣятельности, императоръ Александръ I понималъ и чувствовалъ необходимость водворенія европейской цивилизаціи въ европейскомъ народѣ, какъ выразилась Екатерина въ своемъ наказѣ. Внутренняя связь стремленій новаго, александровскаго времени съ тѣми началами, которыя господствовали при Екатеринѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Еще при жизни ея общая молва называла великаго князя Александра истиннымъ ея преемникомъ, т. е. продолжателемъ ея дѣлъ и исполнителемъ задуманныхъ ею преобразованій.

Дѣятельность Екатерины явилась въ новомъ свѣтѣ вслѣдствіе измѣненій, обнаружившихся немедленно послѣ ея кончины. Сравнивая настоящее съ недавнимъ прошедшимъ, не могли не замѣтить различія, сознаніе котораго выразилось какъ въ литературѣ, такъ и въ актахъ оффиціальныхъ. Передовые люди временъ Екатерины защищали свободу слова; литературѣ указана была благородная и независимая роль, образующая изъ нея общественную силу; писатели, восхваляя свободу и законность, видѣли водвореніе и той и другой въ современную эпоху, когда

> Суды воюютъ съ преступленьемъ,
> Но со страстьми и заблужденьемъ
> *Одни писатели* въ войнѣ [1]).

Панегиристы послѣдующей эпохи, утверждая, что въ царствованіе Павла I все приняло новую силу, такими красками изображаютъ это обновленіе: «мудрую прозорливость свою императоръ Павелъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣянію наукъ чрезъ учрежденіе строгой и бдящей цензуры книжной. Познанія и такъ называемое просвѣщеніе часто употреблено во зло чрезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и чрезъ обманчивые призраки мнимаго счастія. Европейскія правительства, спо-

койно взиравшія на сей развратъ, возъимѣли наконецъ правильную причину сожалѣть о своемъ равнодушіи: возвратились въ Европу мрачныя времена лютѣйшаго варварства. Сколь счастливою почитать себя должна Россія потому, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія» [2]). Къ числу подобныхъ ограниченій принадлежитъ слѣдующій указъ: «такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку» [3]).

Чрезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ императора Александра обнародованъ былъ указъ, въ которомъ сказано: «желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи распечатать, дозволяя какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства» [4]). Благодѣтельное дѣйствіе этого указа на оживленную литературу и на мыслящее общество оцѣнено современниками эпохи, которую можно бы назвать эпохою возрожденія въ исторіи внутренней жизни Россіи, какъ напримѣръ Шторхомъ, трудъ котораго служитъ однимъ изъ самыхъ важныхъ пособій при изученіи вѣка Александра I [5]). Современники говорятъ, что съ воцареніемъ Александра всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе. Много литераторовъ—говоритъ Вигель—существовало непримѣтнымъ образомъ, скрывалось по деревнямъ, какъ бы ожидая «назначеннаго часа: онъ пробилъ 12-го марта. Я былъ тогда въ Москвѣ, и помню этотъ часъ: откуда что взялось? какъ будто изъ земли выросло. Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ, хотя и не съ равнымъ искусствомъ, пустилось привѣтствовать и славословить Александра, все кинулось, кто къ трубамъ и лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другія, все загремѣло, запѣло,

запищало. Однимъ одамъ счету не было. Старый Херасковъ и студентъ Мерзляковъ удачнѣе всѣхъ воспѣли пришествіе молодаго царя» [6]). Литература снова заговорила языкомъ временъ Екатерины. Въ совершающихся событіяхъ Державинъ видѣлъ воскресеніе Екатерины, ея ума и духа, и привѣтствовалъ новый вѣкъ воззваніемъ:

Взявъ лиру, *прахъ съ нея стряси*,
И сердцемъ радостнымъ, *свободнымъ*
Вѣщай.... [7]).

Слова манифеста 12-го марта 1801 года, выражая взглядъ правительства, были въ то же время голосомъ общественнаго мнѣнія. Прежніе манифесты ограничивались оффиціальнымъ объявленіемъ о кончинѣ государя и о вступленіи на престолъ его преемника, за исключеніемъ манифеста Петра III, объявившаго, что онъ поставляетъ правиломъ подражать въ милосердіи Елисаветѣ Петровнѣ и въ мудрости Петру Великому. Печальный опытъ показалъ, что желаніе Петра III идти по слѣдамъ его геніальнаго соименника было хотя и доброю, но недостижимою цѣлью. Напротивъ того, внимательное разсмотрѣніе хода событій и правительственныхъ дѣйствій удостовѣряетъ, до какой степени правдивы, умѣстны и многозначительны слова императора Александра: «воспріемля престолъ, воспріемлемъ и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ *по законамъ и по сердцу* августѣйшей бабки нашей, императрицы Екатерины Великой» [8]).

Памятникомъ свѣтлой стороны временъ Екатерины остались мысли о просвѣщеніи, проводимыя въ общество, и мѣры, принимаемыя для народнаго образованія. Самымъ надежнымъ средствомъ сдѣлать людей лучшими и предупредить преступленія Наказъ почитаетъ развитіе просвѣщенія между людьми и усовершенствованіе воспитанія. Видѣвшій въ Наказѣ собраніе истинъ, проливающихъ свѣтъ на вопросы государственной жизни [9]), Александръ I былъ одушевленъ мыслію распространять просвѣщеніе, которое считалъ главнымъ и естественнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія.

Могущественнымъ органомъ правительства для распространенія знаній въ Россіи является министерство народнаго просвѣщенія, учрежденное въ 1802 году вмѣстѣ съ семью

другими министерствами: военныхъ сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и коммерціи. Новое вѣдомство названо министерствомъ *народнаго* просвѣщенія, по предложенію Мартынова, на томъ основаніи, что назначеніе вѣдомства — заботиться о просвѣщеніи въ цѣломъ государствѣ [10]). Глава новаго министерства названъ *министромъ народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ*, и непосредственному вѣдѣнію его поручены: главное управленіе училищъ, академія наукъ, россійская академія, университеты и всѣ другія училища, типографіи, цензуры, изданіе періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, музеи и всякія учрежденія для распространенія наукъ [11]).

Обязанности, возложенныя на главу министерства, требовали совокупныхъ усилій и содѣйствія лицъ, хорошо знакомыхъ съ сущностью дѣла и способныхъ повести его по указанному пути. Естественнымъ союзникомъ новаго министерства является коммиссія, учрежденная съ подобною ему цѣлью при Екатеринѣ. Коммиссія, существовавшая съ 1782 г., заботилась о заведеніи училищъ, объ изданіи руководствъ, о приготовленіи учителей и о «содержаніи единообразія въ книгахъ и учебномъ способѣ, чтобъ не воспослѣдовало ни въ учителяхъ, ни въ книгахъ какого разврата ко вреду общей пользы» [12]). Съ самаго образованія своего коммиссія состояла подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго. Съ учрежденіемъ министерствъ усиленъ личный составъ коммиссіи, и ввѣрено ей высшее управленіе всѣми учебными заведеніями Имперіи, которыя она обязана была раздѣлить по полосамъ или провинціямъ, т. е. по учебнымъ округамъ. Главною цѣлью коммиссіи поставлено *учрежденіе университетовъ*, какъ центральныхъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ округѣ. Общій планъ устройства учебной части въ Имперіи, выработанный коммиссіею, утвержденъ 24-го января 1803 года подъ именемъ «предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія». Въ правилахъ всѣ училища раздѣлены на четыре рода: училища приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты; главное управленіе ввѣрено министру и коммиссіи училищъ, получившей, со времени утвержденія предварительныхъ правилъ, оффиціальное названіе *главнаго*

училищъ правленія. Въ правилахъ сказано: народное просвѣщеніе въ Россійской Имперіи составляетъ особую государственную часть, ввѣренную министру и подъ его вѣдѣніемъ распоряжаемую *главнымъ училищъ правленіемъ*. Вмѣстѣ съ правилами народнаго просвѣщенія утверждено раздѣленіе Имперіи на округи, и нѣкоторые изъ членовъ главнаго правленія училищъ назначены попечителями учебныхъ округовъ [13]). Образованіе главнаго правленія училищъ, учрежденія коллегіальнаго, или, точнѣе сказать, обновленіе въ немъ прежней коммиссіи училищъ, будучи слѣдствіемъ необходимости, вполнѣ согласно съ образомъ мыслей Завадовскаго, утверждавшаго, что въ законодательныхъ мѣрахъ должно, не обгоняя времени, постепенно и непримѣтно улучшать прежнія учрежденія, отнюдь не истребляя ихъ безъ важной и основательной причины [14]).

Составъ главнаго правленія училищъ подвергался измѣненіямъ подъ бо̀льшимъ или меньшимъ вліяніемъ главы министерства. Выборъ членовъ главнаго правленія училищъ находился въ связи съ перемѣнами, происходившими въ высшихъ административныхъ сферахъ и въ направленіи государственной дѣятельности вообще [15]).

Первое время существованія главнаго правленія училищъ было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ юности государя, отдавшагося со всѣмъ жаромъ своимъ либеральнымъ стремленіямъ. По свидѣтельству ближайшаго сотрудника Александра I, Чарторижскаго, молодой государь любилъ свободу и казался ниспосланнымъ для счастія человѣчества: его искренность, его прямота, самая легкость, съ которою онъ увлекался прекрасными мечтами, дѣйствовали неотразимо, и хотя онъ измѣнился впослѣдствіи, но до конца дней сохранилъ нѣкоторую долю духовнаго богатства своей юности [16]). Создавая новую отрасль государственнаго управленія, призваніемъ которой было народное просвѣщеніе, Александръ рѣшился слѣдить за его ростомъ и колыбель его окружилъ своими избранниками съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ уму и необходимой для новаго дѣла энергіи. Выборъ его палъ съ одной стороны на лица, прославившіяся во времена Екатерины, съ другой—на друзей его юности, отчасти указанныхъ ему также Екатериною; въ числѣ и тѣхъ и другихъ были люди, испытавшіе

невзгоду по кончинѣ императрицы и снова призванные ко двору государемъ, изъявившимъ желаніе дѣйствовать не только по законамъ, но и по сердцу Екатерины. Не всѣ изъ призванныхъ выступили на поприще и пріобрѣли вліяніе въ одно и то же время: появленіе ихъ зависѣло отъ ихъ личныхъ особенностей и всего болѣе отъ духа времени, который, по выраженію Гёте, есть духъ сильныхъ земли.

Во главѣ министерства просвѣщенія стоялъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Россіи восьмнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія. Сынъ казака, Завадовскій родился въ 1738 году въ деревнѣ Красновичахъ Стародубскаго повѣта Черниговской губерніи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ домѣ дѣда своего, малороссійскаго подкоморія, Михайла Ширая; для продолженія наукъ Ширай отдалъ внука своего въ іезуитское училище въ Оршѣ, откуда Завадовскій перешелъ въ Кіевскую духовную академію, довершившую образованіе будущаго министра. Среда, въ которой протекло дѣтство и первые года юности Завадовскаго, оставила въ немъ неизгладимое впечатлѣніе: любовь къ родинѣ не покидала его во всю жизнь, онъ оказывалъ теплое участіе землякамъ, охотно припоминалъ свои старыя знакомства и не гнушался родствомъ и дружбою украинскихъ хуторянъ. Чувство родины освѣжилось въ немъ пребываніемъ въ Малороссіи во время удаленія отъ государственныхъ дѣлъ. Въ іезуитской школѣ научился онъ польскому языку, знаніе котораго содѣйствовало близости его съ польскими магнатами, успѣвшими пріобрѣсти сильное вліяніе во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ государства. Кіевская академія, въ которой господствовала латынь, окончательно развила въ молодомъ Завадовскомъ любовь къ римскимъ писателямъ, чтеніе которыхъ осталось на всю жизнь любимымъ его занятіемъ въ часы досуга. Онъ любилъ красить рѣчь свою латинскими поговорками и цитатами изъ древнихъ писателей, а близкое знакомство съ ихъ выработаннымъ, классическимъ языкомъ не осталось безъ вліянія на его русскій слогъ, который почитается образцомъ дѣловаго слога. По окончаніи курса въ Кіевской академіи Завадовскій опредѣлился въ малороссійскую коллегію въ Глу-

ховѣ и былъ тамъ повытчикомъ по дѣламъ Кіевскаго округа. Когда фельдмаршалъ Румянцевъ-Задунайскій вступилъ въ управленіе Малороссіей, онъ взялъ къ себѣ Завадовскаго, какъ одного изъ лучшихъ дѣльцовъ подвѣдомой ему коллегіи. Удостовѣрившись въ блестящихъ способностяхъ Завадовскаго, фельдмаршалъ ввѣрилъ ему свою тайную канцелярію: безотлучное пребываніе при знаменитомъ полководцѣ и государственномъ человѣкѣ послужило для даровитаго украинца превосходною школою, приготовившею его къ обширной государственной дѣятельности. Екатерина II обратила вниманіе на донесенія Румянцева, составляемыя правителемъ его канцеляріи, и авторъ ихъ былъ представленъ ко двору. По заключеніи мира съ Турціей, Завадовскому повелѣно быть при императрицѣ «у принятія челобитенъ и для прочихъ дѣлъ», и въ немъ видѣли даже соперника Потемкина, съ тайнымъ удовольствіемъ ожидая, что новый и достойный любимецъ замѣнитъ всемогущаго временщика. Завадовскій пожалованъ былъ сенаторомъ, главнымъ директоромъ банковъ, графомъ римской имперіи; ему поручаемо было составленіе важнѣйшихъ государственныхъ актовъ; имъ составлено знаменитое учрежденіе о губерніяхъ, уставы заемнаго и ассигнаціоннаго банковъ и многіе другіе. Возвышеніе Завадовскаго, сила и вліяніе его возбудили неудовольствіе въ нѣкоторыхъ изъ его современниковъ. Голосъ партіи недовольныхъ слышится въ стихахъ Державина, смѣявшагося надъ вычурнымъ слогомъ выскочки-вельможи, замѣнившаго свой украинскій чубъ моднымъ французскимъ локономъ. Придумывая новыя и неуклюжія слова въ видѣ пародіи на слогъ учрежденія о губерніяхъ, Державинъ бросаетъ въ Завадовскаго слѣдующія строки въ одѣ своей на счастіе:

Жить буду въ теремѣ богатомъ,
Возвышусь въ чинъ, и знатнымъ бракомъ
Горацію въ родню причтусь;
Перомъ моимъ славно-школярнымъ
Разсудка выше вознесусь,
И, ставъ тебѣ неблагодарнымъ,
«Беатусъ братъ мой, на волахъ
«Собою самъ поля орющій
«Или стада свои пасущій»—
Я буду восклицать въ пирахъ [17]).

Юмористическія выходки Державина много теряютъ отъ ихъ личнаго мотива, на который указываетъ самъ авторъ, говоря о неудовольствіяхъ своихъ съ Завадовскимъ. Вопреки нападкамъ недовольныхъ, все, что выходило изъ-подъ пера Завадовскаго, цѣнилось просвѣщеннѣйшими людьми особенно потому, что, вмѣсто обычнаго заимствованія изъ иностранныхъ источниковъ, представляло дѣйствительное знаніе Россіи и вѣрное пониманіе ея потребностей, силъ и средствъ.

Императоръ Павелъ также благоволилъ къ Завадовскому и возвелъ его въ графы россійской имперіи, но впослѣдствіи удалилъ его отъ службы за неисправности въ банкѣ, ввѣренномъ его управленію. Въ указѣ 8-го ноября 1799 г. говорится: по случаю похищенія, случившагося въ ассигнаціонномъ банкѣ, секретаремъ Матвѣевымъ и архиваріусомъ Неѣловымъ, повелѣваемъ тотчасъ всѣхъ директоровъ онаго банка, подъ отчетомъ коихъ казна состоитъ, отъ должности отрѣшить, а такъ какъ подъ начальствомъ графа Завадовскаго подобныя упущенія случаются уже въ третій разъ, то онъ отставляется отъ службы.

Въ самый день восшествія на престолъ императоръ Александръ послалъ Завадовскому призывъ возвратиться къ прерванной государственной дѣятельности и ввѣрилъ ему коммиссію о составленіи законовъ, а вскорѣ затѣмъ и министерство народнаго просвѣщенія. Назначивъ Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія, государь сдѣлалъ самый счастливый выборъ. Изъ всѣхъ служебныхъ обязанностей ни одна не была такъ близка душѣ Завадовскаго, вполнѣ соотвѣтствуя его призванію, какъ управленіе коммиссіею училищъ и министерствомъ просвѣщенія. Памятникомъ заслугъ Завадовскаго въ дѣлѣ народнаго образованія служитъ послѣдовательный рядъ зрѣло обдуманныхъ и благотворныхъ для народной жизни дѣйствій училищной коммиссіи и главнаго правленія училищъ. Время управленія министерствомъ Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. По оставленіи должности министра, Завадовскій назначенъ былъ предсѣдателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ, и дѣятельно трудился на знакомомъ ему поприщѣ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1812 году. Устроенное имъ

вѣдомство свято хранило память перваго своего министра, и кончина его вызвала въ университетскихъ и училищныхъ корпораціяхъ общее и непритворное сожалѣніе.

На торжественномъ актѣ Виленскаго университета извѣстный польскій ученый Снядецкій читалъ составленный имъ очеркъ жизни перваго въ Россіи министра народнаго просвѣщенія [18]). Этотъ очеркъ остается доселѣ почти единственнымъ источникомъ для біографіи Завадовскаго. Опытъ ея представленъ Мартыновымъ, хорошо знавшимъ покойнаго и долго служившимъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ; авторъ сообщаетъ частью данныя, извлеченныя изъ оффиціальныхъ источниковъ, частью свои личныя воспоминанія, къ сожалѣнію весьма краткія. Свѣдѣнія, относящіяся ко времени до назначенія Завадовскаго министромъ, Мартыновъ заимствовалъ преимущественно у Снядецкаго [19]). Нѣсколько чертъ для біографіи Завадовскаго разсѣяно въ запискахъ современниковъ, какъ, напримѣръ, въ рукописной біографіи Потемкина, недопущенной къ печати самимъ Завадовскимъ. Онъ пишетъ предсѣдателю С.-Петербургскаго цензурнаго комитета: «не хотѣвъ занять главное училищъ правленіе лишнимъ трудомъ, я самъ прочелъ доставленную ко мнѣ рукопись подъ заглавіемъ: Жизнь, характеръ, военныя и политическія дѣянія россійскаго генералъ - фельдмаршала князя Г. А. Потемкина - Таврическаго. Я помню дѣла того времени, и обращался въ нихъ. Князь Потемкинъ былъ дѣйствующее орудіе на знаменитыя происшествія, а сочинитель, повидимому, не знавъ близко ни характера, ни его дарованій, изъ своего воображенія кидаетъ злорѣчіе на лицо усопшаго и столь знаменитаго мужа. И сего единаго было бы довольно, чтобы не дозволять печатать таковое сочиненіе; но какъ еще въ ономъ неприлично разсѣяны неуважительныя выраженія въ отношеніи къ самой императрицѣ Екатеринѣ II, то предпишите комитету сію рукопись удержать» [20]).

Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія былъ извѣстный писатель Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, первый попечитель Московскаго университета, бывшій наставникъ государя въ русскомъ языкѣ, словесности и нравственности. Воспоминаніе о Муравьевѣ неразрывно связано съ мыслію о появленіи историческаго труда Карамзина: Муравьевъ оцѣ-

нилъ всю важность ученаго предпріятія Карамзина и своимъ вліяніемъ сдѣлалъ для него доступнымъ тѣ драгоцѣнные матеріалы, изъ которыхъ создалась исторія государства россійскаго. Воспитывая, вмѣстѣ съ Лагарпомъ, великаго князя Александра, будущаго императора, Муравьевъ говорилъ своему питомцу о свободѣ и просвѣщеніи, какъ главныхъ основаніяхъ, на которыхъ зиждется благосостояніе народовъ. Разсуждая о пользѣ и трудностяхъ государственнаго знанія, Муравьевъ говоритъ: «Ежели мудрость дана человѣку, такъ она должна представляться видимымъ образомъ въ наукѣ правленія. Вотъ для чего Маркъ-Аврелій долженъ быть предпочтенъ Сократу. Быть одушевлену любовью къ человѣчеству, посвятить пользѣ его и сохраненію употребленіе власти — таково, кажется, было обѣщаніе, которое положилъ въ сердцѣ своемъ сей вѣнчанный стоикъ. При немъ Римъ не сожалѣлъ о потерѣ вольности: подъ властью императора онъ наслаждался ею въ совершенной тишинѣ и безопасности. Рабы Тиверіевы не могли найти доступа къ Марку-Аврелію: ему не было нужды въ подлости. Но чтобъ сдѣлать постояннымъ и продолжительнымъ счастіе народовъ, почтеніе законовъ должно быть начертано въ глубинѣ сердецъ. Воспитаніе заблаговременно должно образовать нѣжные нравы юношества». Муравьевъ высказываетъ достойное писателя и ученаго убѣжденіе, что свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности. Этою свободою объясняетъ онъ умственное превосходство протестантской Германіи въ сравненіи съ католическою, несмотря на единство народности. «Въ различныхъ областяхъ одного народа — говоритъ онъ — примѣчаютъ великое противоположеніе въ общежитіи и поведеніи людей, по мѣрѣ, какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется. Между тѣмъ какъ въ католическихъ областяхъ нѣмецкой земли понятія народныя омрачены грубостью суевѣрія и невѣжества, протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія. Въ сихъ послѣднихъ родились великіе писатели, которые возвысили нѣмецкій языкъ до соперничества съ французскимъ и англійскимъ. Австрія и Баварія не могутъ ничего противо-

положить славнымъ именамъ Лессинга, Виланда и Клопштока».

Въ исторіи нашей образованности Муравьевъ представляетъ рѣдкое явленіе по своей любви къ древней филологіи. Но, при всей страсти своей къ древнему міру, онъ чуждъ былъ исключительности, вредной преимущественно въ тѣхъ лицахъ, отъ которыхъ зависитъ направленіе учебной дѣятельности. Онъ признавалъ важное значеніе математики, естествознанія и наукъ историческихъ. Отъ исторіи онъ требовалъ не одного только изложенія внѣшнихъ событій, а пониманія внутренней жизни народа. Взглядъ его на задачу исторіи тѣмъ замѣчательнѣе, что немногіе изъ его современниковъ, при разсмотрѣніи историческихъ данныхъ, обращали вниманіе, подобно Вольтеру, на внутреннюю жизнь, на нравы и обычаи народа. «Въ шествіи исторіи—писалъ Муравьевъ—не должно останавливаться надъ происшествіями безплодными и уединенными, надъ сею утомляющею картиною брани и сраженій, давно позабытыхъ съ маловажными причинами, ихъ внушившими. Тѣ только происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Особливо достойны вниманія наблюдателя нравы, владычествующій образъ мыслей, успѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе. Изображеніе ихъ должно быть почерпнуто въ происшествіяхъ. Такимъ образомъ исторія какого-либо народа есть лучшее истолкованіе умоначертанія его [21])».

Непродолжительное управленіе Муравьева Московскимъ университетомъ и округомъ, съ 1803 по 1807 годъ, ознаменовано преобразованіемъ университета и устройствомъ его округа, приглашеніемъ многихъ профессоровъ на вакантныя каѳедры и открытіемъ ученыхъ обществъ при университетѣ. Вступивъ въ дѣятельныя сношенія съ иностранными учеными, Муравьевъ вызвалъ для Московскаго университета нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ изъ-за границы и расположилъ ихъ соотечественниковъ охотно принимать приглашенія, получаемыя отъ другихъ русскихъ университетовъ. Имя Муравьева, осыпаемаго восторженными хвалами, сла-

вилось за границей, какъ имя поборника просвѣщенія, уполномоченнаго правительствомъ призвать въ Россію живыя силы европейскаго ученаго міра. Иностранная пресса пророчила Московскому университету блестящую будущность, полагая, что онъ не только можетъ превзойти университеты другихъ странъ Европы, но и въ самой Германіи немногіе университеты будутъ въ состояніи выдержать съ нимъ соперничество,—и честь такого славнаго дѣла приписывала Муравьеву, имя котораго должно сохраниться незабвеннымъ въ лѣтописяхъ русскихъ университетовъ [22]). Вызывая иностранцевъ, Муравьевъ имѣлъ въ виду при помощи ихъ образовать поколѣніе русскихъ ученыхъ. Онъ съ постояннымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами русскихъ, занимавшихъ каѳедры или готовившихся къ профессорскому званію, бесѣдовалъ и переписывался съ ними, содѣйствовалъ ихъ ученымъ работамъ, предпріятіямъ и путешествіямъ [23]). Благодаря Муравьеву и по мысли его, учреждено при университетѣ нѣсколько ученыхъ обществъ и въ числѣ ихъ знаменитое общество исторіи и древностей русскихъ, имѣвшее такое полезное вліяніе на движеніе научной дѣятельности въ Россіи, на разработку отечественной исторіи. Московскій университетъ въ память своего возрожденія при первомъ попечителѣ положилъ выбить медаль съ изображеніемъ Шувалова, Завадовскаго и Муравьева.

Обозрѣніе дѣятельности Муравьева, какъ попечителя Московскаго университета и округа, представлено профессоромъ Шевыревымъ въ его исторіи Московскаго университета [24]).

Вмѣстѣ съ Муравьевымъ и Завадовскимъ призваны были къ трудамъ по устройству народнаго просвѣщенія, въ качествѣ членовъ главнаго правленія училищъ, и люди другаго поколѣнія, ближайшіе друзья государя—Строгановъ, Новосильцовъ, Чарторижскій. Они составляли избранный кружокъ Александра, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, и въ этомъ кружкѣ предоставлялось каждому право высказывать свои мысли съ полною откровенностью. Великій князь ставилъ друзьямъ своимъ въ образецъ нравы англійскаго парламента, члены котораго высказываютъ въ жару преній вещи самыя рѣзкія, но это нисколько не мѣ-

шаетъ имъ по выходѣ изъ парламента оставаться лучшими въ мірѣ друзьями. Избранники Александра образовали комитетъ, не имѣвшій оффиціальнаго существованія, но съ огромнымъ вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ. Членами комитета были: самъ великій князь, Новосильцовъ, Строгановъ, Кочубей, Чарторижскій. Въ засѣданіяхъ комитета, извѣстныхъ весьма немногимъ, рѣчь шла о предметахъ весьма разнообразныхъ, отъ политическихъ и административныхъ тайнъ до вопросовъ литературныхъ. Членами комитета положено было издать на русскомъ языкѣ нѣсколько иностранныхъ писателей по части политической экономіи; по порученію ихъ переведены: Стюарта Recherches sur l'économie politique, также Bibliothèque de l'homme publique par Condorcet и Economie politique par Verri. Въ письмахъ къ своему воспитателю, Лагарпу, Александръ говоритъ о своихъ планахъ для распространенія знаній въ Россіи и называетъ своими сотрудниками въ этомъ дѣлѣ: Новосильцова, Строганова и Чарторижскаго [25]). Назначеніе членовъ комитета членами главнаго правленія училищъ показываетъ взглядъ правительства на новую отрасль государственнаго управленія; министерство народнаго просвѣщенія составлено было изъ лицъ самыхъ близкихъ къ государю, пользовавшихся его наибольшимъ довѣріемъ, расположеніемъ и дружбою. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ главнаго правленія училищъ былъ Чарторижскій.

Князь Адамъ Адамовичъ Чарторижскій (род. 1770, ум. 1861 г.) происходилъ изъ знатнаго польскаго рода, предъявлявшаго нѣкогда права свои на польскій престолъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Петербургѣ оказано предпочтеніе роду Понятовскихъ, Чарторижскіе изъ сторонниковъ Россіи перешли въ лагерь ея враговъ. Адамъ Чарторижскій сражался противъ Россіи, и послѣ побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками, присланъ былъ, по ходатайству Репнина, заложникомъ въ Петербургъ и назначенъ состоять при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ. Императоръ Павелъ отправилъ Чарторижскаго посланникомъ къ сардинскому королю, лишенному королевства и проживавшему въ Римѣ. Вступивъ на престолъ, Александръ I вызвалъ сардинскаго посланника изъ его бездѣйствія и ввѣрилъ ему двѣ важныя обязанности:

товарища министра иностранныхъ дѣлъ и попечителя Виленскаго учебнаго округа. Получивъ образованіе въ Эдинбургскомъ университетѣ и живя въ Лондонѣ, Чарторижскій полюбилъ Англію, и сочувствіе къ ея учрежденіямъ было однимъ изъ поводовъ къ сближенію его съ Новосильцовымъ и Строгановымъ. Изучая парламентскіе нравы Англіи, Чарторижскій выполнялъ завѣтъ своего отца, который писалъ ему въ Англію: «главная цѣль твоя должна состоять въ собраніи матеріаловъ, которые ты употребишь въ дѣло, когда придетъ часъ исполнить долгъ, лежащій на каждомъ изъ насъ въ отношеніи къ отечеству». Дѣятельность Чарторижскаго, какъ дипломата и какъ попечителя, подвергалась и подвергается суду и осужденію со стороны противоположныхъ партій, въ Россіи и за границей. Въ его вліяніи на ходъ дипломатическихъ сношеній русскіе и иностранцы видѣли умышленный разсчетъ унизить Россію и поставить ее въ безвыходное положеніе; миролюбивую политику его объяснили желаніемъ удержать Россію отъ войны, пока Польша не приготовится къ ней, т. е. пока ея внутреннее устройство не дастъ ей возможности отложиться отъ Россіи. Люди самые умѣренные обвиняли русскую политику, бывшую въ рукахъ Чарторижскаго, въ совершенномъ равнодушіи къ Россіи, къ ея достоинству и выгодамъ. Какъ дипломатъ, Чарторижскій постоянно находился между двухъ огней. Русскаго государя онъ любилъ, какъ друга своей юности, и довѣрялъ ему, будучи свидѣтелемъ юношескихъ вліяній его задушевныхъ думъ и помысловъ. Наполеону онъ не вѣрилъ слѣпо, разглядывая истинныя цѣли завоевателя, желавшаго, какъ онъ выразился самъ, образовать изъ Польши отнюдь не форумъ, а военный лагерь, боевой отрядъ подвластныхъ Франціи легіоновъ. Но Наполеоновскими побѣдами увлекались многіе изъ близкихъ сердцу Чарторижскаго, и у него является два языка: однимъ онъ говоритъ съ своими русскими друзьями, другимъ — съ польскими. Ревностные поклонники системы Чарторижскаго говорятъ, что выходъ его изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и вступленіе въ должность попечителя было только измѣненіемъ костюма, но отнюдь не перемѣною знамени: напротивъ, попечительство дало ему болѣе средствъ для проведенія своей завѣтной идеи. Послѣдующая судьба

Чарторижскаго, роль его въ средѣ польской эмиграціи, дала поводъ къ разнаго рода напраслинамъ, взводимымъ на него его восторженными панегиристами. Одинъ изъ нихъ простеръ свое усердіе до того, что утверждалъ, что вся энергія Чарторижскаго направлена была исключительно на водвореніе въ Польшѣ нравственнаго воспитанія въ чистѣйшемъ католическомъ духѣ и противодѣйствіе нравственной порчѣ и атеизму восемнадцатаго вѣка.

Чтобы сохранить полное безпристрастіе, мы ограничимся достовѣрнѣйшими источниками, относящимися къ дѣйствіямъ по учебному вѣдомству и говорящими сами за себя, каковы, напримѣръ, мысли и планы Чарторижскаго, перешедшіе въ дѣло и получившіе силу закона на всемъ пространствѣ Виленскаго учебнаго округа, и т. п.

Чарторижскій самъ говоритъ, что главною его заботою было дать общее направленіе округу, а въ подробности училищнаго устройства и быта онъ не могъ входить, будучи занятъ другими важными обязанностями и уѣзжая надолго въ Петербургъ, Варшаву и за границу. Изрѣдка посѣщая Виленскій университетъ и училища его округа, Чарторижскій дѣлалъ распоряженія, показывающія просвѣщенный взглядъ его на подробности современнаго образованія. Онъ находилъ необходимымъ, чтобы въ университетѣ была читана *исторія* каждой *науки* независимо отъ изложенія самой науки въ ея полномъ объемѣ. Ходатайствовалъ объ учрежденіи особой каѳедры для римскаго права, какъ для предмета существенно важнаго въ области законовѣдѣнія. При отдѣленіи словесности и свободныхъ художествъ предполагалъ открыть школы: зодчества, ваянія, живописи и гравированія; отъ послѣдней ожидалъ немедленной пользы посредствомъ изготовленія прописей, рисовальныхъ азбукъ и географическихъ картъ для разсылки по училищамъ. Настаивалъ на томъ, чтобы профессора отдавали въ печать свои лекціи. Чарторижскій весьма усердно содѣйствовалъ путешествіямъ съ ученою цѣлью, поставляя правило посылать за границу лицо, предназначаемое для занятія университетской каѳедры. Особенно цѣнилъ онъ пребываніе въ Англіи, приписывая ей благодѣтельное дѣйствіе на любознательные умы, изглаживающее невыгодное вліяніе германизма. Для водворенія

дисциплины между студентами, онъ предписалъ носить имъ форменную одежду, запретилъ имъ посѣщать театры и другія публичныя собранія, требовалъ отъ университета внимательнаго надзора за молодежью, строго запрещалъ всякаго рода тайныя общества и т. п. Существеннымъ условіемъ успѣшнаго хода просвѣщенія Чарторижскій признавалъ однообразную систему народнаго воспитанія, правильное устройство училищъ съ ихъ раздѣленіями и подраздѣленіями и опредѣленную связь между ними, какъ между частями одного стройнаго цѣлаго. По его понятію и выраженію, главный предметъ училищнаго начальства состоитъ въ томъ, чтобы всѣ учебныя заведенія «сблизить и съединообразить въ преподаваніи наукъ». Какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера — говоритъ Чарторижскій — такъ явился Кременецкій лицей изъ головы Чацкаго: «ежели въ учебныхъ заведеніяхъ не будетъ постепенности, если въ школахъ низшихъ будутъ учить тому же, что въ гимназіяхъ, а въ гимназіяхъ тому же, что въ академіяхъ, то произойдетъ хаосъ и въ головахъ и въ іерархіи»[26]). Полнымъ выраженіемъ идей Чарторижскаго, какъ организатора учебнаго вѣдомства, служитъ составленный имъ планъ устройства учебныхъ заведеній въ Россійской Имперіи, вошедшій въ число важнѣйшихъ матеріаловъ, которыми руководствовалось главное правленіе училищъ при образованіи системы общественнаго воспитанія.

Какъ бы ни были почтенны заслуги Чарторижскаго, справедливость требуетъ указать тѣ стороны, которыя порицаются въ его системѣ людьми различныхъ политическихъ оттѣнковъ, отъ сторонниковъ государственной точки зрѣнія до горячихъ приверженцевъ демократическаго начала, защитниковъ свободы и равноправности народностей.

Сущность дѣла со всѣми печальными его слѣдствіями заключается въ томъ, что народное образованіе было для Чарторижскаго не цѣлью, а средствомъ. Сторонники всѣхъ партій, друзья и недруги Чарторижскаго и его системы сходятся въ мысли, что постоянною и главною его цѣлью во все время управленія Виленскимъ округомъ была *полонизація* края, безъ которой, по его мнѣнію, невозможно существованіе польскаго государства. Предѣлы этого государ-

ства широко раскидывались въ планахъ Чарторижскаго, обнимая не только Польшу, но и Бѣлоруссію и Литву и огромную часть Малороссіи, не смотря на то, что въ минуту, самую благопріятную для выполненія программы, было категорически заявлено, что о Бѣлоруссіи не можетъ быть и рѣчи и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію отказаться отъ правъ своихъ на Литву, Волынь и Подолію. Самъ Чарторижскій говоритъ, что вступилъ въ русскую службу съ цѣлью принести пользу Польшѣ, и въ числѣ важнѣйшихъ доказательствъ принесенной имъ дѣйствительной пользы называетъ введеніе польскаго воспитанія въ русскихъ областяхъ, подпадавшихъ польскому владычеству и возвращенныхъ Россіею [27]). Самымъ вѣрнымъ средствомъ для выполненія политической программы Чарторижскаго служила однообразная система воспитанія и введеніе въ школы польскаго языка. Въ уставахъ училищъ Виленскаго округа, обнимавшаго восемь губерній и въ томъ числѣ даже *Кіевскую*, польскій языкъ стоялъ на первомъ планѣ: учитель польской грамматики считался старшимъ учителемъ, которыхъ было шесть въ гимназіи, а учитель русскаго языка — младшимъ, наравнѣ съ учителемъ иностранныхъ языковъ и рисованія. То же и въ уѣздныхъ училищахъ[28]). Въ уставахъ употреблялось слово «словесность» безъ обозначенія какая, и когда главное правленіе училищъ потребовало объясненія, оказалось, что не только вмѣсто русской словесности преподается польская, но и всѣ предметы излагаются по-польски, даже въ тѣхъ училищахъ, гдѣ, по оффиціальнымъ актамъ, употреблялся русскій языкъ, сообразно съ уставомъ. Въ полонизаціи принимало дѣятельное участіе католическое духовенство. По изгнаніи іезуитовъ, приступили къ дѣлежу ихъ достоянія, и порѣшили: высшее училище въ Полоцкѣ отдать монахамъ піарскаго ордена, Оршанское училище и пансіонъ—доминиканамъ; Мстиславское училище и пансіонъ—базиліанамъ, а Могилевское — бѣлому духовенству. Могилевскій маршалъ представлялъ о томъ, чтобы въ учителя назначались духовныя лица римско-католическаго исповѣданія, изъясняя, что родители по нѣкоторымъ причинамъ не соглашаются отдавать своихъ дѣтей въ гимназіи и другія свѣтскія училища. Дошло до того, что русскимъ юношамъ нельзя было учиться въ

русскихъ гимназіяхъ за незнаніемъ польскаго языка. Само правленіе Виленскаго университета сочло нужнымъ заявить ненормальность подобнаго явленія. «Замѣтивъ изъ донесенія визитаторовъ не совсѣмъ достаточное попеченіе объ усовершенствованіи учениковъ Могилевской гимназіи въ россійской словесности, простирающееся даже до того, что предметы математическіе и физическіе преподаются на польскомъ токмо языкѣ, правленіе признало необходимымъ, особливо для дѣтей чиновниковъ штаба 1-й арміи преподавать впредь не только уроки математико-физическія на одномъ языкѣ россійскомъ, но даже и по классамъ языковъ употреблять болѣе россійскій языкъ, нежели польскій, и, въ дополненіе ко всѣму сему, имѣть при гимназіи особливаго учителя россійской словесности»[29]). Успѣхи полонизаціи, непощадившей самаго Кіева, оскорбляли народное чувство русскихъ и раздражали общественное мнѣніе.

Съ другой стороны, нѣкоторые изъ соотечественниковъ Чарторижскаго обвиняли его въ отсутствіи патріотизма. Поддаваясь по временамъ космополитическимъ идеямъ восемнадцатаго вѣка, въ которомъ выросъ и воспитался, Чарторижскій расположенъ былъ смотрѣть на науку, какъ на общее достояніе и благо человѣчества, и доказывалъ, что университетъ Виленскій чуждъ національной исключительности, и во всѣхъ выборахъ ищетъ только таланта, ума и знанія, не ограничивая ихъ какою бы то ни было народностью. Настаивая на необходимости порядка, постояннаго и упорнаго труда, онъ обвиняетъ своихъ соотечественниковъ въ легкомысліи, тщеславіи, желаніи казаться, а не быть[30]).

Полонизація, грозившая истребленіемъ народности, направлена была преимущественно на Малороссію. Вводя польскій языкъ въ русской Украинѣ, Чарторижскій дѣйствовалъ по той же системѣ, которая въ то время съ такою силою развернулась въ Австріи и давила малороссіянъ въ Галиціи, поддерживаемая усиліями сторонниковъ польской государственности. Въ 1806 году, университетъ перенесенъ изъ стольнаго города Руси, Львова, въ польскій Краковъ; польскій языкъ признанъ учебнымъ, не смотря на протестъ со стороны русинскаго населенія; поборники полонизаціи заподозрили русинскихъ патріотовъ «въ нечистыхъ стремленіяхъ,

опасныхъ для правительства». Управленіе всѣми народными школами въ Галиціи, безъ различія вѣроисповѣданія, отдано было католической консисторіи. Если какой мужикъ — сказано въ официальномъ актѣ — захочетъ читать свои богослужебныя книги, то надо перевести ихъ на польскій языкъ или по крайней мѣрѣ напечатать латинскими буквами. Русинскія общины должны были открывать на свои скудныя средства двойныя школы: въ однѣхъ учили на польскомъ, въ другихъ на родномъ языкѣ. Подобныя явленія повторились и въ русской Украинѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Виленскаго округа. Приходскія училища Волынской, Кіевской и Подольской губерній, назначаемыя для православнаго населенія Украины, отданы подъ надзоръ католическаго духовенства, которому вмѣнено въ обязанность «пріобрѣтать довѣренность учащихся» [31]). Въ уставахъ училищъ Виленскаго округа хотя и стоялъ русскій языкъ, но въ дѣйствительности онъ не преподавался, а вслѣдствіе этого и являлись предположенія открыть особыя школы, въ которыхъ можно было бы учиться русскому языку [32]). Какъ въ австрійской Галиціи шляхетскій элементъ давилъ народный, крестьянскій, такъ и въ уставѣ приходскихъ школъ русской Украины замѣтно то же стремленіе унизить крестьянина на счетъ шляхтича. Въ уставѣ сказано: «*дворянство, питающееся отъ земли, воздѣлываемой собственнымъ трудомъ*, если въ уѣздное училище не посылаетъ своихъ дѣтей, *отдаетъ* ихъ въ приходское училище. *Крестьянскіе сыновья, въ свободное отъ работъ время, должны обучаться пересажденію и прививанію деревъ*, дѣланію хорошихъ земледѣльческихъ орудій, а дочери пріучаются къ домашнему хозяйству. Сверхъ сего, *не возбраняется крестьянскимъ сыновьямъ въ зимнее время учиться наукамъ*, преподаваемымъ въ приходскихъ училищахъ. Какъ *для крестьянскихъ дѣтей мужскаго пола желательно только образованіе ихъ сердца и развитіе въ нихъ здраваго разсудка въ хозяйственныхъ предметахъ*, равнымъ образомъ сія же цѣль предполагается и въ разсужденіи крестьянскихъ дочерей» [33]). Такое скромное желаніе со стороны лицъ, чрезвычайно много сдѣлавшихъ для образованія шляхты, показываетъ, что украинская народность мало выиграла съ той печальной поры, когда

польскіе патріоты предлагали «или ополячить малоруссовъ, или истребить» и говорили: «всего упорнѣе изъ простаго народа тѣ, которые знаютъ грамотѣ: надо настрого приказать, чтобы дѣти крестьянъ не смѣли брать книги въ руки, и знали только соху, лопату и заступъ»[34]).

Шляхетское начало въ системѣ Чарторижскаго господствовало надъ народнымъ; о ней можно сказать то же, что г. Спасовичъ говоритъ о польской шляхтѣ вообще: ошибка ея заключалась въ томъ, что она отождествляла себя съ народомъ и, носясь съ идеаломъ общественнаго устройства, не понимала его иначе, какъ въ формѣ аристократической[35]). Полонизація приносила жизненный принципъ народности въ жертву отвлеченному, государственному патріотизму, а потому и не находила сочувствія въ поборникахъ народности, вѣрныхъ своему демократическому знамени.

Не вдаваясь въ разборъ системы Чарторижскаго, представляющей исключительное явленіе въ исторіи образованія въ Россіи, мы не могли обойти замѣчательной личности Чарторижскаго, къ которой не будемъ уже имѣть повода возвратиться, тѣмъ болѣе, что Виленскій университетъ, несвязанный органически съ жизнію русскихъ университетовъ, не входитъ въ наше обозрѣніе.

Ближайшимъ исполнителемъ распоряженій Чарторижскаго, редакторомъ оффиціальныхъ бумагъ его, плановъ, представленій, отчетовъ, довѣреннымъ лицомъ его былъ извѣстный въ литературѣ нашей труженикъ, Василій Григорьевичъ Анастасевичъ. Отецъ его, Анастази «волошскаго происхожденія» жилъ въ Кіевѣ въ званіи гражданина и члена магистрата, состоящаго на магдебургскомъ правѣ. Анастасевичъ родился въ Кіевѣ и воспитывался, съ 1786 года, въ Кіевской духовной академіи. По выходѣ изъ академіи и послѣ неудачной попытки поступить въ Московскій университетъ, опредѣлился въ военную службу—стражникомъ въ малороссійскій корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ. Начальники Анастасевича, видя его любознательность, поручали ему завѣдываніе библіотекою и воспитаніе дѣтей. Князь Дашковъ помѣстилъ его у себя, поручилъ ему свою библіотеку, снабдивъ его нужнѣйшими для его занятій книгами и учебными тетрадями, по которымъ самъ учился въ Эдинбургскомъ универ-

ситетѣ; подъ руководствомъ Дашкова, Анастасевичъ узналъ англійскій и итальянскій языки. Перейдя въ гражданскую службу, Анастасевичъ занимался, вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ и депутатомъ Виленскаго университета Іеронимомъ Стройновскимъ, дѣлами по преобразованію Виленской академіи и по устройству учебнаго вѣдомства вообще. Эти занятія познакомили и сблизили его съ Чарторижскимъ, взявшимъ его къ себѣ старшимъ письмоводителемъ. Всѣ оффиціальныя и многія частныя статьи по Виленскому учебному округу, помѣщенныя въ періодическихъ сочиненіяхъ о успѣхахъ народнаго просвѣщенія съ 1803 по 1810 годъ, писаны Анастасевичемъ. Въ отсутствіе Чарторижскаго онъ завѣдывалъ всѣми дѣлами по округу и имѣлъ бланки на проекты разныхъ постановленій для отсылки ихъ, по окончательной обработкѣ, въ министерство. Находясь при Чарторижскомъ до 1810 года, Анастасевичъ занимался дѣлами не только по Виленскому округу, но часто и по сенату и государственному совѣту, а также по отчету за все время управленія Чарторижскаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Литературные труды Анастасевича состоятъ изъ переводовъ съ латинскаго, французскаго, польскаго, отчасти съ нѣмецкаго и итальянскаго, изъ русскихъ и польскихъ стихотвореній, изъ разныхъ замѣтокъ и записокъ на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ. Первымъ опытомъ его были стихи на смерть полковника Дѣева, убитаго при взятіи Вильны русскими войсками, напечатанные въ Москвѣ въ 1794 году. Онъ перевелъ Федру Расина, стихотворенія Сафы, объясненныя примѣчаніями, съ французскаго, и др. Тогдашніе литераторы подсмѣивались надъ полонизмами переводовъ Анастасевича, называвшаго слугъ халуями, а западныхъ королей заходными [36]). Наука права природнаго, политическаго, государственнаго хозяйства и права народовъ, переведенная Анастасевичемъ съ польскаго—Іеронима Стройновскаго Nauka prawa przyrodzonego, etc., одобрена главнымъ правленіемъ училищъ и разослана по гимназіямъ [37]). Переводъ сочиненія Валеріана Стройновскаго по крестьянскому вопросу произвелъ впечатлѣніе въ тогдашнемъ обществѣ и въ высшей администраціи и едва не подвергъ Анастасевича преслѣдованію и увольненію отъ службы. Въ 1801 году, въ

видахъ поощренія земледѣлія и промышленности народной, какъ сказано въ указѣ, предоставлено не только купечеству и мѣщанству, но и казеннымъ поселянамъ и вольноотпущеннымъ, право пріобрѣтать покупкою земли [38]). Слѣды указа, хотя и весьма слабо, отразились и въ литературѣ; Анастасевичъ перевелъ съ польскаго сочиненіе Валеріана Стройновскаго объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, изд. въ Вильнѣ въ 1809 году. Авторъ съ прискорбіемъ говоритъ о поддержкѣ крѣпостнаго права со стороны польскаго общества, до того сильной, что не только въ 1780 году сеймъ отвергнулъ проектъ, направленный противъ этого безчеловѣчія, но и въ его время немногіе соглашаются съ тѣмъ, что человѣкъ не можетъ быть такою же собственностью другаго человѣка, какъ вскормленная въ дому или купленная лошадь или быкъ. Несмотря на то, будучи убѣжденъ, что рано или поздно помѣщики узнаютъ надобность уволить крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, онъ разсматриваетъ, какимъ образомъ и на какихъ основаніяхъ дѣлать съ крестьянами добровольные договоры о землѣ. Къ переводу Анастасевичъ присоединилъ предисловіе, въ которомъ собраны изъ древней россійской вивліоѳики историческія свидѣтельства о крестьянахъ въ Россіи и между прочимъ сказано: «знающій отечественную исторію удобно припомнитъ, что желаніе свободы крестьянамъ въ Россіи, если бы когда-либо исполнилось, было бы только возвращеніемъ имъ того блага, которымъ они наслаждались не въ слишкомъ давнія времена, т. е. менѣе двухъ сотъ лѣтъ». Толки о переведенной книгѣ Стройновскаго приняли такой характеръ, что Сперанскій предложилъ Анастасевичу просить увольненія отъ занимаемой имъ въ коммиссіи составленія законовъ должности помощника начальника отдѣленія польскихъ и малороссійскихъ правъ. Анастасевичъ долженъ былъ подать просьбу объ отставкѣ, но увольненіе его не состоялось по причинѣ ссылки Сперанскаго. Кромѣ переводовъ и оффиціальныхъ изданій, какъ, напримѣръ, статута великаго княжества Литовскаго, напечатаннаго при сенатѣ въ 1811 году, Анастасевичемъ составлено множество полиграфическихъ замѣчаній, выписокъ, таблицъ, словарей, оглавленій книгъ и журналовъ, указателей, относящихся преимущественно къ русской и

польской словесности, исторіи, біографіи и библіографіи, и составляющихъ или цѣлыя книги, или тетради и записки на листкахъ и карточкахъ для подбора въ особыя папки. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Лицеѣ», въ «Новостяхъ Россійской Литературы», въ «Журналѣ Россійской Словесности», въ «Сынѣ Отечества», «Украинскомъ Вѣстникѣ», въ «Трудахъ Казанскаго общества словесности», въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Польской ученой газетѣ». Въ издаваемомъ Анастасевичемъ журналѣ «Улей» изъ общаго числа 383 статей на долю самого издателя приходится около трехъ четвертей—именно 278 оригинальныхъ и переводныхъ, въ прозѣ и въ стихахъ [39]).

Несравненно выше Чарторижскаго по значенію для русской образованности стоитъ другой потомокъ польскихъ магнатовъ, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, членъ главнаго правленія училищъ и попечитель Харьковскаго университета. Немного извѣстій сохранилось о жизни Северина Потоцкаго, но то, что извѣстно о дѣйствіяхъ его по Харьковскому округу, убѣдительно свидѣтельствуетъ о важности заслугъ его въ отношеніи края, въ которомъ онъ призванъ былъ водворить просвѣщеніе. Распространеніе наукъ и образованности было его истиннымъ призваніемъ, дѣломъ его души и убѣжденія. Всѣ отрасли знаній доступны были просвѣщенному вельможѣ, стоявшему по образованію своему на высотѣ, которая живительно дѣйствовала на юный университетъ, ввѣренный его попеченію. Съ неподдѣльнымъ, внутреннимъ участіемъ къ дѣлу онъ сообщалъ мысли свои о преподаваніи римской словесности и наукъ историческихъ, и заботился объ учрежденіи минералогическаго и другихъ кабинетовъ и собраній, необходимыхъ при изученіи естественныхъ наукъ. Искренняя забота объ университетѣ не покидала Потоцкаго во все время его попечительства: гдѣ бы онъ ни былъ, въ собраніи ли иностранныхъ академиковъ, на придворномъ ли балѣ одной изъ блестящихъ европейскихъ столицъ, или въ скромномъ уголкѣ Украины, онъ не пропускалъ случая пріобрѣсти новаго дѣятеля для университета и его округа. Приглашая въ Россію иностранныхъ ученыхъ, Потоцкій всего болѣе старался о замѣщеніи каѳедръ природными русскими, и его труды не оказались напрасными. Благодаря его энергіи, нѣкоторыя

каѳедры Харьковскаго университета были заняты лицами, принадлежащими къ числу замѣчательныхъ профессоровъ русскихъ университетовъ вообще. Не имѣя постояннаго пребыванія въ университетскомъ городѣ, чего не требовалъ и уставъ, Потоцкій являлся во главѣ корпораціи въ важнѣйшія минуты университетской жизни, говорилъ рѣчи, исполненныя достоинства и проникнутыя сочувствіемъ къ наукѣ и ея разсаднику, входилъ въ сношенія съ мѣстными жителями и много содѣйствовалъ водворенію добрыхъ отношеній между университетомъ и обществомъ. Свободный отъ всякаго рода предразсудковъ, чуждаясь сословной исключительности, онъ чуждъ былъ и религіознаго фанатизма: вельможа и католикъ, онъ посѣщалъ хаты сельскихъ учителей и былъ усерднымъ ходатаемъ о лицахъ православнаго духовенства, сколько нибудь послужившихъ дѣлу народнаго образованія. Если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ. Попеченіе Потоцкаго объ университетѣ выразилось именно въ тѣхъ формахъ, которыя одни, не стѣсняя и не подавляя университета, содѣйствуютъ его движенію и процвѣтанію. Не вмѣшиваясь во всѣ нити администраціи, не нарушая автономіи, безъ которой университетская жизнь то же, что тѣло безъ души, Потоцкій былъ достойнымъ вождемъ университета, открывалъ ему способы къ развитію ученой дѣятельности и былъ дѣйствительнымъ представителемъ его въ главномъ правленіи училищъ. При обозрѣніи Харьковскаго университета мы неоднократно должны будемъ обращаться къ его первому попечителю, оставившему неизгладимые слѣды своей просвѣщенной дѣятельности.

Сверхъ названныхъ нами лицъ, въ трудахъ главнаго правленія училищъ принимали непосредственное участіе постоянные члены его, жившіе въ Петербургѣ: Янковичъ де-Миріево, Мартыновъ, Румовскій, Озерецковскій, Фусъ. Къ нимъ обращались какъ къ ученымъ спеціалистамъ по всѣмъ вопросамъ въ области наукъ, подлежащимъ обсужденію главнаго правленія училищъ; они занимались разсмотрѣніемъ учебныхъ книгъ, распредѣленіемъ предметовъ преподаванія, выборомъ руководствъ, и т. п.

Янковичъ де-Миріево пріобрѣлъ почетную извѣстность трудами своими по устройству народныхъ училищъ при Екатеринѣ, вызвавшей его изъ Австріи, какъ отличнаго педагога, знающаго притомъ русскій языкъ и исповѣдующаго православную вѣру [40]).

Правитель дѣлъ департамента и впослѣдствіи членъ главнаго правленія, Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ, былъ ревностнымъ сотрудникомъ министра, работалъ вмѣстѣ съ нимъ и по его указаніямъ и, по выраженію Завадовскаго, отличался пространнымъ и неусыпнымъ своимъ трудомъ, участвуя въ начертаніи уставовъ всѣмъ вновь устрояемымъ учебнымъ заведеніямъ [41]). По главному правленію училищъ Мартыновъ былъ преемникомъ правителя дѣлъ правленія и коммиссіи училищъ В. Н. Каразина, имя котораго связано съ основаніемъ Харьковскаго университета и занимаетъ почетное мѣсто въ его исторіи [42]).

Румовскій выбранъ Ломоносовымъ, по экзамену, изъ учениковъ Невской семинаріи для опредѣленія въ академическую гимназію и университетъ и «взятъ въ службу академіи наукъ студентомъ въ 1748 году». Онъ былъ изъ самыхъ усердныхъ слушателей Ломоносова и заслужилъ его одобреніе своими дѣльными отвѣтами на вопросы, которые Ломоносовъ предлагалъ студентамъ во время лекцій. Для дальнѣйшаго усовершенствованія отправленъ въ Берлинъ къ Леонарду Эйлеру, и по возвращеніи былъ при академіи профессоромъ астрономіи. Впослѣдствіи назначенъ вице-президентомъ академіи наукъ, а въ 1803 году попечителемъ Казанскаго округа. Онъ извѣстенъ учеными путешествіями своими для астрономическихъ наблюденій въ Селенгинскъ и Колу, мемуарами по астрономіи и математикѣ, заслужившими одобреніе иностранныхъ ученыхъ, а также и трудами по русской словесности. Въ званіи члена россійской академіи онъ трудился надъ составленіемъ академическаго словаря, въ которомъ участвовали: Болтинъ, Державинъ, фонъ-Визинъ и другія знаменитости тогдашняго литературнаго міра. Румовскій объяснялъ помѣщаемые въ словарѣ астрономическіе и математическіе термины, выписывалъ слова изъ древнихъ лѣтописей и сообщалъ матеріалы для составленія грамматики. Онъ перевелъ также Тацита на русскій языкъ, горячо защищая переводъ

свой отъ обвиненій, высказанныхъ въ академіи, что онъ болѣе держался французскаго перевода, нежели латинскаго подлинника [43]).

Озерецковскій, родившійся въ 1750 году въ селѣ Озерецкомъ Дмитровскаго уѣзда, учился въ Троицкой лаврѣ, потомъ въ академической гимназіи въ Петербургѣ. Отправился съ графомъ Бобринскимъ путешествовать, но, не могши съ нимъ поладить, воротился въ Россію пѣшкомъ. Образованіе свое докончилъ въ Страсбургѣ и Лейденѣ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины. Озерецковскій путешествовалъ по Россіи съ академикомъ Лепехинымъ и, по порученію академіи, совершалъ экскурсіи для физическихъ наблюденій. Онъ принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ русскихъ ученыхъ и академиковъ, и выборъ его въ члены главнаго правленія училищъ много содѣйствовалъ надлежащему устройству учебной части по всему вѣдомству народнаго просвѣщенія [44]).

Фусъ родился въ Базелѣ, въ 1755 году, и по окончаніи курса въ Базельской гимназіи вступилъ въ Базельскій университетъ и изучалъ математику подъ руководствомъ Бернулли, который и рекомендовалъ семнаднатилѣтняго Фуса другу своему старику Эйлеру, искавшему себѣ помощника. Не имѣя и двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, Фусъ получилъ мѣсто академика по высшей математикѣ, а много лѣтъ спустя избранъ непремѣннымъ секретаремъ академіи. Не обладая блестящимъ талантомъ, Фусъ отличался точностью, распорядительностью, терпѣніемъ и трудолюбіемъ. Находясь въ кругу замѣчательныхъ дѣятелей перваго періода министерства, онъ приносилъ существенную пользу работами своими по устройству учебной части, и дѣйствіями своими оправдалъ довѣріе, оказанное ему избраніемъ въ члены высшаго управленія училищъ. Въ печальныя времена гоненія Фусъ дѣйствовалъ съ тактомъ, не подвергая себя упрекамъ въ согласіи съ образомъ мыслей гасильниковъ, но и не вооружая ихъ противъ себя рѣзкимъ противорѣчіемъ. Другіе члены оставляли вѣдомство съ перемѣною его направленія, а Фусъ пережилъ всѣ треволненія, аккуратно исполняя служебныя обязанности [45]).

При первомъ распредѣленіи занятій между членами главнаго правленія училищъ, на Румовскаго, Озерецковскаго

и Фуса возложено разсмотрѣніе учебныхъ руководствъ, а Озерецковскому поручено сверхъ того изданіе оффиціальнаго журнала, выходившаго подъ названіемъ: «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія».

Таковъ былъ составъ главнаго правленія училищъ, соединившаго въ себѣ разнообразныя силы, направленныя къ одной цѣли—открытію новыхъ средствъ для развитія народной образованности. Дѣятельность главнаго правленія училищъ въ первое время его существованія, представляя добросовѣстное выполненіе программы, начертанной въ предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, состояла преимущественно въ открытіи или преобразованіи университетовъ, въ учрежденіи многочисленныхъ среднихъ и низшихъ училищъ, во введеніи новыхъ началъ въ народное образованіе, согласно съ требованіями времени. Движеніе, замѣчаемое въ умственной жизни общества, отразилось и въ уставахъ, выработанныхъ главнымъ правленіемъ училищъ. Въ первое засѣданіе главнаго правленія училищъ, происходившее 25-го января 1803 года въ присутствіи министра и въ его домѣ, прочитаны были предварительныя правила народнаго просвѣщенія; затѣмъ министръ предложилъ попечителямъ заняться обстоятельнымъ освѣдомленіемъ о состояніи учебныхъ заведеній въ подвѣдомыхъ каждому округахъ и принять мѣры, нужныя для общаго устройства училищъ. Во второмъ засѣданіи попечитель Дерптскаго округа читалъ предварительный наказъ для ректора университета, а попечитель Харьковскаго округа Потоцкій представилъ объ утвержденіи избранныхъ имъ профессоровъ, бывшихъ впослѣдствіи украшеніемъ университета, и тѣмъ положилъ прекрасное начало трудамъ своимъ по созидаемому университету. Положено было членамъ главнаго правленія училищъ собираться еженедѣльно для совокупнаго обсуживанія всѣхъ существенныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ занятій министерства народнаго просвѣщенія.

Первое десятилѣтіе министерства особенно богато событіями, въ которыхъ выразились начала новой жизни, одушевлявшей русское общество. Дѣятельность Разумовскаго, какъ министра народнаго просвѣщенія, была какъ бы продолженіемъ того, что начато его непосредственнымъ предшествен-

никомъ, Завадовскимъ. При Разумовскомъ учреждено нѣсколько ученыхъ обществъ и много училщиъ въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи [46]), открыто высшее учебное заведеніе, уставъ котораго свидѣтельствуетъ, что Разумовскій умѣлъ быть самостоятельнымъ, не поддаваясь постороннимъ внушеніямъ, отъ какихъ бы авторитетовъ они ни исходили. Въ обществѣ уже начали обнаруживаться слѣды реакціи; сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи поколебалось, стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшіе приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ преимущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ, и только учрежденіе Царскосельскаго лицея спасло отъ іезуитскихъ рукъ многихъ юношей и въ числѣ ихъ будущее свѣтило нашей литературы, Пушкина. Министру просвѣщенія доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полузнаекъ, самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, всегда готовыхъ разрушать то, чего они не жалуютъ, то есть все. Планъ учреждаемаго лицея Разумовскій препроводилъ на обсужденіе писателю, пользовавшемуся громкою извѣстностью въ литературномъ мірѣ, графу де-Местру, сардинскому посланнику при русскомъ дворѣ. Въ отвѣтъ на вызовъ министра, де-Местръ, горячій приверженецъ папы и католичества, убѣждалъ главу министерства запретить преподаваніе естественныхъ и политическихъ наукъ. Особенно вооружался онъ противъ ученія о физическомъ образованіи земли: «библіи — говорилъ онъ — совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная; подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ наполнять молодыя головы космогоническими бреднями новѣйшаго издѣлія; уже и теперь ходитъ по рукамъ напечатанная здѣсь брошюра, въ которой говорится, что человѣкъ и обитаемая имъ планета есть продуктъ естественнаго броженія стихій: этотъ ядъ проникаетъ къ вамъ отовсюду, не открывайте же сами новыхъ ему путей». Отвергая пользу изученія правъ, де-Местръ утверждаетъ, что въ

первой юности надо знать только три вещи касательно общественнаго устройства: первое—что Богъ сотворилъ человѣка для общества, второе—что для общества необходимо правительство, третье—что каждый обязанъ повиноваться властямъ и быть готовымъ запечатлѣть смертью вѣрность и преданность своему государю [47]). Несмотря на всѣ подобныя предостереженія, въ уставѣ лицея въ числѣ предметовъ окончательнаго курса находятся: систематическое изложеніе и связь всѣхъ наукъ физическихъ, разныя теоріи о происхожденіи земли, знатнѣйшихъ физическихъ эпохахъ ея и пр.; философское понятіе о правахъ и обязанностяхъ и о раздѣленіи ихъ по разнымъ отношеніямъ на право естественное, публичное, гражданское и проч.[48]).

Управленіе Разумовскаго министерствомъ, сливаясь со временемъ первыхъ и важнѣйшихъ мѣръ для введенія образованія, не представляетъ рѣзкихъ особенностей: главное сдѣлано было при Завадовскомъ, преемнику его предстояло дѣйствовать по той же программѣ, расширяя кругъ ея, но не измѣняя духа. Притомъ, Разумовскій не отличался особенною энергіею, будучи болѣе расположенъ къ уединеннымъ занятіямъ наукою; онъ посвятилъ себя изученію ботаники, подобно тому какъ братъ его занялся спеціально минералогіею [49]). Призванный къ должности попечителя, онъ принялъ службу изъ угожденія волѣ государя, какъ сказано въ рескриптѣ. Служебныя обязанности, сперва въ званіи попечителя Московскаго округа, а потомъ въ званіи министра народнаго просвѣщенія, видимо утомили его, и, покинувъ ихъ, онъ возвратился къ своимъ любимымъ занятіямъ. Главное правленіе училищъ собиралось при Разумовскомъ несравненно рѣже, нежели въ первые года министерства. Еще при Завадовскомъ оно замѣнило еженедѣльныя собранія свои ежемѣсячными; при Разумовскомъ сроки были еще продолжительнѣе, и предметы совѣщаній относились болѣе къ хозяйственной, нежели къ учебной части. Въ составъ главнаго правленія училищъ не вступали новыя лица, протоколы подписывались только двумя присяжными членами, академиками, для которыхъ посѣщеніе засѣданій было оффиціальною обязанностью.

Преемникомъ Разумовскаго былъ князь Александръ Ни-

колаевичъ Голицынъ. Въ юности онъ состоялъ, по волѣ Екатерины II, камеръ-юнкеромъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ; при Павлѣ I онъ жилъ въ Москвѣ въ почетной ссылкѣ, изъ которой вызванъ при восшествіи на престолъ императора Александра. По мысли министра Голицына, дѣла министерства народнаго просвѣщенія соединены съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ одно управленіе подъ названіемъ: министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Глава новаго министерства находился въ такомъ же отношеніи къ св. синоду, какъ министръ юстиціи къ сенату[50]). Голицынъ управлялъ министерствомъ въ эпоху священнаго союза, и мѣры, принимаемыя главнымъ правленіемъ училищъ, представляютъ рядъ попытокъ примѣнить основныя начала священнаго союза къ народному воспитанію. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Голицына по министерству было возобновленіе засѣданій главнаго правленія училищъ въ его полномъ составѣ. Дѣятельность, прерванная на время, обнаружилась снова; но, къ сожалѣнію, она направлена была, въ сущности, не столько къ созиданію, сколько къ разрушенію. Мы должны будемъ войти въ подробности по этому предмету при разсмотрѣніи второй эпохи главнаго правленія училищъ; здѣсь же ограничимся упоминаніемъ о нѣкоторыхъ членахъ, которымъ суждено было играть болѣе выдающуюся роль. Въ министерство Голицына въ числѣ сотрудниковъ его по главному правленію училищъ встрѣчаемъ имена: Магницкаго, Рунича, Лаваля, Стурдзы, Фитингофа и др.

Магницкій пріобрѣлъ громкую и печальную извѣстность дѣйствіями своими по Казанскому университету[51]). Дмитрій Павловичъ Руничъ, изъ сержантовъ лейбъ-гвардіи, куда поступилъ въ 1780 г., перешелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и служилъ при посольствѣ въ Вѣнѣ; по возвращеніи, причисленъ къ герольдіи и потомъ переведенъ въ Вятскую губернію, гдѣ имѣлъ порученіе привести къ повиновенію крестьянъ, возставшихъ противъ купившаго ихъ лица. Съ 1819 года Руничъ былъ членомъ главнаго правленія училищъ. Будучи попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, онъ оказался для Петербургскаго университета тѣмъ же, чѣмъ Магницкій для Казанскаго. Графъ Лаваль вступилъ (въ 1795 году) въ русскую службу изъ

капитановъ французской службы, потомъ перешелъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ—инспекторомъ въ морской корпусъ; пожалованный графомъ французскаго королевства, онъ назначенъ (въ 1818 году) членомъ главнаго правленія училищъ: подробныя письменныя мнѣнія, представляемыя имъ, относятся преимущественно къ учебной части и къ состоянію ея въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По увольненіи Чарторижскаго, графъ Лаваль назначенъ попечителемъ Виленскаго округа. Александръ Скарлатовичъ Стурдза (род. 1791) съ самой ранней юности служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ Россіи и при посольствахъ нашихъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, подъ руководствомъ графа Каподистріи; находясь заграницей во время Ахенскаго конгресса, онъ написалъ брошюру о Германіи и ея университетахъ, и его брошюра такъ взволновала молодое поколѣніе, что авторъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Стурдза извѣстенъ въ литературѣ своими сочиненіями и переводами, преимущественно религіознаго содержанія, на русскомъ, французскомъ и греческомъ языкахъ. Съ 1818 г. онъ былъ членомъ главнаго правленія училищъ и ученаго комитета[52]).

Мистическое направленіе, замѣчаемое во главѣ министерства и въ членахъ главнаго правленія училищъ, состоитъ въ ближайшей связи съ пропагандою баронессы Криднеръ, пріобрѣтавшей все болѣе и болѣе вліянія и послѣдователей. Братъ баронессы Криднеръ, Фитингофъ, обращенный ею во время пребыванія ея въ Ригѣ, ревностный сотрудникъ и вице-президентъ библейскаго общества, назначенъ былъ членомъ главнаго правленія училищъ. Зять ея, Беркгеймъ, баварскій камергеръ и рекетмейстеръ, перешедшій въ русскую службу, также состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія[53]).

Крайность мистическихъ увлеченій вызвала противодѣйствіе, и министерство народнаго просвѣщенія ввѣрено было испытанному вождю, Шишкову. Недовольный дѣйствіями министерства вообще, Шишковъ съ особеннымъ негодованіемъ преслѣдовалъ мѣры своего предшественника, подобно тому какъ въ литературѣ всего болѣе возставалъ на подражателей Карамзина. Въ рѣчахъ своихъ въ главномъ правленіи училищъ, Шишковъ призывалъ его членовъ къ содѣйствію въ утвер-

жденіи истиннаго воспитанія, основаннаго на любви къ правдѣ, на правилахъ чести и человѣколюбія и незараженнаго «лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостію и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ, и чрезъ то дѣлающимъ его въ старости юношею». Приступивъ къ рѣшительному преобразованію учебной части и составленію новыхъ уставовъ, Шишковъ составилъ изъ членовъ главнаго правленія училищъ комитеты для осмотра университетовъ, училищъ и пансіоновъ и для разсмотрѣнія, выбора и изданія учебныхъ книгъ. Въ инструкціи, данной комитетамъ, поставлено основнымъ началомъ, что всѣ науки должны быть очищены отъ постороннихъ и вредныхъ умствованій, излишнее множество и разнообразіе предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, и занятія науками должны быть соединены съ нравственнымъ воспитаніемъ[54]). Будучи восторженнымъ почитателемъ славянскаго языка и доказывая, и въ журнальныхъ статьяхъ и въ оффиціальныхъ докладахъ, тождество его съ русскимъ, Шишковъ требовалъ, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ языкъ славянскій, т. е. высокій, и классическая россійская словесность повсемѣстно были вводимы и одобряемы. Въ члены главнаго правленія училищъ избраны имъ нѣкоторые изъ членовъ россійской академіи, раздѣлявшей литературныя мнѣнія Шишкова и его любовь къ славянскому языку. Главныя усилія Шишкова обращены были на цензуру, тѣмъ болѣе, что состояніе ея послужило однимъ изъ поводовъ къ перемѣнѣ министерства.

Для вѣрной оцѣнки Шишкова надо имѣть въ виду, что онъ былъ человѣкъ, выходящій по своему закалу изъ ряда обыкновенныхъ характеровъ. Ненавидя рабство въ соціальномъ отношеніи, онъ былъ рабомъ своихъ собственныхъ убѣжденій. Клеймя названіемъ карбонарства и вопіющаго разврата явленія, двигающія общество впередъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возвышалъ свой смѣлый голосъ въ тѣхъ случаяхъ, когда все молчало и повиновалось. Образъ мыслей и дѣйствій Шишкова открывается изъ его записокъ[55]), а лучшая характеристика его принадлежитъ Аксакову. Разсматривая Шишкова, какъ писателя и гражданина, Аксаковъ говоритъ: «проходя обширное, многозначительное поприще службы, на-

чавъ съ морскаго корпуса, гдѣ былъ учителемъ, дойдя до высокаго мѣста государственнаго секретаря, съ котораго онъ двигалъ духомъ Россіи писанными имъ манифестами въ 1812 году, Шишковъ имѣлъ одну цѣль — общую пользу; но и для достиженія этой святой цѣли никакихъ уступокъ не дѣлалъ. Никогда Шишковъ для себя ничего не искалъ, ни одному царю не льстилъ. Убѣжденія Шишкова были часто ошибочны, но всегда честны. Онъ не выходилъ изъ круга умственныхъ понятій своего времени, круга нерѣдко тѣснаго и ограниченнаго, но не измѣнялъ своимъ правиламъ никогда. Исторія будетъ справедливѣе насъ: имя Шишкова займетъ почетное мѣсто на ея страницахъ»[56]).

При внимательномъ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ всѣхъ данныхъ, въ которыхъ обнаруживается дѣятельность главнаго правленія училищъ въ царствованіе Александра I, открывается, что самыми главными предметами, требовавшими наибольшей энергіи со стороны министерства, были: учрежденіе и дальнѣйшая судьба *университетовъ* и устройство *цензуры*. Эти два предмета имѣютъ въ высшей степени важное значеніе по своему вліянію на весь ходъ народной образованности, на свойство и развитіе всѣхъ отраслей ученой и литературной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. Поэтому обозрѣніе наше естественнымъ образомъ распадается на два отдѣла: въ одномъ изъ нихъ мы будемъ говорить объ университетахъ, въ другомъ — о цензурѣ.

Главное правленіе училищъ, полагая свою первую задачу въ учрежденіи университетовъ, руководствовалось тою мыслію, что университеты должны служить разсадниками просвѣщенія, вызывать къ жизни всю массу училищъ и повести ихъ по вѣрному пути къ распространенію знаній въ обществѣ, въ чемъ и заключалось призваніе министерства. Внутренняя сила университетовъ, ихъ устройство и направленіе неминуемо должны были отразиться на всей системѣ созидаемыхъ и руководимыхъ ими училищъ, а потому главное правленіе училищъ съ особенною и многостороннею заботливостью вырабатывало уставы университетовъ. Учрежденіе и преобразованіе университетовъ и устройство ихъ округовъ составляютъ первый и лучшій періодъ въ исторіи главнаго правленія училищъ. Образовавъ университеты, оно ста-

ралось о замѣщеніи каѳедръ, идя рука объ руку съ самыми университетами, получившими право избранія. Составъ высшихъ учебныхъ заведеній въ первое время ихъ существованія и ученая дѣятельность профессоровъ, направленная къ просвѣщенію юношества и общества, служатъ самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ того, до какой степени достигли цѣли благія начинанія, которымъ посвящена была бо̀льшая доля трудовъ главнаго правленія училищъ. Дѣйствіе университетовъ на подвѣдомыя имъ учебныя заведенія обнаружилось приготовленіемъ наставниковъ и изданіемъ научныхъ пособій. Первое всецѣло принадлежало университетамъ, второе они дѣлили съ главнымъ правленіемъ училищъ, издавшимъ руководства по нѣкоторымъ предметамъ. Университетамъ принадлежало право суда какъ надъ студентами, такъ и надъ всѣмъ составомъ учебнаго вѣдомства въ округѣ; общественные нравы наложили печать свою на бытъ профессоровъ, преподавателей и студентовъ, отражаясь въ огромномъ количествѣ дѣлъ, наполняющихъ университетскіе архивы. Главное правленіе училищъ неоднократно напоминало университетамъ, что они, будучи призваны водворять просвѣщеніе въ отечествѣ, могутъ силою умственнаго и нравственнаго вліянія дѣйствовать на общество, внося въ жизнь его просвѣтительныя начала. Уставомъ требовалось, чтобы совѣтъ университета употреблялъ довольное время на разсмотрѣніе сочиненій и на собраніе свѣдѣній о нравственности лица, удостоиваемаго званія профессора. Черты нравовъ не должны быть забываемы, когда рѣчь идетъ объ университетахъ.

Изъ четырехъ университетовъ, русскихъ не только по имени, но и въ дѣйствительности, открытыхъ или преобразованныхъ при Александрѣ I, мы разсматриваемъ Казанскій и Харьковскій. Исторія Московскаго университета, написанная профессоромъ Шевыревымъ, издана одновременно съ біографическимъ словаремъ профессоровъ Московскаго университета: оба изданія служатъ богатымъ пособіемъ для исторіи русской образованности съ половины восьмнадцатаго вѣка[57]). Что касается Петербургскаго университета, открытаго только въ 1819 году, то судьба, постигшая его въ самомъ началѣ его жизни, ознаменовала собою второй періодъ главнаго пра-

вленія училищъ, при обозрѣніи котораго мы будемъ говорить о ней въ связи съ сопровождавшими ее обстоятельствами.

Въ теченіе перваго періода дѣйствовали Завадовскіе, Муравьевы, Потоцкіе; во второмъ выступили на сцену Магницкіе и Руничи. Различіе между двумя періодами выразилось какъ въ самомъ составѣ главнаго правленія училищъ, такъ и въ началахъ, принятыхъ имъ въ руководство, и въ преобладающемъ направленіи, отразившемся въ бо́льшей или меньшей степени не только на внѣшнемъ устройствѣ, но и на внутренней жизни университетовъ.

При обозрѣніи перваго періода главнаго правленія училищъ мы представимъ, сообразно съ требованіями самаго предмета, подробныя свѣдѣнія о началѣ русскихъ университетовъ, о составленіи ихъ устава, о первыхъ профессорахъ и ихъ дѣятельности, объ участіи, принимаемомъ университетами въ судьбѣ училищъ, и о мѣрахъ въ отношеніи къ научнымъ занятіямъ и поведенію студентовъ.

II.

Университеты.—Предварительныя работы по составленію университетскаго устава.—Уставъ 1804 года.—Первый періодъ университетовъ александровскаго времени.—Устройство университетовъ.—Первые профессора.—Ученая дѣятельность.—Отношеніе университетовъ къ подвѣдомымъ имъ училищамъ.—Общественные нравы.—Университетскія постановленія, касающіяся студентовъ.

Мысль объ учрежденіи университетовъ современна первымъ дѣятельнымъ мѣрамъ для введенія въ Россію европейской цивилизаціи. Петръ Великій признавалъ полезнымъ открытіе университета, въ которомъ бы преподавались науки богословскія, юридическія, военныя, математическія (архитектура), медицинскія и такъ называемыя свободныя науки [58]). Лейбницъ сообщалъ Петру Великому свои идеи о водвореніи образованія въ Россіи, совѣтуя не останавливаться въ исполненіи задуманныхъ великихъ предпріятій. Зданіе — говорилъ онъ—созданное вдругъ однимъ и тѣмъ же зодчимъ лучше того, которое созидается въ нѣсколько пріемовъ; хорошо обдуманный планъ послужитъ лучшимъ залогомъ процвѣтанія русскихъ университетовъ, предохранивъ ихъ отъ злоупотребленій, проникшихъ во многія европейскія училища и общества. Говоря о необходимости имѣть иностраннаго корреспондента для выбора профессоровъ за границею, Лейбницъ, вѣроятно, готовилъ себѣ положеніе, которое въ слѣдующемъ столѣтіи, при дѣйствительномъ образованіи русскихъ университетовъ, выпало на долю Мейнерса, профессора Геттингенскаго университета. По мнѣнію Лейбница, при открытіи университетовъ и школъ наибольшее внима-

ніе должно быть обращено на Москву и затѣмъ на Астрахань, Кіевъ и Петербургъ [59]).

При академіи наукъ, учрежденной по мысли Петра Великаго, долженъ былъ находиться университетъ для образованія русскихъ молодыхъ людей; но въ средѣ самой академіи раздался голосъ въ пользу университета какъ отдѣльной, самостоятельной корпораціи. Ломоносовъ энергически доказывалъ необходимость университета въ Петербургѣ, говоря: «студенты числятся по университетамъ въ другихъ государствахъ не токмо стами, но и тысячами изъ разныхъ городовъ и земель. Напротивъ того здѣсь почти никого не бываетъ, ибо здѣшній университетъ не токмо дѣйствія, но и имени не имѣетъ. Но когда бы здѣшнему университету учинено было торжественное учрежденіе, и на ономъ бы программою всему свѣту объявлены вольности и привилегіи: въ разсужденіи профессоровъ, какую имѣютъ честь, преимущество и власть, какія нужныя науки преподавать и въ какіе градусы производить имѣютъ; въ разсужденіи студентовъ, какія имѣютъ увольненія, по какимъ должны поступать законамъ. Все сіе когда-бъ учинено было, то, конечно, университетъ С.-Петербургскій былъ бы доволенъ и вольными студентами, которые могли скоро не токмо академію удовольствовать, но и по другимъ командамъ распространяться» [60]). По проекту, составленному Ломоносовымъ, въ Петербургскомъ университетѣ должно было быть три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, и каѳедры предполагалось раздѣлить такимъ образомъ, чтобы въ юридическомъ факультетѣ быть: 1) профессору правъ общихъ, 2) правъ россійскихъ, 3) исторіи и политики; въ медицинскомъ: 4) профессору анатоміи и физіологіи, 5) ботаники и 6) химіи; въ философскомъ: 7) профессору философіи и физики, 8) математики, 9) краснорѣчія и греческихъ и латинскихъ словесныхъ наукъ и 10) древностей и оріентальныхъ языковъ. Въ регламентѣ университету предоставляются такого рода привилегіи: университету имѣть власть производить въ градусы; снять полицейскія тягости; увольнять на каникулярные дни; студентовъ не водить въ полицію, а прямо въ академію; духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не при-

вязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ [61]). Послѣдняя привилегія указываетъ на жизненный вопросъ тогдашней литературы въ Россіи—на отношеніе науки къ религіи, о чемъ много разъ съ одушевленіемъ и силою говорилъ Ломоносовъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ.

Въ 1755 году завѣтная мысль Ломоносова осуществилась: открылся Московскій университетъ, никому неподчиненный и не принимающій повелѣнія ни отъ кого кромѣ правительствующаго сената. Число факультетовъ и каѳедръ въ новоучрежденномъ университетѣ было то же, что Ломоносовъ предлагалъ для Петербургскаго университета. Въ философскомъ факультетѣ преподавались: философія, физика, краснорѣчіе, исторія всеобщая и русская; въ юридическомъ: юриспруденція всеобщая и русская и политика; въ медицинскомъ: химія, натуральная исторія и анатомія. Профессоръ философіи обучать долженъ логикѣ, метафизикѣ и нравоученію; профессоръ краснорѣчія для обученія ораторіи и стихотворства; профессоръ исторіи для показанія исторіи универсальной и россійской, также древностей и геральдики; профессоръ всей юриспруденціи учить долженъ натуральныя и народныя права и узаконенія римской древней и новой имперіи; профессоръ юриспруденціи россійской долженъ знать и обучать особливо внутреннія государственныя права; профессоръ политики долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ были въ прошедшіе вѣки и какъ состоятъ въ нынѣшнее время, и т. д. [62]).

Событія второй половины восемнадцатаго вѣка не прошли безслѣдно и для русскаго общества; духъ времени отразился въ тѣхъ мѣрахъ для народнаго образованія, которыя составляютъ эпоху въ умственной жизни Россіи. Русскіе университеты, возникшіе или преобразованные въ началѣ девятнадцатаго вѣка, представляютъ въ устройствѣ своемъ и господствующемъ духѣ черты того направленія, которое обнаружилось въ умственномъ и политическомъ мірѣ Европы. Особенности русскихъ университетовъ заключаются какъ въ ихъ устройствѣ, такъ и въ духѣ, оживлявшемъ университетскую корпорацію и ея ученую дѣятельность. Чтобы объяснить эти особенности и представить ихъ въ надлежащемъ

свѣтѣ, необходимо имѣть въ виду всѣ тѣ обстоятельства, которыя оказывали прямое или косвенное вліяніе на рождающіеся университеты. Съ судьбою ихъ находятся въ большей или меньшей связи преобразованія въ устройствѣ народнаго воспитанія во Франціи, въ Польшѣ, въ Германіи и труды екатерининской коммиссіи объ учрежденіи училищъ въ Россіи.

Умственное движеніе въ Европѣ, представителями котораго были энциклопедисты, политическіе перевороты, а также изгнаніе іезуитовъ, произвели существенное измѣненіе въ понятіяхъ мыслящаго общества и дали новое направленіе народному образованію. Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка появляется въ различныхъ странахъ Европы нѣсколько плановъ общаго устройства народнаго просвѣщенія, сходныхъ между собою по идеямъ, положеннымъ въ основу, и по стремленію создать полную систему народныхъ училищъ, сообразно съ тогдашними понятіями о потребностяхъ, правахъ и обязанностяхъ гражданина.

Во Франціи Тюрго, въ 1775 году, предлагалъ дать однообразный и національный характеръ общественному воспитанію, а въ 1792 году Кондорсе представилъ законодательному собранію проектъ общаго устройства училищъ, восходя отъ низшихъ къ высшимъ. Взаимныя отношенія и послѣдовательность училищъ, принимаемая проектомъ, напоминаютъ планъ, принятый у насъ главнымъ правленіемъ училищъ. Подобно тому какъ наши учебныя заведенія раздѣлены на четыре рода: приходскія, уѣздныя, гимназіи, университеты, проектъ Кондорсе допускаетъ четыре рода училищъ: первоначальныя школы, училища второй степени, соотвѣтствующія нашимъ уѣзднымъ, институты и лицеи: лицеи соотвѣтствуютъ нашимъ университетамъ, а институты—нашимъ лицеямъ, съ раздѣленіемъ на факультеты. Въ планѣ Кондорсе, не только въ учебной части, т. е. въ отношеніи къ числу и выбору предметовъ и характеру преподаванія, соблюдена та же постепенность, что и въ предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, но—чтò весьма замѣчательно—даже въ управленіи училищъ замѣчается такая же система постепенной зависимости низшихъ школъ отъ ближайшихъ къ нимъ высшихъ. Само національное общество наукъ и

искусствъ, поставленное Кондорсе во главу управленія учебнымъ вѣдомствомъ, не чуждо сходства съ главнымъ правленіемъ училищъ. Первоначальныя школы (écoles primaires) принимали дѣтей съ шестилѣтняго возраста; въ каждой деревнѣ, имѣющей болѣе четырехъ сотъ жителей, должна быть открыта подобная школа; въ этихъ школахъ учили ариѳметикѣ и первымъ началамъ наукъ, сообщая необходимѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ земледѣлію, къ ремесламъ и торговлѣ, судя по тому, чѣмъ занимается населеніе, земледѣліемъ или промышленностью; законъ Божій преподается въ храмахъ духовенствомъ одного съ учениками исповѣданія. За первоначальными школами слѣдуютъ училища второй степени (écoles secondaires), въ которыхъ преподается грамматика, исторія и географія Франціи и сосѣднихъ государствъ, начала механическихъ искусствъ и коммерціи и т. д.; въ каждомъ уѣздѣ (district) должна быть по крайней мѣрѣ одна подобная школа. Третью степень занимаютъ институты (instituts) съ четырьмя отдѣленіями: наукъ математическихъ и физическихъ, наукъ нравственныхъ и политическихъ, примѣненія наукъ къ искусствамъ (application des sciences aux arts), словесности и изящныхъ искусствъ. Въ каждомъ департаментѣ полагается по крайней мѣрѣ одинъ институтъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или лицеяхъ (lycées) преподаются тѣ же предметы, при такомъ же раздѣленіи на факультеты, но въ большемъ объемѣ и съ большею глубиною; во всей Франціи предполагается девять лицеевъ. Наконецъ, національному обществу наукъ и искусствъ (société nationale des sciences et des arts) ввѣряется высшее управленіе всѣми училищами государства; права надзора и управленія удѣляются послѣдовательно каждому роду училищъ, судя по степени, занимаемой имъ въ училищной іерархіи [63]).

Потрясеніе Польши вслѣдствіе неурядицъ и войнъ, повлекшихъ за собою первый ея раздѣлъ, обратило вниманіе патріотовъ на внутреннее состояніе государства и преимущественно на воспитаніе. Уничтоженіе ордена іезуитовъ требовало немедленныхъ мѣръ къ поддержанію училищъ, бывшихъ до того времени преимущественно въ рукахъ іезуитскаго ордена. Сеймъ образовалъ эдукаціонную коммиссію и

въ вѣдѣніе ея отдалъ всѣ отрасли народнаго просвѣщенія, присвоивъ ей права, изстари принадлежавшія университетскимъ корпораціямъ, магнатамъ и епископамъ. Центральной власти эдукаціонной коммиссіи, уставъ которой впервые изданъ въ 1783 году, подчинены были университеты или главныя школы (szkoły główne), училища окружныя (szkoły wydziałowe) и подокружныя (szkoły podwydziałowe) и т. д. Въ свою очередь университеты завѣдываютъ училищами окружными и подокружными, а на окружныхъ ректоровъ возложенъ надзоръ за приходскими училищами (szkoły parafialne): названіе приходскихъ усвоено главнымъ правленіемъ училищъ на томъ основаніи, что всякій церковный приходъ или два прихода вмѣстѣ, судя по числу прихожанъ и отдаленію ихъ жительства, должны имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище. Связь университетовъ со всѣми другими учебными заведеніями состояла въ томъ, что училища находились въ вѣдѣніи университетовъ и обязаны были представлять имъ отчеты; университеты же давали окончательное образованіе преподавателямъ и право на занятіе учительскихъ мѣстъ, посылали визитаторовъ для обозрѣнія училищъ, а ректору университета принадлежало право надзора и суда первой инстанціи надъ лицами учебнаго вѣдомства университетскаго округа[64]). Подобныя же отношенія между училищами опредѣлялись и предварительными правилами народнаго просвѣщенія.

При составленіи устава русскихъ университетовъ главное правленіе училищъ обращалось къ компетентнымъ лицамъ съ просьбою доставлять свѣдѣнія объ иностранныхъ университетахъ. Корреспондентъ департамента народнаго просвѣщенія графъ д'Антрегъ сообщилъ свои замѣчанія о Лейпцигскомъ университетѣ, при посѣщеніи котораго былъ пораженъ рѣзкою противоположностью между основательною и многостороннею ученостью профессоровъ и полнѣйшимъ невѣжествомъ студентовъ. Причина такого печальнаго для молодыхъ людей положенія дѣлъ происходитъ, по мнѣнію д'Антрега, оттого, что публичные курсы замѣнены приватными лекціями за опредѣленную плату; скудость получаемаго жалованья заставила профессоровъ обратиться къ частнымъ вознагражденіямъ со стороны слушателей, для облег-

ченія которыхъ лекціи читались не на латинскомъ языкѣ, какъ требовалось уставомъ, а на нѣмецкомъ. Вслѣдствіе этого студенты перестали заниматься латинскимъ языкомъ и ограничились выучиваніемъ профессорскихъ записокъ, будучи не въ состояніи ознакомиться съ самыми источниками, т. е. съ превосходнѣйшими твореніями, писанными на латинскомъ языкѣ. Незнаніе классическихъ языковъ лишаетъ учащихся прочнаго основанія для дальнѣйшаго изученія, а требованіе гонорарія дѣлаетъ университетъ недоступнымъ для бѣдныхъ людей. Профессора, принадлежа обществу, принявъ на себя безкорыстный трудъ образованія юношества, ни подъ какимъ предлогомъ не должны за плату читать частныхъ лекцій. Обычай дозволять чтеніе лекцій докторамъ, неимѣющимъ профессорскаго достоинства, прекрасный самъ по себѣ, принялъ въ Лейпцигскомъ университетѣ такіе размѣры, что приноситъ болѣе вреда, нежели пользы: чрезвычайное множество отрывочныхъ курсовъ, развлекая молодыхъ людей, заставляетъ ихъ перебѣгать отъ предмета къ предмету и мѣшаетъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ занятіямъ. Частные курсы должны находиться въ связи съ лекціями, публично читаемыми въ университетѣ, и служить имъ дополненіемъ, какъ принято въ университетахъ Кембриджскомъ, Оксфордскомъ, Эдинбургскомъ и другихъ. По выслушаніи мнѣнія д'Антрега въ главномъ правленіи училищъ опредѣлено воспользоваться представленными замѣчаніями при обсужденіи уставовъ университетовъ: Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго и Петербургскаго [65]).

Члены главнаго правленія училищъ слѣдили за литературою университетскаго вопроса, помѣщая отъ времени до времени въ своемъ оффиціальномъ органѣ статьи, касающіяся преподаванія, быта профессоровъ и студентовъ, и т. д. Такъ, въ періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія помѣщено извѣстіе о современномъ состояніи Геттингенскаго университета, Брандеса. Авторъ доказываетъ, что университетъ не есть воспитательное заведеніе, а ученая корпорація для преподаванія наукъ, а потому студентовъ отнюдь не слѣдуетъ подчинять школьной дисциплинѣ закрытыхъ заведеній. «Введеніе въ университеты школьной строгости и неволи не поведетъ къ добру», говоритъ авторъ; «ни-

какъ не должно молодаго человѣка переселять вдругъ изъ школы или отцовскаго дома въ общественную жизнь, какъ бы ни были худы помочи, на которыхъ ходилъ онъ до того времени. Онъ долженъ въ какомъ нибудь среднемъ состояніи научиться ходить самъ собою, разумѣется, не безъ присмотра, но съ совершенною свободою ходить, какъ хочетъ. Конечно, многіе будутъ спотыкаться, а другіе и падать, но гораздо полезнѣе, если молодой человѣкъ испытаетъ дурныя слѣдствія своихъ увлеченій, будучи въ университетѣ, нежели когда войдетъ въ свѣтъ, гдѣ можетъ заплатить за нихъ гораздо дороже. Семинаріи, учрежденныя при нѣкоторыхъ университетахъ, представляютъ зрѣлище неутѣшительное: воспитанники ихъ гораздо грубѣе и безнравственнѣе студентовъ даже тѣхъ университетовъ, которые извѣстны своею распущенностью и отсутствіемъ дисциплины», и т. д.[66]). Впослѣдствіи, съ измѣненіемъ духа министерства, члены главнаго правленія училищъ стали помѣщать статьи съ совершенно противоположнымъ взглядомъ на отношеніе университета къ студентамъ.

То, что̀ высказано безпристрастными и умными наблюдателями о состояніи ученыхъ и учебныхъ учрежденій собственно въ Россіи, было внимательно обсужено лицами, трудившимися надъ университетскими уставами. Состояніе Петербургской академіи наукъ, такими яркими красками изображенное Шлецеромъ, было живымъ обличеніемъ ложности системы, положенной въ основу учрежденія. По словамъ Шлецера, академія находилась въ совершенномъ упадкѣ: все управленіе сосредоточивалось въ рукахъ всемогущей канцеляріи, тяготѣвшей надъ ученою корпораціею; истинныя заслуги не цѣнились, основательная ученость презиралась; достойнѣйшіе дѣятели упали духомъ; деспотизмъ царилъ повсюду: чиновники, притѣсняемые начальствомъ, вымещали свои обиды оскорбительнымъ обращеніемъ съ подчиненными, и т. п.[67]). Обличительный голосъ Шлецера произвелъ свое дѣйствіе: печальная картина бюрократическаго самовластія убѣдительно показывала несовмѣстность канцелярскаго произвола съ автономіей ученыхъ учрежденій. Хотя вліяніе біографіи Шлецера нѣсколько и преувеличиваютъ[68]), но вѣрно то, что рѣзкое осужденіе бюрократіи встрѣтило сочувствіе

въ средѣ главнаго правленія училищъ, нежелавшаго канцелярскою обрядностью подавить университетскую жизнь.

Изъ иностранныхъ писателей особенное участіе въ дѣлѣ образованія русскихъ университетовъ принималъ геттингенскій ученый Мейнерсъ [69]). Участіе его обнаружилось доставленіемъ свѣдѣній и соображеній о состояніи и цѣли университетовъ попечителю Муравьеву, находившемуся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, рекомендаціею профессоровъ, готовыхъ перенести свою дѣятельность въ Россію, и наконецъ тою долею вліянія, которую оказали на устройство нашихъ университетовъ сочиненія его по исторіи образованія, снискавшія автору почетную извѣстность въ европейскомъ литературномъ мірѣ. Труды Мейнерса, какъ ученаго и какъ профессора, были разнообразны, обнимая преимущественно исторію просвѣщенія и различныя стороны внутренней жизни народовъ, какъ напримѣръ критическая исторія религій. Его начертаніе эстетики или теоріи и исторія изящныхъ наукъ служило руководствомъ въ русскихъ университетахъ со времени учрежденія, и переведено на русскій языкъ профессоромъ Московскаго университета Сохацкимъ, наставникомъ перваго у насъ литературнаго критика, Мерзлякова; въ уставѣ педагогическаго института 1804 года требовалось, чтобы обучающій эстетикѣ и латинской словесности составлялъ свой курсъ, примѣняясь къ расположенію Мейнерсову; по руководству Мейнерса эстетика читалась въ университетѣ въ 1823 году и позднѣе. Классическимъ произведеніемъ Мейнерса остаются два его труда по исторіи образованности: объ устройствѣ университетовъ въ Германіи и исторія европейскихъ университетовъ [70]). Идеи, высказанныя Мейнерсомъ о призваніи университетовъ, были выраженіемъ образа мыслей о высшемъ образованіи просвѣщеннѣйшей части европейскаго общества, наиболѣе цѣнившей знанія и наиболѣе свободной отъ предразсудковъ; сужденія Мейнерса были голосомъ протестантской Германіи, признающей университеты и реформацію двумя свѣтилами своей умственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненія его изобилуютъ множествомъ данныхъ, показывающихъ въ немъ проницательнаго наблюдателя и полнаго знатока университетской жизни во всѣхъ ея подробностяхъ. На основательное и ученое разсмотрѣніе университетскаго вопроса Мейнерсъ

вызванъ былъ живою потребностью эпохи, когда вслѣдствіе политическихъ и соціальныхъ причинъ обнаружилось въ обществѣ сильное броженіе умовъ, грозившее печальными слѣдствіями для университетовъ. Немногіе вникали въ сущность дѣла, но многіе осуждали тогдашнее состояніе университетовъ и взводили на нихъ обвиненія болѣе или менѣе бездоказательныя; одни предлагали преобразовать университеты въ лицеи или спеціальныя заведенія, другіе требовали совершеннаго ихъ уничтоженія. Добросовѣстный трудъ Мейнерса, будучи какъ нельзя болѣе современнымъ, оказалъ доброе вліяніе не только на образъ мыслей, но и на дѣйствія лицъ, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе университетскаго вопроса не въ одной теоріи, но и на практикѣ. Нельзя не замѣтить связи между трудомъ Мейнерса и первоначальнымъ устройствомъ русскихъ университетовъ, выражающейся какъ въ общемъ духѣ учрежденія, такъ и во многихъ частностяхъ, отъ свободы преподаванія до положенія попечителей, которые, по мнѣнію Мейнерса, должны быть желанными гостями, но не постоянными и докучными жильцами университетовъ, и до студентовъ, которыхъ университетъ не можетъ считать совершенно посторонними для себя лицами, но и не долженъ держать взаперти и водить на помочахъ. Съ другой стороны, главное правленіе училищъ дѣйствовало вполнѣ самостоятельно, не подчиняясь слѣпо никакимъ авторитетамъ. Оно допустило выборное начало и благоразумно отвергло непримѣнимые къ русской жизни доводы иностранныхъ ученыхъ, смотрѣвшихъ на дѣло съ своей, чисто мѣстной точки зрѣнія. Присутствіе въ нѣмецкихъ университетахъ нѣсколькихъ преподавателей по одному и тому же предмету, плата за лекціи по выбору слушателей, предполагаемое вслѣдствіе ея нежеланіе каждаго лица имѣть соперника по каѳедрѣ, всѣ эти обстоятельства давали скептикамъ поводъ сомнѣваться въ полномъ безпристрастіи академическаго сената и во многихъ случаяхъ предпочитать назначеніе свыше. Подобное предпочтеніе могло явиться тѣмъ скорѣе, что его поддерживало самое политическое состояніе Германіи, ея раздробленность, вызывающая благодѣтельную для университетовъ конкурренцію между владѣніями, стремящимися придать болѣе блеска и достоинства мѣстнымъ учрежденіямъ. Считаемъ нужнымъ указать глав-

нѣйшія мысли, высказанныя Мейнерсомъ и опредѣляющія воззрѣніе достойнаго историка университетовъ.

Въ университетѣ необходимо преподаваніе во всей полнотѣ наукъ богословскихъ, юридическихъ, медицинскихъ, философскихъ и историческихъ. Университетское преподаваніе должно имѣть болѣе теоретическій, нежели практическій характеръ: даже въ такой наукѣ, какъ хирургія, главная цѣль должна быть устремлена къ тому, чтобы наглядно и ясно показать студентамъ, какъ дѣлаются операціи, а не къ тому, чтобы научить ихъ съ особенною ловкостью владѣть ножомъ, дѣлать разрѣзы и перевязки; довольно, если при операціи и у постели больнаго не будутъ чувствовать робости и замѣшательства. Изученіе иностранныхъ языковъ должно быть ведено такимъ образомъ, чтобы студенты могли свободно понимать сочиненія, написанныя на языкахъ: греческомъ, латинскомъ, англійскомъ, французскомъ и итальянскомъ, а по-латыни и еще болѣе на новыхъ языкахъ могли не только читать, но и говорить. Существенное условіе процвѣтанія университета заключается въ свободѣ преподаванія. Неоспоримое превосходство протестантскихъ университетовъ Германіи въ сравненіи съ католическими состоитъ въ допущеніи конкурренціи, вслѣдствіе которой по каждой спеціальности можетъ быть нѣсколько преподавателей, и въ отсутствіи контроля и опеки, существующихъ въ католическихъ земляхъ. Въ католическихъ университетахъ въ большомъ ходу мѣры принудительныя: учреждены особые директоры изъ лицъ, непринадлежащихъ ученой корпораціи, которые, представляя правительству ежегодные отчеты, доносятъ о занятіяхъ и направленіи профессоровъ, и простираютъ свое вмѣшательство до того, что предписываютъ, въ какомъ духѣ и по какой методѣ должны быть излагаемы науки. Отрицая пользу подобной опеки, Мейнерсъ признаетъ весьма вреднымъ пребываніе попечителей въ тѣхъ же городахъ, гдѣ находятся университеты: живя постоянно въ университетскомъ кругу, попечитель подвергается опасности поддаться вліянію партіи или кружка и уклониться отъ начала невмѣшательства во внутреннія дѣла университета. При учрежденіи русскихъ университетовъ попечителями назначены члены главнаго правленія училищъ съ обязанностью, имѣя постоянное пребыва-

ніе въ столицѣ, посѣщать свой округъ одинъ разъ въ два года; Мейнерсъ находитъ такое постановленіе несравненно полезнѣе безвыѣзднаго пребыванія въ округѣ. Что касается университетскихъ правъ и преимуществъ вообще, то Мейнерсъ, имѣя въ виду мѣстныя условія и нравы своего отечества, не считаетъ полезнымъ сохраненіе всѣхъ привилегій, которыми издавна надѣлены университеты. Признавая справедливымъ существованіе университетскаго суда, состоящаго изъ профессоровъ и разбирающаго проступки студентовъ, Мейнерсъ возстаетъ противъ безусловнаго права университетовъ составлять для себя статуты: потеря этого права весьма выгодна: иначе университеты выродились бы въ тѣ отживающія вѣкъ свой корпораціи, которыя, заботясь о расширеніи своихъ правъ и забывая объ обязанностяхъ, допускаютъ разнаго рода злоупотребленія и сами себѣ готовятъ неизбѣжную гибель. Съ другой стороны также опасно составленіе статутовъ вовсе безъ участія университетскаго ученаго сословія, и всего полезнѣе при составленіи устава призывать для совѣщанія членовъ университета, чтобы такимъ образомъ согласить законныя цѣли центральной власти съ справедливыми заявленіями лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ. Почти такой же порядокъ наблюдаемъ былъ при составленіи университетскихъ уставовъ въ Россіи. Мейнерсъ не допускаетъ также права избранія посредствомъ баллотировки, основываясь на томъ, что большинство членовъ совѣта остается равнодушно къ выборамъ, а меньшинство не всегда дѣйствуетъ безпристрастно, руководясь личными разсчетами и намѣренно удаляя опаснаго соперника. Вслѣдствіе различныхъ причинъ подобное опасеніе могло явиться въ средѣ нѣмецкихъ профессоровъ, и если Мейнерсъ не предвидитъ хорошихъ результатовъ отъ выборнаго начала, вводимаго въ русскихъ университетахъ, то главнымъ образомъ, какъ самъ говоритъ, потому, что въ первое время выборъ долженъ падать на иностранныхъ и преимущественно нѣмецкихъ профессоровъ. Право университетской цензуры, по которому каждый факультетъ одобряетъ къ печати сочиненія по своей спеціальности, Мейнерсъ считаетъ вполнѣ умѣстнымъ: по всей справедливости оно нашло мѣсто въ уставахъ почти всѣхъ протестантскихъ университетовъ. Защищая свободу преподаванія,

Мейнерсъ доказываетъ необходимость и свободы ученія. Онъ рѣшительно отвергаетъ пользу вступительныхъ экзаменовъ и назначеніе возраста, ранѣе котораго нельзя принимать въ студенты. Съ особенною подробностью развиваетъ онъ мысль о нравственномъ вліяніи университета на молодое поколѣніе; «призваніе университета»—говоритъ онъ—«образовать не только умъ, но и сердце молодыхъ людей и пріучить ихъ къ самообладанію и къ собственному надзору за своими поступками. Самое дѣйствительное средство возбудить въ учащейся молодежи стремленье къ добру и отвращенье отъ зла состоитъ въ томъ, чтобы предоставить ей всѣ средства для удовлетворенія любознательности: опытъ удостовѣряетъ, что тамъ, гдѣ господствуетъ любовь къ ученымъ занятіямъ, нравы юношей отличаются наибольшею чистотою. Разумная свобода дѣйствуетъ гораздо благотворнѣе, нежели принудительныя мѣры и постороннее вмѣшательство. Чувство независимости, развивая прямоту и честность въ образѣ дѣйствій молодыхъ людей, ставитъ ихъ несравненно выше того жалкаго положенія, на которое осуждена молодежь въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ право на вниманіе и отличіе пріобрѣтается не нравственными достоинствами и научными трудами, а рабскою и льстивою покорностью передъ начальствомъ и благодѣтелями». Признавая необходимость нравственнаго развитія студентовъ, нашъ авторъ опровергаетъ тѣхъ писателей, которые полагаютъ, что любовь къ общему благу преимущественно развивается изученіемъ страны, въ которой находится университетъ. «Большинство студентовъ»—замѣчаетъ Мейнерсъ—«вовсе не заботится о познаніи свой страны, да притомъ есть страны съ такого рода внутреннимъ устройствомъ и управленіемъ, что ближайшее знакомство съ ними не только не поддерживаетъ, а напротивъ того убиваетъ всякое стремленье къ общему благу: весьма сомнительно, чтобы самыя лучшія лекціи по нѣмецкому государственному праву когда-либо въ состояніи были образовать пламенныхъ патріотовъ Германіи», и т. д.

Свѣдѣнія объ устройствѣ иностранныхъ университетовъ служили немаловажнымъ матеріаломъ для работъ главнаго правленія училищъ. Но для объясненія характера русскихъ университетовъ нельзя ограничиться несомнѣнными чертами

сходства съ иностранными учрежденіями и должно обратиться къ тому плану русскихъ университетовъ, который съ такою отчетливостью выработанъ въ царствованіе Екатерины [71]). Хотя плану этому не суждено было осуществиться, но университетъ, проектированный коммиссіею объ учрежденіи училищъ, можетъ считаться, во многихъ отношеніяхъ, первообразомъ высшихъ учебныхъ заведеній, организованныхъ главнымъ правленіемъ училищъ.

Коммиссіи объ учрежденіи училищъ предписано было, указомъ 29-го января 1786 года, приступить къ составленію плана университетамъ и гимназіямъ на слѣдующихъ основаніяхъ: на первое время достаточно имѣть три университета: во Псковѣ, въ Черниговѣ и въ Пензѣ; богословскій факультетъ не долженъ входить въ составъ университета, а медицинскій долженъ быть открытъ въ такихъ размѣрахъ, какіе нужны для снабженія обширной имперіи нашей искусными врачами; управленіе университетовъ, ихъ права и преимущества должны быть соглашены съ учрежденіями государственными. При указѣ доставленъ былъ планъ австрійскихъ учебныхъ заведеній, который и поручено разсмотрѣть, въ отношеніи пригодности для устройства учебной части Россіи, Янковичу де-Миріево, Козодавлеву, Крейдеману и Коху, а Завадовскій предложилъ воспользоваться послѣднимъ проектомъ Московскаго университета, который хотя еще не утвержденъ, но уже составленъ учрежденною для этой цѣли коммиссіею. На требованія, согласованныя съ государственными учрежденіями, Эпинусъ, одинъ изъ членовъ первоначальнаго состава училищной коммиссіи, составившій планъ общественнаго воспитанія въ Россіи [72]), отозвался, что ему почти вовсе неизвѣстны законы и гражданскій бытъ Россіи. Бывшій астрономъ, впослѣдствіи наставникъ великаго князя, Эпинусъ, взысканный почестями, покинулъ ученыя занятія и даже стыдился ихъ, увлекшись честолюбіемъ и выгодами своего новаго положенія [73]). Крейдеманъ вооружился противъ права университетовъ давать ученыя степени, требовалъ отъ профессоровъ не менѣе двадцати четырехъ лекцій въ недѣлю и предлагалъ соединеніе философскаго факультета съ юридическимъ. Иностранные университеты — говорилъ Крейдеманъ — уже нѣсколько столѣтій торгуютъ уче-

ными названіями, производя баккалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ съ разными торжествами; но въ разсужденіи Россійской Имперіи не предвидится въ такихъ академическихъ названіяхъ ни малѣйшей надобности, ни пользы. Для обузданія же ученаго чинолюбія и для отличія достойнѣйшихъ студентовъ не безполезно было бы давать имъ отъ университета свидѣтельство, что они способны занять профессорское мѣсто. Въ вѣнскомъ планѣ назначено для преподавателей по два часа въ день по той причинѣ, что имъ нужно по крайней мѣрѣ столько же времени для приготовленія къ лекціи. Но причина эта имѣетъ мѣсто только у такихъ преподавателей, которые напередъ сами учатся тому, чему намѣрены обучать другихъ: кто твердъ въ какой либо наукѣ — наивно замѣчаетъ Крейдеманъ — тому довольно и получаса для приготовленія къ часовой лекціи; профессоръ весьма удобно можетъ читать по четыре лекціи въ день, и затѣмъ весьма много времени остается собственно для него. Соединеніе философскаго факультета съ юридическимъ должно быть, по мнѣнію Крейдемана, устроено такимъ образомъ, чтобы въ первый годъ университетскаго курса преподавались: логика, метафизика, нравоученіе, всеобщая исторія, натуральное право, народное и государственное право, филологическія упражненія; во второй годъ: повтореніе всеобщей исторіи, познаніе европейскихъ государствъ, *исторія государствъ Германіи*, гражданское право, физика, экспериментальная физика, филологическія упражненія; въ третій и послѣдній годъ: *отечественная исторія*, политика, *государственное право Германіи*, повтореніе гражданскаго права, чистая математика (mathesis pura), *употребительная* или практическая математика (mathesis *applicata*), упражненіе въ слогѣ письменныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ какъ Крейдеманъ предлагалъ русскому юношеству изучать нѣмецкія права, Завадовскій и другіе члены коммиссіи старались придать русскимъ университетамъ сколько возможно народный характеръ, руководствуясь при ихъ образованіи уставами русскихъ учрежденій — именно Московскаго университета, приглашая русскихъ наставниковъ и вводя преподаваніе всѣхъ предметовъ на отечественномъ языкѣ. Языкъ народный — сказано въ проектѣ университета — есть

первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго, и рабство это нераздѣльно съ невѣжествомъ. Развитіе народнаго просвѣщенія у англичанъ и французовъ зависѣло преимущественно отъ того, что науки преподавались у нихъ на языкѣ народномъ, и что писатели, съ юныхъ лѣтъ усвоивая себѣ знанія на родномъ языкѣ, сообщали ихъ отечеству народнымъ же языкомъ. Просвѣщеніе всегда будетъ распространяться тихими шагами, когда наука будетъ преподаваться на языкѣ мертвомъ или чужомъ. Поэтому коммиссія полагаетъ непремѣннымъ правиломъ, чтобы во вновь заводимыхъ русскихъ университетахъ наука преподавалась по-русски. За недостаткомъ же на первое время русскихъ профессоровъ предположено выписать нѣсколько иностранныхъ, но съ обязательствомъ, чтобы каждый изъ нихъ, въ теченіе восьми лѣтъ, приготовилъ не менѣе двухъ преподавателей по своей части изъ природныхъ русскихъ.

Въ февралѣ 1787 г. окончательно составленъ коммиссіею планъ университета, подробно излагающій мысли о преподаваніи наукъ въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности. На первое время предполагалось открыть одинъ университетъ—въ Псковѣ, Черниговѣ или Пензѣ, съ тремя факультетами: философскимъ, врачебной науки и правовѣдѣнія. Ученіе философское—сказано въ планѣ—соединяетъ главныя народныя школы съ высшими науками и составляетъ среднее звено той цѣпи, которая соединяетъ первоначальное ученіе съ факультетскими науками. Здѣсь научается юноша точнѣе опредѣлять свои понятія, сравнивать ихъ и выводить заключенія, простыя или единичныя понятія возводить на степень общности, наконецъ разсматривать свою душу, ея свойства и силы: во всемъ этомъ руководствуютъ логика и метафизика. Когда учащійся пріобрѣлъ познанія о Богѣ, о собственномъ назначеніи, о добрѣ и злѣ, ему показывается теперь согласіе этого ученія съ здравымъ разсудкомъ, подкрѣпляемое естественными (въ противоположность прежнихъ, сверхъестественныхъ) доказательствами: это составляетъ предметъ естественной богословіи, содержащейся въ метафизикѣ, и нравственной философіи. Исторія лишь возбудила въ уча-

щемся любопытство; онъ обозрѣлъ важнѣйшія событія въ одной только хронологической связи: теперь же излагается она съ новой точки зрѣнія, какъ «источникъ опыта, зерцало благонравія и наставница сожитія гражданскаго». Наука естественная обращаетъ взоръ учащагося къ началу вещей, ихъ различію, качеству, силамъ и дѣйствіямъ. Стихотворство и краснорѣчіе, извѣстныя при начальномъ обученіи по одному имени, излагаются вполнѣ въ философскомъ отдѣленіи подъ названіемъ словесныхъ наукъ. Курсъ философскаго факультета раздѣляется на три года. Въ первый годъ: логика, метафизика, чистая математика, исторія естественная съ физическимъ землеописаніемъ, введеніе въ исторію всемірную, филологическія упражненія; юноши приготовляются къ словеснымъ наукамъ посредствомъ чтенія *лучшихъ греческихъ и римскихъ писателей*. Второй годъ: нравственная философія, физика съ опытами, всемірная исторія, прикладная математика, филологическія упражненія въ *древнихъ и русскихъ писателяхъ*. Исторія преподается здѣсь съ самаго начала до паденія западной римской имперіи и переселенія народовъ: вездѣ, гдѣ только можно, *утверждаются достопамятныя приключенія свидѣтельствомъ современныхъ писателей;* во всякомъ періодѣ главнѣйшій народъ принимается сосредоточіемъ, къ которому относятся всѣ другіе; но особенное вниманіе обращается на *славнѣйшихъ въ древности народовъ*, т. е. на грековъ и римлянъ, не только потому, что исторія ихъ изобилуетъ замѣчательными событіями, высокими дѣлами и великими примѣрами, но и потому, что она служитъ приготовленіемъ къ свободнымъ наукамъ и художествамъ слѣдующаго отдѣленія. Третій годъ: практическая математика, стихотворство и краснорѣчіе съ эстетикою, исторія европейская, исторія россійская. Разумъ юноши просвѣтился и изощрился логикою, метафизикою и математикою; чувство его возбуждено и очищено нравственною философіею, *воображеніе его оживлено и напитано естественною наукою и исторіею*, обогащено вещами и примѣрами: теперь способенъ онъ познать происхожденіе и предметъ наукъ словесныхъ, проникнуть въ цѣль ихъ и усвоить себѣ средства, которыми онѣ дѣйствуютъ; *наилучшій путь есть тотъ, который привелъ и къ открытію самыхъ средствъ:*

правила словесныхъ наукъ выведены изъ сочиненій лучшихъ писателей. Чтеніе греческихъ и римскихъ классическихъ писателей, усовершая въ древнихъ языкахъ, приноситъ еще ту выгоду, что напитываетъ духомъ древняго міра. Если будутъ избраны: для перваго отдѣленія, посвященнаго преимущественно теоретической философіи, философскія сочиненія Цицерона и творенія Горація, содержащія въ себѣ глубокое знаніе свѣта и людей; для втораго, гдѣ главное мѣсто занимаетъ физика,—натуральная исторія Плинія и Виргиліевы георгики, и если еще для обоихъ отдѣленій изберется по одному греческому и римскому историку, какъ, напримѣръ, Ливій и Ѳукидидъ,—то учащійся *привыкнетъ думать съ древними писателями и имъ подобно*, и пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія навсегда останутся для него драгоцѣннымъ достояніемъ. Послѣ такого приготовленія, продолжающагося первые два года, учащимся излагаются правила стихотворства и краснорѣчія, выводимыя изъ чтенія лучшихъ писателей разныхъ странъ, а преимущественно *народныхъ;* упражненіе въ краснорѣчіи состоитъ въ сочиненіяхъ, а опыты стихотворства—въ переводахъ, потому что школа не можетъ создавать поэтовъ. Профессоръ долженъ заботиться объ образованіи вкуса слушателей, обращая вниманіе ихъ на истинное и прекрасное какъ въ мысли, такъ и въ выраженіи писателя, и показывая все безобразіе уклоненій отъ законовъ истины и красоты: это *возвышеніе духа есть настоящій предметъ эстетики*, которая служитъ вѣнцомъ словесныхъ наукъ и возбуждаемыя ими чувства возводитъ въ сознательную мысль, открывая путь къ вѣрному пониманію и оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, и т. д.

Свобода преподаванія признана живительнымъ началомъ ученой дѣятельности университета. Въ планѣ говорится, что профессора «не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ: *свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ,* но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо».

Доступъ въ университетъ открытъ былъ для всѣхъ любознательныхъ посѣтителей, для студентовъ и постороннихъ слушателей, безъ различія лѣтъ и сословія. Свобода поступленія

въ университетъ тѣмъ замѣчательнѣе, что застарѣлый предразсудокъ, державшійся нѣсколько вѣковъ въ университетахъ различныхъ странъ Европы, полагалъ рѣзкое различіе между сословіями. Во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ студенты изъ высшаго дворянства пользовались преимуществами не только передъ своими товарищами, но и передъ наставниками. Молодые князья, графы и бароны избираемы были въ ректоры съ правомъ принять себѣ въ помощники, если пожелаютъ, проректора изъ профессоровъ; студенты знатнаго происхожденія вписывались въ особую книгу съ изображеніемъ ихъ герба, въ судѣ имѣли право сидѣть, между тѣмъ какъ товарищи ихъ стояли, и т. п.[74]). Въ уставахъ русскихъ учебныхъ заведеній допускалось различіе съ одной стороны между свободными и крѣпостными, съ другой—между дворянами и разночинцами. Въ докладѣ объ учрежденіи Казанской гимназіи, представленномъ мѣстными властями, находится слѣдующее мѣсто: дѣти дворянъ и разночинцевъ должны различаться по форменной одеждѣ, у дворянъ воротникъ и обшлага бѣлые, у разночинцевъ — темнозеленые; въ классахъ сидѣть дворянамъ за особливымъ отъ разночинцевъ столомъ, обѣдъ и ужинъ, а также и постели, имѣть въ особливыхъ комнатахъ, наблюдая сколько возможно пристойности въ отличіе ихъ благороднаго происхожденія[75]). Въ утвержденномъ проектѣ объ учрежденіи Московскаго университета объяснено, что крѣпостныхъ людей нельзя принимать ни въ университетъ, ни въ гимназію, потому что науки почитаются *благородными* занятіями и не терпятъ принужденія; для различія дворянъ отъ разночинцевъ предписано учиться имъ въ разныхъ гимназіяхъ, и только въ университетѣ дозволялось имъ быть вмѣстѣ, у высшихъ наукъ, чтобы тѣмъ болѣе поощрить прилежаніе[76]). Защищая права русскаго крестьянства на высшее образованіе, Ломоносовъ ссылался на вопіющую потребность въ образованныхъ людяхъ для Россіи и на примѣръ иностранныхъ университетовъ. «Во всѣхъ европейскихъ государствахъ — говорилъ онъ — дозволено въ академіяхъ обучаться всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи при самомъ наукъ начинаніи сей источникъ запертъ: положенныхъ въ

подушный окладъ въ университетъ (академическій) принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина, а лучше выписывать»[77]). Доводы Ломоносова, и еще болѣе его собственный примѣръ рѣшилъ дѣло въ пользу низшихъ сословій. Въ планѣ университета, выработанномъ училищною коммиссіею въ прошломъ столѣтіи, читаемъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Всякій можетъ записаться въ студенты, какого бы званія и лѣтъ ни былъ; требуется только или представить свидѣтельство о знаніяхъ отъ главнаго народнаго училища, или выдержать вступительный экзаменъ: на первый случай испытаніе не должно быть строго, потому что русское юношество не имѣетъ еще способовъ надлежащимъ образомъ пріобрѣтать школьныя познанія; недостающее можно пополнить или частными уроками, или въ главномъ народномъ училищѣ, находящемся въ томъ же городѣ, гдѣ и университетъ. Несвободные люди также должны имѣть право быть въ университетѣ: когда несвободные люди будутъ въ университетѣ учиться, какъ и прочіе студенты, то симъ науки и ученые люди ни мало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и князи не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе. *Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ.* Исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низкаго состоянія пріобрѣли себѣ науками безсмертную славу; въ отечествѣ нашемъ стяжавшій оную Ломоносовъ служитъ неоспоримымъ истины сей доказательствомъ».

Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія снова поднятъ былъ вопросъ объ университетахъ, и открытіе ихъ вмѣнено въ главнѣйшую обязанность главному правленію училищъ. Въ первомъ же засѣданіи преобразованной коммиссіи объ училищахъ, въ которомъ присутствовали: Завадовскій, Муравьевъ, Чарторижскій, Потоцкій, Клингеръ, Янковичъ де-Миріево, Озерецковскій и Фусъ, академики: Озерецковскій и Фусъ приняли на себя трудъ сдѣлать начертаніе, въ которыхъ городахъ Россійской Имперіи выгоднѣе и удобнѣе

завести университеты съ назначенiемъ въ зависимость ихъ училищъ, находящихся въ прилежащихъ къ нимъ губернiяхъ. Фусъ въ проектѣ своемъ, представленномъ въ коммиссiю, предлагаетъ раздѣлить имперiю на шесть главныхъ полосъ, въ которыхъ и открыть университеты въ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани, Вильнѣ и Дерптѣ. Озерецковскiй, признавая полезнымъ учрежденiе также шести университетовъ, полагаетъ имъ быть, сверхъ существующихъ уже въ Москвѣ и Дерптѣ, еще въ Харьковѣ, Воронежѣ, Казани и Устюгѣ-Великомъ; училищамъ же губернiй: С.-Петербургской, Новгородской, Олонецкой и Выборгской состоять въ непосредственномъ вѣдѣнiи самой коммиссiи народнаго просвѣщенiя. По выслушанiи мнѣнiй, коммиссiя признала возможнымъ учредить одинъ университстъ, въ Кiевѣ или въ Казани, потому что въ первомъ изъ нихъ изстари учреждена академiя, а во второмъ существуетъ обширная гимназiя, слѣдовательно въ этихъ городахъ болѣе найдется учащихся, способныхъ проходить университетскiй курсъ. Въ прочихъ же городахъ, назначаемыхъ для университетовъ, учредить на первый разъ гимназiи, въ которыхъ бы учащiеся могли приготовиться къ университетскимъ лекцiямъ, а родители исподоволь ощутили бы пользу, проистекающую отъ ученiя. Впослѣдствiи главное правленiе училищъ измѣнило свое рѣшенiе согласно съ мнѣнiемъ Фуса, нашедшимъ сильную поддержку въ планѣ, представленномъ Чарторижскимъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ Фусъ предлагалъ учредить гимназiю или главное училище, въ каждомъ уѣздномъ городѣ— училище втораго разряда, въ каждомъ селенiи училище третьяго разряда[78]); сельскимъ училищамъ состоять подъ надзиранiемъ уѣздныхъ, уѣзднымъ быть въ зависимости отъ главныхъ губернскихъ училищъ, а послѣднимъ состоять подъ распоряженiемъ университетовъ, которые въ свою очередь должны состоять въ надзиранiи у мѣстнаго правителя или директора. Янковичъ де-Мирiево предлагалъ къ существующимъ уже университетамъ въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ прибавить еще три: въ С.-Петербургѣ, Казани и Кiевѣ. Въ коммиссiю представленъ былъ Чарторижскимъ, написанный имъ на французскомъ языкѣ, общiй планъ училищъ, подъ названiемъ началъ для образованiя народнаго воспитанiя въ

Россійской Имперіи, состоящій изъ десяти отдѣленій и ста двухъ статей, въ систематическомъ порядкѣ. Чарторижскій предлагаетъ учрежденіе школъ приходскихъ, уѣздныхъ, губернскихъ и университетовъ съ постепенною однихъ отъ другихъ зависимостью и подчиненіемъ, и для университетовъ избираетъ города: Москву, Петербургъ, Казань, Дерптъ, Вильну и Харьковъ. Завадовскій подвергъ новому разсмотрѣнію проектъ устава Московскаго университета, составленный комитетомъ, предшествовавшимъ коммиссіи. Для того же, чтобы дать университетамъ окончательное устройство въ связи со всѣми учебными заведеніями, приступлено къ разсмотрѣнію общаго плана народнаго воспитанія, который составленъ подъ руководствомъ коммиссіи правителемъ дѣлъ ея В. Н. Каразинымъ и названъ предначертаніемъ устава о общественномъ воспитаніи. Обсужденіе общаго плана началось съ тѣхъ статей, которыя относятся до образованія университетовъ. Члены главнаго правленія училищъ признали нужнымъ составить проектъ общаго устава университетовъ, который бы могъ служить образцомъ для частныхъ, и положили: взявъ за основаніе предначертаніе университетскаго устава, составленное Каразинымъ, главу объ устройствѣ учебной части поручить Фусу, главу о внутреннемъ управленіи университета—Озерецковскому, главу объ управленіи училищъ—Янковичу де-Миріево, а глава о хозяйственной части предоставлена попечителю Дерптскаго округа. Раздѣленіе наукъ по факультетамъ и росписаніе преподаванія, представленныя Фусомъ, найдены совершенно удовлетворительными[79]). Вмѣстѣ съ общимъ планомъ шли работы по частнымъ уставамъ университетовъ, начиная съ Виленскаго и кончая Харьковскимъ и Казанскимъ. Членамъ главнаго правленія училищъ, Потоцкому и Чарторижскому, министръ поручилъ заняться соображеніемъ всего, касающагося Виленскаго университета, имѣя въ виду устройство, введенное бывшею въ Польшѣ эдукаціонною коммиссіею. Уставы университетовъ Казанскаго и Харьковскаго составлены на точномъ основаніи устава Московскаго университета съ немногими измѣненіями, зависящими отъ мѣстныхъ обстоятельствъ[80]).

По мѣрѣ окончательной обработки проектовъ главное правленіе училищъ приступало къ ихъ обнародованію и введенію

въ дѣйствіе. Въ 1803 году утверждены: 24-го января—предварительныя правила народнаго просвѣщенія, 18-го мая—уставъ Виленскаго университета, 12-го сентября — уставъ Дерптскаго университета. 5-го ноября 1804 года утверждены уставы университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго[81]).

Въ предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія сказано: для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія, опредѣляется четыре рода училищъ, а именно: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты. Приходское училище должно быть при каждомъ приходѣ, уѣздное — въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гимназіи — въ каждомъ губернскомъ городѣ. Въ округахъ учреждаются университеты для преподаванія наукъ въ высшей степени; нынѣ назначается ихъ шесть, а именно: кромѣ существующихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, учреждаются въ округѣ Санкпетербургскомъ, въ Казани и въ Харьковѣ, во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи. Затѣмъ предназначаются для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными. Изъ пяти городовъ, названныхъ въ предварительныхъ правилахъ, университеты открыты только въ Харьковѣ и Казани, въ Петербургѣ же, вмѣсто университета въ его полномъ составѣ, открыто одно отдѣленіе его подъ названіемъ педагогическаго института, предназначенное для образованія юношества къ учительской должности[82]).

По уставу 1804 года, ученое сословіе университета заключало въ себѣ четыре отдѣленія или факультета: отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ, отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ, отдѣленіе врачебныхъ или медицинскихъ наукъ и отдѣленіе словесныхъ наукъ. Отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ составляли профессора: 1) богословія догматическаго и нравоучительнаго, 2) толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, 3) умозрительной и практической философіи, 4) правъ: естественнаго, политическаго и народнаго, 5) правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской Имперіи,

6) правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, 7) дипломатики и политической экономіи. Отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ—профессора: 1) теоретической и опытной физики, 2) чистой математики, 3) прикладной математики, 4) астрономъ-наблюдатель, 5) химіи, 6) ботаники, 7) минералогіи и сельскаго домоводства, 8) технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ—профессора: 1) анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, 2) патологіи, терапіи и клиники, 3) врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности, 4) хирургіи, 5) повивальнаго искусства, 6) скотолеченія. Отдѣленіе словесныхъ наукъ—профессора: 1) краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, 2) греческаго языка и словесности греческой, 3) древностей и языка латинскаго, 4) всемірной исторіи, статистики и географіи, 5) исторіи, статистики и географіи россійскаго государства, 6) восточныхъ языковъ, 7) теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Таково распредѣленіе каѳедръ въ Московскомъ университетѣ, уставъ котораго принятъ за норму. Въ университетахъ Казанскомъ и Харьковскомъ составъ факультетовъ: нравственно-политическаго и медицинскаго удержанъ тотъ же самый, что и въ Московскомъ; въ физико-математическомъ факультетѣ каѳедры: химіи, ботаники, минералогіи и сельскаго домоводства измѣнены такимъ образомъ: химіи и металлургіи, естественной исторіи и ботаники, сельскаго домоводства, и прибавлена девятая каѳедра: теоретической астрономіи въ Казанскомъ и военныхъ наукъ въ Харьковскомъ; въ словесномъ факультетѣ—тѣ же каѳедры за исключеніемъ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи.

Права университета заключались въ признаніи его высшею инстанціею по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ, въ дозволеніи имѣть собственную цензуру, въ неограниченномъ правѣ профессоровъ пользоваться всѣми рукописями и печатными книгами, не стѣсняясь цензурными запрещеніями, и въ свободѣ преподаванія. Совѣтъ университета—сказано въ уставѣ—есть высшая инстанція по дѣламъ учебнымъ и по дѣламъ судебнымъ. Предварительными правилами народнаго просвѣщенія университетамъ исключительно предоставлена вну-

тренняя расправа надъ подчиненными имъ лицами и мѣстами: апелляція по приговорамъ университетскаго совѣта идетъ только въ правительствующій сенатъ. На основаніи устава, университетъ имѣетъ типографію и собственную цензуру для всѣхъ сочиненій, издаваемыхъ его членами и печатаемыхъ въ его округѣ, а также для книгъ, выписываемыхъ имъ изъ чужихъ краевъ. Университетъ имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи типографію и книжную лавку; въ типографіи печатается все, что по мнѣнію совѣта можетъ служить къ распространенію знаній въ его округѣ. Все, что печатается по опредѣленію университетскаго совѣта или правленія, не подлежитъ цензурѣ. Въ университетской библіотекѣ могутъ храниться всѣ печатныя и рукописныя сочиненія, которыя нужно имѣть по мнѣнію факультетовъ, и *неограниченное* позволеніе пользоваться ею оставляется только профессорамъ и адъюнктамъ: никому, кромѣ ихъ, не дозволено выдавать изъ библіотеки книгъ, признанныхъ цензурою соблазнительными и вредными. Каждый профессоръ для чтенія лекцій избираетъ книгу своего сочиненія или другаго извѣстнаго ученаго и представляетъ избранное сочиненіе на утвержденіе совѣта, которому одному предоставлено право распоряжаться ученою частью университета.

Совѣтъ избиралъ профессоровъ, адъюнктовъ и почетныхъ членовъ университета, опредѣлялъ преподавателей въ гимназіи и уѣздныя училища, распредѣлялъ курсы, разсматривалъ переносимыя изъ правленія тяжебныя дѣла и т. д. Замѣчательно, что не только факультетскимъ, но и общимъ собраніямъ приданъ былъ *ученый* характеръ. Сверхъ обычныхъ засѣданій совѣта, всякій мѣсяцъ—сказано въ уставѣ—должно быть особенное собраніе, въ которомъ профессора и почетные члены разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, предлагаемыхъ ректоромъ или кѣмъ-либо изъ членовъ. Главная обязанность профессоровъ состояла въ томъ, чтобы читать лекціи лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ, соединяя теорію съ практикою во всѣхъ наукахъ, въ которыхъ это нужно; преподаваемые курсы пополнять новыми открытіями, сдѣланными въ другихъ странахъ Европы; присутствовать въ за-

сѣданіяхъ и при испытаніяхъ, и руководствовать адъюнктовъ.

Связь между профессорами и студентами поддерживалась учрежденіемъ бесѣдъ: желательно — сказано въ уставѣ — чтобы профессора нѣкоторыхъ наукъ, особливо словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, учредили бесѣды со студентами, въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія, пріучая ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли. Библіотекарь избирался изъ профессоровъ, помощникъ его—изъ адъюнктовъ или магистровъ, а письмоводитель библіотеки—изъ студентовъ. Посредниками между профессорами и студентами были кандидаты и магистры, поставленные въ ближайшія отношенія къ студентамъ и готовившіеся къ профессорскому званію. Студенты, окончившіе трехлѣтній курсъ, продолжали, по собственному желанію и подъ руководствомъ профессоровъ, университетскія научныя занятія; изъ числа кандидатовъ и магистровъ совѣтъ избиралъ помощниковъ инспектора, жившихъ вмѣстѣ со студентами, имѣвшихъ съ ними общій столъ и наблюдавшихъ за образомъ жизни и занятіями студентовъ.

Сближенію университета съ обществомъ и развитію ученолитературной дѣятельности содѣйствовали: право на открытіе ученыхъ обществъ и вызовъ на ученые труды посредствомъ раздачи премій за лучшія сочиненія. Къ особливому достоинству университета—говоритъ уставъ—отнесется составленіе въ нѣдрѣ его ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ русской и древней классической словесности, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ (exactes); университетъ можетъ споспѣшествовать имъ печатаніемъ на свой счетъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій. Совѣтъ ежегодно предлагаетъ задачу, служащую къ распространенію наукъ, съ обѣщаніемъ за удовлетворительное рѣшеніе награжденія, соразмѣрнаго важности задачи. Цензура всѣхъ печатаемыхъ въ краѣ книгъ предоставлена университету: обязанность разсматривать назначаемыя къ печати сочиненія знакомила членовъ университета съ литературною производительностью края и съ характеромъ и степенью его образованности.

Особенности каждаго изъ трехъ университетовъ, открывающіяся изъ самаго устава, заключаются въ указанномъ нами различіи распредѣленія каѳедръ по факультетамъ. Учрежденіе въ Московскомъ университетѣ каѳедры археологіи и теоріи изящныхъ искусствъ, несуществующей въ другихъ университетахъ, объясняется тѣмъ сочувствіемъ къ классической древности, которымъ отличались попечитель и нѣкоторые изъ профессоровъ: въ средѣ ихъ были почитатели Винкельмана, знакомившіе съ его идеями о древнемъ искусствѣ какъ слушателей своихъ, такъ и все читающее общество. Въ Казанскомъ университетѣ, въ отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ, введена каѳедра теоретической астрономіи, имѣвшая ревностнаго поборника въ лицѣ попечителя Румовскаго, который еще въ началѣ своего ученаго поприща могъ дѣлать «обсерваціи, коихъ и славные астрономы не безъ осторожности ожидали», а впослѣдствіи былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ ученыхъ по астрономіи. При устройствѣ ученой части университетовъ руководствовались современнымъ состояніемъ наукъ въ Европѣ и распредѣленіемъ ихъ въ лучшихъ европейскихъ университетахъ. Но не были забыты и мѣстныя потребности, проистекающія изъ особенностей края и настроенія жителей. Такъ какъ большинство студентовъ на первыхъ порахъ должно было состоять изъ молодыхъ людей дворянскаго и духовнаго сословія, то и предположено было открытіе каѳедры военныхъ наукъ и учрежденіе богословскаго факультета.

Потребность въ людяхъ, знающихъ военныя науки, сознаваема была еще Петромъ Великимъ, желавшимъ ввести въ составъ университета отдѣленіе военныхъ наукъ. Открытіе кадетскихъ корпусовъ было слѣдствіемъ той же потребности. Расположеніе къ военной службѣ было общимъ у нашего дворянства, предпочитавшаго ее всѣмъ другимъ родамъ государственной службы. Образованнѣйшими изъ мѣстныхъ жителей губерній Казанскаго учебнаго округа заявляемы были главному правленію училищъ «мысли о просвѣщеніи», подобныя слѣдующимъ: учрежденіе университетовъ должно наиболѣе клониться къ просвѣщенію юношей дворянскаго сословія, занимающаго важнѣйшія должности въ государствѣ; въ университетахъ необходимо преподаваніе наукъ воинскихъ,

чтобы отвратить издержки, соединенныя съ учрежденіемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ военныхъ дворянскихъ училищъ, а равнымъ образомъ и для того, чтобы отъ раздѣленія образованія на гражданское и военное не вкралось излишнее и вредное по своимъ слѣдствіямъ пристрастіе къ одной изъ государственныхъ службъ въ ущербъ другой [83]). Нѣкоторые изъ дворянъ Харьковской губерніи, внося значительныя суммы на будущій университетъ, были вполнѣ увѣрены, что въ немъ будутъ преподаваться военныя науки, и не скрывали своего неудовольствія, видя, что вносимыя ими деньги идутъ не на военное училище, изъ котораго бы дѣти ихъ выходили съ званіемъ офицера [84]). Сообразуясь съ настроеніемъ мѣстнаго общества, одинъ изъ профессоровъ при открытіи Харьковскаго университета говорилъ рѣчь, начинающуюся словами: «честь и слава благороднымъ военнымъ занятіямъ», и доказывающую, что изученіе наукъ не только не отвлекаетъ отъ военной службы, въ высшей степени полезной для общества, но даетъ ей новую цѣну, возвышая и облагороживая какъ цѣль веденія войны, такъ и слѣдствіе одержанныхъ побѣдъ [85]). Въ проектѣ университета, представленномъ въ Харьковѣ полному дворянскому собранію 29-го августа 1802 г., предполагался особый факультетъ подъ названіемъ отдѣленія военныхъ познаній. Въ этомъ любопытномъ проектѣ, послужившемъ основаніемъ для приговора дворянскаго собранія, университетъ раздѣляется на девять отдѣленій, открываемыхъ постепенно, а именно: наукамъ, свойственнымъ каждому званію въ особенности, должны предшествовать науки, пристойныя каждому благовоспитанному гражданину: такого рода: знаніе языковъ, особенно природнаго, также знаніе математики, физики, исторіи, географіи; такимъ образомъ первымъ отдѣленіемъ университета будетъ: 1) *отдѣленіе общихъ познаній*, которое откроется въ самомъ началѣ, т. е. не позже 1-го сентября 1803 года. Вмѣстѣ съ первымъ можетъ открыться второе, въ которомъ наставляемы будутъ въ рисованіи, музыкѣ, танцованіи, фехтованьи, въ верховой ѣздѣ и и въ нѣкоторыхъ ручныхъ работахъ: оно можетъ назваться 2) *разрядомъ пріятныхъ искусствъ*. 3) *Отдѣленіе богословское:* естественное богословіе, христіанское нравоученіе, историческія и догматическія истины религіи, церковная исторія,

древніе языки. 4) *Отдѣленіе гражданскихъ познаній.* 5) *Отдѣленіе военныхъ познаній.* 6) *Отдѣленіе врачебныхъ познаній.* 7) *Отдѣленіе гражданскихъ искусствъ:* архитектуры, механики, гидравлики, землемѣрія и т. п. 8) *Отдѣленіе учености,* въ которомъ будутъ образовываться: математики, физики, химики, натуралисты и астрономы; въ этомъ же отдѣленіи будутъ преподаваемы: исторія наукъ, педагогія и другія познанія, наиболѣе свойственныя учительской должности. 9) *Отдѣленіе изящныхъ художествъ:* когда увеличится дѣятельность въ губерніи, явятся избытки, города почувствуютъ нужду въ украшеніи, стеченіе людей съ состояніемъ увеличится, тогда для края понадобятся художники: живописцы, скульпторы, музыканты и т. п., и явится необходимость въ отдѣленіи изящныхъ художествъ [86]).

Каѳедра военныхъ наукъ включена въ составъ физико-математическаго отдѣленія Харьковскаго университета. Но мысли о богословскомъ факультетѣ не суждено было осуществиться, несмотря на то, что ее настойчиво поддерживали члены главнаго правленія училищъ, особенно графъ Потоцкій и Новосильцовъ, управлявшій Харьковскимъ округомъ во время отсутствія Потоцкаго. Немедленное открытіе богословскаго факультета, вмѣстѣ съ прочими, находили дѣйствительнѣйшимъ средствомъ умножить число студентовъ изъ духовнаго званія, полагая, что они охотнѣе будутъ увольняемы изъ семинарій по удостовѣреніи, что пріемъ въ студенты не обязываетъ ихъ къ перемѣнѣ прежняго ихъ назначенія. Для преподаванія предметовъ богословскаго факультета были уже избраны и представлены на утвержденіе три лица, и въ томъ числѣ ректоръ Кіевской духовной академіи [87]). Богословскій факультетъ не былъ открытъ по той причинѣ, что высшее богословское образованіе, по распоряженію св. синода, предоставлено не университетамъ, а духовнымъ академіямъ.

По утвержденіи университетскихъ уставовъ главное правленіе училищъ приступило къ ихъ выполненію, возложивъ эту трудную и многосложную задачу преимущественно на тѣхъ членовъ, которымъ ввѣрено было попеченіе объ университетахъ и ихъ округахъ. Въ Харьковскомъ университетѣ предположено открыть прежде всего факультетъ философскій или отдѣленіе общихъ приготовительныхъ наукъ, требующее

десяти или двѣнадцати профессоровъ. Стараясь узнать образъ мыслей здѣшнихъ дворянъ о воспитаніи своихъ дѣтей—пишетъ попечитель Харьковскаго университета — я нахожу, что общее ихъ мнѣніе по этому предмету далеко отстоитъ отъ истинной цѣли. Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя о нихъ весьма темное понятіе, не радѣли они о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершать ихъ знанія: они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше четырнадцатилѣтняго возраста посѣщать гимназіи, которыя, впрочемъ, не приведены еще въ желаемое состояніе. Поэтому если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ пріемѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента, и цѣлому поколѣнію пришлось бы заградить путь къ образованію. Убѣждаясь такими причинами, я нахожусь вынужденнымъ учредить при университетѣ приготовительный курсъ, въ которомъ молодые люди пріобрѣтутъ достаточныя свѣдѣнія къ слушанію высшихъ наукъ. Министръ вполнѣ одобрилъ предположеніе попечителя объ устройствѣ приготовительнаго курса, находя эту мѣру единственнымъ способомъ умножить число студентовъ[88]). По открытіи Харьковскаго университета, всѣхъ профессоровъ, адъюнктовъ, лекторовъ и учителей искусствъ было 24, а по уставу однихъ профессоровъ полагалось 28; вмѣсто четырехъ факультетовъ, первоначально открыто было только три: этико-политическій, физико-математическій и словесный; лекціи же въ медицинскомъ факультетѣ нѣсколько разъ прерывались за неимѣніемъ слушателей: число ихъ увеличилось благодаря содѣйствію преосвященнаго Христофора Сулимы, дозволившаго семинаристамъ посѣщать медицинскія лекціи. Святѣйшимъ синодомъ уволено было въ Харьковскій университетъ сорокъ воспитанниковъ Курской семинаріи и Харьковскаго коллегіума, имѣющихъ отличныя дарованія и склонность къ наукамъ. Извѣщая объ этомъ, главное правленіе училищъ выражаетъ свою признательность духовному сословію за его существенное содѣйствіе для народнаго образованія. «Россійскому духовенству — сказано въ журналѣ главнаго правле-

нія училищъ — отечество наше много одолжено со стороны просвѣщенія; науки первое пристанище въ Россіи нашли въ духовномъ званіи; въ немъ они имѣли первыхъ своихъ любимцевъ. Въ доказательство сего можно здѣсь торжественно указать на тѣ случаи, когда духовенство наше доставило государству *болѣе трехъ сотъ учителей* при учрежденіи народныхъ училищъ. И нынѣ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ поступило слишкомъ *сто* человѣкъ, въ Харьковскій университетъ *сорокъ*, для большаго образованія себя въ наукахъ и пріуготовленія къ учительскимъ должностямъ»[89]).

До открытія Казанскаго университета въ полномъ его составѣ попечитель Румовскій предложилъ воспитывать на казенномъ иждивеніи по сорока человѣкъ въ Казанской гимназіи съ тѣмъ, что когда приспѣетъ время открыть лекціи въ университетѣ, они поступили бы въ студенты, а по окончаніи курса заняли бы учительскія мѣста. Иначе, хотя университетъ и будетъ существовать, но въ учителяхъ всегда будетъ недостатокъ, ибо для наполненія гимназій и училищъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ потребно болѣе 290 учителей наукъ и языковъ и 159 учителей рисованья, не считая настоящихъ 94 учителей и выключая Томскую губернію[90]). При первомъ образованіи Казанскаго университета поступило въ него 33 казенныхъ воспитанника изъ гимназіи и 8 своекоштныхъ слушателей; въ слѣдующемъ году число студентовъ увеличилось двадцатью двумя и т. д.; ежегодно увеличивалось какъ число студентовъ, такъ и число профессоровъ преподаваемыхъ предметовъ[91]). Полное открытіе университета послѣдовало не раньше 1814 года.

До окончательнаго устройства университетовъ главное правленіе училищъ сосредоточивало заботы свои на снабженіи ихъ живыми силами, принимая мѣры къ умноженію числа студентовъ и къ замѣщенію каѳедръ. По уставу право выбора профессоровъ принадлежало исключительно совѣту университета. Каждый профессоръ того факультета, въ которомъ находится свободная каѳедра, не ранѣе какъ спустя мѣсяцъ, представлялъ имя кандидата и сочиненія его, если онъ внѣ Россіи; кандидатъ же, находящійся въ университетскомъ городѣ, самъ обязанъ былъ представить совѣту свои сочиненія, общее разсужденіе о наукѣ, объ ея ходѣ и настоящемъ состояніи, объ

удобнѣйшемъ способѣ преподаванія ея и о писателяхъ, наиболѣе объяснившихъ относящіеся къ ней предметы. Но на первыхъ порахъ, когда совѣты или вовсе еще не существовали, или же составъ ихъ былъ крайне ограниченъ, и нѣкоторые факультеты не имѣли почти представителей, надо было пріискать другіе способы для замѣщенія каѳедръ. По внимательномъ обсужденіи дѣла, главное правленіе училищъ возложило эту обязанность, до образованія совѣтовъ, на попечителей съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы они употребляли все свое вниманіе избирать людей, заслужившихъ уваженіе въ ученомъ мірѣ своими учеными трудами или успѣшнымъ преподаваніемъ науки. Во-вторыхъ, тѣ ученые, въ представленіи о которыхъ попечители не могутъ руководствоваться ни сочиненіями ихъ, ни университетскими дипломами, ни гласною рекомендаціею мужей, имѣющихъ имя въ ученомъ свѣтѣ, должны лично подвергаться испытанію комитета, который можетъ быть составленъ въ Петербургѣ изъ членовъ академіи наукъ. Въ составленіи комитета встрѣчалось то неудобство, что въ составѣ академіи не доставало лицъ, которыя могли бы принять на себя званіе экзаменаторовъ по нѣкоторымъ предметамъ, входящимъ въ университетскій курсъ, какъ напримѣръ по каѳедрамъ: умозрительной философіи, исторіи и древностей, политической экономіи, юриспруденціи и проч. Вообще, главное правленіе училищъ должно было признать, что всякая мѣра для начальнаго составленія университовъ изъ достойныхъ профессоровъ будетъ затруднительна и крайне недостаточна, если попечители округовъ собственнымъ благоразуміемъ и осторожнымъ выборомъ не будутъ соотвѣтствовать оказанному имъ довѣрію [92]).

Много полезныхъ дѣятелей приглашено въ Казанскій университетъ Румовскимъ, добросовѣстно исполнявшимъ особенно важную въ то время обязанность попечителя. Выборъ его всего удачнѣе былъ по наукамъ математическимъ, составлявшимъ его спеціальность. Особенною дѣятельностью и счастливымъ выборомъ отличался Харьковскій попечитель Потоцкій. Чтобы видѣть, какъ ревностно заботился онъ объ университетѣ, довольно указать на два случая, совершенно противоположные одинъ другому. Во время своего заграничнаго путешествія Потоцкій имѣлъ въ виду приглашать въ

Харьковскій университетъ извѣстныхъ ученыхъ: встрѣтивши на балѣ въ Вѣнѣ ученаго славянина, которому австрійское правительство дѣлало самыя лестныя предложенія, Потоцкій съ такою убѣдительностью призывалъ его къ распространенію знаній въ соплеменной ему Россіи, что ученый не только изъявилъ свое согласіе, но на томъ же балѣ подписалъ условія для перехода въ Харьковскій университетъ. По возвращеніи изъ-за границы Потоцкій обозрѣвалъ свой округъ: проѣзжая городокъ Харьковской губерніи Валки, онъ вошелъ въ видѣ посторонняго человѣка въ училище, въ классъ закона Божія, преподаваемаго священникомъ, о которомъ ходила добрая слава, остался въ Валкахъ до другаго дня, присутствовалъ при объясненіи евангелія, долго бесѣдовалъ съ преподавателемъ и, убѣдившись въ его достоинствахъ, предложилъ ему каѳедру богословія въ университетѣ. Достойный преподаватель получилъ камилавку, первую въ Харьковской епархіи, и въ указѣ св. синода сказано, что она пожалована по ходатайству графа Потоцкаго[93]). Эти два случая извѣстны не только по оффиціальнымъ актамъ, но и по достовѣрнымъ семейнымъ преданіямъ. Множество другихъ несомнѣнныхъ фактовъ свидѣтельствуютъ о просвѣщенномъ подвигѣ Потоцкаго на благо университета, какъ выразился Завадовскій, умѣвшій цѣнить своего доблестнаго сотрудника. Университеты съ своей стороны употребляли всѣ старанія, чтобы замѣстить каѳедры достойними людьми, и лучше соглашались оставить на нѣкоторое время иную каѳедру незамѣщенною, нежели отдать ее безъ должнаго, осмотрительнаго выбора. Достоинство университетскихъ выборовъ видно изъ того, что на каѳедру русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ избранъ былъ исторіографъ Карамзинъ, на каѳедру правъ, преимущественно римскаго—знаменитый ученый Цахаріэ. Каѳедру древнихъ литературъ предлагали Фридриху Августу Вольфу, труды котораго составляютъ эпоху въ изслѣдованіи гомерическаго эпоса. Совѣтъ Харьковскаго университета выбралъ въ 1807 году Вольфа ординарнымъ профессоромъ латинскаго языка и археологіи. Политическія смуты, неопредѣленность будущаго и другія соображенія заставили Вольфа рѣшиться на переѣздъ въ Харьковъ. Онъ подалъ уже въ отставку, но былъ удержанъ въ прусской

службѣ рескриптомъ короля, обѣщавшимъ большія выгоды ученому, которымъ гордилась Германія [94]).

Первые профессора русскихъ университетовъ состояли изъ природныхъ русскихъ и иностранцевъ. Русскіе избираемы были преимущественно изъ лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность своими полезными учено-литературными трудами и своею педагогическою дѣятельностью. Въ числѣ первыхъ профессоровъ были и члены россійской академіи, и преподаватели учительской семинаріи и главныхъ народныхъ училищъ, и бывшіе студенты Московскаго университета, а также врачи и чиновники: врачи преподавали медицинскія и естественныя науки, а нѣкоторые изъ гражданскихъ чиновниковъ, получившіе научное образованіе, руководствовали струдентовъ при изученіи юридическихъ наукъ, соединяя теорію съ практикою.

Внѣ предѣловъ Имперіи приглашаемы были профессора изъ славянскихъ земель, преимущественно изъ карпатской Руси, всего болѣе изъ Германіи, отчасти изъ Франціи, Швейцаріи и Англіи. Завадовскій въ письмѣ къ Потоцкому указывалъ на славянскія области, откуда слѣдуетъ приглашать ученыхъ, для которыхъ не чуждъ русскій языкъ. Преподаваніе на русскомъ языкѣ тѣмъ удобнѣе было для приглашаемыхъ въ Россію славянъ, что въ исходѣ восемнадцатаго вѣка русинскій языкъ получилъ право гражданства. Въ Львовскомъ университетѣ читали на русскомъ языкѣ: богословскія науки, чистую и прикладную математику, физику, теоретическую и практическую философію и другіе предметы [95]). Впослѣдствіи, ученымъ карпатской Руси предоставленъ былъ выборъ всѣхъ свободныхъ каѳедръ въ Казанскомъ и Харьковскомъ университетахъ, которыхъ на ту пору было около двадцати, съ различными служебными преимуществами [96]).

Для вызова въ русскіе университеты людей, имѣющихъ отличное имя въ ученомъ свѣтѣ, главное правленіе училищъ поручило составить списокъ кандидатовъ двумъ изъ своихъ членовъ: попечителю Дерптскаго округа и непремѣнному секретарю академіи наукъ, по ихъ обширной ученой корреспонденціи въ чужихъ краяхъ. Сверхъ того, ректоры университетовъ сносились съ иностранными учеными и непосредственно, и черезъ русскія посольства. Непремѣнный секре-

тарь академіи представилъ, что лейпцигскій докторъ Гедвигъ, ротенбургскій аптекарь Шиллеръ, геттингенскій докторъ Лангебекъ и зальцбургскій профессоръ Харли изъявили желаніе занять профессорскія мѣста въ Россіи [97]). Ректоръ Харьковскаго университета обратился къ графу Воронцову, русскому посланнику Англіи, съ просьбою содѣйствовать въ пріисканіи ученаго на каѳедру технологіи и наукъ, относящихся до торговли. Воронцовъ увѣдомилъ, что профессоръ моральной философіи и политической экономіи въ Эдинбургскомъ университетѣ Дюгальдъ Стюартъ рекомендуетъ Стефенсона, а Сарторіусъ и Миллеръ, авторъ исторіи Швейцаріи, рекомендуютъ Конвердена, и т. д. [98]).

Отношеніе между числомъ русскихъ и иностранныхъ профессоровъ измѣнялось: русскій элементъ постепенно одерживалъ перевѣсъ, хотя и происходили колебанія. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ въ Харьковскомъ университетѣ существовало такое отношеніе:

				Изъ нихъ русскихъ	иностран.
Въ 1804 г.	всѣхъ проф.	и преподават.	19;	6	13
» 1805—1809 гг.	»	»	21—26;	7	14—19
» 1810 »	»	»	24;	17	7
» 1811 »	»	»	24;	10	14
» 1812 »	»	»	28;	12	16
» 1813 »	»	»	33;	15	18
» 1814 »	»	»	32;	16	16 [99]).

Въ 1809 году въ Казанскомъ университетѣ на русскомъ языкѣ читалось 8 предметовъ, на латинскомъ 5, на французскомъ 3, на нѣмецкомъ 1; въ 1813 году на русскомъ 18, на латинскомъ 6, на французскомъ 3, на нѣмецкомъ 1. Въ 1815 году министерство народнаго просвѣщенія категорически заявило требованіе, чтобы на вакантныя каѳедры предлагаемы были членами университетскаго совѣта одни только русскіе ученые, но отнюдь не иностранцы [100]).

При самомъ учрежденіи университетовъ встрѣчаемъ почтенныя имена Рижскаго, Осиповскаго, Успенскаго и другихъ русскихъ ученыхъ, призванныхъ изъ различныхъ краевъ Россіи.

Первымъ ректоромъ Харьковскаго университета, принимавшимъ дѣятельное участіе въ его устройствѣ, былъ профессоръ словесности Иванъ Степановичъ *Рижскій* [101]). Уроженецъ города Риги, отчего и получилъ свое прозвище, Рижскій началъ свое образованіе въ Псковской семинаріи, а окончилъ въ Троицкой лаврской, въ которой былъ потомъ преподавателемъ, обучая риторикѣ, піитикѣ, исторіи, римскимъ древностямъ и философіи. Время ученія и преподаванія Рижскаго въ Троицкой семинаріи, съ 1775 по 1786 г., было порою обновленія славяно-греко-латинской академіи, подъ вліяніемъ которой находились подвѣдомыя ей заведенія [102]). Схоластика смѣнялась новыми системами, старинные авторитеты уступали мѣсто Декарту, Бэкону и Вольфу. Въ числѣ профессоровъ академіи находился префектъ Дамаскинъ, издатель сочиненій Ломоносова, бывшій студентъ Геттингенскаго университета, слушавшій тамъ, сверхъ богословскихъ предметовъ, универсальную и европейскую исторію, статистику, математику и экспериментальную физику. Въ лекціяхъ своихъ онъ пользовался сочиненіями Вольфа, Бильфингера, Гольмана и другихъ писателей. По Гольману составлена и логика Рижскаго, изданная имъ по переходѣ въ новое вѣдомство. Въ преподаваніи словесности руководствовались риториками Бургія, Ломоносова и пастора Франциска Лежаева, соображаясь съ методою Ролленя; образцами служили: Горацій, Цицеронъ, Квинтиліанъ и изъ русскихъ писателей преимущественно Ломоносовъ. По прочтеніи Плинія, Лактанція, Іеронима дѣлались «имитаціи съ замѣчаніемъ фразесовъ и переводовъ», стараясь, чтобы «въ пероραціяхъ пристойность гестовъ умѣли представлять, что великую живость рѣчи придаетъ, а безъ того и лучшая рѣчь мертва». Изданная Рижскимъ риторика носитъ слѣды школьнаго образованія автора, хотя у него гораздо менѣе схоластики, нежели у многихъ изъ его образцовъ. Будучи наставникомъ семинаріи, Рижскій издалъ сочиненія, находящіяся въ связи съ преподаваемыми имъ предметами: въ 1784 г.— о богослуженіи древнихъ римлянъ, а въ 1786 г.—о политическомъ состояніи древняго Рима.

По прибытіи въ Петербургъ Рижскій поступилъ учителемъ въ горное училище, переименованное впослѣдствіи въ

горный кадетскій корпусъ, гдѣ преподавалъ латинскій языкъ въ верхнемъ классѣ, логику, риторику, исторію и географію, и обучалъ переводамъ съ французскаго языка. По выходѣ изъ училища онъ снова былъ приглашенъ преподавать логику и риторику юношамъ, посвящающимъ себя горной службѣ; президентъ бергъ-коллегіи писалъ Рижскому: «какъ усовершенствованіе въ дарованіяхъ хорошо изъяснять свои мысли и здраво разсуждать составляютъ важную необходимость для тамошнихъ воспитанниковъ, дабы впослѣдствіи могли они быть способнѣе къ возлагаемымъ на нихъ должностямъ, то я желалъ бы, чтобы вы взяли на себя преподаваніе имъ риторики и логики». Первыми питомцами горнаго училища были прибывшіе изъ Москвы студенты университета; въ спискѣ преподавателей находимъ имя извѣстнаго баснописца Хемницера. Вскорѣ по открытіи горнаго училища учреждено при немъ *ученое собраніе*, которое занималось составленіемъ горнаго словаря, сочиненіемъ и переводомъ съ иностранныхъ языковъ книгъ по горной части. Общество, въ продолженіе своего кратковременнаго существованія, издало значительное число оригинальныхъ сочиненій и переводовъ [103]). Опытъ рудословной системы, Кронштедта, переведенъ Курдымановъ, бывшимъ студентомъ Московскаго университета; переводъ исправленъ Рижскимъ и изданъ въ 1789 году. По порученію горнаго вѣдомства, Рижскій перевелъ съ французскаго физическое и топографическое описаніе Тавриды, Палласа. Въ 1790 г. издалъ свою логику, а въ 1796 г. риторику. Въ «умословіи или умственной философіи», какъ названа имъ логика, «главное расположеніе системы и большая часть правилъ и размышленій почерпнуты изъ философскихъ сочиненій Гольмана; не мало изъ другихъ извѣстнѣйшихъ писателей сего рода; прочее же единственно изъ природнаго умословія».

Въ 1803 году Рижскій, по выбору и приглашенію попечителя Потоцкаго, опредѣленъ профессоромъ россійской словесности и краснорѣчія въ Харьковскомъ университетѣ; по открытіи его былъ деканомъ отдѣленія словесныхъ наукъ и ректоромъ университета: въ этомъ званіи онъ оставался до смерти своей, послѣдовавшей въ 1811 году. Въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ получилъ званіе док-

тора философіи. Въ теченіе шестилѣтняго пребыванія своего въ Харьковскомъ университетѣ, не смотря на поглощавшія время его служебныя обязанности по устройству новаго университета, Рижскій принесъ значительный вкладъ въ нашу скудную въ то время научную литературу, особенно по теоріи и исторіи словесности. Онъ издалъ вторично, со многими дополненіями и исправленіями, свою риторику, признанную университетомъ лучшею на русскомъ языкѣ. По порученію россійской академіи составилъ одобренную ею логику. Написалъ разсужденія: объ изящныхъ наукахъ, о познаніи, свойственномъ воображенію, о состояніи славянскаго языка въ древнія времена, о томъ, что внимательное упражненіе въ россійскомъ словѣ внушаетъ любовь къ отечеству,— читанныя имъ въ годичныхъ собраніяхъ университета, — и введеніе въ кругъ словесности, напечатанное въ 1806 году. Наконецъ, написалъ «Науку стихотворства», одобренную и изданную академіею, въ 1811 году, и представляющую одинъ изъ первыхъ опытовъ систематическаго изложенія піитики на русскомъ языкѣ. Въ филологическихъ понятіяхъ вообще Рижскій держался механической теоріи Бросса, господствовавшей у насъ до весьма недавняго времени и имѣвшей многихъ послѣдователей, отъ Шишкова до Павскаго, не вполнѣ освободившагося отъ нея. Къ мыслямъ Шишкова о русскомъ слогѣ Рижскій питалъ большое сочувствіе, не вдаваясь впрочемъ во всѣ его крайности. Въ лекціяхъ по теоріи словесности Рижскій пользовался отчасти сочиненіями Эшенбурга, Блера, Зульцера, но главными его руководителями оставались французскіе теоретики, сквозь призму которыхъ онъ смотрѣлъ и на древнихъ писателей. Онъ любилъ ссылаться на Вольтера и на энциклопедистовъ вообще, мнѣнія которыхъ были тогда въ ходу въ нашемъ литературномъ мірѣ [104]). Любимымъ его русскимъ писателемъ былъ Дмитріевъ: въ литературѣ онъ былъ для него такимъ же авторитетомъ, какимъ Шишковъ въ филологіи и стилистикѣ.

Раздѣляя подобно многимъ изъ своихъ современниковъ взглядъ Руссо на происхожденіе языка вслѣдствіе условнаго соглашенія, договора, Рижскій утверждалъ, что отъ произволенія и согласія цѣлаго общества зависѣло назвать всякую вещь такимъ или другимъ именемъ; творцы языковъ стара-

лись составить каждое слово своего языка изъ такихъ звуковъ, которые бы сколько возможно явственнѣе изображали природу и качества вещей. Междометія—произведеніе самой природы, всѣ другіе роды словъ изобрѣтены человѣкомъ; поэтому всѣ части рѣчи раздѣляются на два класса: слова сердца (les mots affectifs) и слова мысли (les mots énonciatifs). Нельзя—говорилъ Рижскій—вовсе чуждаться иностранныхъ словъ и за неимѣніемъ въ своемъ языкѣ слова отвергать идею, но съ другой стороны тогда только можно употреблять иностранное слово, когда оно всѣми принято и когда рѣшительно нѣтъ равносильнаго ему въ родномъ языкѣ. Но и этимъ, неизбѣжнымъ, иностраннымъ словамъ надо предпочитать природныя, которыя изобрѣтаются или возобновляются людьми, знающими языкъ основательно и философски, какъ напримѣръ: книгопечатня вмѣсто типографія, справщикъ вмѣсто корректоръ, лицедѣй вмѣсто актеръ, обзорище вмѣсто каланча, передовой и сторожевой полки вмѣсто авангардія и арьергардія. Что̀ выразительнѣе слова: неискусобрачный? сознаменательное съ нимъ латинское innuptus менѣе, а французское garçon еще менѣе выражаютъ, и т. п.[105]). Заботясь о замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими, Рижскій выражалъ взглядъ своихъ сочленовъ по академіи. Въ одномъ изъ ея засѣданій президентъ, стараясь изыскать всевозможныя средства къ обогащенію отечественнаго языка, предложилъ, чтобы члены академіи приняли на себя трудъ *дѣлать новыя* или заимствовать изъ древнихъ книгъ *слова*, могущія замѣнить рѣченія, вошедшія изъ иностранныхъ языковъ. Если кто изъ членовъ соберетъ довольное количество такихъ словъ, то академія, разсмотрѣвъ ихъ и напечатавъ особымъ листомъ, будетъ просить публику, занимающуюся русскою словесностью, сдѣлать на нихъ свои замѣчанія. Предложеніе президента принято единодушно, хотя въ прежнемъ засѣданіи одинъ изъ членовъ и сказалъ: «находящіяся въ отставкѣ слова принимать вновь въ службу нужды не настоитъ: общее употребленіе даетъ правила, а не правила производятъ общее употребленіе»[106]). Существенною заслугою ученаго академика Н. В. Озерецковскаго, бывшаго въ то же время членомъ россійской академіи, поставляли то, что онъ весьма удачно замѣнилъ русскими названіями мно-

гіе латинскіе и греческіе термины въ ботаникѣ и естественной исторіи.

Теорія поэзіи перешла нѣсколько фазъ въ своемъ развитіи. Долгое время пробивалась она началами, сохраняемыми какъ преданіе древняго міра, понимая ихъ съ чисто-формальной стороны. Гораціанское utile dulci считалось истымъ призваніемъ поэзіи, а разнообразная отдѣлка стиха—ея лучшимъ украшеніемъ. Вліяніе философскихъ идей о назначеніи человѣка и гармоніи его духовныхъ силъ вызвало другое воззрѣніе на поэзію: ее признали не только пріятною забавою, но увлекательнымъ средствомъ дѣйствовать на душу, возбуждая въ ней стремленіе къ добру и истинѣ. Со временъ основателя эстетики Баумгартена и его послѣдователей и продолжателей, избитое начало подражанія природѣ получило особый и обширный смыслъ, основываясь на требованіи отъ поэзіи согласоваться съ умственнымъ и нравственнымъ достоинствомъ духовной природы человѣка. Но поэзіи все-таки оставалась подчиненная роль: она должна была служить нравственнымъ интересамъ, и поэтому получила поучительный характеръ. Только съ водворенія Кантовой философіи, усвоенной Шиллеромъ, поэзія пріобрѣла самостоятельное значеніе, освободясь отъ постороннихъ цѣлей. Тогда только образовалось и ученіе о родахъ поэзіи, вытекающее изъ ея внутреннихъ свойствъ, а не зависящее отъ внѣшнихъ признаковъ, служившихъ до того времени единственнымъ основаніемъ дѣленія. Ученіе о видахъ поэзіи постоянно удерживало догматическій характеръ до тѣхъ поръ, пока наука словесности не была оживлена введеніемъ историческаго начала. По своему воззрѣнію на поэзію нашъ ученый принадлежитъ къ до-кантовскому періоду, но стоитъ выше тѣхъ теоретиковъ, которые смотрѣли на поэзію какъ на праздную забаву. Всѣ глубокомысленныя розысканія и остроумныя открытія—говоритъ онъ—были бы только пищею нашей суетности, если бы не служили ни къ какому полезному употребленію въ жизни. Есть много образованныхъ людей, которые, почитая достойными человѣка занятія, питающія умъ и доставляющія существенныя выгоды, считаютъ за ничто поэзію, потому что она, по ихъ мнѣнію, только обольщаетъ воображеніе и играетъ нашимъ сердцемъ.

Такое мнѣніе было бы справедливо, если бы дѣйствіе поэзіи надъ нами ограничивалось единственно пріятнымъ занятіемъ ума или сердца. Но это очарованіе есть не иное что, какъ средство доставить намъ истинную и весьма важную пользу, извлеченное изъ глубокаго знанія души и приносящее честь человѣческому уму. Ибо что можетъ быть важнѣе и благодѣтельнѣе, какъ впечатлѣть въ душѣ живыя чувства добродѣтели и отвращенія къ пороку? Вѣрнѣйшее средство къ достиженію подобной цѣли найдено наконецъ въ поэзіи. Поэзія плѣняетъ воображеніе и трогаетъ чувство единственно для того, чтобъ съ этою пріятною пищею дать непримѣтно вкусить сладость нравственнаго добра и горечь зла. Иногда поэзія пылкимъ словомъ выражаетъ наполняющія сердце чувства любви и удивленія къ добродѣтели: такова цѣль одъ. Иногда представляетъ намъ въ примѣръ великихъ героевъ, не такими, какъ они есть, а какими должны быть: такова цѣль поэмы. Иногда изображаетъ передъ нами то невинность, борющуюся съ крайними обстоятельствами, то порокъ во всей обширности свойственныхъ ему изступленій: въ первомъ случаѣ является трагедія, во второмъ—комедія. Иногда, чтобы не оскорбить нашего самолюбія, описывая наши пороки, вмѣсто насъ выводитъ безсловесныхъ животныхъ и даже неодушевленныя вещества: таково происхожденіе басни, и т. д. При опредѣленіи свойствъ каждаго вида, Рижскій, какъ и всѣ современные ему теоретики, держался догматической точки зрѣнія, хотя у него и встрѣчаются указанія на постепенное измѣненіе ихъ у различныхъ народовъ. Догматизмъ сглаживалъ особенности вѣка, настроенія и таланта писателей; Рижскій приводитъ образцовыя мѣста изъ Гомера, Виргилія, Камоэнса, Ломоносова, Державина, Петрова, Хераскова и другихъ. Лучшіе наши баснописцы—говоритъ онъ—Сумароковъ, Дмитріевъ и Хемницеръ, «много также содержатъ въ себѣ образцовъ сего искусства басни г. Крылова и графа Хвостова», и т. д. [108]).

Труды Рижскаго обратили на него вниманіе литературнаго ареопага того времени: въ 1802 г. Рижскій былъ блистательно избранъ въ члены россійской академіи. Видѣть имя свое въ спискѣ ея членовъ было самою лестною наградою для многихъ изъ тогдашнихъ литераторовъ, почитавшихъ избраніе

въ академію «счастливѣйшимъ событіемъ въ жизни» и говорившихъ, что «не только хвалиться, но и гордиться можно честью и славою быть пріобщеннымъ къ обществу, котораго всѣ подвиги клонятся къ тому, чтобы распространить въ отечествѣ нашемъ всѣ красоты и важность россійскаго слова, утвердить истинный вкусъ въ стихотворствѣ и краснорѣчіи, преподать полныя правила во всей словесности и совершенное въ письменахъ просвѣщеніе устроить». На четыре убылыя мѣста членовъ россійской академіи предложено было шесть кандидатовъ, въ томъ числѣ Рижскій и Дмитревскій, знаменитый актеръ, авторъ извѣстія о русскихъ писателяхъ, послужившаго Новикову поводомъ къ составленію историческаго словаря русскихъ писателей. Рижскій былъ представленъ графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ какъ писатель, «сочиненіями своими и переводами, въ свѣтъ изданными, оказавшій опыты искусства своего въ языкѣ отечественномъ». При выборѣ Рижскій получилъ десять избирательныхъ балловъ и два неизбирательныхъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ академіи, участвуя въ важнѣйшихъ ея трудахъ. По изданіи производнаго словаря и грамматики главныя занятія академіи заключались въ составленіи новаго словаря, располагаемаго въ порядкѣ азбучномъ, а не этимологическомъ, въ изданіи классическихъ произведеній словесности и въ сочиненіи логики, риторики и піитики. Въ засѣданіяхъ академіи, отъ перваго ея посѣщенія Рижскимъ до отъѣзда его въ Харьковъ, читаны были матеріалы для новосочиняемаго словаря на букву *б*, отъ слова «безумить» до слова «брязги». Академія поставляла своимъ непремѣннымъ долгомъ заботиться о доставленіи любителямъ русской словесности избраннѣйшихъ и достойныхъ подражанія образцовъ и примѣровъ для распространенія посредствомъ ихъ вкуса и охоты къ такимъ благороднымъ занятіямъ, какова словесность. Надежнѣйшимъ и кратчайшимъ путемъ для достиженія своей цѣли академія признала переложеніе на отечественный языкъ знаменитыхъ древнихъ и новѣйшихъ писателей; на первый разъ избраны ею: произведенія Тацита, фарсальская брань Лукана, двѣнадцать рѣчей Цицерона и нравственныя творенія Сенеки. Немедленно по вступленіи въ академію Рижскій принялъ на себя трудъ

перевести двѣнадцать отборныхъ рѣчей Цицерона. Тогда же другой новоизбранный академикъ, Никольскій, изъявилъ готовность собрать русскія пословицы и поговорки, съ объясненіемъ настоящаго ихъ значенія, могущія имѣть мѣсто въ академическомъ словарѣ. Сочиненіе риторики поручено было секретарю академіи Петру Соколову, сочиненіе «поэзіи или науки о стихотворствѣ» — графу Хвостову, а впослѣдствіи Карабанову, сочиненіе логики—Рижскому. Высылая въ академію составляемую имъ логику по мѣрѣ окончанія отдѣльныхъ ея частей, Рижскій сильно былъ озабоченъ ея судьбою и просилъ избавить его отъ неизвѣстности, утомляющей душу. Наконецъ логика была прочтена и разобрана: въ пользу ея подали голосъ даже самые строгіе судьи, обвинявшіе Румовскаго за его переводъ Тацита; признано, что логика заслуживаетъ изданія и можетъ съ пользою быть употребляема при наставленіи юношества. Съ большимъ вниманіемъ академія разсматривала послѣдній трудъ Рижскаго — «науку о стихотворствѣ», присланную авторомъ въ рукописи: изъ пятидесяти засѣданій около двадцати посвящено было чтенію ея или исключительно, или вмѣстѣ съ другими предметами. Коммиссія, образованная изъ четырехъ академиковъ: кн. Сергія Шихматова, двухъ Соколовыхъ и Севастьянова представила о трудѣ Рижскаго слѣдующій отзывъ: «Сіе сочиненіе, по многимъ причинамъ, заслуживаетъ должную похвалу и упражняющимся въ стихотвореніяхъ принесетъ великую пользу. Оно подаетъ полное понятіе я поэзіи вообще и содержитъ весьма достаточныя правила длъ всѣхъ родовъ стихотвореній. Господинъ сочинитель тѣмо большее имѣетъ право на признательность, что таковой книги на языкѣ нашемъ по сіе время не доставало. Нижеподписавшіеся также поставляютъ себѣ обязанностью замѣтить, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сего сочиненія слогъ шероховатъ и тяжелъ; періоды, по причинѣ многихъ, заключающихся въ нихъ посторонныхъ предложеній, слишкомъ длинны, а потому и темноваты; выборъ приведенныхъ примѣровъ не всякому покажется лучшимъ, что̀ и самою академіею при чтеніи онаго въ собраніяхъ примѣчено было: однакожъ сіи небольшіе недостатки, при самомъ преподаваніи, объясненіями искуснаго наставника удобно отвращены быть могутъ».

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе коммиссіи, академія опредѣлила напечатать на ея счетъ тысячу двѣсти экземпляровъ науки о стихотворствѣ и шесть сотъ изъ нихъ предоставить въ пользу автора. Другою наградою, полученною Рижскимъ еще до отъѣзда его изъ столицы, была золотая медаль—одна изъ двадцати, приготовленныхъ на коронацію и присланныхъ въ академію для раздачи членамъ, наиболѣе участвующимъ въ академическихъ трудахъ. Въ запискѣ, на основаніи которой присуждена медаль Рижскому, сказано: «со вступленія своего въ академію рачительно посѣщая собранія, мнѣніями своими вспомоществовалъ къ усовершенію прочтенныхъ листовъ новосочиняемаго словаря; принялъ на себя перевести на языкъ россійской избранныя рѣчи Цицероновы; сверхъ сего читаетъ въ собраніяхъ сочиненное имъ умословіе».

Господствующее направленіе и литературный вкусъ академіи наглядно обнаруживается въ выборѣ задачъ для соисканія наградъ и въ руководящихъ началахъ при составленіи издаваемыхъ ею трудовъ. Къ годовщинѣ учрежденія академіи президентъ предложилъ написать прозою или стихами о критикѣ, что̀ есть истинная критика и какъ далеко она должна простираться: членъ Карабановъ объявилъ, что сочинитъ стихами рѣчь о критикѣ. Нѣсколько разъ повторялись задачи: написать похвальныя слова: Петру Великому, Владиміру Мономаху и Хераскову; поэму стихами на побѣду Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ; трагедію въ пяти дѣйствіяхъ стихами изъ россійскаго бытописанія. Нѣкоторыми членами предложены были слѣдующія рѣчи: 1) Написать разсужденіе о краснорѣчіи св. писанія. 2) Въ чемъ состоитъ эстетика и чѣмъ различествуетъ отъ риторики; чего не доставало въ риторикѣ прежде, нежели выдумали эстетику, какая отъ эстетики польза для учащихся. 3) Въ какомъ столѣтіи, кѣмъ и какъ изобрѣтены, составлены или заимствованы и введены въ употребленіе въ Россіи славянскія буквы; какого рода и вида или начертанія были оныя при своемъ началѣ и въ послѣдственныхъ измѣненіяхъ до нашихъ временъ. 4) Написать стихами разсужденіе о превосходствѣ россійскаго языка надъ прочими европейскими относительно поэзіи и опредѣлить качество знаменитыхъ нашихъ стихотворцевъ. 5) Сочинить разсужденіе о причинахъ упадка словесности какъ въ древнія,

такъ и въ новѣйшія времена. 6) Показать, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, очистить и усовершенствовать можно. 7) Какія въ употребленіи были у славянъ письмена прежде составленія азбучныхъ письменъ Меѳодіемъ и Константиномъ, и какими достовѣрными памятниками подтвердить можно мнѣніе нѣкоторыхъ, что первоначальныя письмена были руническія. При выборѣ задачъ всего болѣе голосовъ было за шестую задачу, затѣмъ—за первую, третью и седьмую. Четвертая была отвергнута, хотя обозрѣніе въ стихахъ заслугъ русскихъ писателей было тогда въ литературномъ обычаѣ. Согласно съ нимъ Рижскій одобрилъ къ печатанію на счетъ университета сочиненіе Палицына: «Посланіе къ Пресвѣтѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени», полагая, что оно, по причинѣ своей новости и по легкости слога, многими любителями словесности будетъ читано съ удовольствіемъ[108]). Въ проектѣ піитики, сочиняемой Хвостовымъ, который утвержденъ академіею, говорится: существо поэзіи заключается, какъ учитъ Аристотель и новѣйшіе словоискусники, въ подражаніи прекрасной природѣ:

Природа въ красотѣ своей
Предъ нимъ (піитомъ) упала на колѣни,
Рекла: се я! постигни тѣни
И царствіемъ моимъ владѣй...[109]).

Таковы были литературныя мнѣнія избраннаго общества академиковъ, законодателей въ наукѣ словесности, вліяніе которыхъ отразилось въ большей или меньшей степени и на университетскихъ каѳедрахъ. Одинъ изъ профессоровъ словесности въ Казанскомъ университетѣ, писавшій оды, посланія, комедіи, руководства къ эстетическому разбору и примѣчанія на Буало, такимъ образомъ разбиралъ писателей: «въ пьесѣ *Счастливецъ* встрѣчаются стихи:

Слышишь—мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой,
Правитъ сильная *десница*
Коней-сребряной *браздой:*

славянскія и славянороссійскія выраженія пристойно употреблять о высокихъ предметахъ, такъ въ третьей пѣснѣ Иліады по переводу Кострова: Немедленно скочивъ со ко-

лесницы, во всеоружіи, съ безстрашіемъ десницы, течетъ.... Не смѣшно ли было бы, если бы кто сказалъ: у моего кучера велія глава, длинная брада, и кнутъ въ десницѣ»[110]). Для ознакомленія со студентами этотъ профессоръ предложилъ каждому изъ нихъ назвать своего любимаго писателя и указать, какое именно мѣсто въ немъ наиболѣе нравится. Молодой поклонникъ Карамзина въ шутку произнесъ стихи изъ «Димитрія Самозванца» Сумарокова, дѣлая движенье рукою съ свернутой тетрадью, какъ будто закололся кинжаломъ:

Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!

Студенты едва удержались отъ смѣха, а преподаватель пришелъ въ такой восторгъ, что сбѣжалъ съ каѳедры, вызвалъ студента къ себѣ, протянулъ ему руку и сказалъ, что желаетъ съ нимъ познакомиться покороче[111]). Подобными наивностями и безвкусіемъ нельзя упрекнуть профессора Рижскаго.

Преданіе, идущее отъ первыхъ студентовъ Харьковскаго университета, называетъ Рижскаго даровитымъ профессоромъ, излагавшимъ свой предметъ съ большою ясностью, дѣльностью и одушевленіемъ. Даже люди враждебной партіи, порицавшіе, подобно Роммелю, русскихъ ученыхъ вообще, признавали въ Рижскомъ замѣчательный талантъ и называли его ein berühmter Rhetoriker. Сочиненія его, уважаемыя мѣстными знатоками и любителями словесности, несшими ихъ за гробомъ покойнаго, пріобрѣли обширный кругъ читателей, и долгое время служили руководствомъ при чтеніи лекцій въ университетахъ: Харьковскомъ, Казанскомъ и Московскомъ. Въ двадцатыхъ годахъ въ филологическомъ отдѣленіи Харьковскаго университета «риторика и поэзія» преподавались по руководству Рижскаго, и члены факультета представили, что сочиненіе Рижскаго: «Введеніе въ кругъ словесности» не имѣетъ надобности въ перемѣнахъ, а въ риторикѣ лучше бы вторую часть поставить на мѣсто первой, а первую на мѣсто третьей, да пропустить слѣдующій отрывокъ изъ стихотвореній Сафы, замѣнивъ его другимъ, болѣе приличнымъ для доброй нравственности: «счастливъ, кто близь тебя и по тебѣ одной вздыхаетъ, кто видитъ иногда нѣжную твою улыбку; сами боги посреди своего блаженства могутъ ли сравняться съ нимъ? какъ скоро тебя вижу, тонкій огонь льется

изъ одной жилы въ другую, я бываю блѣденъ, почти безъ дыханія, безъ движенія, я хладѣю, я дрожу, я обмираю» и т. д.[112]). Въ Казанскомъ университетѣ, по сочиненію Рижскаго читалъ логику преподаватель философіи и словесности Левицкій, увлекавшій слушателей оживленными, чуждыми схоластики, разборами самыхъ новыхъ и современныхъ произведеній словесности. Риторика Рижскаго служила руководствомъ для лекцій Побѣдоносцева, профессора русской словесности въ Московскомъ университетѣ, съ 1814 по 1834 г., автора «Новаго пантеона отечественной и иностранной словесности», «Краткаго руководства къ эстетикѣ» и другихъ сочиненій, издателя «Минервы» и «Новой русской литературы», вмѣстѣ съ Подшиваловымъ и Сохацкимъ[113]). Въ заключеніе о Рижскомъ скажемъ, что не ограничиваясь, подобно многимъ собратамъ своимъ по наукѣ, теоретическимъ изложеніемъ предмета и отрывочнымъ разборомъ писателей, онъ обращалъ вниманіе на связь и послѣдовательность литературныхъ явленій, и читалъ первый въ русскихъ университетахъ курсъ исторіи русской литературы[114]).

Свѣтиломъ математическаго факультета Харьковскаго университета былъ профессоръ чистой математики, Тимофей Ѳедоровичъ *Осиповскій*[115]). Образованіе свое онъ началъ во Владимірской семинаріи. Когда коммиссія объ учрежденіи училищъ потребовала до полутораста человѣкъ изъ духовныхъ академій и семинарій въ открываемую въ Петербургѣ учительскую гимназію, Владимірская семинарія отправила Осиповскаго, какъ лучшаго изъ своихъ студентовъ. Въ ноябрѣ 1783 года открылся въ учительской гимназіи, переименованной потомъ въ педагогическій институтъ, курсъ ученія, и продолжался до августа 1786 безпрерывно, безъ всякихъ вакацій; въ теченіе всего курса Осиповскій занимался преимущественно физико-математическими науками. При открытіи главныхъ народныхъ училищъ питомцы учительской гимназіи назначены преподавателями, и Осиповскому предоставлено избрать Петербургъ или Москву: онъ выбралъ Москву, какъ мѣсто ближайшее къ его родинѣ. Въ Москвѣ онъ былъ при главномъ народномъ училищѣ учителемъ физико-математическихъ наукъ и русской словесности, и своимъ талантомъ и познаніями обратилъ на себя вниманіе

общества и спеціалистовъ. Коммиссія о народныхъ училищахъ присылала ему на разсмотрѣніе издаваемыя ею математическія сочиненія. Почти въ одно и то же время онъ получилъ приглашеніе на каѳедру математики отъ медико - хирургическаго училища и отъ Московскаго университета, но какъ ему предложено было самому испросить увольненіе изъ вѣдомства училищной коммиссіи, а онъ постоянно держался правила никогда о себѣ не просить, то ни одно изъ приглашеній и не состоялось. Между тѣмъ послѣдовало отъ самой коммиссіи предложеніе занять каѳедру физико-математическихъ наукъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, которое и принято Осиповскимъ. По вступленіи въ новую должность ему назначено было преподавать по двѣнадцати часовъ въ недѣлю; книгъ, по которымъ читать, не было, и онъ принужденъ былъ дополнять и исправлять сочиненія, написанныя имъ для руководства воспитанниковъ Московскаго главнаго народнаго училища, а чего не было приготовлено, то писать вновь. Изъ этихъ сочиненій два тома тогда же изданы коммиссіею. Сверхъ того, на него возложено исправленіе и изданіе въ свѣтъ анкетилевой исторіи, переводимой студентами подъ руководствомъ директора института Коха; три тома исправлены и два изданы Осиповскимъ, третій изданъ потомъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ Мартыновымъ. Во время профессорства Осиповскаго въ педагогическомъ институтѣ ему предлагаемо было со стороны академіи наукъ вступить въ число ея членовъ съ званіемъ адъюнкта математики, но Осиповскій отказался отъ такого лестнаго предложенія. Въ концѣ 1802 г. В. Н. Каразинъ, отъ имени попечителя Потоцкаго, просилъ Осиповскаго занять мѣсто профессора математики въ учреждаемомъ Харьковскомъ университетѣ. На этотъ разъ предложеніе было принято, но съ условіемъ, чтобы самъ попечитель велъ дѣло и сносился съ начальствомъ. Потоцкій былъ не такой человѣкъ, чтобы избѣгать какихъ бы то ни было трудностей для пріобрѣтенія достойныхъ ученыхъ, и при самомъ началѣ дѣйствій главнаго правленія училищъ, представилъ въ профессоры Харьковскаго университета Осиповскаго, извѣстнаго членамъ прежней коммиссіи объ учи-

лищахъ, какъ профессора математики и физики въ учительской гимназіи и по изданному отъ него курсу математики. Осиповскій ничего не зналъ о ходѣ своего дѣла по перемѣщенію въ Харьковъ, какъ въ февралѣ 1803 года ему объявили, что, по представленію министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго, онъ утвержденъ Государемъ Императоромъ въ должности профессора математики въ Харьковскомъ университетѣ. По прибытіи въ Харьковъ, время до открытія университета Осиповскій употребилъ на исправленіе и пополненіе курса аналитическихъ функцій и приложенія ихъ къ высшей геометріи, сочиненнаго имъ для лекцій въ педагогическомъ институтѣ и предназначаемаго для университетскихъ чтеній. Профессорская дѣятельность Осиповскаго занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ Харьковскаго университета. Благороднымъ, чистымъ образомъ дѣйствій Осиповскій пріобрѣлъ общее уваженіе ученой корпораціи, неоднократно избиравшей его ректоромъ университета. Главное правленіе училищъ признало нужнымъ второе изданіе составленнаго Осиповскимъ курса математики, въ двухъ томахъ. Онъ приготовилъ къ изданію и третій томъ— о дифференціальныхъ, интегральныхъ и варіаціонныхъ исчисленіяхъ, состоящій изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной, изданной впослѣдствіи, находится анализъ вообще взятый, а въ другой—приложеніе его къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ, а также перевелъ на русскій языкъ небесную механику Лапласа съ присовокупленіемъ поясненій относительно основаній предлагаемыхъ въ ней вычисленій [116]). Онъ написалъ сочиненія: о дѣйствіи силъ на гибкія тѣла и о происходящемъ отъ того равновѣсіи; объ астрономическихъ преломленіяхъ; теорія движенія тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной; разсужденіе о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы надлежитъ поправлять по времени прихожденія отъ нихъ свѣта, и другія. Нѣкоторыя изъ нихъ представлены въ главное правленіе училищъ, выразившее автору свое полное одобреніе и признательность; иныя напечатаны въ трудахъ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ или читаны въ ученыхъ собраніяхъ. По свидѣтельству академика Остроградскаго, математическія сочиненія Осиповскаго обратили на

себя вниманіе французской академіи наукъ, признавшей ихъ достойными помѣщенія въ своемъ періодическомъ изданіи: они не были помѣщены тамъ единственно потому, что уже прежде напечатаны по-русски, а въ изданіи французской академіи не допускаются сочиненія, изданныя уже въ свѣтъ на какомъ бы то ни было языкѣ [117]). Дорогая для университета дѣятельность Осиповскаго прервана была вмѣшательствомъ попечителя, человѣка съ мистическимъ направленіемъ, невзлюбившаго Осиповскаго за замѣчаніе, сдѣланное имъ на экзаменѣ студенту и состоящее въ томъ, что говоря о Богѣ умѣстнѣе употребить выраженіе *существуетъ*, нежели *живетъ* [118]). Осиповскій выразилъ желаніе вмѣсто каѳедры чистой математики занять каѳедру оптики и астрономіи: попечитель представилъ, что Осиповскій отказывается отъ занимаемой имъ каѳедры, и притомъ весьма небрежно исправляетъ званіе ректора. Главное правленіе училищъ согласилось, къ сожалѣнію, съ доводами попечителя, и представило Осиповскаго къ совершенному увольненію отъ службы при университетѣ [119]). Оставивъ университетъ, Осиповскій не покинулъ науки, за которою слѣдилъ съ постояннымъ и неутомимымъ усердіемъ въ теченіе всей своей жизни. Въ разсужденіи своемъ объ астрономическихъ наблюденіяхъ надъ тѣлами солнечной системы, изданномъ въ Москвѣ въ 1825 г., онъ говоритъ: «по увольненіи меня отъ всѣхъ должностей по Харьковскому университету въ ноябрѣ 1820 года, не имѣя болѣе занятій по службѣ, кои отнимали у меня все время, и не терпя праздности, я принялся сперва за продолженіе начатаго мною еще въ 1802 году перевода небесной механики знаменитаго Лапласа, коея конченъ былъ мною еще только первый томъ, и къ половинѣ 1822 года перевелъ три слѣдующихъ тома, такъ что остался непереведеннымъ только пятый томъ, который тогда еще въ свѣтъ не вышелъ. Думая о занятіи навпредь, я рѣшился перечитать записки Парижской академіи наукъ, и всѣ оныя, начавъ съ тома на 1735 годъ, а потомъ и нѣкоторые томы записокъ національнаго института, къ концу 1823 года прочиталъ» и т. д. Ученые труды Осиповскаго, которыми онъ преимущественно руководствовался и при чтеніи лекцій, составляютъ, по отзыву спеціалистовъ, украшеніе нашей ма-

тематической литературы начала девятнадцатаго столѣтія. По замѣчанію профессора І. И. Сомова, курсъ математики Осиповскаго можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими иностранными руководствами того времени; сочиненія его показываютъ знакомство автора со всѣмъ, что было замѣчательнаго въ математической литературѣ Европы; избравши образцомъ преимущественно Ейлера, Осиповскій, по ясности и строгости изложенія, былъ достойнымъ послѣдователемъ великаго математика. Обязанный своими познаніями собственному таланту и неутомимой ревности, съ которою изучалъ творенія европейскихъ ученыхъ, онъ излагалъ открытія геніальныхъ двигателей науки съ яснымъ и глубокимъ знаніемъ дѣла; его университетскія чтенія служили превосходною школою для слушателей, указывали имъ вѣрный путь и давали прочный залогъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій. Въ числѣ питомцевъ Харьковскаго университета временъ Осиповскаго былъ знаменитый впослѣдствіи русскій математикъ Остроградскій, сохранившій до конца жизни благодарное воспоминаніе о своемъ первомъ руководителѣ. Осиповскій имѣлъ большое вліяніе на научное образованіе Остроградскаго и содѣйствовалъ развитію его блестящаго математическаго таланта.

Первымъ профессоромъ русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ былъ Гавріилъ Петровичъ *Успенскій*[120]). По открытіи университета, ординарнымъ профессоромъ русской исторіи, географіи и статистики совѣтъ избралъ Карамзина, но исторіографъ не могъ принять каѳедры, посвятивши себя исключительно труду, составившему впослѣдствіи его славу. По полученіи отвѣта Карамзина выборъ палъ на находящагося въ его округѣ знатока русской исторіи, учителя главнаго народнаго училища въ Воронежѣ, Успенскаго. Успенскій родился въ Курской губерніи, въ слободѣ Верхнія Деревеньки, Льговскаго уѣзда, въ 1765 году, обучался въ Сѣвской семинаріи, и оттуда поступилъ въ С.-Петербургскую учительскую гимназію. Отъ профессора ея Гакмана Успенскій получилъ аттестатъ въ томъ, что обучался древней и новой исторіи, всеобщей россійской и математической географіи съ такимъ успѣхомъ, что съ пользою можетъ и другихъ обучать этимъ предметамъ. Другой профессоръ учитель-

ской гимназіи, академикъ Зуевъ, свидѣтельствовалъ, что Успенскій, имѣя званіе студента, обучался естественной исторіи, какъ-то: минералогіи, ботаникѣ и зоологіи съ прилежаніемъ и успѣхами. Изъ учительской гимназіи Успенскій опредѣленъ въ Воронежское главное народное училище учителемъ историческихъ наукъ и латинскаго языка. Сверхъ отправленія учительской должности занимался переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ; переведенныя имъ съ нѣмецкаго: космографія или описаніе тѣлъ міра, Шмида, и путешествія по обвороженному міру, Николая Унштета, напечатаны въ Воронежѣ въ 1801 и въ 1802 годахъ; составленныя имъ же начальныя основанія латинскаго языкоученія напечатаны тамъ же въ 1804 году. Переводъ космографіи Успенскаго вмѣстѣ съ философскимъ разсужденіемъ Робинета о человѣкѣ и его превосходствахъ, переведеннымъ другимъ преподавателемъ Воронежскаго училища Соколовскимъ, представленъ былъ въ коммиссію объ учрежденіи школъ. Въ награду и поощреніе трудившихся, коммиссія опредѣлила переплести во французскій переплетъ и выдать: Соколовскому Бергманово землеописаніе, а Успенскому Кестнерову математику. Составленный имъ словарь изобрѣтеній и учрежденій и переводъ его книги аббата Трессана: Mythologie comparée avec l'histoire, одобрены училищнымъ комитетомъ. Однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній воронежской жизни осталась для Успенскаго дружба его съ протоіереемъ Болховитиновымъ, впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ, повлекшая за собою обширную и продолжительную ученую переписку съ почтеннымъ знатокомъ русской старины и неутомимымъ собирателемъ матеріаловъ для исторіи русской словесности. Въ 1807 году Успенскій утвержденъ лекторомъ русской исторіи, географіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, а впослѣдствіи и профессоромъ по этой каѳедрѣ, будучи возведенъ въ званіе доктора изящныхъ наукъ; онъ умеръ, въ 1820 году, заслуженнымъ профессоромъ университета. Въ жизни Успенскаго, по свидѣтельству его сына, каждый день былъ сколкомъ со вчерашняго: съ четырехъ часовъ утра онъ работалъ далеко за полночь, отрываясь отъ работы только выходомъ на лекціи и необходимымъ, короткимъ отдыхомъ; живя для науки, онъ до того былъ погруженъ въ свои уче-

ныя занятія, что живаго человѣка въ немъ не было видно; и сынъ не берется опредѣлить его характеръ, которому почти не было случая обнаружиться.

Успенскій читалъ въ университетѣ нѣсколько предметовъ: русскую исторію, географію и статистику, русское гражданское право и обозрѣніе мѣстныхъ правъ: литовскаго, курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго. Главный предметъ свой, русскую исторію, Успенскій читалъ по собственнымъ запискамъ, руководствуясь преимущественно исторіею россійскаго государства Стриттера, написанною по предложенію коммиссіи о народныхъ училищахъ: Стриттеръ пользовался печатными и рукописными лѣтописями, а чего не доставало, бралъ у Татищева. Независимо отъ общихъ курсовъ, Успенскій читалъ курсъ спеціальный, избравъ для него предметъ чрезвычайно любопытный и важный, и въ то время почти еще нетронутый наукою, именно — русскія древности. Подобный выборъ приноситъ большую честь профессору, показывая его ученый тактъ. Составленный Успенскимъ опытъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ[121]) былъ въ высшей степени важнымъ явленіемъ въ нашей исторической литературѣ, представляя первый опытъ систематическаго обозрѣнія русскихъ древностей. Въ то время, когда появился почтенный трудъ Успенскаго, не существовало ученаго изложенія даже политической исторіи Россіи, не говоря уже о внутреннемъ бытѣ, для вѣрнаго изображенія котораго необходимы многостороннія, предварительныя изслѣдованія. Тò, что̀ составляетъ существенную основу историческихъ розысканій, относящихся къ древнѣйшимъ, первобытнымъ временамъ народа, истины, добываемыя при помощи исторіи языка, сравнительной миѳологіи и археологіи, составляли еще terra incognita въ концѣ восемнадцатаго и въ самомъ началѣ девятнадцатаго вѣка. Безъ надежнаго свѣтильника филологіи, историки не имѣли твердой опоры для своихъ изслѣдованій и терялись въ массѣ догадокъ и предложеній, болѣе или менѣе остроумныхъ, но и болѣе или менѣе произвольныхъ. Нельзя осуждать Успенскаго за несостоятельность той, незначительной, впрочемъ, части его труда, которая относится къ миѳологіи: сочиненія, подобныя опыту Кайсарова, были въ то время неизбѣжнымъ пособіемъ, какъ видно изъ того, что знаменитый Добровскій

пользовался миѳологіею Кайсарова, какъ серьезнымъ матеріаломъ, хотя и указывалъ его промахи. Признавая, что народы не родятся порознь, подобно людямъ, одинъ отъ другаго, а происходятъ, какъ въ минеральномъ царствѣ, отъ наростовъ снаружи, Успенскій указываетъ эти наросты въ образованіи русскаго народа. Глава о происхожденіи русскаго народа и его наименованія служитъ вступленіемъ къ обзору русскихъ древностей. Содержаніе замѣчательнаго труда Успенскаго заключается въ изображеніи *нравовъ*, *обычаевъ* и *учрежденій* предковъ нашихъ съ древнѣйшихъ временъ до эпохи Петра Великаго. Авторъ добросовѣстно обращался съ своими матеріалами, показывающими его обширную начитанность, и умѣлъ дѣлать изъ нихъ достойное науки употребленіе. Онъ пользовался какъ русскими источниками: лѣтописями, русскою правдою, судебникомъ, степенными книгами и др., такъ и иностранными: Герберштейномъ, Олеаріемъ, Іовіемъ, Флетчеромъ и многими другими. Свидѣтельство иностранцевъ, преимущественно путешественниковъ, служило и служитъ богатымъ источникомъ свѣдѣній о бытѣ нашихъ предковъ и восполняетъ значительный пробѣлъ въ этомъ отношеніи въ домашнихъ памятникахъ. Карамзинъ, отчасти даже до появленія «Исторіи государства россійскаго», и Успенскій были первыми русскими учеными, сознавшими значеніе иностранныхъ путешественниковъ, и на основаніи ихъ изобразившіе многія стороны русской жизни. Для повѣрки и пополненія источниковъ, Успенскій обращался къ самымъ разнообразнымъ пособіямъ — къ сочиненіямъ древнихъ и новыхъ, отечественныхъ и чужеземныхъ писателей, отъ Татищева, Болтина, Шлецера до Страбона и Беля. Въ сочиненіи Успенскаго собрано и распредѣлено въ системѣ множество фактовъ, относящихся къ домашнему и общественному быту древней Россіи; описываются обычаи и обряды, сопровождавшіе жизнь русскаго человѣка отъ колыбели и до могилы, упоминается о постригахъ, каузахъ, сожженіи умершихъ; довольно подробно разсматриваются брачные обычаи, при чемъ говорится и о положеніи женщинъ въ древней Россіи. Не забыта и обстановка домашней жизни: устройство жилищъ, утварь, одежда, обувь, экипажи, обычное препровожденіе времени. Собраны свѣдѣнія и объ умственномъ и нравственномъ развитіи рус-

скаго общества; о степени образованности, о воспитаніи и книгахъ, о торговлѣ и судопроизводствѣ. Не ограничиваясь данными исключительно русскаго быта, авторъ сближаетъ ихъ съ однородными явленіями въ жизни другихъ народовъ, указывая на обычаи и нравы, господствовавшіе какъ въ древности—у евреевъ, грековъ и римлянъ, такъ и въ различныхъ странахъ средневѣковой Европы. Первое изданіе древностей Успенскаго вышло въ 1811 году, въ Харьковѣ, и разошлось такъ быстро, а требованія на него такъ возрастали, что авторъ долженъ былъ приступить ко второму изданію, вышедшему въ 1818 году, тоже въ Харьковѣ, съ значительными исправленіями и съ прибавленіемъ историческихъ свѣдѣній объ устройствѣ внутренняго управленія Малороссіи, заимствованныхъ изъ рукописныхъ источниковъ.

Уважаемое спеціалистами имя Успенскаго пользовалось почетною извѣстностью въ литературѣ, какъ имя труженика, занимавшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду изслѣдователей русской исторіи, надъ которыми недосягаемо возвышается Карамзинъ. Вигель въ запискахъ своихъ *приводитъ мѣста* изъ сочиненія Успенскаго и говоритъ: «первый Карамзинъ освѣтилъ нашу древность; тогда для желающихъ проникнуть въ эту глубину явилось множество свѣтильниковъ: въ числѣ ихъ находится писатель, въ этомъ дѣлѣ *болѣе всѣхъ оказавшій услуги*—трудолюбивый профессоръ Харьковскаго университета Успенскій, сочинитель опыта повѣствованія о древностяхъ русскихъ»[122]).

До какой степени потеря Успенскаго была чувствительна для Харьковскаго университета, видно изъ того затрудненія, въ которое былъ поставленъ совѣтъ пріисканіемъ достойнаго преемника умершему профессору. По смерти Успенскаго, не имѣя никого въ виду, университетъ просилъ министерство и своего почетнаго члена Карамзина рекомендовать извѣстнаго ученаго на каѳедру русской исторіи, географіи и статистики. Министерство разослало запросы во всѣ университеты и получило слѣдующіе отзывы. Конференція Петербургскаго университета представила шесть кандидатовъ изъ бывшихъ воспитанниковъ педагогическаго института: Срезневскаго, бывшаго профессора философіи въ Казанскомъ университетѣ, Пятунина—учителя въ военно-сиротскомъ домѣ, знающаго нѣмец-

кій, французскій, латинскій и, сколько извѣстно, греческій, двухъ учителей Архангельской гимназіи и двухъ — Олонецкой. Но пять изъ предложенныхъ кандидатовъ не изъявили согласія, а къ опредѣленію профессора Срезневскаго встрѣтилось то препятствіе, что въ спискѣ, представленномъ при докладѣ объ обозрѣніи попечителемъ Казанскаго университета, противъ имени Срезневскаго отмѣчено: «слѣдуя системѣ Якоба, руководствуется духомъ, весьма удаленнымъ отъ христіанскаго ученія, и, по рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета, оказывается человѣкомъ, зараженнымъ духомъ деизма». Совѣтъ Московскаго университета рекомендовалъ трехъ старшихъ учителей гимназій: Ярославской, Рязанской и Калужской, особенно же преподавателя Калужской гимназіи Зельницкаго, занимающагося тридцать лѣтъ преподаваніемъ историческихъ предметовъ и имѣющаго званіе доктора. Совѣтъ Казанскаго университета увѣдомилъ, что почетный смотритель Ядринскаго уѣзднаго училища Николай Арцыбышевъ изъявилъ желаніе занять означенную каѳедру: совѣтъ рекомендуетъ Арцыбышева, какъ извѣстнаго знатока русской исторіи, который издавна посвящаетъ ей труды свои со всѣмъ усердіемъ и успѣхомъ, чему доказательствомъ служатъ его сочиненія: о первобытной Россіи и ея жителяхъ и приступъ къ повѣсти о Русскихъ, уже напечатанныя, и въ рукописи четыре тома исторіи россійскаго государства, одобренной университетомъ и назначенной къ печатанію. Совѣтъ Харьковскаго университета не рѣшился допустить къ выбору рекомендованныхъ изъ Казани и Москвы кандидатовъ за неимѣніемъ ими ученыхъ степеней, кромѣ Зельницкаго, доктора философіи, отъ котораго и опредѣлено истребовать сочиненія. Каѳедра, однакоже, была поручена не Зельницкому, а Петру Петровичу Артемовскому-Гулаку лектору польскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ, даровитѣйшему малороссійскому поэту, вѣрнѣе всѣхъ критиковъ понявшему и оцѣнившему Конрада Валленрода, переводчику Твардовскаго: самъ Мицкевичъ, не щадя своего авторскаго самолюбія, говорилъ, что малороссійскій переводъ гораздо выше подлинника[123]). Артемовскій-Гулакъ поразилъ всѣхъ на своемъ магистерскомъ экзаменѣ, отвѣчая по только-что вышедшей исторіи Карамзина. Хотя Артемовскій-Гулакъ былъ большимъ

почитателемъ Карамзина и ненавидѣлъ противника его, Полеваго, но первые года преподавалъ не по исторіи государства россійскаго, а по руководству Константинова, географію же и статистику читалъ по сочиненіямъ Зябловскаго и Арсеньева[124]).

Первымъ профессоромъ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ былъ Илья Өедоровичъ *Яковкинъ*[125]), сочиненія котораго, если не имя, сдѣлались извѣстными и заграницею и заслужили благосклонный отзывъ такого строгаго цѣнителя, какъ Шлецеръ. Яковкинъ родился, въ 1764 году, въ Пермской губерніи, въ бывшемъ городѣ Обвинскѣ, и на шестилѣтнемъ возрастѣ взятъ былъ къ дядѣ, игумену Соликамскаго вознесенскаго монастыря и подъ руководствомъ его обучался катихизису, священной исторіи, географіи и латинскому языку. Какъ священническій сынъ, онъ отправленъ былъ въ Вятскую семинарію, гдѣ сверхъ обычнаго курса обучался еще всемірной исторіи, ариөметикѣ, греческому и на сторонѣ французскому языку, и для упражненія тогда же перевелъ съ французскаго исторію Роберта, герцога нормандскаго, прозваннаго дьяволомъ, напечатанную уже въ 1785 году. По вызову въ учительскую гимназію изъ Вятки, гдѣ былъ тогда учителемъ семинаріи, прибылъ въ Петербургъ и въ гимназіи прослушалъ полные курсы: математики и физики у профессора Головина, натуральной исторіи у академика Зуева, всеобщей и русской исторіи и географіи—у профессора Гакмана. По окончаніи курса былъ преподавателемъ въ учительской гимназіи и въ другихъ заведеніяхъ, посѣщая при госпиталяхъ анатомическія и ботаническія лекціи. Въ 1796 году издалъ словарь первообразныхъ французскихъ рѣченій съ нѣмецкимъ, латинскимъ и русскимъ переводомъ и со всѣми грамматическими принадлежностями. По порученію коммиссіи о народныхъ училищахъ Яковкинъ составилъ Всеобщее Землеописаніе, изданное въ 1795 году, и три таблицы: одну для древней всемірной исторіи съ показаніемъ главнѣйшихъ происшествій, нравовъ, законовъ, успѣховъ въ просвѣщеніи и промышленности и т. д.; другую для нынѣшнихъ знатнѣйшихъ государствъ; третью для русской исторіи подъ названіемъ: «лѣтосчислительное изображеніе россійской исторіи», доведенное до 1798 года. Эти хронологическія таблицы руковод-

ствовали его при сочиненіи для народныхъ училищъ новой всемірной исторіи, изданной въ 1798 году, въ двухъ томахъ, и краткой россійской исторіи, изданной въ 1799 году. Хронологическія таблицы и краткая русская исторія переведены Шлецеромъ на нѣмецкій языкъ [126]). Занимаясь, по порученію коммиссіи о народныхъ училищахъ, переводомъ русской исторіи Стриттера, Яковкинъ получилъ нѣсколько приглашеній изъ столичныхъ и провинціальныхъ училищъ: онъ выбралъ Казань, куда и переселился директоромъ гимназіи. Попечитель Румовскій, лично зная Яковкина, представилъ его въ профессоры, приводя въ доказательство его глубокихъ знаній написанныя имъ книги для народныхъ училищъ. Яковкинъ читалъ въ Казанскомъ университетѣ русскую исторію, статистику и географію по собственнымъ сочиненіямъ, отчасти пользуясь Шторхомъ и другими пособіями и выбирая для спеціальныхъ курсовъ предметы, имѣющіе и общій и мѣстный интересъ, какъ напримѣръ: исторію Сибири, по Миллеру, исторію древняго Астраханскаго царства и т. п. Въ учебникѣ Яковкина Шлецеръ привѣтствовалъ первый опытъ изложенія русской исторіи, достойный перевода на иностранные языки. Авторъ — говоритъ Шлецеръ—имѣлъ передъ собою массу рукописныхъ лѣтописей, изъ которыхъ извлекъ, преимущественно для татарскаго періода, множество свѣдѣній, совершенно новыхъ для ученѣйшаго изъ иностранныхъ историковъ; при выборѣ фактовъ, онъ обнаружилъ тактъ, достойный современнаго ученаго: не ограничиваясь описаніемъ государственныхъ событій, войнъ и извѣстіями о князьяхъ, авторъ слѣдитъ за ходомъ образованности и перемѣнами, происходившими во внутренней жизни народа. Распредѣленіе предметовъ въ книгѣ Яковкина естественно, изложеніе кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ легко и ясно: изъ нея любитель исторіи получитъ связное понятіе о развитіи дивнаго государства, отъ его перваго зерна до настоящаго величія; увидитъ, какія страшныя потрясенія грозили Россіи гибелью и какъ возрождалась она съ новою, несокрушимою силою, и т. д. [127]).

Въ числѣ первыхъ профессоровъ Казанскаго и Харьковскаго университетовъ были и питомцы старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, Московскаго. Адъюнктъ высшей ма-

тематики въ Казанскомъ университетѣ *Карташевскій* получилъ окончательное образованіе въ Московскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ: логику, метафизику, краснорѣчіе, всеобщую и русскую исторію, энциклопедію всѣхъ наукъ, нравственную философію, римское право, чистую и смѣшанную математику и опытную физику. Карташевскій обладалъ большимъ талантомъ и превосходно излагалъ свой предметъ, полагая прочное начало математическому образованію его слушателей, какъ свидѣтельствуютъ преемникъ его по каѳедрѣ, европейскій ученый Бартельсъ, и его бывшіе слушатели, и въ томъ числѣ академикъ Д. М. Перевощиковъ. Впослѣдствіи Карташевскій былъ попечителемъ Виленскаго округа. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ много говоритъ о Карташевскомъ. Адъюнктъ Казанскаго университета, по каѳедрѣ прикладной математики и опытной физики, *Запольскій*, первоначально учился въ Сѣвской и Бѣлогородской семинаріяхъ, потомъ въ Кіевской академіи и наконецъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ курсы: нравственной философіи, римскаго права, россійскаго и латинскаго краснорѣчія, математики и физики. Операторъ Пермской врачебной управы *Протасовъ* опредѣленъ профессоромъ патологіи, терапіи и клиники въ Казанскій университетъ. Штабълекарь *Каретниковъ* опредѣленъ адъюнктомъ ботаники въ Харьковскій университетъ и т. д.

Выдающеюся личностью между первыми профессорами былъ обрусѣвшій сербъ *Стойковичъ*, игравшій важную роль въ Харьковскомъ университететѣ [128]). Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, родомъ изъ Румы, обучался въ Венгріи въ Эденбургѣ до философіи, потомъ въ Сегединской и Пресбургской академіи высшимъ наукамъ. При испытаніи въ Пресбургской академіи оказалъ такіе успѣхи во всѣхъ предметахъ, что признанъ первымъ между превосходными (primus inter eminentes). Затѣмъ продолжалъ науки въ Геттингенскомъ университетѣ и получилъ блестящіе аттестаты отъ тамошнихъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ были лица съ громкимъ именемъ въ европейскомъ ученомъ мірѣ [129]). Профессоръ философіи Буле свидѣтельствовалъ, что Стойковичъ слушалъ у него приватныя лекціи (privatim) логики и метафизики и сверхъ того, вмѣстѣ съ прочими своими земляками, privatissima по

философіи во всемъ ея объемѣ, занимаясь въ то же время историческими, математическими и физическими науками и чтеніемъ лучшихъ по этому предмету сочиненій, которыми богата геттингенская библіотека; въ заключеніе Буле выражаетъ желаніе, чтобы правительство обратило вниманіе на Стойковича [130]). Отъ Гаттерера Стойковичъ имѣлъ свидѣтельство о слушаніи лекцій историко-энциклопедическихъ, отъ Шлецера—въ слушаніи лекціи исторіи Европы, статистики и политики, отъ Ейхгорна—въ успѣшномъ посѣщеніи чтеній по всеобщей исторіи и исторіи наукъ и художествъ, и т. д.[131]). Стойковичъ обладалъ обширнымъ энциклопедическимъ образованіемъ и основательно зналъ многіе языки. Онъ владѣлъ языками: нѣмецкимъ, французскимъ, итальянскимъ, русскимъ, сербскимъ, греческимъ, латинскимъ; у него часто бывали такъ называемые «латинскіе вечера», на которыхъ говорили только по-латыни, а иногда по-гречески. Молодость, блестящее образованіе и энергическій характеръ Стойковича обратили на него бдительное вниманіе Австріи, встревоженной въ ту пору признаками движенія между славянами. Французская революція не прошла безслѣдно и для славянскаго населенія Австріи: австрійское правительство старалось избѣжать катастрофы посредствомъ различныхъ обѣщаній, исполненіе которыхъ откладывалось подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Австрія сулила славянамъ самоуправленіе, образованіе отдѣльнаго министерства для завѣдыванія собственно славянскими дѣлами, преимущественно народнымъ просвѣщеніемъ у славянъ, а затѣмъ и ихъ церковью. Стойковичъ имѣлъ по этому поводу нѣсколько аудіенцій у австрійскаго императора, какъ лицо предназначаемое быть главою новаго министерства. У него требовали предложеній, соображеній, плановъ, проектовъ, объяснительныхъ записокъ, но обѣщаннаго мѣста все-таки не давали, выставляя главнымъ препятствіемъ его православное вѣроисповѣданіе; а во главѣ новаго управленія хотя и рѣшались поставить славянина, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ принялъ католическую вѣру. Всѣ эти сообщенія дѣлались ловко, исподоволь, дипломатически; наконецъ на одномъ балѣ Стойковичу было передано черезъ придворную даму, что дѣло будетъ покончено немедленно, если онъ перейдетъ въ като-

личество: Стойковичъ съ негодованіемъ отвергъ постыдный торгъ въ дѣлѣ совѣсти. Часъ спустя, на томъ же балѣ, ему сдѣлано было графомъ Северином Осиповичемъ Потоцкимъ формальное предложеніе переѣхать въ Россію: Стойковичъ принялъ его и тутъ же подписалъ свое согласіе на условія, предложенныя попечителемъ Харьковскаго университета. Съ 1803 по 1813 годъ Стойковичъ былъ профессоромъ умозрительной и опытной физики и нѣкоторое время ректоромъ и деканомъ физико-математическаго отдѣленія. До перехода въ Харьковскій университетъ Стойковичъ издалъ сочиненія: физику, на сербскомъ языкѣ, въ трехъ томахъ; Кандоръ или открытіе таинствъ; Аристидъ и Наталія; Сербскій секретарь и многія мелкія сочиненія. Съ 1807 по 1813 годъ написано Стойковичемъ большое количество сочиненій, отъ академическихъ рѣчей до книгъ въ нѣсколькихъ томахъ, излагающихъ предметъ въ его полномъ объемѣ, а именно: 1) Начальныя основанія умозрительной и опытной физики; 2) Система физики — «сочиненіе, неимѣвшее образца ни въ одной литературѣ; статьи о сцѣпленіи тѣлъ, о движеніи, совершенно новы»; 3) Начальныя основанія физической астрономіи: «явленія неба представляются здѣсь въ краткомъ, но полномъ и систематическомъ видѣ; движеніе земли около своей оси доказывается a posteriori; изложены новѣйшія открытія астрономовъ; статьи о новооткрытыхъ четырехъ планетахъ и о лунѣ — новы»; 4) Начальныя основанія физической географіи: «подобнаго полнаго сочиненія о явленіяхъ земнаго шара ни на какомъ языкѣ не находится» — сказано въ отзывѣ, составленномъ въ 1813 году; 5) О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи; 6) О предохраненіи себя отъ молніи и громовыхъ ударовъ. Два послѣднія сочиненія разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ; 7) О причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ предохранить его отъ совершенной порчи, и т. д.

Число русскихъ профессоровъ постепенно увеличивалось, благодаря мѣрѣ, принятой университетами съ перваго же выпуска въ отношеніи къ окончившимъ курсъ студентамъ, избирающимъ ученое поприще. Удостоенные званія кандидата готовились къ степени магистра, и по выдержаніи магистерскаго экзамена отправляемы были въ Петербургъ или

BIBLIOTHECA REGIA MONACENSIS

Москву, а отчасти и въ Дерптъ, и подъ руководствомъ тамошнихъ профессоровъ и академиковъ довершали свое научное образованіе. Для выбора русскихъ преподавателей въ медицинскій факультетъ обращались къ профессору Рихтеру въ Москвѣ, а объ указаніи лицъ на каѳедры словеснаго отдѣленія просили нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета и президента Россійской академіи. Но прежде нежели мѣры къ образованію русскихъ профессоровъ принесли ожидаемые плоды, университеты поставлены были въ необходимость поручать каѳедры иностранцамъ.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ задуманное министерствомъ просвѣщенія устройство народнаго образованія въ Россіи, со всѣхъ сторонъ стали получаться заявленія готовности послужить благому дѣлу. Иные привлекаемы были матеріальными выгодами: удивляясь неслыханной щедрости въ назначеніи болѣе милліона шести сотъ тысячъ рублей на учебныя заведенія, иностранные ученые предлагали Россіи свои услуги. Другихъ манила, по ихъ собственному свидѣтельству, слава быть первыми вѣстниками цивилизаціи въ странѣ, незатронутой образованіемъ. Переселенію въ Россію содѣйствовали также тогдашнія политическія обстоятельства,—войны Наполеона и опасность, грозившая Германіи и заставлявшая нѣмецкихъ ученыхъ покидать отечество. Не всѣ, безъ сомнѣнія, изъ прибывшихъ въ Россію цивилизаторовъ отличались сильнымъ талантомъ и важными учеными заслугами. Посредственность и здѣсь имѣла свою долю. Но въ массѣ иностранцевъ были и такіе замѣчательные ученые, какъ оріенталистъ Френъ, призванный изъ Ростока въ Казань, какъ математикъ Бартельсъ, астрономъ Литровъ, профессоръ политическихъ наукъ Якобъ, и другіе.

Вскорѣ по открытіи курсовъ въ Казанскомъ университетѣ утверждены: жившій въ Дрезденѣ докторъ философіи и магистръ словесныхъ наукъ *Сторлъ* — профессоромъ греческаго языка и словесности; иностранецъ *Бюнеманъ*—профессоромъ естественнаго, политическаго и народнаго права; докторъ медицины *Фуксъ*—профессоромъ естественной исторіи и ботаники и т. д. Въ первоначальномъ составѣ Харьковскаго университета были слѣдующіе нѣмецкіе профес-

соры: *Шадъ*, яростный поборникъ просвѣщенія, литературы и филологіи, бѣжавшій изъ католическаго монастыря, совершенный циникъ, у котораго бенедиктинскія монашескія привычки не совсѣмъ прикрывались русскимъ мундиромъ; *Гутъ* — математикъ и астрономъ; *Гизе* — дѣльный фармацевтъ, сочиненія его переведены по-русски и были очень полезны для химиковъ; *Дрейссигъ*, котораго популярныя сочиненія по медицинѣ уважались въ Германіи, но приносили ему мало пользы въ Россіи, особенно потому, что послѣ десятилѣтней практики онъ не говорилъ ни слова по-русски; *Лангъ*, родомъ швабъ, думавшій надѣлать чудесъ своимъ рѣшеніемъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ; *Недельхенъ*, профессоръ сельскаго хозяйства, пріѣхалъ изъ Берлина, и, не вѣдая ничего о жирной почвѣ Украйны, съ первыхъ же лекцій возбудилъ смѣхъ студентовъ своимъ ученіемъ объ удобреніи навозомъ; *Швейкартъ*, одинъ изъ лучшихъ профессоровъ этико-политическаго факультета, увлекался прекрасными проектами, но, не имѣя силъ управиться съ свѣтомъ, который съ нимъ управился по-своему, сталъ подозрителенъ, бѣгалъ общества и едва не впалъ въ мистицизмъ, и т. д. Такими красками рисуетъ своихъ сослуживцевъ *Роммель*, профессоръ древнихъ литературъ въ Харьковскомъ университетѣ, не долго бывшій въ Россіи и, по возвращеніи заграницу, поселившійся въ званіи исторіографа въ Касселѣ, гдѣ и оставался до своей смерти [129]).

Въ 1811 году Харьковскій университетъ представилъ на вакантныя каѳедры: исторіи законовѣдѣнія и правъ славнѣйшихъ новыхъ народовъ извѣстнаго ученостію своею по этой части *Цехаріэ*, который, однако же, не могъ принять приглашенія, хотя сначала и изъявилъ согласіе; прикладной математики — профессора Виттенбергскаго университета *Штейнгейзера;* анатоміи — Вирцбургскаго профессора *Госсельбаха*, превосходнаго писателя по своей спеціальности; матеріи медика, медицинской словесности и діэтетики — Лейпцигскаго профессора *Бурдаха*, извѣстнаго многими сочиненіями. Для замѣщенія каѳедры астрономіи университетъ обращался за совѣтомъ къ славному Берлинскаго астроному Боде. На каѳедру восточныхъ языковъ: арабскаго, турецкаго, персидскаго и еврейскаго единогласно избранъ *Вилькенъ*, одинъ

изъ первыхъ оріенталистовъ въ Германіи. Сверхъ того, совѣтъ Харьковскаго университета предположилъ избрать адъюнкта по татарско-манджурскому языку — по причинѣ «великой пользы, каковую обученіе сего языка, по политическимъ и торговымъ связямъ Россіи съ восточными народами, принести можетъ; на сей языкъ переведены древнѣйшія лѣтописи Китая, и можно надѣяться, что посредствомъ онаго удобно можно отыскать неизвѣстныя еще европейцамъ сокровища китайской учености, чѣмъ самымъ университетъ можетъ пріобрѣсть себѣ много чести и славы» [130]).

Въ Казанскомъ университетѣ каѳедра всеобщей исторіи была отдана *Томасу;* каѳедра физики—*Броннеру;* патологіи, терапіи и клиники — *Эрдману;* математики — *Бартельсу;* астрономіи—*Литрову* и т. д.

По поводу Томаса, жившаго нѣсколько времени въ Россіи и изъявившаго желаніе занять мѣсто профессора всеобщей исторіи, попечитель Румовскій писалъ въ министерство: «Диссертацію его я читалъ дважды съ надлежащимъ вниманіемъ, и нахожу, что предложенія его о преподаваніи и сочиненіи всеобщей исторіи основательны, мысли его здравы, во многомъ согласны съ мнѣніемъ другихъ писателей и изображены ясно и чистымъ латинскимъ языкомъ; по недостатку же въ Казанскомъ университетѣ профессоровъ, знающихъ русскій языкъ, вмѣняю Томасу въ немалое достоинство, что онъ въ состояніи читать лекціи на русскомъ языкѣ съ лучшимъ успѣхомъ, нежели иной глубокомысленный по исторіи критикъ на иностранномъ языкѣ» [131]).

Представляя объ Эрдманѣ и Броннерѣ, Румовскій писалъ: «Если Казанскій университетъ будетъ имѣть счастіе пріобрѣсти ихъ, то хотя бы онъ былъ и немноголюденъ, но на первыхъ порахъ будетъ заключать все, что можетъ служить къ изощренію разума и просвѣщенія». О Бартельсѣ говоритъ преданіе, что на вопросъ, кого считать первымъ математикомъ, Лапласъ отвѣчалъ: Бартельса, потому что онъ былъ учителемъ знаменитаго Гаусса. Другая редакція преданія говоритъ, что у Лапласа спросили, кого онъ считаетъ первымъ математикомъ въ Германіи; Лапласъ назвалъ Бартельса. Удивленный собесѣдникъ замѣтилъ, что Гауссъ стоитъ несравненно выше Бартельса и другихъ. Лапласъ возразилъ:

Гауссъ—первый математикъ не только въ Германіи, но въ цѣломъ мірѣ. Вмѣсто Бартельса называютъ въ этомъ разсказѣ и Пфаффа, бывшаго наставникомъ Бартельса. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что Пфаффъ высоко ставилъ своего слушателя, а Гауссъ не только питалъ къ Бартельсу глубокое уваженіе, но и считалъ его своимъ первымъ и дѣйствительнымъ учителемъ [132]). Броннеръ, сверхъ своей ученой спеціальности, извѣстенъ и въ литературѣ своими идилліями, изъ которыхъ многія переведены и на русскій языкъ [133]). Первый судья въ этомъ дѣлѣ, знаменитый когда-то Саломонъ Геснеръ такъ отзывается о музѣ Броннера: она обитаетъ и въ хижинѣ пастуха, и на нивѣ земледѣльца, и на живописнѣйшихъ берегахъ рѣкъ, и тамъ набрасываетъ свои картины: отсюда столько прелести, вѣрности и свѣжести красокъ; любовь къ природѣ сливается съ тонкимъ чувствомъ нравственной красоты, и т. п. По замѣчанію Гервинуса, въ автобіографіи Броннера несравненно болѣе поэтическихъ мѣстъ, нежели въ его идилліяхъ [134]). Противъ желанія своего отданный въ монастырскую неволю къ бенедиктинамъ, Броннеръ бѣжалъ изъ монастыря, оставивъ на берегу монашеское платье, чтобы подумали, что онъ утонулъ; поселился было въ Швейцаріи, но дознались, гдѣ онъ, и убѣдили воротиться; снова не ужился на родинѣ и пустился странствовать по бѣлому свѣту; во Франціи едва не потерялъ головы на гильотинѣ и опять убѣжалъ въ Швейцарію, откуда вызванъ былъ въ Россію. Пробывши около семи лѣтъ въ Казани, онъ уѣхалъ въ Швейцарію, въ Аарау, гдѣ и прожилъ до смерти, перейдя изъ католиковъ въ протестанты и исполняя обязанности архиваріуса, библіотекаря и завѣдуя учебною частью въ кантонѣ.

Получивъ приглашеніе въ Казанскій университетъ, Эрдманъ писалъ изъ Виттенберга: по настоящимъ политическимъ перемѣнамъ въ Германіи, неблагопріятствующимъ наукамъ, я съ радостью переселюсь въ такое государство какъ Россія, гдѣ мудрое правленіе споспѣшествуетъ успѣхамъ и процвѣтанію наукъ. Тѣ же причины побудили переселиться въ Россію свѣтило Краковскаго университета, знаменитаго астронома Литрова: во всей нѣмецкой землѣ—пишетъ Румовскій—мало сыщется такихъ людей, коимъ предъ Литровымъ должно

отдать преимущество, и пріобрѣтеніе его для всякаго въ Россіи университета почитаю я драгоцѣннымъ. Съ большими затрудненіями совершивъ долгій путь изъ Кракова въ Казань, Литровъ заботился только о своихъ книгахъ, говоря, что не можетъ жить безъ библіотеки, а жалованьемъ довольствуется такимъ же, какъ и прочіе астрономы и профессора математики, между тѣмъ какъ другіе иностранцы всего болѣе хлопотали о деньгахъ и прибавкахъ къ окладу [135]). Вслѣдъ за Литровымъ удалялись и другіе ученые; Краковскій университетъ опустѣлъ, и нѣкоторые изъ его профессоровъ получили каѳедры въ русскихъ университетахъ. Покидая свое прежнее жилище, они уносили оттуда самыя печальныя воспоминанія [136]).

На каѳедру политическихъ наукъ совѣтъ Харьковскаго университета избралъ профессора *Якоба*, обогатившаго нѣмецкую литературу многими сочиненіями по наукамъ философскимъ и нравственно-политическимъ, за чтò и получилъ мѣсто профессора философіи въ Галле. Когда Наполеонъ закрылъ Галльскій университетъ, Якобъ переселился въ Россію, въ Харьковъ, а черезъ нѣсколько времени въ Петербургъ. Онъ послалъ императору Александру сочиненіе свое о бумажныхъ деньгахъ въ Россіи и средствахъ удержать ихъ при надлежащей цѣнности, вслѣдствіе этого вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ назначенъ членомъ по финансовой части въ коммиссіи о законахъ. Здѣсь онъ сблизился со Сперанскимъ, съ паденіемъ котораго и Якобъ оставилъ Россію, поселившись снова въ Галле и снова принявши званіе профессора политическихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ [137]). По порученію Главнаго правленія училищъ Якобъ составилъ нѣсколько руководствъ по разныхъ предметамъ.

Немногимъ изъ скромныхъ тружениковъ науки приходилось пріобрѣсти такую громкую извѣстность своею судьбою, а не учеными трудами, и быть до такой степени предметомъ общаго вниманія, какъ это случилось съ Шадомъ. Удаленіемъ его были озабочены университетъ и министерство; въ ученомъ изгнанникѣ приняли участіе корифеи нѣмецкой литературы, Шиллеръ и Гёте; о немъ велась переписка между дипломатами. Шадъ былъ первымъ профессоромъ философіи въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ читалъ

логику, этику, психологію, метафизику, естественное право, исторію философіи, и въ лекціяхъ своихъ проводилъ идеи Канта и Шеллинга, преобладавшія тогда въ философскихъ наукахъ. Министерство нашло, что книга Шада: institutiones juris naturae, изданная имъ для преподаванія, по слогу своему неудобна къ употребленію, что она слишкомъ пространна и во многихъ мѣстахъ весьма неясна, притомъ же въ ней часто повторяются намеки на новѣйшія политическія событія и на извѣстныя лица, и сильныя нападки на французовъ въ пользу нѣмцовъ. Шадъ называетъ Наполеона корсиканскимъ чудовищемъ, исчадіемъ ада, изверженнымъ для пролитія крови и распространенія зла, говоритъ, что французы обречены на вѣчное рабство, а удѣлъ нѣмцевъ—свобода и т. п. Шадъ—сказано въ предложеніи министра—придерживается новѣйшей, въ Германіи возникшей, философіи, и въ особенности слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ, системѣ Шеллинга, а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россіи и вкорененіе ея въ памяти молодыхъ людей; въ книгѣ Шада находятся мѣста несообразныя съ понятіемъ о власти государей, порицаніе существующихъ въ Россіи учрежденій, противное нравамъ объясненіе супружескаго союза и т. д. Въ Комитетъ министровъ было представлено какъ о томъ, что книги Шада: institutiones juris naturae и de viris illustribus Romae, изданныя для употребленія въ училищахъ, содержатъ въ себѣ мѣста, неприличныя въ сочиненіяхъ, писанныхъ для юношества [138]), такъ и о томъ, что диссертаціи двухъ лицъ, искавшихъ степени доктора, оказались поддѣльными и списанными съ тетрадей, по которымъ Шадъ читаетъ свои лекціи. Комитетъ министровъ призналъ, что Шада не только не должно оставлять при настоящей должности, но съ тѣми правилами, которыя онъ обнаружилъ, онъ вовсе не можетъ быть терпимъ въ Россіи [139]). Вслѣдствіе этого Шадъ, въ 1816 году, былъ высланъ изъ Россіи. Вскорѣ по прибытіи Шада въ Германію, генеральный консулъ нашъ въ Гамбургѣ доставилъ ненапечатанную по его просьбѣ статью, полученную отъ Берлинскаго корреспондента гамбургскаго журнала: Deutscher Beobachter. Въ статьѣ говорится о бѣдственномъ положеніи

ученаго, высланнаго въ двадцать четыре часа, и вся вина складывается на француза, попавшаго изъ книгопродавцевъ въ профессора, и на какого-то польскаго графа, проживающаго въ Петербургѣ, рьянаго галломана. Шадъ напечаталъ о своемъ дѣлѣ въ Іенскихъ литературныхъ вѣдомостяхъ. Посланникъ нашъ при прусскомъ дворѣ увѣдомилъ, что изгнаніе Шада произвело крайне неблагопріятное впечатлѣніе въ Германіи; Шадъ кричитъ встрѣчному и поперечному, что нѣмецкіе ученые преслѣдуются въ Россіи и приносятся въ жертву французамъ; удаленіе свое онъ приписываетъ интригѣ французовъ и ихъ ревностныхъ приверженцевъ. Философія моя — писалъ Шадъ министру просвѣщенія — считаетъ за величайшее преступленіе распространять *французскій* заразительный духъ между русскими студентами; напротивъ того, она, письменно и словесно, старается о распространеніи вѣры, нравственности и любви къ отечеству. Шаду выдано было вознагражденіе за понесенные убытки; въ посольство сообщили описаніе дѣла въ его настоящемъ видѣ для помѣщенія въ иностранныхъ газетахъ; самъ Шадъ, при содѣйствіи знаменитаго врача Гуфеланда, получилъ каѳедру въ Берлинскомъ университетѣ [140]). Въ письмахъ своихъ въ Россію Шадъ поддѣлывался подъ любимый тонъ новаго министра, сѣтовалъ о растлѣніи нравовъ, представлялъ переводы псалмовъ собственные и своихъ слушателей, увѣрялъ въ своей набожности и благонамѣренности. Онъ изливалъ свои небывалыя чувства и въ прозѣ и въ стихахъ, въ которыхъ, несмотря на ихъ религіозно-сентиментальное содержаніе, прорывается его давняя, непобѣдимая ненависть къ французамъ и Наполеону [141]).

Призвавъ русскихъ ученыхъ и отворивъ самымъ гостепріимнымъ образомъ двери для иностранцевъ, русскіе университеты начали свою дѣятельность.

Въ свѣдѣніи объ открытіи Казанскаго университета объявлено, что профессорскія и адъюнктскія лекціи, принявъ свое начало 24-го февраля 1805 г., будутъ продолжаться до окончанія лѣтняго курса слѣдующимъ порядкомъ: профессоръ Яковкинъ будетъ читать русскую исторію по изданной имъ для народныхъ училищъ краткой россійской исторіи, слѣдуя за историческимъ порядкомъ въ географіи и статистикѣ

по изданному имъ же лѣтосчислительному изображенію россійской исторіи и руководствуясь притомъ статистическими таблицами Шторха и географическимъ описаніемъ Россіи по разнымъ періодамъ. Профессоръ Цепеликъ будетъ читать первую часть всеобщей исторіи государствъ, принимая основаніемъ г. Шпитлера. Адъюнктъ Карташевскій — ариѳметику, геометрію и тригонометрію по Шульцу: Kurzer Lehrbegriff der Arithmetik, Geometrie u. s. w. Адъюнктъ Запольскій — опытную физику, руководствуясь физикою Гиляровскаго и прибавляя къ ней дополненія изъ новѣйшихъ физиковъ. Адъюнктъ Левицкій—логику по начертанію Рижскаго, присовокупляя примѣчанія изъ новѣйшихъ сочинителей по сей части. Адъюнктъ Эрикъ будетъ читать Цицерона о должностяхъ съ нужными примѣчаніями. Сверхъ того, назначаемый профессоръ медицины, Протасовъ, по прибытіи въ Казань, будетъ преподавать натуральную исторію [142]).

Число преподаваемыхъ предметовъ быстро увеличивалось съ прибытіемъ новыхъ профессоровъ, русскихъ и иностранныхъ. Въ первомъ извѣщеніи о лекціахъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ годъ его основанія, курсы обозначены слѣдующимъ образомъ. Ректоръ Рижскій, предложивъ, на русскомъ языкѣ, общія понятія объ изящныхъ наукахъ, краткую исторію и преимущественныя свойства слова человѣческаго съ примѣненіемъ къ русскому языку, будетъ преподавать россійское краснорѣчіе по книгѣ его сочиненія: «Опытъ риторики», изъясняя критическимъ образомъ нѣкоторыя избранныя мѣста изъ лучшихъ русскихъ писателей и занимая слушателей упражненіемъ въ сочиненіяхъ разнаго рода,—и логику по своему рукописному сочиненію. Профессоръ Тимковскій предложитъ, на русскомъ языкѣ, энциклопедическимъ образомъ политическое право, науку о законодательствѣ, и начальныя понятія о правахъ древнихъ и новыхъ народовъ, по извлеченіямъ изъ разныхъ авторовъ. Профессоръ Делавинь будетъ преподавать, на латинскомъ языкѣ, ботаническую философію по Линнеевой системѣ, изъясняя притомъ врачебныя свойства и экономическое употребленіе растеній, и въ свободные часы лѣтнихъ дней будетъ занимать слушателей ботаническою практикою въ заводимомъ саду и въ окрестности города. Профессоръ Осиповскій — чистую мате-

матику, на русскомъ языкѣ, по изданному имъ курсу. Профессоръ Умлауфъ—на латинскомъ языкѣ, древности и эстетику по руководству Эшенбурга и будетъ занимать слушателей истолкованіемъ разныхъ латинскихъ авторовъ, критически разсматривая латинскія сочиненія слушателей и изъясняя правила декламаціи. Профессоръ Стойковичъ—на русскомъ языкѣ, умозрительную и опытную физику, на основаніи динамической системы, по собственной рукописи. Профессоръ Баленъ-де-Баллю, членъ французскаго національнаго института и академіи надписей, сдѣлавъ наставленія, на латинскомъ языкѣ, въ начальныхъ правилахъ греческаго языка по собственному методу, изъяснитъ избранныя мѣста изъ Геродота, три первыя пѣсни Иліады и Лукіановы разговоры: Тимонъ или мизантропъ и Алектріонъ. Сверхъ того, предложивъ краткія философическія разсужденія о всеобщей грамматикѣ, будетъ преподавать французскую словесность и правила разныхъ родовъ сочиненій, изъяснитъ красоты французскихъ стихотворцевъ и будетъ декламировать избранныя явленія изъ французскихъ трагедій. Профессоръ Шадъ—на латинскомъ языкѣ — логику, метафизику и нравственную философію по собственной системѣ. Профессоръ Шнаубертъ—на нѣмецкомъ языкѣ, химію по руководству Шерера, съ приложеніемъ ея къ разнымъ употребленіямъ въ художествахъ. Адъюнктъ Гамперле — политическія наставленія по своему рукописному сочиненію, на латинскомъ языкѣ. Адъюнктъ Барендтъ, пасторъ лютеранскаго общества, — на латинскомъ языкѣ, начала еврейскаго языка по руководству Дидерика и филологію восточныхъ языковъ. Адъюнктъ Гизе—на нѣмецкомъ языкѣ, химію техническую или прикладную къ художествамъ, фабрикамъ и экономіи, по руководству Гмелина, съ своими прибавленіями. Адъюнктъ Крюгеръ предложитъ, на русскомъ языкѣ, общую минералогію по руководству академика Севергина и по собственнымъ запискамъ, и т. д.[143]).

Въ теченіе перваго университетскаго періода, продолжавшагося до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, профессора преподавали большею частью по составленному ими курсу и по собственнымъ запискамъ или по какому-либо сочиненію иностраннаго ученаго, ими же переведенному на русскій языкъ. Въ руководствахъ, наиболѣе употребительныхъ

при составленіи конспектовъ и записокъ, замѣтенъ, съ значительными уклоненіями, подобный выборъ. Основанія политическихъ наукъ излагали по Ахенвалю; политическую экономію по Сарторіусу, Ж. Батисту Сэ и Ганилю; всеобщую исторію по книгѣ Ремера, изданной въ Галлѣ въ видѣ руководства для университетскихъ лекцій; римское право по Вальдеку; дипломатику, придерживаясь Гаттерера и Шенемана, естественное право по Гроссу; народное право по Саальфельду съ дополненіями изъ Гюнтера и Мартенса; математическую, физическую и политическую географію по руководству Гаспари съ дополненіями; прикладную математику по Вольфовымъ «элементамъ» съ пополненіями изъ новѣйшихъ авторовъ; зоологію по Блуменбаху; технологію по руководству Функа; механику по руководству Франкера; оптику по руководству Бюржа и Делакаль; по химіи: опыты и новыя теоріи, изданныя въ свѣтъ въ самыя новѣйшія времена Винтерлемъ, Бертолетомъ и другими славнѣйшими химиками, съ собственными опытами въ химическихъ лабораторіяхъ, и т. п.

Словесныя и философскія науки имѣли представителей съ самаго основанія университетовъ, и курсы ихъ отличались замѣчательнымъ разнообразіемъ. Въ изложеніи теоріи словесности руководствовались сочиненіями: Буало, Батте, Ролленя, Мармонтеля, Блера, Эшенбурга, Мейнерса и другихъ. Живую сторону курса словесности составляли разборы произведеній русскихъ писателей; были даже попытки систематическаго обозрѣнія исторіи русской словесности, матеріалы для которой дѣлались общедоступными съ появленіемъ въ «Другѣ просвѣщенія» словаря русскихъ писателей, составляемаго митрополитомъ Евгеніемъ. Въ филологіи господствовали понятія, соотвѣтствующія ложно-классической теоріи въ словесности, вытекающія изъ невѣрнаго пониманія идей древняго міра и сложившіяся подъ вліяніемъ общаго характера образованности восемнадцатаго вѣка. Выраженіемъ филологическихъ идей того времени была книга Бросса о механическомъ составѣ языковъ, имѣвшая ревностныхъ послѣдователей въ немногочисленномъ кругу русскихъ филологовъ. Сочиненіе Бросса переведено на русскій языкъ и признано Россійскою академіею образцовымъ твореніемъ въ своемъ родѣ. Даже

въ тридцатыхъ годахъ Броссъ не потерялъ для нашихъ ученыхъ своего значенія: филологическій отдѣлъ труда, представленнаго Глаголевымъ для соисканія каѳедры русской словесности въ Московскомъ университетѣ, есть извлеченіе изъ книги Бросса. Для ознакомленія со свойствами славянскаго языка, обыкновеннымъ пособіемъ служили сочиненія Шишкова и преимущественно его разсужденіе о древнемъ и новомъ слогѣ, написанное съ талантомъ и увлеченіемъ, возбудившее въ ученомъ меньшинствѣ горячее сочувствіе, а въ образованномъ большинствѣ — непріязнь, насмѣшки и противодѣйствіе. Въ ученыхъ университетскихъ изданіяхъ помѣщались разсужденія о сарматскомъ языкѣ, доказывалось родство его съ славянскимъ и происхожденіе обоихъ отъ мидскаго, на основаніи созвучія сарматскихъ словъ: уши, умре, съ каппадокійскими: куши, меръ, и т. п. Долгое время русская филологія находилась въ подобномъ состояніи; его не вдругъ измѣнили знаменитые труды Востокова, положившіе начало историческому изученію языка, и только съ учрежденія въ университетахъ каѳедры славянскихъ языковъ филологія получила свой опредѣленный, строго-ученый характеръ.

Философія преподавалась въ самомъ обширномъ объемѣ; читали: логику, метафизику, нравственную философію, психологію, исторію философіи. Въ преподаваніи многихъ наукъ господствовало философское направленіе. Оно принесено было въ наши аудиторіи изъ университетовъ протестантской Германіи, въ которыхъ выработалось самою жизнью, историческимъ развитіемъ наукъ и духовными особенностями націи. Занесенная въ чужой міръ, говорившая чужимъ языкомъ, философія скоро обжилась въ своемъ новомъ пріютѣ; ее полюбило русское молодое поколѣніе; ея таинственный языкъ нашелъ сочувственный отзывъ въ воспріимчивыхъ умахъ, въ которыхъ первыя университетскія лекціи успѣли заронить искру знанія и любви къ наукѣ. По самой сущности своей, философія владѣла привлекательной силой: затрогивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, философія вводила въ новую и высшую сферу, чуждую пошлостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и пріучала цѣнить и уважать его. Для того, чтобы отдаться вполнѣ умственной

работѣ, чтобы посвятить себя, въ обществѣ полуобразованномъ, ученому труду и изслѣдованіямъ надо было дѣлать усилія, выдержать борьбу, и на эту трудную, но славную, борьбу вызывала философія своимъ ученіемъ о противорѣчіи идеала и дѣйствительности, о достоинствѣ и правахъ человѣческаго духа. Духъ составляетъ истинное величіе и отдѣльнаго лица, и цѣлаго народа; духъ есть лучшее благо народа и создаетъ его народность; онъ долженъ оживотворить собою и русскій народъ, имѣющій неоспоримыя права на умственную самостоятельность и цивилизацію — утверждалъ одинъ изъ почитателей философіи, показывая различіе между восточною и западною образованностію. Духовныя особенности русскаго народа—говорилось съ университетскихъ каѳедръ—должны вырабатываться подъ вліяніемъ началъ, которыми неизбѣжно проникается цивилизація новыхъ народовъ. Древній міръ съ его классическою литературою долженъ служить существенною основою; исключительное господство французской литературы подавляетъ абсолютизмомъ ея условныхъ правилъ и мертвящимъ владычествомъ авторитетовъ; противодѣйствіе ей надо искать въ нѣмецкой литературѣ, которой отличительныя черты: естественность, республиканскій духъ и всѣми признанная многосторонность. Зараждающаяся русская словесность должна претворить германскія и романскія начала въ гармоническое, самостоятельное цѣлое [144]).

Проникнутыя философскимъ ученіемъ Германіи, восторженныя рѣчи профессоровъ о свободной волѣ, о правахъ разума, о духѣ и силахъ природы, не всѣми и не вполнѣ были усвоены и надлежащимъ образомъ оцѣнены. Дѣйствіе университетскихъ лекцій на нѣкоторыхъ изъ неприготовленныхъ слушателей можно сравнить съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое вывозили наши туристы изъ Геттингена, пантеона нѣмецкой учености, и которое выражено Пушкинымъ въ слѣдующихъ словахъ въ Евгеніѣ Онѣгинѣ:

Съ душою прямо геттингенской,
Поклонникъ Канта и поэтъ,
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь....

Но у многихъ изъ слушателей философское ученіе профессоровъ укладывалось въ опредѣленныя формы, повело къ основательному изученію избраннаго предмета и значительно подняло уровень умственнаго и нравственнаго развитія. Отъ философіи вообще переходили къ изученію правъ, а впослѣдствіи отъ теоретическаго изученія переходили къ практической дѣятельности на служебномъ поприщѣ, внося долю свѣта въ тогдашнюю администрацію. Такое измѣненіе послѣдовало въ судьбѣ нѣкоторыхъ профессоровъ; оно произошло, въ большей или меньшей степени, и у нѣкоторыхъ изъ бывшихъ студентовъ. Стремленія, возбужденныя первыми лекціями, все болѣе опредѣлялись, самые курсы становились все серьезнѣе и серьезнѣе по мѣрѣ приготовленности слушателей; то, что̀ прежде изображалось въ общихъ чертахъ, было потомъ излагаемо подробнѣе, и молодые люди знакомились по фактамъ съ самою сущностью науки, не скользя, какъ бывало встарь, по ея поверхности. Профессора, любившіе вначалѣ представлять въ широкихъ очеркахъ и колоссальныхъ туманныхъ картинахъ событія древняго и новаго міра, стали предпочитать имъ историческія подробности и строго опредѣленные образы. Творенія древнихъ писателей, объясняемыя съ философской точки зрѣнія профессорами Шадомъ и другими, послужили превосходнымъ матеріаломъ для разбора ихъ въ отношеніи филологическомъ, археологическомъ и литературномъ на лекціяхъ профессора Кронеберга. Общіе очерки нѣмецкой словесности и философіи, возбудивъ сочувствіе къ ней, повели за собою систематическое изложеніе исторіи нѣмецкой литературы, которое было такъ современно по тогдашнему состоянію литературныхъ идей въ Россіи, выходившихъ изъ заповѣднаго круга французскаго классицизма на новый путь, указанный Шиллеромъ и Шеллингомъ. Профессоръ латинской словесности и древностей въ Харьковскомъ университетѣ, Иванъ Яковлевичъ *Кронебергъ* (род. въ Москвѣ въ 1788 году), преподавалъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, исторію латинской словесности, римскія древности, филологическую энциклопедію и исторію нѣмецкой литературы. Заслуги Кронеберга, впервые оцѣнившаго у насъ Шекспира, не должны быть забыты въ исторіи русской словесности. Въ учено-литературныхъ

трудахъ своихъ Кроненбергъ знакомилъ русское общество съ замѣчательными явленіями европейской литературы; въ издаваемыхъ имъ «брошюркахъ» и сборникахъ находились статьи о средневѣковой поэзіи, о Шекспирѣ, о нѣмецкой философіи и критикѣ и о многихъ предметахъ, относящихся къ міру классической древности, къ ея искусству и литературѣ. Сочувствіе къ древнему міру и къ нѣмецкой философіи и поэзіи, выразившееся съ такою положительностью въ трудахъ Кронеберга, возбуждено было его предшественниками, вносившими въ русскую жизнь начала общечеловѣческаго образованія съ полнымъ убѣжденіемъ, что лучшимъ его мѣриломъ, двигателемъ и вѣнцомъ была, есть и будетъ философія.

О философіи говорили съ восхищеніемъ какъ профессора, такъ и студенты первыхъ временъ университетовъ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей ея называетъ философію наукою, имѣющею величайшее вліяніе не только на всѣ прочія науки, но и на нравы человѣческіе, и предлагающею начала всеобщія, на которыхъ, какъ на основаніи, утверждаются всякое изысканіе истины и дѣйствія не только лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Профессоръ патологіи и терапіи говоритъ: «Между всѣми науками по справедливости первое мѣсто можно назначить философіи. Она подаетъ свѣтъ разуму, открываетъ истину и самой волѣ приписываетъ законы. Она развиваетъ понятія гражданскаго общества, опредѣляетъ права и обязанности каждаго, производитъ согласіе между цѣлымъ и его частями. Если деспотизмъ не можетъ терпѣть ее, за то доброму правительству свѣтъ ея всегда любезенъ: по сей-то причинѣ папа Григорій VII употреблялъ всѣ усилія къ ея притѣсненію, напротивъ того Петръ I и Фридрихъ II поддержать ее старались». Молодой авторъ, студентъ, обращается къ философіи съ воззваніемъ: «о философія, божественная наука! ты имѣешь благодѣтельное вліяніе на развитіе дарованій и познаній человѣческихъ, ты учишь познавать причины и дѣйствія вещей, вникать въ сущность ихъ; ты усугубляешь наши удовольствія, притупляешь остріе скорби; одна ты сильна даровать смертныхъ роду истинное счастіе и чистое удовольствіе», и т. д. [145]).

Не отрицая добраго вліянія, оказаннаго философскимъ

характеромъ первыхъ университетскихъ лекцій, не можемъ не замѣтить, что исключительное господство философскаго направленія грозило и вредными слѣдствіями: могло повести къ туманности, неопредѣленности, фразерству и неуваженію къ факту. Противодѣйствіемъ подобной крайности являются естественныя и математическія науки съ ихъ спеціальною методою. Къ строгой, отчетливой работѣ и внимательному наблюденію фактовъ пріучали также науки, имѣющія предметомъ своимъ Россію, каковы: русское право и русская исторія. При изложеніи этихъ предметовъ рано еще было дѣлать окончательные выводы и строить блестящія теоріи; надо было подумать о насущномъ хлѣбѣ, о собраніи крохъ по лѣтописямъ, грамотамъ, разсказамъ иностранныхъ путешественниковъ. Въ юридическомъ факультетѣ, съ первыхъ лѣтъ по его открытіи, читалась, по окончаніи всеобщаго государственнаго права, исторія русскаго права и судопроизводства, какъ древняго, такъ и новаго. Добросовѣстный трудъ Успенскаго о русскихъ древностяхъ можетъ служить образцомъ историческаго направленія того времени: читая и перечитывая всѣ сочиненія, изданныя по его предмету на русскомъ языкѣ и многія иностранныя, Успенскій дѣлалъ изъ нихъ соотвѣтствующія его цѣли извлеченія, и собранные такимъ образомъ матеріалы привелъ въ порядокъ, будучи увѣренъ, какъ говоритъ онъ, повторяя слова Екатерины, что дополнить и исправить легче, нежели собрать изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ.

Въ противоположность юридическому и словесному факультетамъ съ ихъ любовью къ древнему міру и нѣмецкой философіи, въ математическомъ факультетѣ господствовало реальное направленіе и представители его враждебно относились къ древнимъ писателямъ и новѣйшимъ философамъ именно потому, что видѣли въ нихъ, особенно въ послѣднихъ, стремленіе создавать системы a priori при отсутствіи точнаго и всесторонняго изслѣдованія фактовъ. Противоположность двухъ направленій, философскаго и реальнаго, всего яснѣе представляется въ воззрѣніи на господствовавшую въ то время такъ называемую критическую философію. Основатель ея Кантъ, величайшій изъ нѣмецкихъ мыслителей, былъ тогда свѣтиломъ философіи; слава его, распространя-

ясь по всей Европѣ, проникла и въ русскіе университеты, въ которыхъ явилось много его приверженцевъ, какъ между иностранцами, такъ и между природными русскими. Только реалисты-математики не охотно поддавались обаятельному дѣйствію критики чистаго разума.

Иностранные профессора философскаго и юридическаго факультетовъ были большою частью почитателями Канта, и во главѣ ихъ стоялъ Якобъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между учеными, которыми подарила насъ Германія. Якобъ былъ въ числѣ первыхъ послѣдователей критической Кантовой системы, проводя ее и въ лекціяхъ своихъ и въ многочисленныхъ сочиненіяхъ. О немъ замѣчали въ шутку, что онъ до такой степени усвоилъ себѣ философію Канта, что выдавалъ ее подъ своимъ именемъ, какъ видно изъ юмористической жалобы Кенигсбергскаго философа, придуманный Шиллеромъ и Гёте. Кантъ жалуется, что у него воровскимъ образомъ похищено двадцать идей, хотя на нихъ стояла его мѣтка: I. K.—Immanuel Kant; въ утѣшеніе ему говорятъ, что его идеи не пропали безъ вѣсти, а находятся цѣликомъ въ сочиненіяхъ Якоба [146]).

Между русскими учеными и писателями были люди высоко цѣнившіе Канта, озарившаго новымъ свѣтомъ философское ученіе о разумѣ и волѣ. Въ литературѣ высказывались мнѣнія, что глубокомысленный Кантъ впервые представилъ незыблемыя основанія нравственности разумныхъ существъ, скрывавшіяся до его времени во мракѣ невѣдѣнія. Сочиненіе Канта о метафизикѣ нравовъ переведено на русскій языкъ и посвящено Мордвинову, человѣку извѣстному своимъ благороднымъ и независимымъ образомъ мыслей и дѣйствій [147]). Критика чистаго разума во многомъ расходилась съ обычными въ нашей ученой литературѣ воззрѣніями, противорѣчила ея преданіямъ и потому вызвала со стороны нѣкоторыхъ осужденіе. Тѣмъ замѣчательнѣе попытки русскихъ ученыхъ защитить критическую систему и отвратить вкрадывающееся недовѣріе къ философіи, повлекшее за собою ея изгнаніе изъ университетовъ. Между тѣмъ какъ одни обвиняли «дерзновеннаго» Канта, утверждавшаго, что законъ «нѣтъ дѣйствія безъ причины» есть законъ человѣческаго разума, а не природы, а потому и нельзя доказы-

вать бытія верховной причины изъ разсматриванія природы,— другіе видѣли въ системѣ Канта спасительный противовѣсъ ученію энциклопедистовъ. Разсматривая различныя философскія системы, русскіе защитники Канта говорятъ: «Нѣкоторые охуждаютъ систему Канта, утверждая, будто она клонится къ подорванію нравственности и религіи, и называютъ Канта безбожнымъ. Но вотъ ея содержаніе: со всею строгостью разсматриваются доказательства ума о бытіи Бога и безсмертіи души и признаются недостаточными для совершеннаго убѣжденія, потому что умъ руководствуется въ оныхъ одними подлежательными началами (законами мышленія), а не предметными. Между тѣмъ однакоже уничтожается всякая возможность опровергнуть когда-либо ученіе о сихъ предметахъ. Поелику же разумъ теоретически догадывается о дѣйствительности сихъ предметовъ, а по нравственному закону и обязывается онымъ вѣрить, то и должно посему принимать оные за несомнѣнные. И какъ религія христіанская есть единственная, которая сообразна съ разумомъ практическимъ, то она и должна быть признана за самую натуральную. Неужели сіе значитъ подрывать религію и нравственность, значитъ быть безбожникомъ? Напротивъ, кто пойметъ систему Канта, тотъ увидитъ тотчасъ, что вся она клонится къ тому, дабы истребить гордость ума; ибо не гордость ли ума произвела безвѣріе въ философахъ восемнадцатаго вѣка? По моему мнѣнію, если почему система сія достойна охужденія, то единственно потому, что слишкомъ большое различіе полагаетъ между теоретическимъ и практическимъ разумомъ, который въ самомъ дѣлѣ есть одинъ и тотъ же» [148]).

Представитель реализма въ университетской наукѣ, извѣстный своими учеными заслугами Осиповскій, подобно нѣкоторымъ другимъ профессорамъ физико-математическихъ факультетовъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ Канта и неоднократно избиралъ предметомъ для академическихъ бесѣдъ опроверженіе его системы. Въ лицѣ Канта, какъ вождя новой философіи, онъ осуждаетъ возвращеніе къ древнему идеализму, разсѣянному великими открытіями геніальныхъ ученыхъ. Опровергая динамическую систему Канта и его ученіе о пространствѣ и времени, Осиповскій говоритъ: «Если

прочтемъ изложенie мнѣнiй и ученiй древнихъ греческихъ философовъ, то увидимъ, что нравственныя и математическiя ихъ сужденiя были вообще хороши; но сужденiя ихъ о разныхъ явленiяхъ природы большею частью странны и даже смѣшны. Отъ чего жъ сiе происходило? Отъ того, что они искали всѣхъ познанiй единственно почти въ самихъ себѣ. И дѣйствительно, довольно только познать намъ самихъ себя, дабы потомъ, чрезъ приложенiе своихъ чувствованiй къ другимъ, почерпнуть всѣ почти правила нравственности изъ самихъ себя. Но дабы познать законы какого-либо явленiя природы, для сего надлежитъ сперва разсматривать его въ разныя времена, въ разныхъ видахъ, въ разныхъ отношенiяхъ къ другимъ явленiямъ, имѣющимъ дѣйствительное или видимое только влiянiе на оное, и изыскивать тѣ состоянiя сего явленiя, въ коихъ оно оказывается наиотдѣльнѣе отъ прочихъ совмѣстныхъ явленiй, а потомъ уже и дѣлать свои о немъ заключенiя. Въ древнихъ философахъ находится множество неосновательныхъ заключенiй, изъ коихъ нѣкоторыя перешли и въ европейскiя училища и преподаваемы были въ оныхъ какъ законы. Благодаря вразумленiямъ Баконовъ, Декартовъ и другихъ, системы сiи мало по малу теряли свою довѣренность, и умные Европы радовались, видя освобожденiе отъ раболѣпственнаго къ нимъ вниманiя. Но съ недавняго времени духъ древнихъ греческихъ философовъ опять началъ возникать въ Германiи; опять начали умствовать о природѣ a priori, и опять начали появляться системы одна страннѣе другой» [149]). Воззрѣнie свое на родоначальника этихъ системъ, Канта, Осиповскiй переноситъ и на послѣдователей его, занимавшихъ каѳедры въ русскихъ университетахъ. О сочиненiи профессора Шада Осиповскiй отзывается слѣдующимъ образомъ: «Логика Шада, раздѣленная на чистую и прикладную, состоитъ болѣе въ трансцедентальномъ умствованiи о мiрѣ, Богѣ и душѣ нашей, нежели въ изложенiи законовъ ума. Черты, отличающiя ее отъ прочихъ, состоятъ въ слѣдующемъ. Умъ человѣческiй имѣетъ двѣ степени: разумъ (intellectus) и разсудокъ (ratio). Разумъ занимается только тѣмъ, что намъ представляютъ чувства, и судитъ о немъ такъ, какъ представляютъ чувства, т. е. видитъ одни раз-

личія предметовъ, и, находя въ нихъ нѣкоторыя сходства, приводитъ ихъ въ виды и роды и, наконецъ, доходитъ до категорій, какъ послѣдняго своего произведенія, до коего достигнуть можетъ. Разсудокъ занимается только самъ съ собою и судитъ о вещественности предметовъ по возможности ихъ бытія, такъ что, гдѣ находитъ совершенную возможность, тамъ увѣряется и въ дѣйствительномъ существованіи предмета. А для большей увѣрительности въ заключеніяхъ, Шадъ предполагаетъ существующее между мыслію и вещественностію предопредѣленное согласіе (harmonia praestabilita), такъ что если что̀ есть въ мысли, то ему уже соотвѣтствуетъ и вещественность, и обратно. Разумъ видитъ и сноситъ разногласія, но разсудокъ разногласія не терпитъ и ищетъ во всемъ согласія. Умъ человѣческій, обращенный на міръ, видитъ въ немъ (по разуму) двѣ главныя противности—тѣлесность и духовность, а разсудокъ, не терпя противностей, внушаетъ уму, что сіи противности должны быть только видимыя, а въ самомъ дѣлѣ составляютъ тожество, и что должно быть absolutum, въ которомъ находится основаніе тожества и причина противностей. Изъ absolutum истекаютъ двѣ коренныя силы, раздѣленныя въ разныхъ составныхъ частяхъ міра въ разной пропорціи и чрезъ то производящія разныя постепенности сихъ частей, возвышающія ихъ отъ самой грубой матеріальности до высшей духовности. Силы сіи производятъ въ природѣ эволюцію, переводя ее всегда изъ низшаго состоянія въ высшее; нѣкогда камень будетъ животнымъ, а потомъ человѣкомъ, и т. д. Каждый изъ философовъ нѣмецкихъ, какъ будто для хвастовства, отличался отъ прочихъ большимъ или меньшимъ количествомъ странностей въ мысляхъ, но каждый отличался своими странностями, а нашъ философъ, принявъ подъ свой покровъ странности всѣхъ, прибавилъ къ нимъ еще столько же своихъ» [150]).

Независимо отъ чтенія лекцій, профессора содѣйствовали распространенію знаній учено-литературными трудами. Сочиненія профессоровъ состоятъ преимущественно изъ рѣчей, произнесенныхъ на университетскихъ актахъ, изъ изслѣдо-

ваній, читанныхъ въ ученыхъ собраніяхъ и обществахъ, и изъ руководствъ для преподаванія наукъ какъ въ университетахъ, такъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа, а иногда и цѣлаго государства.

Сочиненія, въ которыхъ университеты говорили съ обществомъ, находясь въ живой связи съ тогдашнимъ состояніемъ общественной образованности, показываютъ характеръ просвѣтительной дѣятельности университетовъ. Лучшіе люди, на долю которыхъ выпало распространеніе умственнаго свѣта, всегда были чутки къ потребностямъ времени и народа и не обращали науки въ непроизводительный капиталъ. Академики, украшавшіе нашу академію въ прошломъ столѣтіи, Ломоносовъ и Миллеръ, показали примѣръ, какъ дѣйствуютъ ученые, сильные знаніями и талантомъ и одушевленные дѣйствительною любовью къ общему благу. Разъясняя и дѣлая общедоступными истины естественныхъ и математическихъ наукъ, Ломоносовъ открывалъ путь для спеціалистовъ и обезпечивалъ для науки ея будущность въ Россіи. Ученый Миллеръ первый началъ издавать литературный журналъ, въ которомъ умѣлъ соединить основательность съ простотою и ясностью, и тѣмъ содѣйствовалъ распространенію въ обществѣ знаній, добываемыхъ ученымъ трудомъ. «Распространеніе человѣческихъ познаній» въ русскомъ обществѣ, говоря словами учредительнаго акта, было призваніемъ русскихъ университетовъ александровскаго времени, которые въ этомъ отношеніи были продолжителями подвига Ломоносова—перваго, по мѣткому выраженію Пушкина, русскаго университета. Во многихъ случаяхъ и тотъ и другіе находились почти въ одинаковомъ положеніи: общество столицы въ половинѣ восьмнадцатаго вѣка и провинціальное общество начала девятнадцатаго столѣтія представляютъ сходныя черты во взглядѣ на просвѣщеніе и его связь съ другими интересами жизни. Подобно Ломоносову, утверждавшему, что изученіе природы не только полезно, но и свято, профессора математическихъ наукъ должны были доказывать, что знаніе силъ природы не подрываетъ религіи, а, напротивъ того, приводитъ къ ней: «механика—говорили они—разсуждающая о равновѣсіи тѣлъ земныхъ и небесныхъ, ясно показываетъ, что коренныя, движущія міромъ

силы проистекаютъ отъ всемогущаго Зиждителя и имѣютъ постоянные и непреложные законы; кто изъ людей можетъ прекратить дѣйствіе тяжести, которая влечетъ тѣла къ землѣ, остановить движеніе тѣлъ или воздуха, приливъ или отливъ океана, вращеніе и ходъ земли, равно и другихъ небесныхъ тѣлъ. И такъ, механика полезна и въ томъ отношеніи, что она, какъ и другія науки, убѣждаетъ въ бытіи Творца и Правителя міра», и т. д. [151]).

Первымъ ораторомъ, заговорившимъ съ обществомъ отъ лица университета, былъ ученый попечитель Харьковскаго округа, графъ Северинъ Потоцкій. При открытіи Харьковскаго университета Потоцкій говорилъ рѣчь о благодѣтельной цѣли устройства народнаго просвѣщенія въ Россіи и учрежденія университетовъ, на подобіе Оксфордскаго и Кембриджскаго, въ которые сыновья англійскихъ лордовъ пріѣзжаютъ научаться защищать въ парламентѣ права своей страны, — на подобіе Геттингенскаго, Іенскаго и другихъ, куда курфирсты и владѣтельные князья посылаютъ своихъ дѣтей. Указавъ на необходимость математическихъ наукъ, служащихъ основаніемъ тактики, ораторъ высказываетъ такой взглядъ на прогрессъ: нельзя, говоритъ онъ, ни одному государству останавливаться въ своемъ ходѣ: остановиться есть то же, что подаваться назадъ и приближаться къ прежнему ничтожеству; если когда это позволительно, то развѣ только въ отношеніи къ завоеваніямъ; но такое прекращеніе дѣятельности невозможно въ разсужденіи наукъ, искусствъ, мореходства, ремеслъ, торговой промышленности, земледѣлія, однимъ словомъ, всего того, что обезпечиваетъ за народомъ если не превосходство, то по крайней мѣрѣ равенство его со всѣми просвѣщенными народами [152]). Посылая рѣчь свою министру, Потоцкій пишетъ, что говорилъ ее по просьбѣ профессоровъ и сообразуясь съ настроеніемъ мѣстныхъ жителей, а съ ними нужно быть крайне осторожнымъ, чтобы не отвратить ихъ отъ наукъ, которыхъ они и безъ того не долюбливаютъ. Потоцкій выразилъ желаніе, чтобы университетъ при первомъ случаѣ издалъ рѣчь о преимуществахъ общественнаго воспитанія передъ частнымъ, указывая для образца на рѣчь графа Чацкаго. Желаніе Потоцкаго исполнено было профессоромъ греческой и французской литературы.

Общедоступность, пригодность для общества, при внутреннемъ достоинствѣ, постоянно имѣлась въ виду, и не только въ рѣчахъ, но и въ чисто спеціальныхъ сочиненіяхъ. Авторъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ самъ говоритъ, что онъ всемѣрно старался сдѣлать сочиненіе свое для всякаго изъ соотечественниковъ своихъ занимательнымъ и полезнымъ. Для рѣчей выбирались предметы, признаваемые полезными или въ общеобразовательномъ смыслѣ, или по отношенію къ Россіи, къ познанію ея исторической судьбы и естественныхъ богатствъ, или же по пригодности въ житейскомъ быту. На университетскихъ актахъ читались подобнаго рода разсужденія: О верховной цѣли человѣка. О преимуществѣ и силѣ истиннаго просвѣщенія.—О вліяніи университетовъ на образованіе и благосостояніе народовъ. — О цѣли университетовъ говорилось не только въ рѣчахъ, но и на лекціяхъ, и притомъ, какъ о предметѣ, входящемъ въ составъ самаго курса: нѣкоторые изъ профессоровъ философіи начинали чтенія свои «показаніемъ свойства академическаго ученія» и затѣмъ приступали къ изложенію опытной психологіи, логики и т. д. — О возрожденіи наукъ и о перевѣсѣ, который онѣ дали Европѣ передъ прочими частями свѣта.—О выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ. — О пользѣ математики. — О томъ, что каждому народу нужнѣе знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества, нежели другихъ государствъ. — О состояніи военныхъ силъ въ Россіи до Петра Великаго. — Объ успѣхахъ, которые русскіе натуралисты сдѣлали въ изслѣдованіи естественныхъ произведеній Россіи. — О физическихъ способахъ жизни.—О физическомъ воспитаніи дѣтей и вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ. — О причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ предохранить его отъ порчи и т. д. — Чтобы указать хотя на одинъ образецъ университетскихъ рѣчей, примѣнявшихся ко вкусу и потребностямъ современнаго имъ общества, приведемъ нѣсколько словъ изъ рѣчи при открытіи Казанскаго университета, показывающей ближайшую, наглядную, и отчасти даже мѣстную пользу наукъ естественныхъ, математическихъ, исторіи, психологіи и т. д. «Что суть науки?» — спрашиваетъ ораторъ. — «На сей во-

просъ знаменитый Бюффонъ отвѣчаетъ: онѣ суть познаніе природы. Раздробимъ сіе общее предложеніе: знать природу—значитъ знать людей, знать окружающія насъ физическія тѣла, знать Бога. Отъ сихъ предметовъ зависитъ наше здоровье, наше душевное спокойствіе, словомъ, наше счастіе или несчастіе. Люди жалуются на болѣзни, на краткость жизни; но гораздо справедливѣе могли бы они жаловаться на свое невѣжество. Мы, жители Казани, обитаемъ въ климатѣ суровомъ и, что несравненно гибельнѣе, въ климатѣ сыромъ и удивительно перемѣнчивомъ; книги метрическія показываютъ, что въ Казани ежегодно умираетъ людей болѣе, нежели родится; посему намъ-то особенно должно искать въ наукахъ естественныхъ средствъ для предохраненія и продолженія нашей жизни. Кто не желаетъ имѣть многихъ разнообразныхъ удовольствій и снискать себѣ богатства? науки естественныя, соединенныя съ математическими, подаютъ къ тому вѣрнѣйшія средства: мануфактуры, торговля, всѣ ремесла и художества, доставляющія намъ безчисленныя выгоды и удовольствія, не могли бы существовать безъ наукъ естественныхъ и математическихъ. Кто изъ насъ жаловался на безпорядки обществъ и не желалъ порядокъ физическаго міра, единообразный и неизбѣжный, видѣть утвержденнымъ и въ мірѣ нравственномъ! Мудрецъ, просвѣщенный исторіею, сноситъ терпѣливо сіи безпорядки. Плутархъ въ жизни Агезилая говоритъ: «Лакедемонскій законодатель желалъ, чтобы между лучшими согражданами былъ нѣкоторый раздоръ и соревнованіе. Гомеръ не представлялъ бы Агамемнона веселящимся тому, что Улиссъ и Ахиллесъ поносили другъ друга въ самыхъ жестокихъ словахъ, еслибы ревность и распри между храбрыми не почиталъ великимъ благомъ для общества». Сія мысль весьма важна: она изъясняетъ, какимъ образомъ нравственное зло для одного человѣка превращается во благо общее. Пылкіе, но неосновательные французскіе писатели хотѣли всѣ государства превратить въ республики; Наполеонъ возмечталъ основать всемірную монархію: и того и другаго слѣдствіемъ было несчастіе народовъ. Что же сему причиной? Незнаніе истинныхъ свойствъ человѣчества», и т. д. [153]).

Въ ученыхъ засѣданіяхъ совѣта Харьковскаго универси-

тета, которыя въ первое время происходили довольно часто, читаны были сочиненія: профессоромъ Шадомъ—de vi philosophiae in reliquis scientiis; Шнаубертомъ—химическое изслѣдованіе воздушнаго камня, найденнаго въ Сумскомъ уѣздѣ; Балленъ-де-Баллю—dissertatio de historico Ctesia; Ванотти—dissertatio de sensibilitate organismi, и др. [154]).

Нравственно-политическое отдѣленіе Харьковскаго университета представило, въ 1811 году, задачу на соисканіе премій. Она состояла въ слѣдующемъ: Защищаемая Адамомъ Смитомъ неограниченная свобода въ производствѣ ремеслъ дѣйствительно ли есть единственное средство, которымъ можетъ обезпечиться продолжительное и возрастающее благосостояніе народа; если же свобода производствъ ремеслъ должна быть ограничена, то объяснить, на какомъ основаніи и въ какомъ объемѣ можетъ быть допущено это ограниченіе. За удовлетворительный отвѣтъ назначено вознагражденіе въ сто рублей серебромъ; совѣтъ рѣшился опредѣлить такую сумму частью потому, что курсъ на ассигнаціи весьма понизился, а частью и потому, что это была первая задача, предлагаемая публикѣ университетомъ [155]).

Для усиленія и распространенія учено-литературной дѣятельности, университеты учредили ученыя общества. Первымъ по времени и по значенію было Московское общество исторіи и древностей русскихъ, получившее съ самаго учрежденія характеръ не мѣстный, а общерусскій. Главная цѣль первоначально состояла въ критическомъ изданіи и объясненіи русскихъ лѣтописей, и поэтому въ общество должны были доставляться всѣ лѣтописи изъ архива иностранныхъ дѣлъ, изъ библіотекъ: академіи наукъ, патріаршей и типографской синодальной, изъ Троицкой лавры и другихъ монастырей. Въ Казани, студенты перваго выпуска и нѣсколько учителей составили литературное общество, впослѣдствіи получившее оффиціальное существованіе подъ названіемъ общества любителей русской словесности при Казанскомъ университетѣ [156]). Въ 1812 году учреждено общество наукъ при Харьковскомъ университетѣ съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и естественныхъ наукъ; къ послѣднему причислялись и врачебныя и другія, основывающіяся на испытаніи природы. Въ составъ словеснаго отдѣленія входили: эстетика,

филологія, археологія, древняя и новая исторія со всѣми вспомогательными науками. Цѣль общества — распространеніе наукъ и знаній, какъ посредствомъ ученыхъ изслѣдованій, такъ и посредствомъ изданія въ свѣтъ общеполезныхъ сочиненій. Въ трудахъ общества наукъ помѣщены, на русскомъ или латинскомъ языкѣ, сочиненія: Роммеля—объ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, и объ отношеніи сихъ заведеній къ политическому состоянію вообще; Осиповскаго—объ астрономическихъ преломленіяхъ; Успенскаго — о языческомъ богослуженіи нашихъ предковъ; Книгина—о жизненной силѣ и общихъ способностяхъ органическихъ тѣлъ, и др. Въ общество представлено нѣсколько статей по мѣстнымъ древностямъ и естественнымъ особенностямъ страны, какъ, напримѣръ, о времени построенія древнѣйшаго храма въ Черниговѣ, о жесткокрылыхъ насѣкомыхъ южной Россіи, каталогъ растеній, прозябающихъ въ окрестностяхъ Харькова, и т. п. Въ 1814 г. общество поручило своему члену перевести на русскій языкъ два письма, приписываемыя Саллюстію — de ordinanda republica, какъ сочиненіе чрезвычайно важное и по содержанію своему, и по сходству съ тогдашними политическими обстоятельствами [157]). Много лѣтъ общество не имѣло засѣданій; въ 1823 году предложено возобновить его.

Періодическая литература университетскихъ городовъ находила сильную поддержку въ трудахъ профессоровъ и преподавателей. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, повременныя изданія рѣдко достигали желаемаго успѣха, иныя даже прекращались при самомъ своемъ началѣ; но заявленная профессорами готовность быть сотрудниками и даже редакторами и представленныя ими статьи показываютъ, что участіе ихъ не ограничивалось однимъ добрымъ желаніемъ. Въ Казани, со времени основанія университета, выходили періодически: «Казанскія извѣстія», за которыя дѣлались университету цензурныя замѣчанія; «Казанскій вѣстникъ»; «Труды Казанскаго общества любителей отечественной словесности». Въ Харьковѣ, кандидатъ, а впослѣдствіи профессоръ, Филомаѳитскій издавалъ «Украинскій вѣстникъ»; профессоръ Пильчеръ былъ редакторомъ «Украинскаго домовода»; лектору, а впослѣдствіи профессору, Артемовскому-Гулаку

разрѣшено издавать журналъ подъ названіемъ: «Харьковская муза», и т. д. Харьковскій университетъ предположилъ, съ іюля или сентября 1823 года, издавать «Украинскій журналъ», помѣщая въ немъ статьи четырехъ родовъ: все, что касается до историческихъ извѣстій, успѣховъ въ наукахъ, искусствахъ, земледѣліи, до торговли, промышленности и другихъ достопамятностей собственно такъ называемой Украины; всѣ роды прозаическихъ сочиненій; всѣ роды стихотвореній; смѣсь: библіографія, свѣдѣнія объ университетѣ и училищахъ, и т. п. Министерство, разрѣшая изданіе, выразило сомнѣніе, чтобы сумма отъ подписки была достаточна для поддержанія журнала. «Украинскій журналъ» издавался Харьковскимъ университетомъ въ 1824 и 1825 годахъ.

Стремленіе къ образованію литературныхъ обществъ и къ изданію въ свѣтъ сочиненій и переводовъ замѣчается и въ молодомъ поколѣніи университетскихъ слушателей. Мысль о періодическомъ изданіи возникла первоначально въ кругу воспитанниковъ главнаго народнаго училища, предназначаемыхъ къ педагогическому поприщу. Имъ разрѣшено коммисіею объ училищахъ, въ 1785 г., издавать, подъ руководствомъ профес. Сырейщикова, ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Растущій виноградъ» и въ каждомъ выпускѣ должны были помѣщаться: на первомъ планѣ «матеріи нравоучительныя; на второмъ—пьесы риторическія; на третьемъ—историческія; на четвертомъ—до наукъ собственно касающіяся, а на пятомъ—всякія мелкія творенія, къ невинному увеселенію служащія, дабы симъ образомъ всякій родъ читателей находилъ въ семъ изданіи для себя что ни есть полезное и пріятное» [158]). Въ началѣ 1819 года въ Харьковскомъ университетѣ составилось общество студентовъ-любителей отечественной словесности, имѣвшее еженедѣльныя засѣданія подъ предсѣдательствомъ декана словеснаго факультета, а нѣсколько лѣтъ спустя устроилось студентское сотоварищество любителей наукъ, составляющихъ философскій факультетъ. По примѣру студентовъ, воспитанники Ришельевскаго лицея въ Одессѣ открыли содружество подъ названіемъ «общество соревнователей отечественной словесности» и лучшіе изъ представляемыхъ сочиненій и переводовъ вносили въ особую книгу, называвшуюся евксинскою музою [159]). Въ

Харьковѣ издавались труды студентовъ-любителей отечественной словесности и сочиненія и переводы, читанные въ словесномъ отдѣленіи и служившіе продолженіемъ экзамена для студентовъ и вольнослушателей. Къ числу первыхъ опытовъ принадлежатъ сочиненія воспитанниковъ войска Донскаго въ Харьковскомъ университетѣ—брошюра, въ которой помѣщено описаніе мѣстопребыванія и свойствъ казаковъ войска Донскаго и воспѣты въ стихахъ донскіе осетры. Въ трудахъ студентовъ и слушателей находятся статьи: Сравненіе русской правды съ судебникомъ, при чемъ приводятся постиновленія о смертной казни, о судебныхъ доказательствахъ, о рабахъ, о наслѣдствіи и пр.; Послѣднія минуты Демосѳена, изъ Лукіана; Заговоръ противъ Кесаря, изъ Лессинга, стихами; О развитіи нравственнаго чувства; О любви къ отечеству; Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ,—гдѣ между прочимъ говорится: «разборчивое сомнѣніе есть шагъ къ истинѣ: будемъ взвѣшивать все на вѣсахъ нашего разума, но не вѣрить другимъ слѣпо или самимъ себѣ съ поспѣшностью; мы желаемъ имѣть самое вѣрное средство къ чувствованію истины и избѣжанію предразсудковъ; посвятимъ же время и труды наши на упражненіе въ искусственной логикѣ, и желаніе наше совершится», и т. д.

Вообще, число сочиненій, вышедшихъ изъ типографіи Харьковскаго университета въ теченіе его перваго десятилѣтія, съ 1805 по 1815 годъ, простирается до 210-ти, что составляетъ почти двѣнадцатую долю того, что произвело въ это время книгопечатаніе во всей Россіи; изъ 210-ти сочиненій 90 принадлежитъ профессорамъ и 16-ть студентамъ. Изъ 240 украинскихъ писателей и ревнителей просвѣщенія, отмѣченныхъ въ мѣстномъ словарѣ, около половины получали образованіе въ Харьковскомъ университетѣ. А такъ какъ въ общее число включены и лица, дѣйствовавшія до открытія университета, то отношеніе числа университетскихъ питомцевъ къ числу современныхъ имъ дѣятелей становится еще выгоднѣе для университета и свидѣтельствуетъ, по справедливому замѣчанію составителя «Словаря украинскихъ писателей», о благотворномъ вліяніи университетовъ, учрежденныхъ при Александрѣ, на движеніе народной образованности [160]).

Издаваемыя профессорами сочиненія, систематически изла-

гающія науку, служили руководствомъ для преподаванія какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учебный, а не чисто ученый, академическій, характеръ преобладалъ и долженъ былъ преобладать въ университетскихъ курсахъ въ первые года по ихъ открытіи. Онъ опредѣлялся и тогдашнимъ состояніемъ нашей ученой литературы и количествомъ и качествомъ знаній, съ которыми молодые люди являлись въ университетскія аудиторіи. Многіе изъ студентовъ первыхъ выпусковъ Казанскаго университета продолжали учиться въ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ то время лекціи въ университетѣ. До открытія гимназій по Харьковскому округу, учрежденъ былъ при университетѣ приготовительный курсъ для тѣхъ, которые не въ состояніи были слушать факультетскіе предметы въ ихъ полномъ объемѣ. Недостатокъ въ лицахъ для замѣщенія каѳедръ былъ причиною, что на одного и того же преподавателя возлагаемо было чтеніе нѣсколькихъ и притомъ разнородныхъ предметовъ: профессору латинской словесности приходилось читать политическую экономію; одинъ и тотъ же профессоръ читалъ всеобщую исторію и сельское хозяйство, съ объясненіемъ того, что можетъ быть заимствовано изъ англійскаго и французскаго земледѣлія, смотря по климату Россіи и свойствамъ ея жителей; профессоръ естественной исторіи обязанъ былъ читать и зоологію, и ботанику, и минералогію; для всѣхъ восточныхъ языковъ былъ одинъ преподаватель, и т. п. Уставъ требовалъ, чтобы каждый профессоръ избиралъ для чтенія лекцій книгу своего сочиненія или другаго извѣстнаго ученаго. Совѣтомъ Харьковскаго университета постановлено: не обременять студентовъ писаніемъ лекцій и читать непремѣнно по напечатанной книгѣ [161]). Составленіе руководствъ сопряжено было съ большими усиліями, и чѣмъ болѣе препятствій преодолѣли первые авторы, тѣмъ почтеннѣе ихъ труды, служившіе пособіемъ для лекцій какъ самихъ авторовъ, такъ и другихъ преподавателей того же предмета. Профессора Харьковскаго университета издали: Рижскій — риторику и науку стихотворства; Осиповскій — курсъ математики; Стойковичъ — руководство къ физикѣ и физической географіи; Гизе — всеобщую химію, въ пяти частяхъ, переведенную на русскій языкъ Комлишинскимъ; Лангъ — основанія

политической ариѳметики. Профессоръ Казанскаго университета Финке издалъ естественное право, въ четырехъ частяхъ: адъюнкты Лубкинъ и Кондыревъ перевели курсъ философіи Снелля, извѣстнѣйшаго послѣдователя Канта; Кондыревъ же перевелъ: Основанія народнаго богатства, сочиненіе геттингенскаго профессора Сарторіуса, и издалъ руководство къ статистикѣ Россійской Имперіи, по которому и преподавалъ въ Казанскомъ университетѣ, и т. д.

Университетскія аудиторіи открыты были для всѣхъ и каждаго, но сверхъ лекцій, читанныхъ для всѣхъ студентовъ и постороннихъ слушателей, университеты заботились о возможно-полномъ изученіи наукъ тѣми изъ своихъ питомцевъ, которые обнаруживали особенную любознательность и намѣрены были посвятить себя ученому и учебному поприщу. Чтобы показать характеръ этой заботливости, довольно назвать двѣ мѣры, посредствомъ которыхъ образованіе распространялось и вглубь и вширь: молодые люди пріучались къ основательному, самостоятельному труду, и сфера ихъ познаній расширялась знакомствомъ съ предметами, освѣщавшими пониманіе избранной ими спеціальности. Залогомъ основательнаго, прочнаго, не призрачнаго, а дѣйствительнаго образованія полагали изученіе древнихъ языковъ. Въ періодъ составленія университетскихъ уставовъ, между членами главнаго правленія училищъ были ревностные поборники классическихъ языковъ, убѣжденные въ ихъ великой и образовательной силѣ. Слѣды этого убѣжденія замѣтны и въ уставѣ, требовавшемъ, чтобы магистерскіе и докторскіе диспуты происходили на латинскомъ языкѣ, и предлагавшемъ учрежденіе ученыхъ бесѣдъ, въ которыхъ бы говорили не иначе, какъ по-латыни. Не только на диспутахъ и въ бесѣдахъ, но и вообще въ университетѣ, студентамъ совѣтовали вести между собою разговоръ на латинскомъ языкѣ [162]). Но для изученія древнихъ языковъ представлялось чрезвычайно важное препятствіе: въ библіотекахъ не было достаточнаго количества экземпляровъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, и не представлялось надежды во-время пріобрѣсти ихъ при тогдашнемъ состояніи книжной торговли [163]). Чтобы помочь существенному недостатку, профессора рѣшились немедленно приступить къ изданію необходимѣйшихъ авторовъ. Подъ

руководствомъ профессора Роммеля, въ Харьковской университетской типографіи, не смотря на недостатокъ въ хорошей печатной бумагѣ, напечатаны сочиненія Цицерона, Саллюстія, Корнелія Непота. Роммелю, образовавшемуся въ филологической семинаріи Гейне, и его современникамъ принадлежитъ честь учрежденія спеціальныхъ курсовъ и филологическихъ семинарій, въ которыхъ преподавались основанія высшей грамматики, критики, герменевтики и археологіи. Десятки лѣтъ спустя Роммель вспоминалъ имена русскихъ ученыхъ, которымъ филологія открыла путь къ дальнѣйшему непрерывному образаванію [164]). Если спеціальные курсы и филологическія семинаріи содѣйствовали глубинѣ изученія, то другая мѣра, признанная университетомъ необходимою, спасала отъ притупляющей односторонности, указывая на внутреннюю и живую связь между различными отраслями познаній. Тѣмъ изъ студентовъ, которые готовились къ званію преподавателей, вмѣнено было въ обязанность слушать нѣкоторые изъ предметовъ, невходящихъ въ кругъ избранной ими спеціальности. Будущіе преподаватели древнихъ языковъ должны были слушать философію и одинъ изъ новыхъ языковъ; учителя политической экономіи и философіи—физику, а учителя всеобщей исторіи — естественныя науки. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ девятнадцатаго вѣка, Харьковскимъ университетомъ высказана мысль о родствѣ историческихъ наукъ съ естественными, которая проводится въ трудахъ новѣйшихъ европейскихъ ученыхъ и съ такою любовью развивается современною литературою [165]). По свидѣтельству иностранныхъ профессоровъ, первые студенты обнаруживали всего болѣе наклонности къ наукамъ математическимъ и оказывали въ нихъ изумительные успѣхи. Бартельсъ, первостепенный ученый своего времени, войдя въ первый разъ въ аудиторію, желалъ ознакомиться со своими слушателями и предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ изъ математики: полученные отвѣты привели его въ восторгъ; онъ сказалъ, что для такихъ студентовъ надобно профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ [166]). Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ Бартельсъ говоритъ о блестящихъ математическихъ способностяхъ первыхъ студентовъ Казанскаго университета, образовавшихъ цѣлую

математическую школу, изъ которой вышло много даровитѣйшихъ преподавателей для гимназій и даже для университетовъ. По переходѣ въ Дерптъ Бартельсъ, по его собственному признанію, не встрѣтилъ въ тамошнемъ молодомъ поколѣніи ни такихъ дарованій, ни такой любви къ математикѣ, какая одушевляла его казанскихъ слушателей. Въ Казани онъ читалъ многочисленной аудиторіи лекціи о высшемъ анализѣ, въ Дерптѣ слушателей было гораздо менѣе, и профессоръ долженъ былъ ограничиваться элементарною математикою [167]). Въ университетахъ александровскаго времени получили образованіе такіе ученые и писатели, какъ С. Т. Аксаковъ, академики: М. В. Остроградскій, П. И. Кеппенъ, Д. М. Перевощиковъ и другіе, а также цѣлое поколѣніе профессоровъ и преподавателей послѣдующаго періода, и много лицъ, съ большою пользою посвятившихъ себя различнымъ отраслямъ общественной дѣятельности.

Труды профессоровъ въ приготовленіи будущихъ дѣятелей науки не оставались безплодными, какъ видно по возрастающему числу кандидатовъ, магистровъ и докторовъ. По окончаніи предварительныхъ испытаній, ищущій степени магистра долженъ былъ прочесть одну, а ищущій степени доктора три публичныя лекціи, и представить диссертацію для защищенія въ публичномъ собраніи. Условія и порядокъ производства испытаній не были точно опредѣлены, и въ средѣ университетовъ заговорили объ усиленіи требовательности въ видахъ общей пользы какъ для факультетовъ, такъ и для самихъ испытуемыхъ. «Не знаю я — пишетъ Румовскій — отчего казанскіе воспитанники толь высокія о себѣ имѣютъ мысли, и думаютъ, что къ полученію званія магистра или адъюнкта, ничего больше не надобно, какъ только побыть нѣсколько времени въ университетѣ, не показавъ особливыхъ успѣховъ и способности для полученія ученаго званія. Не безъизвѣстно мнѣ, что молодые люди требуютъ одобренія; но ежели одобренія дѣланы будутъ по ихъ предразсудкамъ и по высокимъ о себѣ мыслямъ, то они, возмечтавъ о достоинствахъ своихъ, перестанутъ напрягать силы разума своего и останутся на вѣкъ полуучеными: мы видимъ живой сему примѣръ въ россійскихъ стихотворцахъ» [168]). Ректоръ Харьковскаго университета, Осиповскій

обратилъ вниманіе министерства на то обстоятельство, что уставомъ дозволяется допускать каждаго къ экзамену на ученую степень по его выбору, безъ всякой постепенности. Такая свобода — пишетъ Осиповскій — предоставлена, безъ сомнѣнія, съ тою цѣлью, чтобы не останавливать хода отличнымъ талантамъ; но отличные таланты рѣдки, и этимъ правомъ, въ нашемъ университетѣ, да вѣроятно и въ другихъ, пользовались болѣе пролазы, и выходило нерѣдко, что ученыя степени пріобрѣтались чужимъ умомъ и чужими трудами. Для избѣжанія подобныхъ злоупотребленій, Осиповскій указывалъ на сроки, положенные въ гражданской службѣ, до истеченія которыхъ никто не представляется въ слѣдующій чинъ [169]). По инициативѣ Осиповскаго, и вслѣдствіе возникшаго дѣла о томъ, правильно ли произведены десять лицъ въ степень доктора разными университетами, главное правленіе училищъ поручило своему члену Сергію Семеновичу Уварову составить подробное начертаніе правилъ для производства въ ученыя степени, и въ числѣ основаній, согласно съ предложеніемъ Осиповскаго, постановлено то, чтобы ученыя степени давать по порядку одну за другою, и не иначе, какъ черезъ три года. Новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ утверждено 20-го января 1819 года. Степени раздѣлены были по факультетамъ и испытаніе происходило по всѣмъ факультетскимъ предметамъ. При испытаніяхъ на высшія ученыя степени предлагаемы были вопросы, подобные слѣдующимъ. На магистерскомъ экзаменѣ: изъ философіи — о понятіи метафизики, о раздѣленіи ея, о мнѣніи, какое имѣли о стихіяхъ послѣдователи Вольфія, и какъ Платонъ и другіе философы думали о матеріи міра; о началахъ нравственности. Изъ русской словесности — кто первый сочинилъ русскую грамматику? Какіе баснописцы и ихъ отличительный характеръ? Изъ русской исторіи — о путешествіи апостола Андрея, о началѣ Россійской Монархіи, о ея раздѣленіи, порабощеніи татарами и освобожденіи. О понятіи филологіи, о ея частяхъ, объ исторіи филологическаго ученія. Для диссертаціи назначена тема: de optima methodo docendi discendique philologiam. На докторскомъ экзаменѣ: какое потрясеніе въ Европѣ произвела реформація? Въ предѣлы языка славянскаго, употребляемаго въ Россіи, какое

другое познаніе входить должно и для чего? Что такое вѣроятіе или правдоподобіе въ сочиненіяхъ, въ вымыслахъ, въ описаніяхъ предметовъ, взятыхъ изъ природы? Explicetur dignitas consulum, corum munus et potestas? Отдѣленіемъ словесныхъ наукъ задана диссертація: de methodo inveniendi, disponendi et enuntiandi, и т. д. [170]).

Университеты, будучи главными разсадниками образованія для края, служили центрами, къ которымъ примыкали всѣ училища округа, связанныя съ университетомъ и учебными и административными отношеніями. Университетъ — сказано въ уставѣ — имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями. Изо всѣхъ европейскихъ университетовъ одинъ только Тюбингенскій находился отчасти въ подобныхъ отношеніяхъ къ училищамъ, доставлявшимъ ему студентовъ, да въ планѣ эдукаціонной комиссіи школы Рѣчи Посполитой поставлены въ зависимость отъ двухъ главныхъ школъ. При всей новости и исключительности положенія русскихъ университетовъ въ отношеніи къ училищамъ, европейскіе ученые отозвались о немъ, какъ о весьма мудрой мѣрѣ, тѣмъ болѣе, что профессора въ теченіе долгаго времени и особенно въ отдаленныхъ мѣстностяхъ были единственными компетентными судьями въ дѣлѣ народнаго образованія [171]).

Связь университетовъ съ училищами послужила залогомъ успѣшнаго дѣйствія послѣднихъ, обезпечивая самое ихъ существованіе. Несправедливо осуждаютъ рановременное будто бы открытіе университетовъ въ Россіи и мнимое пренебреженіе низшими училищами, которыя должны бы служить самымъ прочнымъ основаніемъ народному просвѣщенію [172]). Не тщеславіе, не суетность руководила первыми учредителями университетовъ, и существенное отличіе и превосходство новыхъ мѣръ, въ сравненіи съ предшествующими, заключается именно въ томъ, что особенное вниманіе обращено было на разсадники преподавателей, безъ которыхъ

невозможны никакія училища. Эту мысль высказалъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ новой системы. Не ослѣпляясь — говоритъ Потоцкій — мнимою славою заставить удивляться себѣ дворъ и иностранцевъ, занимающихся обыкновенно столицами, приняли такія общія мѣры, при которыхъ всѣ, даже отдаленнѣйшія области Россіи, могутъ равномѣрно участвовать въ выгодахъ образованія. Люди, близко знакомые съ дѣломъ, оцѣнили всю важность учрежденія университетовъ для дальнѣйшей судьбы народнаго просвѣщенія въ Россіи. Разсматривая планъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, Шторхъ замѣчаетъ, что только невѣжество можетъ удивляться, что дѣло начато сверху, т. е. съ университетовъ: иначе какимъ образомъ главное правленіе училищъ получило бы свѣдѣнія о мѣстныхъ условіяхъ, которыя необходимо брать въ соображеніе, и кому бы ввѣрило оно исполненіе своихъ плановъ [173]).

Первымъ шагомъ къ устройству училищъ было отправленіе визитаторовъ изъ профессоровъ университета для собранія свѣдѣній о мѣстныхъ условіяхъ и потребностяхъ. На первыхъ визитаторовъ возлагаемы были обязанности: 1) Освѣдомиться о подлинномъ состояніи губернскихъ и уѣздныхъ училищъ, и не только о зданіяхъ и суммахъ, но о самомъ образѣ ученія, о качествахъ учителей, ихъ ревности, исправности и о степени довѣренности къ нимъ отъ общества. 2) При основательномъ изслѣдованіи о состояніи училищъ въ округѣ замѣчать повсюду степень образованности жителей всякаго званія, отъ дворянства до крестьянъ. Хотя во многихъ мѣстностяхъ оттѣнки и не будутъ значительны, но они весьма рѣзко обозначаются въ наблюденіяхъ, простертыхъ по Дону, къ Кубани, на степи ногайскія и очаковскія. Свѣдѣнія же о мѣстныхъ особенностяхъ необходимы, ибо отъ нихъ должна зависѣть разность мѣръ, принимаемыхъ главнымъ правленіемъ училищъ. 3) Внимательно всматриваться въ мѣстный образъ жизни и родъ промышленности, чтобы къ ихъ усовершенствованію можно было наклонять и приноравливать самое ученье въ тамошнихъ школахъ. 4) Вникать въ способы, какъ скорѣе и удобнѣе завести сельскія школы, по крайней мѣрѣ по нѣскольку въ уѣздѣ, которыя служили бы примѣромъ и поощреніемъ къ заведенію

другихъ. 5) Училища дворянскія и городскія сводить въ одно, и т. п.[174]).

При университетахъ образованъ училищный комитетъ, завѣдывавшій училищами, избиравшій для нихъ достойныхъ преподавателей и снабжавшій учебными пособіями.

Образованіе наставниковъ для мѣстныхъ училищъ составляетъ такую заслугу университетовъ, которая понятна сама по себѣ, безъ всякихъ объясненій. Значеніе ея является въ новомъ свѣтѣ, если принять въ соображеніе ту среду, въ которой должны были трудиться первые избранники университета. Слабый запросъ на образованіе, неизбѣжная забота о житейскихъ выгодахъ, сословные предразсудки мѣстныхъ жителей и другія обстоятельства представляли мало задатковъ для процвѣтанія училищъ. Даже, такъ называемые, образованные люди, въ откровенной бесѣдѣ съ профессорами, сознавались, что они учатъ дѣтей своихъ изъ подражанія другимъ, а сами не видятъ отъ наукъ никакой существенной пользы. Малое число учениковъ директоры объясняли тѣмъ, что непросвѣщенные родители ввѣряютъ дѣтей своихъ людямъ разнаго званія; другіе, отдавъ дѣтей своихъ въ училище, желаютъ, чтобы ихъ научили только читать и писать по-русски, послѣ чего оставляютъ ихъ при себѣ для пособія въ производимой промышленности. Дворяне стараются имѣть у себя домашнихъ учителей, не отдавая своихъ дѣтей въ училище, въ которомъ они имѣли бы товарищей изъ купеческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго званія, и могли бы усвоить себѣ ихъ обращеніе и навыки.

Въ Симбирской гимназіи — пишетъ директоръ — бо̀льшая часть учениковъ изъ мѣщанъ и господскихъ людей. Замѣчено, что изъ отдаваемыхъ изъ господскихъ домовъ дѣтей дворовыхъ людей немногіе обучаются на счетъ господъ, а большая часть на счетъ своихъ родителей, которые не въ состояніи снабдить ихъ нужными книгами, и потому коль скоро дѣти ихъ научатся читать и отчасти писать, отбираютъ ихъ безъ всякаго увѣдомленія учебному начальству. Мѣщане то же самое дѣлаютъ. Въ столь многолюдной губерніи, какъ Симбирская, мало учащихъ и учащихся, ибо богатые владѣльцы живутъ большею частію въ столицахъ, помѣстьями же ихъ управляютъ такіе люди, которые и по-

нятія не имѣютъ о томъ, что такое просвѣщеніе. Малопомѣстные владѣльцы принимаютъ въ домашніе учители какого-либо иностранца, думая, что все совершенство дѣтей ихъ должно состоять въ томъ, что они затвердятъ нѣсколько разговоровъ на иностранномъ языкѣ, не заботясь ни о какихъ другихъ наукахъ.

Старшіе учителя Тамбовскаго главнаго народнаго училища доносятъ, что каждый ремесленникъ, купецъ и чиновникъ ожидаетъ только того, чтобы сынъ его научился чтенію и письму, и поставляетъ высшую степень образованности въ знаніи первыхъ правилъ ариѳметики. Столь ограниченные виды родителей въ познаніяхъ дѣтей своихъ имѣли слѣдствіемъ то, что дѣти, едва начавши курсъ ученія, выбывали изъ училища, не окончивши даже и предметовъ перваго и второго класса.

Въ Перми — говорятъ мѣстныя данныя — хотя и много чиновниковъ, гражданскихъ, горныхъ и нѣсколько военныхъ, но вообще мало у нихъ дѣтей мужскаго пола; достаточнѣйшіе изъ жителей обучаютъ дѣтей своихъ на дому, призывая для того студентовъ здѣшней семинаріи, немногіе — учителей гимназіи: теперь извѣстно только четыре дома, въ которыхъ обучаютъ учителя гимназіи. Остается обучаться въ здѣшнихъ училищахъ только дѣтямъ чиновниковъ, еще не столь много о себѣ мыслящихъ, либо сиротамъ, оставшимся отъ умершихъ чиновниковъ, также дѣтямъ приказнослужительскимъ, мѣщанскимъ и другихъ званій. Чиновники, болѣе достаточные, спѣшатъ поскорѣе пристроить дѣтей своихъ къ должности, не ожидая окончанія ихъ ученія, и не столько для полученія жалованья, сколько для ранней заслуги чиновъ; а бѣдные и матери сиротъ отнимаютъ часто безвременно дѣтей своихъ отъ ученія съ тѣмъ, чтобы снискать пособіе въ хозяйствѣ, а иногда и самое пропитаніе. Предписанныя строгости мало дѣйствуютъ, даже и самый карцеръ, а если выключать за всѣ шалости и нерадѣніе, то число учениковъ чрезвычайно уменьшится, ибо многіе родители, особливо благородные, не станутъ вовсе отдавать дѣтей, опасаясь стыда, чтобы дѣти ихъ не попали въ число исключенныхъ. Иные отдаютъ дѣтей только для того, чтобы избавиться дома отъ ихъ шалостей, и, видя, что они выростаютъ, стараются пріискать имъ выгодное мѣсто.

Изъ жителей города Астрахани отдаютъ дѣтей въ гимназіи или чиновники, или люди, занимающіеся торговлею и промыслами. Бывъ обязаны всегдашними хлопотами по службѣ и по другимъ дѣламъ, они сживаютъ дѣтей своихъ не для того, чтобы образовать ихъ способности, а для избѣжанія помѣхи въ занятіяхъ и за неимѣніемъ дома вѣрнаго глаза для наблюденія за дѣтскими шалостями. Ученики принимаются нѣсколько разъ въ году, и, отказывая, гимназія вовсе бы опустѣла. Въ теченіе многихъ лѣтъ ни одинъ родитель не посѣщалъ гимназіи хотя бы для того, чтобы навѣдаться, дѣйствительно ли сынъ его учится: нерѣдко случается, что дѣти, видя безпечность родителей, вмѣсто того, чтобы идти учиться, теряютъ время въ забавахъ и гуляньяхъ.

Въ Казанской губерніи, дворяне и чиновники, имѣя по какому-то предразсудку невыгодное мнѣніе о народныхъ училищахъ, не рѣшились отдавать туда дѣтей, а чрезъ это училища теряли учениковъ и лишались довѣрія въ краѣ. Профессора, визитаторы, только тѣмъ могли поправить дѣло и убѣдить дворянъ не гнушаться общественнымъ училищемъ, что дѣтямъ ихъ обѣщали отвести особое помѣщеніе, въ которомъ бы они не смѣшивались съ дѣтьми разночинцевъ и крѣпостныхъ людей.

Что касается до приходскихъ училищъ, то малочисленность ихъ зависѣла какъ отъ равнодушія помѣщиковъ къ образованію, такъ отчасти и отъ самаго населенія. Въ нѣкоторыхъ приходахъ Казанской губерніи, окольные жители состояли изъ новообращенныхъ чувашъ, которые боялись училища, полагая, что оттуда всѣхъ возьмутъ въ солдаты, въ чемъ разубѣдить ихъ не было никакой возможности. Дѣти чувашъ первоначально бываютъ такъ дики и грубы, что никакими ласками нельзя преклонить ихъ къ ученью; случилось, что восьмилѣтній мальчикъ, оставленный матерью въ училищѣ, не только не могъ слушать добрыхъ совѣтовъ и ласковыхъ убѣжденій, но, проплакавъ дня три или четыре, безпрестанно проклиналъ на своемъ языкѣ мать, желая ей всѣхъ золъ, и много разъ покушался убѣжать.

Оффиціальнымъ училищамъ народъ предпочиталъ своихъ домашнихъ учителей, учившихъ не по новому, а по старому. Такъ, въ Тамбовѣ, славился мѣщанинъ Матвѣй Малинъ, ма-

лаканской секты. Онъ доказывалъ свои права на обученіе юношества тѣмъ, что «религія названія малаканскаго не отвергается отъ Всемогущаго Бога, въ Троицѣ славимаго святѣй», и онъ учитъ единственно чтенію и письму, чтенію — по букварю, часослову, псалтырю, а для письма выбираетъ хорошіе стихи и прописи. Мѣстные жители свидѣтельствовали, что Малинъ—житія добраго, ко изученію дѣтей весьма прилеженъ и тѣлеснаго наказанія никому не чинитъ. Въ одномъ изъ училищъ Томской губерніи число учениковъ отъ ста двадцати уменьшилось до пятидесяти, послѣ того, какъ директоръ, по нехожденію старообрядческихъ дѣтей въ классъ законоучителя, вытребовалъ отцовъ и матерей, выговаривалъ первымъ очень строго, а послѣднимъ и непристойно. Принужденіе это вскорѣ было прекращено предписаніемъ училищнаго комитета. Профессора, визитаторы, предлагали разрѣшить употребленіе старинныхъ азбукъ и часословъ, чтобы старовѣры охотнѣе отдавали дѣтей въ училище [175]).

Первоначальное народное образованіе, дѣйствующее на всю массу крестьянскаго населенія, не оставалось чуждымъ университету и главному правленію училищъ. Правда, главныя ихъ усилія устремлены были на устройство гимназій и уѣздныхъ училищъ, но участіе университетскаго комитета, умѣвшаго соединить оффиціальныя требованія съ мѣстными обычаями, содѣйствовало тому, что хотя до нѣкоторой степени ослаблено было въ массѣ народа предубѣжденіе противъ общественныхъ училищъ.

Среда, въ которой бывшіе питомцы университета проходили скромное учительское поприще, была крайне неблагопріятна и оставила на нихъ свои неизбѣжные слѣды. Училищные нравы минувшаго времени представляютъ не одну грустную черту. Но безпристрастные свидѣтели, видѣвшіе на мѣстѣ всю обстановку тогдашней жизни и раскрывавшіе ея темныя стороны, съ большимъ сочувствіемъ говорятъ объ истинно-полезной дѣятельности бывшихъ питомцевъ университетовъ. Подавляемые вопіющею нищетою, они сохранили свое нравственное достоинство, не опошлились, не зарыли въ землю своего таланта и познаній, вынесенныхъ изъ университета.

Училища обязаны университетамъ выборомъ не только

преподавателей, но и лицъ, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе. Первые визитаторы были поражены внутреннимъ состояніемъ училищъ, страдавшихъ отъ двухъ главныхъ недостатковъ: отъ нравственной порчи учениковъ, бывшихъ въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, и отъ самовластія начальства. Директорами гимназій были большею частью выслужившіеся и полуграмотные офицеры, распоряжавшіеся учителями по произволу, жалуя покорныхъ любимцевъ и удаляя тѣхъ, кто былъ имъ не по сердцу [176]). Университеты возвысили свой голосъ противъ подобнаго порядка вещей, и главное правленіе училищъ приняло мѣры къ пресѣченію вкореняющагося зла. Изъ списка должностей, по которому предоставлено было замѣщать ваканціи отставными штабъ и оберъ-офицерами, главное правленіе училищъ признало необходимымъ исключить должности директоровъ гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ—на томъ основаніи, что порученіе этихъ должностей лицамъ, неимѣющимъ достаточныхъ познаній, не только безполезно, но обращается во вредъ и предосужденіе [177]).

Надѣляя училища преподавателями и улучшая управленіе, университеты заботились о снабженіи училищъ необходимыми учебными пособіями. При тогдашнемъ состояніи нашей учебной литературы и при нѣкоторыхъ неудачныхъ опытахъ со стороны частныхъ лицъ, забота о руководствахъ падала сама собою на университеты. Въ средѣ ихъ преимущественно находились лица, принимавшія на себя трудъ составленія учебныхъ руководствъ. Разсматриваніемъ учебныхъ книгъ занималось главное правленіе училищъ: оно же, не ограничиваясь разборомъ представляемыхъ опытовъ, поручало составленіе учебниковъ своимъ членамъ, которые являлись такимъ образомъ дѣйствительными сотрудниками университетскихъ профессоровъ. Со времени преобразованія училищной части въ Имперіи до 1809 года изданы главнымъ правленіемъ училищъ слѣдующія книги: Всеобщее землеописаніе, для употребленія въ гимназіяхъ. — Описаніе всѣхъ частей свѣта, для уѣздныхъ училищъ.—Латинская учебная книга.—Краткое землеописаніе Россійскаго государства, для уѣздныхъ училищъ.—Сокращеніе всеобщей исторіи.—Физика.—Технологія.—Обозрѣніе всеобщей исторіи.—Краткое начер-

таніе минералогіи. — Французскія прописи. — Россійскій атласъ.—Сокращеніе всемірной исторіи.

Составленная профессоромъ Рижскимъ риторика одобрена главнымъ правленіемъ училищъ преимущественно предъ прочими сочиненіями этого рода, и служила учебною книгою для учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ, отъ Таганрога до Тобольска. Курсъ математики профессора Осиповскаго былъ употребляемъ во всѣхъ училищахъ, пока не былъ изданъ курсъ математики, составленный членомъ главнаго правленія училищъ Фусомъ. Предписано держаться въ гимназическомъ преподаваніи книги Фуса, ограничивая кругъ математическихъ наукъ только заключающимися въ ней частями математики.

Профессоромъ Харьковскаго университета Якобомъ составлены руководства: 1) всеобщая логика, 2) всеобщая грамматика, 3) опытная психологія, 4) нравоученіе, 5) эстетика, 6) риторика, 7) естественное и народное право и 8) политическая экономія. По приговору главнаго правленія училищъ, существенное достоинство каждой изъ книгъ Якоба составляетъ основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки въ гимназіяхъ; другое преимущество состоитъ въ систематической связи всѣхъ частей между собою. Главнымъ правленіемъ указаны и нѣкоторыя мѣста, изъ которыхъ видно, что Якобъ иногда забывалъ, что пишетъ для русскихъ учителей и учениковъ, какъ-то: эпиграмма Лессинга, статья о глупостяхъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ геліастовъ, о поучительныхъ проповѣдяхъ; исторія Маргариты à la coque, о плотскомъ соединеніи дьявола съ мужчинами и женщинами, и т. п. Всеобщая грамматика Якоба признана основательною, расположенною въ систематическомъ порядкѣ и соотвѣтствующею нуждамъ нашихъ гимназій; примѣчанія къ ней имѣютъ то достоинство, что простираются на всѣ языки, преподаваемые въ гимназіяхъ, даже и на русскій, котораго существенныя и отличительныя свойства авторъ, повидимому, съ великимъ прилежаніемъ старался узнать во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Россіи. Съ измѣненіемъ состава главнаго правленія училищъ измѣнился и взглядъ на учебныя пособія.

Вновь образованный ученый комитетъ представилъ главному правленію училищъ, что онъ признаетъ всеобщую грамматику, сочиненную Якобомъ и изданную для преподаванія въ гимназіяхъ, не инымъ чѣмъ, какъ обезображеннымъ умозрѣніемъ давно извѣстныхъ грамматикъ и вообще сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ, и не находитъ пользы не только въ этой книгѣ, но и ни въ какой другой, подъ симъ названіемъ доселѣ извѣстной, потому что ни одна изъ нихъ не представляетъ коренныхъ началъ слововѣдѣнія, способствующаго къ открытію законовъ вещественнаго и умственнаго образованія всѣхъ языковъ. Поэтому комитетъ полагаетъ преподаваніе всеобщей грамматики отнынѣ во всѣхъ гимназіяхъ прекратить, а употребляемые для него доселѣ часы посвятить другимъ занятіямъ, особенно по части словесности. Опредѣлено: утвердить мнѣніе ученаго комитета во всей силѣ и привести въ исполненіе [178]).

Университеты, при всѣхъ невзгодахъ, которыя пришлось имъ пережить, не могутъ пожаловаться на совершенное равнодушіе къ нимъ общества, и если они не были учрежденіями, выросшими изъ народной жизни, то по крайней мѣрѣ внесли въ нее болѣе вѣрныя понятія о воспитаніи, уваженіе къ умственному труду, и не существовали особнякомъ безъ сочувствія и вліянія. Учрежденіе университетовъ привѣтствовали лучшіе люди края, и свое участіе къ новымъ разсадникамъ образованности, на которыя возлагали самыя свѣтлыя надежды, выражали не только словомъ, но и дѣломъ.

Объ открытіи Казанскаго университета возвѣщало слѣдующее торжественное объявленіе: «По повелѣнію державнѣйшаго великаго государя Александра I, императора и самодержца всероссійскаго, данному среди звука оружія и грома побѣдъ, на полѣ брани, подъятой ко благу человѣчества, для защищенія попранныхъ и угнетенныхъ правъ европейскихъ народовъ и возвращенія свободы и мира, имѣетъ совершиться сего 1814 года іюля 5-го дня торжественное открытіе Императорскаго Казанскаго университета, щедротами монаршими учрежденнаго 1804 года ноября 5-го дня, и основаннаго 1805 г. февраля 14-го дня. О чемъ извѣщая

почтеннѣйшихъ пастырей и наставниковъ церкви, военныхъ и гражданскихъ начальниковъ и чиновниковъ, и другихъ покровителей и споспѣшествователей просвѣщенія, и всѣхъ, всякаго состоянія, любителей наукъ и познаній, къ соучаствованію въ семъ торжествѣ здѣшнихъ музъ усерднѣйше проситъ и приглашаетъ ректоръ сего университета, Иванъ Браунъ, медицины докторъ и профессоръ».

Съ особенною торжественностью отпраздновано открытіе Харьковскаго университета. За день до торжества, два церемоніймейстера, избранные изъ адъюнктовъ, оповѣстили знатнѣйшихъ особъ, живущихъ въ городѣ и пріѣзжихъ, число которыхъ было весьма значительно, а чиновникъ отъ градской полиціи съ пристойнымъ сопровожденіемъ сдѣлалъ обнародованіе во всѣхъ частяхъ города. 17-го января (1805 г.) поутру, слободско-украинскій гражданскій губернаторъ, чины губернскіе, дворянство и харьковскіе граждане собрались въ университетскій домъ, гдѣ находились уже чины университета, также молодые люди, назначенные въ студенты, и директоръ съ учителями и ученикамя слободско-украинскаго главнаго училища. По прочтеніи нѣкоторыхъ пунктовъ изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, начато церемоніальное шествіе въ соборную церковь при колокольномъ звонѣ. Учредительная грамота университета несена была профессоромъ при двухъ ассистентахъ и положена преосвященнымъ на столъ, приготовленный для того въ церкви. Литургію отправлялъ епископъ слободско-украинскій Христофоръ Сулима, оказавшій существенныя услуги университету, о которыхъ свидѣтельствовалъ Потоцкій и въ оффиціальныхъ представленіяхъ и въ частныхъ письмахъ, на русскомъ и на польскомъ языкѣ: вслѣдствіе его ходатайства преосвященный Христофоръ получилъ орденъ св. Анны первой степени. Преосвященный, никогда не говорившій проповѣдей при торжественныхъ собраніяхъ, впервые нарушилъ молчаніе и произнесъ рѣчь о просвѣщеніи. По окончаніи литургіи прочтена учредительная грамота, и процессія при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ отправилась въ университетскій домъ; грамота, пріосѣняемая въ крестномъ ходѣ, несена была духовенствомъ, за которымъ послѣдовали попечитель, губернаторъ, губернскіе чины, дворянство и прочее.

Въ залѣ, назначенномъ для публичныхъ собраній, грамота принята преосвященнымъ и положена на столъ, на которомъ лежалъ уже уставъ. По окончаніи духовной церемоніи, попечитель говорилъ рѣчь о важности и цѣли новаго образованія училищъ; одинъ изъ профессоровъ прочиталъ нужнѣйшія къ свѣдѣнію публики статьи изъ устава, нѣкоторыми изъ профессоровъ произнесены рѣчи, и, наконецъ, провозглашены имена принятыхъ въ студенты и розданы имъ шпаги. Ввечеру были иллюминованы дома университета, и передъ главнымъ домомъ поставленъ видъ храма съ прозрачною картиною, которая изображала императора Александра I, заключающаго надъ жертвенникомъ союзъ дружбы съ Аполлономъ. Нѣсколько дней происходили въ городѣ празднества по случаю открытія университета.

Юные университеты получали щедрыя приношенія со всѣхъ краевъ Россіи, отъ всѣхъ сословій. Минцъ-кабинетъ Харьковскаго университета обогащенъ вкладами императрицы Елисаветы Алексѣевны, графа Северина Осиповича Потоцкаго и адмирала Чичагова, который прислалъ въ университетъ значительное число отбитыхъ у непріятеля монетъ и медалей. Обыватели вносили свою лепту: безплатно уступали земли подъ университетскія зданія и удѣляли часть изъ своихъ скромныхъ доходовъ. Херсонское дворянство положило внести сорокъ тысячъ рублей въ теченіе десяти лѣтъ, а Екатеринославское — болѣе ста тысячъ. Огромная сумма принесена университету харьковскимъ дворянствомъ. Дворянство Слободско-украинской губерніи положило внести въ пользу университета 400,000 рублей, въ теченіе шести лѣтъ, считая съ начала 1803 г.; купцы обязались вносить въ теченіе десяти лѣтъ по $1^1/_4$ процента съ объявленнаго по совѣсти капитала; гражданство назначило всѣ, накопившіеся съ 1783 года по городу Харькову, остатки отъ откупной суммы, и т. д. Пожертвованія дворянства превышали даже его средства, и лѣтъ двадцать спустя состояло недоимки около восьмидесяти тысячъ, и послѣдняя недоимка, впрочемъ совершенно ничтожная, всего сто восемьдесятъ рублей, сложена только въ 1843 году, на основаніи представленія управляющаго округомъ, что ни Харьковскому губернскому правленію, ни предводителямъ дворянства, ни самому уни-

верситету неизвѣстно, на какомъ уѣздѣ и на комъ именно состоитъ недоимка [179]).

Внутреннее устройство университетовъ давало имъ независимое и почетное положеніе въ общественной средѣ и благотворно дѣйствовало на духъ ученой корпораціи. Ректоръ былъ не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности представителемъ университета, и защищалъ его интересы съ тѣмъ достоинствомъ и энергіею, которыя даются только сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей и свободою дѣйствовать по своему убѣжденію и долгу. Каждому профессору предоставлена была свобода преподаванія съ обязанностью поставить его въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Всякое вмѣшательство въ преподаваніе лицъ менѣе компетентныхъ было удалено какъ общимъ духомъ университета, такъ и дѣйствіями главнаго правленія училищъ. Когда поднятъ былъ вопросъ о правѣ декановъ посѣщать лекціи, защищавшій это право потерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ совѣтѣ; попечитель съ своей стороны представилъ, что находитъ такое посѣщеніе унизительнымъ для профессоровъ; а главное правленіе училищъ, замѣтивъ, что дѣло должно было покончить въ самомъ университетѣ, отказалось отъ вмѣшательства во внутреннее устройство университета [180]). Попечители, принимая непосредственное участіе въ дѣйствіяхъ главнаго правленія училищъ, уважали права университетовъ, и достоинствомъ своего поведенія возвышали въ глазахъ общества свое званіе, которое, по выраженію одного изъ первыхъ попечителей, почитали драгоцѣннымъ для души благородной, любящей просвѣщеніе и благо отечества». Автономія и права, дарованныя университетамъ уставомъ, сохранялись долгое время неприкосновенными. По случаю безпорядковъ въ одной гимназіи, посланъ былъ на ревизію не членъ университета, а, вопреки уставу, чиновникъ канцеляріи министра. Профессора университета, къ округу котораго принадлежала гимназія, обратились въ Петербургъ съ жалобою на это нарушеніе. Комитетъ министровъ прислалъ имъ выговоръ, но они вошли съ новымъ представленіемъ, въ которомъ опирались на уставъ университета, и комитетъ министровъ, найдя доводы ихъ совершенно законными, измѣнилъ свое рѣшеніе [181]).

При всемъ добрѣ, положенномъ въ основу университетовъ и ихъ управленія, были нѣкоторыя обстоятельства, нарушавшія спокойный ходъ университетской жизни. Такимъ зломъ, хотя часто и неизбѣжнымъ, надо признать существованіе партій. Въ составѣ университета образовались два враждебные лагеря — русскіе и иностранцы. Первоначально между ними не существовало не только вражды, но и разногласія: при тогдашнемъ космополитизмѣ и вѣротерпимости русскіе охотно принимали въ свою семью своихъ европейскихъ братьевъ, изъ которыхъ иные слились съ новымъ отечествомъ и совершенно обрусѣли. Но не всѣ иностранцы разсуждали подобно знаменитому въ исторіи Германіи Штейну, который отказался отъ предложенія вступить въ русскую службу на всевозможныхъ выгодныхъ условіяхъ, говоря, что онъ уже старъ для того, чтобы выучиться русскому языку и узнать Россію, а по его убѣжденію безъ знанія страны и ея языка нельзя быть ей полезнымъ [182]). Постоянный наплывъ иноземцевъ, незнаніе ими ни русскаго языка, ни нравовъ и обычаевъ страны, образовало изъ нихъ въ глазахъ общества пришлую колонію, совершенно отличную отъ той среды, въ которой они поселились. Столкновеніе ихъ съ этою средою представляло много забавнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много печальнаго, имѣвшаго крайне невыгодное вліяніе на ходъ университетскихъ дѣлъ. Разсказы старожиловъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, передаютъ много забавныхъ сценъ. Одинъ изъ иностранныхъ преподавателей любилъ ходить по базару съ словаремъ въ рукахъ и при помощи его разговаривалъ съ торговками; онъ представилъ въ уголовную палату свинью, забѣжавшую къ нему въ садъ, и т. п. [183]). Преподаватель греческаго языка, выписанный въ Казань изъ Саксоніи, былъ до того дряхлъ и недогадливъ, что, живя рядомъ съ аудиторіею, не подозрѣвалъ этого сосѣдства; студенты, провожая его въ аудиторію, водили разными закоулками по университетскому двору, и часть лекціи пропадала на это путешествіе. На лекціяхъ древностей, преподаватель съ тремя студентами представлялъ Юпитера съ тремя граціями или становился на кресла и изображалъ олимпійскаго громовержца [184]). Но оригинальными выходками дѣло не кончилось. Иностранцы мало-по-малу стягивались въ довольно-

плотную массу, и повели интригу противъ русскихъ, добиваясь захватить въ свои руки все управленіе университета и округа. Объ этомъ говоритъ положительно Потоцкій въ откровенномъ письмѣ, на польскомъ языкѣ, къ министру Завадовскому [185]). Само собою разумѣется, что и между русскими и между иностранцами были люди, стоявшіе выше интригъ и происковъ. Современники съ большимъ уваженіемъ отзываются о нравственномъ достоинствѣ, благородствѣ характера и безкорыстіи Рижскаго, Осиповскаго, Якоба, Пильгера и другихъ. Но справедливость требуетъ указать и темныя стороны обѣихъ партій, и притомъ не съ голоса приверженцевъ одной стороны, а на основаніи неподлежащихъ сомнѣнію фактовъ, уцѣлѣвшихъ въ архивахъ и отчасти въ достовѣрномъ преданіи.

Нѣкоторыхъ изъ русскихъ профессоровъ укоряютъ въ крючкотворствѣ и чинопочитаніи. Въ жару совѣтскихъ преній они ловили рѣзкія выраженія и непремѣнно требовали заносить ихъ въ протоколъ. На протестъ адъюнкта, что онъ также членъ факультета, заслуженный профессоръ счелъ нужнымъ объяснить, въ какомъ смыслѣ адъюнктъ можетъ называться членомъ, и въ этомъ, неудобномъ для печати, объясненіи поражаетъ смѣсь наивности съ возмутительнымъ цинизмомъ. Одинъ изъ молодыхъ, нечиновныхъ ученыхъ замѣтилъ недостатокъ въ первоначальномъ устройствѣ совѣта, который, по его мнѣнію, вышедши изъ предѣловъ гимназическаго устава, слишкомъ ограниченъ, чтобы подойти подъ университетскій. Молодому ученому сдѣлано было внушеніе, что если онъ находитъ кругъ совѣта ограниченнымъ и тѣснымъ, то въ его волѣ состоитъ искать себѣ другаго, обширнѣйшаго.

Нѣкоторыхъ изъ профессоровъ иностранныхъ обвиняютъ въ непотизмѣ и корыстолюбіи. Непотизмъ открывалъ дорогу людямъ недостойнымъ и неприготовленнымъ. Три иностранные профессора рекомендовали воспитателя, ссылаясь на его прежнюю педагогическую службу; но оказалось, что онъ служилъ по коннозаводству, и такимъ образомъ, говоря словами Румовскаго, человѣкъ, оказавшій способность быть надзирателемъ конскаго завода, едва не принятъ былъ къ надзиранію надъ учащимся юношествомъ. Желаніе прибытка влекло

нѣкоторыхъ къ опредѣленію въ русскую службу. Въ числѣ доходныхъ статей они предполагали и плату за частныя лекціи и за ученыя степени. Вопреки уставу и постановленіямъ русскихъ университетовъ, Дерптскій университетъ производилъ слѣдующій сборъ при докторскомъ экзаменѣ: экзаменующій профессоръ получалъ 15 рублей серебромъ, деканъ 12 рублей, секретарь 4 рубля, каждый изъ трехъ педелей по 2 рубля, и т. д. Главное правленіе училищъ уничтожило этотъ сборъ, признавъ его самопроизвольнымъ и незаконнымъ [186]). Добросовѣстнѣйшіе изъ иностранцевъ сами обвиняютъ своихъ соотечественниковъ. «Русскіе и иностранцы—говоритъ Роммель—стояли вообще враждебно другъ противъ друга: съ первыми я вступалъ въ союзъ, когда дѣло шло объ интересахъ казны, со вторыми—во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ. За мною осталась репутація иностранца, соблюдавшаго интересъ казны, тогда какъ другіе обкрадывали ее съ безстыдствомъ» [187]). Переселяющимся изъ-за границы профессорамъ дозволено было провозить безпошлинно вещей или пожитковъ на три тысячи рублей. Оказалось, что однимъ изъ лицъ, пользовавшихся этимъ правомъ, вывезено красное вино въ огромномъ количествѣ, а также эстампы, женскія украшенія, гранаты и разныхъ сортовъ ленты, которые разсысылались по округу для продажи. Русскіе профессора и нѣкоторые изъ иностранныхъ возстали противъ злоупотребленія, и просили объ освобожденіи университета отъ пришельца, который подвергся бы неминуемой карѣ въ своемъ отечествѣ и который запятналъ почтенное званіе въ глазахъ всѣхъ умныхъ и честныхъ людей [185]).

Источникомъ столкновеній университета съ обществомъ, бросившихъ одинаково невыгодную тѣнь какъ на русскій, такъ и на иностранный составъ университета, послужилъ указъ 6-го августа 1809 года, по которому никто не могъ быть произведенъ въ чинъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника, не представивъ свидѣтельства о томъ, что онъ обучался въ университетѣ наукамъ, свойственнымъ гражданской службѣ, или же выдержалъ университетскій экзаменъ. Указъ 6-го августа, обнародованный съ цѣлью положить преграду исканію чиновъ безъ заслугъ, вызвалъ нѣсколько печальныхъ явленій въ тогдашнемъ обществѣ. Мы

видѣли—говорятъ современники—людей съ сѣдѣющими волосами, покупающихъ книги, будто ихъ изучающихъ и смѣло потомъ идущихъ на экзаменъ, какъ на торговую казнь; экзаменаторовъ надо было задобрить; люди, извѣстные дотолѣ чистотою правилъ, безсребренники-профессора осквернились взятками; лѣтъ пять это продолжалось, пока не приняты были мѣры къ пресѣченію постыднаго торга ученостью [189]). Не только лица, враждебно смотрѣвшія на всѣ дѣйствія Сперанскаго, виновника указа объ университетскихъ дипломахъ для гражданскихъ чиновниковъ, но и сами профессора находили, что экзаменъ, нанося ударъ чинолюбію, былъ слабымъ средствомъ къ распространенію знаній и давалъ людямъ недобросовѣстнымъ возможность наживаться и поднять свое значеніе [190]). Для гражданскихъ чиновниковъ учреждены были курсы въ университетѣ; по приглашенію совѣта, преподаваніе русской словесности въ Харьковскомъ университетѣ принялъ на себя извѣстный писатель Нахимовъ, открывшій свой курсъ юмористическими стихами о пользѣ грамматики:

Какъ уголь отъ золы, такъ отъ невѣждъ отличенъ,
Кто рисовать азы способенъ и привыченъ...
Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зритъ
Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
Премѣны дивныя и чудное устройство....

Впечатлѣніе, произведенное на своихъ слушателей указомъ 6-го августа, Нахимовъ изобразилъ въ юмористической элегіи:

Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ,
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ...
Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы....
А чинъ ассессорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя какъ друга, какъ алтынъ:
Быть можетъ навсегда прости, любезный чинъ!..

Несогласія, возникавшія въ средѣ совѣта, бывали иногда весьма курьезнаго свойства. Такъ, одинъ изъ профессоровъ не хотѣлъ засѣдать въ комитетѣ съ своимъ товарищемъ, какъ съ человѣкомъ, который своимъ безславнымъ бракомъ посрамилъ честь университета: онъ женился на кухаркѣ. Оправдывая своего новобрачнаго сочлена, другой профессоръ пред-

ставилъ на латинскомъ языкѣ votum, въ которомъ доказывалъ, что честь университета зависитъ не отъ брачнаго союза преподавателей, а отъ ихъ познаній, нравовъ и честности, и ссылаясь между прочимъ на то, что сама русская исторія представляетъ нѣсколько примѣровъ, что лица высоко-поставленныя при заключеніи брака не обращали вниманія ни на знатность рода, ни на людскую молву [191]). Желая избавить университетъ отъ устарѣвшаго профессора и видя безполезность всѣхъ заявленій по этому поводу, попечитель рѣшился наконецъ вызвать его на дуэль [192]).

Наивность и добродушіе стараго времени обнаруживается въ сношеніяхъ профессоровъ какъ съ высшими, такъ и съ низшими членами учебнаго вѣдомства. Профессора сами испрашивали себѣ званіе «заслуженнаго», подробно описывая свои собственныя заслуги, и жаловались на то, что, отличаясь отъ своихъ товарищей всѣми родами полезныхъ занятій, остаются до сихъ поръ неотличенными. Такой способъ дѣйствія былъ тогда общимъ обычаемъ, которому слѣдовали и высшіе сановники вѣдомства просвѣщенія, и извѣстнѣйшіе литераторы, и почетнѣйшія изъ мѣстныхъ властей. Попечитель Румовскій просилъ министра исходатайствовать ему награду и тѣмъ снять «уничиженіе предъ младшими, изъ коихъ ни единый не можетъ представить о себѣ такого свидѣтельства, чтобы труды его обратились во славу отечества. Если причины къ ходатайству обо мнѣ у монаршаго престола — прибавляетъ Румовскій — покажутся недостаточны, то мнѣ, семьдесятъ четыре года имѣющему, въ унынiи останется одно утѣшеніе, что близко то время, въ которое по теченію природы чувствовать онаго не буду» [193]). Вслѣдствіе этого письма, Румовскій награжденъ орденомъ Владиміра третьей степени. Знаменитость былаго времени, авторъ Душеньки, Богдановичъ, объясняетъ президенту россійской академіи, что «онъ много бы былъ доволенъ особымъ изъ кабинета, сверхъ пенсіи, до опредѣленія къ мѣсту, хорошимъ жалованьемъ, или хотя чиномъ, хотя крестомъ, хотя другимъ отличіемъ, кромѣ малой единовременной денежной выдачи, которая унижаетъ духъ и погашаетъ дворянское усердіе» [194]). По увольненіи отъ должности бывшаго губернатора, друзья его, по его просьбѣ, предложили совѣту

письменно отозваться къ уѣзжающему губернатору благодарительнымъ посланіемъ. Но въ совѣтѣ рѣшено не дѣлать письменнаго отзыва, а отрядить депутатовъ для пожеланія добраго пути и выраженія признательности. Депутатовъ губернаторъ принялъ съ недовольнымъ видомъ, и сказалъ, что онъ ожидалъ письменнаго отзыва, изъ словъ же никакого употребленія сдѣлать не можетъ [195]).

Со стороны мѣстнаго общества и ближайшаго учебнаго начальства заявляемы были профессорамъ самыя оригинальныя и разнообразныя требованія, относящіяся къ подвѣдомымъ университету учителямъ: одни требовали пріятной наружности, другіе—экипажа и лошадей, третьи вооружались противъ безбрачія. И всѣ эти представленія и проекты подвергались обсужденію въ совѣтѣ и правленіи, а иногда восходили и въ другія инстанціи. Директоръ училищъ Саратовской губерніи представлялъ совѣту университета, что учитель словесности, называемый въ уставѣ учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи, больше всего обратитъ на себя вниманіе публики. Ему надобно знать французскій языкъ, не только по книжному, но и умѣть на немъ свободно изъясняться, а на русскомъ не только могъ бы лекціи преподавать съ живостію, но имѣлъ бы даръ сочинять и произносить публичныя рѣчи; говорилъ бы языкомъ не провинціальнымъ какимъ-либо, но чистымъ русскимъ, употребляемымъ въ лучшихъ обществахъ. Притомъ необходима ловкость, пріятная наружность и чистый голосъ; впрочемъ не требуются глубокія, профессорамъ приличныя, свѣдѣнія, и т. д. Директоръ Черниговскихъ училищъ выражаетъ ректору университета свое сожалѣніе о томъ, что общество трактуетъ учителей не наравнѣ съ другими чиновниками, и единственное спасеніе видитъ въ доставленіи учителямъ возможности дѣлать визиты. Въ чиновныхъ людяхъ—пишетъ директоръ—иначе нельзя снискать благосконности, какъ частыми по праздникамъ визитами и поздравленіями, которыя поневолѣ даже заставятъ обратить вниманіе и пріязнь къ учтивымъ людямъ. Но учителямъ трудно располагаться на такое исканіе съ ихъ пѣшеходствомъ, когда всякій чиновникъ, то на той, то на другой улицѣ, разлегшись въ какомъ-либо экипажѣ — въ каретѣ или дрожкахъ, въ саняхъ

или прибранныхъ пошевняхъ, обгоняетъ учителей, шагающихъ по грязи въ ихъ мундирахъ со шпагами, или подъ дождемъ, или подъ снѣгомъ, или въ жаркіе дни покрытыхъ пòтомъ и пылью, и въ семъ видѣ путешествующихъ изъ одного дома въ другой. Это обстоятельство было объяснено визитатору, обѣщавшему, что учителямъ дадутъ средства дѣлать, кому слѣдуетъ, визиты. Ректоръ представилъ министру письмо директора, присовокупивъ, что одними визитами нельзя пріобрѣсти уваженія и почета. Пензенскій директоръ вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, что въ теченіе службы своей въ званіи начальника училищъ онъ совершенно удостовѣрился въ двухъ важныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ великое вліяніе на оброзованіе юношества. Во-первыхъ, учителя женатые болѣе уважаютъ свое званіе и дорожатъ имъ, болѣе имѣютъ основательности и постоянства какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ своихъ, болѣе прилично и наставительно обходятся съ дѣтьми, нежели учителя холостые, а притомъ еще и молодые, увлекающіеся забавами, безпечностью, непостоянствомъ, полагающіе свое удовольствіе въ праздности и разсѣянности. Во-вторыхъ общество имѣетъ болѣе уваженія и довѣренности къ женатымъ, нежели къ холостымъ: оно ясно видитъ, что безбрачіе наставниковъ отнюдь не есть монашеское состояніе, огражденное строгими правилами обѣта и благочестія. Политическая экономія древнихъ грековъ и римлянъ предоставляла отцамъ семействъ многія выгоды и отличія, да и въ наше время она почитаетъ брачные союзы самымъ естественнымъ и прочнымъ основаніемъ силы и благосостоянія народовъ. Поэтому, не благоугодно ли будетъ высшему правительству, для побужденія учителей вступать въ брачное состояніе, назначить, при изданіи новыхъ штатовъ, женатымъ учителямъ жалованья одною третью болѣе, нежели холостымъ: одинаковое жалованье тѣмъ и другимъ было бы весьма несправедливо и соблазнительно, служа для женатыхъ какъ бы угнетеніемъ или наказаніемъ, а для холостыхъ поводомъ къ закоснѣнію въ порокахъ и тщетныхъ раскаяніяхъ безбрачной жизни. Совѣтъ опредѣлилъ: такъ какъ не предвидится перемѣны штатовъ, то и не представлять высшему начальству предложенія директора, но какъ онъ

не одобряетъ поведенія холостыхъ учителей, то рекомендовать ему обращать на нихъ особенное вниманіе [196]), и т. п.

Нравы тогдашняго общества видны изъ множества дѣлъ, поступавшихъ въ университеты по жалобамъ на учителей и студентовъ [197]). Смотритель училищъ обвинялъ учителей въ томъ, что они выслали его изъ класса; заставляли учениковъ кланяться ему въ насмѣшку; говорили, что имъ все равно, что татаринъ, что христіанинъ, и что молитву надо держать въ сердцѣ; упражнялись въ ночныхъ веселостяхъ, при чемъ слышенъ былъ женскій голосъ, и т. п. Учителя оправдывались тѣмъ, что заставляли кланяться смотрителю не въ насмѣшку, а въ знакъ уваженія къ нему, и высылали его изъ классовъ не съ тѣмъ, чтобы обидѣть его, а только изъ участія къ нему, чтобы избавить его отъ излишняго безпокойства, тѣмъ болѣе, что его частыя посѣщенія развлекали учениковъ; сознаваясь въ играніи на гитарѣ и вальсированіи до полуночи, отрицали соучастіе женскаго пола, и т. д. Старшій учитель Оренбургскаго главнаго училища жаловался на директора, который приходилъ въ классы въ самомъ развратномъ видѣ, не имѣя на себѣ ничего кромѣ халата, рубашки и порванныхъ башмаковъ, дѣлалъ самыя гадкія кривлянья и произносилъ самыя гнусныя и непристойныя выраженія, которыя тѣмъ чувствительнѣе для учителя, по его собственнымъ словамъ, что онъ женатъ на воспитанницѣ заведенія, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества. О такихъ обидахъ учитель объяснялся съ самимъ виновникомъ ихъ, директоромъ, но послѣдній отражалъ объясненіе самымъ площаднымъ и несообразнымъ съ его должностью сквернословіемъ. Въ Иркутской гимназіи устроенъ былъ театръ съ цѣлью пріучить учениковъ къ хорошему и правильному произношенію и декламаціи, а также и для того, чтобы оказать пособіе бѣднѣйшимъ учителямъ и ученикамъ: всѣ, участвовавшіе въ спектакляхъ, учителя и ученики сшили себѣ на пожертвованную сумму по парѣ хорошаго платья, котораго у многихъ не было. Учрежденіе театра признавалось полезнымъ и потому, что нѣкоторые изъ учителей гимназіи и особенно уѣзднаго училища, употребляющіе свободное время на занятія неблагопристойныя, были бы отъ нихъ отвлечены посред-

ствомъ такого занятія и познакомились бы съ благонравіемъ и вѣжливостью. На сценѣ разыгрывались пьесы: Русскій солдатъ, или хорошо быть добрымъ господиномъ, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, изданная въ 1803 году; опера: Мельникъ; драма Коцебу: Пожертвованіе самимъ собою, и двѣ его комедіи: Несчастные и Хитрая вдова. Театръ скоро долженъ былъ закрыться по причинѣ буйства и непристойнаго поведенія учителей. При слѣдствіи, мѣстные жители о нѣкоторыхъ учителяхъ уѣзднаго училища и даже гимназіи единогласно отозвались, что ихъ рѣже можно видѣть трезвыми, нежели пьяными, и притомъ какъ въ свободное отъ ученія время, такъ и во время классовъ; что они производятъ буйства и драки въ гостяхъ, на улицахъ и гдѣ случится. Въ наиболѣе благосклонномъ отзывѣ объ учителѣ латинскаго языка въ гимназіи сказано: имѣя отъ природы характеръ вѣтренный, любитъ чрезвычайно хвастать знаніями своими и силою, отчего въ обществѣ бываетъ довольно несносенъ, въ нетрезвомъ же видѣ предпріимчивъ и дерзокъ на руку.

Поприщемъ для разгула молодежи служили обыкновенно театры: дѣло иногда доходило до того, что бывали принуждены опускать занавѣсъ и прекращать представленія. Восторженные поклонники сценическихъ талантовъ, студенты были грозою мѣстныхъ театраловъ и преслѣдовали ихъ явными и тайными насмѣшками. Лихорадочное движеніе начиналось въ обществѣ и въ присяжныхъ производителяхъ слѣдствія съ появленіемъ листковъ въ подобномъ родѣ: «Безъ дозволенія начальства. Общество студентовъ ***скаго университета, отличавшееся всегда хорошимъ поведеніемъ и знаніемъ благонравія, находитъ себя принужденнымъ объявить предъ лицомъ цѣлаго города свое неудовольствіе директору ***скаго театра за разсѣеваемые имъ объ нихъ разные поносительные ложные слухи и законопреступныя клеветы. Вышесказанное общество до сихъ поръ довольствовалось отвѣчать ему однимъ презрѣніемъ, но наконецъ, выведено будучи изъ терпѣнія, публично совѣтуетъ ему удержать себя отъ подобныхъ поступковъ, ежели не хочетъ чрезъ полученную отъ нихъ пощечину лишиться послѣдней своей чести и оставить городъ. 1816 года, февраля, въ университетской залѣ, въ часы меланхоліи». Замѣчательно, что волненіе студентовъ, возра-

ставшее быстро по мѣрѣ вмѣшательства постороннихъ лицъ, утихало почти мгновенно, когда къ нимъ обращался профессоръ отъ имени университета. Живымъ доказательствомъ этого послужило происшествіе въ Харьковскомъ театрѣ, вызвавшее со стороны министерства запрещеніе студентамъ посѣщать театры. Болѣе тридцати человѣкъ студентовъ начали въ театрѣ аплодировать, стучать палками и ногами, и до того кричать, что актеры остановили представленіе; студенты перешли на сцену, разорвали занавѣсъ, окружили содержателя театра, и начался рукопашный бой между студентами и актерами; публика бросилась вонъ; городскія власти напрасно истощали всѣ средства къ прекращенію тревоги. Но какъ только явился на сценѣ профессоръ Успенскій, призванный посѣтителями, и сказалъ нѣсколько словъ, студенты вдругъ удалились изъ театра, всѣ до единаго, какъ разсказываетъ сынъ Успенскаго, бывшій въ то время студентомъ и очевиднымъ свидѣтелемъ всего, что происходило, и показаніе его вполнѣ подтверждается донесеніемъ полиціймейстера и другими оффиціальными данными. Воспріимчивая, легко воспламеняющаяся, нетерпящая насилія молодежь уступала нравственному вліянію профессоровъ и призыву ректора университета, которому еще Ломоносовъ предлагалъ вручить власть живота и смерти надъ студентами. Хотя новымъ уставомъ ректору и не дано такой безграничной власти, но самый духъ университета усиливалъ вліяніе ректора какъ на профессоровъ, такъ и на студентовъ. Положеніе ректора, избраннаго представителя и главы университета, наиболѣе подходило къ тому понятію объ отношеніяхъ правителя къ управляемымъ, которое выносили студенты изъ лекцій о предметахъ, касающихся общественнаго устройства.

Для удержанія молодыхъ людей въ предѣлахъ долга и обязанностей, университетскія власти обыкновенно прибѣгали къ нравственному вліянію, къ убѣжденіямъ и совѣтамъ. При всемъ значеніи ректора, какъ правителя университета, въ отношеніяхъ ректора къ студентамъ не было подавляющей оффиціальности. Студенты первыхъ выпусковъ, пощаженные временемъ старожилы, съ умиленіемъ вспоминаютъ о ректорѣ Харьковскаго университета, Рижскомъ, о которомъ между прочимъ разсказываютъ слѣдующее. Рижскій пред-

лагалъ студентамъ записывать не всю лекцію сплошь, а только мѣста наиболѣе замѣчательныя, и по окончаніи лекціи просматривалъ записки студентовъ. Обладая даромъ слова, онъ имѣлъ однакоже привычку повторять на лекціяхъ и въ разговорахъ: «ну, сударь, ну». Кто-то изъ студентовъ вздумалъ пошутить, и записывалъ въ своей тетради только «ну, сударь, ну» всякій разъ, какъ профессоръ произносилъ эти слова. По окончаніи лекціи Рижскій потребовалъ тетради именно у этого студента. Испуганный юноша ждалъ бѣды отъ оскорбленнаго ректора; но къ величайшему удивленію Рижскій не только не сдѣлалъ выговора, а обратился къ студентамъ съ такою кроткою и участливою рѣчью: «я часто и безъ нужды употребляю эти слова, и дѣлаю дурно́; но такая привычка пріобрѣтена мною невольно, во время моей труженической суровой жизни особнякомъ, вдали отъ людей, когда некому было поправить меня и дать мнѣ добрый совѣтъ: чтобы избѣжать и вамъ подобныхъ привычекъ, старайтесь чаще бывать между образованными людьми» и т. д., и при этомъ распространился о вліяніи общества на развитіе человѣка. Случалось, что даже на лекціяхъ профессора-инспектора студенты на заднихъ скамьяхъ играли въ карты; прерывая лекцію, профессоръ говорилъ: «а зачѣмъ пеструшками-то забавляетесь», и послѣ приличнаго наставленія лекція шла своимъ чередомъ. Прилежное занятіе науками университетское начальство считало дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для водворенія добрыхъ нравовъ, признавая полезнымъ не только для умственнаго, но и для нравственнаго развитія студентовъ возможно-полное изученіе Россіи и русскаго языка [198]). Инспекторъ не могъ удѣлять много времени надзору за студентами, будучи отвлекаемъ лекціями и учеными работами, и потому учреждены были между казеннокоштными воспитанниками такъ называемые камерные студенты, находившіеся безотлучно съ своими товарищами и жившіе подъ одною съ ними кровлею [199]). Въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ камерныхъ студентовъ отмѣчалось о каждомъ студентѣ, чѣмъ и какъ онъ занимается и каково себя ведетъ, какъ напримѣръ, въ отношеніи къ самому себѣ: скроменъ, тихъ, вспыльчивъ, честолюбивъ, самолюбивъ, простодушенъ; въ отношеніи къ другимъ: ласковъ, вѣжливъ, добръ, снисходителенъ,

застѣнчивъ, и т. п. Одинъ изъ старшихъ камерныхъ студентовъ доносилъ инспектору: Хотя я и не замѣтилъ въ господахъ студентахъ поступковъ, нарушающихъ весьма много заведенный порядокъ и вредящихъ чести каждаго, но и не замѣтилъ въ семъ отличія: большая часть изъ нихъ вели себя хорошо, другіе хотѣли быть хорошими—намѣреніе, похвалы достойное; нѣкоторые имѣли пристрастіе къ театральнымъ представленіямъ, но къ концу мѣсяца страсть ихъ ослабѣла и почти вовсе исчезла, и т. п. Камерные студенты жили въ ладу съ своими товарищами, чуждались доносовъ и извѣтовъ, и если собирали справки, кто изъ студентовъ отправился въ театръ, то только для того, чтобы знать, насколько человѣкъ оставить ужинъ. Виновныхъ студентовъ, какъ, напримѣръ, пустившихъ на гимназическомъ дворѣ ракету, начальство наказывало тѣмъ, что сравнивало въ числѣ блюдъ съ гимназистами или вмѣсто кушанья виновнымъ ставили въ мискахъ и соусникахъ воду, и т. п. Инспекторъ студентовъ предлагалъ на обсужденіе совѣта ввести у студентовъ въ употребленіе черную доску извѣстной величины, на которой написавъ проступокъ, имя и прозваніе студента, вывѣшивать ее въ спальныхъ комнатахъ на кратчайшее или должайшее время, сообразно проступку. Умышленное нарушеніе введеннаго порядка относительно скромности, вѣжливости и благопристойности, написавъ на доскѣ, вывѣшивать ее на три дня. Умышленное нарушеніе порядка относительно подчиненности, нерадѣнія къ лекціямъ и благоповеденія, написавъ на доскѣ, вывѣшивать на цѣлую недѣлю. Ожесточенное и учащаемое нарушеніе порядка представляется совѣту, принимающему сообразныя мѣры для прекращенія зла, и т. д.

Составленіе правилъ для студентовъ предоставлено было самимъ университетамъ. Особенною подробностью отличаются правила для Дерптскихъ студентовъ, составленныя депутатами Дерптскаго университета, разсмотрѣнныя главнымъ правленіемъ училищъ и утвержденныя государемъ. Замѣтки министра относятся только къ исправленію редакціи; измѣненія же, сдѣланныя собственноручно государемъ, замѣчательны по своему характеру. Приводимъ текстъ измѣненныхъ параграфовъ, печатая курсивомъ слова, приписанныя государемъ:

§ 20, с.: По открытіи намѣреваемаго поединка, университетъ для доставленія обиженному надлежащаго удовлетворенія наряжаетъ подъ предсѣдательствомъ ректора судъ, къ которому приглашаются два студента, извѣстныхъ по своему благонравію и честности, и избранныхъ своими товарищами, и по большинству голосовъ опредѣляется обиженному удовлетвореніе. Если вызывавшій или вызываемый будутъ принадлежать постороннему начальству, въ такомъ случаѣ приглашаются въ судъ сей два чиновника по выбору того начальства; и если университетъ не успѣетъ примирить, то сообщаетъ оному, да поступитъ по законамъ.

§ 25. Всякое справедливое и благоразумное прошеніе студентовъ съ охотою исполняемо будетъ университетскимъ начальствомъ; но таковое прошеніе должно быть написано съ вѣжливостію или на словахъ объяснено ректору, яко начальнику университета, но не иному какому члену онаго. А если, противозаконно настаивая и приходя во многолюдствѣ, захотятъ они достигнуть желаемаго, то сіе будетъ почтено возмущеніемъ, и навлечетъ строжайшее наказаніе. Кто же простретъ наглость до произведенія дѣйствительнаго возмущенія или кто приметъ въ ономъ участіе, тотъ неизбѣжно (было: немедленно) будетъ преданъ уголовному суду.

§ 38. Поелику студенты обыкновенно находятся подъ вѣдѣніемъ своихъ родителей, родственниковъ или опекуновъ; то никакіе, заключаемые ими, договоры, особливо обѣщаніе вступить въ союзъ супружескій, сдѣланное безъ воли и согласія родителей, родственниковъ и опекуновъ, не должны быть дѣйствительны.

§ 52. Исключеніе имени изъ списка студентовъ удаляетъ виновнаго изъ удѣла земли, подъ университетомъ состоящаго, предполагая однако ему возможность быть паки принятымъ, коль скоро представитъ доказательства своего исправленія. Приговоръ исключенному объявляется не публично, но чрезъ ректора. За совѣтомъ удалиться (consilium abeundi) слѣдуетъ выставка имени виновнаго и сдѣланнаго надъ нимъ приговора на черной доскѣ, и лишеніе навсегда права на возвращеніе въ университетъ. Въ случаѣ же

изгнанія приговоръ сверхъ того сообщается всѣмъ университетамъ въ Имперіи, и о семъ доносится главному училищъ правленію [200]).

Въ 1807 году изданы правила для казеннокоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета, а два года спустя прибавленія къ нимъ, на латинскомъ языкѣ, составленныя профессоромъ Якобомъ. Въ 1812 году профессоръ Стойковичъ составилъ, также на латинскомъ языкѣ, Постановленія для казеннокоштныхъ студентовъ и Законы и правила для студентовъ Харьковскаго университета, относящіеся ко всѣмъ студентамъ какъ казеннокоштнымъ, такъ и своекоштнымъ. Постановленія и правила утверждены министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Въ Казанскомъ университетѣ составленіе правилъ для студентовъ производилось коллегіальнымъ порядкомъ. Представлено нѣсколько проектовъ, изъ которыхъ самый пространный принадлежитъ профессору естественнаго права Финке и состоитъ изъ 120 артикуловъ подобнаго содержанія: Студенты должны вести жизнь непорочную и добродѣтельную. Всего болѣе студенту надлежитъ пріобрѣтать ясныя понятія, не довольствоваться положеніями не совершенно вразумительными, остерегаться одобрять какое нибудь мнѣніе безъ рачительнаго изслѣдованія, или съ восторгомъ принять новое мнѣніе потому только, что оно ново. Студенты обязаны оказывать всего болѣе духовенству, старцамъ, женскому полу и всѣмъ чиновникамъ всякое почтеніе; точное исполненіе сей обязанности доставитъ имъ особливую честь: они тѣмъ покажутъ на дѣлѣ, что пріобрѣли высшее образованіе. Въ случаѣ если откроется условленный поединокъ, университетъ наряжаетъ для доставленія обиженному удовлетворенія совѣстный судъ, и т. д. Совѣтъ опредѣлилъ исключить постановленія о дуэляхъ, потому что между русскими студентами и въ Россіи вообще поединки вовсе не въ употребленіи. По разсмотрѣніи различныхъ проектовъ, совѣтомъ Казанскаго университета изданы въ 1813 году слѣдующія правила для студентовъ:

1) Каждый студентъ повинуется постановленіямъ университетскимъ.

2) Желающій поступить въ число студентовъ является

къ ректору, который, разсмотрѣвъ его аттестатъ, отъ какой-либо гимназіи данный, если найдетъ оный удовлетворительнымъ или же подвергнувъ желающаго поступить въ студенты испытанію отъ назначенныхъ для сего членовъ совѣта, отсылаетъ его въ правленіе.

3) Имя студента, давшаго въ присутствіи правленія обязательство, что онъ будетъ вести себя сообразно университетскимъ постановленіямъ, вносится правленіемъ въ списокъ, и студенту выдается свидѣтельство.

4) Получивши свидѣтельство, студентъ снова является къ ректору, который даетъ наставленіе, какія проходить ему приготовительныя науки. Студентъ обязывается:

5) Назначенныя ему приготовительныя науки слушать со вниманіемъ, прилежаніемъ и тщательностію.

6) Преподаванія повторять дома для укорененія ихъ въ памяти.

7) Оказывать университетскому начальству повиновеніе, членамъ совѣта почтеніе, товарищамъ дружелюбіе, а всѣмъ и каждому учтивость и благопріятство.

8) Блюсти себя отъ развратныхъ нравовъ, особенно пьянства, безстыдства и коварства.

9) Не играть въ денежныя игры.

10) Кто испортитъ умышленно вещь, казенную или частной особѣ принадлежащую, тотъ строго будетъ наказанъ.

11) Студентъ, потерпѣвшій обиду, не долженъ приступать къ отмщенію.

12) Студентъ долженъ искать право свое: во-первыхъ, предъ лицомъ ректора, потомъ—передъ правленіемъ, наконецъ — передъ совѣтомъ университета.

13) Студентъ, желающій оставить университетъ, получаетъ изъ совѣта свидѣтельство о поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ—не ранѣе, какъ по уплатѣ всѣхъ своихъ долговъ. Студенты, исполняющіе эти постановленія, получатъ въ свое время почести и награды: право носить шпагу, медаль за удовлетворительное рѣшеніе предлагаемыхъ совѣтомъ задачъ, и т. п. Студенты, нарушающіе университетскія правила, подвергнутся, по мѣрѣ вины: выговору ректора, правленія, совѣта, публичному извиненію, заключенію подъ стражу, исклю-

ченію изъ университета—временно или навсегда, и наконецъ отсылкѣ въ уголовный судъ [201]).

Правила и предписанія оставались бы мертвою буквою, еслибы духъ науки, все болѣе и болѣе проникавшій въ нравы молодежи, не пробуждалъ въ ней тѣхъ нравственныхъ началъ, на которыя указывали университетскія постановленія. Чтобы ни говорили о лекціяхъ первыхъ профессоровъ, какими бы красками ни изображали состояніе университетовъ, безспорно то, что много прекрасныхъ задатковъ выносило молодое поколѣніе изъ университетскихъ аудиторій, и что университеты имѣли самое благотворное вліяніе на своихъ питомцевъ. Воспоминанія лицъ, прославившихъ себя впослѣдствіи честнымъ служеніемъ обществу и литературными заслугами, вводятъ насъ во внутреннюю жизнь первыхъ нашихъ студентовъ, раскрываютъ ихъ душу, озаряемую новымъ для нея свѣтомъ науки. По свидѣтельству одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей, бывшаго студентомъ въ началѣ девятнадцатаго вѣка, въ студентскомъ кругу того времени «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ, и, непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу». Лучшіе студенты александровскаго времени за все, что сохранилось въ нихъ добраго, считаютъ себя обязанными университету, общественному ученію, и тому живому началу, которое выносили они оттуда вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что кто не воспитывался въ публичномъ учебномъ заведеніи, жизнь того неполна [202]).

III.

Преобразованіе общественнаго воспитанія по началамъ священнаго союза.— Библейскія общества и вліяніе ихъ на открытіе народныхъ школъ.—События въ Европѣ, находящіяся въ связи съ судьбою русскихъ университетовъ.—Политическая реакція въ Европѣ.—Карлсбадскія конференціи и и франкфуртскій сеймъ.—Записка Стурдзы.—Противодѣйствіе духу и направленію протестантскихъ университетовъ и сочувствіе католической системѣ воспитанія.

Въ исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I положительными признаками обозначаются два главные періода, обильные событіями, полные жизни и движенія, но несходные между собою по духу и направленію дѣятельности. Въ первые года по вступленіи Александра I на престолъ открыты новые источники народнаго образованія—учреждены университеты и цѣлый рядъ училищъ; предприняты мѣры къ успѣшному и свободному развитію просвѣщенія. Съ минованіемъ первой, горячей поры, дѣятельность начала затихать, и это временное затишье, не предвѣщая застоя, было естественнымъ слѣдствіемъ энергическаго почина, необходимымъ для спокойнаго созрѣванія сѣмянъ, брошенныхъ щедрою рукою первыхъ дѣятелей. Но, прежде нежели посѣянное успѣло взойти и принести полный плодъ, обнаружилась реакція противъ того, что съ особенною заботливостью лелѣяло прежнее направленіе. Снова вопросъ о народномъ образованіи выдвинутъ на первый планъ; снова заговорили о неразрывной связи его съ существен-

ными условіями народной жизни; снова подвергнуты разсмотрѣнію всѣ нити стройнаго организма народнаго просвѣщенія, созданнаго въ предшествовавшій періодъ. Напряженная дѣятельность не останавливалась ни передъ чѣмъ и развивалась тѣмъ съ бо̀льшею силою, что ей предстояла двойная задача: создать новое и разрушить уже существующее. Борьба придавала крылья реформѣ, совершавшейся съ изумительною быстротою. Реакція дѣйствовала съ такою энергіею и быстротою, что скоро истощила свои силы, и въ самомъ разгарѣ битвы должна была погибнуть во имя тѣхъ самыхъ началъ, которыя выставляла своимъ знаменемъ. Періодъ реакціи представляетъ много чертъ, важныхъ не только въ исторіи народнаго образованія въ Россіи, но и вообще въ исторіи внутренней жизни Россіи девятнадцатаго столѣтія.

Преобладающія стремленія реакціи выразились съ особенною опредѣлительностью въ дѣятельности главнаго правленія училищъ. Въ немъ обсуживались и рѣшались всѣ существенные вопросы по народному образованію, и рѣшенія его получали обязательную силу закона. Члены правленія, близко знакомые съ настроеніемъ общества, находились подъ бо̀льшимъ или меньшимъ вліяніемъ общественной среды; съ другой стороны, главное правленіе, будучи органомъ власти, дѣйствовало сообразно съ ея намѣреніями и проводило ихъ повсемѣстно въ обширномъ кругу своей дѣятельности. Подчиняясь настроенію правительственной сферы, оно вмѣстѣ съ тѣмъ оказывало сильное вліяніе на мѣстные разсадники образованности, стремившіеся согласить свои дѣйствія съ требованіями, идущими изъ центральнаго и высшаго учрежденія вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Начала, положенныя въ основу преобразованій, предпринятыхъ главнымъ правленіемъ училищъ въ системѣ общественнаго воспитанія, находятся въ связи съ настроеніемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ политическихъ событій западной Европы и различныхъ реформъ въ устройствѣ народнаго просвѣщенія, задуманныхъ иностранными правительствами. Постоянною темою совѣщаній главнаго правленія училищъ было водвореніе въ общественномъ воспитаніи начала вѣры и монархизма, торжество Откровенія и покорности властямъ надъ поры-

вами разума и воли, предоставленныхъ самимъ себѣ и неподчиненныхъ никакому авторитету. Соединенiе вѣры и знанiя провозглашено было цѣлью умственнаго развитiя, но подъ соединенiемъ понимали не равноправный союзъ двухъ началъ, а полное и безусловное господство одного надъ другимъ. Отвергая свободу научнаго изслѣдованiя и увлекаясь крайнею нетерпимостью, отрицали построенiе наукъ на независимыхъ основанiяхъ, и научный элементъ даже въ сферѣ богословiя считали несовмѣстнымъ съ идеею чистой, неиспытующей вѣры. Герменевтику исключали изъ области наукъ подобно геологiи; философiя, юридическiя науки, исторiя, медицина, математика должны были отказаться отъ своей самостоятельности. Роковыя событiя, совершавшiяся въ Россiи и въ западной Европѣ въ началѣ девятнадцатаго вѣка, 1812 годъ, трагическая судьба Наполеона, ожиданiе новыхъ бѣдъ и общее потрясенiе Европы сильно подѣйствовали на умы, подорвали вѣру въ прочность земнаго величiя и обратили мысли къ религiи. Такое настроенiе первоначально было довольно неопредѣленно, но ему отдавались со всѣмъ жаромъ и увлеченiемъ прозелитовъ, не понимавшихъ истинной религiи и принявшихъ ложное направленiе, и религiозный восторгъ скоро переродился въ мистицизмъ. Въ разныхъ кругахъ общества заговорили о всеобщемъ братствѣ, о союзѣ народовъ, о царствѣ истины и любви. Историческимъ памятникомъ подобнаго настроенiя остается актъ священнаго союза. Этотъ знаменитый актъ послужилъ основанiемъ для реформы народнаго просвѣщенiя въ Россiи: то, что̀ въ актѣ выражено общими чертами въ нѣсколькихъ словахъ, разрослось въ цѣлую систему въ понятiяхъ и дѣйствiяхъ людей, принявшихъ на себя заботу примѣнять, и притомъ совершенно произвольно и неправильно начала св. союза къ дѣлу народнаго образованiя.

Ссылаясь на духъ св. союза, какъ на исходную точку всѣхъ мѣръ и распоряженiй, члены главнаго правленiя училищъ въ сущности руководствовались началами, обнаруженными въ послѣдующихъ актахъ, преимущественно въ конференцiяхъ германскаго сейма, и въ подтвержденiе своихъ доводовъ ссылались на мнѣнiя и дѣйствiя Меттерниха, Буоль-Шауенштейна и другихъ дѣятелей реакцiи. Вопросъ рели-

гіозный весьма часто бывалъ только предлогомъ, за которымъ скрывался вопросъ политическій. Хотя въ большинствѣ случаевъ рѣчь идетъ о религіи, но при этомъ постоянно указывается, что несогласіе съ ученіемъ вѣры находится въ неизбѣжной связи съ неповиновеніемъ властямъ. Мистицизмъ былъ только однимъ изъ элементовъ системы, призывавшей во что бы то ни стало противодѣйствовать либеральному движенію въ обществѣ. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ реакціи, членъ главнаго правленія Магницкій, говоритъ: «я трепещу предъ невѣріемъ философіи особенно потому, что въ исторіи семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась и исчезла вѣра, потомъ взволновались мнѣнія и измѣнился образъ мыслей только перемѣною значенія и подмѣномъ словъ, и отъ сего непримѣтнаго и какъ бы литературнаго подкопа олтарь Христовъ и тысящелѣтній тронъ древнихъ государей взорваны, кровавая шапка свободы оскверняетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху. Вотъ ходъ того, что называли тогда только *философія и литература* и что называется уже нынѣ *либерализмъ*» [203]). Въ словахъ Магницкаго заключается настоящій смыслъ реакціи и объясненіе ея живучести, ея вдохновленія, не разъ повторявшагося впослѣдствіи.

Реакція въ Европѣ съ особенною настойчивостью преслѣдовала университеты и требовала кореннаго ихъ преобразованія. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія образцами служили у насъ университеты протестантской Германіи съ ихъ свободою преподаванія и ученія. Съ перемѣною взгляда главнаго правленія училищъ протестантскіе университеты подверглись безпощадному осужденію, и въ противоположность имъ признаны образцами для подражанія католическія учебныя заведенія и клерикальная система воспитанія, принятая во Франціи и въ Австріи.

Для полнаго изложенія занимающаго насъ предмета мы должны войти въ подробности, и сказанное нами подтвердить фактическими доказательствами.

Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и для совершенно ясной и прямой постановки вопроса, считаю нужнымъ, въ самомъ началѣ обзора, сдѣлать общее замѣчаніе о моемъ воз-

зрѣніи на излагаемый періодъ въ исторіи русской образованности. Съ перваго разу можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ система воспитанія, основанная на чистѣйшемъ источникѣ, то есть на религіи, привела къ весьма печальнымъ слѣдствіямъ и представляется въ свѣтѣ вовсе неутѣшительномъ. При внимательномъ и вполнѣ безпристрастномъ изслѣдованіи, открывается, что религія только выставлена началомъ воспитанія, но въ дѣйствительности имъ руководили другія начала, несовмѣстныя съ чистой искренностью ея ученія и недостойныя ея святаго знамени. Хотя въ потокѣ искусственныхъ фразъ она и называлась единственнымъ источникомъ просвѣщенія, но въ сущности она служила не цѣлью, а средствомъ: подъ ея прикрытіемъ проводились идеи, выработанныя австрійскими реакціонерами. Чтобы понять внутреннюю несостоятельность системы народнаго просвѣщенія, которую хотѣли возвысить именемъ священнаго союза, довольно вспомнить, что чистое, жизненное начало христіанства затемнялось въ ней мертвящею іезуитскою моралью и началами меттерниховской политики; призывъ евангельской любви и правды заглушаемъ былъ крикомъ фанатиковъ, требовавшихъ всевозможныхъ стѣсненій, взаимнаго недовѣрія, преслѣдованій и казни. Неопровержимыя фактическія свидѣтельства показываютъ, что

1) Преобразованіе общественнаго воспитанія по такъ называемой системѣ священнаго союза въ сущности не только не было выполненіемъ основной мысли св. союза, но и положительно ей противорѣчило. Въ актѣ св. союза сказано, что въ основу дѣйствій полагаются начала вѣры, справедливости и любви къ ближнему. Но вопреки не только любви къ ближнему, но и юридической справедливости, обвинители были въ то же время и судьями, обвиняемыхъ лишали всѣхъ способовъ къ оправданію, и за мысли, подобныя тѣмъ, что крѣпостное право уменьшаетъ производительность труда, готовы были обвинить въ оскорбленіи небеснаго и земнаго Величества. Въ произвольномъ приговорѣ надъ подсудимыми, люди религіозные видѣли нарушеніе законовъ человѣческихъ и божественныхъ, ссылаясь на слова Никодима, приведенныя въ евангельскомъ повѣствованіи.

2) О соединеніи «вѣры съ вѣдѣніемъ» заботились пер-

вые распространители научнаго образованія въ русскомъ обществѣ, но они смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Проникнутый убѣжденіемъ во внутреннемъ согласіи между вѣрою и наукою, Ломоносовъ говоритъ: «Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. Не здраво разсудителенъ математикъ, если онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтырѣ научиться можно астрономіи и химіи». Мѣткія слова Ломоносова заключаютъ въ себѣ самое убѣдительное осужденіе системы Магницкаго, Рунича и другихъ. Раздувая вражду между религіею и наукою, авторы программъ и инструкцій произвольно распоряжались наукою, перестраивали ее по собственному образцу, и впадали въ противорѣчія съ писателями церковными, которыхъ называли своими руководителями. Профессору анатоміи предписано было «находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образцу и подобію своему», т. е. другими словами—признавать, подобно раскольникамъ, въ тѣлѣ человѣческомъ образъ и подобіе Божіе, противъ чего вооружались многіе духовные писатели отъ Аѳанасія Александрійскаго до св. Димитрія Ростовскаго, сочиненія которыхъ предлагаемы были ученымъ комитетомъ въ руководство по разнымъ предметамъ.

3) Усиливаясь изъ науки сдѣлать орудіе для своихъ цѣлей, реформаторы, частью безсознательно, а частью сознательно, также поступали и съ религіей. Религія обращена была въ орудіе для постороннихъ цѣлей и разсчетовъ, и приверженцы системы Меттерниха, Буоля и другихъ, еслибы глубже вникали въ свой образъ дѣйствій, должны бы задать себѣ вопросъ, подобно Шуйскому въ Борисѣ Годуновѣ:

Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ злоупотребленія религіею были: упадокъ религіознаго чувства и нравственности, застой въ области умственной и научной, лицемѣріе и раболѣпство. По словамъ министра Шишкова, «нравственный развратъ росъ

и усиливался; ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами *благочестія* и человѣколюбія, умѣло вползать въ сердца и заражать ихъ ядомъ; подъ видомъ распространенія христіанства стремились поколебать православную вѣру». Императоръ Александръ вполнѣ согласился съ Шишковымъ. Истинные ревнители православія и русской народности возмущены были обращеніемъ русскихъ юношей въ питомцевъ іезуитскихъ школъ и развитіемъ ханжества съ сильнымъ католическимъ оттѣнкомъ. Увлекаясь піэтизмомъ, фанатики придумывали программы и методы, лишающія науки ихъ существеннаго содержанія; запрещали преподаваніе предметовъ, которые высшею духовною властію признаны необходимыми не только для академій, но и для среднихъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства. Вопреки идеѣ, завѣщанной Ломоносовымъ, о родствѣ религіи и науки, ихъ ставили во враждебное отношеніе, и, отвергая то, что составляетъ жизнь и душу науки, вредили этимъ и религіознымъ убѣжденіямъ юношей, видѣвшимъ, что ради религіи, ложно понимаемой, имъ излагаются предметы не въ своемъ настоящемъ видѣ, а въ произвольной передѣлкѣ и искаженіи. Поголовное удаленіе преподавателей, въ которыхъ такъ нуждались наши учебныя заведенія, и назначеніе на каѳедры людей малосвѣдущихъ, но прикинувшихся благонамѣренными, понизило уровень научнаго образованія. Раболѣпство и лицемѣріе, противъ котораго ратовали первые просвѣтители русскаго народа, проникли и въ ученое сословіе. Разсуждая о способѣ заниматься науками, ораторъ восклицаетъ: «да будетъ началомъ моего слова Всеблагій Богъ; да будетъ началомъ моего слова могущественный Александръ, исполненный толикими доблестями, сколько оныхъ цѣлая вселенная вмѣщать въ себѣ когда-либо можетъ; да пріиметъ начало слово мое отъ соизволенія знаменитѣйшаго нашего попечителя, который съ чрезвычайнымъ нѣкіимъ тщаніемъ трудится для возвышенія наукъ и, соображая всѣ свои дѣянія съ божественными заповѣдями, подаетъ намъ примѣры достойнѣйшіе подражанія» и т. д. Такое сопоставленіе Божества съ Магницкимъ наглядно говоритъ о неискренности религіознаго одушевленія. Реформаторы общественнаго воспитанія руководствовались не религіею, а фанатизмомъ

или же цѣлями своекорыстными и духомъ партій. Что духъ партій игралъ значительную роль, доказывается многими данными, отъ письма къ государю одного изъ членовъ правленія, который былъ впослѣдствіи главою министерства, до оффиціальнаго акта объ удаленіи профессора (Плисова) на томъ основаніи, что онъ «не можетъ быть терпимъ при университетѣ потому, что, по неблагонадежному образу мыслей, слѣдуетъ всегда направленію противной *партіи*». Умственный застой и нравственное паденіе въ высшихъ училищахъ, призванныхъ служить разсадниками образованности, замѣчено людьми, посланными правительствомъ для узнанія истины, для всесторонняго изслѣдованія дѣла, возбудившаго сильное сомнѣніе. Сомнѣніе кончилось полнымъ разочарованіемъ: стало ясно, что вмѣсто религіозности дѣйствовалъ фанатизмъ, вмѣсто христіанства—іезуитскій духъ и вражда къ просвѣщенію. Все зло состояло въ томъ, что чистую и святую идею религіи употребляли во зло, а чѣмъ чище и святѣе идея, тѣмъ поразительнѣе ея злоупотребленіе. Въ этомъ заключается разгадка непрочности и несостоятельности системы, основанной на религіи только по видимому, а не въ дѣйствительности. Въ паденіи этой системы люди, въ душѣ которыхъ не умеръ Богъ — по выраженію поэта, видѣли не гибель, а торжество религіознаго начала, нетерпящаго лжи и притворства и сбрасывающаго съ себя оковы карлсбадскихъ, франкфуртскихъ и всякихъ другихъ конференцій.

Указавъ общую точку зрѣнія на періодъ реакціи въ дѣлѣ общественнаго образованія, присупаемъ къ изложенію фактовъ.

По собственному свидѣтельству императора Александра I, событія 1812 г. и истребленіе Москвы воззвали его къ новой жизни, измѣнили, пересоздали его. Александръ I говорилъ, что вслѣдствіе воспитанія, общаго въ то время въ высшихъ кругахъ европейскаго общества, онъ чувствовалъ душевную пустоту, но московскій пожаръ озарилъ его душу, и судъ Божій, совершившійся на поляхъ битвъ, наполнилъ сердце невѣдомою дотолѣ теплотою вѣры; съ тѣхъ поръ онъ сталъ другимъ человѣкомъ: спасенію Европы отъ гибели онъ обязанъ своимъ собственнымъ спасеніемъ [204]). Вступая на новый путь, Александръ первый призывалъ къ духовному обно-

вленію правительства и народы европейскіе, и его призывъ облеченъ въ дипломатическую форму подъ именемъ священнаго союза (sainte alliance), который и заключенъ въ Парижѣ $^{14}/_{26}$ сентября 1815 года. Основа союза между тремя державами—братство и религіозное начало, fraternité, principe religieux établi en conséquence. Изъ всѣхъ догадокъ и соображеній о цѣли и сущности св. союза едва ли не всего справедливѣе мысль, что главный источникъ его кроется не въ какихъ либо политическихъ таинствахъ, а въ личномъ настроеніи государя, имѣвшаго тогда рѣшительное вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ [205]). Какъ бы то ни было, св. союзъ получилъ значеніе догмата, краеугольнаго камня, на которомъ главное правленіе училищъ стремилось, по его словамъ, создать систему народнаго просвѣщенія въ Россіи. Содержаніе памятника, незначительнаго по объему, но важнаго по своему вліянію, заключается въ слѣдующемъ:

Вслѣдствіе великихъ событій, совершившихся въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, проникнутыя искреннимъ убѣжденіемъ, что основою взаимныхъ отношеній между державами должны служить возвышенныя истины, открываемыя религіею, правительства: русское, австрійское и прусское объявляютъ торжественно, что единственная цѣль настоящаго акта состоитъ въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать передъ лицомъ вселенной о непоколебимой рѣшимости — какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и въ международныхъ сношеніяхъ, руководствоваться началами святой вѣры, справедливости, мира и любви къ ближнему, которыя служатъ единственнымъ средствомъ упрочить человѣческія учрежденія и исправить ихъ недостатки. Сообразно со словами св. писанія, повелѣвающими всѣхъ людей считать братьями, государи трехъ державъ пребудутъ въ истинномъ и неразрывномъ братствѣ, считая другъ друга соотечественниками и всегда и всюду оказывая взаимное участіе, содѣйствіе и помощь. Подданными своими и войскомъ они будутъ управлять какъ отцы семействомъ, въ духѣ того же братства, которымъ одушевлены они на защиту вѣры, справедливости и мира. Руководящимъ началомъ во внутренней и внѣшней политикѣ будетъ признаніе всѣхъ единымъ христіанскимъ народомъ, а трехъ союзныхъ государей—братьями, призван-

ными Промысломъ къ управленію тремя вѣтвями единой семьи, неимѣющей другаго владыки, кромѣ того, кому единому подобаетъ владычество, ибо *въ немъ одномъ заключаются всѣ сокровища* любви, *знанія* и безконечной мудрости, то есть Бога, нашего Спасителя, Іисуса Христа, Слова жизни. Съ самою нѣжною заботливостью призываютъ они свои народы укрѣпляться все болѣе и болѣе въ началахъ и дѣйствіяхъ, завѣщанныхъ Спасителемъ, и т. д. [206]).

Первымъ слѣдствіемъ, въ отношеніи къ народному образованію, извлеченнымъ изъ приведеннаго акта, было развитіе дѣятельности библейскихъ обществъ, учреждавшихся съ цѣлью распространять книги, въ которыхъ заключается чистѣйшій источникъ просвѣщенія; второе слѣдствіе состояло въ преобразованіи учебныхъ заведеній по тому идеалу, который пытались создать на основаніи священнаго союза.

Къ чему послужитъ св. союзъ — говорилъ императоръ Александръ I—если начала его останутся одинокими и не проникнутъ въ сердца народа? это можетъ совершаться вполнѣ и искренно только посредствомъ св. писанія на языкѣ каждаго народа. Надо распространять святыя книги въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ даны: комментаріи подкладываютъ обыкновенно свой смыслъ сообразно съ своею системою. Надо предоставить каждому христіанину, какого бы исповѣданія онъ ни былъ, воспринять благодатное дѣйствіе св. писанія: оно изъ каждаго сдѣлаетъ то, чѣмъ онъ можетъ быть по своей природѣ. Единство въ разнообразіи необходимо для счастья и церкви и государства: оно открывается всюду—и въ природѣ внѣшней, и въ исторіи народовъ. Истина вѣчна, но дѣйствія ея медленны, и для воспріятія ея потребны иногда цѣлыя столѣтія; не смотря на всѣ препятствія, она неизбѣжно пробивается на свѣтъ, и невозможно запереть ее герметически, какъ нѣкоторые хотѣли сдѣлать съ св. писаніемъ [207]). Глава министерства просвѣщенія, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, былъ президентомъ библейскаго общества; въ составѣ главнаго правленія училищъ были вице-президенты и члены библейскихъ обществъ, открываемыхъ повсемѣстно. Воспитанники университетовъ, лицеевъ и другихъ учебныхъ заведеній стали составлять библейскія сотоварищества и христіанскія собранія. «Чтеніе св. писанія—

говоритъ президентъ общества—распространяется у насъ и между поселянами. Солдаты и матросы сами ищутъ сей пищи духовной. Во внутренности семействъ библія становится правиломъ жизни и ежедневнымъ поученіемъ. Но еще утѣшительнѣйшіе виды представляются нынѣ для отечества нашего: въ сообразность съ волею монаршею вводится теперь чтеніе св. писанія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ нашимъ, и таковое основаніе послужитъ непремѣнно къ насажденію благочестія въ духѣ возрастающаго поколѣнія, къ созиданію царства Христова на земли» [208]). Студенты Казанскаго и Харьковскаго университета вносили имена свои въ списки членовъ библейскихъ обществъ, и труды свои, писанные въ духѣ этихъ обществъ, помѣщали въ университетскихъ изданіяхъ. При Пермской гимназіи открыто сотоварищество россійскаго библейскаго общества. Ученики Пензенской гимназіи устроили христіанскія и литературныя бесѣды, въ которыхъ читались псалмы и разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи и о жизни святыхъ мужей [209]). Даже «*дѣти* внѣшняго Ришельевскаго лицея» учредили между собою библейское сотоварищество для снабженія сверстниковъ своихъ книгами слова Божія. Начальство лицея, вполнѣ сочувствуя «благословенному подвигу юныхъ сотрудниковъ россійскихъ библейскихъ обществъ», охотно разрѣшило членамъ сотоварищества собираться два раза въ недѣлю. Петербургскій библейскій комитетъ, и въ особенности министръ Голицынъ, принимая въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе и ожидая отъ него немаловажной пользы, поручилъ Одесскому комитету, утвердивъ существованіе дѣтскаго сотоварищества, принять его подъ особенное свое покровительство и преподать юнымъ сотрудникамъ надлежащее руководство въ ихъ дѣйствіяхъ [210]).

Дѣятельность библейскихъ обществъ особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, впервые обращено дѣятельное вниманіе на устройство народныхъ школъ и распространеніе грамотности въ народѣ. До того времени главныя заботы просвѣтителей состояли въ учрежденіи высшихъ, среднихъ и отчасти низшихъ учебныхъ заведеній. Первоначальныя же школы или такъ называемыя приходскія существовали только въ уставѣ и не были открыты въ дѣйствительности. Образованіе народа было предоставлено произволу и счастли-

вому случаю. Въ числѣ наставниковъ встрѣчаются и отставная актриса, и разстриженный дьяконъ, и цѣлые десятки раскольниковъ поморской, молоканской и поповщинской сектъ. Въ одномъ Саратовѣ учили «накрывомъ» около пятидесяти человѣкъ, и у нихъ было болѣе тысячи учащихся [211]). Такъ какъ министерство просвѣщенія не имѣло возможности открыть начальныя школы во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ были необходимы, то являлись предположенія изъять образованіе народа изъ вѣдомства министерства и предоставить его духовенству; но проекты эти не признаны удовлетворительными самими духовными лицами, находившимися въ составѣ главнаго правленія училищъ. Убѣдившись на дѣлѣ въ рѣшительной невозможности повсемѣстнаго учрежденія училищъ, сообразно съ требованіями устава, одинъ изъ опытнѣйшихъ педагоговъ вѣдомства народнаго просвѣщенія предлагалъ передать приходскія училища въ духовное вѣдомство, подчинивъ ихъ духовнымъ уѣзднымъ училищамъ. Зависимость же ихъ, по этому плану, отъ свѣтскихъ уѣздныхъ училищъ должна ограничиваться тѣмъ, что смотрители ихъ вмѣстѣ съ ректорами духовныхъ училищъ присутствуютъ при открытыхъ испытаніяхъ, получаютъ годовые и полугодовые отчеты и дѣлаютъ представленія о наградахъ учителей. Проектъ предлагалъ соединить навсегда должность дьякона съ званіемъ приходскаго учителя, и семинаристовъ по окончаніи курса выпускать не въ священники, а въ дьяконы-учители на шесть лѣтъ. Главное правленіе училищъ, основываясь на отзывѣ своего духовнаго сочлена, нашло проектъ неисполнимымъ, какъ потому, что учительства нельзя навязать дьяконамъ-земледѣльцамъ, какихъ большая часть, а семинаристовъ, кончившихъ курсъ, недостаетъ и для священническихъ мѣстъ, такъ и потому, что проектомъ требуется общее преобразованіе духовенства и его управленія ради устройства приходскихъ народныхъ училищъ [212]). Библейскія общества, стремясь къ распространенію священныхъ книгъ въ массахъ народа, необходимо должны были предварительно позаботиться о его грамотности, и члены общества потребовали, чтобы прежде раздачи св. писанія были раздаваемы азбуки и призваны лица для обученія крестьянъ грамотѣ. Библейское общество признавало необходимымъ учрежденіе сельскихъ

библейскихъ училищъ, назначая на это два милліона рублей, которые библейское общество будетъ получать ежегодно съ пошлины на соль. Такъ какъ число училищъ полагалось до десяти тысячъ, а число селъ въ Россіи простирается до сорока тысячъ, то школы полагалось переводить изъ одного села въ другое черезъ два или три года. Рѣшено было не откладывать учрежденія школъ, хотя бы на первыхъ порахъ число учащихся было и незначительно, ибо со временемъ оно непремѣнно бы возрасло по мѣрѣ удостовѣренія крестьянъ въ дѣйствительной пользѣ училищъ. Наказанія дозволялись только легкія, предоставляя, въ случаѣ необходимости, родителямъ употреблять болѣе или менѣе строгія мѣры [213]). Мѣстные члены библейскаго общества представили въ главное правленіе училищъ о настоятельной потребности жителей Вятской губерніи въ народныхъ школахъ, которыхъ должно быть открыто около двухъ сотъ. Въ положеніи изъяснены: необходимость въ училищахъ и средства къ ихъ заведенію, содержанію и управленію. Необходимость въ училищахъ: 1) Поселяне испытываютъ отъ своей безграмотности большія затрудненія не только при производствѣ мірскихъ службъ, но и въ самомъ хозяйствѣ и промышленности. Сельскіе засѣдатели и волостные начальники, одаренные здравымъ смысломъ и пользующіеся довѣріемъ мірскихъ обществъ, часто могутъ только слушать дѣла и прикладывать печати. Нерѣдко цѣлая волость не находитъ между своими обывателями ни одного, кого бы можно было по крайней мѣрѣ нанять для соблюденія порядка дѣлъ по мѣстному управленію. Самые счеты по предметамъ хозяйства и промышленности производятся или на память, или по рубежамъ, или чрезъ людей постороннихъ. 2) Вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія хотя и предположено завести училища между поселянами, но это предположеніе оставалось неисполненнымъ доселѣ. Гражданское начальство, едва успѣвавшее своевременно оканчивать свои обыкновенныя дѣла, относило попеченіе о народномъ образованіи къ своимъ второстепеннымъ обязанностямъ. Сами же мірскія общества, по незнанію собственной пользы, еще менѣе заботились объ учрежденіи училищъ, ожидая почина отъ властей. 3) Библейское мѣстное общество, соединяя всѣ сословія, имѣетъ цѣлію распростра-

нить духовное просвѣщеніе чрезъ письмена слова Божія, и вице-президенты общества утверждаютъ, что съ учрежденіемъ сельскихъ школъ раздача книгъ св. писанія была бы гораздо значительнѣе и чтеніе св. писанія распространеннѣе, нежели какой раздачи и чтенія можно ожидать отъ нынѣшней безграмотности вятскаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ вице-президенты предвидятъ, что съ учрежденіемъ школъ и распространеніемъ библій не только уничтожатся сборы съ крестьянъ на такъ называемыхъ вольнонаемныхъ писарей и многія затрудненія мірскія и хозяйственныя, но и улучшится народная нравственность и распостранится знаніе закона Божія. Вятское библейское отдѣленіе принимало на себя выборъ наставниковъ изъ сельскихъ причтовъ и снабженіе школъ учебными пособіями [214]).

Заботы объ открытіи сельскихъ училищъ и распространеніи грамотности въ народѣ связывали дѣятельность библейскихъ обществъ съ мѣстными условіями, съ требованіями русской жизни. Большею же частію библейскія общества оставались въ сферѣ идеальной, жили космополитическими идеями и стремленіемъ къ благу человѣчества вообще. Въ распространеніи книгъ св. писанія видѣли дѣйствительнѣйшее средство къ тому, чтобы привести всѣ народы къ братскому единству, образовать изъ нихъ единую семью небеснаго Отца. Увлекаясь заманчивою надеждою положить конецъ враждѣ и распрямъ и видѣть водвореніе царства всеобъемлющей любви и мира, пытались устранить всѣ преграды къ достиженію желанной цѣли, разрушить всѣ препятствія, созданныя историческою судьбою народовъ и ихъ физическими и духовными особенностями. Мечтали даже о введеніи всеобщаго языка, какъ общечеловѣческаго орудія для выраженія духа, сливающаго всѣ народы въ единую семью человѣчества. Въ ученомъ комитетѣ разсматривалось сочиненіе профессора Баварскаго лицея о всеобщемъ языкѣ, присланное имъ министру народнаго просвѣщенія. Изобрѣтатель всеобщаго языка увѣрялъ, что онъ въ одинъ годъ покажетъ на опытѣ, какъ неумѣющій по-нѣмецки станетъ что-либо нѣмецкое, написанное его знаками, читать правильно по-русски: то же можно сказать и о всякомъ другомъ языкѣ. Письменный языкъ—продолжаетъ нѣмецкій ученый—совсѣмъ

уже готовъ для употребленія, а словесный, при помощи Божіей, достигнетъ до того черезъ пять или шесть лѣтъ. Всеобщій языкъ будетъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ небесныхъ. Какое облегченіе для миссіонеровъ, когда новообращенныхъ по всѣмъ странамъ земли можно будетъ наставлять на одномъ языкѣ, и какъ скоро станутъ они успѣвать въ образованіи своемъ, когда возмогутъ принимать немедленно участіе въ наилучшихъ произведеніяхъ ума всѣхъ націй. По истинѣ, тогда явится величественное выраженіе *логосъ* (λόγος) въ новомъ, превосходномъ знаменованіи [215]).

Хотя въ рѣчахъ, произносимыхъ въ библейскихъ обществахъ, постоянно говорилось о любви, единеніи, терпимости, но въ потокѣ обычныхъ, безцвѣтныхъ фразъ слышался уже голосъ противъ науки и нападки на нее болѣе или менѣе явныя. «Экземпляры божественной книги—говоритъ президентъ общества—расходясь повсюду, торжествуютъ и въ самой глуши дальнихъ степей, и среди неизмѣримыхъ водъ океана, и поютъ побѣдоносную пѣснь Агнцу въ сердцахъ людей, бывшихъ доселѣ дикими, но которые, познавъ однажды въ словѣ Божіемъ спасеніе свое и Спасителя, скорымъ преобразованіемъ въ духѣ и умѣ, угрожаютъ оставить далеко за собою тѣхъ горделивыхъ *мнимо-просвѣщенныхъ*, кои, одолжены будучи всѣми преимуществами ума и познанія единственно христіанству, презрили оное и возмнили приписать все то самимъ себѣ, силѣ собственнаго ума. Когда *врагъ человѣковъ* ищетъ тонкими спорами и *истолкованіями* затмить истину, библейское общество не дѣлаетъ и не издаетъ никакихъ толкованій на св. писаніе, приводя книги онаго въ употребленіе безъ примѣчаній и поясненій. Посему истина Божія въ словѣ Господнемъ исходитъ изъ рукъ общества во всей ея чистотѣ» [216]). Вооружаясь противъ стремленія науки къ истолкованію изучаемаго, осыпали укоризнами герменевтику, близкую къ области св. писанія, но вносившую въ эту область требованія филологической и исторической критики. Извѣстный противникъ университетской науки въ Германіи, членъ главнаго правленія училищъ, Стурдза, называетъ герменевтику профанаціей св. писанія. Нѣмецкая теологія — говоритъ онъ — враждебная св. писанію, не объ-

ясняетъ его, а отвергаетъ, ибо чего человѣкъ не понимаетъ, то онъ можетъ только отвергать, а не истолковывать или опровергать. Человѣческій же разумъ можетъ проникнуть въ божественный смыслъ священныхъ книгъ только при свѣтѣ вѣры и подъ руководствомъ церкви. Вѣра и церковь — два вождя нераздѣльные, ибо нѣтъ вѣры безъ смиренія. Религія есть наука наукъ, и познать ее невозможно, не подчинивши собственнаго разума духу Божію: въ этомъ состоитъ вѣра. Религія есть законъ, и нельзя повиноваться закону безъ повиновенія законной власти: въ этомъ заключается необходимость подчиненія авторитету церкви [217]). Въ подобныхъ сужденіяхъ нѣмецкіе ученые видѣли оскорбительное отрицаніе науки и явное противорѣчіе съ мыслями, высказанными въ актѣ св. союза. Ученый комитетъ опредѣлилъ: не включать герменевтику въ число предметовъ гимназическаго ученія и вмѣсто ея ввести простое изъясненіе нѣкоторыхъ книгъ св. писанія [218]).

Что касается до народнаго просвѣщенія въ тѣсномъ смыслѣ, до наукъ и ихъ направленія, то въ актѣ священнаго союза есть одно только выраженіе, одинъ намекъ, изъ котораго создали цѣлую систему, а именно: Христосъ названъ единственнымъ источникомъ и хранителемъ мудрости и знанія — en lui seul se trouvent tout les trésors de l'amour, de la science et de la sagesse infinie. Какъ поняты эти слова распространителями началъ священнаго союза въ воспитаніи, очевидно изъ наставленія ученому комитету, которое приведемъ въ своемъ мѣстѣ, и изъ сочиненій и записокъ лицъ, принимавшихъ особенное участіе въ преобразованіи училищной жизни по новымъ началамъ. Объясняя направленіе, данное университетскому преподаванію, въ рѣчи, написанной по мысли и указаніямъ вліятельнѣйшихъ лицъ министерства, авторъ говоритъ: Развитіе нечестія и опасность, грозившая цивилизаціи и общественному порядку, остановлены *священнымъ союзомъ*, открывшимъ истинный свѣтъ, и правительства поспѣшили удалить изъ преподаванія всѣ вредныя доктрины. Университеты имѣли полное право не только отвергнуть всѣ ложныя и пагубныя начала новѣйшей философіи, но и преслѣдовать ихъ и дать почувствовать всѣ ихъ вредныя слѣдствія. По всей справедливости осуждено

ученіе о воображаемой древности вселенной, поддерживаемое многими учеными вопреки свидѣтельству св. писанія о сотвореніи міра. Всеобщая исторія должна быть излагаема такимъ образомъ, чтобы постоянно доказывалось превосходство монархическаго образа правленія надъ всѣми другими. Она должна изобразить постепенное разложеніе республики вслѣдствіе цивилизаціи, необходимой спутницы монархизма, и указать путь, по которому избирательныя монархіи, волнуемыя внутренними междоусобіями, въ виду неминуемой гибели, нашли свое спасеніе, силу и благосостояніе — въ монархіи наслѣдственной, и т. д. [219]).

Происхожденіе священнаго союза, а равно и мистицизмъ, господствовавшій въ средѣ горячихъ приверженцевъ союза, находятся въ связи съ быстро развившеюся пропагандою, во главѣ которой стоитъ баронесса Криднеръ, игравшая видную роль въ современномъ ей обществѣ. Самую мысль священнаго союза многіе приписываютъ Криднеръ; одни утверждаютъ, что актъ написанъ карандашемъ собственноручно государемъ, слегка измѣненъ по замѣчаніямъ Криднеръ и переписанъ Стурдзою; другіе, и въ числѣ ихъ братъ прусской королевы, посвященный во всѣ придворныя таинства, говорятъ положительно, что священный союзъ долженъ считаться созданіемъ баронессы Криднеръ. Полагаютъ, что самое названіе «священный союзъ» дано ею и заимствовано изъ книги пророка Даніила [220]). Баронесса Юлія Криднеръ, урожденная Фитингофъ (родилась въ 1764 г. въ Ригѣ, умерла въ 1824 г. въ Крыму), внучка Миниха, была женщина эксцентрическая, восторженная, созданная для пропаганды. Проведя молодые годы въ шумѣ свѣта и наслажденіяхъ фривольными благами жизни, она была потрясена скоропостижною смертью на ея глазахъ одного изъ близкихъ ея сердцу. Быстро впадая изъ одной крайности въ другую, она удалилась отъ свѣта и нѣсколько времени провела въ обществѣ моравскихъ братьевъ, о которомъ узнала случайно отъ ремесленника, принесшаго ей заказанную работу. За границею, въ Карлсруэ, она жила у извѣстнаго мистика Юнга Штиллинга, и посвящена имъ въ загробныя тайны; они вызывали духовъ, говорили съ умершими, и т. п. Въ Карлсруэ же она сблизилась съ фрейлиною императрицы

Елисаветы Алексѣевны, дѣвицею Стурдзою, и переписка съ нею послужила введеніемъ къ бесѣдамъ ея съ императоторомъ Александромъ, которыя имѣли весьма важныя слѣдствія. При чтеніи писемъ Криднеръ невольно бросается въ глаза ихъ заискивающій тонъ; они исполнены восторженнаго удивленія къ дѣйствіямъ государя, пророчатъ ему всевозможныя блага, разсказываютъ о сверхестественныхъ откровеніяхъ, которыя она можетъ сообщить только самому *государю*, и т. п. Тогдашнее его настроеніе, энергическая, самоувѣренная рѣчь новой пророчицы, неожиданная смѣна однихъ событій другими, мгновенное разрушеніе того, что казалось несокрушимымъ въ политическомъ мірѣ Европы, и наконецъ затѣйливая игра случайностей придали особенное значеніе письмамъ, рѣчамъ и поступкамъ экзальтированной женщины. Въ октябрѣ 1814 г. Криднеръ писала изъ Страсбурга: ангелъ, помазавшій предохранительною кровью двери избранныхъ, совершаетъ путь свой, но міръ его не видитъ. Наказаніе постигнетъ виновную Францію; но христіане не должны карать, и человѣкъ, избранный и благословенный Вѣчнымъ, могъ принести только миръ. Но гроза приближается: лилія — эмблема чистаго и нѣжнаго цвѣтка, сокрушившаго желѣзный скипетръ, призывающаго къ чистотѣ душевной, къ божественной любви и сѣтованію о грѣхахъ, эти лиліи явились, чтобы исчезнуть [221]). Лиліи— гербъ воцарившихся снова Бурбоновъ, и когда Наполеонъ неожиданно направилъ путь свой съ острова Эльбы къ Парижу, Криднеръ писала, что она заранѣе извѣщена была таинственною силою обо всемъ случившемся, знала даже день, въ который послѣдуетъ катастрофа; лиліямъ, ненадолго явившимся, приписано мистическое прообразованіе судьбы Бурбоновъ. Сама Криднеръ неожиданно явилась къ императору Александру I, и своею восторженною рѣчью произвела на него сильное впечатлѣніе: оно возрастало съ каждымъ днемъ, съ каждою новою бесѣдою. Встрѣтивъ такое сочувствіе, Криднеръ смѣло перенесла свою пропаганду въ Россію, гдѣ съ новымъ одушевленіемъ продолжала дѣло, не предвидя опасностей и ожидая блестящихъ успѣховъ. Изъ другихъ странъ она была изгоняема за свои зажигательныя рѣчи, обращенныя къ народу, произносимыя на пло-

щадяхъ. Въ Россіи ей было привольно; въ высшемъ кругу приняли ее радушно; около нея образовался кружокъ послѣдователей ея и друзей, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ князь Александръ Павловичъ Голицынъ, глава министерства просвѣщенія. Родственники ея были въ составѣ главнаго правленія училищъ и вѣдомства народнаго просвѣщенія вообщее.—Вмѣшательство Криднеръ въ политику, всюду заявляемое сочувствіе къ греческому возстанію и призывъ къ войнѣ за независимость Греціи сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Криднеръ въ Петербургѣ. Удаленіе ея было отчасти уступкою превозмогающему вліянію австрійской политики.

Вліяніе Австріи, Меттерниха и его системы, съ особенною силою тяготѣло на министерствѣ просвѣщенія вслѣдствіе того печальнаго недоразумѣнія, что университеты заподозрѣны въ революціонныхъ замыслахъ, и меттерниховскія мѣры казались самыми дѣйствительными для истребленія зла въ самомъ его корнѣ. Университетскій вопросъ былъ тогда въ Германіи предметомъ самыхъ горячихъ споровъ; защитники либеральныхъ учрежденій должны были замолкнуть; розыскамъ и преслѣдованіямъ не было конца; образовалась цѣлая лига для подавленія университетской жизни и науки. Вартбургскій праздникъ, убійство Коцебу и другія явленія общественной жизни вызвали карлсбадскія конференціи и рѣшенія франкфуртскаго сейма, отразившіяся черною полосою и на судьбѣ русскихъ университетовъ.

Войны за освобожденіе Германіи наэлектризовали умы и возбудили народное чувство. Патріотическое настроеніе нѣмецкаго общества обнаруживалось въ различныхъ празднествахъ, устроиваемыхъ въ память дорогихъ для народной гордости событій. Въ память важнѣйшихъ изъ нихъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ эпохамъ, устроился знаменитый вартбургскій праздникъ, слившій воспоминаніе о реформаціи съ свѣжимъ впечатлѣніемъ лейпцигской битвы въ одно народное торжество. Въ октябрѣ 1817 года нѣсколько сотъ студентовъ собралось въ Вартбургѣ отпраздновать юбилей реформаціи и годовщину лейпцигской битвы. Общественное мнѣніе высказалось въ пользу задуманнаго студентами праздника, въ которомъ приняли участіе нѣко-

торые профессоры. Граждане открыли свои дома для молодежи, собравшейся въ Вартбургъ, прославленный подвигомъ вождя реформаціи Лютера, изъ различныхъ краевъ Германіи. Само правительство, въ лицѣ великаго герцога веймарскаго, обнаружило сочувствіе къ предпріятію студентовъ и дало возможность привести его въ исполненіе съ подобающею торжественностью. Сообразно съ двоякимъ характеромъ празднества, посвященнаго двумъ великимъ событіямъ въ жизни нѣмецкаго народа: освобожденію религіи отъ папскаго ига и освобожденію родной земли отъ чужеземныхъ оковъ, рѣчи и пѣсни присутствовавшихъ проникнуты были глубокимъ религіознымъ чувствомъ и восторженнымъ патріотизмомъ. Безпрерывно повторялись славословія Лютеру, котораго называли избраникомъ Бога, давшимъ народу слово Божіе на родномъ языкѣ, освободившимъ духъ человѣческій отъ рабства, и своимъ могучимъ призывомъ обратившимъ умъ и совѣсть людскую на путь истины, добра и свободы. Празднество открылось молитвою и гимномъ Лютера: ein' feste Burg ist unser Gott, и заключено богослуженіемъ и причащеніемъ святыхъ таинъ. Прославляя доблестныхъ бойцевъ, положившихъ свою голову на лейпцигскихъ поляхъ, юные патріоты осыпали укоризнами французовъ съ ихъ «змѣинымъ лукавствомъ, растерзавшимъ благородное сердце Германіи», и въ пылу своего гнѣва не пощадили и нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ владѣтелей, незахотѣвшихъ воспользоваться побѣдою и забывшихъ о своихъ обѣщаніяхъ. «Четыре долгіе года протекли со времени лейпцигской битвы — говорили вартбургскіе ораторы — нѣмецкій народъ жилъ самыми свѣтлыми надеждами, но всѣ онѣ оказались напрасными; многое пошло иначе, нежели мы ожидали; намѣренія великія и прекрасныя остались безъ исполненія; благородныя, святыя чувства попраны, осмѣяны, опозорены; обѣщанія, данныя въ годину горя, не сдержаны. Въ виду такого печальнаго исхода, люди, нѣкогда сильные духомъ, впали въ уныніе, потеряли вѣру въ величіе нѣмецкаго народа, покинули общественную дѣятельность и стремятся подавить свое отчаяніе или въ затворническихъ занятіяхъ наукою или удаленіемъ въ чужія земли, гдѣ пробуждается новая жизнь, которой такъ долго и такъ напрасно ожидали въ своемъ оте-

чествѣ». По слѣдамъ Лютера, предавшаго огню и проклятію папскую буллу, налагавшую ярмо на свободу совѣсти, студенты сожгли на вартбургскомъ праздникѣ сочиненія, въ которыхъ видѣли посягательство на политическую свободу Германіи и на права нѣмецкой народности. Не изъ суетнаго подражанія великому мужу — говоритъ одинъ изъ студентовъ — обрекаемъ пламени книги, осуждаемыя приговоромъ свободной Германіи, а для того, чтобы показать всему германскому міру, что мы соединяемъ чувство святой любви къ избранникамъ Бога и родины съ глубокою, безпощадною ненавистью къ врагамъ и предателямъ отечества: праведный судъ долженъ поразить дѣла, мысли и сочиненія, оскорбительныя для народной чести и достоинства Германіи! За этимъ воззваніемъ послѣдовало сожженіе книгъ, и добычею пламени сдѣлались: Code Napoleon. — Kosegarten: Rede gesprochen am Napoleonstage. 1809. — Kamptz: Codex der gensdarmerie.—Ancillon: Ueber Souverainität und Staatsverfassungen. 1814.—Janke: Der neuen Freiheitsprediger Constitutionsgeschrei.—Kotzebue: *Geschichte des deutschen Reiches*, von dessen Ursprung bis zu dessen Untergange, — и многія другія книги и періодическія изданія [222]).

Сожженіе на вартбургскомъ праздникѣ нѣмецкой исторіи Коцебу было явнымъ признакомъ нерасположенія къ нему университетской молодежи. Ненависть къ этому писателю усиливалась съ каждою новою выходкою его противъ романическихъ увлеченій германскимъ отечествомъ или «политической романтики», доходившей иногда до забавныхъ крайностей. Коцебу обвиняли въ томъ, что онъ выдаетъ отечественныя тайны, раскрываетъ иностранцамъ внутреннюю жизнь Германіи, посылая имъ отчеты о настроеніи нѣмецкаго народа. Коцебу сдѣлался жертвою восторженныхъ поборниковъ нравственной и политической независимости Германіи: онъ палъ отъ руки экзальтированнаго юноши Занда въ Мангеймѣ, въ 1819 году. Смерть Коцебу отозвалась роковыми послѣдствіями во всѣхъ краяхъ Германіи и отчасти внѣ ея предѣловъ [223]). Нашлись горячіе защитники молодаго убійцы, видѣвшіе въ его поступкѣ очистительную жертву за свободу отечества; явились даже подражатели: аптекарь Ленингъ (Karl Löhning) пытался, хотя и неудачно, умер-

твить президента Ибелля, бывшаго орудіемъ наполеоновщины въ Германіи. Повсюду обнаружилось лихорадочное движеніе; боялись заговоровъ и сопряженныхъ съ ними несчастій; взволнованныя массы начали гоненіе евреевъ. Въ виду всеобщаго потрясенія Германіи, австрійское правительство созвало представителей нѣмецкихъ государствъ въ Карлсбадъ для совѣщаній о противодѣйствіи общими силами угрожающимъ отовсюду бѣдамъ.

Душою карлсбадскихъ конференцій былъ представитель Австріи Меттернихъ. Обращая вниманіе на то, что систематическія усилія революціонной партіи угрожаютъ существованію всѣхъ правительствъ, Меттернихъ предлагалъ нѣмецкимъ державамъ тѣснѣе соединиться между собою и принять оборонительныя мѣры двоякаго рода: въ однѣхъ настоитъ вопіющая потребность и онѣ должны быть приведены въ дѣйствіе безъ малѣйшаго замедленія, другія требуютъ подробныхъ и продолжительныхъ совѣщаній. Къ первымъ принадлежатъ: 1) безотлагательное обнародованіе однообразныхъ постановленій по дѣламъ книгопечатанія; 2) чрезвычайныя мѣры въ отношеніи къ университетамъ, гимназіямъ и школамъ; 3) мѣры противъ обнаруженныхъ уже происковъ партій, порчи университетовъ и т. п., учрежденіе центральной коммисіи въ Майнцѣ для изслѣдованія демагогическихъ замысловъ и революціонныхъ стремленій. Меттернихъ настаивалъ на необходимости учрежденія кураторовъ или правительственныхъ коммисаровъ, которые бы строго слѣдили на мѣстѣ за университетами и за *направленіемъ университетскаго преподаванія*. Профессоры и преподаватели, какого бы то ни было учебнаго заведенія, лишь только они замѣчены будутъ въ высказываніи мнѣній, противныхъ существующему порядку и несогласныхъ съ постановленіями союза, или будутъ морочить юношей мечтательными и призрачными теоріями,—должны быть немедленно или преданы суду или удалены административнымъ порядкомъ, и лица, удаленныя такимъ образомъ, не могутъ уже быть терпимы ни въ одномъ изъ владѣній, входящихъ въ составъ германскаго союза [224]). Карлсбадскія конференціи происходили съ чрезвычайною таинственностью; но выработанныя въ Карлсбадѣ рѣшенія заявлены были франкфуртскому сейму и об-

народованы отъ лица представителей германскихъ государствъ. Душою сейма, какъ и предварительныхъ конференцій, была Австрія и ея государственные люди, во главѣ которыхъ стоялъ Меттернихъ. Расточая торжественныя завѣренія въ искреннемъ сочувствіи конституціи, Австрія тайно разсылала своимъ уполномоченнымъ предписанія всячески противодѣйствовать конституціоннымъ началамъ. Въ тридцать пятомъ засѣданіи, происходившемъ 20-го сентября 1819 года, на рѣшенія котораго, какъ на авторитетъ, ссылалось главное правленіе училищъ, представитель Австріи, графъ Буоль-Шауенштейнъ призывалъ сеймъ обратить серьезное вниманіе на безпокойное и зловѣщее напряженіе умовъ, замѣчаемое повсюду. Главнѣйшими предметами заботливости сейма должны были быть, по настоянію Австріи; немедленныя и рѣшительныя мѣры въ отношеніи университетовъ, ихъ устройства и направленія. Признавая великое значеніе университетовъ въ умственной жизни Германіи, вліяніе ихъ на духъ націи и на политическое значеніе ея въ кругу европейскихъ государствъ, австрійскій уполномоченный требовалъ тѣмъ большей осторожности и зоркости въ разсмотрѣніи университетскаго вопроса. Современное состояніе нѣмецкихъ университетовъ—говоритъ онъ—далеко не соотвѣтствуетъ той цѣли, съ которою они учреждены: увлекаемые разрушительнымъ потокомъ времени, многіе профессоры обнаруживаютъ вредныя для государства стремленія, наполняютъ горячія головы молодежи ложными теоріями и несбыточными мечтами; студенты, при отсутствіи любви къ наукѣ и серьезному труду, бредятъ политикой и корчатъ изъ себя реформаторовъ. Для искорененія зла предложены слѣдующія мѣры: 1) назначить уполномоченныхъ отъ правительства для наблюденія за университетскимъ преподаваніемъ, снабдивъ ихъ строгими инструкціями и предоставивъ имъ обширную власть. Обязанность уполномоченныхъ должна состоять въ томъ, чтобы наблюдать за точнымъ исполненіемъ постановленныхъ правилъ и дисциплинарныхъ распоряженій, и *слѣдить за духомъ университетскихъ преподавателей въ ихъ общественной и частной жизни*, не вмѣшиваясь однакоже въ науку собственно и въ методу преподаванія. 2) Правительства взаимно

обязываются немедленно удалять отъ должности преподавателей, имѣющихъ вредное вліяніе на юношество распространеніемъ превратныхъ понятій, противныхъ общественному спокойствію и порядку. Удаленный отъ должности не можетъ снова быть преподавателемъ ни въ одномъ изъ союзныхъ государствъ. 3) Никакія тайныя общества и подобныя имъ ассоціаціи не могутъ быть терпимы въ университетѣ, и лицо, принадлежавшее къ нимъ или вступившее въ нихъ, лишается права опредѣленія въ какую бы то ни было оффиціальную должность. Студентъ, исключенный изъ одного университета, не можетъ уже быть принятъ ни въ какой другой изъ нѣмецкихъ университетовъ. Учреждена была коммисія для изслѣдованія демагогическихъ революціонныхъ замысловъ [225]). Такимъ образомъ осуществилась завѣтная мысль австрійскихъ уполномоченныхъ, развиваемая и въ таинственныхъ карлсбадскихъ конференціяхъ, и въ союзномъ сеймѣ, и въ сношеніяхъ Меттерниха съ иностранными правительствами.

Опасенія, напоминающія Меттерниха и его послѣдователей, въ отношеніи къ университетамъ высказаны были русскимъ дипломатомъ Стурдзою, участвовавшимъ въ дѣятельности министерства просвѣщенія въ званіи члена главнаго правленія училищъ и ученаго комитета. Во время ахенскаго конгресса, въ ноябрѣ 1818 года, Стурдза составилъ записку о современномъ положеніи Германіи — Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne, изданную въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и розданную лицамъ избраннымъ. Предполагаемое происхожденіе этой записки, необыкновенное впечатлѣніе, произведенное ею въ Германіи, и важность предмета по связи его съ русскими университетами, придаютъ значеніе брошюрѣ, сдѣлавшейся теперь большою библіографической рѣдкостью. Мысли, выраженныя въ запискѣ, состоятъ въ слѣдующемъ:

Судьбы Германіи имѣютъ огромное политическое значеніе для цѣлой Европы, и потому нельзя оставаться равнодушнымъ къ событіямъ, совершающимся въ государственной и общественной жизни нѣмецкаго народа. Въ Германіи, по словамъ автора, замѣчаются признаки броженія, грозящаго неминуемымъ и гибельнымъ взрывомъ. Въ общественномъ

устройствѣ, во всѣхъ вѣдомствахъ и сословіяхъ,—страшная путаница и безъурядица; распущенность, колебаніе и разладъ—въ области религіозныхъ понятій, сдѣлавшихся орудіемъ страстей; въ общественномъ воспитаніи — застарѣлая испорченность, достигшая такихъ размѣровъ, что противъ нея безсильна самая совершенная система законодательства и администраціи. Всего печальнѣе въ настоящемъ и гибельнѣе для будущаго состояніе университетовъ. Нѣмецкіе университеты — не иное что, какъ средневѣковыя развалины, несовмѣстныя съ учрежденіями и потребностями новаго времени; будучи скопищемъ людей безъ цѣли, образуя государство въ государствѣ, зараженные духомъ корпоративной исключительности, они близки къ разложенію. Ихъ поддерживаетъ только заманчивая прелесть академической свободы, да близорукіе разсчеты нѣкоторыхъ правительствъ, видящихъ въ университетахъ источникъ доходовъ, привлекающій въ страну значительныя денежныя суммы. Ради ничтожныхъ матеріальныхъ выгодъ, въ университетахъ позволяется все: необузданная молодежь, отвергающая спасительную власть закона, предается всякаго рода крайностямъ и безнравственнымъ порывамъ; профессоры хлопочутъ только о гонорарѣ и популярности. Въ ихъ рукахъ теологія сдѣлалась первымъ врагомъ религіи; медицина думаетъ своимъ анатомическимъ ножемъ проникнуть въ святилище души, а юридическія науки проповѣдуютъ право сильнаго. Исключенія рѣдки, и успѣхъ профессоровъ зависитъ бо̀льшею частію отъ ихъ гибкости и отъ искусства плыть по теченію. Только рѣшительная, коренная реформа университетовъ можетъ обѣщать лучшую будущность Германіи. Для пресѣченія вопіющаго зла необходимы слѣдующія мѣры: 1) Уничтоженіе всѣхъ привилегій, присвоенныхъ университетамъ въ средніе вѣка и несообразныхъ съ современнымъ положеніемъ государствъ. 2) Подчиненіе студентовъ городской полиціи: въ глазахъ закона студентъ есть несовершеннолѣтній гражданинъ, имѣющій право на нѣкоторое снисхожденіе, но отнюдь не на безнаказанность. 3) Начертаніе плана ученія по каждому отдѣлу наукъ съ точнымъ обозначеніемъ, какіе именно предметы обязанъ слушать студентъ и притомъ не по собственному выбору, а по опредѣленію совѣта.

4) Корпорація профессоровъ должна быть разсматриваема какъ *совѣщательное* собраніе — не болѣе, не имѣющее права отдавать убылыя мѣста исключительно по избранію, производимому въ совѣтѣ: профессоры in corpore рѣдко выбираютъ равнаго себѣ и никогда не изберутъ лица, превышающаго ихъ по достоинству; выборъ совѣта долженъ быть подчиненъ окончательному рѣшенію правительства. 5) Ограничивая права и свободу университетовъ, надо дать пищу безпокойной дѣятельности образованнаго класса. За отсутствіемъ политическаго единства полезно было бы сосредоточить духовныя силы посредствомъ учрежденія въ вольномъ городѣ нѣмецкаго національнаго института: онъ доставилъ бы работу множеству головъ, изъ коихъ большая часть волнуется не столько отъ злонамѣренности, сколько просто отъ праздности; они стали бы заниматься обработкою языка и, содѣйствуя развитію наукъ и искусствъ, могли бы оказать хорошее вліяніе на общество. Въ отвѣтъ на заданный себѣ вопросъ: находится ли Германія въ состояніи мира? авторъ отвѣчаетъ, что факты говорятъ противное, и указываетъ между прочимъ на возстаніе въ Бреславлѣ, на вартбургскій праздникъ, на кровавое возмущеніе геттингенскихъ студентовъ, на поразительный фактъ переселенія, и т. д. [226]). Брошюра Стурдзы не вдругъ слалалась извѣстною въ Германіи; почти никто не видалъ ея, но всѣ о ней говорили, и мысли, будто бы дословно заимствованныя изъ пресловутаго мемуара, переходили изъ устъ въ уста и волновали общественное мнѣніе. Оно никакимъ образомъ не могло помириться съ тѣмъ, что иностранецъ вмѣшивается во внутреннее устройство Германіи и является истолкователемъ ея нуждъ передъ лицомъ европейскаго конгресса. Всего чувствительнѣе былъ ударъ, направленный противъ университетовъ, въ пользу которыхъ еще недавно лучшіе умы Германіи поспѣшили представить тысячу доказательствъ, защищая ихъ благотворное вліяне на духъ народа и образованность страны. Нашествіе Наполеона покрыло университеты новою славою, ибо они явились ревностными защитниками народности и кровью своихъ питомцевъ запечатлѣли вѣрность отечественному знамени. Говорить противъ университетовъ—значило поразить мыслящую Германію въ самое сердце, и обличи-

тельный голосъ иностраннаго дипломата вызвалъ протестъ со стороны всѣхъ безъ исключенія партій, каковы бы ни были ихъ политическіе цвѣта и оттѣнки. Общая характеристика университетовъ признана несправедливою и названа плодомъ испуганнаго воображенія, неимѣющимъ основанія въ дѣйствительности. Люди самые умѣренные, готовые видѣть въ священномъ союзѣ цѣлебный бальзамъ политическимъ язвамъ Европы, были возмущены средствами, предлагаемыми какъ противоядіе, и говорили, что отъ подобныхъ мѣръ одинъ шагъ до приказанія проходить науки отъ слова до слова по учебникамъ, навязаннымъ силою, за которымъ послѣдовало бы изобрѣтеніе англичанами читательныхъ машинъ вмѣсто профессоровъ;—тогда навѣрно уже не было бы ни либеральныхъ лекцій, ни студентскихъ волненій, ни вартбургскихъ праздниковъ, и т. п. [227]).

Нѣмецкіе университеты казались главному правленію училищъ какимъ-то чудовищемъ, гнѣздомъ революціи и безнравственности. Немногіе изъ членовъ правленія рѣшались указывать и свѣтлыя стороны университетовъ; большинство же смотрѣло весьма невыгодно, раздѣляя въ большей или меньшей степени взглядъ Магницкаго. Въ ученомъ комитетѣ обсуживался составленный Магницкимъ проектъ о новомъ учрежденіи цензуры, въ которомъ идетъ рѣчь и объ университетахъ въ связи со всѣми ужасами революціи. «Тотъ самый духъ—говоритъ Магницкій—который у Іосифа II подъ личиною филантропіи; у Фридерика, Вольтера, Руссо и энциклопедиковъ подъ скромнымъ плащемъ философизма; въ царствованіе Робеспьера подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, въ коронѣ императорской,—искалъ овладѣть вселенною, низвергнуть алтари Господни и престолы законныхъ государей, спустить съ цѣпи всѣ страсти падшаго человѣка и преобразить землю во адъ; тотъ самый духъ нынѣ, съ трактатами философіи и съ хартіями конституцій въ рукѣ, поставилъ престолъ свой на западѣ и хочетъ быть равенъ Богу. Доколѣ по окровавленной Европѣ, какъ орды дикихъ, устремлялись народы просвѣщенные одинъ на другаго; доколѣ лилась кровь рѣками, и адская политика прикрывала именемъ мира только отдыхъ свой для новыхъ жесточайшихъ разру-

шеній, духъ злобы оставался со всѣхъ другихъ сторонъ покойнымъ. Но когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, *взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада!* Что значитъ неслыханное сіе въ исторіи явленіе? Чего хотятъ народы посреди общаго спокойствія, подъ властію кроткихъ государей, среди всѣхъ благъ законной свободы? Чего хотѣли Зандъ, Тистельвудъ, Лувель? Нѣтъ ни враговъ, ни опасности, и все вооружается, все въ движеніи. Константинополь покоенъ, въ Парижѣ и Лондонѣ жалуются на тиранство! Не очевидно ли изъ самаго хода и безумства сихъ происшествій, откуда они рождаются? «Прочь алтари, прочь государи, смерть и адъ надобны»—вопіютъ уже во многихъ странахъ Европы. Какъ не узнать, чей это голосъ? Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и вѣроятно скоро уже расторгнется. Послѣднее сіе, можетъ быть, его нападеніе на насъ есть ужаснѣйшее, ибо оно духовное. Отъ одного конца міра до другаго сообщается оно невидимо и быстро, какъ ударъ электрическій, и неожиданно все приводитъ въ потрясеніе. Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы, книгопечатаніе — орудіе его; *профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству*, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ, и кинжалъ Лувеля можетъ заблистать надъ священною главою каждаго помазанника! Два года тому назадъ сіе показалось бы невѣроятнымъ; нынѣ оно столь положительно и вѣрно, что цѣлыя арміи нужны для огражденія законныхъ государей въ Англіи и Франціи посреди собственныхъ столицъ ихъ Но что̀ значатъ арміи въ семъ случаѣ? Онѣ отдѣляются отъ народа однимъ мундиромъ. Сіе доказываетъ Гишпанія и Неаполь». На это мѣсто одинъ изъ членовъ главнаго правленія, Фусъ, сдѣлалъ такое примѣчаніе: здѣсь говорится *о безбожныхъ университетахъ;* но какъ *таковыхъ нигдѣ нѣтъ*, хотя между профессорами того или другаго университета могутъ быть вольнодумцы, то мѣсто это надлежитъ перемѣнить, ибо простая справедливость и любовь христіан-

ская запрещаетъ—безъ убѣдительныхъ причинъ и ясныхъ доказательствъ называть безбожными цѣлыя сословія и осуждать невинныхъ съ виновными. И такъ—продолжаетъ Магницкій — безъ преувеличенія и положительно заключить можно, что вся Европа въ величайшей опасности отъ развращеннаго образа мыслей, что, оглянувшись за два года назадъ и судя по быстрому ходу гибельныхъ происшествій, страшно подумать, что будетъ черезъ два года впередъ. Счастлива была бы Россія, ежели бы можно было такъ оградить ее отъ Европы, чтобъ и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея. Настоящую войну духа злобы не могутъ остановить арміи, ибо противъ духовныхъ нападеній нужна и оборона духовная. Благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ [228]).

Безпощадному осужденію со стороны лицъ, въ рукахъ которыхъ была судьба русскихъ училищъ, подверглись нѣмецкіе университеты вообще и изъ нихъ въ особенности: Гейдельбергскій, Іенскій, Вирцбургскій, Гиссенскій, Берлинскій, Кенигсбергскій. Всего болѣе досталось Гейдельбергскому университету, хотя профессоры и студенты его не только не подымали народныхъ волненій, но своимъ непосредственнымъ участіемъ содѣйствовали водворенію порядка. Университетскій совѣтъ дѣйствовалъ заодно съ городскимъ магистратомъ, и гейдельбергскіе студенты, подъ предводительствомъ профессоровъ, разсѣяли толпу подмастерьевъ, носильщиковъ, корабельныхъ служилей и т. п., производившихъ безчинства въ еврейскихъ домахъ [229]). Въ отзывахъ о нѣмецкихъ университетахъ и въ распоряженіяхъ, по поводу ихъ касающихся русскаго юношества, выражается полное одобреніе мѣръ, выработанныхъ карлсбадскими и франкфуртскими совѣщаніями. Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ слѣдующимъ представленіемъ: обнаружившійся въ послѣднее время развратный духъ и пагубныя правила въ разныхъ университетахъ Германіи обратили на себя особенное вниманіе тамошнихъ правительствъ, вслѣдствіе чего на конгрессѣ, бывшемъ въ Карлсбадѣ, сдѣлано новое постановленіе объ университетахъ, утвер-

жденное потомъ на общемъ сеймѣ полномочныхъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Хотя постановленіе это имѣетъ главною цѣлью лучшее устройство университетовъ и истребленіе вкравшихся въ нихъ безпорядковъ, особливо же искорененіе распространившихся вредныхъ правилъ; но тѣмъ не менѣе изъ послѣднихъ донесеній миссій нашихъ видно, что принятыя вновь мѣры, вѣроятно, отъ слабаго исполненія во многихъ мѣстахъ не имѣли еще желаемаго успѣха. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ находящійся въ баденскихъ владѣніяхъ университетъ Гейдельбергскій, считающійся въ настоящее время опаснѣйшимъ во всей Германіи, съ одной стороны, по вольнодумству тамошнихъ наставниковъ, поучающихъ всѣмъ мятежнымъ правиламъ и проповѣдующихъ самое невѣріе, а съ другой, по духу буйства и развращенія, поселившагося между питомцами. При такомъ положеніи университета прискорбно видѣть, что изъ 84 человѣкъ, отправленныхъ изъ остзейскихъ губерній за границу для окончательнаго образованія, около трети находится въ Гейдельбергѣ [230]). Вслѣдствіе воли государя не употреблять мѣръ строгихъ, понудительныхъ и гласныхъ, предложено было дѣлать частные совѣты и увѣщанія родителямъ и опекунамъ, чтобы отзывали молодыхъ людей или перемѣщали въ другіе университеты. Рижскому военному губернатору поручено изъяснить отвращеніе, какое должны производить въ благомыслящихъ людяхъ нечестивыя правила и разрушительныя мнѣнія, которымъ профессоры нѣмецкіе осмѣливаются публично поучать юношество, и въ особенности предостеречь отъ университетовъ: Іенскаго, Гейдельбергскаго и Гиссенскаго. Къ числу ихъ рижскій губернаторъ присоединилъ и Вирцбургскій [231]). Комитетъ министровъ, полагая, что и въ тѣхъ германскихъ университетахъ, въ которыхъ наставники не осмѣливаются явно преподавать слушателямъ своимъ правила мятежа и нечестія, втайнѣ внушаютъ ихъ, и при общемъ духѣ, господствующемъ въ Германіи, нельзя ручаться, что тѣ же самыя обстоятельства, которыя случались въ Гейдельбергѣ, не встрѣтились бы въ скоромъ времени въ томъ или другомъ нѣмецкомъ университетѣ. Поэтому, въ какой бы изъ тамошнихъ университетовъ ни было перемѣщено наше юношество, вездѣ должно ожидать одинаковыхъ послѣдствій.

Для отвращенія ихъ комитетъ положилъ отозвать изъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ русскихъ студентовъ, поставивъ къ тому причиною, что университеты и другія ученыя заведенія въ Россіи достигли уже той степени, что нѣтъ никакой нужды русскому юношеству обучаться въ иностранныхъ училищахъ.

Русскіе ученые, пользовавшіеся довѣріемъ главнаго правленія училищъ, путешествуя за границею, вывозили оттуда неблагопріятное мнѣніе о нѣмецкихъ университетахъ. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ выслушанъ и одобренъ ученымъ комитетомъ отчетъ профессора, составившаго себѣ имя въ ученомъ свѣтѣ, изображающій внутренній бытъ университетовъ самыми печальными красками. Въ разсужденіи нравственной части—говоритъ онъ—Берлинскій и Кенигсбергскій университеты находятся въ такомъ же состояніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ Германіи. Юношество брошено на произволъ счастья, и молодой человѣкъ ничего не можетъ ожидать со стороны нравственнаго образованія, будучи безъ всякаго надзора и руководимый одними страстями; новѣйшая нѣмецкая философія довершаетъ его погибель. Оттого-то изъ множества учащихся въ университетахъ Германіи столь мало выходитъ истинно-ученыхъ людей. Къ счастью, правительство, приставивъ къ Берлинскому университету уполномоченнаго чиновника, которому поручена особенно полицейская и нравственная часть, приняло уже мѣры къ разсѣянію тайныхъ обществъ и къ истребленію безпорядковъ; но корень зла еще не уничтоженъ: въ университетѣ попрежнему продолжаютъ преподавать философію и естественное право [232]).

Вооружаясь противъ университетовъ протестантской Германіи, члены главнаго правленія училищъ не скрывали своего сочувствія къ католическимъ училищамъ Франціи и Австріи, и въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ наиболѣе господствовала клерикальная дисциплина. Защищая преобразованія, вводимыя въ русскіе университеты и подвѣдомыя имъ учебныя заведенія, реформаторы любятъ ссылаться на французскія учрежденія съ средневѣковою закваскою, противополагая имъ распущенность нѣмецкихъ университетовъ. Нынѣ — говорятъ русскіе реформаторы — въ нѣкоторой части Европы буйная мода почитаетъ университеты

какими-то вставочными въ гражданскій порядокъ республиками. Послѣ распутствъ и вольнодумства вѣка Людовика XV, лѣтъ за шесть до революціи, во французскихъ университетахъ было совсѣмъ другое правило. Въ шесть часовъ утра, по первому удару колокола, входилъ въ спальную студентовъ ихъ инспекторъ, привѣтствуя ихъ словами: Слава Отцу и Сыну и св. Духу; они отвѣчали: аминь. Затѣмъ ударялъ второй звонокъ: прилежнѣйшіе шли въ домашнюю церковь, и тамъ въ молчаніи, на колѣняхъ передъ алтаремъ, молились. По третьему звонку всѣ студенты входили въ аудиторію по два въ рядъ и читали вслухъ: «помилуй мя, Боже! Каждый префессоръ (вѣроятно и философіи) передъ началомъ своей лекціи становился на каѳедрѣ на колѣни и призывалъ на себя и слушателей своихъ небеснаго духа премудрости и разума. Экзаменъ на ученыя степени происходилъ въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ; экзаменаторы, подъ предсѣдательствомъ ректора, сидѣли за столомъ, который также покрытъ былъ чернымъ сукномъ и на которомъ, посреди двухъ зажженныхъ большихъ свѣчъ, стояло распятіе. Что касается до ошибки тѣхъ судей—заключаетъ авторъ— которые почитаютъ введеніе христіанскихъ установленій въ университеты и другія учебныя заведенія какою-то странною и небывалою новостью; то ошибка эта происходитъ единственно отъ того, что они принимаютъ лоскутъ земли сѣверной Германіи за цѣлый просвѣщенный міръ [233]). Во Франціи двадцатыхъ годовъ религія и монархизмъ провозглашены началами народнаго воспитанія; при выборѣ преподавателей предписано руководствоваться ихъ религіозностью, и тѣмъ изъ наставниковъ, которыхъ начальство признавало особенно достойными по ихъ педагогическимъ способностямъ и набожности, выдавались золотыя медали. Много схожихъ чертъ встрѣчается и въ новомъ устройствѣ, вводимомъ въ то время въ русскія учебныя заведенія. Въ Казанскомъ университетѣ виновные студенты заключаемы были въ такъ называемую комнату уединенія съ желѣзными рѣшетками на двери и окнахъ, съ живописнымъ распятіемъ на одной стѣнѣ и съ картиною страшнаго суда на другой. Первыя золотыя медали присуждались ученикамъ, отличавшимся своею набожностью и оказавшимъ наилучшіе успѣхи въ богословіи. Рев-

нители католичества, предлагая совѣты по устройству высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, восхваляли безбрачіе профессоровъ, затворничество студентовъ, требовали уничтоженія вредныхъ книгъ, и въ томъ числѣ Гиббона, «вождя новѣйшаго нечестія»; вмѣсто преподаванія исторіи, предлагали чтеніе Ролленя и Кревье однимъ изъ воспитанниковъ, когда другіе обѣдаютъ, подобно чтенію за трапезою, обычному въ монастыряхъ [234]). Преобразователь Казанскаго университета, Магницкій, желалъ дать полный просторъ католическо-французскому вліянію, видя въ немъ противодѣйствіе либеральному духу нѣмецкихъ университетовъ. Главное правленіе нашло вполнѣ основательною мысль Магницкаго объ учрежденіи при Казанскомъ университетѣ самостоятельной каѳедры французской литературы. Любопытны мотивы, приводимые Магницкимъ касательно учрежденія новой каѳедры. Весь вредъ, замѣчаемый въ нашихъ университетахъ, говоритъ онъ, произошелъ отъ образованія, книгъ и людей, заимствованныхъ изъ германскихъ университетовъ. Тамъ зараза невѣрія и началъ возмутительныхъ, возникшая въ Англіи, усиленная въ прежней Франціи, сдѣлалася полною системою и, такъ сказать, классическою. Тамъ поддерживается она самымъ вѣроисповѣданіемъ и нынѣ зрѣетъ во всей силѣ. Наука и литература сѣверной Германіи такъ заражены этою язвою, что могутъ быть употребляемы только съ величайшею осторожностью. Во Франціи, напротивъ того, кровавый опытъ этихъ началъ уже извѣданъ, и съ исчезающимъ революціонымъ поколѣніемъ исчезаетъ духъ невѣрія и безначалія. Правительство и учебныя заведенія слѣдуютъ твердо принятому плану соединенія вѣры съ вѣдѣніемъ. Языкъ французскій, въ литературѣ, во всѣхъ наукахъ естественныхъ и математическихъ, сдѣлался до того классическимъ, что профессору химіи, мидицины, физики, математики и астрономіи невозможно не читать спеціальныхъ сочиненій на французскомъ языкѣ тѣмъ болѣе, что французы весьма рѣдко пишутъ на латинскомъ. У насъ французскій языкъ сталъ общеупотребительнымъ, и странно было бы не знать его, а во многихъ родахъ службы это знаніе необходимо, и т. д. [235]).

Французская система воспитанія того времени предста-

влялась блестящею и прочною только при одностороннемъ и поверхностномъ взглядѣ, составленномъ на основаніи цвѣтистыхъ докладовъ правительственныхъ агентовъ. Оффиціальныя лица произносили хвалебныя рѣчи, говорили, что полагаютъ свое призваніе въ водвореніи владычества религіи надъ умами народа и въ очищеніи нравовъ религіознымъ и монархическимъ воспитаніемъ. Но въ палатѣ депутатовъ слышались и голоса независимые. Представители народа говорили: свобода личная, свобода совѣсти, свобода мысли и слова существуютъ во Франціи только по имени; произволъ господствуетъ повсюду, и административная цѣпь, убивая всякую самостоятельность, тяготѣетъ надъ страною своими крѣпко сплоченными звеньями, отъ перваго министра до послѣдняго сторожа. Въ управленіи нѣтъ твердыхъ началъ; одна система скоропостижно смѣняется другою; законы теряютъ силу при первомъ своемъ появленіи; высшіе чиновники мѣняютъ свои убѣжденія, чтобы не перемѣнить своихъ мѣстъ. Цензура свирѣпствуетъ; вещи, необходимо требующія гласности, сокрыты и искажены, обманъ всюду и во всемъ, обманываютъ Францію, обманываютъ цѣлую Европу. Заговоришь о свободѣ совѣсти, назовутъ атеистомъ; заявишь о правахъ гражданина, прослывешь опаснымъ агитаторомъ и т. п. [236]).

Представляя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ устройство общественнаго воспитанія во Франціи, главное правленіе училищъ выражало полное сочувствіе австрійскимъ, стѣснительнымъ и запретительнымъ мѣрамъ. Въ опредѣленіи правленія, состоявшемся по вопросу о преподаваніи естественнаго права, сказано: «примѣчанія достойно, что въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ коихъ общественная обязанность и спокойствіе удерживаются примѣрнымъ образомъ, системы преподаваемаго ученія состоятъ подъ вліяніемъ правительства посредствомъ утвержденныхъ книгъ учебныхъ. Всякое ограниченіе излишняго произвольства умствованій, зависящихъ отъ частнаго образа мыслей, водимыхъ страстями или заблужденіями, существенно полезно, необходимо и должно быть обязанностію власти управляющей» [237]). Постановленія карлсбадскихъ конференцій и франкфуртскаго сейма не остались безъ вліянія на организацію учебнаго вѣдомства въ Россіи. Роль прави-

тельственныхъ коммиссаровъ выпала на долю попечителей. Въ наставленіи коммиссарамъ слова: ohne unmittelbare Einmischung in das Materielle der Lehrvorträge замѣнены впослѣдствіи словами: ohne Einmischung in das Wissenschaftliche und die Lehrmethode, дающими большій просторъ ихъ дѣятельности, но все-таки охраняющими отъ посторонняго вмѣшательства существенное достояніе науки — методу ея изложенія. Попечители учебныхъ округовъ пошли далѣе: стали составлять инструкціи для преподаванія каждаго предмета, указывали руководства и способъ пользоваться ими, и наконецъ довели свои требованія до того, что предписывали систематически доказывать несостоятельность науки, излагаемой съ университетской каѳедры, или, другими словами, преподавать науку въ обличительномъ смыслѣ.

IV.

Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.— Ученый комитетъ.—Инструкція ему.—Книги, одобренныя ученымъ комитетомъ, и книги, отвергнутыя имъ.—Новое росписаніе учебныхъ предметовъ для среднихъ, низшихъ и начальныхъ училищъ.—Вмѣшательство во внутреннюю жизнь университетовъ.—Опредѣленіе круга предметовъ и характера ихъ преподаванія.

Изложивъ обстоятельства, при которыхъ совершалось преобразованіе русскихъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній въ періодъ реакціи, представляемъ обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ событій этого періода, опредѣляющихъ характеръ его и состояніе русской образованности въ исходѣ первой четверти девятнадцатаго столѣтія.

Знаменательнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ объ измѣненіи взгляда на народное образованіе, служитъ послѣдовавшее въ 1817 году преобразованіе министерства народнаго просвѣщенія въ «министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія» съ цѣлью основать общественное воспитаніе на религіозныхъ началахъ. Въ манифестѣ 24-го октября 1817 года сказано: «Желая дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія»[238]). Къ числу особенностей новаго министерства принадлежитъ учрежденіе при главномъ правленіи училищъ ученаго комитета, состоящаго изъ трехъ или четырехъ членовъ и назначаемаго въ особенности для

занятія ученою частію дѣлъ, входящихъ въ департаментъ. Въ члены ученаго комитета избраны изъ числа членовъ главнаго правленія училищъ: церемоніймейстеръ графъ Лаваль, академикъ Фусъ и камеръ-юнкеръ Стурдза. Сверхъ того, комитету предоставлено приглашать, по мѣрѣ надобности, въ свои засѣданія и члена главнаго правленія, юрьевскаго архимандрита Иннокентія*). Для руководства ученаго комитета членъ его Стурдза составилъ подробную инструкцію. Лаваль объявилъ, что онъ совершенно согласенъ съ авторомъ во всѣхъ началахъ, принятыхъ въ основаніе инструкціи. Фусъ изъявилъ письменно свое согласіе и сообщилъ на нѣкоторыя мѣста свои замѣчанія, по которымъ и сдѣланы перемѣны въ проектѣ, представленномъ на утвержденіе. 5-го августа 1818 года утверждена замѣчательная по своимъ слѣдствіямъ инструкція. Главное правленіе училищъ опредѣлило: утвердить инструкцію во всей ея силѣ, и правила, въ ней заключающіяся, предоставить къ *точному исполненію*, а для большаго приведенія въ извѣстность *правилъ, какія министерство по части народнаго просвѣщенія приняло себѣ въ руководство*, напечатать инструкцію въ первомъ имѣющемъ выйти нумерѣ періодическаго сочиненія и въ Вѣстникѣ Европы [239]). Наставленіе ученому комитету въ высшей степени любопытно по своему характеру и по тому способу, какимъ главное правленіе училищъ, въ лицѣ своихъ вліятельнѣйшихъ членовъ, примѣняло къ русской жизни и воспитанію начала священнаго союза и стремилось, говоря его словами, къ соединенію вѣры съ вѣдѣніемъ. Изъ трехъ параграфовъ учредительнаго акта, не представляющихъ сами по себѣ ничего характернаго, а заключающихъ самое обыкновенное исчисленіе оффиціальныхъ обязанностей, сдѣланъ выводъ, поразительный по своей оригинальности и проведенный съ чрезвычайною послѣдовательностью и подробностью. Въ учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сказано:

§ 82. Ученому комитету поручается: разсмотрѣніе книгъ, для учебныхъ заведеній заготовляемыхъ; сужденіе о книгахъ

*) Съ 1819 года дѣятельнымъ членомъ комитета является членъ главнаго правленія Руничъ, впослѣдствіи попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа.

всякаго рода, входящихъ къ министру по разнымъ случаямъ и для разныхъ предметовъ, отъ издателей и инымъ образомъ; объ учебныхъ пособіяхъ для училищъ; разсмотрѣніе проектовъ, предположеній и представленій по ученой части, и другія дѣла тому подобныя.

§ 83. Дѣла къ разсмотрѣнію ученаго комитета назначаются или министромъ самимъ или по положенію главнаго училищъ правленія. Прямо же на имя ученаго комитета не присылается бумагъ ни откуда, кромѣ географической экспедиціи и экспедиціи о снабженіи училищъ пособіями по части естественной исторіи.

§ 90. Ученому комитету особенно поручается изданіе періодическаго сочиненія отъ лица главнаго училищъ правленія, каковое, по основанію учрежденія его, издавалось и доселѣ отъ онаго, и содержитъ въ себѣ всѣ выходящія узаконенія по части учебной въ Россіи, разныя любопытныя извѣстія, до того же предмета касающіяся, свѣдѣнія объ опредѣляемыхъ и увольняемыхъ чиновникахъ, о просмотрѣнныхъ цензурою книгахъ, о распространеніи вообще познаній, отчеты въ суммахъ, на училищную часть употребляемыхъ, и тому подобное. Сіе изданіе будетъ продолжаемо ученымъ комитетомъ, подъ его руководствомъ и отвѣтственностію, подъ наименованіемъ: *Журналъ департамента народнаго просвѣщенія*. Содержаніе сего періодическаго сочиненія, заимствуемое изъ тѣхъ же источниковъ, долженствуетъ быть съ наивящшимъ попеченіемъ и разборчивостью назначаемо, и составлять изданіе столько же полезное, колико занимательное и пріятное для всеобщаго употребленія.

Наставленіе для руководства ученаго комитета, учрежденнаго при главномъ правленіи училищъ, начинается такимъ образомъ: обязанности и занятія ученаго комитета означены въ сложности и предначертаны въ совокупномъ видѣ образованіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія гл. VII, §§ 82, 83 и 90. Изъ сихъ коренныхъ правилъ явствуетъ, что главное и существенное служеніе комитета состоитъ въ томъ, чтобы «народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, *посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ*, направить къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества въ

Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между *вѣрою*, *вѣдѣніемъ* и *властію* или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ». Комитетъ обязанъ—продолжаетъ инструкція—всѣ вообще стихійныя книги и прочія пособія для наукъ, какъ доселѣ употребляемыя, такъ и нововводимыя, разсматривать, повѣрять и соображать по буквальному содержанію и духу, примѣняя и устремляя свои сужденія къ главному концу, предположеннему правительствомъ въ просвѣщеніи русскаго юношества. Все противное или чуждое существенной цѣли отклонять отъ системы преподаванія, и замѣнять отвергаемыя пособія, методы и книги лучшими, болѣе соотвѣтствующими предначертанному плану. По отношенію познаній къ тремъ коренным началамъ: *Богу*, *человѣку* и *природѣ*, инструкція раздѣляетъ всѣ науки на три главныя вѣтви съ двумя связующими отраслями. Къ главнымъ вѣтвямъ принадлежатъ: духовныя книги; антропологическія сочиненія: грамматика, логика, метафизика, словесность, исторія, правовѣдѣніе, политическая экономія и пр. и науки естественныя и физико-математическія. Связью между первою и второю вѣтвью служатъ духовно-нравственныя книги и сочиненія о естественномъ правѣ, а между второю и третьею—врачебныя науки и прикладная математика. Духовныя науки поставлены во главу угла умственнаго зданія и соединяются, посредствомъ ученія о нравственности и теоріи права, съ науками антропологическими. Послѣднія не смѣшаны съ наукою природы, дабы тѣмъ указать на высокій санъ и достоинство человѣка, душою и умомъ своимъ обреченнаго Богу, и однимъ только тѣлеснымъ сложеніемъ своимъ соединеннаго съ вещественнымъ міромъ. Для каждой вѣтви и отрасли познаній инструкція предлагаетъ общія правила подобнаго рода. Комитетъ вмѣняетъ себѣ въ долгъ отметать въ учебныхъ книгахъ о вѣрѣ все то, что могло бы внушить отвращеніе къ семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ и къ дѣятельной жизни, а также всѣ произвольныя умствованія, несовмѣстныя съ повиновеніемъ верховной и духовной власти. Комитетъ обязанъ допускать въ преподаваніи только тѣ книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, которыя *не*

отдѣляютъ нравственности отъ вѣры; книги же, учащія мнимой добродѣтели безъ всякаго указанія на единственный ея источникъ, а равно и теоріи о естественномъ правѣ, о первобытномъ состояніи, въ которомъ человѣкъ уподоблялся животнымъ, должны быть отвергнуты. Ученіе о первобытномъ состояніи человѣка можетъ излагаться только въ видѣ гипотезы, неосновательность которой надлежитъ сдѣлать очевидною, подобно тому какъ въ географіи полагаются линіи на земномъ шарѣ для удобнѣйшаго исчисленія временъ и разстояній. Ложныя ученія о происхожденіи верховной власти *не отъ Бога,* а отъ условія между людьми, подлежатъ тому же отверженію. Историческія книги должны, сколько возможно, возвѣщать о единствѣ исторіи, столь поучительномъ для ума и сердца учащихся; частое указаніе на дивный и постепенный ходъ богопознанія въ человѣческомъ родѣ и вѣрная синхронистика съ священнымъ бытописаніемъ и эпохами церкви должны напоминать учащимся высокое значеніе и спасительную цѣль науки. Въ преподаваніи естественныхъ наукъ отстраняются всѣ суетныя догадки о происхожденіи и переворотахъ земного шара, и все вниманіе обращается на ясность, порядокъ и полноту методы. Физическія и химическія книги должны распространять полезныя свѣдѣнія безъ всякой примѣси надменныхъ умствованій, порождаемыхъ во вредъ истинамъ, не подлежащимъ опыту и раздробленію. Комитетъ обязанъ наблюдать, чтобы въ руководства по физіологіи, патологіи и сравнительной анатоміи не вкрадывалось ученіе, низвергающее духовный санъ человѣка, внутреннюю его свободу и высшее предопредѣленіе въ будущей жизни, и т. д. [240]).

Главныя занятія ученаго комитета состояли въ разсматриваніи книгъ, изъ которыхъ иныя избирались въ руководство при преподаваніи, другія назначаемы были для училищныхъ библіотекъ, третьи представляемы для поднесенія государю или для полученія награды. Ученымъ комитетомъ одобрены: *Востокова,* Опытъ о русскомъ стихосложеніи; Сибирскій вѣстникъ, *Спасскаго;* Словарь древней и новой поэзіи, *Остолопова;* Всеобщее землеописаніе, *Гейма;* сочиненія Михаила Никитича *Муравьева;* три ботаники, *Мартынова;* Всеобщая исторія, *Кайданова;* педагогиче-

скія сочиненія, *Нимейера;* Математическое и физическое описаніе земли, *Снядецкаго*; переводы: *Шлецерова* Нестора, *Языкова; Евклидовыхъ* началъ — *Петрушевскаго;* Фарсаліи *Лукана—Филатова; Корнелія Непота—Кошанскаго;* избранныхъ словъ *Масильона—Ястребцова;* а также сочиненія графа *Хвостова;* мысли о происхожденіи и образованіи міровъ—*Ертова,* и другія.

Въ представленіи ученаго комитета сказано, что служащій при Императорской публичной библіотекѣ, титулярный совѣтникъ *Востоковъ* просилъ, чтобы сочиненной имъ книги подъ заглавіемъ: *Опытъ о русскомъ стихосложеніи,* изданіе второе, значительно пополненное и исправленное, куплено было нѣсколько экземпляровъ въ казну для употребленія по училищамъ. По разсмотрѣніи книги Востокова ученый комитетъ нашелъ, что она весьма полезна для классовъ риторики и высшей словесности въ гимназіяхъ, и авторъ не долженъ остаться безъ одобрительнаго содѣйствія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Поэтому комитетъ полагаетъ купить сто экземпляровъ книги для разсылки и употребленія по гимназіямъ [241]).

Труды *Спасскаго* одобрены на основаніи слѣдующаго отзыва. Въ журналѣ *Сибирскій вѣстникъ*, издаваемомъ бергмейстеромъ *Спасскимъ,* находятся замѣчательныя извѣстія о походѣ Ермака и о покореніи Сибири; описаніе и изображеніе сибирскихъ древностей и природы; свѣдѣнія о пограничныхъ съ Сибирью земляхъ: Китаѣ, Бухаріи и другихъ; описаніе нравовъ и обычаевъ тамошнихъ кочующихъ народовъ. Журналу Спасскаго можно дать мѣсто въ библіотекахъ главнѣйшихъ учебныхъ заведеній, какъ хорошей книгѣ для чтенія. Изъ статей Вѣстника вышли отдѣльными книгами: 1) собраніе историческихъ, топографическихъ и другихъ свѣдѣній о Сибири и странахъ съ нею сопредѣльныхъ; 2) новѣйшія ученыя и живописныя путешествія по Сибири, и 3) записки о сибирскихъ древностяхъ, съ изображеніемъ ихъ. Первая содержитъ въ себѣ описаніе многихъ путешествій по Сибири, приведенныхъ издателемъ въ порядокъ и частью исправленныхъ и обогащенныхъ собственными его примѣчаніями. Во второй помѣщены собственныя путешествія Спасскаго по разнымъ мѣстамъ Сибири, съ замѣчаніями,

относящимися преимущественно къ естественной исторіи. Въ третьей собраны свѣдѣнія о древнихъ сибирскихъ надписяхъ и начертаніяхъ, о древнихъ курганахъ, и т. п. [242]).

Разсмотрѣніе словаря древней и новой поэзіи, представленнаго въ рукописи, поручено было комитетомъ профессорамъ С.-Петербургскаго университета Толмачеву и Бутырскому, которые и сдѣлали свои замѣчанія. Находя, что словарь *Остолопова* содержитъ въ себѣ многія полезныя статьи относительно поэзіи и заслуживаетъ уваженіе, какъ первый опытъ этого рода въ русской словесности, рецензенты замѣтили въ немъ и нѣкоторые недостатки, а именно: сочиненіе обременено примѣрами, слишкомъ длинными и не вездѣ со всею тонкостію вкуса выбранными. Начала, заимствованныя изъ разныхъ писателей, нерѣдко другъ другу противорѣчатъ, такъ что читатель не знаетъ, чего держаться. Правила стихотворства часто даютъ несовсѣмъ основательное понятіе о поэзіи. Многія изъ греческихъ техническихъ названій переведены не со всею точностью. Слогъ ясенъ и пріятенъ, но исполненъ небрежностей.

Рукопись *Мартынова*, извѣстнаго переводчика греческихъ классиковъ, представляетъ, подъ заглавіемъ: *Три ботаники*, сокращеніе системъ: Турнефорта, Линнея и Жюсье. Зная, что для нашихъ училищъ нѣтъ еще руководства, въ которомъ бы излагались свѣдѣнія о трехъ важнѣйшихъ системахъ ботаники, Мартыновъ выбралъ изъ иностранныхъ писателей обозрѣніе этихъ системъ, присоединивъ біографію трехъ ученыхъ и другія свѣдѣнія.

Въ числѣ достоинствъ всеобщей исторіи *Кайданова* поставлены зрѣло обдуманный планъ и основательныя размышленія, большею частію чуждыя пристрастія и предразсудковъ, выведенныя изъ самихъ происшествій и приспособленныя къ понятіямъ учениковъ. Недостатки заключаются въ несоразмѣрности въ изложеніи происшествій неодинаковаго историческаго значенія, упоминаніи о лицахъ, незаслуживающихъ мѣста во всеобщей исторіи, и пропускѣ такихъ дѣятелей, которые составляютъ эпоху въ исторіи наукъ и художествъ. Инымъ приписана не та наука, въ которой они преимущественно прославились [243]).

По отзыву ученаго комитета, книга доктора *Нимейера:*

Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Schulmänner принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ опытнаго педагога. Но такъ какъ многія изъ предлагаемыхъ авторомъ мѣръ или уже введены у насъ въ употребленіе или, по существу своему, касаются одной только Германіи, то перевести цѣлую книгу было бы излишне; выписки же изъ нея, сообразныя нашимъ потребностямъ, были бы весьма полезны. Учитель языковъ, географіи, исторіи, математики, физики, философіи, пропуская тѣ страницы, которыя до него не касаются, найдетъ въ книгѣ Нимейера, каждый по своей части, замѣчанія и правила, въ высшей степени важныя въ педагогическомъ отношеніи.

Подобно труду Нимейера, поставлено на первомъ планѣ сочиненіе *Снядецкаго:* географія, или математическое и физическое описаніе земли, переведенное Каневецкимъ. Систематическій планъ и порядокъ сочиненія, логическое расположеніе предметовъ, ясность и основательность изложенія даютъ преимущество книгѣ Снядецкаго передъ многими другими подобнаго содержанія. По обширности своей она не могла служить учебникомъ, но по своимъ достоинствамъ заслуживаетъ мѣсто въ училищныхъ библіотекахъ [244]).

Переводъ *Евклидовыхъ* началъ, представленный *Петрушевскимъ,* былъ пріятною новостью въ русской ученой литературѣ того времени, по отзыву математика Фуса. Греческій подлинникъ, сочиненный слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, былъ первою книгою, въ которой геометрическія истины собраны, расположены систематически и предложены въ такомъ превосходномъ порядкѣ и съ такою краткостію, ясностію, строгостію и точностію, которыя и донынѣ восхищаютъ всѣхъ математиковъ, умѣющихъ цѣнить эти достоинства. Книга Евклида, въ строжайшемъ смыслѣ классическая, переведена на языки всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, но до сихъ поръ не существовала на русскомъ. Переводы Старова, Курганова, Никитина и Суворова нельзя назвать точными переводами, потому что первый сдѣланъ съ латинскаго, второй съ французскаго, а послѣдній хотя съ греческаго, но съ такими перемѣнами, что въ немъ Евклидовыхъ началъ и узнать невозможно. Напротивъ того, переводъ Петрушевскаго сдѣланъ со всею точностью съ греческаго подлинника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ одобряется, хотя и въ весьма умѣренныхъ выраженіяхъ, переводъ Фарсаліи Лукана не съ подлинника, а съ французскаго перевода Мармонтеля. Одобряется только потому, что это первый переводъ на русскомъ языкѣ, и частыя отступленія отъ латинскаго подлинника должны быть поставлены въ вину не русскому переводчику, а его французскому образцу.

Сочиненіе *Ертова* представлено еще въ 1797 году въ академію наукъ, въ рукописи, подъ заглавіемъ: «Начертаніе исторіи вселенныя отъ небытія до происхожденія животныхъ», а въ 1805 году издано, съ измѣненіями, подъ названіемъ: «Мысли о происхожденіи и образованіи міровъ». Несмотря на многія невѣрности, происшедшія отъ неосновательнаго знакомства съ законами физики, механики и высшей геометріи и отъ непониманія авторомъ нѣкоторыхъ мѣстъ, читанныхъ имъ въ книгахъ, сочиненіе Ертова не оставлено безъ вниманія, какъ опытъ русскаго купца, дѣлающій честь его склонности къ наукамъ и его многоразличнымъ, хотя и не глубокимъ познаніямъ, и представляющій «необыкновенное явленіе въ отношеніи къ сочинителю, который отъ купеческихъ промысловъ удѣляетъ время для философическихъ занятій».

По прочтеніи басенъ графа Д. И. Хвостова и перевода его: «О прекрасномъ въ твореніяхъ разума» найдено, что обѣ эти книги не могутъ быть признаны непосредственно нужными для училищъ. Но такъ какъ графъ Хвостовъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду нашихъ писателей, то приносимыя имъ въ даръ книги могутъ стоять въ библіотекахъ вмѣстѣ съ сочиненіями другихъ русскихъ авторовъ и раздаваться при испытаніяхъ въ награду ученикамъ вмѣсто такихъ сочиненій, которыя ни по духу, ни по содержанію своему не соотвѣтствуютъ такому назначенію [245]).

Выборъ книгъ, назначаемыхъ въ награду воспитанникамъ, обратилъ на себя особенное вниманіе главнаго правленія училищъ и ученаго комитета, требовавшихъ въ этомъ случаѣ строгаго соотвѣтствія съ программою министерства. Попечитель Казанскаго учебнаго округа предписалъ директору университета сдѣлать распоряженіе, чтобы по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ введено было награждать учащихся

за успѣхи: 1) евангеліемъ на русскомъ и славянскомъ языкахъ, 2) чтеніемъ изъ евангелистовъ и 3) книгою о подражаніи Христу. Главное правленіе постановило, какъ общее правило для всѣхъ училищъ, чтобы при раздачѣ наградъ выбирать книги большею частію св. писанія или, по крайней мѣрѣ, духовнаго содержанія, подобныя названнымъ. Награжденіе такими книгами такъ важно и такую существенную пользу обѣщаетъ учащимся, что для пріобрѣтенія книгъ употреблять постоянно нѣкоторую часть изъ хозяйственныхъ суммъ каждаго учебнаго заведенія, а въ случаѣ надобности изъ суммъ университетскихъ [246]). Даже *прописи* подверглись передѣлкѣ въ отношеніи какъ почерка, такъ и помѣщенныхъ въ нихъ примѣровъ. Для новаго изданія прописей извлечены статьи изъ книги о подражаніи Христу и чтенія четырехъ евангелистовъ; статей же нравственно-философскихъ «комитетъ не принялъ, желая въ прописяхъ ознакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностію христіанскою» [247]).

Такому же изгнанію, какъ и нравственно-философскія прописи, подвергались всѣ книги, сколько нибудь несходныя съ требованіями инструкціи. Осуждена книга подъ названіемъ: «*Всеобщая мораль*», въ которой говорится объ обязанностяхъ человѣка, основанныхъ на его природѣ; осуждена метафизика *Лубкина*, логическія наставленія *Лодія;* даже исторія *Кайданова* и басни *Федра* въ изданіи *Кошанскаго* допускались условно, съ нѣкоторыми ограниченіями. Преслѣдуя всякіе, подозрѣваемые, а не дѣйствительные проблески либерализма въ политическомъ и религіозномъ отношеніи, ученый комитетъ иногда отвергалъ и неудачныя попытки поддѣлаться къ господствующему направленію или же вещи, до послѣдней степени слабыя, невыдерживающія самой снисходительной критики. Съ особенною ревностью обогащался списокъ отвергаемыхъ книгъ такими изданіями, которыя не только одобрены, но признаны необходимыми для училищъ въ первый періодъ главнаго правленія, до преобразованія министерства. Запрещено было Естественное право, *Куницына*, книга *о должностяхъ гражданина и человѣка;* пытались наложить руку на оффиціальный органъ министерства и уничтоженіемъ его произнести торжествен-

ный приговоръ надъ всею предшествующею дѣятельностью распространителей просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

По словамъ Рунича, книга подъ заглавіемъ: «*Всеобщая мораль* или должности человѣка, основанныя на его природѣ» есть полная система языческаго мудрованія, кодексъ суетной нравственности. Она составлена изъ мнѣній языческихъ и новѣйшихъ философовъ, и цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы научать мнимой добродѣтели, не признавая единственнаго ея источника, и, обѣщая блаженство, вести къ заблужденію. Переводъ вообще тяжелъ и непріятенъ; по мѣстамъ употреблены такія выраженія, которыхъ очищенный слогъ не допускаетъ, какъ напримѣръ: краснорѣчивый болтунъ, злой сенатъ, пренегодный гражданинъ, противословесники, и т. п.

Профессоръ Казанскаго университета, *Лубкинъ*, въ книгѣ своей: «Начертаніе метафизики» желалъ согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго въ самомъ себѣ рѣшенія какъ относительно предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, такъ и для самыхъ отвлеченныхъ идей, восходящихъ за его предѣлы. Многія мѣста въ метафизикѣ, удовлетворительно отвергая безбожіе, говорятъ о благонамѣренности автора; другія же, напротивъ того, исполнены заблужденій, ложныхъ началъ, и служатъ доказательствомъ той истины, что разумъ въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ сверхчувственныхъ, ограничиваясь однимъ только разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ видимой природы, неспособенъ простирать виды свои въ міръ безтѣлесный. Многія мѣста, неопредѣленныя и подлежащія произвольному толкованію, дѣлаютъ книгу Лубкина подозрительною [248]).

Еще горшія обвиненія пали на профессора петербургскаго университета, *Лодія*. О книгѣ его: «Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различію истиннаго отъ ложнаго», представлено, что она исполнена опаснѣйшихъ по нечестію и разрушительныхъ началъ. Въ доносѣ упомянуто и о томъ, что авторъ, превосходя открытостію нечестія и Куницына, и Галича, въ одномъ изъ университетовъ нашихъ занимаетъ мѣсто декана и преподаетъ естественное право [249]).

Въ руководствѣ къ познанію всеобщей исторіи, *Кайда-*

нова, найдено два сомнительныхъ мѣста, а именно: «отъ одной пары, Богомъ сотворенной, люди размножились» и «гоненіе на христіанъ, бывшее въ Трояново время, должно, кажется, приписать болѣе тому, что послѣдователи ученія Христова были тогда смѣшиваемы съ іудеями, производившими вездѣ возмущенія» [250]).

По разсмотрѣніи басней *Федра*, изданныхъ *Кошанскимъ*, ученый комитетъ нашелъ, что выборъ басней строгъ и чистъ, за исключеніемъ въ третьей книгѣ десятой басни подъ заглавіемъ: de credere et non credere, которая несовсѣмъ умѣстна въ очищенномъ изданіи. Поэтому комитетъ положилъ: ввести книгу Кошанскаго въ употребленіе въ училищахъ, но десятую басню при новомъ изданіи выкинуть [251]).

Сочиненіе *Строителева* подъ названіемъ: «Пустынникъ, или путь, ведущій къ царствію славы», представленное въ рукописи, отвергнуто комитетомъ на основаніи того плачевнаго опыта, что неудачное защищеніе истины гораздо вреднѣе своими послѣдствіями, нежели жесточайшія нападенія нечестія и разврата [252]).

Комитетъ представилъ, что курсъ всеобщей исторіи профессора *Зябловскаго* есть не что иное какъ сборище, сдѣланное съ большою поспѣшностью, безъ выбора и соразмѣрности. Въ книгѣ находится множество ложныхъ мнѣній, несообразностей и неприличій; авторъ, слишкомъ распространяясь о предметахъ маловажныхъ, вскользь упоминаетъ о важнѣйшихъ, требующихъ особеннаго вниманія историка. Комитетъ заявляетъ о необходимости прекратить преподаваніе исторіи по курсу Зябловскаго во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ книга эта принята въ руководство [253]).

Въ письмѣ къ директору департамента народнаго просвѣщенія нѣкто *Волковъ* объясняетъ, что на тридцать пятомъ году своей жизни усмотрѣлъ онъ въ себѣ необыкновенныя дарованія, могущія принести великую пользу отечеству, но, не имѣя къ усовершенствованію ихъ никакихъ средствъ, проситъ объ исходатайствованіи ихъ отъ правительства. При этомъ представилъ сочиненную имъ диссертацію: «О философахъ». Комитетъ нашелъ, что диссертація Волкова не только не показываетъ тѣхъ необыкновенныхъ дарованій и познаній, которыя онъ самъ въ себѣ усматри-

ваетъ, но не обнаруживаетъ въ авторѣ ни основательныхъ сужденій, ни даже достаточнаго знанія отечественнаго языка.

Въ сужденіи «О естественномъ правѣ», книгѣ профессора царскосельскаго лицея *Куницына*, разошлись члены ученаго комитета. Академикъ Фусъ призналъ ее достойною поднесенія государю императору по слѣдующимъ причинамъ. Она — первая по этому предмету на отечественномъ языкѣ. Написана систематически и по хорошему плану, сходному съ планомъ лучшихъ нѣмецкихъ сочиненій по естественному праву. Въ иностранныхъ книгахъ о прикладномъ правѣ естественномъ часто встрѣчаются начала, несовмѣстныя съ нашимъ государственнымъ управленіемъ, но авторъ, не нарушая общей системы науки, сохранилъ въ этомъ отношеніи надлежащую осторожность. Не смотря на такой отзывъ своего сочлена, Руничъ объявилъ книгу Куницына не только опасною, но и разрушительною въ отношеніи къ основаніямъ вѣры и достовѣрности св. писанія. Она есть ни что иное — говоритъ рецензентъ—какъ сборъ пагубныхъ лжеумствованій, которыя, къ несчастью, довольно извѣстный Руссо ввелъ въ моду и которыя волновали и еще волнуютъ горячія головы поборниковъ *правъ человѣка и гражданина*, ибо, сличивъ послѣдствія сего философизма во Франціи съ наукою, изложенною Куницынымъ, увидимъ только раскрытіе ея и приложеніе къ гражданскому порядку. Маратъ былъ ни что иное, какъ искренній и практическій послѣдователь сей науки. Книга Куницына должна быть изъята изъ употребленія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, ибо публичное преподаваніе наукъ по безбожнымъ системамъ не можетъ имѣть мѣста въ царствованіе государя, давшаго торжественный обѣтъ передъ лицомъ всего человѣчества управлять врученнымъ ему отъ Бога народомъ по духу слова Божія [254]).

Осужденію подверглась и *книга о должностяхъ гражданина и человѣка*, изданная для народныхъ училищъ и употреблявшаяся въ нихъ со времени выхода своего въ 1780 году до 1819 года. Составленіе этой книги приписываютъ знаменитому педагогу екатерининскихъ временъ Янковичу-де-Миріево; иные считаютъ ее даже произведеніемъ самой императрицы. Исходя изъ той мысли, что истинное благополучіе составляетъ главную цѣль человѣческой жизни, книга

о должностяхъ разсматриваетъ какъ существенныя средства для достиженія цѣли: обязанности человѣка въ отношеніи къ душѣ, въ отношеніи къ тѣлу, въ отношеніи къ обществу и наконецъ въ отношеніи къ домоводству и хозяйству. Существованіе души доказывается тѣмъ, что мы удерживаемъ въ памяти то, что дѣйствуетъ на наши чувства, хотя у насъ нѣтъ ни одного физическаго органа для удержанія прошедшаго. Память, разумъ, воля, желанія и намѣренія называются душевными силами. Образованіе души состоитъ въ развитіи ея хорошихъ свойствъ, а именно: праводушія, честолюбія, спокойствія духа, любознательности, правдивости. Праводушный человѣкъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ стремится не къ тому, что̀ пріятно или желательно, а къ тому, что справедливо: не надо думать, что свѣтъ сотворенъ только для насъ однихъ; какъ мы желаемъ жить счастливо, такъ желаютъ этого для себя и другіе. Честолюбіемъ названо достоинство противоположное подлости: подлый человѣкъ ничего не дѣлаетъ безъ награжденія и принужденія; честолюбивый, желая снискать похвалу отъ разумныхъ, дѣлаетъ добро безъ корысти и принужденія. Образованіе гражданскихъ обществъ объясняется побѣдою сильныхъ надъ слабыми и нравственнымъ превосходствомъ лицъ, пріобрѣтавшихъ все болѣе и болѣе власти. Основанія семейныхъ и общественныхъ обязанностей извлечены изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта. Въ книгѣ о должностяхъ, явившейся во времена Новикова и другихъ противниковъ крѣпостного права, замѣтно, что оно представлялось лучшимъ людямъ того времени явленіемъ въ сущности ненормальнымъ или, по крайней мѣрѣ, требующимъ сильныхъ доказательствъ для убѣжденія въ его необходимости. Если надо было доказывать, что «общество господъ и слугъ Богу *отнюдь не противно*», то значитъ было мнѣніе, что рабство противно духу христіанской религіи. Въ оправданіе рабства, какъ обычнаго историческаго явленія, приводится то мѣсто св. писанія, которое во времена библейскихъ обществъ подало поводъ къ совершенно противоположному заключенію, а именно: «рабъ ли призванъ былъ еси, да не нерадиши; но «*аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе*»; въ русскомъ переводѣ, изданномъ библейскимъ обществомъ: «рабомъ ли ты

призванъ, не безпокойся; но *ежели можешь сдѣлаться и свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся»* [255]). Величайшимъ достоинствомъ и нравственною обязанностью гражданина признается любовь къ отечеству. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, что истинная любовь къ отечеству можетъ развиться вполнѣ только въ свободномъ обществѣ или республикѣ, книга о должностяхъ гражданина доказываетъ, что главный источникъ патріотизма заключается не въ образѣ правленія, а въ совершенствѣ общественнаго воспитанія. «Нѣкоторые думаютъ, что любовь къ отечеству есть такая гражданская добродѣтель, которая свойственнѣе вольному обществу или республикѣ, нежели монархіи, или что въ республикѣ по крайней мѣрѣ болѣе поводовъ и побужденій къ тому находится; но все сіе весьма несправедливо, ибо если гдѣ въ нынѣшнее время и окажется меньше любви къ отечеству, нежели въ древности, то сему не образъ государственнаго правленія, но недостатки въ воспитаніи причиною бываютъ, которые какъ скоро будутъ уничтожены, то и въ наши времена окажется также великое число истинныхъ сыновъ отечества. И для сего нужно дѣлать то же, что дѣлали римляне, а особливо древніе греки. Греки почитали воспитаніе дѣтей государственнымъ предметомъ: верховные начальники имѣли о нихъ попеченіе и устраивали воспитаніе; они не оставляли онаго никогда на произволъ однихъ родителей, не смотря на то, что многіе изъ оныхъ довольно вѣдали долгъ свой, чтобы воспитывать дѣтей своихъ не только для самихъ себя и племени своего, но и для общества. Тѣ же, коимъ воспитаніе препоручено было отъ государства, тщилися возбудить въ юношествѣ вниманіе къ выгодамъ отечества: они представляли имъ пользу государственныхъ учрежденій, пріобучали юношество примѣчать совершенства оныхъ, почитать и проникать всѣ выгоды, коими каждый въ отечествѣ своемъ наслаждаться можетъ; не забывали также повѣствовать имъ о славныхъ дѣлахъ сыновъ отечества и оныхъ примѣрами возжигать въ нихъ ревность къ подражанію. Все сіе дѣлало сильное впечатлѣніе въ юношествѣ; оно было поощряемо какъ добрыми и полезными, такъ и благородными дѣйствіями, чувствовало удовольствіе и не могло удержаться, чтобъ не любить и не дѣлать того, что почитало за благородное и по-

лезное. Ежели станутъ въ наши времена поступать съ юношествомъ такимъ же образомъ, то возбудятъ въ немъ, по примѣру древнихъ, любовь къ отечеству, и тогда подданные монархическаго государства будутъ то же дѣлать, чему удивляемся мы въ сынахъ отечества древнихъ свободныхъ областей» [256]).

Въ 1819 году, ученый комитетъ, составивъ общее росписаніе учебныхъ предметовъ, постановилъ: въ уѣздныхъ училищахъ преподавать изданную отъ бывшей комиссіи о народныхъ училищахъ книгу подъ названіемъ: Должности человѣка и гражданина. Проектъ ученаго комитета разсматриваемъ былъ членами главнаго правленія, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ: нужно ли читать дѣтямъ должности человѣка и гражданина, изложенныя по философскимъ началамъ всегда слабымъ, и не лучше ли вмѣсто того распространить учебное время и наставленіе въ должностяхъ въ классѣ закона Божія? Главное правленіе училищъ, вслѣдствіе замѣчанія своего сочлена, опредѣлило: вмѣсто книги о должностяхъ человѣка и гражданина ввести въ употребленіе по всѣмъ училищамъ «чтеніе изъ евангелистовъ» [257]). Въ 1825 году министръ народнаго просвѣщенія, Шишковъ, ходатайствовалъ о введеніи снова въ училища книги о должностяхъ человѣка и гражданина, и по этому поводу представилъ государю записку слѣдующаго содержанія: «Книга подъ названіемъ *О должностяхъ человѣка и гражданина* издана была въ 1783 году и назначена по высочайшему повелѣнію императрицы Екатерины Второй для чтенія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи. Съ того времени издано оной было одиннадцать тисненій, послѣднее въ 1817 году, и дабы всякій могъ удобнѣе имѣть ее, положена за нее самая малая цѣна, а именно 25 коп. Такимъ образомъ книга сія, не токмо подъ особеннымъ надзоромъ императрицы напечатанная, но, судя по слогу и нравоученію, въ ней заключающемуся, едва ли не самой ею сочиненная, около сорока лѣтъ почиталась полезною и существовала въ народныхъ училищахъ. Но въ 1819 году одинъ изъ членовъ главнаго правленія училищъ, предложилъ сему правленію, что не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ. (На мѣсто сихъ сла-

быхъ положены въ распущенныхъ книгахъ *сильныя* начала къ истребленію всего благочестиваго, добраго и нравственнаго. О времена, о нравы!). Вслѣдствіе сего предложенія, по приказанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, всѣ экземпляры сей книги изъ училищъ были отобраны и чрезъ бывшаго директора Попова велѣно ихъ продать съ заплатою по 50 коп. за пудъ бумажному фабриканту, съ тѣмъ, чтобы никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу. Симъ образомъ книга, содержащая въ себѣ самыя чистыя нравоученія, основанныя на выписанныхъ изъ евангелія и тутъ же приложенныхъ текстахъ, книга, наставляющая юношей въ правилахъ обуздывать свои страсти, воздерживаться отъ всякихъ пороковъ, быть добрымъ въ общежитіи человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ государю и полезнымъ отечеству гражданиномъ, книга, начертанная сердцемъ и рукою великой Екатерины, предана истребленію на бумажную мельницу! Сказанное о ней, якобы оная изложена *по философскимъ началамъ*, есть столько же неопредѣлительное, сколько и несправедливое изрѣченіе, ибо если наставленія, на правилахъ вѣры и добродѣтельной жизни основанныя, названы обвинительно *философскими*, то какія же на мѣсто ихъ могутъ быть преподаваемы другія? Трудно повѣрить, чтобъ съ намѣреніемъ истреблять подобныя книги соединялось намѣреніе вводить безвѣріе и развратъ; но когда мы видимъ, что вмѣстѣ съ истребленіемъ сихъ книгъ печатались и выпускались богохульныя, отвергающія вѣру и нравственность книги; когда знаешь, что сей революціонный духъ масонства и карбонарства во всѣхъ государствахъ обнаружился и къ намъ проникъ, то что̀ иное заключить можемъ? И не должно ли, послѣдуя прочимъ державамъ, брать противъ него дѣятельныя мѣры. Я прошу дозволенія вышеозначенную книгу, яко весьма для юношества полезную, вновь принять и ввести въ народныя училища»[258]).

Не только отдѣльныя изданія главнаго правленія училищъ, но и его офиціальный органъ, выходившій въ теченіе многихъ лѣтъ подъ названіемъ «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», предложено вывести изъ упо-

требленія, какъ книгу «опасную по нѣкоторымъ ея мѣстамъ», и замѣнить ее собраніемъ законовъ и правилъ учебнаго управленія, изданнымъ по плану almanach de l'université de France. Новое изданіе не состоялось, а въ прежнемъ не сочли нужнымъ уничтожать опасныя мѣста, находя, что они по давности напечатанія и неважности своей давно уже никѣмъ не читаются [259]).

По порученію главнаго правленія училищъ составлено было ученымъ комитетомъ новое росписаніе учебныхъ предметовъ для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Предметы, показанные въ прежнемъ уставѣ для приходскихъ училищъ, всѣ признаны нужными по двоякой цѣли этихъ заведеній—приготовленія юношества для уѣздныхъ училищъ и доставленія дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній полезныхъ и необходимыхъ для нихъ свѣдѣній. Вмѣсто употреблявшейся въ приходскихъ училищахъ книги: *дѣтскій другъ*, предположено издать «краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья». Изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ уѣздныхъ училищахъ, исключены: начальныя правила естественной исторіи и начальныя правила технологіи; оставлены первыя начала физики. Преподаваніе предложено вести такимъ образомъ, чтобы краткую всеобщую географію излагать съ начальными основаніями математической географіи и описаніемъ Россійскаго государства; въ урокахъ всеобщей и русской исторіи употреблять хронологическія таблицы; правила слога объяснять по книгѣ, приспособленной къ практическимъ упражненіямъ, наиболѣе употребительнымъ въ общежитіи, какъ, напримѣръ, письма и т. п. Въ гимназіяхъ—полагалъ комитетъ — установить чтеніе евангелія отъ Матѳея съ дополненіями изъ другихъ евангелистовъ и христіанскую нравственность, которую, до появленія по этому предмету классической книги, можно читать изъ притчей Соломоновыхъ и премудрости Іисуса сына Сирахова съ краткимъ приложеніемъ къ нравственности евангельской; преподавать дополнительный курсъ географіи съ статистическими объясненіями, логику, риторику, описаніе публичнаго права, курсъ чистой математики и изъ прикладной статику и начала ме-

ханики; исключить изъ учебныхъ предметовъ, положенныхъ по уставу въ гимназіяхъ: курсъ статистики всеобщей и русской, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ и начальныя основанія политической экономіи, технологіи и наукъ, относящихся до торговли. Главное правленіе не признало нужнымъ включить въ число предметовъ гимназическаго курса описаніе публичнаго права, предоставляя изученіе правъ вообще университетамъ. Росписаніе, составленное комитетомъ, разослано было по всѣмъ округамъ для введенія въ училища[260]).

Сокращая число преподаваемыхъ предметовъ, ученый комитетъ руководился мыслью, что отъ энциклопедическаго образованія происходитъ весьма мало пользы и чрезвычайно много вреда для государства. Въ отвращеніе вреда комитетъ полагалъ постановить, чтобы учреждаемые при университетахъ пансіоны не имѣли высшихъ классовъ и чтобы воспитанники водимы были ежедневно на университетскія лекціи, выбираемыя сообразно съ наклонностями и цѣлями каждаго, такъ что желающіе поступить, напримѣръ, въ военную службу посѣщали бы только курсы физико-математическихъ наукъ, ни мало не заботясь о правовѣдѣніи и естественной исторіи, и такъ далѣе: «дерзнемъ меньшему учить юношество, и оно несомнѣнно болѣе будетъ знать». Назначая предметы преподаванія, члены комитета предоставляли иногда выборъ руководствъ мѣстнымъ педагогамъ, но съ большими ограниченіями. При разсмотрѣніи въ ученомъ комитетѣ книгъ, требуемыхъ для гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко (Нѣжинск. лиц.), высказано было мнѣніе, что выборъ грамматикъ, риторикъ, букварей и прописей слѣдуетъ предоставить преподавателямъ; одна только логика не можетъ быть предоставлена на произволъ преподавателей. Комитетъ выбираетъ для гимназіи логику Баумейстера, употребляющуюся во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ[261]).

Вводя новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ среднія и низшія училища, главное правленіе обращало особенное вниманіе на духъ, господствовавшій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и дѣлало распоряженія, касающіяся внутренней жизни университетовъ: опредѣляло начала и методу преподаванія, стѣсняло его кругъ и убивало его свободу раз-

личными инструкціями, обращавшими науку въ орудіе посторонних для нея цѣлей.

При разсмотрѣніи росписанія лекцій, ежегодно составляемаго университетскими членами правленія, замѣчено, что въ Харьковскомъ университетѣ отъ чрезвычайнаго недостатка въ профессорахъ, которыхъ вмѣсто 28 всего только 8, проистекаютъ весьма важныя неудобства. Одинъ и тотъ же профессоръ преподаетъ нѣсколько предметовъ, не имѣющихъ между собою никакой связи. Хозяйственное и учебное управленіе составляетъ, по малому числу членовъ, родъ аристократіи, гдѣ двое и трое располагаютъ всѣмъ. Недостатокъ въ профессорахъ, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, уменьшитъ число учащихся вообще, а тѣмъ болѣе такихъ, которые могли бы быть учителями. Лекціи естественнаго и народнаго права, дипломатіи и политической экономіи преподаются на латинскомъ языкѣ, котораго не понимаетъ большинство слушателей. О правѣ уголовномъ и судопроизводствѣ въ Россіи не упоминается въ программѣ. Древняя географія преподается по Клюверу, жившему въ семнадцатомъ вѣкѣ, хотя въ настоящее время есть много превосходныхъ пособій по этому предмету [262]). Принимая во вниманіе, что студенты обременены перепискою профессорскихъ записокъ, совѣтъ Харьковскаго университета согласился съ предложеніемъ попечителя, чтобы преподаватели составляли энциклопедическія обозрѣнія съ объясненіемъ сущности излагаемаго предмета и техническихъ терминовъ. Ученый комитетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ предложеніе Харьковскаго попечителя, находя, что записываніе лекцій ведетъ къ лучшему ихъ усвоенію, а всякаго рода энциклопедическіе обзоры несовмѣстны съ серьезнымъ и самостоятельнымъ изученіемъ. Говоря словами комитета, для бо̀льшаго содѣйствія успѣхамъ студентовъ не только не слѣдуетъ изыскивать для нихъ какихъ-либо облегчительныхъ средствъ, а, напротивъ того, нужно открывать всѣ способы къ усиленію труда и поддержанію вниманія. Посредствомъ записыванія лекцій всѣ идеи тверже запечатлѣваются въ памяти, и умъ глубже проникаетъ во взаимную связь и послѣдовательность понятій. Энциклопедическія обозрѣнія наукъ признаны комитетомъ вредными на томъ основаніи, что всякое энциклопедическое преподаваніе,

ограничиваясь поверхностнымъ понятіемъ о наукѣ, не даетъ обществу вполнѣ образованныхъ гражданъ, готовыхъ нести возлагаемыя на нихъ обязанности съ яснымъ сознаніемъ трудностей всякаго дѣла и способа ихъ преодолѣть. Несчастнымъ опытомъ дознано, что энциклопедическое воспитаніе, не принося прямой пользы обществу, наводняетъ его людьми несвѣдущими и самонадѣянными: всякое энциклопедическое познаніе служитъ язвою умовъ, отъ которой всячески надо ограждать наши учебныя заведенія [263]).

Преслѣдуя полузнаніе и поверхностное знакомство съ разнообразными предметами, нѣкоторые изъ членовъ правленія вооружались противъ преподаванія естественнаго права, науки о финансахъ, а также противъ политической экономіи, какъ отрасли познаній, еще неустановившейся и требующей болѣе зрѣлаго возраста для вѣрнаго обсужденія входящихъ въ нее предметовъ. Другіе члены, соглашаясь на сокращеніе гимназическаго курса, находили, что въ высшемъ образовательномъ учрежденіи нельзя исключать ни одного предмета, иначе университетъ перестанетъ быть университетомъ и обратится въ низшее учебное заведеніе [264]).

Попечитель Казанскаго округа настаивалъ на необходимости удостовѣриться въ духѣ народнаго воспитанія по всѣмъ округамъ, и поручить особенному комитету войти въ немедленное разсмотрѣніе тѣхъ общихъ мѣръ, которыя въ частности испытаны уже надъ университетомъ Казанскимъ, для пресѣченія всякаго вреднаго преподаванія, для утвержденія воспитанія на христіанскомъ благочестіи и для непремѣннаго соединенія вѣдѣнія съ вѣрою [265]). Съ этою цѣлью предложено было составить инструкціи для каждой каѳедры. По поводу инструкцій сдѣлано было однимъ изъ членовъ правленія слѣдующее замѣчаніе. Инструкціи полезны только тогда, когда вводятся для того, чтобы отнять возможность уклоняться отъ истиннаго предмета науки. Но если онѣ задерживаютъ ходъ науки, препятствуютъ введенію новыхъ началъ, ведущихъ къ новымъ открытіямъ, тогда онѣ вредны. Отъ подобнаго ограниченія долженъ отвратить примѣръ китайцевъ, у которыхъ всѣ почти науки находятся болѣе двухъ тысячъ лѣтъ на одной и той же степени полуобразованности. При запрещеніи вводить новыя начала, всѣ науки и въ евро-

пейскомъ мірѣ остались бы въ томъ же несовершенномъ состояніи, въ которомъ находились многіе вѣка тому назадъ [266]).

Отдѣльныя мнѣнія немногихъ членовъ исчезали въ потокѣ противоположнаго направленія, не будучи поддерживаемы ни комитетомъ, ни министерствомъ. Сильную поддержку находили проекты, сходные по духу съ начертаніемъ методы для преподаванія естественнаго права, представленнымъ Стурдзою. По этому начертанію, учебная книга естественнаго права дѣлилась на двѣ части: *обличительную* и *изложительную*. Въ *обличительной* части должны содержаться слѣдующія главы: 1) О первобытномъ состояніи человѣка будто бы естественномъ. 2) Свидѣтельства историческія, отвергающія эту гипотезу. 3) Доводы умственные въ опроверженіе догадки о первобытномъ состояніи. 4) Доводы противъ первобытнаго состоянія человѣка, почерпнутые изъ обилія, красоты и отвлеченности древнѣйшихъ языковъ. 5) О мнимомъ переходѣ людей изъ естественнаго состоянія въ общежитіе. 6) Разсмотрѣніе этого мнѣнія. 7) Подтвержденіе той истины, что источникъ власти есть Богъ, а не воля человѣческая. 8) О состояніи семейственномъ. 9) О власти отеческой. 10) О сыновнихъ обязанностяхъ. 11) О правѣ собственности. 12) О договорѣ. 13) О разныхъ видахъ договора. 14) О третейскомъ или совѣстномъ судѣ. 15) О свидѣтельствѣ. 16) О присягѣ, какъ высшемъ родѣ свидѣтельства. 17) Доказательства о томъ, что право естественное, по принятому о немъ понятію, недостаточно къ открытію всѣхъ общественныхъ истинъ и законовъ. *Изложительную* часть естественнаго права составляютъ главы: 1) О первобытномъ состояніи человѣка, по свидѣтельству Откровенія и бытописанія древнѣйшихъ народовъ. 2) О несомнѣнности грѣхопаденія, сохранившагося въ памяти всѣхъ народовъ земнаго шара. 3) Семейство и государство, установленныя самимъ Богомъ чрезъ посредство власти отеческой, опредѣляютъ понятіе о правахъ и обязанностяхъ человѣка. 4) О законѣ естественныхъ требованій и о раздѣленіи ихъ на необходимыя и вымышленныя. 5) О законѣ совѣсти (lex naturalis) или объ умственныхъ потребностяхъ человѣка. 6) О законѣ гражданскомъ, или положительномъ. 7) О необходимости закона Откровенія. 8) Законъ Откровенія есть единственная истинная мѣра по-

требностей, правъ и обязанностей человѣческихъ. 9) О семействѣ и власти отеческой. 10) О государствѣ и власти верховной. 11) О невозможности сохранить бытіе семействъ и государствъ безъ вѣры и повиновенія высшему закону Откровенія. 12) О правѣ собственности, договорахъ и присягѣ, проистекающихъ изъ понятія о правосудіи Божіемъ. 13) Status naturæ между государствами разрушилъ бы всѣ государства, если бы страхъ суда Божія не поставлялъ ему предѣловъ. 14) Нѣтъ личныхъ правъ, обязанностей, потребностей, внѣ общенія съ Богомъ и общежитія съ людьми. 15) Различіе видовъ и формъ правленія нимало не опровергаетъ происхожденія власти отъ Бога, а не отъ первоначальнаго дѣйствія воли человѣческой. 16) О повиновеніи человѣку ради Бога, какъ о единственномъ началѣ, согласующемъ личную свободу съ общественнымъ благосостояніемъ. Мысль Стурдзы осуществилась въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ естественное право преподавалось «въ обличительномъ смыслѣ». Другой членъ ученаго комитета, графъ Лаваль, представилъ собственный проектъ курса естественнагоправа, основаннаго на двухъ главныхъ положеніяхъ: 1) Естественный законъ, существованіе котораго несомнѣнно, недостаточенъ для человѣка, чтò доказывается самою исторіею язычества, которое, для обузданія страстей, для приведенія естественнаго закона въ исполненіе, всегда прибѣгало или къ сверхъестественной власти своихъ боговъ или къ постановленію законовъ гражданскихъ. 2) Курсъ естественнаго права долженъ заключать въ себѣ только то, что непосредственно ведетъ къ началамъ права гражданскаго. Объяснивъ обязанности человѣка въ отношеніи къ себѣ самому въ связи съ обязанностями въ отношеніи къ Богу и ближнимъ, слѣдуетъ перейти къ происхожденію семействъ и образованію государствъ, которыя суть ни что иное, какъ великія семейства. Всѣ естественныя обязанности отцовъ и дѣтей, всѣ обязанности правителей и подданныхъ, всѣ условія и права, и вообще все то, чтò относится къ сохраненію общественнаго порядка, какъ цѣли законодательства, всегда основывается на однихъ и тѣхъ же началахъ, которыя только видоизмѣняются историческими обстоятельствами, нравами и обычаями народовъ [267]).

V.

Преобразованіе Казанскаго университета.—Магницкій.—Инструкція директору и ректору университета.—Мистицизмъ.—Крайности въ примѣненіи инструкціи къ преподаванію.—Нравственный упадокъ университета.—Слѣды реакціи въ Харьковскомъ университетѣ.

Полнѣйшее примѣненіе системы, выработанной ученымъ комитетомъ и главнымъ правленіемъ училищъ, представляется въ судьбѣ Казанскаго университета, преобразованнаго на основаніи такъ называемыхъ началъ священнаго союза. Душою преобразованія былъ попечитель Казанскаго учебнаго округа Михаилъ Леонтьевичъ *Магницкій* [268]). Испытавъ въ жизни своей много превратностей, Магницкій является то дипломатомъ, то администраторомъ, то педагогомъ. Потерявши мѣсто при посольствѣ, Магницкій натерпѣлся много горя, пока его смѣлое, полное огня и одушевленія, письмо по поводу тильзитскаго мира не избавило его отъ опалы. Въ этомъ письмѣ онъ изобразилъ яркими красками враждебную Россіи политику Наполеона и предсказывалъ вторженіе его въ русскіе предѣлы. Будучи весьма близкимъ лицомъ къ Сперанскому, Магницкій, какъ увѣряютъ, былъ отчасти причиною его паденія. Оскорбленный тѣмъ, что Сперанскій не открылъ ему содержанія важныхъ бумагъ, за которыми засталъ его, явившись къ нему неожиданно, Магницкій далъ замѣтить французскому посольству, что знаетъ его тайны, и этотъ неосторожный намекъ подалъ поводъ къ толкамъ, разспросамъ и секретнымъ депешамъ, кончившимся ссылкою Сперанскаго. Сосланный и возвращенный въ одно

время со Сперанскимъ, Магницкій снова вступилъ въ службу, былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ и тамъ уже обнаружилъ фанатизмъ въ преслѣдованіи и истребленіи книгъ, считавшихся опасными. Сблизившись съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, искавшимъ энергическихъ дѣятелей, Магницкій назначенъ былъ членомъ главнаго правленія училищъ и въ этомъ званіи произвелъ ревизію Казанскаго университета. Университетъ найденъ имъ въ такомъ упадкѣ, что готовы были прекратить его безполезное существованіе, и только воля государя спасла его отъ грозившаго ему уничтоженія. Рѣшено было подвергнуть университетъ коренному преобразованію и исполненіе этой мысли поручено Магницкому, назначенному попечителемъ Казанскаго округа. Съ жаромъ принявшись за управленіе округомъ, Магницкій обнаружилъ готовность содѣйствовать его процвѣтанію, которое впрочемъ понималъ совершенно посвоему. Онъ снаряжалъ ученыя экспедиціи по различнымъ отраслямъ наукъ, въ разныя страны, на западъ и на востокъ. Для изученія математическихъ наукъ и устройства кабинетовъ, отправляемы были ученые въ Германію, Францію и Англію. Для отысканія рукописей древнихъ классиковъ положено было объѣхать армянскіе монастыри, по поводу открытой въ Италіи драгоцѣнной рукописи Евсевія на армянскомъ языкѣ и т. д. Всѣ предпріятія Магницкаго въ сущности клонились къ одной цѣли — пересозданію русскихъ университетовъ и всей системы общественнаго воспитанія въ Россіи. Начала, по которымъ должна была совершиться реформа, высказаны въ инструкціи директору и ректору Казанскаго университета.

Инструкція опредѣляетъ духъ и направленіе, которому обязаны слѣдовать въ преподаваніи наукъ: философскихъ, политическихъ, медицинскихъ, естественныхъ, физики, астрономіи, словесности, исторіи, древнихъ и восточныхъ языковъ. Основаніемъ философіи должны служить посланія апостола Павла къ Колоссянамъ и къ Тимоѳею. Начала политическихъ наукъ преподаватели должны извлекать изъ Моисея, Давида, Соломона, отчасти изъ Платона и Аристотеля, «съ отвращеніемъ указывая на правила Махіавеля и Гоба». При изложеніи всеобщей исторіи, руководствомъ должны слу-

жить рѣчь Боссюэта и сочиненіе Ферранда. Успѣхи Россіи въ истинномъ просвѣщеніи слѣдуетъ доказывать распоряженіями Владиміра Мономаха по духовной и учебной части. Въ курсѣ древнихъ языковъ необходимо знакомить слушателей преимущественно съ произведеніями христіанскихъ писателей: св. Василія, Аѳанасія, Іоанна Златоуста. Профессоръ физики обязанъ, во все продолженіе своего курса, указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ. Профессоры медицинскаго факультета должны принять всѣ возможныя мѣры, чтобы отвратить то ослѣпленіе, которому подвергаются многіе изъ медиковъ, впадая въ гибельный матеріализмъ. Студентамъ должно быть внушено, что врачъ-вольнодумецъ никогда не выйдетъ изъ предѣла физическихъ явленій; что искусство врачеванія, безъ духа христіанской любви и милосердія, отправляемое для одной корысти, есть ремесло столь же низкое, сколь высока и почтенна медицина, озаряемая высшимъ свѣтомъ и обращенная на пользу человѣчества. Въ лекціяхъ словесности на первомъ планѣ должна быть библія, какъ величайшій образецъ литературнаго совершенства; затѣмъ разбираются образцовыя творенія Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера съ указаніемъ превосходства ихъ надъ прочими въ подражаніи древнему вкусу. При изложеніи арабской и персидской литературы преподаватель не долженъ входить въ подробности религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ магометанскихъ народовъ. Онъ откроетъ, что причина, почему арабская поэзія не имѣетъ той трогательности, которая происходитъ отъ подражанія природѣ, заключается во всегдашнемъ презрѣніи арабовъ къ подражательнымъ искусствамъ, живописи и ваянію, отъ которыхъ имѣли они отвращеніе по ненависти къ идолопоклонству. Въ нравственномъ отношеніи инструкція требуетъ руководствоваться слѣдующими началами. Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность. Поэтому директоръ университета обязанъ наблюдать, чтобы студенты постоянно видѣли вокругъ себя примѣры покорности и строжайшаго чинопочитанія. Директоръ обязанъ имѣть достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о духѣ университетскихъ преподавателей, часто присутствовать на ихъ

лекціяхъ, повременамъ разсматривать тетради студентовъ и наблюдать, чтобы духъ вольнодумства ни открыто, ни скрытно не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ философскихъ, историческихъ или литературы. Выборъ честныхъ и богобоязливыхъ надзирателей, сообщеніе съ полиціею для узнанія поведенія студентовъ внѣ университета, запрещеніе вредныхъ чтеній и разговоровъ суть способы къ огражденію нравственной чистоты студентовъ [269]).

Составленіе подобныхъ инструкцій Магницкій считалъ великимъ подвигомъ и возлагалъ на нихъ самыя утѣшительныя надежды. Посредствомъ такихъ мѣръ — говоритъ онъ — университетъ устремитъ всѣ науки къ одной цѣли и свяжетъ ихъ единымъ духомъ, пріобрѣтетъ особенное вниманіе правительства, благодарность отечества, уваженіе иноземныхъ народовъ и славу въ исторіи. Увлекаясь любимою мечтою, Магницкій видѣлъ блистательный конецъ дѣла тамъ, гдѣ едва полагалось только начало и то весьма шаткое. Тотъ же восторженный тонъ, который господствовалъ во всѣхъ рѣчахъ и отчетахъ Магницкаго, усвоенъ былъ въ большей или меньшей степени и его послѣдователями и сотрудниками. Одинъ изъ нихъ въ похвальномъ словѣ новому порядку вещей представилъ, самъ того не замѣчая, вовсе неблестящую картину преобразованія, отъ котораго приходитъ въ искусственное умиленіе. Въ отчетѣ, составленномъ профессоромъ Городчаниновымъ [270]), за 1819—1820 учебный годъ, между прочимъ сказано: «Сей нашъ годъ достопамятенъ для Казанскаго учебнаго округа важнѣйшими происшествіями. Онъ составляетъ блистательную эпоху преобразованія, совершеннаго обновленія Казанскаго университета. Кому неизвѣстны причины сего преобразованія? Онѣ скрывались въ нетвердомъ, неблагонадежномъ составѣ прежняго университета. Въ самое основаніе онаго не былъ положенъ тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется и утверждается благосостояніе царствъ земныхъ. Съ самаго начала въ предметы университетскихъ преподаваній не было введено христіанское законоученіе. Высшее ученое сословіе, долженствовавшее разливать свѣтъ Христовъ, само лежало въ тьмѣ вѣка сего. Оно уподоблялось кораблю безъ кормила, влающемуся всякимъ вѣтромъ ученія, несомому на скалы

соблазновъ и претыканій. Отсюда произошелъ духъ, несогласный съ видами добраго публичнаго воспитанія. Неогражденныя щитомъ благочестія и страха Божія, мягкія сердца университетскихъ питомцевъ отверзты были впечатлѣніямъ гордости, своеволія и разврата, а незрѣлые, неопытные умы ихъ — пагубнымъ внушеніямъ всеразрушающаго вольнодумства. Въ нѣдрѣ университета тлетворный ядъ его начиналъ уже разливаться въ словопреніяхъ лжеименнаго разума, въ употребленіи при каѳедрѣ философской такихъ авторовъ, коихъ ученіе совершено противно религіи христіанской. Между книгами, составляющими студентскую библіотеку, находились несообразныя съ духомъ благочестиваго воспитанія. Къ вящшему злу, данное казеннымъ студентамъ дозволеніе содержать самимъ себя раздаваемыми въ видѣ жалованья деньгами, не только отвлекало ихъ отъ своихъ занятій, но и подало имъ случай и поводъ къ своеволію и разврату. При такой нравственности, повинуясь не за совѣсть, но за страхъ, студенты не имѣли того, внушаемаго благочестіемъ, къ наставникамъ своимъ уваженія, которое всегда бываетъ вѣрною порукою за успѣхи въ наукахъ и за доброе поведеніе. И какое питомцы университетскіе могли имѣть къ нимъ почтеніе, когда вмѣсто назидательныхъ примѣровъ видѣли однѣ партіи, одни токмо несогласія и раздоры между членами университета, вопреки спасительному ученію блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. Неустройство внутренней полиціи, слабость и пристрастіе въ экзаменахъ, безпорядокъ въ содержаніи студентовъ, безпрерывныя между членами совѣта крамолы и другъ на друга извѣты,—обратили грозный взоръ правительства на дѣла университета... Въ іюнѣ 1819 года утверждено преобразованіе университета, а въ августѣ получено отъ попечителя, истиннаго сына церкви и отечества, предписаніе о предварительныхъ къ новому университетскому устройству распоряженіяхъ и объ удаленіи тѣхъ профессоровъ, которые при осмотрѣ не были одобрены... Директоръ (преобразованнаго) университета, обращаясь съ питомцами его, какъ отецъ съ дѣтьми, и заботясь не только о нравственномъ воспитаніи, но и физическомъ, самыя забавы обращаетъ въ пользу имъ. По его убѣжденіямъ и совѣтамъ, казенные студенты университета въ прошедшее лѣто обрабо-

тывали собственными руками часть университетскаго сада, имъ отданнаго съ раздѣленіемъ на правильные участки по числу студентовъ. Ближайшій помощникъ директора, инспекторъ студентовъ, благоразумными средствами смягчая строптивную волю юности, преклоняетъ ее подъ спасительное иго послушанія. Смиренномудріе, терпѣніе и любовь сопровождаютъ поступки студентовъ, а любезная учтивость украшаетъ ихъ наружное обращеніе. Всегда видятъ они вокругъ себя назидательные примѣры жизни благочестивой. Прежній духъ партій и раздоровъ исчезаетъ. Связумые духомъ христіанской любви, всѣ чины, всѣ сословія университета взаимно другъ къ другу оказываютъ чинопочитаніе и уваженіе. Подъ сѣнію благочестія все пріемлетъ новый видъ. Всѣ науки университетскія преподаются въ духѣ святаго евангельскаго ученія. Вольнодумство, прежде подъ различными видами въ нѣдрѣ университета скрывавшееся, удаляется отъ сего жилища наукъ, гдѣ обитаетъ страхъ Божій. Опаснѣйшая изъ наукъ философскихъ, наука права естественнаго всегда подавала вольнодумству способы къ распространенію зловреднаго ученія о природной свободѣ и равенствѣ людей: представлено мнѣніе объ основаніи сей науки не на ложныхъ и пагубныхъ началахъ мудрованія человѣческаго, но на святомъ и спасительномъ ученіи Христа», и т. д. [271]).

Преобразованіе университета или его обновленіе признавалось эрою не только въ высокопарныхъ рѣчахъ, но и въ актахъ оффиціальныхъ, въ дипломахъ, выдаваемыхъ отъ университета. Возводя въ званіе доктора правъ австрійскаго императора, Казанскій университетъ послалъ ему дипломъ, заключающійся словами: въ лѣто отъ рождества Христа Спасителя тысяча восемьсотъ двадцать четвертое, отъ обновленія своего пятое—restauratæ universitatis vero quinto.

Возведеніе австрійскаго императора въ ученую степень произошло вслѣдствіе того, что онъ разрѣшилъ, по ходатайству директора Вѣнской обсерваторіи и статсъ-секретаря по ученой части, понизить цѣны на физическіе и астрономическіе инструменты, пріобрѣтаемые въ Вѣнѣ для Казанскаго университета. Въ знакъ признательности къ австрійскому императору, предложено было избрать его въ почетные члены университета; нашъ посланникъ увѣдомилъ, что императоръ

почтетъ себѣ за удовольствіе принять званіе доктора правъ [272]). Выборъ австрійскаго императора — явленіе исключительное. Обыкновенно же, при избраніи почетныхъ членовъ, руководствовались сходствомъ ихъ убѣжденій съ духомъ инструкцій, данныхъ университету, и участіемъ въ дѣлѣ преобразованія русскихъ университетовъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. По предложенію ректора, совѣтъ избралъ почетнымъ членомъ директора департамента народнаго просвѣщенія *Попова*, будучи «преисполненъ чувствованій глубочайшаго и справедливаго уваженія къ истинно-христіанскимъ добродѣтелямъ сего мужа, къ сотрудничеству министру въ основаніи просвѣщенія народнаго на твердомъ камени христіанскаго благочестія и наконецъ къ высокимъ и многообразнымъ свѣдѣніямъ, украшающимъ его особу». Совѣтъ, разсуждая объ отличныхъ свѣдѣніяхъ и христіанскихъ чувствахъ и правилахъ члена главнаго правленія *Рунича*, о его ревности и подвигахъ въ великомъ дѣлѣ соединенія знанія съ вѣрою, сердца съ разумомъ, «да возсіяетъ востокъ свыше на всю область наукъ, да область сія, озаренная и согрѣтая небеснымъ свѣтомъ и теплотою, принесетъ райскіе плоды»,— избралъ его почетнымъ членомъ. Въ дипломѣ Руничу сказано, что особеннаго уваженія заслуживаетъ его «твердое ополченіе на пагубное распространеніе тлетворныхъ началъ невѣрія въ наукахъ политическихъ». Попечитель Харьковскаго округа *Карнѣевъ* избранъ въ почетные члены за неусыпные труды для утвержденія благочестія въ системѣ воспитанія ввѣреннаго ему округа и для освященія вѣрою тѣхъ самыхъ наукъ, которыя врагъ Божій стремится повсемѣстно обратить къ своимъ видамъ. Званія почетныхъ членовъ удостоены: директоръ Петербургскаго университета *Кавелинъ* за ревностное содѣйствіе университетскому начальству на пользу истиннаго просвѣщенія, основаннаго на христіанскомъ ученіи, а директоръ Казанскаго университета *Владимірскій*— за кротость, соединенную съ твердостью, за свои обширныя знанія, направленныя къ единой цѣли благочестія, и «по дѣйствію, которое Господь даровалъ ему въ обновленіи университета» [273]).

И во внутреннемъ управленіи, и въ сношеніяхъ съ обществомъ университетъ принималъ видъ духовнаго, даже мона-

шескаго учрежденія съ средневѣковыми, католическими обычаями, и преобразователи его старались уничтожить всѣ признаки и особенности свѣтскаго учебнаго заведенія. Какъ въ самомъ преподаваніи, такъ и въ университетскихъ празднествахъ, духовный элементъ преобладалъ надъ свѣтскимъ, что̀ видно уже изъ программъ торжественныхъ актовъ, какъ напримѣръ: Послѣ обѣдни и молебна, пропоютъ: днесь благодать Св. Духа насъ собра; профессоръ прочтетъ рѣчь: о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи; пропоютъ: Боже, царя храни; студентъ прочтетъ: О Березовскихъ и Николаевскихъ золотосодержащихъ Екатеринбургскихъ пескахъ; пропоютъ: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ; студентъ прочтетъ: О необходимомъ соединеніи со внутреннимъ богопочитаніемъ наружнаго; пропоютъ: Слава въ вышнихъ Богу; ректоръ произнесетъ слово о достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ; пропоютъ: Господи, силою Твоею возвеселится царь [274]).

Религіозность ограничивалась иногда одною только внѣшностью, и за набожною обстановкою скрывались недостойныя религіи свойства: лицемѣріе, раболѣпство, отсутствіе убѣжденій и нравственныхъ началъ. У нѣкоторыхъ изъ лицъ, игравшихъ роль въ событіяхъ Казанскаго университета, піэтизмъ былъ маскою, надѣтою по необходимости и разсчету, въ угоду сильнымъ міра. Немногіе искренно сочувствовали мистическому ученію масоновъ, имѣвшему тогда значительное число приверженцевъ въ русскомъ обществѣ; эти немногіе защищали магію, кабалистику, доказывали таинственное значеніе треугольника, и т. п. Въ конспектѣ философіи, составленномъ профессоромъ Сергѣевымъ, сказано было между прочимъ: магія родилась отъ вымысловъ, кабалистика съ примѣсью ученія индійскихъ браминовъ произвела гностиковъ, родоначальниковъ всѣхъ позднѣйшихъ ересей. Разбирая конспектъ Сергѣева, ректоръ *Никольскій* говоритъ: Въ подлинномъ смыслѣ, слово *магія* означаетъ мудрость (sophia, sapientia); но магія въ сердцѣ лукавомъ обращается въ знаніе вредное; чѣмъ болѣе человѣкъ уклоняется отъ праваго пути, тѣмъ вреднѣе становится знаніе этого рода, такъ что онъ дѣлается наконецъ повиннымъ смерти. *Кабала* озна-

чаетъ устное преданіе: Богомъ просвѣщаемые патріархи изустно передавали высокія наставленія и откровенія избраннымъ потомкамъ. Она чиста и возвышенна какъ небо, свята какъ источникъ ея—вѣчная премудрость, о чемъ упоминается въ третьей книгѣ Эздры, гл. 14. Но какъ нѣтъ вещи столь святой, которой бы отпадшій отъ Бога разумъ, водимый развратною волею, не употребилъ во зло, то и кабала въ сердцахъ лукавыхъ, какъ въ нечистыхъ сосудахъ, сдѣлалась ученіемъ вреднымъ. Авторъ конспекта говоритъ, что свѣтильникъ вѣры погасаетъ при блескѣ гордыни, открывшей новое тройственное божество, въ системѣ Шеллинга, новый порядокъ нравственнаго и физическаго міра. Рецензентъ замѣчаетъ на это, что система Спинозы, Шеллинга и имъ подобныхъ есть смѣсь высокихъ понятій, заимствованныхъ изъ откровенія, съ мнѣніями человѣческими, подобно тому, какъ предъ потопомъ сыны Божіи смѣсились съ дщерями человѣческими, и оттого породились исполины, земля растлилась и наполнилась неправды [275]). Во взглядѣ на таинственныя науки ученый Казанскаго университета сближается съ масонами временъ Лопухина, защищавшими таинства, переходившія будто бы изъ рода въ родъ отъ Адама, Ноя, Аарона, Гермеса трисмегиста и продолжавшія жизнь патріарховъ, удивляющихъ потомство своею поразительною долговѣчностью. По словамъ Лопухина, испытаніе натуры, алхимія и магія божественная, въ правилахъ и способахъ вѣрнѣйшихъ преподаваемыя, награждая достойныхъ и избранныхъ сыновъ нетлѣнными сокровищами натуры и божественными силами вооружая ихъ, провождаютъ въ райскія обители возобновленнаго эдема, въ сію истинную обѣтованную землю [276]). Замѣтимъ при этомъ, что вліяніе Лопухина простиралось и на Казань, гдѣ были у него горячіе приверженцы и послѣдователи. Ведя съ ними дружескую переписку, Лопухинъ просилъ ихъ распространять въ обществѣ журналъ: «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ» и поручалъ иногда дѣлать пособіе одному (а отнюдь не нѣсколькимъ—чтобы помощь была чувствительнѣе) изъ невольныхъ путешественниковъ, проходящихъ черезъ Арское поле, въ Сибирь на житье и на работу, и на вопросъ объ имени подателя предлагать только молиться: да пріидетъ царствіе Божіе и да будетъ воля Его [277]).

Объясняя высшее значеніе математики, профессоръ Никольскій приводитъ любопытные доводы въ пользу полнѣйшаго согласія ея законовъ съ истинами христіанскаго ученія. «Математику—говоритъ онъ—обвиняютъ въ томъ, что она, требуя на все доказательствъ самыхъ строгихъ, располагаетъ духъ человѣческій къ недовѣрчивости и пытливости, отчего и бываетъ, что люди, къ ней пристрастные, во всякомъ случаѣ, даже и тогда, когда дѣло идетъ о вѣрѣ, ищутъ очевидныхъ убѣжденій и, не находя оныхъ, дѣлаются матеріалистами, допускающими только то, въ чемъ увѣряютъ ихъ чувства. Причиною вольнодумства не математика, а господствующій духъ времени. Въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ. Напримѣръ, какъ числа безъ *единицы* быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ *Единаго* владыки существовать не можетъ. Начальная аксіома въ математикѣ: всякая величина *равна* самой себѣ: главный пунктъ вѣры состоитъ въ томъ: Единый въ первоначальномъ словѣ своего всемогущества *равенъ* самому себѣ. Въ геометріи *треугольникъ* есть первый самый простѣйшій видъ, и ученіе объ ономъ служитъ основаніемъ другихъ геометрическихъ строеній и изслѣдованій. Онъ можетъ быть эмблемою: силы, дѣйствія, слѣдствія; времени, раздѣляющагося на прошедшее, настоящее и будущее; пространства, заключающаго въ себѣ длину, широту и высоту или глубину; духовнаго, вещественнаго и союза ихъ. Святая церковь издревле употребляетъ *треугольникъ* символомъ Господа, яко верховнаго геометра, зиждителя всея твари. Двѣ линіи, крестообразно пресѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія. Любовь есть основаніе творенію, а правосудіе управляетъ произведеніями оной, нимало не преклоняяся ни на которую сторону. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ [278]).

Піэтизмъ, внезапно явившійся и въ общемъ духѣ излагаемыхъ предметовъ, и въ малѣйшихъ подробностяхъ, былъ во многихъ случаяхъ слѣдствіемъ не внутренняго убѣжденія,

а покорности, съ которою исполнялись данныя университету инструкціи. Піэтисты требовали, чтобы всѣ науки съ механическимъ однообразіемъ проводили одну и ту же мысль, укрѣпляли въ благочестіи и возводили умы учащихся отъ земли къ небу. Къ этому должны были стремиться — политическая экономія съ одной стороны, анатомія и физіологія— съ другой. Геологія отвергнута какъ наука нечестивая; почти такая же участь постигла и философію.

По требованію попечителя, профессора должны были составить подробныя инструкціи для преподаванія каждаго предмета. Въ инструкціи, составленной профессоромъ Пальминымъ по каѳедрѣ *политической экономіи*, говорится: «Непреложный законъ всякаго домостроительства постановленъ въ сей заповѣди, данной первому человѣку по паденіи его: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Вслѣдствіе сего, основными началами какъ частнаго, такъ и народнаго хозяйства должны быть слѣдующія главныя правила: трудись, снискивай познанія, приспособляя ихъ и исполняя предпріятія; что̀ произведешь такимъ образомъ, тѣмъ и пользуйся. Но мы существуемъ не для одного сохраненія кратковременной жизни своей, не для одного тѣлеснаго благополучія своего, и даже не для одного благоденствія земного отечества: не пекитесь—говорилъ Искупившій насъ отъ клятвы— о томъ, что съѣсть, чѣмъ утолить жажду, во что одѣться; не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ; просящему дай, хотящему у тебя занять не откажи, и т. п. Посему преподаватель политической экономіи поставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность дѣлать своимъ слушателямъ напоминанія, что все наше имущество, какъ малое, такъ и большое, содержитъ въ себѣ только условную цѣну, именно въ качествѣ средства къ достиженію высшихъ благъ, дабы тѣмъ предупредить, сколько возможно, то пагубное вліяніе любостяжанія, которое и безъ всякаго ученія весьма легко овладѣваетъ человѣческимъ сердцемъ и превращаетъ людей въ машины, а еще болѣ—ту суетную расточительность, которая пожираетъ и самое мнимое богатство наше. Но такимъ образомъ предѣлы сей науки слишкомъ расширятся. Въ отвращеніе сего преподаватель не только оставитъ всѣ разсужденія, до политики, въ собственномъ смыслѣ взятой, каса-

ющіяся — такъ какъ онъ, стоя на средней ступени въ обществѣ, не можетъ видѣть существенныхъ нитей ихъ; но пройдетъ молчаніемъ и всѣ другіе предметы, дѣйствующіе лишь случайно на умноженіе или уменьшеніе богатства, какъ напримѣръ, распоряженія, относящіяся къ торговлѣ и ремесламъ, разныя привилегіи, водвореніе переселенцевъ и т. п., а вмѣсто сего, при всякомъ удобномъ случаѣ, будетъ устремлять мысли слушателей къ тому произведенію богатства, къ тому раздѣленію и потребленію его, которыя превращаютъ оное изъ тѣлеснаго въ духовное, изъ тлѣннаго въ нетлѣнное. Сіи случаи встрѣтитъ онъ, говоря, напримѣръ, о истинной и обмѣнной цѣнѣ вещей, о выгодахъ и невыгодахъ раздѣленія работы, о сбереженіяхъ, нужныхъ для составленія капиталовъ, о такъ называемыхъ невещественныхъ произведеніяхъ, о плодотворныхъ и безплодныхъ издержкахъ, словомъ сказать, почти во всякой статьѣ найдетъ онъ соприкосновенность между богатствомъ міра сего и сокровищемъ вѣчности, между имуществомъ плоти и духа нашего, и не преминетъ указать, гдѣ теряется между первымъ и вторымъ равновѣсіе въ ущербъ послѣднему. Такимъ образомъ соединитъ онъ низшую, условную экономію съ высшею, истинною, и составитъ изъ нея науку въ строгомъ смыслѣ нравственно-политическую». Попечитель счелъ нужнымъ прибавить, что политическая экономія, выходя за свои предѣлы въ германскихъ университетахъ, часто бывала критикою государственныхъ дѣлъ и способомъ къ распространенію возмутительныхъ началъ [279]).

Инспекторъ Симбирской врачебной управы Арнгольдъ представилъ попечителю разсужденіе, основанное на словѣ Божіемъ, о *біологіи*, общей *физіологіи*, *діететикѣ*, *патологіи и терапіи*; цѣль сочиненія та, чтобы врачебныя науки преподавать въ духѣ св. писанія, т. е. сообразно съ инструкціею ректору Казанскаго университета. Въ конспектѣ, представленномъ профессоромъ анатоміи и физіологіи Фуксомъ, содержаніе и цѣль анатоміи опредѣляются слѣдующимъ образомъ: Анатомія показываетъ строеніе человѣческаго тѣла, а физіологія объясняетъ дѣйствіе органовъ въ соединеніи безсмертной души съ тѣломъ. Цѣль анатоміи — находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго

человѣка по образу и подобію своему. Тѣло наше — храмъ души, и потому необходимо знать его и хранить чистымъ и неоскверненнымъ; при тѣсной связи тѣла и души надо всячески остерегаться, чтобы не впасть въ ужасный матеріализмъ, подобно нѣкоторымъ безумнымъ врачамъ. Такъ какъ мы, по наденіи праотцевъ нашихъ, подверглись многоразличнымъ болѣзнямъ, то Господь чрезъ науку *анатомію* подалъ намъ средство не только къ облегченію, но и къ истребленію болѣзней [280]).

Очищая анатомію отъ примѣси матеріализма, съ трудомъ допускали анатомическіе театры, видя въ нихъ уступку жестокой необходимости и неуваженіе къ праху умершихъ. Директоръ Казанскаго университета, Владимірскій, пишетъ совѣту: «При отдаленномъ отъ главныхъ университетскихъ зданій домѣ, что въ Подлужной, я нашелъ небольшое открытое огражденіе, въ которомъ стоятъ нѣсколько лѣтъ кадки съ человѣческими и животными, разныхъ породъ, трупами, налитыя водою. Смрадъ, не взирая на морозъ ниже 10° отъ точки замерзанія, чрезвычайный. Что же надобно представить при теплотѣ? Увѣряютъ, что сіе заведеніе есть принадлежность анатомическаго театра; что въ моченіи труповъ предполагается пріобрѣтеніе скелетовъ; что въ теплое время учреждено, чрезъ каждую недѣлю, перемѣненіе въ кадкахъ воды по изліяніи старой на поверхность земли въ томъ же огражденіи, и что къ производству сему приставленъ одинъ инвалидъ, который и нынѣ на лицо находится. Не мое дѣло изъяснять странность сего предположенія, напримѣръ, что хотя животныя тѣла точно въ водѣ гніютъ скорѣе, но къ сей цѣли не надобно бы оную перемѣнять; съ перемѣною же гніеніе замедляется, между тѣмъ растворяются и самыя кости съ большимъ или меньшимъ разрушеніемъ ихъ отъ тлѣнія, и потому отъ сего способа нельзя ожидать ни естественнаго вида, ни естественнаго очертанія скелета. Мое дѣло представить совѣту свои замѣчанія о добываніи скелетовъ посредствомъ многолѣтняго моченія труповъ въ водѣ, по мѣстному соображенію, вопіющія на опасность сего учрежденія, а именно: а) мѣсто означенной мочильни лежитъ ниже горизонта дома, гдѣ живетъ инвалидъ, сливающій и перемѣняющій воду въ кадкахъ съ трупами, и ниже всѣхъ

окрестныхъ домовъ. Не зная слѣдствій сего учрежденія у близъ живущихъ, мнѣ остается удивляться равнодушію градской полиціи. Но, по донесенію университетскаго экзекутора, достовѣрно, что изъ опредѣленныхъ при процессѣ моченія труповъ инвалидовъ въ прошедшемъ году умерло два, да въ нынѣшнемъ одинъ и жена одного изъ инвалидовъ. Не говоря о развитіи убійственныхъ газовъ при гніеніи, о удобности распространенія ихъ окрестъ и дѣйствіи на живущихъ, я спрашиваю учредителей, позволено ли имѣть отверстые гробы въ городѣ? b) *Превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки, весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ;* но сія жестокость въ благоустроенныхъ заведеніяхъ смягчается скрытнымъ производствомъ и благочестивымъ погребеніемъ частей тѣла, отъ костей отпадшихъ. Здѣсь торжественно издѣваются надъ прахомъ усопшихъ, чего и язычники не дѣлали. Нѣтъ пощады народнымъ уваженіямъ, трепещетъ христіанское состраданіе: какое же впечатлѣніе воспитанникамъ, и какое зрѣлище для тѣхъ, кои и безъ того почитаютъ медицину варварскою наукою?»[281]).

Въ отчетѣ о состояніи университета ректоръ сообщаетъ, что отъ наукъ естественныхъ отнята *геологія*, какъ наука въ нынѣшнихъ ея системахъ вулканистовъ и нептунистовъ противная св. писанію[282]). — Область *философіи*, которую такъ чтило предшествующее поколѣніе, изображали мрачнымъ царствомъ; недостатки, замѣчаемые въ лучшихъ писателяхъ, объясняли тѣмъ, что они жили во время *хищническаго владычества философіи*, и потому какъ во время пожара, отчаясь сохранить все, усиливались спасти хотя что-нибудь отъ пожирающаго пламени[283]). Философію, какъ предметъ преподаванія, дѣлили на два рода: положительную и отрицательную; долгъ первой—научить мудрствовать небесная; долгъ второй — *отучить* мудрствовать земная; философскихъ наукъ можетъ быть только двѣ: логика и исторія философіи, имѣющая предметомъ *обличеніе* философскихъ системъ[284]).

Внутреннее состояніе университета и господствующее въ немъ направленіе обнаруживается въ судѣ и приговорѣ надъ профессоромъ Солнцевымъ. Обвиненный попечителемъ въ пре-

подаваніи естественнаго права на разрушительныхъ началахъ, профессоръ Солнцевъ преданъ былъ университетскому суду въ общемъ собраніи совѣта и правленія. Подсудимому предложено было сто семьдесятъ четыре вопроса, но, за отказомъ его доставить во̀-время отвѣты, главнымъ обвиненіемъ послужили тетради, отобранныя у его слушателей, допрашиваемыхъ подъ присягою. Начальныя основанія естественнаго права Солнцева, рѣшили судьи, суть не что иное, какъ краткія выписки изъ разныхъ иностранныхъ книгъ, особливо изъ права бывшаго профессора Казанскаго университета Финке, несвязныя, неопредѣленныя, исполненныя противорѣчій. Авторъ, какъ видно изъ приведенныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ текстовъ св. писанія, желалъ основать естественное право на началахъ, согласныхъ съ инструкціею; но исполнилъ это такъ неудачно, что заимствуемое имъ святое евангельское ученіе представляетъ на самомъ дѣлѣ притчу вина новаго, влитаго въ мѣхи ветхіе, или заплату новаго, приставленнаго къ ризѣ ветхой. Помѣщеніе нѣкоторыхъ изреченій Спасителя между мнѣніями разрушительными изображаетъ всѣваніе малыхъ сѣмянъ пшеницы между многими плевелами, ихъ подавляющими, или вливаніе драгоцѣннаго мирра въ сосудъ нечистый. Онъ смѣшалъ божественное ученіе съ мнѣніями человѣческими, проистекающими изъ поврежденнаго разума, который хотя и называется практическимъ и здравымъ, но не плѣняется въ послушаніи вѣры. Практическій разумъ, утверждающій, что 1) естественная свобода состоитъ въ правѣ располагать своимъ лицомъ, своими душевными и тѣлесными силами, своими способностями и всѣми своими дѣйствіями, не подлежа внѣшнему со стороны другихъ ограниченію (какъ говорится въ § 67), или 2) что по самому понятію о свободѣ и равенствѣ, которыя составляютъ личныя права каждаго человѣка, никто не имѣетъ безусловнаго права понуждать другого дѣлать что-либо противъ его воли (какъ сказано въ § 100), — подобенъ древнему змію, прельстившему праматерь Евву, а чрезъ нея и праотца Адама. Естественное право, по мнѣнію автора, излагаетъ права и обязанности властителей и подвластныхъ, выводимыя изъ началъ разума; но разумъ не можетъ быть руководителемъ: онъ обязанъ благоговѣйно внимать и со страхомъ повино-

ваться верховному законодателю. Въ § 24 между прочимъ сказано, что граждане, вручившіе судьбу свою одному властелину, хотя и пожертвовали естественною свободою, но не лишили себя всѣхъ естественныхъ правъ. Судьи замѣчаютъ на это: врученіе судьбы одному властелину предполагаетъ общественный договоръ, совершенно противный духу св. писанія, возвѣщающаго, что Господь поставляетъ царей на царство. На основаніи приведенныхъ фактовъ произведенъ былъ приговоръ профессору Солнцеву: общее присутствіе совѣта и правленія мнѣніемъ положило: удалить Солнцева навсегда отъ профессорскаго званія и впредь не опредѣлять ни въ какія должности, ни въ одно изъ учебныхъ заведеній. По мнѣнію общаго собранія, вина подсудимаго умѣряется только его прежними заслугами и тѣмъ, что онъ, проходя многотрудную должность ректора, не имѣлъ довольно времени основательно вникнуть въ хитросплетенную ложь тѣхъ началъ естественнаго права, которыя, по большей части, заимствовалъ изъ иностранныхъ писателей. Попечитель, соглашаясь съ приговоромъ ученой корпораціи, видѣлъ въ немъ доказательство добраго духа университета и представилъ объ удаленіи Солнцева и о дозволеніи напечатать въ Казанскомъ Вѣстникѣ, не называя автора, разборъ его естественнаго права, какъ самое сильное и первое на нашемъ языкѣ и въ нашихъ университетахъ обличеніе этой гибельной и разрушительной науки [285]).

Въ такомъ судѣ надъ своимъ сочленомъ профессора Казанскаго университета явно высказали свое зависимое положеніе и отсутствіе твердости и самостоятельности въ убѣжденіяхъ и въ образѣ дѣйствій. Насильственныя мѣры, полнѣйшее господство произвола, постоянный гнетъ подавилъ университетскую жизнь. По свидѣтельству лица, уполномоченнаго правительствомъ для обозрѣнія Казанскаго университета, съ того времени, какъ попечитель ознаменовалъ власть свою ниспроверженіемъ выборнаго начала, по праву принадлежащаго совѣту, и по личному произволу возводилъ въ профессорское званіе, уваженіе, пріобрѣтенное до того ученымъ сословіемъ, начало упадать; профессора, пользовавшіеся наибольшимъ довѣріемъ, подверглись оскорбленіямъ; университетскій совѣтъ — главное судилище талантовъ и познаній—

обратился въ сословіе, слѣпо повинующееся волѣ попечителя; упало соревнованіе въ наукахъ; умы изощрялись въ происках къ достиженію того, что̀ было дотолѣ наградою дѣйствительныхъ заслугъ; кандидаты и магистры, видя дорогу къ повышенію загражденною людьми, не имѣющими на то права и присланными по произволу начальства, обратились къ интригамъ и проискамъ, потерявши вѣру въ добросовѣстный трудъ [286]).

Нравственный упадокъ университета обнаружился и на студентахъ. Безобразіе внутренняго управленія университета и надзора за студентами вѣрно и наглядно очерчено въ запискѣ, представленной инспекторомъ студентовъ своему ближайшему начальству. Въ университетѣ одно движеніе, говоритъ записка, и студентамъ почти не остается времени для покойнаго занятія науками. Надзиратели, постоянно наблюдая за студентами и управляя каждымъ ихъ шагомъ, должны водить ихъ изъ одной комнаты въ другую, устанавливать въ ряды, осматривать волосы, платья, кровати, словомъ, быть совершенными ефрейторами. Дежурный адъюнктъ, принимая студентовъ отъ надзирателей, разставляетъ ихъ по аудиторіямъ, и затѣмъ начинается осмотръ студентовъ. По порядку идутъ въ аудиторіи: дежурный помощникъ инспектора, инспекторъ, директоръ и ректоръ, и въ продолженіе этого осмотра преподавателю едва ли остается время для чтенія, а студентамъ для выслушанія читаемаго. Движеніе и надзоръ за студентами внѣ аудиторій и во время вечернее и ночное также суетливы, многосложны и излишни. Лица, наблюдающія за этимъ движеніемъ, безпрестанно сталкиваются между собою, повѣряютъ другъ друга, и, кажется, вся цѣль подобнаго надзора не столько клонится къ присмотру за студентами, сколько къ подсматриванію за лицами, которымъ ввѣрено соблюденіе порядка. Дежурнымъ адъюнктамъ давались приказанія секретно узнавать, что дѣлается въ университетѣ по вѣдомству инспектора, а одному изъ его помощниковъ приказано было наблюдать за каждымъ шагомъ своего ближайшаго начальника и доносить высшему начальству. Можно даже предполагать, что и самимъ студентамъ подъ рукою поручено было примѣчать другъ за другомъ и за лицами, которымъ ввѣрено было попеченіе о ихъ воспи-

таніи. Постоянное рапортованіе директору дежурнаго адъюнкта, инспектора и экзекутора по одной и той же части, дѣлая каждаго изъ нихъ особымъ доносителемъ, представляетъ собою какое-то желаніе начальства поставить и самихъ доносителей въ обоюдныхъ доносчиковъ и тѣмъ подвергнуть ихъ непріятнымъ слѣдствіямъ, и т. д.[287]).

Въ Харьковскомъ университетѣ гораздо слабѣе, нежели въ Казанскомъ, отозвалось задуманное въ главномъ правленіи училищъ преобразованіе общей системы народнаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе, слѣды реакціи обнаружились и въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ понесъ весьма чувствительныя нравственныя потери: профессоръ Шадъ высланъ былъ заграницу, какъ послѣдователь опасной новѣйшей философіи; математикъ Осиповскій, краса и гордость университета, принужденъ былъ оставить его противъ своего желанія. Удаленіе ихъ имѣло вліяніе и на курсы другихъ профессоровъ. Въ университетскихъ изданіяхъ является піэтизмъ, несуществовавшій въ прежнее время; начальство округа предпринимаетъ мѣры къ ослабленію автономіи университета. Попечитель представляетъ о новомъ образованіи университета и о назначеніи ректора и декановъ не по избранію совѣта и факультетовъ. Ректоръ, сказано въ представленіи, долженъ зависѣть отъ опредѣленія верховной власти и быть безсмѣннымъ, подобно предсѣдателямъ въ присутственныхъ мѣстахъ и директорамъ въ департаментахъ. Онъ назначается по усмотрѣнію начальства изъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ наукахъ и опытныхъ по службѣ, или изъ профессоровъ, но въ послѣднемъ случаѣ лишается права читать лекціи. Въ исполненіи обязанностей своихъ онъ долженъ руководствоваться инструкціями директору и ректору Казанскаго университета. На мѣсто декановъ попечитель предлагалъ учредить непремѣнныхъ совѣтниковъ изъ постороннихъ лицъ, назначаемыхъ начальствомъ. Ученый комитетъ хотя и призналъ необходимость выбора ректора изъ профессоровъ, однако же избраніе ректора предоставилъ попечителю, а не совѣту, и одобрилъ замѣну декановъ непремѣнными совѣтниками по примѣру совѣтниковъ правленія при академіи наукъ [288]). По отзыву чле-

новъ ученаго комитета, разсматривавшихъ сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета, въ трудахъ студентовъ «примѣчаются нынѣ правила доброй нравственности и благочестія и достаточные успѣхи въ стихахъ и прозѣ, что̀ все дѣлаетъ честь наставникамъ и начальству [289]).

Въ изложеніи предметовъ на университетскихъ лекціяхъ профессоры не высказали такого отвращенія отъ руководствъ, признанныхъ классическими въ первый періодъ университетовъ александровскаго времени, какое замѣчается въ Казанскомъ университетѣ. Ежегодныя обозрѣнія лекцій знакомятъ съ составомъ факультетовъ, предметами преподаванія и сочиненіями, избираемыми въ руководство. Пользуясь трудами иностранныхъ писателей, заслужившихъ почетную извѣстность въ европейскомъ ученомъ мірѣ, профессоры Харьковскаго университета многіе предметы преподавали по собственнымъ запискамъ или по сочиненіямъ русскихъ ученыхъ и профессоровъ русскихъ университетовъ. Математику читали по руководству Осиповскаго; механику—по сочиненію Чижова; анатомію—по руководству Загорскаго; политическую экономію—по Шторху и по Якобу, сочиненіе котораго издано въ Лейпцигѣ, Галле и Харьковѣ; русскую статистику и географію по Зябловскому и Арсеньеву; гражданское право и судопроизводство—по Вельяминову-Зернову; русскую исторію—по Константинову; всеобщую исторію—по Кайданову; логику и психологію—по рукописи профессора Харьковскаго университета Дудровича; риторику — по Рижскому; теорію словесности—по Остолопову; исторію русской литературы—по книгѣ Греча и т. д.

Въ Харьковскомъ университетѣ, въ теченіе 1823—1826 годовъ, преподаваніе происходило слѣдующимъ образомъ:

I. Въ факультетѣ этико-политическомъ:

1) Профессоръ богопознанія и христіанскаго ученія, протоіерей *Могилевскій*, деканъ факультета, преподавалъ богопознаніе и христіанское ученіе по собственнымъ запискамъ и по руководству Иринея Фальковскаго и Ѳеофилакта.

2) Профессоръ права естественнаго, частнаго, публичнаго и народнаго, *Рейтъ*—право естественное по руководству Мейстера и Мартини; политическую экономію — по руководству Шторха; дипломатику юридико-политическую—по собственнымъ запискамъ.
3) Профессоръ правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ народовъ, *Пауловичъ*—римское право, руководствуясь Гейнекціемъ и Вальдекомъ, исторію римскаго права по руководству Бакхія; политическую экономію и науку о финансахъ—отчасти по теоріи Адама Смита, преимущественно же по сочиненію Шлецера; дипломатику, россійское право—по руководству Вельяминова-Зернова.
4) Профессоръ философіи *Дудровичъ* — логику, этику и исторію философіи, по своимъ запискамъ.
5) Профессоръ русскаго права *Даниловичъ*—гражданское право и судопроизводство—по руководству Вельяминова-Зернова съ дополненіями изъ собственныхъ записокъ, излагая притомъ частныя постановленія присоединенныхъ губерній и областей; уголовное россійское право по собственнымъ запискамъ.
6) Кандидатъ *Золотаревъ* и кандидатъ *Протопоповъ* — логику и психологію по рукописи профессора Дудровича.

II. Въ факультетѣ физико-математическомъ:

7) Профессоръ физики *Комлишинскій*—физику по собственнымъ запискамъ.
8) Профессоръ естественной исторіи *Делавинъ*—зоологію по Блюменбаху и ботанику.
9) Профессоръ химіи *Сухомлиновъ*—общую химію по руководству Гизе; электро-химическую теорію и стихіометрію—по собственнымъ запискамъ; минералогію—по руководству Фишера.
10) Профессоръ *Васильевъ*—гражданскую архитектуру по собственнымъ запискамъ.
11) Профессоръ *Тауберъ* — ориктогнозію, руководствуясь сокращеніемъ Фишера.

12) Профессоръ *Архангельскій* — оптику по руководству Лакайля и Буржа; механику по руководству Франкера, пользуясь отчасти сочиненіемъ Чижова, изд. въ Петербургѣ въ 1823 году.
13) Профессоръ *Павловскій*—чистую математику, по собственнымъ запискамъ.
14) Адъюнктъ *Робушъ*—полевую фортификацію по руководству Вернона; долговременную фортификацію по руководству Сенполя; артиллерію по руководству Гогеля и Вицтума.
15) Адъюнктъ *Байковъ*—чистую математику по руководству Ейлера и Осиповскаго.
16) Философіи докторъ *Затеплинскій* — теоретическую астрономію по руководству Лапласа.
17) Учитель *Дьячковъ*—технологію по руководству Бекмана и комерцію по собственнымъ запискамъ.
18) Кандидатъ *Криницкій*—минералогію по руководству Фишера. Сверхъ того, профессоръ греческой словесности *Джунковскій* читалъ агрономію по Бекману.

III. Въ медицинскомъ факультетѣ:

19) Профессоръ *Книгинъ*—патологію и общую терапію; вторую часть анатоміи по сокращенію Загорскаго; физіологію по сокращенію Консбруха; судебную медицину и медицинскую полицію по собственнымъ запискамъ; клиническія упражненія ежедневно.
20) Профессоръ *Громовъ*—фармакологію по Геккеру, руководствуясь въ фармацевтической практикѣ сокращеніемъ Бухольца: Theorie und Praxis der pharmaceutisch-chemischen Arbeiten. Leipz. 1819, взявъ особенно во вниманіе полевую россійскую фармакопею относительно выбора и приготовленія лекарствъ; общее обозрѣніе медицинскихъ системъ по руководству Удена и Геккера.
21) Профессоръ *Богородицкій*—теоретическое и практическое повивальное искусство, руководствуясь сочиненіемъ Капюрона: Cours théorique et pratique d'accouchement. 1816.

22) Профессоръ *Еллинскій*—теоретическую механургію и акіургію, по хирургическому сокращенію Буша; клиническія хирургическія упражненія ежедневно.
23) Адъюнктъ *Венедиктовъ*—первую часть анатоміи Загорскаго.
24) Адъюнктъ *Рейпольскій*—частную патологію и терапію.
25) Адъюнктъ *Екебладъ*—общее обозрѣніе ветеринарной науки; зоотомію главнѣйшихъ животныхъ; сравнительную физіологію и патологію; повальныя болѣзни домашнихъ животныхъ.

IV. Въ словесномъ факультетѣ.

26) Профессоръ *Джунковскій* — греческую словесность по руководству Ешенбурга; греческія древности по руководству Бозія; объясненіе Иліады.
27) Профессоръ *Кронебергъ* — филологическую энциклопедію; римскія древности, по изданному имъ сокращенію; объясненіе Тацита и Цицерона; нѣмецкую словесность.
28) Профессоръ *Паки де Совиньи*—исторію французскаго языка и словесности, руководствуясь изданною имъ книгою: Cours théorique et pratique de langue et de littérature française; объясненіе Генріады Вольтера и art poétique Буало.
29) Профессоръ *Борзенковъ*--эстетику по руководству Мейнерса и исторію русской словесности по руководству Греча.
30) Адъюнктъ *Куницкій*—правила греческой грамматики съ объясненіемъ христоматіи Якобса и краткихъ стихотвореній греческихъ поэтовъ; всеобщую географію и статистику главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, по руководству Мейзеля и Гейма.
31) Адъюнктъ *Филомаѳитскій* — всеобщую исторію по книгѣ: руководство къ познанію всеобщей политической исторіи профессора Кайданова.
32) Адъюнктъ *Артемовскій-Гулакъ*—русскую исторію по руководству Константинова; географію и статистику

Россійскаго государства по сочиненіямъ Зябловскаго и Арсеньева; исторію польской словесности съ объясненіемъ польскихъ писателей.

33) Адъюнктъ *Склабовскій* — философскую грамматику и поэзію, руководствуясь Блеромъ, Гречемъ и Остолоповымъ.

34) Адъюнктъ *Сокальскій*—объяснялъ студентамъ перваго курса легчайшихъ латинскихъ писателей.

35) Кандидатъ *Золотаревъ*—риторику по руководству Рижскаго; кандидатъ *Протопоповъ* тоже преподавалъ риторику, по опредѣленію совѣта.

VI.

Учрежденіе университета въ Петербургѣ. — Первоначальное образованіе Петербургскаго университета.—Составленіе устава.—Устройство преподаванія.—Первые профессоры.—Начало и быстрое развитіе реакціи.—Удаленіе профессоровъ: Арсеньева, Галича, Германа, Раупаха и другихъ.— Разсмотрѣніе дѣла обвиняемыхъ профессоровъ въ университетской конференціи, въ главномъ правленіи училищъ и въ комитетѣ министровъ.

Борьба двухъ направленій, господствовавшихъ во времена Александра I въ системѣ общественнаго воспитанія; обнаружилась особенно яркими чертами въ судьбѣ Петербургскаго университета, испытавшаго всѣ послѣдствія роковой встрѣчи двухъ враждебныхъ началъ. Въ исторіи его являются на первомъ планѣ два важныя событія: учрежденіе университета и разгромъ его, послѣдовавшій въ самомъ началѣ его существованія.

Въ то время, когда учреждались или преобразовывались университеты въ различныхъ краяхъ Россіи, въ Петербургѣ было открыто только одно отдѣленіе университета подъ именемъ главнаго педагогическаго института. Но специальной цѣли приготовленія учителей не было достаточно для высшаго учебнаго заведенія столицы, и не разъ высказывалась мысль о необходимости расширить его предѣлы, поставивъ его въ уровень съ университетами вполнѣ организованными. Мысли этой суждено было осуществиться во время управленія Петербургскимъ учебнымъ округомъ С. С. Уварова, принимавшаго живое участіе въ университетскомъ вопросѣ. Что открытіе университета подготовлялось постепенно, и основанія новаго учрежденія были опредѣлены и изложены

заранѣе, видно изъ того, что какъ только объявлено было, въ самомъ началѣ 1819 года, согласіе государя на открытіе университета въ Петербургѣ, на другой же день представленъ проектъ первоначальнаго образованія университета. Проектъ замѣчателенъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ немъ обращено вниманіе на мѣстныя условія и требованія времени, которыя не были принесены въ жертву педантическому стремленію къ однообразію. По разсмотрѣніи въ главномъ правленіи училищъ, «первоначальное образованіе С.-Петербургскаго университета» высочайше утверждено 8-го февраля 1819 года [290]). Съ этого достопамятнаго дня начинается существованіе Петербургскаго университета, какъ учрежденія, поставленнаго въ одинаковыя условія со всѣми другими русскими университетами, съ тѣми же правами и обязанностями. Образованіе преподавателей, составлявшее главную цѣль педагогическаго института, осталось въ числѣ предметовъ университетской дѣятельности; но кругъ ея расширенъ двумя другими задачами: служить разсадникомъ высшаго образованія для всѣхъ, желающихъ пріобрѣсти его, и быть средоточіемъ учебнаго округа, приводя въ благоустройство всѣ учебныя заведенія края. Особенности новоучрежденнаго университета состояли въ раздѣленіи на факультеты, въ учрежденіи должности директора, въ устройствѣ внутренняго управленія университета и округа.

Вмѣсто раздѣленія на факультеты: богословскій, медицинскій, юридическій и философскій, учреждено раздѣленіе главнаго педагогическаго института на три отдѣленія: наукъ юридическихъ и философскихъ; наукъ историческихъ и словесныхъ; наукъ математическихъ и физическихъ. Образецъ подобнаго раздѣленія находится въ первомъ учрежденіи французскаго національнаго института. По мнѣнію составителей проекта, оно болѣе согласно съ мѣстомъ, гдѣ университетъ учреждается, съ требованіями времени и съ настоящимъ порядкомъ вещей и познаній, раздѣляя поле наукъ на равныя между собою части и не представляя неудобствъ сопряженныхъ съ старыми, готическими формами университетовъ.

Сверхъ ректора, ежегодно избираемаго ученымъ сословіемъ, опредѣленъ при университетѣ безсмѣнный директоръ,

назначаемый отъ правительства: какъ помощнику попечителя и старшему члену правленія, директору предоставленъ главный и ближайшій надзоръ за всѣми внутренними дѣлами университета, исключая дѣлъ конференціи, для которыхъ она избираетъ изъ ординарныхъ профессоровъ ректора. Объясняя это нововведеніе, ссылались на примѣръ Галльскаго университета и на сочувствіе къ мысли о назначеніи директоровъ, выраженное членами главнаго правленія училищъ, изъявившими желаніе, чтобы мѣра эта была примѣнена ко всѣмъ русскимъ университетамъ. Но въ Галле поводомъ къ учрежденію званія директора былъ крайній недостатокъ въ профессорахъ, а вовсе не ожиданіе какой бы то ни было пользы отъ новаго академическаго сана. По открытіи университета въ Галле, большого труда стоило пріобрѣсти достойныхъ преподавателей: въ медицинскомъ факультетѣ долгое время было только два профессора, обязанныхъ читать, сверхъ своихъ предметовъ, ботанику, химію и даже физику, да притомъ одинъ изъ профессоровъ часто уѣзжалъ изъ Галле, состоя лейбъ - медикомъ при королѣ; въ философскомъ факультетѣ читалось только: краснорѣчіе, мораль и восточные языки, а каѳедра математики оставалась незанятою до Вольфа. При такой бѣдности надо было заманивать усиленными окладами и почетомъ; на того изъ профессоровъ, которымъ особенно дорожили, возлагали почетное званіе директора университета, и съ нимъ долженъ былъ предварительно сообщаться проректоръ обо всѣхъ дѣлахъ, переносимыхъ въ совѣтъ (concilium generale) [291]).

Третья особенность первоначальнаго устройства Петербургскаго университета состояла въ томъ, что завѣдываніе всѣми вообще дѣлами университета раздѣлялось между *конференціей* и *правленіемъ*. Дѣла ученыя поступали въ конференцію или въ ея факультеты; каждый факультетъ ежегодно избиралъ свего декана. Всѣ дѣла по хозяйственной и правительственной части университета и его округа сосредоточивались въ правленіи, членами котораго были, подъ предсѣдательствомъ попечителя, директоръ университета, ректоръ, совѣтникъ или синдикъ и директоръ училищъ Петербургской губерніи. Въ Московскомъ университетѣ—сказано въ объяснительной запискѣ—имѣется *три* мѣста упра-

вленія при самомъ университетѣ; въ другихъ—столько же, въ Дерптскомъ—*четыре,* въ числѣ коихъ есть и апелляціонный судъ. Пятнадцатилѣтній опытъ довольно ясно показалъ, что многочисленность пружинъ и раздробленіе властей во внутренности университетовъ имѣютъ весьма неудобныя для нихъ послѣдствія; что отвѣтственность въ сущности не падаетъ ни на кого, а что *всѣ* безъ разбора имѣютъ право входить во *всѣ* дѣла; что часть хозяйственная и правительственная въ рукахъ профессоровъ не можетъ процвѣтать, отвлекая ихъ безъ всякой пользы отъ ученыхъ занятій, и что наконецъ въ случаяхъ внутренняго безпорядка университетъ представляетъ какую-то недѣйствующую массу, притупляющую всѣ усилія министерства въ достиженіи истины, чтó легко можно извлечь изъ нынѣшнихъ обстоятельствъ Казанскаго университета (писано 13-го января 1819 г.). Такое положеніе вещей побудило дать болѣе простоты и ясности внутреннему управленію Петербургскаго университета. Здѣсь все, кромѣ собственной ученой части, сосредоточивается въ одинъ центръ. Правленіе завѣдываетъ всѣми частями по формѣ коллегіальной, особенно удобной для дѣлъ министерства просвѣщенія; правленію подчиняется весь округъ, донынѣ управляемый однимъ попечителемъ. Всѣ безъ исключенія пріобрѣтаютъ; одинъ только попечитель теряетъ, если можно назвать *утратою* лишеніе права дѣйствовать своевольно, безъ свидѣтелей, безъ формъ и безъ всякаго правила[292]).

Первоначальное образованіе Петербургскаго университета было только временною мѣрою, сохраняющею обязательную силу только до утвержденія полнаго устава. Составленіе устава чрезвычайно затянулось вслѣдствіе препятствій какъ невольныхъ, такъ и умышленныхъ: лица, которымъ было поручено дѣло, до того расходились во взглядахъ на него, что исчезала всякая надежда на соглашеніе противоположныхъ началъ. Вскорѣ по открытіи университета представленъ былъ проектъ устава, обнимающій весь кругъ дѣйствія университета по учебной, хозяйственной и правительственной части. По разсмотрѣніи проекта члены ученаго комитета признали, что онъ составленъ съ примѣрною точностью, подробностью и разсудительностью, и только на весьма немногія статьи предложили свои замѣчанія, потребовавшія легкихъ перемѣнъ.

Замѣчено было о необходимости медицинскаго факультета въ Петербургскомъ университетѣ какъ потому, что чувствуется сильная потребность въ образованіи возможно большаго числа врачей для государства, такъ и потому, что столица изобилуетъ превосходными средствами для образованія искусныхъ врачей и хирурговъ. Замѣчено также, что по многосложности политическихъ наукъ и по краткости времени, назначеннаго для нихъ, въ изложеніи ихъ пришлось бы ограничиться самыми поверхностными понятіями; не болѣе шести мѣсяцевъ полагалось на преподаваніе такихъ обширныхъ предметовъ, каковы: энциклопедія политическихъ наукъ; наука о государственныхъ учрежденіяхъ; наука государственнаго правленія; наука о полиціи; народное хозяйство; государственное хозяйство, или наука о финансахъ; всеобщая и русская статистика и т. п. Изъ ученаго комитета уставъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе въ главное правленіе училищъ. Въ засѣданіе главнаго правленія по поводу устава приглашаемы были: ректоръ Петербургскаго университета Балугьянскій, профессора Кукольникъ, Чижовъ и Куницынъ. Для избѣжанія потери времени и чрезвычайной продолжительности разсмотрѣнія проекта въ засѣданіяхъ правленія, нашли болѣе удобнымъ составить для этой цѣли особый комитетъ изъ членовъ правленія Магницкаго и Уварова, и ректора Балугьянскаго. Этому комитету поручено сообразить проектъ устава какъ съ замѣчаніями членовъ правленія и профессоровъ, такъ и съ уставами русскихъ университетовъ вообще и съ прочими инструкціями и постановленіями, присовокупя къ тому и собственныя правила по своему усмотрѣнію и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Вслѣдъ затѣмъ составленъ новый комитетъ изъ директора и ректора университета и нѣкоторыхъ профессоровъ, приглашаемыхъ по мѣрѣ надобности; по изготовленіи проекта положено внести его на обсужденіе университетской конференціи и съ замѣчаніями ея членовъ представить главному правленію. Между тѣмъ, новый попечитель Петербургскаго округа представилъ, что статьи первоначальнаго образованія университета крайне поверхностны и неопредѣлительны, и педагогическій институтъ съ перемѣною имени не преобразовался въ университетъ, но только лишился внутренняго порядка въ управленіи и под-

вергся крайнему разстройству. Чтобы возстановить университетъ и дѣламъ его дать правильный ходъ, попечитель находитъ единственное средство — во введенiи инструкцiй директору и ректору университета. Въ засѣданiи 17-го сентября 1821 года главное правленiе постановило ввести временно въ дѣйствiе по Петербургскому университету и округу инструкцiи, учрежденныя для директора и ректора Казанскаго университета. Отсюда начинается рядъ печальныхъ событiй, постигшихъ Петербургскiй университетъ. Введенiе суровой инструкцiи мало поправило дѣло, испорченное вначалѣ. По свидѣтельству ея ревностныхъ защитниковъ, въ университетѣ господствовала смѣсь наружнаго обманчиваго блеска съ существеннымъ внутреннимъ безпорядкомъ, который тѣмъ менѣе высказывался наружу, что личина благоустройства, обѣщаннаго мнимымъ первоначальнымъ образованiемъ, выдавалась за самое благоустройство, тогда, когда правила, которыми новый университетъ долженъ былъ руководствоваться, скрывали въ себѣ сѣмя разрушительныхъ началъ, обнаружившихся послѣ пятилѣтняго его существованiя. Зданiю, построенному безъ плана и прочной основы, нельзя было не развалиться. Институтъ, лишась внутренняго устройства, лишился вмѣстѣ съ тѣмъ и той силы, которая составляетъ душу всякаго благоустроеннаго учрежденiя, и превращенъ въ составъ разнородныхъ началъ, властей и управленiй. Уставъ главнаго педагогическаго института, допущенный временно и условно, не обнималъ всего круга дѣйствiй университета; первоначальное образованiе еще менѣе могло замѣнять настоящiй уставъ. Всякая перемѣна, отмѣна и нововведенiе въ управленiи зависѣла единственно отъ попечителя, и такимъ образомъ въ лицѣ его сосредоточивалась власть, по мановенiю которой все располагалось и направлялось. Поэтому исправляющiй должность попечителя представлялъ главному правленiю о принятiи слѣдующихъ мѣръ относительно университета и подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведенiй: 1) О прiостановленiи на нѣкоторое время прiема въ университетъ казенныхъ воспитанниковъ. 2) О разборѣ студентовъ университета по способностямъ и нравственности, и увольненiи безнадежныхъ. 3) О наполненiи всегда университета питомцами дома воспитанiя бѣдныхъ дѣтей, которыя

будутъ предварительно помѣщаемы въ гимназію, и оттуда поступать въ университетъ. 4) О составленіи для университета новаго устава. Главное правленіе училищъ, не предвидя желаемаго исхода для дѣла, занимающаго его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, рѣшилось наконецъ разорвать всякую связь новаго учрежденія съ прежнимъ педагогическимъ институтомъ и принять въ руководство уставъ Московскаго университета, какъ древнѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, удержавъ при томъ во всей силѣ инструкціи, данныя Казанскому университету. 4-го января 1824 года Высочайше повелѣно: дѣйствіе устава бывшаго главнаго педагогическаго института, со всѣми его измѣненіями по первоначальному образованію С.-Петербургскаго университета, прекратить, принявъ для Петербургскаго университета въ руководство уставъ Московскаго университета и инструкціи директору и ректору Казанскаго университета [293]).

14-го февраля 1819 года, въ седьмомъ часу пополудни, открыто первое собраніе новоучрежденнаго Петербургскаго университета. Попечитель Уваровъ привѣтствовалъ конференцію рѣчью, въ которой сказалъ, что искреннее уваженіе ко всему высокому и священному въ жизни и человѣкѣ, распространеніе здравыхъ началъ нравственности, утвержденныхъ на религіи, и введеніе основательнаго *классическаго* образованія—составляютъ цѣль, къ которой университетъ долженъ стремиться всѣми силами [294]). Первою заботою конференціи было составленіе устава и затѣмъ избраніе ректора и распредѣленіе лекцій. При баллотированіи равенство голосовъ получили профессоры Балугьянскій и Раупахъ; по предложенію попечителя, выборъ рѣшенъ былъ жребіемъ. Жребій палъ на профессора Раупаха. Но комитетъ министровъ призналъ избраніе ректора по жребію несообразнымъ съ существующими для выборовъ постановленіями, и первымъ ректоромъ Петербургскаго университета, по представленію министра народнаго просвѣщенія, утвержденъ былъ профессоръ Балугьянскій. Въ росписаніи предметовъ для публичныхъ курсовъ конференція, не имѣя собственнаго устава, руководствовалась примѣрами другихъ университетовъ. Она предполагала, что университетскій курсъ продолжаться будетъ три года и что вольные студенты при-

нимаемы будутъ съ предварительными познаніями, избирая какой-либо изъ трехъ факультетовъ. Предметы расположены въ постепенности, опредѣляемой ихъ взаимною связью. Факультетъ философско-юридическій положилъ проходить въ первый годъ учебнаго курса предметы, относящіеся къ философіи; во второй—предметы естественнаго права, политическую экономію и науку о финансахъ; въ третій—права положительныя. Въ историко-филологическомъ факультетѣ къ первому году отнесены собственно такъ называемыя науки: географія, исторія, статистика, съ присоединеніемъ словесностей: русской, греческой и латинской, продолжающихся и въ послѣдующіе годы, но при бóльшемъ числѣ часовъ въ недѣлю; въ два послѣдующіе года вмѣстѣ съ древнею и отечественною словесностью должна быть преподаваема французская и нѣмецкая словесность. Въ физико-математическомъ факультетѣ математика преподавалась въ первые два года; физика, ботаника и зоологія—въ теченіе всего трехлѣтняго курса; минералогія и астрономія—въ третій годъ, и химія въ два послѣдніе года.

Публичные курсы открыты въ Петербургскомъ университетѣ 1-го ноября 1819 года, и на первыхъ порахъ слушателей «вольноучащихся» явилось около двадцати человѣкъ [295]). Препятствіе къ поступленію въ университетъ составляли недостаточныя свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ. Конференція университета представила, что почти всѣ, являющіеся въ университетъ для поступленія въ студенты, при достаточныхъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ въ наукахъ и прочихъ иностранныхъ языкахъ, или вовсе не знаютъ латинскаго, или знаютъ его очень мало. Поэтому признано необходимымъ: 1) Въ первый пріемъ вносить въ матрикулъ студентовъ и тѣхъ молодыхъ людей, которые не имѣютъ вовсе свѣдѣній въ латинскомъ языкѣ, но съ условіемъ, чтобы они дали отъ себя обязательство выучиться этому языку въ теченіе двухъ лѣтъ. 2) Во второй пріемъ, имѣющій быть въ 1820 году, вносить въ матрикулъ студентовъ только такихъ, которые имѣютъ хорошія начала въ латинскомъ языкѣ, но также съ обязательствомъ, чтобы они достигли надлежащаго знанія этого языка въ теченіе года, т. е. къ третьему пріему. 3) Предоставить каждому вольному студенту, внесенному въ матри-

кулъ въ два первые пріема, обучаться латинскому языку приватнымъ образомъ, гдѣ и у кого заблагоразсудитъ. Учреждать же при самомъ университетѣ первоначальный классъ латинскаго языка было бы несовмѣстно съ достоинствомъ университета, какъ училища высшихъ наукъ. 4) Въ свидѣтельствахъ, даваемыхъ вольнымъ студентамъ первыхъ двухъ пріемовъ, на посѣщеніе университетскихъ лекцій означать обязательство ихъ непремѣнно выучиться латинскому языку къ положенному сроку. 5) Вольныхъ студентовъ первыхъ двухъ пріемовъ, чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ испытывать въ латинскомъ языкѣ; въ третій же пріемъ никого, незнающаго латинскаго языка, не вносить въ матрикулъ вольныхъ студентовъ. Тогда же постановлено принимать въ студенты не моложе семнадцати лѣтъ и не иначе, какъ по испытанію или по аттестату учебныхъ заведеній, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи университета [296]).

Въ росписаніи лекцій С.-Петербургскаго университета на первый учебный годъ названы слѣдующіе предметы и преподаватели [297]):

I. По Философско-юридическому факультету:

1) Философія: логика, психологія, нравственная философія—ординарный профессоръ *Лодій.*
2) Исторія философіи—экстраординарный профессоръ *Галичъ.*

II. По физико-математическому факультету:

3) Математика: алгебра, геометрія, обѣ тригонометріи — ординарный профессоръ *Чижовъ.*
4) Физика—адъюнктъ-профессоръ *Щегловъ.*
5) Ботаника—старшій учитель гимназіи *Зембницкій.*

III. По историко-филологическому факультету:

6) Исторія—ординарный профессоръ *Раупахъ.*
7) Географія—заслуженный профессоръ *Зябловскій.*
8) Статистика—ординарный профессоръ *Германъ.*

9) Россійская словесность — экстраординарный профессоръ *Бутырскій*.
10) Латинская словесность—экстраординарный профессоръ *Гедике*.
11) Греческая словесность—адъюнктъ-профессоръ *Поповъ*.

Сверхъ названныхъ лицъ, въ первоначальномъ составѣ С.-Петербургскаго университета встрѣчаемъ имена: *Балугьянскаго*, *Вишневскаго*, *Соловьева*, *Плисова*, *Грефе*, *Дегурова*, *Шармуа*, *Деманжа* и другихъ ученыхъ. Первые профессоры С.-Петербургскаго университета начали свою дѣятельность большею частію въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ и воспитывались въ учительской гимназіи или педагогическомъ институтѣ, куда поступали изъ семинарій: Сѣвской, Тверской, Полтавской; изъ духовныхъ гимназій: Бѣжецкой, Кашинской; изъ Кіевской академіи, Московской славяно-греко-латинской и Харьковскаго коллегіума. Иные изъ преподавателей, родомъ иностранцы, прибыли изъ-за границы, получивши образованіе и дипломы въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ. *Шармуа* и *Деманжъ* приглашены были по рекомендаціи знаменитаго оріенталиста Сильвестра де-Саси, первый на каѳедру персидскаго, второй на каѳедру арабскаго языка. Нѣкоторые изъ русскихъ профессоровъ довершили свое образованіе заграницею. Профессоръ словесности *Бутырскій* отправленъ былъ въ чужіе края для усовершенствованія въ эстетикѣ; профессоръ *Плисовъ* посланъ заграницу для изученія политическихъ наукъ, а *Соловьевъ* для изученія химіи; профессоръ зоологіи *Ржевскій* своими свѣдѣніями и талантомъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ первостепенныхъ представителей науки естествознанія въ Европѣ: Кювье предлагалъ ему мѣсто натуралиста въ Jardin des plantes.

Каѳедру богословія занималъ профессоръ, имя котораго пользуется заслуженнымъ уваженіемъ въ русскомъ ученомъ мірѣ, священникъ *Павскій*, замѣчательный знатокъ еврейскаго языка и древностей, впослѣдствіи посвятившій занятія свои преимущественно филологіи, что доказывается обширнымъ и весьма важнымъ трудомъ его, вышедшимъ подъ названіемъ филологическихъ наблюденій надъ составомъ русскаго языка. Въ свое время Павскій пользовался большимъ нравствен-

нымъ вліяніемъ въ университетѣ, какъ превосходный преподаватель, излагавшій предметъ свой съ такою многосторонностью и богатствомъ знаній, что лекціи его, по свидѣтельству его бывшихъ слушателей, наиболѣе содѣйствовали ихъ умственному развитію, имѣя вполнѣ научный характеръ и отличаясь глубиною мысли и разнообразіемъ содержанія.

Профессоръ философіи *Лодій*, родомъ изъ Карпатской Руси, съ 1803 года преподавалъ въ педагогическомъ институтѣ логику и метафизику, а также права: естественное частное, публичное, государственное и народное и нравственную философію; права читалъ онъ и въ высшемъ училищѣ правовѣдѣнія. Онъ перевелъ на русскій языкъ: естественное частное право Цейлера, 1809 г., и первую часть уголовнаго права Фейербаха, 1810 г.; издалъ книгу подъ названіемъ: Логическія наставленія, въ 1815 году, и др.

Профессоръ *Балугьянскій*, соплеменникъ Лодія, получивъ образованіе въ Вѣнскомъ университетѣ, былъ долгое время профессоромъ и деканомъ юридическаго факультета въ одной изъ венгерскихъ академій. По приглашенію бывшаго попечителя Петербургскаго округа, Новосильцева, Балугьянскій переселился въ Петербургъ и занялъ, въ 1804 году, мѣсто профессора политическихъ наукъ въ педагогическомъ институтѣ. Тогда же опредѣленъ въ коммиссію о составленіи законовъ редакторомъ по части государственнаго хозяйства и финансовъ; впослѣдствіи присутствовалъ въ комитетѣ, учрежденномъ для финляндскихъ дѣлъ, и занималъ разныя должности по министерству финансовъ и коммиссіи о законахъ, въ званіи статсъ-секретаря. О сочиненіи Балугьяскаго: «Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ» замѣчаютъ, что оно утвердило въ нашей литературѣ терминологію политической экономіи.

Академикъ *Грефе* началъ образованіе свое въ Хемницкомъ лицеѣ, въ Саксоніи, и довершилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ философскія и богословскія науки и гдѣ получилъ степень доктора философіи. Въ 1810 году онъ вступилъ въ русскую службу, былъ профессоромъ греческаго языка въ Александро-невской академіи и профессоромъ латинской, а потомъ греческой, словесности въ педагогиче-

скомъ институтѣ, и академикомъ по части греческой и латинской словесности въ Петербургской академіи наукъ.

Карлъ *Германъ*, данцигскій уроженецъ, вступилъ въ русскую службу въ концѣ восьмнадцатаго вѣка, былъ профессоромъ исторіи, географіи, статистики и нѣмецкаго языка въ морскомъ и первомъ кадетскомъ корпусѣ, ректоромъ академической гимназіи, профессоромъ педагогическаго института, академикомъ; состоялъ при департаментѣ министра полиціи для занятій по предметамъ статистики, и т. д. Сочиненія его: теорія статистики; статистическій журналъ, въ четырехъ томахъ; статистическія таблицы по всѣмъ россійскимъ губерніямъ; статистическое описаніе Ярославской губерніи; географическое и статистическое описаніе Кавказа; статистическія изслѣдованія относительно Россійской Имперіи, и многія другія [298]).

Избранный ректоромъ по жребію, профессоръ всеобщей исторіи *Раупахъ* извѣстенъ въ нѣмецкой литературѣ какъ чрезвычайно плодовитый драматическій писатель, какъ второй Коцебу. Съ большою изобрѣтательностью придумывалъ онъ сюжеты для своихъ многочисленныхъ трагедій и комедій, семейныхъ и историческихъ драмъ. Разсчитывая на вкусъ публики и будучи ея любимцемъ, Раупахъ заботился не столько о внутреннемъ достоинствѣ идеи и содержанія, сколько о сценическомъ эффектѣ, о впечатлѣніи, производимомъ на зрителей. Ограничиваясь легкими, поверхностными очерками характеровъ и не дотрогиваясь до глубины души, произведенія Раупаха лишены и національнаго колорита, заимствуя изъ исторіи различныхъ народовъ одни только имена. Проживши довольно долго въ Россіи, сперва наставникомъ въ частномъ, помѣщичьемъ домѣ, потомъ профессоромъ всеобщей исторіи и нѣмецкой словесности въ педагогическомъ институтѣ, Раупахъ имѣлъ возможность познакомиться съ русскою жизнью и исторіею, изъ которыхъ и заимствовалъ нѣсколько своихъ пьесъ. Ко временамъ наполеоновскихъ войнъ съ Германіею и Россіею относится пьеса: «Тимолеонъ освободитель», Timoleon der Befreier, дѣйствіе которой хотя происходитъ въ отдаленной древности, въ Сиракузахъ, но подъ древними именами скрываются намеки на новѣйшихъ дѣятелей, и въ лицѣ Тимолеона, Бомилькара, Гіерона узна-

ютъ представителей Россіи, Франціи и Германіи. Изъ эпохи стрѣлецкихъ бунтовъ заимствована драма «Князья Хованскіе» (die Fürsten Chowansky). Но, кромѣ собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ: Милославскій, Лыковъ, Долгорукій, Хилковъ и т. д., нѣтъ ничего русскаго, нѣтъ и помину о русскихъ нравахъ и обычаяхъ, о московскомъ бытѣ конца семнадцатаго вѣка. Князь Юрій Хованскій представленъ энтузіастомъ, мечтающимъ о своемъ царственномъ призваніи съ гордою самоувѣренностью и съ полною надеждою на успѣхъ, которая однакоже жестоко ему измѣнила. Въ усиліяхъ Хованскаго къ достиженію царскаго престола и заключается главный интересъ пьесы. Царевна Софья, съ холоднымъ какъ ледъ сердцемъ, влюбляется въ Хованскаго, и, въ порывѣ страстнаго увлеченія, бросаясь къ его ногамъ, умоляетъ снять съ нея терновый вѣнецъ власти и замѣнить его желаннымъ вѣнкомъ невѣсты, сплетеннымъ изъ миртъ и барвинковъ. Герой драмы, Хованскій, входитъ съ монахомъ въ продолжительныя разсужденія объ отношеніи Промысла къ судьбѣ человѣка; монашескому смиренію противопоставляется отвага человѣка, управляющаго событіями по собственной мысли и волѣ. Всѣ психологическія и историческія невѣрности выкупались для современниковъ звучнымъ стихомъ и изобиліемъ драматическихъ столкновеній въ тогдашнемъ вкусѣ. Возмутительная картина крѣпостного права изображена Раупахомъ, съ свойственною ему идеализаціей, въ трагедіи: «Крѣпостные или Исидоръ и Ольга» (die Leibeigenen oder Isidor und Olga). Исидоръ, плодъ любви отца молодого князя, воспитанный заграницею, гдѣ занимался преимущественно живописью и оставшійся крѣпостнымъ, влюбился въ Италіи въ знатную дѣвушку, графиню Ольгу, на которой хочетъ жениться молодой князь. Вражда соперниковъ оканчивается тѣмъ, что они убиваютъ другъ друга, выстрѣливъ въ одинъ моментъ изъ пистолета. Кровавой развязкѣ злобно радуется крѣпостной слуга князя, Осипъ, игравшій въ барскомъ домѣ роль шута и потому не имѣвшій права жениться; полагая, что, обзаведясь семействомъ, шутъ охладѣетъ къ своему ремеслу, отецъ князя разлучилъ Осипа съ его любовницей и насильно выдалъ ее за немилаго человѣка. Съ затаеннымъ ожесточеніемъ подшучиваетъ Осипъ

надъ любовью художника-раба: съ чего вздумалось тебѣ влюбиться—говоритъ онъ—тебѣ, двуногому животному, которое можно продать, подарить, проиграть; и чѣмъ ты можешь любить? ужъ не душою ли? да вѣдь у тебя нѣтъ души: твоя душа принадлежитъ барину и записана за нимъ по ревизіи, а потому, любя душою, ты своевольно распоряжаешься чужою собственностью, и т. п. Любопытно, что драма Раупаха изъ русскаго быта обратила на себя вниманіе славянскихъ писателей и была переведена на чешскій языкъ [299]).

Изъ Парижа переселившись въ Харьковъ, на каѳедру исторіи, географіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, *Дегуровъ* перешелъ оттуда въ Петербургъ профессоромъ французской словесности въ педагогическомъ институтѣ; вслѣдствіе катастрофы, на него возложено было преподаванiе всеобщей исторіи въ университетѣ вмѣсто удаленнаго Раупаха. Въ воспоминаніяхъ Роммеля встрѣчаемъ такую характеристику его сослуживца по Харьковскому университету: «*Дюгуръ*, перекрещенный при переводѣ въ русское подданство *Дегуровымъ*, въ прежнее время былъ, какъ разсказывали, книгопродавцемъ и издателемъ въ Парижѣ; потомъ, отпечатавъ, послѣ обвиненія Людвига XVI, рѣчи въ его защиту, бѣжалъ въ Британію, женился на англичанкѣ и оттуда вывезенъ какимъ-то русскимъ княземъ. По званію онъ былъ профессоръ исторіи, а въ сущности имѣлъ у насъ особенное значеніе, какъ ревизоръ училищъ и дипломатъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ столкновеніе университета съ герцогомъ Ришелье. Знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій характеръ и ловкое умѣнье всегда соблюдать свою выгоду дѣлали его опаснымъ соперникомъ для всякаго; презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими. Назначенный впослѣдствіи ректоромъ Петербургскаго университета, онъ вышелъ на болѣе просторную арену, объѣздилъ Германію и Францію, доказалъ свою страсть къ космополитическимъ проектамъ сочиненіемъ о воспитательныхъ домахъ въ Европѣ» [300]). Въ сношеніяхъ съ обществомъ, въ кругу ученыхъ и литераторовъ, онъ прикидывался либераломъ и порицалъ насильственныя мѣры, отыскивая слѣдовъ ихъ во всѣхъ подроб-

ностяхъ русскаго быта; самое гостепріимство и хлѣбосольство русскихъ онъ объяснялъ вліяніемъ продолжительнаго гнета, который, лишая ихъ личной и общественной свободы, заставлялъ считать вѣрнымъ и неотъемлемо имъ принадлежащимъ только то, что ими съѣдено и выпито. Въ оффиціальномъ мірѣ онъ вовсе не высказывалъ отвращенія къ насилію и произволу, являлся краснорѣчивымъ ораторомъ реакціи и восхвалялъ благодѣтельныя слѣдствія разгрома Петербургскаго университета.

Профессоръ географіи *Зябловскій* началъ свое педагогическое поприще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія учителемъ Колыванскаго народнаго училища, откуда перешелъ профессоромъ въ учительскую гимназію, замѣненную впослѣдствіи педагогическимъ институтомъ. Еще во время учительства своего въ Колыванскомъ главномъ народномъ училищѣ, Зябловскій, путешествуя на собственныя скудныя средства по разнымъ мѣстамъ бывшаго Колыванскаго намѣстничества, собиралъ матеріалы для топографическаго и статистическаго описанія края, которое и было представлено въ рукописи министру народнаго просвѣщенія Завадовскому. По преобразованіи учительской гимназіи въ педагогическій институтъ, Зябловскій, встрѣчая затрудненія въ преподаваніи географіи, составилъ и издалъ Россійское землеописаніе, въ двухъ частяхъ, послужившее руководствомъ какъ въ самомъ институтѣ, такъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. По порученію главнаго правленія училищъ составлено имъ Краткое россійское землеописаніе, выдержавшее нѣсколько изданій. Въ 1808 году Зябловскій издалъ статистическое описаніе Россіи съ предварительными понятіями о статистикѣ и съ общимъ обозрѣніемъ Европы въ статистическомъ отношеніи, трудъ, въ то время единственный въ своемъ родѣ. Два года спустя онъ издалъ Землеописаніе Россійской Имперіи, въ шести томахъ, которое современники называли магазиномъ для справокъ. Чтеніе публичныхъ лекцій гражданскимъ чиновникамъ, открытыхъ по мысли Сперанскаго, побудило Зябловскаго издать курсъ всеобщей исторіи въ пособіе своимъ слушателямъ. Вслѣдствіе успѣховъ науки и накопленія новыхъ данныхъ, потребовалось вторичное изданіе статистическаго описанія Россіи, которое и вышло въ измѣнен-

номъ, переработанномъ видѣ. Недостатокъ въ руководствѣ по всеобщей географіи для высшихъ учебныхъ заведеній и быстрая измѣняемость данныхъ, зависящая отъ политическихъ обстоятельствъ, послужили поводомъ къ изданію курса всеобщей географіи, въ четырехъ томахъ. Учебники какъ всеобщей, такъ и русской географіи изданы имъ въ болѣе полномъ видѣ для гимназій, а въ сокращенномъ для уѣздныхъ училищъ. По порученію министра морскихъ силъ написаны Зябловскимъ начальныя основанія лѣсоводства. Всѣ труды Зябловскаго составляли (въ началѣ 1825 года) въ общей сложности около семи сотъ тридцати печатныхъ листовъ и удовлетворяли насущнымъ потребностямъ преподаванія его науки въ училищахъ всѣхъ степеней и разрядовъ[301]).

Замѣчательный образецъ безграничной любви къ наукѣ, доходящей до самоотверженія, представляетъ ученая дѣятельность профессора астрономіи *Вишневскаго*, избраннаго въ дѣйствительные члены Академіи наукъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Лучшіе годы жизни своей Вишневскій провелъ въ ученыхъ путешествіяхъ по Россіи, перенося величайшія трудности и опасности, жертвуя здоровьемъ, отрекаясь отъ всѣхъ житейскихъ удобствъ и наслажденій. Опредѣливъ безчисленными астрономическими наблюденіями географическое положеніе болѣе трехъ сотъ мѣстъ, онъ въ то же время открылъ комету, напрасно отыскиваемую подъ яснымъ небомъ Италіи и Франціи. Въ теченіе десяти лѣтъ Вишневскій, изъѣздивъ болѣе девяноста семи тысячъ верстъ, сдѣлалъ наблюденія въ двухъ стахъ девяносто восьми городахъ сорока семи губерній [302]).

На каѳедрахъ Петербургскаго университета, со времени его учрежденія, явились лица, достоинства и заслуги которыхъ обѣщали университету счастливую будущность. Но въ то время, когда онъ только собирался съ силами, и первые профессора приступили къ открывшейся предъ ними дѣятельности, происходила невидимая, подземная работа, грозившая смертью едва сложившемуся организму. Первоначальный составъ Петербургскаго университета и направленіе читаемыхъ въ немъ лекцій сближали его, до нѣкоторой сте-

пени, съ университетами первыхъ годовъ царствованія Александра I, отличавшимися стремленіемъ къ свободѣ изслѣдованія и либеральными началами, положенными въ основу университетской жизни. Въ философскихъ наукахъ господствовали преимущественно идеи Шеллинга, въ политическихъ—идеи Шлецера и другихъ ученыхъ, проникнувшихъ въ глубь предмета и требовавшихъ разумнаго выбора, пониманія и истолкованія данныхъ, вносимыхъ въ область науки.

Съ новою тогда философіею Шеллинга знакомилъ университетскихъ слушателей и отчасти русское общество профессоръ Галичъ. Начавши образованіе свое съ Сѣвской духовной семинаріи, Галичъ продолжалъ его въ педагогическомъ институтѣ и довершилъ заграницею, куда отправленъ былъ для усовершенствованія въ философіи. Имѣя въ виду научныя потребности молодого поколѣнія, посѣщающаго университетскія аудиторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любознательную публику вообще, Галичъ издалъ замѣчательную для своего времени исторію философскихъ системъ. Руководствуясь преимущественно Сохеромъ, а также Астомъ, Буле, Теннеманомъ, Вейлеромъ и другими учеными, Галичъ представилъ очеркъ философіи въ исторической послѣдовательности, отъ первыхъ началъ ея у древнихъ до позднѣйшаго развитія въ Европѣ и въ особенности въ Германіи. Онъ обогатилъ свой трудъ обстоятельными библіографическими указаніями и, для облегченія читателей, приложилъ словарь съ объясненіемъ философскихъ терминовъ. Находя, что система Шеллинга «еще не для насъ», Галичъ изложилъ подробно ея содержаніе, уступая, по его собственнымъ словамъ, требованію многихъ читателей разнаго рода званія. Сообразно съ своею цѣлью—представить ходъ человѣческой мысли, авторъ приводитъ мнѣнія различныхъ философовъ, смотрѣвшихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія на человѣка и природу. Ни философія, ни поэзія,—говоритъ онъ, — не постигли тайны, двигающей человѣчество въ теченіе тысячелѣтій; но «какъ ни многоразличны формы, въ какихъ обнаруживается благороднѣйшая, внутренняя жизнь духа, въ каждой изъ нихъ она ощутительно дѣйствуетъ и движется слабѣе или сильнѣе. Рѣдко являются самыя идеи въ полномъ блескѣ; но и блѣд-

ное уже мерцаніе ихъ сквозь туманы заблужденій не значитъ ли, что свѣтъ истины—свѣтъ, незаходимый для человѣчества». Съ сочувствіемъ отзывается онъ о Якоби, замѣнившемъ философію вѣрою и утверждавшемъ, что источникъ всего существующаго не природа и не разумный духъ человѣка, а Богъ, какъ безконечная и безусловная причина; бытіе Божіе столь же нуждается въ доказательствѣ, какъ и бытіе человѣка. Въ изложеніи философомъ древнѣйшихъ христіанскихъ писателей авторъ говоритъ: «Малоуспѣшно было покушеніе Тертулліана и риторовъ Арнобія и Лактанція—возвысить откровенную мудрость на счетъ разума и его произведеній, такъ какъ откровеніе едва ли уничтожитъ разумъ, потому что такое уничиженіе касалось бы или неудачныхъ опытовъ сего послѣдняго, или же общаго виновника и откровенія, и разума. Съ появленіемъ александринизма, коего полюсы столь многократно притягивали и отталкивали полюсы христіанства, открылось жаркое преніе между обѣими сторонами, возженное еще болѣе участіемъ верховныхъ главъ государства. Императоръ Юліанъ, отклоненный судьбами до восшествія на престолъ отъ христіанской вѣры и заслуживавшій быть поборникомъ лучшаго дѣла, старался исправленіемъ язычества дать ему новую силу и возвысить въ новее достоинство,—затѣи, которыя непремѣнно рушились бы сами собою, еслибы и продлилось даже его царствованіе. Напослѣдокъ споръ кончился обыкновенною сдѣлкою, а именно откровенію и разуму отдано то, что каждому изъ нихъ слѣдовало. Философія признана по крайней мѣрѣ нужною и полезною для утвержденія христіанскихъ ученій. Такое выгодное объ ней мнѣніе вскорѣ взяло верхъ, и учители церкви дѣлались въ свою очередь учениками язычниковъ». Называя сомнѣніе необходимою пружиною для развитія философіи, онъ признаетъ права скептицизма во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія, говоря: «необыкновенно и ново было употребленіе скептицизма на утвержденіе откровенныхъ истинъ, а особливо непреложнаго суда вѣры; какъ иначе возвеличить благодать, ежели не глубокимъ униженіемъ естественнныхъ силъ познанія и воли? какъ побѣдительнѣе явить необходимость вѣры, ежели не подробнымъ изображеніемъ тьмочисленныхъ заблужденій самонадѣяннаго

ума. Сей образъ мыслей питали Паскаль, Боссюетъ и другіе; ему много способствовалъ Бель, ученѣйшій мужъ своего времени,—принятою имъ методою выставлять о каждомъ философскомъ предметѣ сужденія двухъ или многихъ партій, приводить доводы во всей силѣ, и т. д.» [303]). Такія и подобныя понятія объ отношеніи вѣры къ знанію, соединившись съ другими обстоятельствами, были поводомъ къ обвиненію Галича со стороны лицъ, клеймившихъ философію Шеллинга названіемъ нечестивой и требовавшихъ безусловнаго господства вѣры, какъ единаго, верховнаго начала въ политикѣ и воспитаніи, преобразуемомъ по духу священнаго союза.

Той же участи, что книга Галича, подверглось и сочиненіе Арсеньева, а равно и лекціи обоихъ профессоровъ. Во взглядѣ на статистику Арсеньевъ, подобно наставнику своему Герману, слѣдовалъ Шлецеру, признававшему статистику наукою политическою, а не историческою или географическою. Сообразно съ такимъ воззрѣніемъ, существенное содержаніе статистики составляютъ: народонаселеніе страны, промышленность или источники народнаго богатства, образованность народа, государственное устройство (Staatsverfassung) и государственное управленіе (Staatsverwaltung). Хотя задачу статистики нѣкоторые ограничивали одними фактическими показаніями, цифрами и числами, Шлецеръ требовалъ мыслящей статистики—statistique raisonnée и оцѣнки фактовъ для опредѣленія ихъ мѣста въ статистикѣ. Раздѣляя взглядъ знаменитаго ученаго, Арсеньевъ касался разнообразныхъ вопросовъ: говорилъ объ ассигнаціяхъ—при обозрѣніи монетной системы въ Россіи; о крѣпостномъ правѣ—по поводу большей или меньшей производительности труда; о судопроизводствѣ — при разсмотрѣніи государственнаго управленія, и т. п. Въ числѣ опаснѣйшихъ мѣстъ въ книгѣ Арсеньева указаны были слѣдующія: «Человѣкъ, неувѣренный въ полномъ возмездіи за трудъ свой, въ половину не произведетъ того, что въ состояніи сдѣлать человѣкъ, свободный отъ всякихъ узъ принужденія. Доказано, что земля, воздѣланная вольными крестьянами; даетъ обильнѣйшіе плоды, нежели земля одинакаго качества, обработанная крѣпостными. Истина непреложная, утвер-

ждается опытами многихъ вѣковъ протекшихъ, что свобода промышленника и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ пріумноженіи богатства частнаго и общественнаго, и что для поощренія къ большей дѣятельности нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная, неограниченная ничѣмъ гражданская личная свобода—единый истинный источникъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности... Судьи и подчиненные чиновники въ Россіи руководствуются въ производствѣ дѣлъ и въ рѣшеніяхъ разными древними законами и многими указами. Старыхъ и новыхъ указовъ и учрежденій считается болѣе семидесяти тысячъ. Многіе изъ послѣдовавшихъ противорѣчатъ и даже отвергаютъ предшествовавшіе. Люди, опытностію или прилежнымъ чтеніемъ пріобрѣвшіе познаніе въ законахъ, одни имѣютъ силу вязать и рѣшить, и хорошо, еслибъ судъ ихъ былъ праведенъ; но, къ сожалѣнію, знающіе стряпчіе, руководимые не безпристрастіемъ, а лихоимствомъ, часто разрѣшаютъ виновныхъ и запутываютъ невинныхъ, но неопытныхъ, въ сѣтяхъ ложнаго толкованія законовъ. Несвѣдующіе крестьяне, вовлеченные въ тяжебныя дѣла, прежде окончанія своего иска, часто бываютъ добычею неправильныхъ притязаній судей въ низшихъ инстанціяхъ»[304]).

Вмѣстѣ съ книгою и лекціями Арсеньева осуждены были сочиненія и лекціи наставника его Германа, а также и профессора всеобщей исторіи Раупаха, обвиненнаго въ томъ, что языческую теогонію признавалъ ученіемъ истиннымъ, изъ котораго развились религіи еврейская и христіанская, и слушателямъ своимъ внушалъ понятія, ведущія къ атеизму и матеріализму.

Судъ надъ четырьмя профессорами: Арсеньевымъ, Галичемъ, Германомъ и Раупахомъ, представляетъ замѣчательное явленіе не только въ исторіи Петербургскаго университета, но и въ нашей общественной жизни того времени. Судъ прошелъ черезъ три или четыре инстанціи: первоначально дѣло разсматривалось въ общемъ собраніи университета, затѣмъ въ главномъ правленіи училищъ и министромъ народнаго просвѣщенія, перенесшимъ его въ комитетъ министровъ. Указывая главныя обстоятельства въ ходѣ дѣла, мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ данныя, вполнѣ разъясняющія его

характеръ и замѣчательныя во многихъ другихъ отношеніяхъ. Будучи любопытнымъ матеріаломъ для характеристики времени, списанные съ подлинниковъ, иногда собственноручныхъ, прилагаемые документы служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ университетской науки, какъ напримѣръ обширныя выписки изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ. Мы передаемъ событіе со всею точностью, на основаніи достовѣрнѣйшихъ данныхъ, хранящихся въ различныхъ архивахъ.

Не прошло и двухъ полныхъ лѣтъ со времени открытія университетскихъ курсовъ, какъ исправляющій должность попечителя Петербургскаго округа Руничъ представилъ главному правленію, что философскія и историческія науки преподаются въ университетѣ въ духѣ, противномъ христіанству, и въ умахъ студентовъ вкореняются идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія. Вслѣдствіе этого немедленно пріостановлены лекціи профессоровъ: Галича, Раупаха, Германа и Арсеньева. Заключеніе объ опасности ихъ ученія сдѣлано на основаніи тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, составлявшихъ лекціи [305]). Въ главномъ правленіи училищъ читаны были выписки изъ студентскихъ тетрадей по лекціямъ профессоровъ: Германа и Арсеньева по статистикѣ, Галича по философіи и Раупаха по всеобщей исторіи. Главное правленіе—сказано въ протоколѣ засѣданія—съ содроганіемъ и крайнимъ изумленіемъ увидѣло, что въ лекціяхъ отвергается достовѣрность священнаго писанія и находятся дерзкія хулы на распоряженія правительства, и къ крайнему прискорбію убѣдилось въ томъ, что сотни молодыхъ людей, подъ видомъ обученія высшимъ наукамъ, систематически напитываемы были смертоносною отравою для разсѣянія по всему отечеству пагубныхъ сѣмянъ невѣрія, богоотступничества и мятежническихъ правилъ, которыя потрясли уже передъ нашими глазами крѣпость другихъ государствъ. Членъ правленія, графъ Лаваль, пораженный читанными выписками изъ лекцій, заявилъ о необходимости вывести вовсе изъ употребленія тѣ излишнія науки, которыя введены въ новѣйшее время въ университеты, по его мнѣнію, безъ всякой нужды и къ видимому вреду частному и общему [306]). Другой членъ правленія, Фусъ, по-

далъ мнѣніе, что хотя въ лекціяхъ профессоровъ и есть мѣста, по нынѣшнимъ бурнымъ временамъ, неосторожныя и несогласныя съ священнымъ писаніемъ, но явной системы опроверженія христіанства, равно какъ и явной хулы на распоряженія правительства, онъ не примѣтилъ или можетъ быть не дослышалъ. Подозрительныя мѣста въ лекціяхъ онъ приписываетъ не злому умыслу, а недостаточному разсужденію о вредѣ, могущемъ произойти для молодыхъ людей отъ подобнаго ученія, хотя оно и заимствовано изъ извѣстнѣйшихъ писателей. Прежнее начальство, представлявшее профессоровъ къ наградамъ, Фусъ оправдывалъ тѣмъ, что это дѣлалось въ такое время, когда большая часть упомянутыхъ мѣстъ *еще не была почитаема подозрительною*. Рѣшено было потребовать отъ профессоровъ отвѣтовъ и для этого составить вопросные пункты, соотвѣтственно вреднымъ и ложнымъ началамъ ученія. Вопросные пункты составлены были членами правленія: Лавалемъ, Магницкимъ, Руничемъ и директоромъ департамента народнаго просвѣщенія Поповымъ, и препровождены въ университетъ для отобранія письменныхъ отвѣтовъ, которые, вмѣстѣ *съ мнѣніемъ университета*, требовалось представить въ главное правленіе училищъ [307]).

Въ университетѣ происходили, днемъ и ночью, чрезвычайныя собранія, 3-го, 4-го и 7-го ноября 1821 года, продолжавшіяся непрерывно въ теченіе девяти и даже одиннадцати часовъ [308]). Всѣмъ дѣломъ заправляли попечитель Руничъ и директоръ университета Кавелинъ, отбиравшіе отвѣты и бывшіе въ одно и то же время и обвинителями, и судьями. Изъ двадцати членовъ конференціи, восемь признали отвѣты Германа и Раупаха неудовлетворительными, три—не только неудовлетворительными, но и оскорбительными, пять недостаточными, а четыре доказывали необходимость выдать обвиняемымъ тетради, на основаніи которыхъ сдѣлано обвиненіе. Только девять членовъ признали подсудимыхъ вполнѣ виновными; остальные или допускали виновность ихъ только въ томъ случаѣ, если будетъ положительно доказано, чта выписки справедливы, или же вовсе отказывались отъ подачи мнѣній, на томъ основаніи, что обвиняемымъ не дано ни малѣйшихъ средствъ въ оправда-

нію, вопреки не только нравственному чувству, но и существующимъ постановленіямъ. Поступокъ Галича, просившаго не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія, произвелъ всеобщее недоумѣніе, и Руничъ взялся быть ходатаемъ о грѣшникѣ, въ обращеніи котораго принималъ большое участіе вмѣстѣ съ Кавелинымъ. Въ Арсеньевѣ признавали талантъ даже судьи самые строгіе и оправдывали его разрушительнымъ духомъ времени, которымъ онъ могъ нечувствительно заразиться. Балугьянскій въ письменномъ мнѣніи доказывалъ, что обвиненные имѣютъ полное право оправдываться, принадлежащее имъ по самому указу 21-го декабря 1803 года, не говоря уже о генеральномъ регламентѣ, воинскомъ процессѣ, наказѣ. Онъ ссылается на то важное обстоятельство, что мысли, высказанныя Арсеньевымъ о томъ, что свободный трудъ производительнѣе крѣпостнаго и что лучшее поощреніе промышленности заключается въ гражданской свободѣ,—находятся въ актахъ нашего правительства, въ актахъ европейской политики, у писателей наиболѣе уважаемыхъ по политической экономіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Балугьянскій заявилъ, что редакція протоколовъ невѣрна, голоса условные причислены къ безусловнымъ, иное вставлено, иное перетолковано составителями протоколовъ. Плисовъ утверджалъ, что по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, и по силѣ всѣхъ гражданскихъ узаконеній, нельзя отказать обвиненнымъ въ средствахъ и способахъ къ оправданію. Соловьевъ писалъ: измученный засѣданіемъ, я далъ голосъ, что Германъ заслуживаетъ болѣе довѣрія, нежели Раупахъ; но совѣсть мучитъ меня: я содрогаюсь при мысли, что усомнился въ довѣріи съ лицамъ, которыя не обвинены законно; поэтому о благонадежности подсудимыхъ не могу дать никакого мнѣнія. Грефе ссылался на требованіе наказа слушать отвѣтчика не только для узнанія дѣла, въ которомъ его обвиняютъ, но и для того еще, чтобы онъ себя защищалъ, и въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ приводилъ слова Никодима: судитъ ли законъ нашъ человѣка, ежели прежде не выслушаютъ его и не узнаютъ, что онъ дѣлаетъ (Іоан. VII, 51).

Голоса въ защиту обвиненныхъ не были услышаны главнымъ правленіемъ училищъ которое признало ученіе Гер-

мана, усвоенное и Арсеньевымъ, и Раупаха вреднымъ, возмутительнымъ противъ христіанства и опаснымъ для государственнаго благосостоянія. Положено было: Германа и Раупаха удалить изъ университета, запретивъ имъ преподаваніе по министерству просвѣщенія вообще; книги: Германа, Краткое руководство ко всеобщей теоріи статистики, Всеобщая теорія статистики и Историческое обозрѣніе литературы статистики въ особенности Россійскаго государства; Галича, Исторію философскихъ системъ, и Арсеньева, Начертаніе статистики Россійскаго государства,—запретить не только въ преподаваніи, но и вообще въ употребленіи, для чего и вытребовать экземпляры этихъ книгъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. А такъ какъ обвиненные профессоры требуютъ, чтобы имъ даны были средства къ оправданію передъ лицами, имѣющими право разбирать подобныя дѣла, то предоставить такое разсмотрѣніе надлежащему судебному мѣсту *уголовнымъ* порядкомъ. Противъ суда въ уголовной палатѣ говорилъ Магницкій, основываясь на томъ, что и подсудимые, и общество назовутъ людей, подвергающихъ бездоказательно обвиненныхъ уголовной отвѣтственности, не судьями, а палачами! Магницкій предлагалъ выслать Германа и Раупаха за границу, и по долгу, налагаемому священнымъ союзомъ, продостеречь союзныя державы отъ этихъ опасныхъ людей [309]).

Министръ духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія, считая дѣло профессоровъ чрезвычайно гибельнымъ по своимъ слѣдствіямъ, представилъ его въ комитетъ министровъ съ замѣчательнымъ заключеніемъ:

Существо дѣла — говоритъ онъ — есть великой важности не только въ отношеніи къ учебной части, но и для всего государства вообще. Системы открытаго отверженія истинъ св. писанія и христіанства, соединяемыя всегда съ покушеніемъ испровергать и законныя власти, сіи ужасныя системы, заразившія головы новѣйшихъ ученыхъ, были послѣдствіемъ отпаденія отъ вѣры Христовой и причиною всѣхъ народныхъ мятежей и революціонныхъ бѣдствій, которыя потрясли многія государства, пролили потоки крови и нынѣ еще не перестаютъ нарушать спокойствіе Европы. Пагубная

мысль, внушенная врагомъ рода человѣческаго, приписывающая установленіе законныхъ властей не Богу, а народному соглашенію, происходитъ отъ одного источника съ невѣріемъ и вольнодумствомъ. Въ недавнее еще время она была мечтою малаго числа философовъ, а нынѣ сдѣлалась общимъ символомъ вѣры ученыхъ и основаніемъ всѣхъ почти наукъ. Превратная система, сомнѣваться въ достовѣрности божественнаго откровенія и замѣнять его лжеумствованіями и дерзновенными догадками мнимыхъ ученыхъ и философовъ, поколебала христіанство и обратила многихъ христіанъ въ мудрователей языческихъ. Та же самая система и по тѣмъ же побужденіямъ, дѣлая законныя власти зависящими отъ подвластныхъ имъ, предписываетъ обязанности только первымъ, а вторымъ предоставляетъ всѣ права. И науки, составленныя на основаніи несчастнаго подмѣна божественныхъ откровеній человѣческими выдумками, вопреки всякой истинѣ и здравому смыслу, ограждаются пышными наименованіями учености, просвѣщенія, образованности, собственныхъ силъ разума и тому подобными, свергаютъ съ человѣка всѣ узы повиновенія, разрываютъ связи общественныя, искореняютъ алтари, ниспровергаютъ престолы и обращаютъ весь порядокъ благоустроеннаго общества въ бурный хаосъ. Толь вредный духъ ученія проникъ и къ намъ. Посему надлежитъ положить ему скорыя и твердыя преграды. Отъ образа рѣшенія этого дѣла зависитъ остановить распространеніе пагубныхъ слѣдствій такого ученія не только въ здѣшнемъ университетѣ и округѣ, но и въ прочихъ. Ни малѣйшему сомнѣнію не подвержена вредность системы ученія Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева. Даже университетъ призналъ ученіе ихъ вреднымъ, хотя нѣкоторые члены его заражены тѣмъ же лживымъ духомъ ученія. Желаніе ихъ оправдывать разрушительное и пагубное ученіе не есть ли доказательство упорной ихъ наклонности распространять его всѣми средствами, какъ полезное и истинное? Полагаю мнѣніемъ: Германа и Раупаха выслать изъ Россіи, давши имъ нѣкоторую сумму для выѣзда за границу изъ личной по человѣчеству имъ пощады, но надо въ иностранныхъ газетахъ напечатать причину высылки ихъ изъ Россіи; книги ихъ запретить въ употребленіи; Галича оставить при университетѣ, но въ дру-

гой должности; Арсеньеву запретить преподаванiе въ учебныхъ заведенiяхъ какого бы то ни было вѣдомства, предоставивъ избрать другой родъ гражданской службы; Рунича утвердить попечителемъ и наградить за открытiе [310]).

Въ комитетъ министровъ представлены и выписки вредныхъ мѣстъ въ книгахъ и лекцiяхъ профессоровъ съ замѣчанiемъ, что выписки эти даютъ ясное понятiе о системѣ, которая вся основана на ложныхъ началахъ отверженiя всякаго божественнаго откровенiя и законности верховныхъ властей: ученiе Раупаха и Галича устремлено къ ниспроверженiю перваго, а ученiе Германа и Арсеньева болѣе возстаетъ противъ второго, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и Германъ явно высказываетъ вредныя мысли свои о христiанскихъ истинахъ [311]). Къ дѣлу былъ приложенъ и подлинный журналъ главнаго правленiя училищъ 24-го ноября 1821 года, въ которомъ говорилось объ уголовномъ судѣ. Но о немъ и не упоминалось въ комитетѣ министровъ, гдѣ высказывались, хотя и по другому поводу, подобныя мнѣнiя: если не будетъ дѣлано различiя между подозрѣнiемъ и преступленiемъ и по каждому доносу безразборно предаваемы будутъ уголовному суду, то всѣ чиновники въ Россiи могутъ найтиться подъ судомъ, и ни одинъ честный, съ малѣйшимъ благоразумiемъ, человѣкъ, не пожелаетъ принять на себя никакой должности. Это мнѣнiе принадлежитъ Мордвинову, но съ нимъ согласился и Аракчеевъ.

Комитетъ министровъ, по внимательномъ разсмотрѣнiи дѣла, единогласно призналъ ученiе, заключающееся въ представленныхъ министромъ народнаго просвѣщенiя выпискахъ изъ лекцiй профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева,—вреднымъ, но въ отношенiи самихъ профессоровъ произошли разныя мнѣнiя. Пять членовъ: графъ Аракчеевъ, князь Я. Лобановъ-Ростовскiй, Шишковъ, баронъ Кампенгаузенъ и Моллеръ полагали: удалить Германа, Раупаха и Арсеньева изъ Петербургскаго университета, запретивъ имъ преподаванiе въ учебныхъ заведенiяхъ вообще. А другiе пять членовъ: графъ Кочубей, графъ Гурьевъ, князь Д. Лобановъ-Ростовскiй, графъ Милорадовичъ и графъ Нессельродъ, считали достаточнымъ удаленiе только изъ университета, ибо по другимъ вѣдомствамъ, при бдительномъ над-

зорѣ, котораго въ университетѣ вовсе не было, не будетъ допущено никакое вредное ученіе. Соглашаясь на утвержденіе Рунича попечителемъ, комитетъ допускалъ это отнюдь не въ видѣ награды, потому что Руничъ, открывши въ университетѣ вредное ученіе, исполнилъ только свою обязанность. Предсѣдатель военнаго департамента государственнаго совѣта предложилъ слѣдующее мнѣніе: какъ настоящее дѣло открываетъ, что вредное ученіе предподаваемо было въ здѣшнемъ университетѣ нѣсколько уже лѣтъ, и не только не были приняты мѣры къ пресѣченію зла, но, напротивъ того, изданы въ свѣтъ и даже допущены въ руководство на самихъ лекціяхъ книги, заключающія въ себѣ правила и мнѣнія непозволительныя, то поручить министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія составить комитетъ для изысканія, кѣмъ начально допущено въ университетѣ вредное ученіе и кто виноватъ какъ въ непринятіи мѣръ къ его пресѣченію, такъ и въ дозволеніи печатать и употреблять для лекцій означенныя книги. Съ этимъ мнѣніемъ согласились петербургскій военный генералъ-губернаторъ и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Но прочіе члены: управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, предсѣдатель департамента экономіи государственнаго совѣта, министръ финансовъ, министръ юстиціи, предсѣдатель департамента законовъ государственнаго совѣта, вице-адміралъ Шишковъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и начальникъ морского штаба, признали, что производить подобное розысканіе, за давностью времени, было бы неудобно, да и могли бы въ обществѣ произойти разные толки, непріятные для самого правительства, не обращавшаго вниманія на зло, такъ близко и такъ долго происходившее. Особыя мнѣнія по дѣлу о профессорахъ представили: вице-адміралъ Шишковъ, князь Алексѣй Куракинъ и баронъ Кампенгаузенъ [312]). Признавая ученіе обвиненныхъ профессоровъ вреднымъ, комитетъ министровъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что если главное начальство народнаго просвѣщенія, не ограничась однимъ удаленіемъ неблагонадежныхъ профессоровъ, признало нужнымъ предать ихъ суду, то должно было произвести его сообразно съ общимъ порядкомъ, установленнымъ для суда, т. е. выслушать всѣ

оправданія обвиняемыхъ, чтобы въ случаѣ ихъ неудовлетворительности, обратить на виновныхъ всю строгость отвѣтственности. Но, вопреки всякому порядку, тотъ самый, кто открылъ вредное ученіе по университету, т. е. исправляющій должность попечителя, былъ потомъ и въ числѣ слѣдователей, и въ числѣ судей надъ обвиняемыми, чтò совершенно противно существующимъ постановленіямъ. Поэтому, положено было: 1) Дозволить профессорамъ Герману, Раупаху и адъюнктъ-профессору Арсеньеву представить къ своему оправданію все то, чтò они признаютъ нужнымъ, ни малѣйшимъ образомъ не стѣсняя ихъ въ этомъ отношеніи. 2) Для разсмотрѣнія всего дѣла вмѣстѣ съ оправданіями, какія вновь будутъ представляемы отъ обвиняемыхъ профессоровъ, составить особую комиссію изъ трехъ членовъ комитета министровъ: князя Лобанова-Ростовскаго, барона Кампенгаузена и Шишкова, и изъ двухъ членовъ главнаго правленія училищъ: графа Ливена и графа Лаваля. Но новаго суда надъ профессорами Петербургскаго университета не было. Въ февралѣ 1827 года объявлено Высочайшее повелѣніе считать дѣло о профессорахъ оконченнымъ.

Въ концѣ 1821 года началось преобразованіе едва учрежденнаго Петербургскаго университета, состоявшее въ удаленіи профессоровъ, занимавшихъ почетное мѣсто въ ряду преподавателей, и во введеніи въ университетскую жизнь новыхъ началъ, обнаружившихся съ особенною силою въ дѣятельности ученаго комитета. Хотя въ 1823 году было торжественно объявлено, въ рѣчи профессора Дегурова, объ окончательномъ водвореніи новыхъ началъ въ университетѣ, но имъ не суждено было развиваться и преподаваніе скоро утратило слѣды произведенной реформы. Въ теченіе 1824 и 1825 годовъ число университетскихъ преподавателей, включая сюда какъ профессоровъ, такъ и адъюнктовъ, кандидатовъ и лекторовъ, не превышало 34, изъ которыхъ только половина состояла изъ лицъ, уцѣлѣвшихъ отъ университетскаго разгрома, остальные опредѣлены послѣ катастрофы. О характерѣ и направленіи университетскаго преподаванія можно отчасти судить по выбору руководствъ при изложеніи предметовъ на лекціяхъ. Объявленія о лекціяхъ, помѣщавшіяся, съ основанія университета, въ Петербургскихъ Вѣ-

домостяхъ, стали издаваться отдѣльными книжками съ присоединеніемъ трудовъ профессоровъ; къ объявленію о лекціяхъ 1824 года присоединено историческое изслѣдованіе профессора Сенковскаго о гуннахъ, туркахъ и монголахъ — Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turcs et des Mogols; къ объявленію 1825 года приложено сочиненіе профессора Грефе: Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ греческой и римской древности русскимъ языкомъ и обычаями—Antiquitatis græcæ et romanæ loca quædam, e Russorum lingua et usibus illustrata. Въ 1824 и 1825 годахъ въ Петербургскомъ университетѣ читались слѣдующіе курсы:

Профессоръ *Павскій*, докторъ богословія, излагалъ систему христіанскаго нравоученія, а также исторію новозавѣтной церкви, руководствуясь церковною исторіею, изданною для духовныхъ училищъ; объяснялъ псалтырь, евангеліе отъ Луки и посланіе апостола Павла къ римлянамъ, давши предварительно подробное понятіе о книгахъ ветхаго и новаго завѣта по руководству къ чтенію св. писанія, составленному митрополитомъ Амвросіемъ.

I. Въ факультетѣ историко-филологическомъ:

Профессоръ *Зябловскій* излагалъ всеобщую статистику по руководству Гейма, Гасселя и Мейзеля; русскую статистику по собственному сочиненію.

Профессоръ *Грефе* объяснялъ Теокрита, Ѳукидида, Саллюстія и оды Горація.

Профессоръ *Толмачевъ* изглагалъ исторію русской словесности съ критикою классическихъ прозаиковъ и поэтовъ, по собственнымъ запискамъ, упражняя въ то же время студентовъ въ русскомъ слогѣ.

Профессоръ *Дегуровъ* читалъ исторію среднихъ вѣковъ и новѣйшую по руководству Коха съ нѣкоторыми прибавленіями и перемѣнами; исторію французскаго языка и словесности съ разборомъ писателей во всѣхъ родахъ.

Профессоръ *Сенковскій* преподавалъ языки: арабскій и турецкій. Въ изложеніи грамматическихъ свойствъ арабскаго языка руководствовался сочиненіями Сильвестра де-Саси и Ариды; текстъ арабскихъ писателей объяснялъ на араб-

скомъ же языкѣ. Объяснялъ избранныя мѣста изъ турецкихъ поэтовъ и историковъ и, между прочимъ, описаніе походовъ Румянцова — сочиненіе Ахмедъ-Эфенди. Читалъ краткій курсъ восточной литературы и восточной географіи, приспособленный къ потребностямъ оріенталистовъ, упражняя студентовъ въ сочиненіяхъ на арабскомъ и турецкомъ языкѣ.

Профессоръ *Бутырскій* читалъ риторику по руководству Гейнсіуса; піитику по теоріи Бутервека съ нѣкоторыми перемѣнами и добавленіями.

Профессоръ *Поповъ* преподавалъ греческій и латинскій языки, переводя лучшія мѣста изъ греческихъ и римскихъ писателей и упражняя студентовъ въ сочиненіи на латинскомъ языкѣ.

Профессоръ *Роговъ* читалъ древнюю исторію по руководству Кайданова съ дополненіями изъ Ролленя, Боссюэта и Ферранда; исторію Россіи по руководству, изданному главнымъ правленіемъ училищъ, съ дополненіями изъ Карамзина и другихъ русскихъ историческихъ писателей.

Адъюнктъ *Мирза Джафаръ-Тобчибашы* объяснялъ персидскихъ писателей и упражнялъ слушателей въ разговорѣ и сочиненіяхъ на персидскомъ языкѣ.

Лекторъ *Тилло* преподавалъ французскій языкъ по руководству Будри, употребляя для переводовъ съ французскаго языка книгу Ноэля.

Лекторъ *Полнеръ* — нѣмецкій языкъ по руководству Шумахера.

Кандидатъ *Крыловъ* — древнюю исторію по Кайданову и среднюю по Коху; географію по руководству Зябловскаго.

Кандидатъ *Брутъ* — географію древнюю и среднюю, слѣдуя Данвилю; начальныя основанія латинскаго языка съ объясненіемъ писателей.

Кандидатъ *Соколовъ* — правила прозы по руководству Эшенбурга и Толмачева; грамматику греческаго языка.

Кандидатъ *Волковъ* — начала арабскаго языка.

Кандидатъ *Грацилевскій* — начала персидскаго языка.

II. Въ факультетѣ философско-юридическомъ:

Профессоръ *Лодій* — естественное право по руководству де-Мартини: De lege naturali positiones. Viennæ. 1782; право публичное и народное также по книгѣ де-Мартини: Positiones de jure civitatum et gentium; уголовное право по сочиненію Фейербаха, переведенному имъ на русскій языкъ.

Профессоръ *Толмачевъ* — теоретическую философію по руководству Карпе; практическую философію и исторію философскихъ системъ по собственнымъ запискамъ.

Профессоръ *Боголюбовъ* — русское гражданское и уголовное право съ гражданскимъ и уголовнымъ судопроизводствомъ и исторію русскаго права, по собственнымъ запискамъ.

Профессоръ *Пальминъ* — нравоучительную философію по книжкѣ Cours de philosophie redigé par Mangras и исторію философскихъ системъ по сочиненію Таннемана: Grundriss der Geschichte der Philosophie.

Профессоръ *Бутырскій*—политическую экономію и науку о финансахъ по теоріи Адама Смита съ прибавленіями изъ Сея: Traité d'économie politique и другихъ.

Профессоръ *Шнейдеръ* — римское право по руководству Макельдея; исторію и древности римскаго права по руководству Швеппія Römische Rechtsgeschichte und Rechtsalterthümer. Götting. 1822.

Кандидатъ *Елпатьевскій* — теорію уголовнаго права по Фейербаху.

Кандидатъ *Рождественскій* — логику по Баумейстеру.

III. Въ факультетѣ физико-математическомъ:

Профессоръ *Чижовъ* — механику по руководству Франкера съ дополненіями; дифференціальныя и интегральныя вычисленія по руководству Лакруа: оптику по собственнымъ запискамъ.

Профессоръ *Соловьевъ* — химію по руководству Тенара, съ примѣненіемъ къ технологіи.

Профессоръ *Вишневскій* — астрономію по руководству Деламбра: Abregé d'astronomie théorique et pratique. Paris. 1813.

Профессоръ *Соколовъ*, оберъ-бергмейстеръ, минералогію по системѣ Гаю (Найу) и геогнозію по системѣ Добюисона (D'Aubuisson).

Профессоръ *Ржевскій* — зоологію по системѣ Кювье.

Профессоръ *Бонгардъ* — философію ботаники, на латинскомъ языкѣ, по сочиненію Декандоля: Théorie élementaire de la botanique. Paris. 1819.

Профессоръ *Щегловъ* — общую физику по собственному руководству; частную физику по Біо (Biot): Précis élémentaire de physique.

Профессоръ *Зембницкій* — физіологію растеній по руководству профессора Брисо-Мирбеля: Elémens de physiologie végétale et de botanique. Paris. 1815; исторію ботаники по руководству Вильденова (Wildenow) и прикладную ботанику (botanicem œconomicam) по собственнымъ запискамъ.

Старшій учитель *Анкудовичъ* — дифференціальныя и интегральныя исчисленія по руководству Лакруа съ нѣкоторыми измѣненіями; прямолинейную и сферическую тригонометрію; приложеніе алгебры къ геометріи.

Кандидатъ *Щегловъ* — начертательную геометрію по руководству Севастьянова; общую физику по руководству профессора Щеглова.

Старшій учитель *Шелеховскій* — начертательную геометрію по руководству Севастьянова.

Кандидатъ *Тихомировъ* — прямолинейную и сферическую тригонометрію по руководству Лакруа; аналитическую геометрію по руководству Біота.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Выписки вредныхъ мѣстъ изъ лекцій профессоровъ Германа, Раупаха и Арсеньева.

Выписки мѣстъ изъ лекцій профессора Германа.

О теоріи статистики.

Относительно къ вопросу четвертому.

Раздѣленіе статистики.

1.

Тетр. II.

Предметъ статистики есть государство. Оно есть такое учрежденіе большаго и меньшаго общества людей, по которому одни для безопасности покорили свою волю законамъ, а другіе наблюдаютъ оные и приводятъ ихъ въ дѣйство.... Двѣ главныя части статистики: народъ и правительство, о благосостояніи коихъ она и должна говорить, но спрашивается: которая же предшествуетъ? Часть управляемая всегда предшествуетъ управляющей. И потому статистикъ во-первыхъ долженъ говорить о состояніи народа, какъ части управляемой, а потомъ о способѣ управленія онымъ, какъ части управляющей.

2.

Тетр. III, стр. 65.

Монархія имѣетъ ту безцѣнную выгоду, что вся верховная власть соединена въ одномъ физическомъ лицѣ — монарха, который какъ Богъ единъ и всемогущъ на земли.

Онъ неограниченъ во власти, неограниченъ и въ благодѣяніяхъ къ своему народу; но жалко, что сіе мѣсто занято не ангеломъ, а человѣкомъ; жалко, что наслѣдуютъ его люди разныхъ характеровъ; что̀ одинъ созидаетъ, то другой по смерти его разрушаетъ.

О налогахъ.

3.

Тетр. V, стр. 114.

Налагать подать сію на капиталъ (какъ у насъ нынѣ) по оцѣнкѣ домовъ выгодно только для правительства; ибо оно имѣетъ постоянный банкъ, на коемъ налогъ основать можетъ; но чрезвычайно несправедливо въ разсужденіи гражданъ, ибо тогда они должны платить съ дома, который имъ не приноситъ никакого дохода.

4.

Тетр. V, стр. 118.

Поголовный налогъ несправедливъ потому, что оный не щадитъ никого. Бѣдный крестьянинъ равную несетъ тягость съ капиталистомъ.

О государственныхъ долгахъ.

5.

Тетр. VI, стр. 138.

Правительство когда умножаетъ бумажки, подданные думаютъ, что оно когда либо заплатитъ за сіи билеты, и сія увѣренность въ добромъ расположеніи правительства поддерживаетъ бумажки внутри государства. Намъ купецъ клянется, что ассигнація стоитъ напримѣръ 5 рублей, но иностранецъ другими глазами смотритъ на сіе. Онъ говоритъ, что эта бумажка стоитъ только $1^1/_4$ руб., ибо у васъ выпущено бумажекъ въ четверо болѣе, нежели сколько нужно, а потому и платить вы въ состояніи только $^1/_4$ часть.

6.

Тетр. VI, стр. 140.

Серебро и золото суть металлы, стоющіе труда и работы, и по своей цѣнности могутъ служить мѣрою всѣхъ вещей, мы же, напротивъ, хотимъ простою бумажкою измѣрять цѣнность оныхъ. Чрезвычайное зло для всѣхъ классовъ подданныхъ. По мѣрѣ того, какъ цѣнность золотыхъ и серебряныхъ денегъ поднимается или упадаетъ, и на все цѣнность возвышается или упадаетъ.

7.

Тетр. VI, стр. 140.

Признано, что бумажки вредны (кусокъ бумажки не есть кусокъ золота). Хотя болѣзнь сія сдѣлалась уже чувствительною во всей Европѣ, но лекарство для излеченія оной не вездѣ еще употребительно.

8.

Тетр. VI, стр. 147.

Правительство, ежели находится въ долгу, теряетъ нравственность—чиновники склонны къ грабежу. Кто занимаетъ важное мѣсто и худо за сіе награждается, тотъ имѣетъ вексель, позволеніе грабить, и самое начальство повинуется симъ законамъ необходимости. Такъ говорятъ экономисты.

9.

Тетр. VI, стр. 160.

Государь не можетъ быть судьею, ибо судья есть лицо, судящее по законамъ, ему даннымъ. Сіе особливо наблюдается во Франціи, гдѣ король ни во что не мѣшается въ дѣлахъ судебныхъ — рескрипты его или указы, въ судебныхъ дѣлахъ, касательно рѣшенія оныхъ, не принимаются. И такъ ex jure publico видно, что какъ несправедливо то, чтобы государь былъ судья, такъ равно несправедливо, чтобы судилъ и народъ, участвующій въ верховной власти.

10.

Тетр. VII, стр. 168.

Вотъ причина, по которой римляне предъ начатіемъ войны и по окончаніи оной посылали жрецовъ объявить волю боговъ народу. Посему самому и въ наше время всѣ трактаты начинаются: во имя Святыя Троицы.

Наши предки, будучи въ язычествѣ, заключали трактаты при Перунѣ, во время же христіанства—въ церкви.

11.

Тетр. VII, стр. 168.

При соблюденіи трактатовъ, Богомъ засвидѣтельствованныхъ, никто не можетъ быть обиженъ, и на семъ-то священномъ союзѣ основывается благо народа (которое ничто иное есть, какъ утвержденіе правилъ нравственности и основаніе блага народнаго), который въ настоящее время и утвержденъ между державами Европы.

12.

Тетр. VII, стр. 171.

Сія система (равновѣсія) продолжалась отъ Фридриха до 1814 года: но три изъ главнѣйшихъ державъ Европы: Пруссія, Австрія и Россія разрушили единогласно сію систему раздѣленіемъ Польши. Коль скоро подали сей примѣръ, то никто уже не могъ защищать своей собственности.

13.

Тетр. VIII, стр. 207.

Частный человѣкъ, сильный и добрый, не имѣетъ нужды скрывать своихъ чувствованій и показываться инымъ, нежели каковъ онъ есть. Слѣдовательно таинстволюбіе нужно для однихъ только слабыхъ и дурныхъ людей, дабы скрыть свои недостатки и злые умыслы. Подобно сему и государство.

14.

Тетр. VIII, стр. 208.

Во всей политикѣ Макіавелевой таинстволюбіе есть ключъ и душа всѣхъ дѣлъ. Но для сильнаго государства, управляемаго мудрымъ государемъ, который надѣется на преданность своихъ подданныхъ, такое таинстволюбіе низко и вредно: низко, ибо доказываетъ слабость; вредно, ибо распространиться могутъ невѣрныя свѣдѣнія въ публикѣ. И такъ могущественныя государства: Англія, Франція и Россія не имѣли такого таинстволюбія; но когда безмѣрное множество постоянныхъ войскъ раззорило финансы, тогда торговля началась съ чужими народами, даже непріятелями, тогда и большія государства, чувствая слабость въ разсужденіи финансовъ, желая сокрыть народонаселеніе и другіе виды, ввели государственную тайность.

Относительно къ вопросу пятому.

15.

Тетр. II, стр. 31.

Откуда мы получаемъ общія понятія? Изъ самихъ себя. Нашъ разумъ изъ свода многихъ однородныхъ феноменовъ, по собственному своему усмотрѣнію, выводитъ общее понятіе, и какъ бы тайнымъ образомъ составляетъ системы, кои, такъ какъ по своей слабости и неосновательности одна послѣ другой возникли, всегда противорѣчатъ себѣ по самому дѣлу (objectum), а не по формѣ; ибо опытность время отъ времени умножается и чрезъ то предметы болѣе и болѣе уясняются и наконецъ иногда совершенно принимаютъ новый видъ; разумъ же, составляющій форму предметовъ, пребываетъ одинъ и тотъ же.

16.

Тетр. III, стр. 59.

(Говоря о расширеніи государствъ).

Государство не вдругъ составляется, но въ разныя эпохи размножается, разныя провинціи, по разнымъ условіямъ,

присоединяются къ нему. Однѣ, будучи завоеваны, разграбляются, или, оставшись невредимы, получаютъ законы отъ завоевателя; другія же напротивъ, хотя и побѣждены, но имѣя еще довольно силы противостоять непріятелю, вступаютъ въ переговоры съ нимъ и требуютъ отъ него разныхъ преимуществъ, объявляя, что въ случаѣ согласія на таковыя требованія, охотно сдаются; въ противномъ же случаѣ, готовы сражаться. Отсюда-то и происходятъ провинціи на особенныхъ правахъ.

17.

Тетр. III, стр. 69.

Безопасность состоитъ въ томъ, чтобы никто и ничто не могло противодѣйствовать употребленію силъ человѣка, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ; но сего онъ самъ по себѣ достичь никакъ не можетъ. И такъ человѣкъ, вступивши въ политическое состояніе, въ полномъ правѣ требовать отъ правительства (оной).

Внутренняя обязанность.

18.

Тетр. III, стр. 72.

Все, что разумъ человѣческій могъ предвидѣть, чѣмъ свобода наша угнетается, заключилъ въ общихъ правилахъ— называемыхъ законами (Leges):

19.

Тетр. VII, стр. 191.

Гражданинъ-воинъ, говоря объ учрежденіи милиціи, или земскаго войска, никогда не измѣнитъ отечеству и болѣе будетъ наблюдать выгоду общественную, между тѣмъ какъ военные регулярные корпусы мало по малу становятся чужіе своему народу, такъ что они въ рукахъ правительства легко могутъ быть употреблены вопреки пользы онаго.

20.

Тетр. VIII, стр. 200.

Правительство не знаетъ даже самыхъ простыхъ предметовъ. Я (Германъ) не знаю точно даже числа городовъ въ Россіи. Нигдѣ не означено опредѣленное число оныхъ, никто утвердительно не можетъ сказать, сколько выходитъ ведръ вина, хлѣба и пр. Самыя оффиціальныя свѣдѣнія, изданныя правительствомъ, подвержены сомнѣнію и требуютъ великой статистической критики.... Оффиціальныя свѣдѣнія имѣютъ тотъ недостатокъ, что они обнародываются для извѣстной предполагаемой цѣли, и обнародываются.... сообразно съ достиженіемъ оной. Извѣстны, напр., споры въ церковной исторіи о томъ: сіе есть тѣло мое и кровь моя. Многіе изданы книги, и pro и contra оправданы.

О статистикѣ Россіи.

Относительно къ вопросу четвертому.

21.

Тетр. XIII, стр. 246.

Состояніе русскихъ крестьянъ показало уже, что первая причина худаго состоянія крестьянъ есть феодальная система, по коей законодатели при важнѣйшихъ перемѣнахъ никакого не обращали на нихъ вниманія.

22.

Тетр. XIV, стр. 269.

Далѣе, Петръ, нимало не распространялся касательно крестьянъ. Ему нужно было только, чтобы онъ могъ на 20 лѣтъ, при показанномъ числѣ людей въ такомъ-то краю, полагать подати, какъ въ разсужденіи рекрутъ, такъ и сборовъ.

23.

Тетр. XV, отъ 289 до 291 стр.

Поправленіе мостовъ и дорогъ, провожденіе колодниковъ, фуры, требуемыя для провожденія полковъ — все сіе тре-

буется съ крестьянина въ натурѣ, а не деньгами; ибо у крестьянина нѣтъ денегъ, а ежели бы и были, то нѣтъ людей, кои взялись бы исполнить сіи должности. При исполненіи оныхъ нимало не берутъ въ разсужденіе времени и обстоятельствъ крестьянина. Одинъ день для него рѣшителенъ такъ, что никакія деньги не могутъ замѣнить потери сего дня. Когда правительство платитъ ему за исполненіе сихъ повинностей (за фуры), то плата сія не соотвѣтствуетъ тому, что онъ потерялъ въ тотъ день; ибо когда надлежало ему, напримѣръ, косить, то онъ его потерялъ, а на другой день помѣшалъ ему дождь.

24.

Тетр. XV, стр. 296.

Совсѣмъ на другихъ основаніяхъ учредить полицейскія повинности сельскія, уменьшить налоги на крестьянъ.

25.

Тетр. XXVI, стр. 534.

Статистикъ, оставляя всеобщія описанія и не представляя народа въ китайскихъ картинахъ, долженъ сказать и изъяснить разныя понятія о просвѣщеніи, долженъ сказать о заведеніяхъ, правительствомъ или частными людьми для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ и открытыхъ, и при каждомъ изъ оныхъ долженъ отличать характеръ и представить начало, по коему было бы можно судить о таковомъ заведеніи: таковыхъ заведеній суть три рода: 1) церковь, 2) школа и 3) законодательство и управленіе государства.

26.

Тетр. XXVII, стр. 585.

Предпріятіе Никона очистить слогъ священныхъ книгъ было великимъ шагомъ къ просвѣщенію. Въ лѣтахъ невѣжества, множество, безъ сомнѣнія, испорченныхъ словъ вкрались чрезъ переписчиковъ—невѣждъ въ рукописи. Ибо сіи писцы рѣдко были одушевлены охотою къ сей работѣ, потому что онѣ обыкновенно даваемы были монахамъ, какъ штрафъ за преступленія. Слѣдовательно нельзя было ожидать исправности.

27.

Тетр. XXIX, стр. 621.

Нельзя быть вмѣстѣ первымъ магистратомъ и государемъ.

28.

Тетр. XXIX, стр. 639 и 640.

Отличительная черта неограниченной монархіи есть быстрота по дѣламъ. Государь, какъ земной Богъ, повелѣваетъ, и все немедленно исполняется. Онъ есть творецъ, сколько человѣкъ можетъ заслужить сіе великое имя. Для обширнаго еще младенчествующаго государства, гдѣ всѣ источники народнаго богатства еще не открыты, гдѣ сношенія между жителями простѣе, нельзя желать лучшаго образа правленія. Чрезъ нѣсколько десятилѣтій такой народъ, имѣвшій счастіе быть управляемъ государями, подобными Марку Аврелію, Антонину и другимъ, удивительные дѣлаетъ успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ и замѣняетъ цѣлыя столѣтія годами. Но эта же самая быстрота въ управленіи неограниченной монархіи заключаетъ въ себѣ самое великое зло, когда Тиверій, Клавдій и Неронъ занимаютъ престолы.

29.

Тетр. XXX, стр. 653.

Опытомъ доказано, что когда право предложенія дается монархическому началу, тогда послѣднимъ результатомъ непремѣнно бываетъ жестокій деспотизмъ.

Относительно къ вопросу пятому.

30.

Тетр. XII, стр. 233.

Говоря о изгнаніи жидовъ изъ европейскихъ государствъ со временъ крестовыхъ походовъ, сказано: на жестокой и, можно сказать, несправедливой участи основаны всѣ ихъ характерическія черты, кои мы впослѣдствіи вмѣняемъ имъ въ порокъ. Отсюда проистекла ихъ неприверженность къ отечеству; ибо они не имѣли его.

31.

Тетр. XIV, стр. 272.

1) Мнѣніе народа (opinion publique) есть царь царей; онъ даетъ законамъ болѣе или менѣе силы въ матеріальномъ пространствѣ.

32.

Тетр. XXVI, стр. 536.

Не надобно себѣ представлять начало политическихъ сословій по идеалу, каковой намъ представляетъ естественное право, по коему они основаны на договорахъ. Надобно ихъ здѣсь представить такъ, какъ они дѣйствительно случились, то есть: сильный повелѣваетъ слабымъ. Превосходная сила, безъ сомнѣнія, была главнѣйшею по крайней мѣрѣ причиною для основанія всѣхъ государствъ. И такъ всѣ первоначальныя учрежденія въ государствахъ сдѣланы были силою. Сильный обыкновенно дальше идетъ, нежели сколько имѣетъ онъ на то право, съ тѣмъ, чтобы защищать самого себя и чтобы подчиненнымъ его невозможно было противъ него встать.

33.

Тетр. XXVI, стр. 537.

Государства приняли нынѣшнее свое положеніе точно такъ, какъ и земной шаръ. Землятрясенія, огнедышащія горы, большія наводненія, дали земному шару нынѣшній его видъ. Устройства государствъ, насильственнѣйшіе мятежи, бунтъ революціи, потомъ мирные договоры между сражающимся, дали нынѣшнимъ государствамъ образованный ихъ видъ.

34.

Тетр. XXVI, стр. 550 и 551.

Изъ сего видно, что въ протестантской церкви все происходитъ per disputationem, а въ католической нѣтъ никакой disputationem, а есть чистая неограниченная власть папская. Разумѣется, что просвѣщеніе зависитъ отъ духа господствующей церкви. Въ протестантской оно могло скорѣе распространиться, ибо не было никакихъ притѣсненій, а всякому поз-

волялось разсуждать свободно о предметѣ. Напротивъ, въ католической церкви первымъ грѣхомъ почитается разсуждать о предметахъ, до церкви касающихся
. .
. .
и сіе назвали Theologia Dominans. Такимъ образомъ они взяли астрономію подъ власть свою, и Галилей отъ ихъ инквизиціи потерпѣлъ. Дошли до анатоміи; ибо грѣшно рѣзать мертвыхъ, утверждали они. Jus naturae также подпало власти ихъ; ибо никто не осмѣлился говорить иначе, какъ что написано въ старомъ завѣтѣ. Минералогія, геологія должны быть сходны съ исторіею сотворенія міра, съ I главою Моисея.

35.

Тетр. XXVI, стр. 554.

Ежели терпимость, свобода толкованія существуетъ въ церкви, тогда успѣхи просвѣщенія будутъ быстры; въ противномъ случаѣ—медленны.

36.

Тетр. XXVII, стр. 564.

Напримѣръ филологъ, свѣдущій въ греческомъ и еврейскомъ языкахъ, излагающихъ св. писаніе, будетъ скромнѣе и осторожнѣе въ своихъ толкованіяхъ (interpretatio), когда въ этомъ мѣстѣ преподаются исторія и философія, изъясняющія всѣ мѣста, касательно всѣхъ народовъ, слѣдовательно и еврейскаго, и стыдно будетъ преподавать такія системы, кои явно можно отвергать истинами другой науки.
. .

37.

Тетр. XXVIII, стр. 602.

Общество имѣетъ опредѣленную цѣль, а толпа нѣтъ. Непремѣнно нужно, чтобъ всѣ члены общества были согласны въ разсужденіи сей цѣли, несогласный же долженъ оставить оное. Сіе общее согласіе (la volonté générale) есть первое основаніе всякаго общества.

Сіе сохраненіе всеобщей безопасности должно существовать, нимало не вредя другимъ постороннимъ лицамъ, не участвующимъ въ составѣ сего общества. Симъ различается политическое общество отъ шайки разбойниковъ.

38.

Тетр. XXVIII, стр. 604 и 605.

Общество должно передать власть выбирать мѣры, нужныя для достиженія общественной цѣли, или одному, или нѣкоторымъ.

Сей второй актъ общественной воли есть основаніе правительствъ — и какъ скоро передана отъ большаго числа членовъ сословія власть выбирать мѣры одному или нѣкоторымъ, тогда уже по общественной волѣ состоятъ правительство и подданные или народъ. И тогда-то сословіе сіе получаетъ названіе политическаго общества. Слѣдовательно, политическое общество есть такое общество, гдѣ для постояннаго сохраненія безопасности всѣхъ членовъ, составляющихъ оное, не вредя другимъ, не участвующимъ въ семъ сословіи, большинство членовъ передало одному или нѣкоторымъ власть выбирать надлежащія мѣры, только для достиженія общей цѣли

39.

Тетр. XXVIII, стр. 611.

Договоръ, который дѣйствительно существуетъ, не долженъ быть ни выраженъ, ни написанъ. Онъ основанъ на глубокомъ чувствѣ общей нужды. Тутъ не надобно ни словъ, ни письма, ни переклички, ни собранія голосовъ. Ежели бы они въ своихъ сужденіяхъ не забыли того, что ежедневно предъ нашими глазами совершается, когда садимся за столъ, когда ложимся спать, когда соединенными силами предпринимаемъ какую нибудь работу или соглашаемся вмѣстѣ веселиться.

40.

Тетр. XXVIII, стр. 612.

Гдѣ совершился коренной договоръ, на которомъ основались политическія общества? Отвѣчаемъ: онъ совершается

ежедневно; каждый гражданинъ, каждый членъ общества, пока онъ въ немъ находится, добровольно совершаетъ оный ежедневно. Далѣе,

Первый, въ разсужденіи цѣли, есть актъ основанія политическаго общества, другой, въ разсужденіи выбора мѣръ, есть актъ устройства политическаго общества, который раздѣляетъ общество на двѣ части: на правительство и народъ.

41.

Тетр. XXVIII, стр. 614.

Но разумѣется, что сей второй актъ на устройство политическаго общества, бывъ заключенъ только для достиженія общей цѣли, а нимало на рабство большаго числа членовъ общества и не на ограниченную власть малаго числа, составляющаго правительство.

42.

Тетр. XXVIII, стр. 615.

Злоупотребленіе верховной власти правительствомъ можетъ случиться при всякомъ образѣ правленія. И сія политическая болѣзнь называется деспотизмомъ. Слѣдовательно, деспотизмъ не есть особенный образъ правленія, какъ многіе изъ писателей думали, но болѣзнь отъ злоупотребленія верховной власти въ монархическомъ и республиканскомъ образѣ правленія. Когда сія болѣзнь достигаетъ высшей степени, то случается, что народъ возбуждается, дѣлается революція и перемѣняется образъ правленія. Это дѣло возможное.

43.

Тетр. XXIX, стр. 617.

По мѣрѣ какъ нужды членовъ общества раздробляются, умножаются — и глупое слово (мысль) писать конституцію. Она для государственнаго устройства не пишется, но рождается; она есть послѣдній результатъ тѣхъ нуждъ, кои народъ имѣетъ по степени, до коей достигло народонаселеніе, народное богатство и просвѣщеніе. Ежели бы была возможность писать конституцію, то ученые люди могли бы соста-

вить оную изъ лучшихъ извѣстнѣйшихъ конституцій; но такіе проекты не имѣютъ успѣха, ежели они не основаны на дѣйствительныхъ нуждахъ народа. И такъ какъ нельзя сшить кафтана для людей разныхъ лѣтъ и образа по одной мѣрѣ, такъ нельзя давать идеальной конституціи народу, хотя бы она была совершеннѣйшая.

44.

Тетр. XXIX, стр. 629.

Верховная власть есть результатъ добровольнаго акта передать высшему начальству выборъ мѣръ.

45.

Тетр. XXIV, стр. 631.

Но какъ можетъ случиться, что верховная власть хотя на время забудетъ общую цѣль, и какъ возможно, чтобы она употребила данную ей власть для другой цѣли, противной договору, по которому она существуетъ, то спрашивается, какъ можно предостеречь политическое общество отъ политическихъ болѣзней, коимъ оно тогда подвергается и кои со стороны правительства называются деспотизмомъ, а со сторода народа революціею?

46.

Тетр. XXIX, стр. 641.

Аристократія имѣетъ безцѣнную выгоду.

47.

Тетр. XXX, стр. 645.

Демократическій образъ правленія имѣетъ ту выгоду, что каждый гражданинъ въ полномъ смыслѣ можетъ сказать: я человѣкъ.

48.

Тетр. XXX, стр. 669 и 670.

Нѣтъ ничего столь вреднаго какъ пустое мнѣніе, что въ коренномъ законѣ ничто и никогда не должно быть перемѣняемо.—Общее мнѣніе вооружается тогда противъ нихъ,

и рано или поздно опрокинетъ ихъ къ общему несчастію. Ибо народъ умѣетъ опрокидывать существующія учрежденія.

49.

Тетр. XXX, стр. 672.

Во время бѣшенства французской революціи, когда народъ усталъ отъ сильнаго и неправильнаго движенія, то умные люди хватились, но поздно, за правила государственнаго права. Тщетно рука деспота штыками укрощала ихъ занятія. Сей достопамятный примѣръ долженъ служить намъ свѣтильникомъ для будущихъ вѣковъ.

50.

Тетр. XXXI, стр. 694.

И такъ много возникло голосовъ въ новѣйшія времена противъ дворянъ и духовенства, какъ противъ состояній политическихъ. Французская революція разрушила ихъ совершенно, и хотя они опять были возстановлены, но общее мнѣніе во многихъ государствахъ, даже между просвѣщенными, существуетъ противъ ихъ, какъ особливо привилегированныхъ классовъ.

51.

Тетр. XXXI, стр. 700.

Великое число недовольныхъ изъ самыхъ бояръ, кои даже оставили Россію, служитъ доказательствомъ, что они не привыкли къ неограниченному такому правленію.

52.

Тетр. XXXII, стр. 706.

Чтобъ имѣть ясное понятіе, на чемъ основано великое почтеніе, въ коемъ духовенство было у всѣхъ народовъ, начиная съ средняго вѣка, надобно имѣть философскіе виды объ идолопоклонствѣ.

53.

Тетр. XXXII, стр. 712 и 713.

Люди, кои первые выдумали и изобразили сіи естественныя идеи для дикаго человѣка, выдумали также cultum deo-

rum, обряды, по которымъ они служили имъ, и сдѣлались жрецами. Уже Цицеронъ говоритъ, что первоначальное ученое знаніе человѣка распространилось на всѣ предметы, что оно было cognitio rerum divinarum et humanarum вмѣстѣ. Слѣдовательно, жрецы — и философы, и математики, и медики, и юристы и все. Во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ случаяхъ народъ испрашивалъ ихъ совѣта. Гораздо ранѣе Манеса въ Египтѣ существовала теократія (Theocratie), то есть, что управляли народомъ касты жрецовъ, подъ именемъ ихъ боговъ. Весьма занимателенъ философскій разборъ египетскаго идолопоклонства, и видно, что прошли многія столѣтія, пока оно приняло такой истинно-философскій видъ при самой необразованной и даже смѣшной наружности; напримѣръ, удивительно въ египетскомъ идолопоклонствѣ то, что для каждаго начала, коихъ находимъ два въ Египтѣ: одно начало activum дѣятельное и passivum страдательное, два назначаются бога—изъ коихъ одинъ мужскаго и другой женскаго рода. Удивительно также, какъ сіе старинныя понятія о Богѣ вездѣ существуютъ, то есть сіи два начала ведутъ между собою войну и побѣждаютъ одно другое, но вовсе не уничтожаютъ.

Теперь посмотримъ, какое имѣло вліяніе на процессъ образованности идолопоклонство.

54.

Тетр. XXXII, стр. 715.

Человѣческій разумъ дошелъ мало-по-малу до высшихъ понятій, открытій общихъ началъ. Сіи общія начала были прямымъ противорѣчіемъ съ баснословіемъ, потому что въ баснословіи нѣтъ ничего общаго, все individuum. Начало идолопоклонства представляло картину чувства—и такъ оно осталось—и такъ непремѣнно приняло свое начало.

Выписка мѣстъ изъ лекцій профессора Раупаха о всеобщей исторіи.

Относительно къ вопросу второму.

1.

Тетр. II, стр. 46.

§ 11. Священное писаніе весьма коротко объясняетъ нравы первыхъ человѣковъ, постановленія, родъ жизни и участь, а въ священныхъ книгахъ другихъ народовъ такъ баснословно, что для исторіи нѣтъ отъ нихъ пользы. Въ одномъ только всѣ удивительно согласны: это потопъ, истребившій бо̀льшую часть человѣческаго рода.

За симъ слѣдуетъ сказаніе о потопѣ изъ Бероза Халдейскаго, весьма похожее на происшествіе, описанное въ священномъ писаніи.

2.

Тетр. IV, стр. 95.

§ 16. Индія между Индомъ и Гангомъ была уже въ древнія времена весьма просвѣщенною страною. Сословіе жрецовъ и строгое раздѣленіе кастъ было уже въ то время, какъ священныя книги Веды были составляемы, что безспорно долженствовало быть за многія тысячи лѣтъ до нашего лѣтосчисленія.

3.

Тетр. IX, стр. 125.

§ 38. (Говоря о несмѣтныхъ хронологическихъ періодахъ индійцевъ находится слѣдующее). Въ продолженіи Мануаптара управляетъ Енегу, т. е. родъ священнаго въ тѣло облеченнаго бога.

4.

Тетр. XXVI, стр. 576.

§ 65. Очищенія различныя предписаны (Зороастромъ) и установлены тѣмъ же почти образомъ, какимъ у израильтянъ. (Далѣе слѣдуетъ ученіе Зороастра о участи душъ по смерти, представленное съ тѣмъ же намѣреніемъ).

5.

Тетр. XXVI, стр. 377.

Въ такомъ состояніи всѣ души, смотря по своимъ заслугамъ, находятся до воскресенія тѣлъ, которое по истеченіи 12 тысячъ лѣтъ послѣдуетъ. Тогда добрые и злые воскреснутъ, моря и земли возвратятъ кости ихъ, Оромазъ ихъ сложитъ и облечетъ жилами и плотію. Вмѣстѣ съ воскресеніемъ людей возобновится вся природа, восприметъ свою первообразную красоту. Осужденные, смирившись различными наказаніями, очистившись въ пламени раскаленнаго металла, вмѣстѣ съ блаженными насладятся веселіемъ. Самый Ариманъ и демоны его признаютъ закона Оромаза.

Относительно къ вопросу третьему.

6.

Тетр. II, стр. 26.

§ 7. Въ примѣчаніи объ эрахъ, употребляемыхъ различными народами и въ различныя времена, сказано: въ древней исторіи употребляли всегда era mundi, которую сочли изъ священныхъ книгъ евреевъ; но оно не употребительно, поелику сіи самыя книги несогласны между собою, напр., Христосъ родился:

По промежуткамъ временъ, въ текстѣ въ году міра. 3944
По особымъ членамъ въ томъ же текстѣ 4111
По сравненію Усеера въ томъ же текстѣ. 4004
По числамъ промежутковъ въ Самаритскомъ текстѣ . 4305
По особымъ числамъ того же кодекса. 4424
По числамъ промежутковъ въ обыкновенномъ спискѣ 70 толковниковъ 5270
По особымъ числамъ Константинопольскаго списка 70 толковниковъ 8508
По Пезрону изъ 70 толковниковъ 5872
По Іосифу 4658

7.

Тетр. II, стр. 38.

§ 9. Священныя книги мы знаемъ только у трехъ народовъ: іудеевъ, мидянъ и индійцевъ.

8.

Стр. 40 и 41.

§ 10. Начало исторіи человѣческаго рода такъ темно, что ни мѣста, ни времени, гдѣ оный получилъ свое начало, опредѣлить не можемъ; такимъ же образомъ, родъ жизни, его участь и дальнѣйшее развитіе (progressus), намъ неизвѣстенъ. Преданіе и разумъ научаютъ, что южная Азія вѣроятно была первымъ жилищемъ людей. О мѣстѣ, гдѣ начался родъ человѣческій, различныя мнѣнія: въ книгѣ Бытія глав. II, ст. 8 и пр. говорится такъ
. Все сіе хотя довольно хорошо опредѣлено, но весьма далеко отъ справедливости; ибо нѣтъ на земномъ шарѣ рѣки, раздѣляющейся на четыре части, или рѣкъ; отъ сего нѣкоторые полагали рай въ Сиріи, другіе въ Арменіи, иные въ Месопотаміи, другіе въ Персіи, а иные въ Индіи полагали быть раю; священныя книги прочихъ народовъ, кои остались цѣлы, или коихъ отрывки только имѣются, совсѣмъ не упоминаютъ о раѣ. Изъ сего явствуетъ, что каждый народъ полагалъ первымъ рожденіемъ человѣка собственную свою землю.

9.

Тетр. III, стр. 56.

§ 11. Послѣ сего слѣдуетъ повѣствованіе о Девкаліоновомъ потопѣ, и потомъ заключеніе. Изъ сего ясно видно, что въ древности было большое наводненіе; но потопъ даетъ весьма пространную исторію для спора: можетъ быть вопросъ: частный, или общій былъ потопъ? Я думаю, что ни того, ни другаго утверждать нельзя.

10.

Тетр. VIII, стр. 178.

§ 22. Сами евреи болѣе имѣютъ о себѣ извѣстій, нежели какой другой народъ; «ибо сохранены *записки* самого народа и находятся во всѣхъ рукахъ; поелику христіанская религія изъ уваженія къ источникамъ, изъ коихъ она проистекла, включила ихъ въ свои священныя книги».

11.

Тетр. VIII, стр. 179, 180 и 182.

§ 22. Переводы древняго завѣта суть: 70 толковниковъ, въ Александріи, мало-по-малу исправлены тамошними іудеями. Наилучше переведено (Моисеево) пятикнижіе, наихуже Даніилъ. Другіе переводы на греческій языкъ суть Аквилы, Θеодотіона Ситимаха И поелику 70 толковниковъ и еврейскіе тексты потерпѣли много перемѣнъ и искаженій, то сіи драгоцѣнныя записки имѣемъ мы не въ такой чистотѣ, какъ желать того было бы должно.

(Іосифъ Флавій можетъ также быть употребленъ для изъясненія іудейской исторіи. Причисляется сюда и Талмудъ). Въ новѣйшія времена много писано о іудеяхъ, но мы все еще не имѣемъ хорошей исторіи оныхъ.

12.

Тетр. XIII, стр. 189.

§ 23. (Въ примѣчаніи сказано): Торжественный актъ, коимъ Моисей основалъ новое государство, былъ тотъ, что онъ приказалъ поклясться 13-ти колѣнамъ, никогда не поклоняться другому Богу, какъ Іеговѣ, коего онъ представлялъ имъ не только какъ Бога, но и какъ временнаго царя ихъ союза, и во имя Его далъ новому государству законы. Сему Іеговѣ, царю и богу израильтянъ, посвятилъ онъ колѣно Левіино и чрезъ сіе возвысилъ его въ жреческое дворянство.

13.

Тетр. VIII, стр. 190.

§ 23. Здѣсь не чрезъ колоніи образованнѣйшаго народа, но чрезъ добровольное соединеніе многихъ колѣнъ подъ предводительствомъ образованнѣйшаго колѣна произошло государство, которое, впрочемъ, также какъ Египетъ, было теократическое.

14.

Тетр. IX, стр. 195.

§ 24. Когда съ одной стороны права и постановленія колѣнъ оставались неприкосновенны, а съ другой установлялась теократія, отъ того и произошла смѣшанная форма еврейской республики. Ибо аристократія была подъ надзоромъ колѣна Левитовъ, т. е. высочайшая власть, властію жрецовъ умѣряемая, была у начальниковъ колѣнъ. Отсюда происходитъ публичное право евреевъ, коего цѣль была та, чтобы духъ народа привлечь къ почитанію Іеговы, и симъ союзомъ религіи утвердить союзъ колѣнъ.

15.

Тетр. X, стр. 225.

§ 24. Въ правѣ постановленія говоритъ: Іегова былъ царь израильтянъ, и ему принадлежало естественно все право властителя. (О согласіи или несогласіи Іеговы на вопросы жрецовъ изъясняется такъ, что жрецъ вопрошалъ Іегову чрезъ Urim и Thumim—родъ оракула, о коемъ мы не знаемъ болѣе, въ чемъ оно состоитъ.

16.

Тетр. X, стр. 233 и 237.

§ 24. Говорятъ, что законы полицейскіе были тѣсно соединены съ религіею, что законъ о трехъ высокихъ праздникахъ, пасхѣ, праздникѣ недѣль и праздникѣ кущей, принадлежащихъ къ полицейскимъ законамъ, равно какъ освященіе суботъ, новый годъ и праздникъ очищенія о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, принадлежатъ къ полицейскимъ законамъ, также о левитской нечистотѣ людей, домовъ и

платья сюда причислены. Нечистота домовъ Лев. 2 XIV ст. 33—37 изъясняется тѣмъ, что это не иное что, какъ Acidum nitri (селитренная кислота), которая у насъ часто на домахъ показывается.

17.

Тетр. XI, стр. 254.

§ 25. Конституція израильтянъ уже при своемъ началѣ носила въ себѣ двоякое сѣмя поврежденія: во-первыхъ, что религія была слишкомъ отвлеченна, мало падала на чувства и слишкомъ мало была соразмѣряема съ грубою природою человѣческою; во-вторыхъ, что между колѣнами былъ нѣкоторый родъ ревности, ибо нѣкоторыя были тѣсно соединены между собою и составляли какъ бы партію противъ другихъ.

18.

Тетр. XII, стр. 265 и 267.

26. (Въ примѣчаніи говоритъ о Самуиловыхъ достоинствахъ, о благопріятствующихъ ему обстоятельствахъ, что онъ израильтянъ возвратилъ къ служенію Іеговы). Но онъ хотѣлъ на будущее время обезопасить израильское государство и помышлялъ о средствахъ, какъ бы служеніе Іеговы, на коемъ сіе государство было основано, могло быть обезопасено отъ вторичнаго его паденія. Жреческій орденъ былъ въ упадкѣ; ибо худые нравы его сочленовъ отняли у народа все уваженіе къ оному, ибо онъ вѣроятно былъ слишкомъ богатъ и развратенъ. И такъ онъ прибѣгъ къ другому средству и основалъ орденъ въ извѣстныхъ пророческихъ школахъ... Воспитанники сихъ пророческихъ школъ были назначаемы въ учители народа, и назывались пророками; ибо въ тѣ времена пророчествовать значило преподавать ученіе религіи въ пѣсняхъ, сопровождаемыхъ музыкою.

19.

Тетр. XII, стр. 270.

§ 26. Говоря о Давидѣ, догадывается, что, можетъ быть, Давидъ былъ воспитанникъ пророческаго ордена (доказываетъ это тѣмъ, что онъ имѣлъ великую любовь къ поэзіи и музыкѣ).

20.

Тетр. XII, стр. 278.

§ 26. Соломонъ, если изображать его по тому образу, какъ лѣтописцы предали намъ объ немъ въ отдѣльныхъ чертахъ, былъ мужъ съ весьма счастливыми способностями, кои чрезъ воспитаніе подъ руками пророковъ были развернуты. Его правленіе отличается литературою, начинавшею процвѣтать тогда между евреями. Самъ царь былъ поэтъ, какъ и его отецъ; но не съ возвышенностью; его стихотворенія принадлежатъ къ нижнему стилю и болѣе суть плодъ размышленія и науки, нежели генія.

21.

Тетр. XII, стр. 168.

§ 46. Въ семъ періодѣ началась борьба христіанства съ язычествомъ. Христіанскіе писатели все представляли, чтобъ доказать безсмысленность древней естественной религіи, и такимъ образомъ доставить легкій ходъ своей вѣрѣ; противъ сего тогдашніе языческіе философы, коихъ обыкновенно называютъ новоплатониками, составили ѳеологическую систему, дабы оправдать древнюю естественную религію, какъ сообразную съ разумомъ; оная основывалась преимущественно на древней египетской. Обѣ партіи писали другъ противъ друга съ великою силою и ненавистью; много было говорено о религіи египтянъ, но легко можно представить, какъ при семъ раздѣленіи мнѣній истина страдала; христіане и язычники превращали истину, чтобы изъ того вывести доказательство своего мнѣнія, даже не совѣстились дѣлать подложныя творенія, кои выдавали за древнія и коими доказывали свои положенія.

22.

Тетр. XXVI, стр. 384.

Третье священное торжество (у семитовъ) *), о которомъ мы упомянули, было даруни, или благословеннаго хлѣба и чаши, которое въ воспоминаніе Гома, перваго виновника и

*) На предыдущей страницѣ сказано: сіе торжество совершенно сходно со службою католическою.

учредителя религіи Оромазовой, празднуется. Когда молитвы, называемыя изешне, читаются, священникъ освящаетъ маленькіе опрѣсноки, или булочки, и съѣдаетъ; сіе сдѣлавши, оный сокъ Гоме изъ священной чаши выпиваетъ. Для надлежащаго уразумѣнія сей церемоніи, надобно знать, что на языкѣ маговъ Гомъ означаетъ пророкъ и вмѣстѣ растеніе, такъ что сокъ растенія означаетъ кровь пророка: почему Зороастръ вводитъ Гома говорящимъ: кто меня вкушаетъ, призывая меня съ пламеннымъ сердцемъ и изливая молитвы смиренныя, тотъ воспріиметъ отъ меня блага міра. Сіе торжество, какъ отдѣльно, такъ и совокупно съ другими священными обрядами, совершалось и совершается и у персовъ, потомковъ древнихъ персовъ и мидянъ.

Относительно къ вопросу четвертому.

23.

Тетр. IX, стр. 201 и 202.

§ 24. Полигамія безъ сомнѣнія была позволена у израильтянъ, и только ревность къ вѣрѣ отвергла сіе (что доказываетъ писаніями Давида и говоритъ) не должно думать, что Моисеевы установленія содержатъ все совокупное право евреевъ (а поелику безъ права не состоитъ никакая фамилія, не только цѣлое колѣно, а по сему неминуемо образовалось право обыкновенія). Такое право нашелъ и Моисей у евреевъ, и только тамъ даетъ онъ законы, гдѣ ему не нравится право обыкновенія.

24.

Тетр. XI, стр. 211.

§ 24. Слова: Господинъ могъ употреблять свою дѣвку въ наложницу или дать ее для сего употребленія сыну; въ обоихъ случаяхъ, если мужъ ею наскучится, она должна быть отпущена безденежно, подтверждены священнымъ писаніемъ, Втор. гл. XX ст. 10—14.

(Показаніе на текстъ, и вообще заключеніе, выводимое изъ смысла постановленій ветхозавѣтныхъ, совсѣмъ ложное).

25.

Тетр. XIII, стр. 292.

§ 27. Іеровоамъ видѣлъ, что доколѣ Іерусалимъ, столица царей іудейскихъ, будетъ имѣть религіозную святыню въ глазахъ его подданныхъ... дотолѣ онъ не можетъ увѣренъ быть въ своемъ господствѣ (и для того-то) запретилъ путешествія въ Іерусалимъ, и поставилъ въ Веѳилѣ и Данѣ золотыхъ тельцовъ, чтобъ подъ симъ образомъ поклоняться Іеговѣ.

26.

Тетр. XIII, стр. 293.

§ 27. При Ахавѣ было введено изъ Финикіи служеніе Ваалу и (отъ того) обѣ религіозныя партіи, обожатели Іеговы и Ваала, начали другъ друга преслѣдовать.

27.

Тетр. XIII, стр. 300.

§ 27. (Повѣствуя объ осадѣ Іерусалима Сеннахеримомъ, утверждаетъ, что одна) моровая язва въ ассирійскомъ войскѣ спасла Іудею и что, при всѣхъ тогдашнихъ царяхъ, служеніе Іеговы находилось въ безпрестанной борьбѣ съ служеніемъ Ваала.

28.

Тетр. XIV, стр. 309.

Въ продолженіи §§ 28 и 29 доказываетъ, что сказаніе библейское объ ассиріанахъ нелѣпо и невѣроятно.

Относительно къ вопросу пятому.

29.

Тетр. VII, стр. 149.

§ 20. Всякая вѣра упадаетъ со временемъ въ той мѣрѣ, какъ разумъ просвѣщается; что необходимо случается при умножающейся опытности.

30.

Тетр. X, стр. 129 и 130.

§ 39. Производящая мужская сила, мужской первоначальный элементъ, протекаетъ безпрестанно чрезъ второй женскій, такъ какъ онъ сіе дѣлалъ тогда, когда производимъ былъ міръ, и его продолжительное порожденіе. Человѣкъ изъ всѣхъ сотворенныхъ существъ есть существо самое загадочное. Душа, какъ животворящее, дѣйствующее и производящее въ человѣкѣ, играла такую же роль въ человѣческой природѣ, какую животворящее мужское начало играло во всей вселенной, и поелику она, какъ нѣчто сотворенное, вслѣдствіе системы истеченія, долженствовала быть истеченіемъ обоихъ коренныхъ началъ, то было естественно, что она почиталась изліяніемъ дѣятельнаго мужскаго начала, поелику она во всѣхъ отношеніяхъ ему уподоблялась.

31.

Тетр. XI, стр. 148.

§ 43. Съ волею боговъ, что человѣкъ долженъ поступать справедливо, съ ихъ ревностію къ справедливости жрецы соединили всю свою нравственность и на оной основали свое гражданское законодательство, которое въ то время обнимало всю систему должностей человѣка, сколь далеко они развернулись у самыхъ законодателей. Такимъ образомъ въ видѣ божескаго закона извнѣ вошло въ человѣка то, что произошло только изъ развитія его собственныхъ способностей, и какъ повелѣніе всесильнаго божества, управляющаго судьбою человѣка, изобрѣло повиновеніе, которое оно всегда бы изобрѣло, какъ законъ собственнаго разсудка.

32.

Тетр. X, стр. 150.

§ 43. Вѣра есть единственная наука того времени, такъ какъ она и вообще есть наука воображенія, и слѣдовательно долженствовала господствовать въ человѣкѣ, доколѣ господствовала въ человѣкѣ сія способность души.

33.

Тетр. XII, стр. 178.

§ 46. Изъ сихъ обоихъ*) первоначальныхъ существъ произошли два другія, огонь и вода; огонь начало мужское и дѣятельное; вода женское и страждущее; и здѣсь разумѣть должно не столько земной огонь, сколько тотъ, который, какъ дѣйствующее начало, проницаетъ всю вселенную, и влажность, которая равномѣрно распространена по вселенной. Изъ сихъ произошли теперь небо и земля, также начало мужское и женское; но опять не сіе видимое небо и не сія видимая земля; но паче эфиръ, изъ чего исходитъ вся оплодотворяющая сила, и нижній воздухъ, который принимаетъ въ себя сію оплодотворящую силу и чрезъ то дѣлаетъ возможнымъ всякое земное произрастаніе.

34.

Тетр. XIX, стр. 263.

То, что представить можно съ нѣкоторымъ видомъ истины, какъ дѣйствительное древнее и истинное, есть слѣдующее: въ началѣ были и непрестанно находятся два начала, свѣтъ и тьма, одно духовное и мужское, другое матеріальное и женское. То и другое по порядку истеченія, какъ творился міръ, развивалось и, дабы міръ хранился, нынѣ непрестанно развивается.

35.

Тетр. XXII, стр. 312 и 315.

Хотя всѣ сіи божества (Ваалъ, Адонаи и проч.) должны причислены быть къ солнцу; однако изъ того, что у древнихъ встрѣчается, легко видѣть можно, что идея объ оныхъ была основана на космологическихъ началахъ, такъ что не только солнце, но и причина вещей, рождающая мужское начало, означались: Белъ, Ваалъ, Адонаи или Адонисъ, одно и то же означаютъ.

*) Сначала было два существа, мужское дѣятельное, свѣтъ или дыханіе, и женское страждущее, ночь или мракъ, слѣдовательно духовное и матеріальное.

36.

Тетр. XXVII, стр. 395.

Никто изъ древнихъ не имѣлъ понятія о Богѣ невещественномъ.

Относительно къ вопросу шестому.

37.

Тетр. III, стр. 65.

§ 13. Много было споровъ о происхожденіи гражданскаго общества, особливо же о происхожденіи верховной власти. Одни утверждаютъ, что верховная власть непосредственно учреждена самимъ Богомъ, хотя нельзя привести тому никакого историческаго доказательства.

38.

Тетр. III, стр. 79.

§ 14. Напослѣдокъ третій родъ государствъ, встрѣчающійся въ исторіи позже двухъ первыхъ, произошелъ чрезъ силу и оружіе. Одно..... воинственное племя поработило другія—и здѣсь является уже истинная монархія.

39.

Тетр. XX, стр. 469.

§ 36. Отъ божества исходило тогда все законодательство, и чрезъ то для народа, который былъ еще слишкомъ грубъ, чтобы повиноваться законамъ разума, получило связующую силу.

Выписка мѣстъ изъ уроковъ адъюнкта Арсеньева въ университетскомъ пансіонѣ о статистикѣ.

Относительно къ вопросу третьему.

Изъ тетрадей студентскихъ.

1.

Стр. 27.

Народъ былъ прежде правительства, слѣдовательно народъ важнѣе правительства, и мы должны говорить о народѣ такъ, какъ о важнѣйшемъ предметѣ.

2.

Стр. 47.

Правленіе образуется тогда, когда люди, перешедши различныя степени гражданской жизни, наконецъ подвергаютъ себя волѣ какого либо лица физическаго или нравственнаго, которому даютъ власть дѣйствовать по своему расположенію. Сія верховная власть образуется при перехожденіи людей изъ семейственныхъ обществъ въ гражданскія, для безопасности. Соединенное гражданское общество руководствуется извѣстными правилами, или законами. Сумма всѣхъ сихъ правилъ, или законовъ, составляетъ конституцію государства.

3.

Стр. 53.

Монархія есть самая лучшая (форма). Здѣсь власть отдается одному, но иногда монархъ вмѣсто добра можетъ произвести зло. Положимъ, что государь добръ, старается о безопасности подданныхъ; но онъ смертенъ; послѣ него бываетъ новый, который злодѣйствуетъ, приводитъ подданныхъ въ ужаснѣйшее состояніе. И такъ мы видимъ, что во всякомъ правленіи есть свои недостатки. Англія узнала оные и избрала лучшее, и имѣетъ совершеннѣйшее правленіе.

Необыкновенная полиція.

4.

Стр. 62.

Чиновники сей полиціи для удобнѣйшаго розыска бываютъ тайны и называются шпіонами, или розыщиками; имъ поручаетъ правительство свою безопасность. По своему основанію, эта полиція очень полезна; но будучи орудіемъ деспотизма, ужасна и вредна для самаго государства. Она стоитъ большихъ издержекъ на жалованье чиновникамъ. Посредствомъ сей полиціи наказываются даже требованія правъ человѣчества. Это есть сѣмя раздоровъ и недовѣрчивости между гражданами государства.

5.

Стр. 118.

Винная торговля, золотые и серебряные рудники и проч. суть исключительная принадлежность правительства. Легко видѣть можно невыгоды сихъ регалій: поелику государь принадлежитъ къ классу непроизводящему, онъ худой хозяинъ, и сіе показываетъ, что государство еще далеко отъ государственнаго устройства. Петръ Великій былъ первымъ фабрикантомъ, купцомъ и вообще былъ монополистъ, отъ чего дѣлался подрывъ подданнымъ; ибо очевидно, что государь удобнѣе можетъ содержать и заводить фабрики, нежели частный, а потому онъ можетъ дешевле продавать издѣлія оныхъ.

6.

Стр. 124.

Полезно оцѣнивать домы и брать налоги, соображаясь съ цѣною дома, или съ капитала, что и существуетъ у насъ въ С.-Петербургѣ; но что также несправедливо.

7.

Стр. 137.

Когда будемъ вникать въ составъ государства и въ отношенія подданныхъ къ правительству и обратно, то увидимъ,

что налоги суть необходимы и показываютъ, что государство на извѣстной степени образованія. Но налоги вредны, ибо имѣютъ вредное вліяніе на народонаселеніе, на промышленность, на просвѣщеніе и вообще на благосостояніе народа; ибо, при тягостныхъ налогахъ, молодой человѣкъ, едва прокармливающій себя и уплачивающій налоги, не можетъ думать о супружествѣ и опасается, въ случаѣ брака, впасть въ крайнюю бѣдность: отъ сего народонаселеніе уменьшается и притомъ дѣти отъ бѣдности въ нѣкоторыхъ семействахъ умираютъ. Налоги также вредны и для народнаго богатства. Сіе богатство состоитъ въ запасѣ капиталовъ, которые пріобрѣтаются бережливостію, которую налоги уменьшаютъ. И такъ налоги вредятъ и народному просвѣщенію, какъ слѣдствію богатства, ибо при налогахъ всякій думаетъ не о своемъ просвѣщеніи, но о корысти.

II.

Краткая записка о общемъ собраніи Императорскаго С.-Петербургскаго университета 3, 4 и 7-го числа ноября сего 1821 года.

(Представлена Руничемъ въ главное правленіе училищъ).

Въ трехъ журналахъ чрезвычайныхъ собраній университета 3, 4 и 7-го ноября, содержатся всѣ подробности дѣла объ отобраніи отъ профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и адъюнкта Арсеньева отвѣтовъ на вопросы, составленные для того въ главномъ правленіи училищъ изъ тетрадей студентовъ, слушавшихъ у нихъ лекціи.

Подлинные отвѣты, мнѣнія и протесты и другіе акты приложены при выпискахъ.

При самомъ началѣ засѣданія обнаружился планъ, подкрѣпленный по всѣмъ вѣроятіямъ надеждою остановить изслѣдованіе и чрезъ то представить мѣры правительства необдуманными и недостаточными къ обузданію ученаго вольнодумства. Все было соображено противною партіею, чтобы

защитить не только лица обвиненныхъ преподавателей, но даже и самыя системы ихъ ученія.

Первый позванъ къ отвѣту профессоръ Германъ, ему прочтены вопросы и предложено дать письменные отвѣты. Узнавъ, что сіе сдѣлать слѣдуетъ въ присутствіи университета, онъ покорился ему и просилъ позволенія заняться въ особой комнатѣ, что ему и дозволено.

Затѣмъ позванъ Раупахъ. Не бывъ личнымъ свидѣтелемъ, невозможно представить гордости, дерзости и, можно сказать, презрѣнія, съ какимъ онъ вошелъ; по выслушаніи предписанія рѣшительно и упорно отвергъ справедливость обвиненія и объявилъ, что письменныхъ отвѣтовъ на вопросы дать не можетъ, доколѣ не получитъ своихъ собственныхъ и студентовъ его записокъ, обѣщая доказать, что онъ никогда того не преподавалъ, что въ вопросахъ находится.

По настоятельномъ требованіи, Раупахъ наконецъ написалъ на французскомъ языкѣ отрицаніе, почти того же содержанія, что говорилъ прежде.

Не удовлетворяясь тѣмъ, я повторилъ требованіе, чтобы вопросные пункты онъ очистилъ какими хочетъ отвѣтами; но онъ, возвыся тонъ, выходилъ изъ себя отъ досады и торжественно объявилъ, *что никакая власть не принудитъ его исполнить такой законъ, котораго исполнить невозможно*. За сіе онъ высланъ изъ присутствія, и поступокъ его большинствомъ голосовъ признанъ противузаконнымъ и возмутительнымъ. Положено: призвавъ его вторично въ присутствіе, настоятельно требовать надлежащихъ отвѣтовъ. По изъясненіи ему законовъ и убѣжденію нѣкоторыхъ изъ членовъ, онъ написалъ наконецъ на всѣ вопросные пункты безусловное отрицаніе, повторяя прежнее свое требованіе тетрадей на нѣкоторое время.

Когда Германъ представилъ письменные свои отвѣты, приступлено къ разсматриванію оныхъ для положенія мнѣнія. При семъ оказалось то, чего описать невозможно. Тѣ, кои надѣялись остановить сими отвѣтами дальнѣйшее изслѣдованіе, видя, что разсужденіе направляется къ противному, рѣшились отстаивать и ученія, и учителей самымъ неблагопристойнымъ образомъ.

Первымъ покушеніемъ были дерзкія, пронырливыя на-

тяжки и прицѣпки къ каждому слову; даже грамматическія изъясненія, служащія къ оправданію Германа и Раупаха, для уничиженія правительства.

Профессоръ Балугьянскій до призванія Германа и Раупаха въ присутствіи сдѣлалъ мнѣ весьма подозрительный вопросъ: *какая цѣль правительства, одно ли ученіе или самые преподаватели осуждаются? Ибо въ послѣднемъ случаѣ могутъ быть необходимы другаго рода сужденія.*

Я на сіе отвѣтствовалъ приказаніемъ записать вопросъ сей въ журналъ, и потому только отложилъ сіе, что онъ, Балугьянскій, сталъ извиняться и говорить, что хотѣлъ сказать не то; и потому, что директоръ убѣждалъ меня оставить сію наглость, скрывавшуюся подъ личиною мнимаго неумѣнья выразить свои мысли.

Видя, что нѣтъ возможности составить общаго мнѣнія, ибо, съ одной стороны, благонамѣренные члены университета, проникнутые святостью дѣла, не могли согласиться съ неблагонамѣренными, и отъ того естественно происходили длинныя, пустыя словопренія,—я нашелся въ необходимости превратить совѣщаніе въ вопросы. Отъ сего произошли: 1) разные голоса противудѣйствующей партіи; 2) упорное отверженіе основательности выписокъ, указывающихъ на вредность ученія, и 3) настоятельное подкрѣпленіе требованій Германа и Раупаха о выдачѣ имъ собственныхъ записокъ и студентскихъ тетрадей. Сими средствами надѣялись подвергнуть вопросные пункты ученому разбору, и тѣмъ судебный ходъ дѣла превратить въ школьное словопреніе! Многіе голоса подкрѣпляли требованіе Германа, *предать ученіе его судьямъ, имѣющимъ основательнѣйшія понятія о наукѣ*, притворяясь невидящими того, что дѣло идетъ не объ учености, но о нападеніи на религію и правительство.

Профессоръ Шармуа, видя, что невозможно оправдать Германа и Раупаха законно, прибѣгнулъ къ средству незаконному, которое состояло въ томъ, чтобы отвергнуть право предсѣдателя предлагать вопросы, и написалъ въ мнѣніи, что не почитаетъ себя обязаннымъ отвѣчать на такіе вопросы, которые не находятся въ предписаніи вашего сіятельства; смыслъ сего тотъ: что я не долженъ дѣлать таковыхъ вопросовъ.

Намѣреніе сіе необходимо имѣло бы желаемый успѣхъ, еслибы я не остановилъ дерзости Шармуа съ твердостью и рѣшительностью. Я предложилъ судить таковую дерзость, и Шармуа единогласно обвиненъ. По собраніи голосовъ, видя, что покушеніе его не удалось, онъ просилъ и у меня и у всего собранія прощенія, которое ему и даровано. И противъ всего-то такъ нагло протестовалъ онъ, на другой день, когда голоса о поступкѣ его были уничтожены, надѣясь и симъ опрокинуть ходъ всего дѣла.

Профессоръ Балугьянскій, при требованіи мнѣнія о семъ поступкѣ профессора Шармуа, сказалъ, что собраніе университета превращается *въ инквизицію*; когда я ему сіе замѣтилъ, то сталъ отыгрываться изъясненіемъ латинскаго слова (inquisitio).

Не смотря на все сіе, единогласно и благонамѣренными и противодѣйствовавшими членами общаго собранія признано:

1) Ученіе *всѣхъ четырехъ преподавателей вреднымъ;* первыми — положительно; послѣдними подъ условіемъ: «*есть-ли обвинительные акты основательны, безпристрастны*".

2) Сами преподаватели неблагонадежными и опасными; первыми — положительно, послѣдними — условно: «*если преподаватели дѣйствительно будутъ изобличены въ преступномъ ученіи, имъ приписываемомъ*».

По призваніи въ присутствіе профессора Галича и по прочтеніи вопросовъ, я тронутъ былъ до глубины сердца, видя русскаго профессора, извѣстнаго многимъ по доброй нравственности, потерявшаго себя черезъ пристрастіе къ внушенному ему въ Германіи лжемудрію, и, какъ умѣлъ, старался тронуть его упреками въ неблагодарности къ правительству, на счетъ коего онъ воспитанъ; во вредѣ, который нанесъ тому мѣсту, гдѣ самъ образованъ, и наконецъ въ усиліи постановить заблуждающійся разумъ человѣческій на мѣсто того Спасителя, кровію коего онъ искупленъ. Не знаю, подѣйствовало ли на него сіе увѣщеніе, но Галичъ написалъ въ отвѣтѣ слѣдующія слова:

«Сознавъ невозможность отвергнуть вопросные пункты, отвѣчаю желаніемъ *не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія*».

Отвѣтъ сей произвелъ сильное впечатлѣніе на все собра-

ніе, и многіе члены, проливая слезы, просили меня о ходатайствѣ за него. Сознаніе Галича служитъ непреложнымъ доказательствомъ того, что ученіе, обличенное вреднымъ и опаснымъ, дѣйствительно таково, и въ университетѣ допущено было.

Предметомъ послѣдняго, 7-го ноября, собранія было подписаніе журналовъ и протесты профессоровъ: Шармуа и Деманжа.

Здѣсь возникли обветшалыя увертки и родились новыя пререканія и прицѣпки къ словамъ, знакамъ препинанія и проч., съ тою же, какъ и прежде, цѣлію: то есть остановить и защитить дѣло. Сему воспрепятствовало мое объясненіе, что при подпискѣ журнала всякъ имѣетъ право подать особое мнѣніе.

9-го и 10-го ноября профессоры: Балугьянскій, Грефе, Соловьевъ, Чижовъ и Плисовъ прислали ко мнѣ мнѣнія; въ нихъ оказалось новое усиліе подвергнуть подозрѣнію законность дѣлопроизводства, которое, по обнаруженіи профессоромъ Плисовымъ явнаго пристрастія въ пользу обвиняемыхъ преподавателей, было поручено подъ особенное наблюденіе директора университета. Между прочимъ оригинальное признаніе Галича пропадало нѣсколько дней и вчера только найдено брошеннымъ на шкафъ въ комнатѣ конференціи.

Шармуа, въ засѣданіи 3-го ноября, желая воспрепятствовать мнѣ предлагать вопросы, не вывелъ бы меня изъ границъ умѣренности, еслибы не было ясно намѣреніе запутать дѣло; и посему только, видя и дерзость и трудность его, на клятву его небомъ и землею, отвѣчалъ, что не могу дать вѣры его клятвамъ, не зная, крещенъ онъ или нѣтъ.

Признаюсь, что, просидя безвыходно отъ 10-ти часовъ утра до 9-ти вечера, безъ обѣда и утомленный отъ разговора и чтенія, я не умѣлъ удержаться отъ сего порыва. Все соглашено было, чтобы вывести меня изъ человѣческаго терпѣнія.

Деманжъ почти со слезами на глазахъ просилъ о уничтоженіи голосовъ, обвинившихъ его товарища; къ нему присоединились и другіе благонамѣренные члены общаго собранія, — просили за него, и имъ не мудрено было успѣть въ томъ; но при семъ отъ Шармуа требовалось, чтобъ онъ объ-

явилъ въ присутствіи, что сіе непріятное для него происшествіе не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на даваемыя имъ сужденія о дѣлѣ, — и онъ исполнилъ то.

4-го ноября Шармуа сказался больнымъ и чрезъ Деманжа прислалъ бумагу; продолжившееся до ночи засѣданіе не позволило предложить оной на разсмотрѣніе университетскаго собранія; къ тому же, нѣкоторые члены, зная содержаніе оной, просили о возвращеніи ея профессору Шармуа, и я оставилъ ее за печатью моею въ рукахъ профессора Балугьянскаго, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія.

7-го числа къ сей бумагѣ прибавилась другая отъ того же Шармуа и третья отъ Деманжа. Всѣ онѣ заключали протесты на сдѣланныя укоризны профессору Шармуа, который включилъ въ нихъ и отрицаніе отъ одного изъ прежнихъ своихъ мнѣній, относительно сужденія по самому дѣлу. Не только я, но и большая часть собранія увидѣла въ семъ поступкѣ лживость характера обоихъ упомянутыхъ профессоровъ, и потому всѣ происшествія записаны въ журналѣ.

Невозможно было ожидать, чтобы сіе дѣло рѣшилось общимъ совѣщаніемъ; каждый членъ написалъ свое мнѣніе; но всѣ почти голоса заключаютъ обвиненія Шармуа, а нѣкоторые и Деманжа.

Изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною я удостовѣрился, что самый опасный духъ партій существуетъ въ университетѣ между нѣкоторыми членами, и что при ихъ расположеніи правительство на каждомъ шагу встрѣчать будетъ противодѣйствія, если не явныя, то тайныя, которыя всегда полагать будутъ препоны всякому наилучшему намѣренію.

Дмитрій Руничъ.

Ноября 12-го дня, 1821 года.

III.

Историческая записка о дѣлѣ С.-Петербургскаго университета.

(Составлена профессоромъ Плисовымъ).

С.-Петербургскій университетъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя ужасное нареканіе со стороны своего начальства и чрезъ то обратить на себя вниманіе не только столицы, но всей Россіи, а можетъ быть и цѣлой Европы. Внезапное обвиненіе профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и адъюнктъ-профессора Арсеньева возбудило любопытство публики, сострадание всѣхъ людей благомыслящихъ и участіе самого монарха. Поводъ къ сему обвиненію отъ начальства объявленъ, но истинныя причины, оставаясь загадкою для всякаго посторонняго, подразумѣваются и, рано или поздно, могутъ быть обнаружены, выведены и доказаны какъ изъ связи происшествій и обстоятельствъ большею частію извѣстныхъ, такъ и изъ оффиціальныхъ бумагъ. Самое производство сего дѣла въ университетскихъ собраніяхъ, ноября 3-го, 4-го и 7-го 1821 г., при которомъ настоятельно требовалось обвиняемыхъ непремѣнно осудить по самому обвиненію, отнявъ всѣ возможныя и законныя средства къ оправданію; самое это, само по себѣ уже достопримѣчательное во многихъ отношеніяхъ, производство дѣла есть только простое и весьма естественное слѣдствіе оныхъ причинъ. Не стоило ни малѣйшаго труда изложить со всею историческою точностію по крайней мѣрѣ главнѣйшія происшествія, случившіяся въ сихъ собраніяхъ, чрезвычайныхъ не по одному своему названію, но и по сущности. Оставалось только сличить и повѣрить большею частію записанныя тогда же для памяти замѣчанія тѣхъ изъ членовъ конференціи, кои полагали, что не иначе можно слѣдовать преднамѣреваемымъ при томъ чужимъ и постороннимъ дѣламъ и планамъ, какъ развѣ забывши долгъ, поправши честь, презрѣвши стыдъ и усыпя совѣсть.

Засѣданіе 3-го ноября:

Подъ предсѣдательствомъ г. исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Дмитрія Павловича Рунича. Началось въ 10 часовъ утра.

Предполагалось, что главная цѣль сего собранія оставалась для членовъ неизвѣстною, потому что тайно и необыкновеннымъ образомъ приглашенные къ оному обвиняемые профессоры собраны были въ особомъ удаленномъ отъ присутствія залѣ.

По прибытіи предсѣдательствующаго, г. Рунича, и директора, г. Кавелина, избранъ профессоръ Плисовъ, за болѣзнію конференцъ-секретаря Бутырскаго, къ исправленію его должности. Читаны сперва г. президентомъ собранія два отношенія къ нему г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, при которыхъ препровождаетъ два Высочайшія повелѣнія о томъ, что С.-Петербургскій университетъ удостоенъ титула Императорскаго университета и что профессоръ Балугьянскій увольняется отъ званія ректора. Третьимъ отношеніемъ г. министръ предлагаетъ исправленіе должности ректора въ университетѣ поручить до времени г. заслуженному профессору Зябловскому.

Потомъ г. Руничъ велѣлъ подать портфель и вслѣдъ затѣмъ началъ читать самъ же представленіе свое на имя г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣшенія, содержаніемъ коего было то, «что еще прежде вступленія его въ исправленіе должности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа доходили до него слухи, что въ здѣшнемъ университетѣ преподается ученіе на правилахъ разрушительныхъ; что онъ тому не вѣрилъ, предполагая, что примѣръ (Казанскаго университета и) профессора Куницына, вѣроятно, подѣйствовалъ. Что, вступивши въ отправленіе должности попечителя, онъ препоручилъ г. директору взять (тайно) отъ нѣкоторыхъ студентовъ и воспитанниковъ благороднаго пансіона дѣланныя ими записки по части преподаванія нѣкоторыхъ профессоровъ. Что изъ сихъ записокъ усмотрѣлъ онъ, что профессоръ Раупахъ проповѣдуетъ явно обдуманную систему невѣрія и пр. Что профессоръ Германъ изъ стати-

стики, науки простой, дѣлаетъ то же»; тутъ слѣдовали разныя ужасныя неимовѣрныя и даже въ различныхъ отношеніяхъ невозможныя преступленія, въ коихъ оные профессора обвинялись отъ г. исправляющаго должность попечителя и между прочимъ, сколько помнить можно, въ маратизмѣ и робеспьеризмѣ. Такого же рода были и обвиненія профессора Галича и адъюнктъ-профессора Арсеньева. Вслѣдъ затѣмъ читалъ г. Руничъ послѣдовавшее на то предложеніе г. министра, при которомъ препровождаетъ выписки изъ тетрадей и книгъ и заготовленные въ главномъ правленіи училищъ вопросные пункты, на которые предлагаетъ требовать отъ обвиняемыхъ профессоровъ отвѣтовъ для сужденія и мнѣнія по оному конференціи.

Г. Руничъ велѣлъ экзекутору позвать въ присутствіе сперва профессора Германа, а между тѣмъ позволилъ себѣ не только укорительныя и неумѣстныя замѣчанія на счетъ отзыва Германа къ ректору, но также странныя, а еще болѣе неприличныя насмѣшки на счетъ тутъ находившихся собственноручныхъ его тетрадей, называя оныя гадкими, мерзкими, чтобъ взять въ руки, и къ тому еще смердящими. Онъ даже предлагалъ нюхать оныя, кому угодно, показывая съ своей стороны отвращеніе отъ какого-то дурного въ нихъ запаха и зажимая носъ. При семъ не пощаженъ даже покойный Шлецеръ, бывшій учитель Германа.

Между тѣмъ явился въ присутствіе Германъ. Г. Руничъ читалъ ему вопросные пункты, до обвиненія его касающіеся, а г. Кавелинъ — выписки изъ студентскихъ тетрадей. Чтеніе продолжалось долго; Германъ наблюдалъ молчаніе, а между тѣмъ сѣлъ на одномъ изъ стоявшихъ въ особомъ ряду, позади, стульевъ, кои, вѣроятно, для того и были поставлены.

По окончаніи чтенія, г. Руничъ требовалъ, чтобы г. Германъ тутъ же далъ тотчасъ письменные отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо.

Троекратно обращался Германъ къ собранію съ просьбою о сообщеніи ему оныхъ вопросныхъ пунктовъ на домъ, дабы ему можно было въ спокойномъ духѣ дать удовлетворительные на оные отвѣты, но г. Руничъ отзывался совершенною невозможностію того позволить, велѣлъ ему садиться тутъ

же за особымъ столомъ и, не медля, писать отвѣты; Германъ безпрекословно повиновался.

Профессоръ Плисовъ долженъ былъ сѣсть съ нимъ вмѣстѣ, чтобъ читать и переводить оные вопросные пункты; но, видя продолжаемыя со стороны г. Рунича, и словами и тѣлодвиженіями, неприличныя насмѣшки насчетъ помянутыхъ тетрадей Германа и частію развлекаясь, а частію показывая знаки удивленія, останавливался при чтеніи обвинительныхъ пунктовъ. Замѣтя то, г. Руничъ спрашивалъ г. Кавелина довольно двусмысленно: «Развѣ г. Плисовъ не русскій?» Тутъ Германъ, сперва чрезъ Плисова, а потомъ и самъ лично началъ просить о позволеніи писать отвѣты въ особой камерѣ; г. Руничъ не соглашался, а наконецъ, по представленіямъ нѣкоторыхъ членовъ, просьба Германа уважена, и Плисовъ отряженъ съ нимъ для надзора при составленіи письменныхъ его отвѣтовъ въ особой камерѣ.

Между тѣмъ, по приказанію г. Рунича, призванъ профессоръ Раупахъ, который, вошедши въ присутствіе и учтиво поклонясь собранію, сѣлъ тотчасъ на одномъ изъ позади стоявшихъ стульевъ. Онъ просилъ позволенія читать по-французски, но ему читали по-русски, и онъ увѣрялъ, что понимаетъ.

По прочтеніи обвиненій, г. Руничъ требовалъ отъ Раупаха, какъ прежде и отъ Германа, но только съ нѣкоторыми угрозами, чтобы онъ тутъ же садился и писалъ немедленно отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо.

Раупахъ отвѣчалъ, что это въ тогдашнемъ его положеніи невозможное дѣло и что онъ не иначе можетъ отвѣчать какъ тогда, когда возвращены ему будутъ собственныя его тетради и тетради того изъ студентовъ, по которымъ сдѣланы выписки. «И такъ вы не повинуетесь собранію», сказалъ ему г. Руничъ, «а слѣдовательно и главному правленію училищъ, а по сему и министру, а по сему и государю (указывая на зерцало, которое тутъ нарочно для сего случая поставлено было, ибо ни прежде, ни позже не было зерцала въ собраніи правленія и конференціи), словомъ, не повинуетесь верховной власти, поставленной отъ Бога, и не признаете никакого закона». Члены конференціи изумились. «On ne peut pas m'imposer une loi, que je suis incapable de

remplir», отвѣчалъ Раупахъ, коротко и съ нѣкоторымъ благороднымъ негодованіемъ на подобныя заключенія.

«Ah! on ne peut pas vous improser une loi?» прервалъ его торопливо г. Руничъ, повторяя сіи слова и пропуская послѣднія.—«Que je suis incapable de remplir»—прибавлялъ всякій разъ Раупахъ.—Ну, посмотримъ, что далѣе будетъ, продолжалъ г. Руничъ, садитесь тамъ за столомъ и отвѣчайте, какъ можете и что хотите. Раупахъ сѣлъ за особый столъ и написалъ свой отвѣтъ, въ которомъ подтвердилъ свой отзывъ о невозможности дать удовлетворительные отвѣты на предлагаемые ему вопросные пункты. (Отвѣтъ сей измѣненъ переводомъ профессора Толмачева, какъ то многіе при чтеніи журнала замѣтили). Когда Раупахъ отдалъ письменный свой отвѣтъ, велѣно ему выйти. Г. Кавелинъ приказалъ экзекутору взять его подъ свой присмотръ, а сей увѣрялъ всѣхъ, что Раупаха выгнали изъ присутствія.

Тогда г. Руничъ началъ не только ругать его всяческими поносными словами, но и называть бунтовщикомъ, возмутителемъ, зажигателемъ, государственнымъ измѣнникомъ—rebelle, incendaire, повторяя сіи ужасныя слова и не давая никому выговорить ни одного слова.

Г. Кавелинъ говорилъ, что «еслибы г. президентъ послушался его и сдѣлалъ бы отношеніе къ оберъ-полицеймейстеру, чтобы прислалъ человѣка четыре жандармовъ, то тогда между голыхъ палашей, стоя за налоемъ, Раупахъ бы того не сдѣлалъ; впрочемъ можно и теперь послать на гауптвахту» и проч.

Съ неописаннымъ изумленіемъ профессоры: Лодій, Балугьянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Вишневскій, Ржевскій, адъюнктъ Радловъ и директоръ училищъ Тимковскій начали говорить, дѣлать свои представленія и свято увѣрять, что въ поведеніи Раупаха ни малѣйше не было ничего подобнаго; но гг. Руничъ и Кавелинъ не давали никому произнесть ни одного слова. Ужасъ и справедливое негодованіе изъявляло собраніе; однако же иные члены показывали притомъ нѣкое странное равнодушіе. Исправляющаго должность конференцъ-секретаря, профессора Плисова, не было въ собраніи и впослѣдствіи уже объяснилась причина, почему онъ именно, а не другой кто отряженъ къ профессору Герману.

Между тѣмъ Плисовъ принесъ данные Германомъ письменные отвѣты; гг. Руничъ и Кавелинъ продолжали повторять ужасныя названія возмутителя, бунтовщика, государственнаго измѣнника и пр. на французскомъ и на русскомъ языкахъ, стараясь всячески увѣрить въ томъ Плисова; впослѣдствіи при подписаніи журнала уговаривалъ его даже къ тому, чтобы онъ, какъ подписался съ мнѣніемъ, сказалъ въ ономъ только то, что «хотя я и не былъ свидѣтелемъ возмутительныхъ поступковъ Раупаха, но согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, кои почитаютъ оные таковыми».

Отвѣтъ Германа на главный вопросный пунктъ: что̀ приведете вы въ оправданіе, что въ запискахъ вашихъ не содержатся рузрушительныя правила въ отношеніи къ религіи, государству и пр., состоялъ въ томъ: 1) мою совѣсть, которая чиста и 2) разсмотрѣніе всѣхъ началъ и выраженій, кои я признаю своими (ибо въ читанныхъ мнѣ выпискахъ изъ студентскихъ тетрадей замѣтилъ я превратныя мысли, кои я не признаю за свои) — la révision faite par des juges compétens versés dans les sciences politiques. Потомъ просилъ законныхъ средствъ къ своему оправданію. Онъ призванъ въ присутствіе; г. Руничъ дѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что онъ такимъ образомъ ни его, ни главнаго правленія училищъ не признаетъ pour les juges compétens, что такой отзывъ Германа не можетъ быть принятъ и пр.; наконецъ ему велѣли выйти и дожидаться.

«Отвѣты Германа, сказалъ г. Руничъ съ неудовольствіемъ, были бы впрочемъ достаточны, еслибы не сіе противузаконное требованіе: Révision par des juges compétens, которое никакъ не можетъ быть допущено». Потомъ спрашивалъ, что дѣлать съ объясненіемъ Раупаха. Всѣ члены единогласно отвѣчали, что надлежитъ призвать его въ другой разъ, дабы онъ могъ, если хочетъ, подобно Герману, въ особой камерѣ, сколько время ему позволитъ, писать отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо, и потомъ такое, подробнѣе перваго, объясненіе представить начальству; если же того онъ не захочетъ дѣлать, то довольствоваться первымъ его объясненіемъ и представить оное начальству.

Когда Раупахъ въ другой разъ явился въ собраніе, то г. Руничъ выразилъ заключеніе конференціи въ превратномъ

смыслѣ, якобы конференція упорно настоитъ и требуетъ, чтобы онъ, Раупахъ, непремѣнно отвѣчалъ на каждый вопросный пунктъ особо и притомъ опять тутъ же въ присутствіи.

Профессоръ Балугьянскій, Грефе и нѣкоторые другіе старались замѣтить настоящее заключеніе конференціи. Раупахъ рѣшился отвѣчать, какъ могъ; сѣлъ въ углу съ г. Кавелинымъ, который читалъ ему порознь вопросные пункты. Написавши отвѣты, въ которыхъ ограничился простымъ отрицаніемъ обвиненій и требовалъ времени и законныхъ средствъ къ своему оправданію, Раупахъ отдалъ оные г. Руничу; по прочтеніи отвѣтовъ, Раупаху велѣли выйти.

Тогда г. Руничъ началъ опять называть его возмутителемъ, бунтовщикомъ и пр. «Какъ милостиво правительство, говорилъ онъ, что позволяетъ преступникамъ свободно являться предъ судъ, вмѣсто того, что надлежало бы между жандармами съ голыми палашами заставить ихъ за налоемъ писать отвѣты. Но и сіи отвѣты Раупаха оскорбительны для собранія: они не содержатъ въ себѣ ничего кромѣ упорнаго запирательства, продолжалъ онъ; я бывалъ при подобныхъ криминальныхъ слѣдствіяхъ, въ коихъ преступники во всемъ запирались такъ же, какъ и нынѣ Раупахъ, и знаю, что потомъ слѣдуетъ дѣлать, а между тѣмъ, на основаніи предписанія г. министра, приступимъ къ опредѣленію нашего мнѣнія; какой приговоръ мы сдѣлаемъ по отвѣтамъ профессоровъ Германа и Раупаха?»

Тутъ велѣлъ онъ Плисову собирать голоса и мнѣнія, начиная по порядку съ младшихъ членовъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ-то: Роговъ, Поповъ и Щегловъ изъявили всю готовность давать оные и начинали уже говорить — обстоятельство, которое явно показывало, что они въ преднамѣренномъ производствѣ дѣла были достаточно вразумлены и наставлены. «Собирайте голоса и мнѣнія», сказалъ г. Руничъ Плисову», который медлилъ и навлекъ чрезъ то несправедливые упреки г. Рунича. Профессоръ Балугьянскій спрашивалъ, о чемъ надлежало судить и давать мнѣнія. Руничъ отвѣчалъ ему грубыми насмѣшками. Профессоръ Соловьевъ спрашивалъ о томъ же и услышалъ отъ него, кромѣ грубыхъ объясненій, угрозы. Профессору Грефе, который

также начиналъ дѣлать свои представленія, сказалъ «что онъ, Грефе, предубѣжденъ въ пользу обоихъ обвиняемыхъ профессоровъ; впрочемъ можетъ быть это происходитъ и отъ одной доброты сердца», прибавилъ онъ, поправляя свою ошибку. Однакожъ, не смотря на грубыя насмѣшки и сильныя выраженія, въ которыхъ г. Руничъ объяснялся, прибавляя, что «онъ никакъ не думалъ встрѣтить такого сопротивленія въ членахъ конференціи, собранныхъ имъ по предписанію г. министра». Не смотря на все это, профессоры: Балугьянскій, Грефе, Соловьевъ, Чижовъ и нѣкоторые другіе изъявили, что они изъ предложенія министра и изъ начатаго производства дѣла не видятъ, въ чемъ должно состоять ихъ мнѣніе.

Тогда г. Руничъ, подумавши сперва немного, предложилъ для мнѣнія вопросъ, сказавши притомъ и повторяя нѣсколько разъ по-нѣмецки, по-французски и по-русски, что «мы здѣсь не для того, чтобы судить и опредѣлять заключенія, что это только для формы и въ исполненіе предписанія г. министра», что «главное правленіе училищъ будетъ само судить» и пр. Первый, предложенный для мнѣнія, вопросъ былъ: удовлетворительны ли отвѣты профессоровъ Германа и Раупаха? Всѣ члены, которые были предварительно предубѣждены и вразумлены въ разсужденіи производства дѣла, отвѣчали на сей, и двусмысленный и неопредѣленный, вопросъ въ одинъ голосъ: неудовлетворительны. Другіе спрашивали, о какомъ отношеніи дѣло идетъ: или о томъ, чтобы изслѣдовать дѣло дальше, требовать отвѣтовъ, предоставивши обвиняемымъ средства и способы, какихъ они по закону въ правѣ съ своей стороны требовать; или о томъ только, чтобъ убѣдиться, что такимъ образомъ начатое и производимое дѣло не приведетъ ни къ какому объясненію. Г. Руничъ однимъ— что nous ne sommes pas ici pour juges, «скажите только ваше мнѣніе прямо на вопросъ безъ всякихъ отношеній»,— подтверждалъ онъ другимъ. Тутъ что-то кроется, говорилъ онъ вообще; это какіе-то крючки, уловки, ябедничество, наконецъ заговоръ (?), что это значитъ? гдѣ я? такъ ли и всегда ли въ конференціи происходили совѣщанія? и пр. Продолжая такимъ образомъ говорить и не давая никому произнесть ни одного слова, требовалъ, чтобы непремѣнно

были подаваемы мнѣнія на вопросъ и притомъ въ одномъ словѣ: да, или нѣтъ; такимъ-то образомъ другіе отвѣчали, что оные отвѣты недостаточны къ объясненію вопросовъ, разумѣя и даже прибавляя въ нарочитыхъ мнѣніяхъ, что оные отвѣты и не могли быть достаточны, судя по времени и способамъ, къ тому предоставленнымъ. Зябловскій, Кавелинъ и Руничъ прибавили, что не только не удовлетворительны, но и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Профессоръ Плисовъ, исполняющій должность конференцъ-секретаря, медлилъ отмѣчать сіе прибавленіе, частію удивляясь явной неосновательности онаго, а частію предполагая, что еслибы отвѣты оныхъ профессоровъ и въ самомъ дѣлѣ были въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, то на основаніи законовъ не надлежало бы оныхъ принимать. Г. Руничъ требовалъ, чтобы прибавленіе сіе было непремѣнно записано, и Плисовъ не могъ и не смѣлъ прекословить.

Потомъ предложенъ для мнѣнія другой вопросъ, который гг. Руничъ съ Кавелинымъ диктовали конференцъ-секретарю по словамъ, не заключавшимъ въ связи никакого смысла, и который четыре раза былъ писанъ, поправляемъ, переписываемъ снова на особый листъ и опять поправляемъ, наконецъ остался въ сихъ почти словахъ:

Можно ли допустить мнѣніе профессоровъ Германа и Раупаха въ томъ, что они не признаютъ выписокъ, составленныхъ въ главномъ правленіи училищъ и отъ г. министра въ общее собраніе университета препровожденныхъ, законными и на собственномъ ихъ ученіи основанными.

Исключая самого г. Рунича и г. Кавелина, никто не понималъ, а можетъ быть рѣдкій и понынѣ понимаетъ смыслъ сего вопроса. Изъ отвѣтовъ профессоровъ Германа и Раупаха не видно, чтобы они сомнѣвались въ томъ, что выписки изъ ихъ тетрадей въ главномъ правленіи училищъ составлены, или что они отъ г. министра препровождены; равнымъ образомъ никто почти не понималъ и не зналъ, какой законности выписокъ оные профессоры якобы не признаютъ.

Профессоры: Лодій, Балугьянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Вишневскій, Плисовъ, Ржевскій, директоръ училищъ Тимковскій и адъюнктъ Радловъ про-

сили объясненія смысла предлагаемаго вопроса. Прочіе молчали, ожидая, что скажетъ г. Руничъ. Г. Руничъ прерывалъ всякаго порознь и никому не давалъ произносить ни одного слова. Требовалъ, чтобы мнѣнія были собираемы. Но когда приступили къ собранію голосовъ, начиная съ младшихъ членовъ, и когда даже и тѣ, кои (какъ примѣчено уже и прежде, а впослѣдствіи и явно оказалось) были предубѣждены и наставлены въ разсужденіи производства дѣла, не знали какъ отвѣчать, то г. Руничъ объяснилъ сей вопросъ, сказавши, неужели вы думаете, что можно было бы допустить такое противузаконное мнѣніе профессоровъ Германа и Раупаха?

Тогда большая часть отвѣчала, что не можно, иные даже не понимали, что сіе предположеніе значило и къ чему оно послужитъ. Нѣкоторые дали особенно письменныя мнѣнія разнаго содержанія (впослѣдствіи г. директоръ, взявши съ собою черновыя бумаги на домъ, вымаралъ въ семъ вопросѣ слово «законными» и заставилъ конференцъ-секретаря Плисова переписать сей вопросъ на особый листъ, увѣряя, что въ минуту его отсутствія изъ собранія оное слово отмѣнено). Тогда отрицательные отвѣты: не можно, приняли другой смыслъ, а нѣкоторыя особыя мнѣнія другихъ профессоровъ не имѣли непосредственнаго отношенія къ вопросу.

Г. Руничъ въ свою очередь написалъ на черновомъ листѣ собственноручно длинное мнѣніе, въ которомъ и говорилъ между прочимъ, что такое мнѣніе Германа и Раупаха грубо, оскорбительно, противузаконно и пр., читая и повторяя свое мнѣніе, неоднократно склонялъ членовъ на оное согласиться.

Но когда изъ того нельзя было вывесть рѣшительнаго осужденія профессоровъ Германа и Раупаха, то г. Руничъ началъ диктовать по словамъ третій вопросъ, который самъ по себѣ былъ совершенно понятенъ, но привелъ въ немалое удивленіе и изумленіе всякаго, кто не былъ предубѣжденъ и остался безпристрастенъ. Вопросъ сей состоялъ въ слѣдующихъ словахъ: Принявъ въ соображеніе неудовлетворительность данныхъ профессорами Германомъ и Раупахомъ отвѣтовъ съ одной стороны, а съ другой важность, заключающуюся въ вопросахъ, на кои они сдѣланы (т. е. предло-

женныхъ имъ вопросныхъ пунктовъ) и личное поведеніе Раупаха въ общемъ присутствіи, остается для исполненія предписанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія рѣшить: какого мнѣнія конференція о проподанныхъ ими ученіяхъ и о благонадежности ихъ, какъ наставниковъ юношества?

Тутъ-то явно оказалось, что многіе изъ членовъ не только были предупреждены насчетъ сего вопроса, но вразумлены на счетъ отвѣта на оный, а вообще предубѣждены въ пользу незаконнаго производства сего дѣла. Ибо адъюнктъ-профессоры: Роговъ, Поповъ и Щегловъ, не дожидаясь еще пока сей вопросъ будетъ написанъ, при самыхъ первыхъ диктованныхъ президентомъ начальныхъ словахъ, изъ коихъ другіе ничего еще понять не могли, начали писать свое мнѣніе и отвѣты... Имъ послѣдовали профессоры Дегуровъ и Толмачевъ; Зябловскій приготовлялся также писать. Гг. Кавелинъ и Руничъ еще съ большимъ противу прежняго ожесточеніемъ и крикомъ оспаривали всякаго, кто только осмѣливался представлять, что на сей вопросъ нельзя еще отвѣчать; что г. Руничъ самъ повторялъ прежде неоднократно, что мы здѣсь не для того, чтобы судить и дѣлать рѣшительныя опредѣленія; что изъ отвѣтовъ профессоровъ Германа и Раупаха, недостаточныхъ къ объясненію вопросовъ или неудовлетворительныхъ, нельзя еще ничего заключить; наконецъ, что надлежитъ предоставить онымъ профессорамъ всѣ законныя средства и способы къ ихъ оправданію и что они имѣютъ право того требовать. Послѣднія сіи представленія подѣйствовали на гг. Рунича и Кавелина, которые сперва, прерывая каждаго и не давая никому говорить ни одного слова, стращали нареканіемъ соумышленничества съ обвиняемыми, говорили о заговорѣ, о возмутительномъ якобы поступкѣ Раупаха, называя его бунтовщикомъ, о томъ, что вѣрно хотятъ защищать его, подражать ему; г. Кавелинъ говорилъ неоднократно объ отношеніи къ оберъ-полицiймейстеру, о жандармахъ съ голыми палашами. Чувствуя ужасную несправедливость такихъ упрековъ и явный обманъ, всѣ благомыслящіе члены, по непривычкѣ къ такимъ явленіямъ, тронуты были до слезъ.

Между тѣмъ послѣднія представленія о томъ, чтобы дать

обвиняемымъ всевозможныя къ ихъ оправданію средства и что они имѣютъ право того требовать, привели въ недоумѣніе г. Кавелина и въ замѣшательство самого г. Рунича, потому что и тотъ и другой всячески старались удалить даже мысль о томъ, и для того неоднократно повторяли словесно и письменно, что главное правленіе училищъ судило уже сіе дѣло и будетъ судить, что мы здѣсь не для того, чтобы судить и дѣлать рѣшительное опредѣленіе и проч.

Подумавши немного, г. Руничъ спросилъ, какого же мнѣнія конференція о преступленіяхъ, въ которыхъ оныхъ профессоровъ обвиняютъ. (Невѣріе, безбожіе и пр.). Сіи преступленія ужасны, но еще въ отношеніи къ обвиняемымъ не доказаны,—былъ отвѣтъ. «А выписки, присланныя изъ главнаго правленія училищъ?»—говорилъ президентъ. «Ну, судя по симъ выпискамъ, какого мнѣнія конференція о подобномъ ученіи», положилъ онъ въ вопросъ, и всѣ начали писать свои мнѣнія.

Между тѣмъ адъюнктъ-профессоры Роговъ, Щегловъ и Поповъ начали читать свои готовыя уже и притомъ безусловныя мнѣнія на вопросъ, такъ какъ онъ былъ предлагаемъ прежде. Такая торопливая наглость не могла быть приписана одной неопытности сихъ молодыхъ людей, коихъ весьма еще недавно видѣли за ученическою скамьею. Роговъ читалъ первый, осуждалъ Раупаха во всемъ и полагалъ, что онъ не заслуживаетъ никакой довѣренности; причина тому извѣстна; каѳедра Раупаха ему обѣщана и сверхъ того другія лестныя награды и знаки отличія. О Германѣ же отзывался Роговъ, что онъ бывшій его учитель. Г. Руничъ похвалилъ его, даже благодарилъ, сколько нѣкоторые припомнятъ, за первое, но винилъ за послѣднее и совѣтовалъ молчать о томъ, что онъ учился у Германа.

Потомъ читалъ свое мнѣніе Щегловъ (которому обѣщана каѳедра физики и сверхъ того также знаки отличія). Удивительно, съ какимъ отчаяннымъ хладнокровіемъ сей молодой человѣкъ произносилъ рѣшительный приговоръ въ такомъ дѣлѣ, котораго онъ совершенно не разумѣлъ и которое даже по виду не было еще доказано, осуждая безусловно обвиняемыхъ профессоровъ, вообще полагая ихъ совершенно незаслуживающими никакой довѣренности и, что еще ужас-

нѣе, ссылаясь на всѣ извѣстные ему, Щеглову, какіе-то законы, какъ будто бы есть какіе законы, по коимъ можно осудить безъ суда и права;—съ какимъ ожесточеніемъ упоминалъ о Раупахѣ, называя его поступокъ возмутительнымъ, полагалъ его безнадежнымъ и пр. Къ поведенію Германа и Щегловъ былъ снисходительнѣе, говоря, что онъ, впрочемъ, человѣкъ добрый—качество, которое по дѣлу не могло служить Герману въ пользу.

«Браво! прекрасно! безподобно», повторялъ г. Руничъ, прерывая его въ чтеніи: «вотъ какого вы должны быть мнѣнія! Господа, я напередъ объявляю, что я мнѣнія г. Щеглова. Я очень радъ, г. Щегловъ, что вы имѣете такую твердость; я почти не сомнѣвался...», и т. д.

Но когда вслѣдъ затѣмъ адъюнктъ Поповъ, а потомъ профессоръ Дегуровъ и Толмачовъ (коимъ всѣмъ также обѣщаны награды и знаки отличія) начали читать свои мнѣнія такого же содержанія и въ такомъ же духѣ и тонѣ, то сіе справедливое негодованіе возросло до того, что прочіе опять поражены были до слезъ; профессору же Балугьянскому сдѣлался родъ обморока, и онъ не могъ усидѣть на своемъ стулѣ.

Прочіе профессоры: Плисовъ, Ржевскій, Вишневскій, Шармуа, Деманжъ, Чижовъ, Грефе, Балугьянскій и Лодій, также директоръ училищъ Тимковскій и адъюнктъ Радловъ, не признавали по такому производству дѣла обвиняемыхъ профессоровъ ни виновными, ни невинными, и принуждены будучи дать свое мнѣніе о самомъ обвиненіи, т. е. о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ исправляющій должность попечителя писалъ въ своемъ представленіи г. министру, и о тѣхъ вопросныхъ пунктахъ и выпискахъ, кои присланы изъ главнаго правленія училищъ, отвѣчали въ письменныхъ своихъ объясненіяхъ почти единогласно, что, судя по симъ выпискамъ, ученіе, въ нихъ содержащееся, безъ всякаго сомнѣнія подлежитъ и подлежало бы отверженію, иные прибавляли, что такое ученіе ужасно, не могло бы быть терпимо ни въ какомъ ни въ публичномъ, ни приватномъ заведеніи и что тотъ, кто преподавалъ бы такое ученіе, не заслуживалъ бы никакого довѣрія. Иные писали особыя мнѣнія, въ коихъ требовали предоставить профессорамъ Герману и Раупаху всѣ

законные средства и способы къ ихъ оправданію. Между тѣмъ готовилось другое явленіе, ужасное и важное.

Профессоръ Шармуа въ письменнномъ своемъ мнѣніи на сей вопросъ между прочимъ сказалъ: je ne me trouve pas en compétence d'y répondre. Надлежало видѣть, а описать или представить себѣ невозможно того ужаснаго ожесточенія, съ какимъ г. Руничъ устремился на профессора Шармуа по одному только съ своей стороны недоразумѣнію сихъ словъ, понимая изъ оныхъ, якобы профессоръ Шармуа посредствомъ оныхъ оспаривалъ его президентское право предлагать вопросы. Г. Кавелинъ старался схватить сіе письменное мнѣніе профессора Шармуа и вырвать оное изъ рукъ его, но Шармуа самъ подалъ оное добровольно г. Руничу, который читалъ, перечитывалъ и остался въ прежнемъ недоразумѣніи, или по крайней мѣрѣ съ намѣреніемъ оное обнаруживалъ. Профессоры Балугьянскій, Грефе, Лодій и нѣкоторые другіе старались его освободить отъ онаго, но сіи старанія остались тщетны, потому что гг. Руничъ и Кавелинъ не только не давали никому произнесть ни одного слова, но и заглушали всякаго крикомъ, который проницалъ сквозь каменные своды къ живущимъ вверху, который внятно былъ слышимъ студентами въ близкихъ комнатахъ, отдѣляемыхъ отъ собранія камерою и корридоромъ (всѣ студенты вообще были заперты въ своихъ комнатахъ).

Г. Руничъ кричалъ, что Шармуа, отвѣчая такимъ образомъ, не только оспариваетъ права его, яко президента, но не признаетъ слѣдовательно законности ни собранія, ни предписанія министра, а слѣдовательно противится и верховной власти. Потомъ, хвалясь своими предками, заслугами и достоинствами по качеству члена главнаго правленія училищъ, попечителя и президента, онъ продолжалъ ругать профессора Шармуа всяческими язвительными, поносными и укорительными словами, называя себя сыномъ отечества, вѣрнымъ подданнымъ государю, истиннымъ христіаниномъ; а профессора Шармуа пришлецомъ, чадомъ революціи, выходцемъ изъ отечества Маратовъ и Робеспьеровъ, бунтовщикомъ, государственнымъ измѣнникомъ, вторымъ Раупахомъ, не крещенымъ и т. п. Vous n'êtes pas baptisé, vous êtes enfant de la révolution, vous êtes du pays des Marats et des Robespierres — vous êtes rebelle, c'est une rébellion, incendie etc...

Профессоръ Шармуа отвѣчалъ съ свойственною ему откровенностію и благородствомъ (кои однакожъ гг. Руничъ и Кавелинъ почитали замѣшательствомъ и трусостію), что онъ ничѣмъ не заслужилъ такихъ упрековъ, что гнѣвъ его превосходительства основывается на собственномъ его недоразумѣніи, что ему и на мысль не приходило оспаривать его права. Гг. Руничъ и Кавелинъ прерывали его прежними укорительными выраженіями, даже молодость его, какъ профессора, причтена была ему въ укоръ. Шармуа клялся, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго побужденія, ни повода, ни намѣренія, оспаривать чьи либо права; но самая клятва его обращена гг. Руничемъ и Кавелинымъ въ смѣхъ, а между тѣмъ вѣроятно самыя слова: чьи либо права, произнесенныя профессоромъ Шармуа, подали г. Руничу новую мысль. «Вы нарушили права цѣлаго собранія, которое въ лицѣ моемъ обижается и должно обижаться», сказалъ онъ, и вдругъ, вопреки всякому порядку и законамъ, именно же вопреки указу 31-го декабря 1765 г. отд. 2, въ которомъ нарочито выражено: «Никому отнюдь не отступать отъ самой точности предписанныхъ въ генеральномъ регламентѣ всѣмъ членамъ должностей и чрезъ выступленіе изъ предѣловъ своего званія не наносить одному противъ другаго раздраженій и партикулярныхъ неудовольствій и недоброжелательствъ, дабы чрезъ то не заходить другъ противъ друга въ недѣльныя голоса, а потомъ и въ персональные протесты, чѣмъ единственно не только дѣламъ, но и самимъ мѣстамъ разрушеніе причиняется», — вдругъ г. Руничъ обращается къ собранію съ двусмысленными, условными и неопредѣленными, какъ и прежде въ общемъ дѣлѣ, вопросами, и, не давая никому опомниться отъ изумленія, требуетъ на оное мнѣнія собранія, надѣясь чрезъ то уловить всякаго.

Первый предложенный имъ вопросъ состоялъ въ томъ: позволительно ли профессору Шармуа оспаривать права президента, или смѣетъ ли онъ то дѣлать?

Всѣ единогласно отвѣчали, что непозволительно, не смѣетъ, разумѣя, какъ само по себѣ слѣдуетъ, то, что президентскихъ правъ вообще никто оспаривать не смѣетъ и что еслибы кто осмѣлился сдѣлать то, то это былъ бы поступокъ непозволительный. Вопросы и отвѣты, по приказанію

Рунича, записаны Плисовымъ на особомъ листѣ. Вслѣдъ затѣмъ г. Руничъ велѣлъ писать другой вопросъ: какимъ почитаетъ конференція поступокъ Шармуа и чего онъ достоинъ? всѣ принялись писать мнѣнія. Профессоры: Балугьянскій, Грефе и Деманжъ пытались остановить непріятное, соблазнъ подающее и наименѣе г. Руничу дѣлающее чести явленіе; но г. Руничъ вмѣстѣ съ г. Кавелинымъ не внимали никакимъ представленіямъ, продолжали ругать профессора Шармуа и увѣрять, что вся конференція должна обижаться его поступкомъ; при семъ г. Руничъ забылся до того, что между прочимъ сказалъ: неужели почитаете меня мальчишкою (un polisson).

Тутъ профессоръ Дегуровъ, заботясь о чести г. Рунича болѣе нежели о собственной своей и сидя подлѣ профессора Шармуа, началъ говорить ему нѣчто на ухо и потомъ, обратясь къ г. Руничу, сказалъ, что профессоръ Шармуа согласится просить прощенія; г. Руничъ догадался. Шармуа молчалъ и не изъявлялъ ни малѣйшаго желанія то сдѣлать. Г. Кавелинъ началъ вынуждать его просить прощенія, угрожая ему въ противномъ случаѣ всѣми бѣдствіями суда по формѣ, но Шармуа продолжалъ молчать. Тогда г. Руничъ съ своей стороны началъ говорить гораздо снисходительнѣе, однакожъ показывать, что простить Шармуа не можетъ: «какъ Руничъ, какъ христіанинъ», сказалъ онъ, «я бы васъ охотно простилъ, но какъ президентъ, въ лицѣ коего Шармуа обидѣлъ все собраніе, не могу простить».

Тутъ Шармуа безъ дальнѣйшаго затрудненія всталъ и, обратясь къ членамъ собранія, произнесъ слѣдующія слова: «Если вы, милостивые государи, обижаетесь моимъ какимъ либо неумышленнымъ поступкомъ, то покорнѣйше прошу простить меня». Всѣ члены изъявили чистосердечное желаніе и согласіе.

Съ примѣтною радостію схватилъ г. Руничъ всѣ бумаги, мнѣнія членовъ о томъ, смѣетъ ли Шармуа (или кто либо другой) оспаривать права президента, мнѣнія по другому вопросу и самое мнѣніе Шармуа на общій предложенный г. Руничемъ вопросъ о профессорахъ Германѣ и Раупахѣ, и изорвалъ тутъ же.

Все сіе странное явленіе относительно профессора Шар-

муа, за выключеніемъ мѣста, въ которомъ оно происходило, ужасныхъ словъ, г. Руничемъ произнесенныхъ, и тяжкой обиды профессору Шармуа, чрезъ то причиненной, походило на театральное.

Между тѣмъ профессоръ Балугьянскій, который во все продолженіе дѣла при подобныхъ случаяхъ не скрывалъ знаковъ изумленія и при напасти, претерпѣнной профессоромъ Шармуа, явно обнаруживалъ оное, началъ читать свое мнѣніе на общій предложенный г. Руничемъ вопросъ: судя по выпискамъ, присланнымъ отъ главнаго правленія училищъ, какого мнѣнія конференція о подобномъ ученіи и пр. «Ученіе, предложенное въ сихъ выпискахъ, сказалъ г. Балугьянскій въ своемъ мнѣніи, ужасно и не можетъ быть терпимо ни въ какомъ ни публичномъ, ни приватномъ заведеніи. Профессоры, кои преподавали бы такое ученіе, были бы недостойны никакого довѣрія отъ правительства».

Всѣ члены собранія удивились и большая часть изъ нихъ обрадовались, когда услышали, что самъ г. Руничъ, который, какъ замѣчено выше, вопреки всякому порядку и закону, не въ очередь и слишкомъ еще рано присталъ къ наипристрастнѣйшему мнѣнію Щеглова, самъ г. Руничъ, а вмѣстѣ съ нимъ (сколько помнить можно) и гг. Кавелинъ и Зябловскій пристали безусловно къ сему поданному Балугьянскимъ условному мнѣнію, которое, какъ отвѣтъ на предложеніе общее, до обвиняемыхъ профессоровъ Германа и Раупаха, кои не могли быть осуждены по одному обвиненію, не касалось. Причина такой перемѣны въ г. Руничѣ и снисхожденіе къ Балугьянскому, которому онъ вслѣдъ затѣмъ началъ расточать свои ласкательства, подразумѣвалась изъ словъ и поступковъ г. Рунича въ отношеніи къ профессору Шармуа и прежде еще къ профессору Раупаху.

Но какимъ же поражены были ужасомъ члены конференціи, когда на другой же день исправляющій должность конференцъ-секретаря профессоръ Плисовъ объявилъ Балугьянскому, что г. Кавелинъ на дому у себя сдѣлалъ подлогъ въ семъ его мнѣніи, вымаравши въ переводѣ онаго условную частицу бы и заставивши его, Плисова, переписать переводъ сего мнѣнія въ такомъ видѣ на особый листъ. При чтеніи журнала (который составлялъ самъ Кавелинъ,

а не Плисовъ) въ собраніи 7-го ноября это въ самомъ дѣлѣ обнаружилось.

Напослѣдокъ, когда всѣ уже члены были изнурены совершенно и измучены и тѣломъ и духомъ въ продолженіи одиннадцати часовъ безпрерывнаго на одномъ мѣстѣ сидѣнія въ собраніи, въ которомъ умышленный, но и явный обманъ, противозаконное безстыдство, наглость и насиліе злонамѣренныхъ не могли быть удержаны однимъ изумленіемъ, ужасомъ и смятеніемъ членовъ благомыслящихъ, засѣданіе кончилось въ 9 часовъ пополудни.

На другой день въ 10 часовъ утра назначено другое собраніе для производства дѣла Галича и Арсеньева. Г. Кавелинъ взялъ съ собою всѣ бумаги и приказалъ Плисову на другой день явиться къ нему въ домъ по утру въ 6 часовъ для приведенія въ порядокъ бумагъ и составленія журнала.

Предъ собраніемъ 4-го ноября.

На другой день предъ собраніемъ узнали, что бумаги не приведены еще въ порядокъ и журналъ чрезвычайнаго собранія 3-го ноября еще не составленъ. Профессоръ Плисовъ тогда же открылъ нѣкоторымъ по довѣренности, что г. Кавелинъ у себя на дому дѣлалъ ему какіе-то непонятные намеки и увѣщанія въ выраженіяхъ аллегорическихъ и мистическихъ; что онъ говорилъ о вавилонскихъ башняхъ, кои должны разсыпаться; поощрялъ его, Плисова, къ мужеству; подтверждалъ не обращаться вспять, чтобы не сдѣлаться Лотовою женою и т. п.;—что, приведенъ будучи въ замѣшательство, онъ самъ не понималъ, къ чему сіи увѣщанія г. Кавелина клонятся, ибо, какъ извѣстно, съ Галичемъ и Арсеньевымъ самъ Кавелинъ намѣревался поступить гораздо снисходительнѣе, нежели съ Германомъ и Раупахомъ, и для того приглашалъ ихъ предварительно къ себѣ, а Галича сверхъ того и чрезъ предварительные переговоры (посредствомъ самого Плисова, чего однакожъ сей не исполнилъ бы) обращалъ къ тому, чтобы онъ не былъ философомъ. Такимъ образомъ, какъ профессоръ Плисовъ, такъ и

тѣ, коимъ дѣлалъ онъ сію довѣренность, не понимали, къ чему оныя увѣщанія г. Кавелина относятся.

Впослѣдствіи изъ теченія дѣлъ открылось явно, что сіи увѣщанія г. Кавелина клонились къ тому, чтобы онъ, Плисовъ, по должности конференцъ-секретаря покрылъ въ журналѣ тѣ подлоги, кои въ засѣданіи 3-го ноября имъ уже сдѣланы, и согласился на тѣ, кои они (Руничъ и Кавелинъ) намѣревались еще сдѣлать. Опытъ доказалъ, сколь мало Плисовъ расположенъ былъ слѣдовать симъ преступнымъ внушеніямъ, гнушаясь пагубными совѣтами, подъ какою бы личиною оные ни укрывались.

Между тѣмъ до времени прибытія членовъ въ назначенное собраніе 4-го ноября, когда Плисовъ въ прилежащей къ канцеляріи аудиторіи съ канцелярскими служителями приводилъ въ порядокъ привезенныя г. Кавелинымъ бумаги вчерашняго собранія, то Толмачевъ, который находился тутъ же, занимаясь сочиненіемъ вымысловъ на поведеніе въ собраніи г. профессора Раупаха и не зная еще, въ какомъ превратномъ отношеніи подѣйствовали на профессора Плисова намеки и наставленія г. Кавелина, обратился къ нему съ вопросомъ, въ какомъ порядкѣ члены подаютъ голоса? Роговъ, Радловъ, Поповъ, Щегловъ и т. д. отвѣчалъ Плисовъ.

«Радловъ нѣмецъ, съ тѣмъ нечего дѣлать», сказалъ Толмачевъ, «я пойду къ русскимъ».

«А зачѣмъ, если смѣю спросить», возразилъ Плисовъ.— «Скажу, чтобъ не разбивались въ голосахъ; я какъ загартую, то такъ и пойдетъ», отвѣчалъ Толмачевъ съ безстыдною довѣренностію и при всѣхъ тутъ находившихся канцелярскихъ служителяхъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ подходилъ тутъ же къ Рогову, Попову и Щеглову и давалъ имъ шопотомъ какіе-то совѣты и наставленія.

Слово загартую, употребленное симъ профессоромъ россійскаго краснорѣчія, не всякій изъ слышавшихъ разумѣлъ, но его намѣреніе было не только понятно изъ словъ, но и очевидно изъ дѣйствія.

Профессоръ Шармуа прислалъ свидѣтельство доктора о своей болѣзни.

Профессоръ Чижовъ объявилъ, что профессоръ Соловьевъ

находится даже въ опасности жизни и что вчерашнее собраніе до того разстроило тѣлесныя, а еще болѣе душевныя силы г. Соловьева, что онъ тогда же лишился памяти и, вышедши изъ собранія ночью, вмѣсто того, чтобъ идти домой въ 6-ю линію, очутился въ Коломнѣ, самъ про то ничего не зная, а бывъ приведенъ въ свою квартиру матросами, впалъ въ чрезвычайное разслабленіе тѣлесное и душевное.

Между тѣмъ собрались члены.

Засѣданіе 4-го ноября.

Началось въ 11-ть часовъ утра.

Если не по важности, то по крайней мѣрѣ по чрезвычайности происшествій и разнообразности явленій сіе засѣданіе нимало не уступаетъ предшествовавшему. Тѣ же пріемы со стороны гг. Рунича и Кавелина, тѣ же извороты и увертки, но только гораздо безпритворнѣе, и хотя цѣль была та же, но средства различны. Самый уже приступъ показываетъ нѣкую несомнѣнную увѣренность со стороны того и другого въ томъ, что цѣль будетъ достигнута.

Г. Руничъ читалъ заготовленные въ главномъ правленіи училищъ для отвѣтовъ Галича вопросные пункты (обвиненіе въ невѣріи, безбожіи, разрушительныхъ правилахъ и пр.); а г. Кавелинъ читалъ въ то же время изъ книги Галича «Исторія философскихъ системъ» выписанныя доказательства на оные пункты. Всѣ сіи доказательства, за исключеніемъ развѣ тѣхъ мѣстъ, кои не для всякаго понятны, могли бы приличнѣе служить доказательствомъ той истины, что нѣтъ въ свѣтѣ ничего столь невиннаго, что бы не могло быть обращено въ вину или даже въ преступленіе, какъ по дѣлу значилось.

Галичъ излагалъ въ своихъ книгахъ системы всѣхъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ философовъ въ историческомъ видѣ, и не прибавляя своего ни одного слова. Сіи системы и мнѣнія мѣстами повыписаны изъ его книги и поставлены ему въ преступленіе. Дитя въ состояніи было, сообразя обстоятельства, оправдаться на мѣстѣ Галича.

Нѣкоторые изъ членовъ конференціи осмѣлились замѣтить и говорить, что Галичъ не можетъ подвергнуться отвѣтственности за мнѣнія людей, коихъ нѣсколько тысячъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ; даже и въ томъ случаѣ, когда бы доказано было, что сіи мнѣнія ложны, что обязанъ будучи разсказывать и излагать сіи чужія мнѣнія, онъ погрѣшилъ бы противъ исторической вѣрности, еслибы позволилъ себѣ въ оныхъ какую либо перемѣну; что печатная книга Галича, пропущенная въ цензурѣ, служитъ уже доказательствомъ, что въ ней нѣтъ и не нашли ничего противнаго. Всѣ таковыя представленія были тщетны; г. Руничъ не понималъ оныхъ или по крайней мѣрѣ притворялся, что не понимаетъ. Онъ упрекалъ Галича въ томъ, что онъ въ своей книгѣ не опровергаетъ сихъ системъ, кои впрочемъ частію взаимно одна другую опровергаютъ, какъ то ясно и въ книгѣ Галича представлено. Г. Руничъ уподоблялъ сію книгу тлетворному яду или заряженнымъ пистолетамъ, положеннымъ среди играющихъ дѣтей либо дикихъ, незнающихъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, но сіе придуманное, вѣроятно, прежде сравненіе не шло нимало къ книгѣ Галича, по которой онъ читалъ лекціи въ университетѣ студентамъ, прослушавшимъ уже курсъ философіи; дѣти же и дикіе, подъ именемъ коихъ неизвѣстно кого разумѣлъ г. Руничъ, хотя въ самомъ дѣлѣ не имѣли понятія о такомъ огнестрѣльномъ оружіи, которому уподоблялась г. Руничемъ книга Галича, но самое сіе названіе спасетъ ихъ отъ предполагаемаго имъ злоупотребленія. Но изъ собственныхъ объясненій г. Рунича оказалось, что онъ самъ себя даже ставитъ въ семъ отношеніи въ числѣ оныхъ дѣтей или дикихъ, хотя съ нѣкоторою оговоркою; ибо, говоря о мнимомъ соблазнѣ, къ которому, по его мнѣнію, книга Галича подаетъ поводъ, произнесъ торжественно: «я самъ, еслибы не былъ истиннымъ христіаниномъ и еслибы благодать свыше меня не осѣняла, я самъ не отвѣчаю за свое попользновеніе при чтеніи книги Галича». (Сіи достопамятныя слова и въ другомъ отношеніи нѣкоторыми изъ членовъ конференціи тогда же записаны).

Между тѣмъ Галичъ позванъ въ присутствіе. Г. Руничъ тотчасъ обратился къ нему съ назидательнымъ, но

слишкомъ длиннымъ и частію неприличнымъ увѣщаніемъ въ выраженіяхъ чрезвычайно странныхъ.

Поводомъ къ такому увѣщанію, какъ изъ самыхъ словъ г. Рунича заключалось, было то, что Галичъ русскій; и какихъ ругательствъ ни наговорилъ онъ при семъ случаѣ, на счетъ всѣхъ иностранцевъ, въ Россіи пребывающихъ, а особливо замѣчая, что нѣкоторые изъ членовъ конференціи родомъ иностранцы, до которыхъ слѣдовательно сіи ругательства непосредственно касались, оными обижались. Потомъ между ласковыхъ словъ, дѣлая Галичу горькіе упреки въ мнимой его неблагодарности къ мѣсту, въ которомъ онъ, Галичъ, самъ воспитанъ, къ отечеству, Богу и государю и обвиняя его въ невѣріи, безбожіи, въ святотатственномъ нападеніи на божественность откровенія и т. п., г. Руничъ между прочимъ сказалъ: «вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ христіанской церкви, безбожнаго Канта самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому». Не значило ли это въ поношеніе Галичу непотребно ругаться святынею, и притомъ въ присутственномъ мѣстѣ и при зерцалѣ!

«Подите, сказалъ наконецъ г. Руничъ Галичу, и напишите отвѣтъ достойный васъ, достойный правительства, по повелѣнію коего вы сюда призваны, наконецъ достойный той довѣренности, которую оно можетъ впредь имѣть къ вамъ».

Галичъ вышелъ въ особую комнату съ адъюнктомъ Роговымъ, а между тѣмъ призванъ въ присутствіе адъюнктъ-профессоръ Арсеньевъ.

Г. Руничъ обратился также къ нему съ увѣщаніями, подобно какъ и къ Галичу, но только какъ бы для вида, собственно же для того, чтобы послѣ тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ устремиться на него съ ругательствами и злословіемъ. Когда г. Руничъ запинался, то г. Кавелинъ договаривалъ язвительныя слова, а когда тотъ уже, такъ сказать, почти задыхался, то сей заступалъ его мѣсто. Кромѣ обвиненій по вопроснымъ пунктамъ, на кои надлежало отвѣчать Арсеньеву, кромѣ упрековъ въ мнимой неблагодарности къ Богу, къ государю и къ отечеству, Арсеньевъ долженъ былъ еще слушать, какъ его злословятъ въ глаза,

называя невѣжею, глупцомъ и пр. Г. Руничъ, ошибаясь въ правилахъ чести и границахъ благопристойности и не стыдясь никакихъ вымысловъ, забылся даже до того, что при чтеніи одной изъ обвинительныхъ статей на счетъ крѣпостнаго состоянія сказалъ: «Вы сами, г. Арсеньевъ, еще весьма недавно вышли изъ крѣпостнаго состоянія!»

Причиною такого ожесточенія гг. Рунича и Кавелина противу Арсеньева (какъ самъ г. Кавелинъ въ тотъ же день ввечеру у себя на дому и въ присутствіи профессора Плисова, Толмачева и нѣкоторыхъ канцелярскихъ служителей признался) было то, что Арсеньевъ, который, какъ тогда же говорилъ Кавелинъ, обвинялся только за компанію Герману, презрѣлъ многократное его, Кавелина, приглашеніе къ себѣ на домъ, при которыхъ могъ бы въ томъ увѣриться и знать какъ себя вести. «Я таки и не надѣялся на него», прибавлялъ тогда же г. Кавелинъ, «а особливо съ тѣхъ поръ какъ онъ, глупецъ, не соображая нимало временныхъ обстоятельствъ, бросился и къ кому же — къ великому князю».

Послѣ брани, злословія и ругательствъ, Арсеньеву читаны были г. Руничемъ вопросные пункты, а г. Кавелинымъ выписки изъ печатной книги, изданной Арсеньевымъ, а вдобавокъ изъ дѣтскихъ записокъ и замѣчаній, дѣланныхъ однимъ (или нѣкоторыми?) изъ воспитанниковъ пансіона по предмету статистики, преподаваемой въ ономъ Арсеньевымъ.

Арсеньевъ объявлялъ и прежде, а теперь подтверждалъ то же, что онъ никогда не давалъ воспитанникамъ въ запискахъ ни одного слова, что онъ не отвѣчаетъ за тѣ слова и выраженія, въ коихъ кто либо изъ воспитанниковъ пансіона самъ, можетъ быть изъ шалости (а можетъ быть еще и по наущенію), дѣлалъ свои замѣчанія; что онъ теорію статистики преподавалъ по печатной книгѣ профессора Германа, изданной въ 1807 году отъ главнаго правленія училищъ и одобренной правительствомъ.

«Это не послужитъ вамъ въ оправданіе, прервалъ его г. Руничъ, что книга напечатана и одобрена отъ правительства; тогда было время, а теперь другое». При семъ разсказалъ г. Руничъ, что главное правленіе училищъ препоручило своему ученому комитету разсмотрѣть всѣ прежде

напечатанныя и одобренныя книги; что теперь уже 19 разныхъ сочиненій, изданныхъ и одобренныхъ отъ главнаго правленія училищъ, усмотрѣны (въ 2 дня, сколько изъ его словъ помнить можно) предосудительными и развратными и пр., и скоро будутъ осуждены на истребленіе! «До васъ доберутся тутъ же», сказалъ онъ сидящему по лѣвую сторону къ нему директору училищъ и цензору Тимковскому, «много мнѣ предлежитъ хлопотъ, продолжалъ онъ, моя ревность все преодолѣетъ!

Горе книгамъ, а особливо одобреннымъ отъ прежняго главнаго правленія училищъ, думалъ всякій изъ членовъ собранія, въ то время, когда нѣкоторые изъявляли сожалѣніе только на счетъ хлопотъ и трудовъ, подъемлемыхъ г. Руничемъ.

Арсеньевъ продолжалъ свое объясненіе и говорилъ дальше, что статистику европейскихъ державъ проходилъ онъ по порядку статей, изложенныхъ въ оной теоріи, заимствуя матеріалы изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій статистическихъ, а статистику Россійскаго государства читалъ онъ по своей собственной печатной книгѣ съ утвержденія и одобренія самого директора пансіона, г. Кавелина.

«Грѣшенъ, ваше превосходительство, сказалъ г. Кавелинъ, признаюсь, что я прежде одобрилъ и утвердилъ въ руководство для преподаванія въ пансіонѣ статистики печатную книгу г. Арсеньева; но по ней же читалъ статистику и въ лицеѣ и въ благородномъ онаго пансіонѣ». «Однакожъ это вамъ не извиненіе, г. Арсеньевъ, продолжалъ онъ; теперь это мое прежнее одобреніе вашей книги не у мѣста, и я теперь же беру оное назадъ».

При чтеніи Арсеньеву вопросныхъ обвинительныхъ пунктовъ и приводимыхъ изъ его печатной книги доказательствъ, замѣчено только то, что оные обвинительные пункты для Арсеньева заготовлены еще прежде, нежели книгу Арсеньева читали и искали въ ней и думали найти соотвѣтствующія онымъ доказательства.

Припомнить всѣ сіи пункты и въ порядкѣ изложить тѣмъ труднѣе, что оные читаны наскоро и какъ бы мимоходомъ, однакожъ вообще можно сказать, что не было ни одного такого обвиненія въ оныхъ пунктахъ, которому бы

соотвѣтствовало доказательство. Напр., вопросный пунктъ: что приведете вы въ оправданіе того, что дерзнули открывать величайшія государственныя тайны?

«Послушайте, Михайло Андреевичъ, говорилъ г. Руничъ Балугьянскому, самому графу Гурьеву вѣроятно неизвѣстны тѣ государственныя тайны, кои намъ г. Арсеньевъ открываетъ; послушайте, г. Плисовъ, это и до васъ также касается по части преподаванія финансовъ».

Г. Кавелинъ, понизя тонъ, дрожащимъ голосомъ и съ примѣтнымъ даже страхомъ читалъ изъ выписокъ, присланныхъ отъ главнаго правленія училищъ, доказательство на сіе обвиненіе Арсеньева въ открытіи государственныхъ тайнъ— это было то самое мѣсто въ книгѣ Арсеньева, въ которомъ онъ говоритъ о суммѣ выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій, основывая статистическія сіи извѣстія не только на публичныхъ актахъ, но и на всемилостивѣйшихъ манифестахъ, изданныхъ во всенародное извѣстіе. Слѣдовательно, это были такія государственныя тайны, кои извѣстны всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ (!). Профессоры Балугьянскій и Плисовъ, къ которымъ въ особенности обращалъ рѣчь г. Руничъ, не упустили ему то замѣтить; г. Руничъ молчалъ, прочіе изъявляли знаки удивленія.

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какъ главное правленіе училищъ, въ которомъ, какъ неоднократно говорилъ и писалъ г. Руничъ, выписки вредныхъ мѣстъ изъ тетрадей и книгъ обвиняемыхъ профессоровъ сдѣланы, свѣрены, просмотрѣны и по онымъ вопросные пункты заготовлены,—какъ главное правленіе училищъ Высочайшіе манифесты и публичные акты, во всенародное извѣстіе объявленные, назвало величайшею государственною тайною.

Такого же рода были и другія обвиненія, на которыя по вопроснымъ пунктамъ требовались отвѣты отъ Арсеньева. Онъ говоритъ, напр., о безопасности и свободѣ промышленности, какъ о средствахъ къ достиженію цвѣтущаго состоянія оной, какъ о главнѣйшемъ правилѣ управленія оной не только признанномъ въ теоріи и принятомъ на практикѣ въ нашемъ отечествѣ, равно какъ и во всякомъ просвѣщенномъ государствѣ, — а по присланнымъ изъ главнаго правленія училищъ вопроснымъ пунктамъ за сіе именно обвиняютъ его,

Арсеньева, въ томъ, что онъ преподаетъ тѣмъ самымъ правила разрушительныя и низпровергающія гражданскія и государственныя связи.

Арсеньевъ говоритъ въ своей книгѣ, что свобода промышленниковъ и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ пріумноженіи богатства частнаго и народнаго,—а вопросный особый пунктъ на основаніи того обвиняетъ его въ посмѣяніи мѣръ того правительства, подъ благотворнымъ вліяніемъ коего онъ живетъ и пользуется всѣми выгодами жизни.

Онъ говоритъ мимоходомъ о правленіи Наполеона, — а вопроснымъ пунктомъ это примѣнено къ нашему отечеству, и когда при чтеніи сего мѣста профессоръ Плисовъ это замѣтилъ, то г. Руничъ, упрекнувши его въ соумышленничествѣ, запретилъ тутъ же Арсеньеву писать то въ своихъ отвѣтахъ. Виноватъ ли Арсеньевъ, что бѣлое называютъ чернымъ, и можно ли запретить ему отвѣчать, что бѣлое есть бѣлое, даже и послѣ того, когда другіе также думаютъ.

Наконецъ, послѣ многихъ неприличныхъ прицѣпокъ и придирокъ г. Рунича къ профессору Балугьянскому, который на неумѣстныя и выходящія изъ границъ благопристойности его шутки отвѣчалъ молчаніемъ, Арсеньевъ отпущенъ въ особую камеру для составленія письменныхъ отвѣтовъ на вопросные пункты.

Не успѣлъ онъ выйти, какъ адъюнктъ Роговъ принесъ письменный отвѣтъ Галича; онъ состоялъ, сколько помнить можно, въ слѣдующихъ словахъ: «сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть предложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія».

(Подписано) *Галичъ.*

По прочтеніи сего отвѣта г. Руничъ зарыдалъ, ему послѣдовали въ томъ и нѣкоторые изъ членовъ.

Галичъ призванъ въ присутствіе. «Послѣ сего, воскликнулъ г. Руничъ, могу ли я рѣшиться бросить на васъ камень». Онъ бросился обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича. Увлекаясь восторгомъ, онъ называлъ Галича блуждающею овцою, оглашеннымъ, обращеннымъ, просвѣтившимся, увѣрялъ все собраніе, что обращеніе сіе есть чудес-

ное дѣйствіе благодати Божіей; что въ сію самую минуту благодать коснулась его, Галича, сердца; что только слѣпотствующій умъ того не видитъ, что признаніе Галича относится къ славѣ Спасителя міра; что пастырь овецъ подъялъ его на рамена свои и несетъ уже въ домъ Израилевъ (всѣ сіи выраженія слово въ слово записаны). Г. Кавалинъ подтверждалъ сіе видѣніе и потомъ бросился также обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича; то же сдѣлалъ въ свою очередь и г. Зябловскій.

Всѣ члены собранія были чрезвычайно тронуты и приведены въ изумленіе. Кто не жалѣлъ о бѣдномъ Галичѣ, который двумя строками поставилъ себя въ такое положеніе, что самъ г. Руничъ не могъ рѣшиться бросить на него (новый) камень.

Конечно, одинъ только Галичъ подтвердить можетъ, сколько подѣйствовали на него предварительныя увѣщанія г. Кавелина и угрозы, что онъ, Галичъ, въ противномъ случаѣ объявленъ будетъ съумасшедшимъ (какъ то г. Кавелинъ подтверждалъ ему чрезъ Плисова, который и въ семъ случаѣ не могъ выполнить порученія, и чрезъ священника Павскаго, а можетъ быть, и еще чрезъ многихъ другихъ); — сколько подѣйствовало на него настоящее его положеніе, страшные упреки, произнесенные г. Руничемъ, и сколько внутреннее его сознаніе невинности оспаривало наружное признаніе, которое къ тому еще и двусмысленно.

Въ самомъ дѣлѣ, восторгъ г. Рунича, изливаемый въ неистощимыхъ словахъ, выраженіяхъ и дѣйствіяхъ, вдругъ и внезапно превратился, такъ сказать, въ оцѣпенѣніе. Онъ умолкъ; бросалъ сомнительные и двусмысленные взгляды то на Галича, то на г. Кавелина, который также молчалъ и отвѣчалъ только знаками, пожимая плечами. Г. Зябловскій началъ говорить, но (сколько помнить можно) не сказалъ ничего. Г. Руничъ обратился потомъ къ Галичу.

«Любезный Александръ Ивановичъ, сказалъ онъ, перемѣняя тонъ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, наружность можетъ быть обманчива; чѣмъ бы напр. могли вы на опытѣ доказать то, что настоящее положеніе ваше подаетъ поводъ сомнѣваться?» Галичъ не отвѣчалъ ни слова.

«Не согласились ли бы вы, продолжалъ г. Руничъ, запеча-

тлѣть свое признаніе тѣмъ, чтобы издать вновь вашу исторію системъ философскихъ и въ предисловіи къ оной торжественно описать ваше обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименитомъ разумѣ основаннаго?»

Галичъ молчалъ; г. Руничъ задумался; потомъ вдругъ принялъ прежній веселый видъ и съ прежнимъ восторгомъ, или лучше сказать съ новымъ восхищеніемъ, обратился къ собранію, которое уже приготовлялось услышать сообщенія новаго видѣнія—«но на что намъ другіе доводы, самое уже сіе сознаніе г. Галича не явнымъ ли служитъ доказательствомъ, что вредныя и опасныя ученія дѣйствительно были въ здѣшнемъ университетѣ, а слѣдственно и во всемъ учебномъ округѣ допущены, а сего уже и довольно»; а сего уже и довольно, повторялъ онъ нѣсколько разъ и такимъ значительнымъ тономъ, что рѣдкій не могъ понять, что въ томъ только и состояла вся главная роль; «пусть теперь усиливаются доказывать противное», прибавилъ онъ съ явною нескромностію, которую тотчасъ г. Кавелинъ далъ ему замѣтить, прервавши торопливо его рѣчь. Тутъ г. Руничъ обратился опять къ Галичу, говорилъ, что онъ долженъ непремѣнно получить прощеніе; что онъ самъ будетъ о томъ ходатайствовать у г. министра; что до будущаго опредѣленія рода ученыхъ занятій Галича онъ теперь же позаботится о новой для него должности. Наконецъ, Галичъ вышелъ изъ присутствія; вслѣдъ затѣмъ Арсеньевъ принесъ свои письменные отвѣты и подалъ оные г. Руничу; при первомъ взглядѣ на сіи отвѣты гг. Рунича и Кавелина полились прежнія ругательства со стороны того и другаго на Арсеньева. Причина тому та, что Арсеньевъ въ оныхъ письменныхъ отвѣтахъ защищался и требовалъ законныхъ средствъ къ совершенному своему оправданію. При чтеніи оныхъ, г. Руничъ коверкалъ слова, ломалъ языкъ, кривлялся, смѣялся и даже хохоталъ. Профессоръ Балугьянскій, къ которому онъ часто при томъ обращался, бросалъ на него значительные взгляды, коими старался выразить всю неприличность его поведенія. Г. Руничъ пытался задобрить г. Балугьянскаго ласковыми словами, а между тѣмъ кончилъ чтеніе отвѣтовъ Арсеньева и велѣлъ ему оставить собраніе.

Вслѣдъ затѣмъ предложены отъ г. Рунича разные вопросы

для мнѣнія конференціи. Удовлетворительны ли отвѣты Арсеньева (объ отвѣтѣ Галича не спрашивалъ); могутъ ли печатныя книги Исторія философскихъ системъ Галича и Статистика Россіи Арсеньева быть употребляемы въ руководство къ преподаванію, и наконецъ заслуживаютъ ли Галичъ и Арсеньевъ, какъ наставники юношества, довѣренности правительства.

Какія на каждый изъ сихъ вопросовъ были мнѣнія каждаго порознь изъ членовъ, припомнить трудно, по причинѣ произведеннаго, вѣроятно съ намѣреніемъ, гг. Руничемъ, Кавелинымъ и Зябловскимъ замѣшательства. Г. Кавелинъ занимался сочиненіемъ описанія на случай обращенія Галича и выходилъ нѣсколько разъ изъ присутствія; г. Руничъ, пособляя ему, дѣлалъ то же; г. Зябловскій искалъ Галича, чтобы переговорить съ нимъ; нѣкоторые изъ членовъ вставали изъ своихъ мѣстъ и ходили взадъ и впередъ. По всѣмъ симъ причинамъ, припомнить мнѣнія каждаго порознь изъ членовъ на предложенные о Галичѣ и Арсеньевѣ вопросы трудно. При подписаніи же (съ 7-го на 8-е ноября ночью и такъ сказать впросонкахъ) составленнаго о томъ г. Кавелинымъ, по своему усмотрѣнію, протокола рѣдкій изъ членовъ могъ обратить надлежащее на то вниманіе.

Довольно, что по симъ частнымъ мнѣніямъ слѣдовало одно общее заключеніе: что отвѣтъ Арсеньева недостаточенъ, и судя по времени и предоставленнымъ ему средствамъ къ тому, не могъ быть достаточенъ. Что Галичъ и Арсеньевъ, какъ по своимъ познаніямъ, такъ и по нравственнымъ достоинствамъ, заслуживаютъ довѣренности правительства въ качествѣ наставниковъ юношества; наконецъ, что даже и тогда, когда изданныя ими для руководства печатныя книги признаны будутъ негодными къ классическому употребленію, они могутъ преподавать лекціи по другимъ книгамъ, кои имъ будутъ предписаны въ руководство. Вотъ истинный смыслъ общаго мнѣнія, не смотря на несправедливыя заключенія, выведенныя въ составленномъ г. Кавелинымъ протоколѣ и при чтеніи онаго замѣченныя.

Между тѣмъ въ продолженіе сего засѣданія профессоръ Деманжъ подалъ г. Руничу бумагу, объявляя, что профессоръ Шармуа препоручилъ ему представить оную собранію.

Въ первый еще разъ увидѣло собраніе смятеніе и безпокойство того, который до сихъ поръ поминутно почти приводилъ въ безпокойство и смятеніе все собраніе. «Боже мой, возможно ли это», воскликнулъ наконецъ г. Руничъ, приподнявши листокъ и увидѣвши ясно, что это протестація профессора Шармуа въ причиненной ему вчерашній день, въ собраніи, тяжкой обидѣ.

«Милостивые государи, продолжалъ онъ жалкимъ тономъ, вотъ чѣмъ платитъ Шармуа за мое и ваше снисхожденіе къ его проступку! Онъ протестуетъ противъ сего моего и вашего снисхожденія, и когда же? Тогда, когда всѣ акты, доказывающіе проступокъ, по общему и единодушному вашему согласію, уничтожены?» (Ср. засѣд. 3-го нояб.).

Смущеніе г. Рунича возрасло до того, что онъ обращался нѣсколько разъ къ Деманжу и ожидалъ или лучше спрашивалъ (сколько нѣкоторые помнятъ), не возьметъ ли онъ поданной имъ бумаги назадъ (!).

Въ намѣреніи ли отвесть новую грозу или больше изъ жалости къ г. Руничу, профессоры Балугьянскій и Грефе начали говорить и предлагали: «не читать въ семъ собраніи протеста Шармуа, а оставить до будущаго, и если профессоръ Шармуа будетъ настаивать въ томъ, чтобы дать дѣлу надлежащій ходъ, то тогда оно пойдетъ законнымъ порядкомъ». Всѣ были согласны на сіе прѐдставленіе. Г. Руничъ, оправясь отъ смятенія, въ которое привѐлъ его одинъ взглядъ на сію бумагу, началъ опять попрежнему ругать профессора Шармуа. Профессоръ Балугьянскій посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, и онъ ограничился однимъ произнесеннымъ имъ сквозь зубы словомъ «мошенникъ», которымъ называлъ онъ Шармуа. Онъ обратился потомъ къ профессору Балугьянскому и Грефе, наговорилъ тому и другому множество ласковыхъ словъ насчетъ ихъ добродушія, благородства и пр. Упрашивая Балугьянскаго остаться служить при университетѣ съ нимъ вмѣстѣ, обѣщалъ ему званіе заслуженнаго и пр. и пр. Наконецъ разсудилъ запечатать протестъ Шармуа своею печатью и отдать для храненія г. Балугьянскому. Засѣданіе кончилось въ 4 ч. пополудни, назначено собраться 7-го числа, въ 6 часовъ пополудни, для подписанія прото-

коловъ. Г. Кавелинъ взялъ съ собою всѣ бумаги и приказалъ профессору Плисову явиться къ нему на домъ въ тотъ же день въ 8 ч. вечера для составленія протоколовъ.

IV.

Записка о частномъ испытаніи въ С.-Петербургской губернской гимназіи ученикамъ VII класса, произведенномъ въ среду 7-го декабря 1821 года по предмету естественнаго права.

(Профессора Плисова).

Испытаніе началось въ присутствіи:

Г. испр. долж. ректора университета статскаго совѣтника и кавалера Евдокима Филиповича Зябловскаго, г. директора училищъ С.-Петербургской губерніи статскаго совѣтника и кавалера Ивана Осиповича Тимковскаго, г. инспектора гимназіи коллежскаго совѣтника и кавалера Федора Ивановича Миддендорфа и профессора университета надворнаго совѣтника и кавалера Моисея Гордіевича Плисова.

Вскорѣ потомъ прибылъ въ собраніе г. директоръ университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Дмитрій Александровичъ Кавелинъ, а спустя нѣсколько времени и г. испр. долж. попечителя, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Дмитрій Павловичъ Руничъ.

Профессоръ Плисовъ представилъ программу, или оглавленіе статей и предметовъ, пройденныхъ подъ его руководствомъ воспитанниками; г. испр. должн. ректора вызывалъ учениковъ и самъ предлагалъ имъ вопросы. До прибытія г. испр. должн. попечителя не произошло ничего особеннаго, кромѣ того, что когда по причинѣ постороннихъ предметовъ, въ которые г. директоръ университета вводилъ учениковъ, чрезъ даваемые имъ вопросы, испытаніе удалялось отъ своей цѣли, и профессоръ Плисовъ намѣревался что-то сказать, то

г. директоръ университета предупреждалъ его, сказавши: «это у васъ скверная привычка мѣшаться, и я скажу вамъ однажды навсегда, что если вы осмѣлитесь говорить, то васъ выведутъ вонъ». Профессоръ отвѣчалъ молчаніемъ; а между тѣмъ директору университета угодно было заставить ученика Лаубе проговорить наизусть десятисловіе и сей, будучи приведенъ въ замѣшательство, сдѣлалъ ошибку, пропустивши слова: елико на небеси горѣ. Вслѣдъ затѣмъ вызваны еще трое учениковъ, которые говорили наизусть десять заповѣдей. Наконецъ прибылъ г. испр. должн. попечителя, и образъ испытанія еще болѣе измѣнился.

Вызванный г. испр. долж. ректора воспитанникъ долженъ былъ говорить: о правильномъ понятіи, названіи, предметѣ и опредѣленіи науки естественнаго права. Сказавши сперва, что «названіе естественнаго права существовало прежде, нежели оно составило предметъ особой науки, и что прежде, нежели образовалось правильное объ ономъ понятіе, съ онымъ названіемъ соединяемы были многія весьма различныя понятія», началъ потомъ излагать исторически разныя сіи понятія. Г. испр. должн. попечителя остановилъ его на мнѣніи Гоббеза, который, какъ сказалъ воспитанникъ, разумѣлъ подъ естественнымъ правомъ «систему правъ, приличныхъ людямъ въ какомъ-то естественномъ состояніи, предшествовавшемъ общежительному и гражданскому». Его превосходительство объявилъ, что «и естественное право и невозможно имѣть никакого другого понятія: что это должно быть и опредѣленіемъ сей науки». Воспитанникъ началъ доказывать, что они имѣютъ совсѣмъ другое понятіе и опредѣленіе сей науки и что естественное право, въ понятіи Гоббеза, было бы предметомъ пустыхъ умствованій, игрою воображенія, и не имѣло бы никакой практической пользы» и т. п. «Вы хотите меня переучивать?» прервалъ г. испр. должн. попечителя, «оставьте сей напрасный трудъ». Профессоръ Плисовъ начиналъ также говорить, но г. директоръ университета велѣлъ ему молчать, грозя выслать его вонъ. Испытаніе продолжалось; статья для вопроса осталась та же.

Говоря о разныхъ названіяхъ естественнаго права, воспитанникъ между прочимъ сказалъ: «сію науку можно бы назвать философіею права, еслибы сіе слово не имѣло такого

неопредѣлительнаго значенія». «Это и есть безумная философія!» прервалъ г. испр. должн. попечителя и потомъ продолжалъ довольно длинное разсужденіе, изъ котораго однакожъ никто не понялъ ничего. Профессоръ Плисовъ говорилъ, что «именно для избѣжанія сего недоразумѣнія и предубѣжденія онъ не даетъ естественному праву сего названія». Г. директоръ университета велѣлъ ему молчать, съ прежнею угрозою.

«Исторія положительнаго права», говорили между прочимъ воспитанники далѣе, «служитъ доказательствомъ тому, что, кромѣ нарочитыхъ законовъ, существуютъ также положенія здраваго разума и обычаи, кои во многихъ случаяхъ замѣняютъ недостатокъ нарочитыхъ законовъ». Г. испр. долж. попечителя прервалъ это своимъ постороннимъ разсужденіемъ и наконецъ сказалъ, что «естественное право не предполагаетъ ни исторіи, ни положительнаго права, ни нарочитыхъ законовъ» и потому отнюдь не слѣдуетъ о томъ и говорить (!).

Г. испр. должн. ректора назначилъ другой по программѣ вопросъ: доказательство, что естественное право, какъ особая, отдѣльная отъ прочихъ наука, существуетъ. Вызванный вновь воспитанникъ, продолжая отвѣчать на оный, между прочимъ сказалъ: «всякій человѣкъ при здравомъ разумѣ различаетъ правое отъ несправедливаго, какъ въ своихъ поступкахъ, такъ и въ поступкахъ другихъ людей, хотя бы о томъ не было никакого постановленія въ нарочитыхъ законахъ или хотя бы даже положительный законъ опредѣлялъ противное» и проч.

Трудно припомнить слова и выраженія, коими г. испр. должн. попечителя угодно было нѣсколько разъ прервать оное краткое и ясное изложеніе. Наконецъ, изъ длиннаго и отрывистаго своего разсужденія онъ вывелъ и сказалъ заключеніе: «всѣ люди по природѣ глупы и безумны».

«Глупые, безумные и имъ подобные, сказалъ воспитанникъ, составляютъ исключеніе изъ правила».

«Цѣлыя республики глупыхъ и безумныхъ представляетъ намъ исторія, возразилъ г. испр. должн. попечителя, примѣромъ тому служитъ республика Абдеритовъ». «Это Виландовъ романъ, а не исторія», сказалъ профессоръ Плисовъ,

но его не слушали, а разговоръ совершенно посторонній и сужденія, ни мало не относящіяся къ предмету, продолжаемы были г. директоромъ университета въ довольно обидныхъ на счетъ профессора выраженіяхъ о безуміи ученыхъ и т. п. Одна посторонняя мысль, одно постороннее слово рождало другое еще постороннѣйшее. Наконецъ профессоръ Плисовъ принужденъ былъ доложить, «что главная цѣль испытанія состоитъ въ томъ, чтобы удостовѣриться въ степени успѣховъ, сдѣланныхъ воспитанниками въ наукѣ»; просилъ продолжать испытаніе, не устраняясь въ такія матеріи, которыя не имѣютъ ни малѣйшей связи съ предметомъ.

«Вы осмѣливаетесь меня учить?»—спросилъ его испр. должн. попечителя.

«Я никакъ не беру на себя этого труда, ваше превосходительство»—отвѣчалъ профессоръ Плисовъ.

«Да и что это за умъ, въ самомъ дѣлѣ?—продолжалъ г. испр. должн. попечителя; «умъ, разумъ, разумѣніе, сила мышленія, — это вѣроятно также немаловажную у васъ играетъ роль?»

«Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ профессоръ Плисовъ, она также предполагается во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ; и хотя есть люди, кои мыслятъ, что не должно мыслить, но большая часть говоритъ это по подражанію другимъ, другіе подражаютъ въ томъ третьимъ и т. д.; однакожъ, если дойти до перваго чудака, который мыслитъ, что не должно мыслить, то онъ все же вѣдь мыслитъ». Сіе постороннее отступленіе прервано другимъ, еще постороннѣйшимъ; разговоръ между г. испр. должн. попечителя и г. директоромъ университета продолжался, а испытаніе удалялось отъ своей цѣли.

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ, видя необходимость или почитая себя въ состояніи отвѣчать на всѣ таковыя постороннія матеріи, въ постороннихъ вопросахъ имъ предлагаемыя, продолжали вдаваться въ оныя и судить по-своему; профессоръ Плисовъ объявилъ, что онъ не ручается за правильность такихъ сужденій.

«Это ваша обязанность», сказалъ испр. должн. попечителя. «Я отвѣчаю за правильность сужденій, относящихся къ преподанной мною наукѣ, возразилъ профессоръ Пли-

совъ; но предметы, которые предлагать изволите, ни посредственно, ни непосредственно не входили никогда въ составъ оной».

Тутъ вызваны нѣсколько воспитанниковъ вдругъ: «что есть государство? что есть верховная власть? какимъ образомъ люди оставили естественное состояніе? какъ пожертвовали они свободою? что такое подчиненность?» и пр. и пр. вопросы одинъ за другимъ предложены имъ были отъ г. испр. должн. попечителя. Г. директоръ университета сопровождалъ оные своими сужденіями въ выраженіяхъ довольно странныхъ, хотя и не совсѣмъ понятныхъ, напр. «отъ чего произошло то, что одинъ повелѣваетъ, а милліоны должны повиноваться? Безъ сомнѣнія, лучше повелѣвать, нежели повиноваться! Какъ можно понять или представить себѣ возможною эту жертву?»

Профессоръ Плисовъ объявилъ, «что вопросы о государствѣ и верховной власти относятся къ публичному или государственному праву, котораго онъ не проходилъ; что вопреки сужденію г. директора университета онъ имѣетъ о сихъ важныхъ предметахъ совершенно другія учебныя понятія и что такъ какъ онъ не проходилъ публичнаго права, то самое оное сужденіе г. директора, которое онъ, профессоръ, почитаетъ не только превратнымъ, но и ни съ чѣмъ несообразнымъ, можетъ послужить соблазномъ для воспитанниковъ».

Г. испр. должн. попечителя велѣлъ профессору молчать; а между тѣмъ воспитанники, разспрашиваемы будучи, отвѣчали какъ могли, не сказавши однакожъ ничего противнаго здравому смыслу или существу дѣла. Профессора спросили: «принимаетъ ли онъ это за свое ученіе?» Онъ повторилъ сказанное прежде, что онъ не преподавалъ публичнаго права.

«Откуда же воспитанники получили всѣ сіи понятія?» спросилъ испр. должн. попечителя.

«Кромѣ тѣхъ понятій, отвѣчалъ профессоръ Плисовъ, кои они въ теченіе годичнаго курса заимствовали отъ меня по части преподанной мною имъ науки, они могутъ имѣть разныя другія; но я еще разъ повторяю, что я не проходилъ публичнаго права, къ которому относятся предложенные вопросы».

«Вы меня никакъ не проведете и въ томъ не увѣрите»,

возразилъ г. испр. должн. попечителя, «вы хотите меня обмануть, вы хотите ускользнуть подобно профессору Балугьянскому, который, призванъ будучи въ главное правленіе училищъ, вилялъ, вилялъ и старался всячески ускользнуть отъ подобныхъ вопросовъ, но, наконецъ, долженъ былъ сознаться».

«Я не проходилъ публичнаго права», повторялъ профессоръ Плисовъ, «а впрочемъ въ сужденіи и объясненіи воспитанника я не нахожу ничего противнаго здравому смыслу или въ какомъ бы то ни было отношеніи предосудительнаго».

Вмѣсто того, чтобы тутъ же спросить директора гимназіи, инспектора или самыхъ учениковъ и удостовѣриться въ томъ, въ чемъ неизвѣстно по какой причинѣ не довѣряли профессору Плисову, который, кажется, не имѣетъ никакой надобности скрывать то, что послужило бы ему же въ похвалу, т. е. если бы кромѣ естественнаго частнаго права, означеннаго въ программѣ, онъ проходилъ и публичное; вмѣсто всего этого г. испр. должн. попечителя продолжалъ: «такъ вы не проходили государственнаго права? Вотъ я тотчасъ то узнаю! Возьмемъ статью о поступкахъ (по программѣ). «О сравненіи поступковъ съ законами», сказалъ г. испр. должн. ректора вызванному имъ ученику. Сей послѣдній, опредѣливъ понятіе о поступкѣ, началъ опредѣлять различные роды оныхъ по различію отношеній: «всякій поступокъ, говорилъ онъ, предполагаетъ дѣйствіе, но поступокъ не всегда состоитъ въ дѣйствіи; упущеніе дѣйствія также называется поступкомъ, когда предполагается, что оно могло или же долженствовало быть сдѣлано. Въ семъ отношеніи поступки раздѣляются на положительные, кои состоятъ въ содѣланіи, и отрицательные, состоящіе въ упущеніи. Напр., пойти, куда должно идти, есть поступокъ положительный, остаться, есть поступокъ отрицательный».

«Этотъ примѣръ не годится»,—сказалъ г. испр. должн. попечителя, — идти есть дѣйствіе физическое».—Но оно можетъ быть предметомъ нравственныхъ и юридическихъ отношеній, отвѣчалъ воспитанникъ. — «Приведите другой примѣръ, сказалъ профессоръ Плисовъ.—«Кто оказываетъ другому милость, помощь, снисхожденіе и т. п., продолжалъ воспитанникъ, или напр. платитъ долгъ, тотъ совершаетъ поступокъ положительный; кто того не дѣлаетъ, тотъ, чрезъ упущеніе, совершаетъ поступокъ отрицательный.

«А!» прервалъ г. испр. должн. попечителя, «и послѣ этого вы все еще будете говорить, что не проходили публичнаго права? когда, какъ извѣстно, платежъ долга, какъ поступокъ положительный, относится къ публичному праву» (?).

Ученики поражены были не меньшимъ удивленіемъ, какъ и самъ профессоръ, который послѣ такого объясненія считалъ уже излишнимъ всякое дальнѣйшее съ своей стороны и потому отвѣчалъ молчаніемъ.

Испытаніе продолжалось, но, вмѣсто даннаго вопроса, г. испр. должн. попечителя предложилъ другой прежній: доказательство, что естественное право существуетъ.

Доказавши, что общія понятія о правѣ или естественные законы существуютъ, воспитанникъ продолжалъ: «сіи общія понятія или естественные законы вездѣ и всегда одинаковы, существенны и потому заключаются въ самой природѣ человѣка».

«Вы никакъ меня не увѣрите въ томъ, что естественные законы вездѣ и всегда одинаковы», возразилъ г. испр. должн. попечителя.

«Исторія и ежедневный опытъ всякаго въ томъ убѣждаютъ, отвѣчалъ воспитанникъ; за нѣсколько тысячелѣтій люди различали добродѣтель отъ порока и справедливость отъ несправедливости такъ, какъ различаютъ и нынѣ, и такъ будутъ различать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ останется человѣкомъ».

«Исторія полна злодѣевъ», прервалъ г. испр. должн. попечителя, «и потому отнюдь не можетъ служить доказательствомъ».

«Это же самое, отвѣчалъ воспитанникъ, доказываетъ уже то, что злодѣйство различали, а это только мы и сказать хотимъ».

«Сколько же протекло тысячелѣтій, о которыхъ вы говорите», спросилъ г. испр. должн. попечителя.

«Мы употребляемъ здѣсь опредѣлительное выраженіе вмѣсто неопредѣлительнаго», отвѣчалъ воспитанникъ. «И въ томъ отношеніи, въ которомъ мы говоримъ, прибавилъ профессоръ Плисовъ, нѣтъ нужды въ точныхъ исчисленіяхъ».

Г. испр. должн. попечителя продолжалъ свое разсужденіе съ г. директоромъ университета въ такихъ выраженіяхъ и

словахъ, которыхъ при всей странности трудно припомнить. Между тѣмъ далъ другой вопросъ вызваннымъ воспитанникамъ: о различіи между правомъ естественнымъ и правомъ положительнымъ.

Одинъ изъ нихъ, между прочимъ, сказалъ, что «иное различіе состоитъ и въ томъ, что законы положительные бываютъ различны по различію мѣста и по различію времени на одномъ и томъ же мѣстѣ, а потому терпятъ перемѣны и изъятія. Напротивъ того, законы естественные (начертанные въ сердцѣ каждаго человѣка, какъ доказывали уже прежде), составляющіе предметъ права естественнаго, суть законы постоянные, непремѣнные и существенные».

Доказательство сего послѣдняго сказано было уже прежде, при семъ же вопросѣ. Но когда самое положеніе принято г. испр. должн. попечителя за нѣчто несообразное, противное, опасное, или въ какомъ-то отношеніи предосудительное; и когда онъ, изъявляя то и требуя настоятельно, чтобы оное положеніе было повторено нѣсколько разъ, началъ тутъ же для себя писать оное по словамъ воспитанника, то сей послѣдній на вопросъ: почему естественные законы постоянны, непремѣнны и существенны, отвѣчалъ перифразомъ, сколько можно помнить: потому что они основываются на общихъ началахъ ума. «Вы имѣете другія доказательства», сказалъ профессоръ Плисовъ. «А отъ сего вы отступаетесь?» спросилъ его г. испр. должн. попечителя. «Я и въ семъ не нахожу ничего несообразнаго», продолжалъ профессоръ.

Изъявляя свое убѣжденіе въ противномъ, г. испр. должн. попечителя положилъ себѣ въ карманъ записанное имъ со словъ воспитанника положеніе, говоря при томъ: вотъ это уже къ чему нибудь пригодится.

Замѣчая, между прочимъ, что время непримѣтно уходитъ, а испытаніе болѣе и болѣе удаляется отъ своей цѣли, г. директоръ гимназіи считалъ своимъ долгомъ о томъ и другомъ напомнить, что и сдѣлалъ, подошедши къ г. испр. должн. ректора университета. Впослѣдствіи г. испр. должн. ректора представилъ о томъ г. исправляющему должн. попечителя, который отвѣчалъ ему:

«Я хочу испытать прежде его (указывая на профессора Плисова) и ученіе, которое онъ разсѣевалъ».

«Вашему превосходительству угодно испытывать меня?» спросилъ скромно профессоръ Плисовъ.

«Ну, да!» отвѣчалъ г. испр. должн. попечителя.

«Позвольте, однакожъ, доложить вашему превосходительству, что здѣсь, кажется, не мѣсто для испытанія меня», сказалъ профессоръ Плисовъ.

«Какъ?» прервалъ г. директоръ университета, «изъ чего вы взяли, что васъ экзаменовать хотятъ?»

«Изъ собственныхъ словъ его превосходительства», отвѣчалъ профессоръ.

«Да не такъ ли вы сказали, ваше превосходительство», продолжалъ г. директоръ университета (обратясь къ испр. должн. попечителя), «не такъ ли вы сказали, что предоставляете г. профессору экзаменовать учениковъ?

«Точно такъ!» отвѣчалъ г. испр. должн. попечителя, «вы не дослышали, г. Плисовъ», продолжалъ онъ; «изъ чего вы взяли, продолжайте экзаменовать, спрашивайте, давайте вопросы, продолжайте».

«Это опять другое распоряженіе, которое угодно вашему превосходительству дѣлать?» сказалъ профессоръ Плисовъ; «а первое состояло въ томъ, чтобы экзаменовать меня. Я это очень хорошо слышалъ, такъ какъ и всѣ предстоящіе, а потому осмѣливаюсь доложить, что хотя мое званіе и увольняетъ меня отъ всякаго дальнѣйшаго испытанія, однакожъ я охотно подвергнусь оному, предполагая, какъ само собою разумѣется, что испытующій будетъ имѣть основательное свѣдѣніе въ наукѣ».

«Продолжайте экзаменовать сами», прервалъ г. испр. должн. попечителя; «или вы хотите, чтобы я обвинилъ васъ въ неповиновеніи?»

Тутъ профессоръ Плисовъ, который до сихъ поръ и не начиналъ еще экзаменовать (потому что вызовъ учениковъ и предложеніе для вопросовъ общихъ статей по программѣ дѣлалъ г. испр. должн. попечителя, а профессору при всякомъ случаѣ, когда онъ начиналъ говорить, велѣно было молчать), принужденъ былъ дать ученику вопросъ, а между тѣмъ спустя нѣсколько времени просилъ извинить его, что не можетъ продолжать по причинѣ приключившагося ему круженія головы, и вышелъ изъ собранія.

V.

Вопросные пункты и отвѣты на нихъ профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева.

Вопросные пункты профессору Герману.

Отвѣты на нихъ:

Въ письмѣ вашемъ къ ректору университета показано вами, что, преподавая 15 лѣтъ статистику, не писали вы уроковъ своихъ изъ подражанія учителю вашему Шлецеру, и что студенты, слушавшіе изустное ваше преподаваніе, могли въ тетрадяхъ своихъ вмѣстить то, чего вы имъ не говорили; притомъ препроводили вы къ ректору написанные вами отрывки статистики Австріи. Посему спрашивается:

1. Ежели вы не имѣете привычки писать вашихъ лекцій, то почему, не писавъ статистики Россіи, написали статистику Австріи, изъявъ и изъ нея однакоже всѣ тѣ мѣста, въ коихъ можно предполагать тѣ же самыя собственныя мнѣнія, кои въ россійской статистикѣ вы обнаружили, какъ-то: о правительствѣ, о духовенствѣ, о церкви, и проч.?

1. Я неоднократно намѣревался писать курсъ статистики, но другія мои занятія мнѣ въ томъ препятствовали. Я хотѣлъ писать руководство къ статистикѣ европейскихъ государствъ и сдѣлалъ опытъ въ семъ родѣ, начавъ Австрійскою имперіею. Потомъ я оставилъ сей планъ, предпочитая способъ преподаванія статистики по предметамъ, входящимъ въ составъ сей науки. Предметы въ Австрійской

статистикѣ суть тѣ же самые, кои находятся и въ лекціяхъ моихъ по статистикѣ Россійскаго государства. Различіе состоитъ только въ томъ, что въ первой я хотѣлъ писать руководство, а во второй входилъ въ бо́льшія подробности касательно тѣхъ же самыхъ предметовъ, сколько то нужно было для студентовъ университета.

2. Какимъ образомъ могло произойти случайно, что у нѣсколькихъ студентовъ вашей аудиторіи всѣ вредныя мнѣнія о религіи и правительствѣ совершенно въ смыслѣ и въ выраженіяхъ согласны, а у тѣхъ, кои представили тетради неполныя, недостаетъ именно тѣхъ тетрадей, въ которыхъ вредныя мѣста заключаются?

2. Въ семъ вопросѣ заключаются два разные предмета: а) что есть вредныя мнѣнія въ отношеніи къ религіи и къ правительству въ тетрадяхъ тѣхъ студентовъ, которые представили полный курсъ, между тѣмъ какъ въ другихъ тетрадяхъ, неполныхъ, недостаетъ тѣхъ статей, кои вредны; б) какимъ образомъ могло случайно произойти, что тетради многихъ студентовъ сходны и по смыслу, и по выраженіямъ. Къ а): Я утверждаю, что мои мнѣнія, объясненныя такъ, какъ я оныя понимаю, не вредны; но я замѣтилъ изъ читанныхъ мнѣ выписокъ, что въ оныхъ есть мѣста, противныя моимъ началамъ. Наконецъ, я совершенно не знаю, почему иныхъ тетрадей недостаетъ у студентовъ. Къ б): Я никогда не писалъ своихъ лекцій и никогда не давалъ студентамъ

своихъ собственныхъ записокъ, какъ то я уже объявилъ. Студенты не иначе могли принимать мои изустныя преподаванія, какъ за положенія (comme des données), потому что я объясняюсь довольно худо по-русски. Надлежало изъ нихъ дѣлать редакцію, чтобы составить записки въ порядкѣ чистымъ русскимъ слогомъ. Я увѣренъ, что многіе изъ студентовъ располагали оныя по-своему, будучи прилежны; а можетъ быть, есть и такія уставныя записки (cahiers de fondation), кои въ теченіе многихъ лѣтъ переходили изъ рукъ въ руки и были пополняемы студентами по собственнымъ ихъ понятіямъ.

3. Что̀ можете вы представить въ подтвержденіе показанія вашего, что ваше изустное преподаваніе не вмѣщало въ себѣ ничего противнаго религіи и государственному правленію?

3. а) Мою совѣсть, которая чиста: никогда, никогда я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія говорить противъ религіи или противъ правительства;—б) разсмотрѣніе всѣхъ, извлеченныхъ изъ студентскихъ тетрадей, мѣстъ, кои будутъ мною признаны сообразными съ моими настоящими началами, если разсмотрѣніе сіе будетъ сдѣлано такими судьями (juges compétens), кои извѣстны по политическимъ своимъ свѣдѣніямъ.

4. Ежели предположить, что многіе изъ студентовъ вашихъ

4. Я пришелъ въ ужасъ, услыша сей пунктъ обвине-

помѣстили въ свои тетради, какъ вы сами изъясняете, болѣе или менѣе (plus ou moins) тó, чтò вы имъ изустно преподавали, то какимъ образомъ произошло, что обѣ науки, вами преподанныя, т. е. *теорія статистики* и *статистика Россіи*, имѣли вообще явнымъ основаніемъ своимъ и цѣлію порицаніе христіанства, оскорбленіе достоинства церкви, существующаго въ Россіи правленія и вообще верховной власти.

нія, который вынуждаетъ меня нижайше просить о разсмотрѣніи сего дѣла сообразно съ отвѣтомъ 3 б).

5. Для чего въ преподаваніе статистики вмѣстили вы совершенно чуждыя сей наукѣ матеріи, въ изложеніи которыхъ обнаруживаются правила возмутительныя?

5. Тутъ также два предмета заключаются въ одномъ вопросѣ: спрашивается: а) почему въ моихъ статистическихъ лекціяхъ есть матеріи, почитаемыя посторонними для сей науки, и б) сіи постороннія матеріи названы вредными. Отв. на а): Можно проходить статистику или исторически, и такимъ образомъ она должна быть преподаваема, по моему мнѣнію, въ гимназіяхъ; или политически, какъ она должна быть преподаваема, по моему мнѣнію, въ университетѣ. По моему мнѣнію, статистика есть средоточіе всѣхъ политическихъ наукъ. Она доставляетъ доказательства всѣмъ симъ наукамъ, а потому начала сихъ наукъ должны быть развиты (développées) въ соотвѣтствен-

ныхъ тому статьяхъ статистики, а особливо въ теоріи статистики, которая представляетъ сокращеніе оныхъ, ибо нельзя отвѣчать на тó, чтò еще неизвѣстно. Наконецъ, всѣ входящіе въ статистику предметы и самый способъ преподаванія оной означены въ моей теоріи статистики, съ одобренія главнаго правленія училищъ и на казенный счетъ напечатанной въ 1809 году для гимназій Россійской Имперіи. Къ б): Я ссылаюсь на мой отвѣтъ № 3, 2 и 4.

6. Какимъ образомъ, разсматривая по однимъ правиламъ чести и благоприличія, можете вы оправдать публичное порицаніе дѣйствій того правительства, которому вы служите, и предъ воспитанниками, коихъ образованіе было вамъ ввѣрено отъ него?

6. Ужасный упрекъ, содержащійся въ семъ вопросѣ, не прежде мнѣ можетъ быть сдѣланъ, какъ тогда, когда я удостоюсь разсмотрѣнія приведенныхъ изъ студентскихъ тетрадей мѣстъ всѣхъ вмѣстѣ и такими людьми, кои въ наукахъ политическихъ искусны. Наконецъ я нижайше прошу снабдить меня копіею съ выписки тѣхъ мѣстъ, кои въ объяснительныхъ пунктахъ показаны.

Вопросные пункты профессору Раупаху.

Отвѣты на нихъ.

1. Для чего и съ чьего дозволенія преподавали вы въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, вмѣ-

1. Я училъ свѣтской исторіи такъ, какова она должна быть, а не системѣ философской.

сто исторіи, вамъ назначенной и которую слѣдовало вамъ соглашать съ обще принятыми классиками сей науки, систему философскую, произвольно вами составленную?

2. Съ какимъ намѣреніемъ устремляли вы преподаваніе сей философіи единственно къ убѣжденію вашихъ слушателей въ томъ, что языческая теогонія есть будто бы ученіе истинное и единственный источникъ религіи еврейской и христіанской?

2. Я не училъ тому, чтобы теогонія язычниковъ содержала что нибудь справедливое.

3. Съ какимъ намѣреніемъ усиливались вы въ преподаваніи уроковъ вашихъ потрясти достовѣрность книгъ Св. Писанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвергнуть божественное откровеніе ветхаго и новаго завѣта и, выводя постоянно во всей системѣ преподаванія вашего сходство индійскихъ обрядовъ съ таинствами христіанства, стремились поколебать достовѣрность божественнаго установленія оныхъ священныхъ таинствъ?

3. Я не нападалъ на достовѣрность Священнаго Писанія.

4. Какъ позволили вы себѣ предлагать слушателямъ вашимъ вымышленныя, порицательныя заключенія о божественныхъ преданіяхъ въ Библіи, подкрѣпляя выводимые вами изъ того ложные толки превратнымъ показаніемъ смысла текстовъ?

4. Я не представлялъ превратно смысла Священнаго Писанія.

5. Съ какимъ намѣреніемъ внушали вы и вводили въ ученіе ваше такія понятія, которыя ведутъ къ матеріализму и атеизму?

5. Я не проповѣдывалъ матеріализма.

6. Съ какимъ намѣреніемъ и по какому праву, служа Россійскому правительству, учили вы въ Императорскомъ университетѣ, что верховная власть есть только насильственное завладѣніе народною свободою, и такимъ образомъ, вмѣсто полезнаго преподаванія исторіи, разсѣевали мнѣнія и начала возмутительныя?

6. Я не училъ тому, что власть верховная основана на притѣсненіи.

Опроверженія свои я не прежде могу подтвердить доказательствами, какъ въ то время, когда даны будутъ средства, т. е. когда сообщена будетъ мнѣ выписка изъ моихъ уроковъ; когда мнѣ возвращены будутъ мои тетради съ экземпляромъ одного изъ моихъ слушателей и когда мнѣ предоставлено будетъ нужное время.

Вопросные пункты профессору Галичу.

Въ письмѣ вашемъ къ ректору университета, на требованіе отъ васъ тетрадей, по коимъ вы преподавали разныя части философіи, объявили вы, что основаніемъ уроковъ вашихъ брали вы курсъ философіи Карпе и печатную книгу вашу: *Исторію философскихъ системъ.*

Нынѣ въ тетрадяхъ студентовъ вашихъ обнаружены начала, противныя вѣрѣ и властямъ, установленнымъ отъ Бога; и потому предлагаются вамъ слѣдующіе вопросы:

Отвѣты на нихъ.

1. Чѣмъ докажете вы, что въ изустномъ преподаваніи вашемъ не было ничего сему подобнаго?

2. Чѣмъ можете доказать, что разрушительныя начала, въ тетрадяхъ студентовъ вашихъ обнаруженныя, не суть извлеченія изъ собственной книги вашей—*Исторіи философскихъ системъ*, которая, вмѣщая въ себѣ всѣ сіи начала, открытое даетъ предпочтеніе философіи Шеллинга, противной ученію божественнаго откровенія?

3. Въ предисловіи вашемъ ко второй части сей книги, утверждаете вы сами, что *вожделѣнные успѣхи вашихъ слушателей познакомили ихъ чрезъ нее съ ученіями древнихъ мудрецовъ;* то на основаніи сего собственнаго признанія вашего спрашивается: съ какимъ намѣреніемъ излагаете вы противныя ученію вѣры понятія индійской философіи, указывая на источники оныхъ самые вредные и авторовъ самыхъ опасныхъ?

4. Съ какимъ намѣреніемъ вводите вы въ число философскихъ сектъ ученіе евреевъ и христіанъ, въ книгахъ ветхаго и новаго завѣта заключающееся, стараясь утвердить тѣмъ, что оныя ученія не суть откровеніе божествен-

Сознавъ невозможность отвергнуть вопросные пункты, отвѣчаю желаніемъ не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія.

ное, но вымыслъ человѣческій?

Вопросные пункты профессору Арсеньеву.

Въ донесеніи вашемъ ректору университета вы говорите, что не имѣете никакихъ тетрадей, ниже систематическихъ записокъ по вашему предмету, а руководствовались поименованными въ донесеніи вашемъ авторами и книгами; статистику же Россіи преподавали вы по напечатанной собственной книгѣ вашей, *дѣлая въ оной разныя перемѣны и поправки*. Посему:

1. Если вы не заготовляли вашихъ лекцій письменно, то какимъ образомъ оказавшіяся въ тетрадяхъ воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона вредныя мнѣнія о религіи и правительствѣ совершенно между собою согласны въ смыслѣ и выраженіяхъ?

2. Чѣмъ опровергнете вы тò, что найденныя въ тетрадяхъ воспитанниковъ вреднаго духа мѣста суть собственныя ихъ прибавленія, а не изъ вашихъ преподаваній взятыя?

Отвѣты на нихъ.

На вопросные пункты, предложенные мнѣ высшимъ начальствомъ университета, честь имѣю представить мои отвѣты:

На 1-й и 2-й вопросы: Тетрадей и записокъ моихъ по статистикѣ я ни студентамъ, ни воспитанникамъ не давалъ. Что записки студентовъ согласны между собою въ смыслѣ и выраженіяхъ, это происходитъ оттого, что во время класса, при преподаваніи моемъ, одинъ изъ воспитанниковъ пансіона замѣчалъ главное и вообще, чтó ему казалось достойнымъ замѣчанія, послѣ класса все приводилъ въ порядокъ по своему образу мыслей и своимъ слогомъ. Составленное однимъ переписываемо было всѣми прочими. Записки, такимъ об-

разомъ сдѣланныя, могли совершенно отступить отъ смысла моего, и мысли, мною изложенныя, въ другихъ выраженіяхъ представленныя воспитанниками, могутъ теперь быть обращены въ сторону, для меня чрезвычайно невыгодную. Начальство мое, получивши тетради, такъ искаженныя и несообразностями наполненныя, конечно, по долгу своему, не зная ихъ происхожденія, должно осуждать меня какъ преступника. Впрочемъ, съ увѣренностію въ душѣ и съ спокойствіемъ совѣсти, я смѣю увѣрить начальство, что я никогда не позволялъ себѣ входить въ сужденія о вѣрѣ, мною свято чтимой. Съ дѣтства моего я привыкъ думать, что вѣра есть краеугольный камень доброй нравственности и человѣческаго счастія.

3. Для чего, преподавая статистику, вводили вы въ оную чуждыя сей наукѣ матеріи, въ изложеніи которыхъ обнаруживаются начала и заключенія возмутительныя противу благосостоянія общественнаго?

На 3-й вопросъ: Преподавая статистику, съ намѣреніемъ я не думалъ никогда касаться области другихъ наукъ. Но, смотря на нее какъ на науку политическую, а не историческую или географическую, я сближался съ предметами сродными и близкими ей, хотя они главнѣйше принадлежатъ къ политической экономіи или къ праву государственному: Staats-

recht und Staatsverwaltungslehre sind die Haupttheile der Statistik — такъ говоритъ Шлецеръ, толико знаменитый своими заслугами по статистикѣ и по исторіи нашего отечества. Кромѣ простыхъ показаній въ числахъ, я позволилъ въ книгѣ моей сужденія и заключенія по многимъ предметамъ, считая это для себя обязанностію, ибо я имѣлъ въ виду правило того же Шлецера: es giebt eine statistique raisonnée. Да проститъ мнѣ почтенная конференція и правленіе, что я привожу самыя подлинныя слова Шлецера! eigentlich fordert man dem Statistiker nur facta ab, aber oft muss er die Folgen erwähnen zum Beweis dass sein factum statistich richtig sei. Впрочемъ, таковыя сужденія мои, таковыя заключенія я дѣлалъ, будучи совершенно чуждъ всякаго злонамѣренія. Въ продолженіе одиннадцатилѣтней службы моей я никогда не былъ ослушникомъ высшей власти и моего начальства: воля его была для меня священною.

Преподавая теорію статистики, я руководствовался печатною книгою г. профессора Германа, моего наставника въ сей наукѣ, руководствовался тѣмъ безбоязненнѣе, что

она была преподаваема повсюду по повелѣнію главнаго училищъ правленія. Отвѣчать на многія статьи, изложенныя въ выпискѣ, будетъ продолжительно теперь. Если начальству моему благоугодно будетъ приказать мнѣ отвѣчать на нихъ письменно на каждую часть порознь, то за особенное счастіе почту себѣ исполнить это, тѣмъ болѣе, что при семъ я имѣлъ бы случай открыть мой образъ мыслей и представить, какъ мало я наклоненъ съ намѣреніемъ къ возмутительности, буйству, непокорности властямъ и богохульству. Но peccare (errare) humanum est.

4. Для чего и съ должнаго ли, отъ кого слѣдовало по уставу, позволенія приняли вы въ рувоводство преподаванія въ благородномъ пансіонѣ статистики такую книгу вашу, которая заключаетъ въ себѣ непозволенныя сужденія и опороченія отечественнаго правительства, существующихъ законовъ, формы правленія гражданскаго и духовнаго?

На 4-й вопросъ: Книга моя введена въ пансіонѣ не по формальному предложенію начальства, но съ словеснаго соизволенія г. директора пансіона. Впрочемъ, она введена и въ лицеѣ, и въ пансіонѣ Царскосельскомъ безъ моего содѣйствія, по волѣ тамошняго высшаго начальства.

Въ заключеніе беру смѣлость представить высшему начальству мое увѣреніе, что я никогда не порочилъ съ намѣреніемъ никакихъ отечественныхъ постановленій, кольми паче не дерзаю осуждать формы правленія гражданскаго и духовнаго. Я

чувствую благотворность его и нахожу себя счастливымъ подъ кровомъ отечества моего. Несказанно счастливымъ почелъ бы себя, еслибы высшее начальство мое даровало мнѣ случай отвѣчать на каждую статью выписки порознь. Въ томъ состоитъ моя покорнѣйшая просьба, исполненіе коея будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія начальства.

VI.

Мнѣніе графа Лаваля о теоріи статистики Германа.

Observations sur trois ouvrages du professeur Hermann.

Des trois ouvrages du professeur Hermann, sur lesquels je dois donner mon opinion, savoir: Историческое обозрѣніе литературы статистики въ особенности Россійскаго государства, Краткое руководство къ теоріи статистики, Всеобщая теорія статистики, je n'examinerai que ce dernier, qui est un développement très étendu de celui, qui précède et quant au premier, c'est une simple nomenclature des ouvrages, écrits dans différentes langues sur la statistique et qui sont autant des sources d'instruction pour ceux, qui ce livrent à l'étude de cette science.

Je ne ferai pas un reproche personnel à M. Hermann de quelques contradictions, répandus dans son ouvrage, et qui tiennent à l'extension forcée que plusieurs auteurs allemands, dont il a tiré ses autorités, ont voulu donner à la statistique. Rien ne peut mieux donner une idée du cercle immense, qu'ils ont voulu donner à cette science, que la théorie de M. Her-

mann, et après avoir posé lui même les limites dans lesquelles devrait être restreinte la statistique, il se trouve entrainé par les développements qu'il emprunte de M. Achenvall, Schlötzer et autres, à en faire une branche de l'économie politique et de l'histoire, dont il dit cependent lui-même dans plusieurs endroits qu'elle doit rester parfaitement distincte. Or, en donnant à cette partie de l'instruction toute l'étendue qui semble être l'objet des savants allemands, l'on peut mettre en doute si elle doit être enseignée parmi nous sur ce pied. Je poserai plus loin cette question d'après les paroles même de M. Hermann, lorsqu'il examine l'utilité de la Statistique, § 87, 91, 92.

§ 18. Статистика есть знаніе, а не наука; поелику она имѣетъ предметомъ своимъ дѣла, а не понятія.

§ 19. Итакъ, она есть наука политическая и пр.

§ 21. Статистика относится къ своему предмету страдательнымъ образомъ, т. е. оный только описываетъ, а не судитъ объ немъ. Похвала, охужденіе, проекты и общія основанія не принадлежатъ къ статистикѣ.

§ 50. Статистическое предлаганіе всѣхъ сихъ предметовъ состоитъ въ томъ, чтобъ взирать на нихъ со стороны ихъ вліянія на благосостояніе государства и проч.

§ 80. Можно сказать, что публичное показаніе недостатковъ въ государственномъ

Dans le commencement de son ouvrage le professeur convient (§ 18) que la Statistique est une connaissance et non pas une science, et dans le § suivant, il dit au contraire très positivement, que c'est une science politique et une des parties principales d'un cours de politique. Dans le § 21 il pose avec raison pour principe, que la Statistique doit être passive, c'est-à-dire se contenter de décrire ce qui est, sans ajouter des réfléxions ni en bien ni en mal; mais un peu plus loin dans le § 50 il prétend qu'elle doit envisager les choses sous le rapport de leur influence sur le bien-être général, ce qui emporte nécessairement des observations, des réfléxions et devient alors du ressort de l'économie politique.

Le professeur retombe dans d'autres endroits dans des contradictions à peu près sembla-

устройствѣ и управленіи унизитъ правительство въ глазахъ подданныхъ, и можетъ потому имѣть опаснѣйшія слѣдствія и проч.

bles. Il dit § 80 que si un auteur statistique aperçoit des fautes, ou défauts dans l'organisation du gouvernement, il doit bien se garder de les dénoncer au public, mais qu'il peut faire part au gouvernement lui-même de ses observations. Dans le § 87 au contraire, il dit, qu'un auteur statistique est le провозвѣстникъ и добраго и худого и контролеръ правительства, et en parlant de l'utilité de la science en général § 91, il dit: каждый размышляющій гражданинъ судитъ о государственномъ управленіи; это есть неотъемлемое право человѣка, которое онъ блюдетъ всегда, если не публично, то конечно въ тишинѣ, право, дѣйствій коего и самое жесточайшее угнетеніе деспотизма не иначе можетъ отвратить, какъ токмо уничтоженіемъ способностей человѣческихъ посредствомъ распространенія мрака и рабства, т. е. посредствомъ отнятія у народа способности мыслить и разсуждать. Но сіе у полуобразованныхъ народовъ чрезвычайно трудно, а у просвѣщенныхъ будетъ даже дѣло совершенно невозможное. И когда невозможно нынѣ какому-нибудь нѣсколько образованному гражданину воспретить судить объ обстоятель-

ствахъ государства, то, кажется, гораздо лучше и удобнѣе взять мѣры управлять такимъ сужденіемъ и даже опредѣлять мнѣніе публики. По ничто столько мнѣніемъ публики управлять не можетъ, какъ прекращеніе всякой безполезной скрытности и откровенность правительства въ государственныхъ дѣлахъ и проч. Il conclut de là, dans le § 92 (qu'il faut lire en extenso) que si le gouvernement ne fait aucune faute et que toutes les opérations soient parfaites, il n'y aura lieu parmi les sujets de ce gouvernement à aucune critique, ni à calomnie. C'est d'après ces conclusions et en regardant d'après lui la statistique comme un moyen pour les *gouvernés* de juger les *gouvernants*, que je demande, s'il est indispensable de faire enseigner cette science dans toute l'étendue du cercle que se sont éfforcés de lui donner les savants allemands. J'ajouterai même que sous ce rapport l'ouvrage de M. Hermann est d'un grand intérêt, en nous développant leurs vues et les résultats de leurs doctrines.

§ 80, 4. Правительства, коихъ цѣль не есть благосостояніе гражданъ, но кои взираютъ на нихъ только какъ на средства къ своему соб-

Quant au professeur luimême, dont j'examine l'ouvrage, il m'a paru que dans quelques endroits il aurait pu parler avec moins de légéreté de quelques gouver-

ственному благосостоянію, конечно не заведутъ у себя статистиковъ; равнымъ образомъ и дряхлыя и слабыя правительства и проч.

§ 64. Время и обстоятельства, власть и случай, предразсудки и мудрость совокупно участвовали въ образованіи государства, каково оно въ различныхъ земляхъ нынѣ находится.

nements. Il tonne contre ceux, qui refusent de laisser voir leurs archives § 80, 4. Il prétend, que si la statistique a été negligée en France, c'est parcequ' *on craignait la Bastille*, page 3. Il présente la plupart des gouvernements maintenant éxistants (64) comme étant ouvrage des *inconstances* et des *préjugés*. Il me semble que de pareilles observations sont au moins inutiles. Je m'étonne aussi que l'auteur regarde comme ayant été des obstacles, aux connaissances, les anciens savants en Théologie. Personne n'ignore que les premières connaissances et premiers moyens d'instruction sont dû aux moines et aux couvents et il me parait qu'il aurait pu se dispenser du passage p. 3, qui commence ainsi: въ католическихъ, реформатскихъ и лютеранскихъ земляхъ богословы пріобрѣли такую силу, которая препятсвовала успѣхамъ другихъ наукъ. Они непогрѣшимость свою простирали даже въ области философіи, юриспруденціи, медицины и астрономіи. Богословія въ то время надъ всѣми господствовала, и противу сего вооружились Картезій, Беккеръ и Томазій. Наконецъ, въ 17 столѣтіи послѣ вѣка древней словесности наступилъ вѣкъ философіи и проч. Mon

intention n'est pas de présenter ce morceau comme irréligieux, mais comme donnant des idées fausses et contraires à toutes nos notions historiques. Je ne condamnerai pas non plus l'ouvrage en général comme dangéreux, je répète au contraire, qu'il n'en est point, qu'il puisse nous faire mieux juger de ce que les auteurs allemands appellent *statistique*.

VII.

Мнѣніе графа Лаваля о дѣлѣ обвиняемыхъ профессоровъ.

Opinion sur la destitution des professeurs de l'université désignés par le directoire général des écoles.

Les professeurs Raupach et Hermann ont été cités devant la conférence de l'université pour répondre aux questions, qui leurs ont été adressées par le Directoire des écoles. Ils se sont contentés de nier d'avoir enseigné les doctrines qu'il a condamnées quoiqu'à l'appui de ces accusations ont leur ait présenté leurs propres cahiers ou ceux des leurs élèves.

Un systême de dénégation n'est pas une justification. C'est la ressource de la plupart des accusés en matière criminelle. Ce qui n'empêche cependant pas les juges de prononcer et la justice d'avoir son cours. Autrement aucun accusé ne serait trouvé coupable, et tous les procès seraient interminables. D'ailleurs dans ee cas dont il s'agit, les accusateurs sont venus avec des preuves en main. Les accusés au contraire n'en ont présenté aucun. La *dénégation* n'a jamais rien prouvé, si non e désir de ne pas paraître coupable; les professeurs ont de-

mandé qu'on leur livrât de nouveau leurs cahiers et ceux de leurs élèves pour les confronter avec les chefs d'accusation; ce qui ne pouvait leur être accordé, car de deux choses l'une: ou ils prétendaient par là faire sentir la possibilité que les citations, faites par le Directoire étaient fausses, ce qui est injurieux pour le Directoire, ou ils prétendaient lui prouver, que les doctrines condamnées par lui comme dangereuses ne l'étaient pas; ce qui est inconvenable. Aucune discussion de ce genre ne peut avoir lieu entre le corps dirigeant et ceux qui sont dirigés. C'est au conseil d'instruction publique à déterminer quel enseignement et quel mode d'enseignement doivent adopter les professeur et c'est à ceux-ci à s'y conformer. Dans tous les pays ou de pareils corps sont organisés leurs décisions sont des lois pour le corps enseignant et ne souffrent aucunes représentations. Tout conseil d'instruction ne doit compte de ses motifs et de ses détérminations qu'au Chef du gouvernement par qui il est institué.

Nous avons vu en France il y a deux ans un doyen de la faculté de droit, destituer de sa seule et pleine autorité un professeur (M. Bavoux), pour avoir enseigné des doctrines, qui inspiraient peu de respect pour les lois. Cette destitution fut confirmée le lendemain par la Commission de l'instruction publique et personne ne songea à recevoir une justification de la part de M. Bavoux. Dernièrement encore, un professeur à Lucerne, M. Troxler, a été destitué par le petit conseil, d'accord avec le conseil d'éducation, non pas même pour avoir enseigné, mais pour avoir publié un livre dont les principes étaient contraires à l'ésprit de la religion catholique, dominante dans le canton. Des exemples aussi très récents de destitution ne nous manqueraient pas les états Prussiens, soit à Berlin, soit à Bonn. Il ne saurait exister de doute sur le droit qu'ont tous les gouvernements et par conséquent ceux, qui sont chargés de ce pouvoir, de suspendre tout enseignement, qui lui parait dangereux, de même que tout père de famille a droit d'éloigner de ses enfants un instituteur, dont les doctrines ne sont pas conformes aux principes, qu'il désire leurs faire enseigner. Et quand je parle ici de doctrines, l'on sent bien, qu'il n'est pas question de quelques phrases d'un sens douteux, de quelques mots incovenables, jetés dans des cahiers. Il s'agit surtout

de l'ésprit de l'enseignement, qui résulte de la masse générale de l'instruction, de la manière dont elle est présentée, des objets étrangers au but principal qu'on parait s'être proposé et que l'on a fait entrer dans un cours, exprès pour mettre en avant des matières dont il est dangereux de donner des notions prématurées ou superficielles et qu'un instituteur sage a soin de laisser pour un âge plus avancé. Des critiques sur le gouvernement auquel on est soumis, quelque justes, qu'elles puissent être, ne sauraient non plus être admises comme faisant partie d'un cours, et à coup sûr dans les pays ou l'ont jouit de la plus grande liberté, à Edinbourg et à Paris, un professeur, qui avertirait ses élèves de la corruption de certains membres du Parlement ou de celle des électeurs, serait très promptement destitué de son emploi. C'est cependant un recueil semblable d'observations critiques sur plusieurs de nos institutions, que M. Hermann et à son exemple quoiqu'en moins grand nombre M. Arséniew, se sont permis d'appeler la Statistique de Russie. Je me réfère pour les preuves aux citations de cahiers, faites par le Directoire Général des Ecoles, et je persiste dans l'opinion, qu'il a donnée et qui est la mienne, de la nécessité de suspendre des pareilles leçons sans avoir égard aux dénégations, faites par les professeurs dans la conférence de l'Université.

VIII.

Мнѣніе графа Лаваля о составѣ университетскаго преподаванія.

Observation sur l'ésprit, la nature et les objets de l'enseignement public.

La question, qui a récemment occupé le Directoire Général des écoles ne saurait être envisagée, comme une affaire particulière à quelques professeurs; elle embrasse tellement par ses conséquences tout ce qu'il y a d'important dans l'in-

struction publique, qu'elle doit être uniquement considérée sous le point de vue d'une mesure générale, indispensable pour fixer et assurer la marche, qu'il convient de faire prendre à l'enseignement. C'est, surtout, l'ésprit des doctrines, qu'il importait à l'autorité dirigeante de juger dans les cours des professeurs, au lieu d'entamer avec eux sur les sens plus ou moins dangereux de tels ou tels passages de leurs cahiers, des dissertations polémiques, dont ils prétendaient tirer leurs moyens de justification. Il importait essentiellement de connaitre les idées, avec lesquelles devaient sortir de ces cours des élèves, destinés eux mêmes à devenir maîtres, et par consequent, à propager dans tout l'Empire de bons principes, s'ils en avaient réçus, ou la contagion des mauvais, si les sources, auxquelles ils avaient puisé leurs connaissances, étaient des sources empoisonnées. J'insiste d'autant plus sur cette observation, que si en sortant de nos écoles, ces nouveaux maîtres répandent des doctrines dangereuses dans les établissements d'instruction, où ils seront appelés, ce ne sera pas eux, qu'il faudra regarder comme coupables, mais bien le gouvernement, qui aura permis l'enseignement de ces mêmes doctrines; sur lui seul, c. à. d. sur l'autorité, qui le représente, retombe la responsabilité.

Statistique.

*) Статистика Арсеньева, стр. 43. Дворяне свободны отъ всѣхъ податей. Римляне въ разсужденіи сего предмета имѣли совершенно инаковое постановленіе. Римскіе патриціи вмѣняли себѣ въ особенную честь платить государству тѣмъ болѣе, чѣмъ выше они стояли предъ прочими классами гражданъ. У новѣйшихъ народовъ, напротивъ, высшія сословія считаютъ себѣ честію вовсе не платить.

Or, maintenant, si l'on veut ouvrir, je ne dis pas les cahiers, mais les livres imprimés de ces mêmes professeurs, employés jusqu'à ce moment dans nos écoles, par exemple la statistique de M. Arsénief, les idées génerales sur la même science publiées par M. de Hermann, je demande ce que l'on doit attendre de l'esprit de leurs élèves, qui auront puisé dans ces ouvrages, ici un profond mépris pour la no-

**) Стр. 106. Крѣпостность земледѣльцевъ есть также великая преграда для улучшенія состоянія земледѣлія; человѣкъ, не увѣренный въ полномъ возмездіи за трудъ свой, въ половину не произведетъ того, что въ состояніи сдѣлать человѣкъ свободный отъ всякихъ узъ принужденія.

***) Стр. 179. Старыхъ и новыхъ указовъ и учрежденій считается больше 70,000! Многіе изъ послѣдовавшихъ противорѣчатъ и даже опровергаютъ предшествовавшіе. Къ сожалѣнію, знающіе стряпчіе, руководимые не безпристрастіемъ, а лихоимствомъ, часто разрѣшаютъ виновныхъ и запутываютъ невинныхъ, но неопытныхъ въ сѣтяхъ ложнаго толкованія законовъ.

blesse Russe, qu'on s'éfforce de leurs représenter comme entièrement étrangère au payemens des charges publiques *)· tantôt **) la conviction, que l'agriculture ne peut faire aucun progrès parmi nous, sous le régime actuel du servage des paysans; plus loin, que***) dans tous les procès, la justice se vend au offrant, que la législation Russe est un recueil incohérent de 70,000 oukases contradictoires, toujours interprêtés en faveur du plus riche. Je ne prétend pas discuter ici le plus ou moins de vérité de ces différents assertions; mais en supposant mêmes, que quelques unes seraient appuyées par l'expérience, il n'en est pas moins vrai qu'elles ne sauraient faire partie d'un cours d'instruction publique. Dans le pays le plus libre de l'Europe, la corruption du parlement, signalée dans la plupart des ouvrages politiques et dans un si grand nombre de feuilles périodiques, n'a jamais servi de texte aux leçons d'un professeur d'Oxford ou d'Edinbourg.

Histoire.

Sans avoir besoin de citer dans un cours d'histoire, des assertions aussi positives que celles, que nous venons de condamner dans la statistique; il est facile de juger dans quel

ēsprit ce cours est écrit, par la seule manière dont les faits y sont présentés. La justification, que M. Raupach a voulu faire admettre sur certains passages de son cours, ne pouvait atténuer en rien l'impression défavorable, qu'a faite sur le directoire général l'ensemble de sa méthode. Pour connaitre les opinions d'un historien, il n'est en aucune façon nécessaire qu'il les ait annoncées d'une manière ouverte et positive. Hume, malgré la réputation de royaliste, qu'il mérite à juste titre, ne s'est jamais permis d'injures contre le parti républicain et semble s'être borné à raconter les faits. C'est par l'enchainement qu'il leur donne, par la manière, dont il en developpe les causes et les effets, qu'il inculque à ses lecteurs ses opinions sans leur dire son secret. Ainsi, quand M. Raupach vante les talens de Moïse comme législateur, lorsqu'il le loue d'avoir substitué Jehovah aux Dieux, qu'adoraient les peuples voisins de juifs, et d'avoir compris, que toute législation devait être censée émaner de la divinité, parceque les nations étaient encore trop grossières, trop ignorantes pour se laisser conduire par les seules lumières de la raison; n'accoutume-t-il pas ses auditeurs à un sentiment, flatteur sans doute pour Moïse, mais que ne peut convenir à des élèves chrétiens, obligés par les dogmes de notre religion de le considérer, comme un envoyé divin? Les détails, circonstanciés, sur lesquels M. Raupach s'appesantit dans son cours, pendant plusieurs mois, sur les mystères de la religion des Hindous, le rapprochement qui en résulte avec ceux de la religion chrétienne; les doutes, qui en sont la suite sur la création du monde et son antiquité et sur les premiers peuples connus, appartiennent plutôt à de mémoires, déstinés aux sociétés savantes, qu'à un cours d'Université. En éloignant même toute idée d'intentions coupables, une méthode d'enseignement, qui substitue à la suite des faits indispensables à l'étude de l'histoire, celle de systèmes propres à ébranler la croyance des élèves, à leur donner l'habitude du scepticisme est certainement une méthode condamnable, que le directoire ne pouvait tolérer.

Les exemples, que j'ai cités, des jugements, portés sur nos institutions dans les ouvrages de Statistique, me conduisent

à établir en principe, que si, dans cette science, l'on ne se borne pas à la partie descriptive et à en faire le complement de Géographie, elle deviendra nécessairement un moyen de censure de gouvernements, dont elle aura occasion de faire mention, et tout naturellement, de celui, sous lequel les élèves sont appelés à vivre. Dans ses principes généraux sur la Statistique M. Hermann établit lui même qu'un statisticien est un controleur du gouvernement» *). Quel peut être le résultat de l'habitude, prise par des jeunes gens de 18 et même de 20 ans, de se croire appelés à censurer, à controler les opérations ou les systèmes d'administration de leur pays? Quels conseils, quelles lumières peuvent être le fruit des rapides études de ces imberbes législateurs? Quelles suites facheuses ne doit on pas attendre de la présomption, née de connaissances si précoces et si incomplètes?

*) Всеобщая теорія статистики, 1809 года стр. 98, § 87. Дѣйствительно, статистикъ есть публичный провозвѣстникъ и добраго и худого и контролеръ правительства.

Économie politique.

Par la même raison je ne saurais convenir, que la science de l'économie politique puisse être rangée dans le nombre des sciences classiques. D'abord elle n'est point une science positive, puisque chaque publiciste a son système particulier sur cette matière; ensuite elle est une de celles, qui demandent

d'avantage l'âge de la réflexion, afin de pouvoir mûrir et comparer ces différens systèmes; qui éxigent un gout particulier et de longues années d'étude pour acquérir de véritables connaissances. La demi-instruction et les notions superficielles, que peuvent donner environ une centaine de leçons, ont le double inconvenient de persuader aux jeunes gens, qu'ils ont tout appris avant de rien savoir et de leur faire perdre un temps précieux, dont la multiplicité des classes dans nos diverses institutions leur dérobe le véritable emploi.

Science des finances.

Ce que je viens de dire s'applique à ce qu'on enseigne généralement dans les universités d'Allemagne et qu'on a transporté dans les nôtres sous le nom de science de finances, science trop spéculative, d'un côté trop étendue et de l'autre trop variable dans ses systèmes, pour faire partie des premières études de la jeunesse. Je ne saurais admettre dans cette branche d'instruction, que la partie positive, qui lui appartient, telle que la connaissance de revenus des différens pays. Ce quí doit se trouver dans une Statistique redigée d'après le véritable but de cette science.

Droit naturel.

Sans vouloir entrer ici dans les détails d'une discussion, je ne saurais passer sous silence l'étude du droit naturel, que je crois devoir appartenir exclusivement à la faculté de droit et non aux gymnases, qui doivent être regardés seulement comme des écoles préparatoires. Les volumes, que l'on a écrit sur cette matière dans les temps modernes, se sont tellement ressentis de l'influence de nouvelles opinions, que l'on est parvenu à en faire souvent un cours de politique révolutionnaire ou au moins dangereuse. Les auteurs les plus irréprochables sous d'autres rapports, n'ont pu souvent se défendre d'une déviation d'idées, fruit de leur imagination, quelque fois de leurs fausse manière d'envisager les choses, plus fréquemment encore du désir de présenter des points de vue nouveaux ou de se distinguer par des paradoxes. Au moment ou j'écris, un

professeur de droit naturel, très éstimé à Göttingue, M. Hugo, trouve moyens de prouver dans son cours, que deux choses fort opposées une à l'autre par le principe, appartiennent également au droit naturel «*la pluralité des femmes et l'esclavage*». Selon lui la servitude est dans la nature et les liens du mariage lui sont étrangers. Les auteurs anciens, qui ont écrit sur cette matière, Burlomaqui et Puffendorf, étaient un peu plus réservés dans leurs assertions, et c'est ce qui rendait le droit naturel non seulement beaucoup plus utile, mais beaucoup plus nécessaire dans un cours d'éducation. Jusqu'à ce que l'on ait redigé un ouvrage d'après leurs principes et d'une étendue, qui n'excède pas les connaissances qu'il convient de donner à la jeunesse sur cette matière, je pense qu'il serait infiniment plus sage d'en suspendre l'enseignement.

Des siècles se sont passés, avant que les facultés de droit aient établi une chaire de droit naturel en France, où cependant des jurisconsultes célèbres se sont acquis la plus brillante réputation, et je ne sais si ce n'est pas avec quelque raison, que plusieurs savants ont prétendu que l'étude du droit positif devait précéder celle de la métaphysique du droit. N'oublions pas, que la chose la plus importante est de connaître les lois de son pays avant d'en faire de nouvelles. L'on confond trop souvent le légiste et le législateur, et ces dernières fonctions sont dans le siècle, où nous sommes, celles, auxquelles tout le monde se croit appelé; c'est ce qui a mis si fort en vogue le droit naturel d'après lequel chacun fait de lois suivant la manière, dont il l'a étudié, ou compris.

D'ailleurs et l'on ne saurait assez le répéter, les plus grands inconveniens résultent de la multiplicité d'objets d'instruction et par conséquent de celle des classes, qui n'existe que parmi nous; il est aisé de comprendre, en premier lieu, que le peu de tems, donné à chaque objet, à chaque partie de l'enseignement, devient un obstacle à tout étude solide et approfondie; outre cela la confusion, qui nait de tants d'éléments de connaissances donnés à la fois et souvent avant l'âge, remplit la tête de jeunes gens d'idées vagues, d'aperçus superficiels et par conséquent les accoutume à l'absence de tout enseignement basé sur des fondemens solides.

Mais un mal irréparable, causé par l'usage établi parmi nous d'employer la plus grande partie de la journée à passer d'une classe dans une autre, c'est de faire prendre l'habitude aux jeunes gens de se contenter d'études *orales* c. à. d. de retenir quelques passages de leçons de leurs professeurs. La plupart d'entre eux ne se donnent même la peine de prendre des notes sur ce qu'ils ont entendu. Étrangers au véritable travail, qui est celui du cabinet, parceque c'est celui, qui porte à la réflexion et à l'exercice de ces propres idées, ils terminent leur cours, sans avoir rien rédigé d'eux même, de sorte qu'ainsi accoutumés à une excessive mobilité d'occupations, au besoin de changer d'objets ils se trouvent longtemps et quelque fois toute leur vie incapables de la moindre application.

Il serait donc à désirer que dans nos institutions d'instruction publique, comme dans toutes celles, qui éxistent en France, en Italie, à Vienne, etc., l'on se contenta de deux heures de classe le matin et autant le soir; le reste du tems serait employé à travailler dans les classes d'études, sous les yeux d'un maître; ce qui, indépendamment des avantages, que j'ai détaillés plus haut, en offrirait d'incalculables sous le rapport de moeurs. Il y aurait trop-à-dire sur les inconvéniens, qui éxistent maintenant. Qu'attendre avec l'ordre de choses actuel, de la conduite privée de jeunes gens, qui n'ont d'autres salles d'études que leurs chambres à coucher dans lesquelles 5 au 6 se trouvent réunis ensemble et qui la plupart de tems travaillent dans leurs lits?

Il est instant de porter remède à des abus qui comme de raison deviennent d'autant plus difficiles à détruire, qu'ils s'enracinent davantage. D'ailleurs c'est seulement au bout de quelques années, que l'éxperience acquise après plusieurs cours d'éducation, a pu en faire connaître les dangereux résultats, mais il est impossible de se dissimuler, que la multiplicité des objets d'instruction, que j'ai combattus, étant récommandée par la forme des examens, prescrits dans l'oukase de 1809, la première démarche indispensable serait de modifier cet oukase en appliquant à chaque branche de service en particulier des examens convenables aux occupations que ce service exige au lieu de demander indistinctement à tous ceux, qui doivent

se faire examiner, de preuves des connaissances universelles. Cette modificaticn doit, nécessairement, devenir l'objet d'un travail particulier.

IX.

Мнѣніе Казанскаго попечителя по дѣлу профессоровъ Германа и Раупаха.

Оставаясь при особенномъ мнѣніи по дѣлу профессоровъ Германа и Раупаха, я обязанъ изъяснить причины, побудившія меня къ оному.

Опредѣленіе новаго начальства въ здѣшній университетъ послѣдовало, какъ изъ дѣлъ правленія намъ извѣстно, тогда только, какъ старое потеряло довѣренность министра, который извѣстенъ будучи, по слухамъ, о вредномъ духѣ здѣшняго университета, не имѣлъ никакого способа обличить его безъ вѣрнаго къ тому орудія: ибо, между тѣмъ какъ строгая справедливость и даже самая пристойность требовали обличенія открытаго, невозможно было его сдѣлать чрезъ посредство тѣхъ же самыхъ лицъ, коихъ всѣ выгоды заставляли скрывать его.

Слѣдовательно, начало обличенія здѣшняго университета состояло въ замѣнѣ лицъ, потерявшихъ довѣренность, другими, кои въ полной мѣрѣ ее заслуживали и которыхъ правила достовѣрно были министру извѣстны.

Изъ дѣлъ нашихъ видно, что перемѣна сія не съ намѣреніемъ устроена, но отдаленными происшествіями приведена сама собою, какъ то всегда бываетъ, когда мѣра зла наполнится и Богу угодно прекратить его.

Какъ скоро новое начальство вступило въ отправленіе своего долга, то ничего не было простѣе и естественнѣе, какъ удостовѣриться прежде всего въ духѣ университета. Взяты для просмотрѣнія студентскія тетради, и сіе домашнее распоряженіе открыло все. Министръ, по донесенію о томъ университетскаго начальства, могъ, не доводя даже обстоятельства сего до свѣдѣнія главнаго училищъ правленія, разрѣ-

шить его собственною властію, исключивъ преступныхъ профессоровъ безъ аттестата или предавъ ихъ уголовному суду. Такъ поступали его предмѣстники, при которыхъ правленіе даже и не собиралось: ибо оно есть сословіе совѣщательное, и если министръ не находитъ нужды въ его совѣтахъ, то можетъ и не созывать его.

Но такой поступокъ не сообразенъ съ духомъ настоящаго министерства; оно желало устранить всякій видъ самоуправства или насилія, желало, можетъ быть, всѣмъ попечителямъ, въ правленіи засѣдающимъ, дать указаніе въ наблюденіи за университетами, имъ ввѣренными. Дѣло внесено въ правленіе. Правленіе, разсмотрѣвъ со всею осторожностію улики, избрало изъ многихъ направленій, кои можно было дать сему дѣлу, приличнѣйшее—предоставивъ самому университету отобрать отъ виновныхъ отвѣты и сказать о нихъ свое мнѣніе.

Доселѣ имѣли мы единымъ судіею намѣреній и поступковъ нашихъ Бога и слушали одинъ голосъ нашей совѣсти, но когда духъ времени изъ ничтожнаго дѣла двухъ профессоровъ вывелъ дѣло раздѣлившейся на партіи столицы, когда тѣ изъ насъ, кои посѣщаютъ общества большого и малаго свѣта, услышали повсемѣстный вопль невѣрія въ пользу виновныхъ, когда духъ сей, по связямъ и отношеніямъ профессоровъ съ городскимъ обществомъ, проникъ въ засѣданіе университета; тогда дѣло приняло нѣкоторый политическій видъ и можетъ быть на многихъ изъ насъ произвело вредное впечатлѣніе по отраженію личныхъ положеній и выгодъ нашихъ; ибо слово, изображающее тотъ безличный призракъ, которымъ часто многіе, сами будучи испуганы, ищутъ устрашить и правительство—слово *публика* раздалось и въ нашемъ собраніи. Я не стану доказывать, что произвольное призваніе сего мечтательнаго судьи отъ каждаго изъ насъ зависитъ равно; ибо одинъ можетъ говорить, что публика судитъ такъ, другой, — что она судитъ иначе: гдѣ повѣрка? Но не менѣе того, между Богомъ и совѣстію нашею стало сіе привидѣніе, и тогда вышло само собою, что намъ уже должно оправдываться предъ публикою, мы уже стали не судьями, а подсудимыми. Въ семъ порядкѣ мышленія нечего иного было дѣлать, какъ оправды-

ваться способомъ сколь можно пристойнѣйшимъ и правильнымъ, и ежели мы обязаны—въ уликахъ, и намъ и подсудимымъ равно извѣстныхъ, давать имъ отчетъ, то естественно, что сіе не можетъ быть иначе, какъ на судѣ; а какъ преступленіе ихъ по роду своему есть уголовное, то и дѣло разсмотрѣно быть должно въ судѣ уголовномъ.

Сей переворотъ дѣла совершенно полицейскаго въ дѣло уголовнаго суда произошелъ оттого только, что мы допустили въ число судей нашихъ публику, и въ разныя стекла личныхъ политическихъ отношеній нашихъ на него взглянули. По сей причинѣ, не опровергая болѣе сего образа видѣть, я постараюсь только раскрыть мысль мою о неудобствахъ уголовнаго суда надъ профессорами Германомъ и Раупахомъ. Они состоятъ, по моему мнѣнію, въ слѣдующемъ:

1. Подсудимые по чину и званію ихъ принадлежатъ суду уголовной палаты. Ежели ихъ предадутъ ея заключенію только для приложенія законнаго наказанія къ преступленію противъ величествъ небеснаго и земного, т. е. къ осужденію, лишенію чиновъ и каторгѣ, то и подсудимые и судья нашъ—публика не безъ основанія скажутъ, что мы, подвергая людей сихъ жесточайшему наказанію и не давъ нужныхъ способовъ оправданія, были не судьи, а палачи ихъ.

2. Если препроводить въ уголовную палату всѣ бумаги и документы, какъ то непремѣнно по закону быть должно, то я спрашиваю, почему обязана палата знать, что Гиксы не жили колоніею въ Вавилонѣ и при переселеніи въ Египетъ не передали своихъ законовъ и обычаевъ евреямъ? что Зороастръ не установлялъ таинствъ, похожихъ на христіанскія? что вся философія Раупаха есть списокъ съ подложныхъ книгъ: *Misteria sacra Aegyptiorum*, *Sur l'origine des cultes* и изъ *Anquetil du Peron*? что философія Шеллинга противна ученію Христову? что въ теоріи статистики не должно говорить о таинствѣ пресуществленія? что ложно то, якобы власть царская есть завладѣніе народной свободой и якобы никакихъ нѣтъ историческихъ доказательствъ о происхожденіи ея отъ Бога, и тому подобное.

3. Сверхъ сихъ несообразностей, палата должна будетъ уличать подсудимыхъ очными ставками со многими и мо-

жетъ быть со всѣми студентами, призывая ихъ въ свое присутствіе; если же подсудимые, какъ вѣроятно, въ оправданіе свое покажутъ, что преподавали обличаемое ученіе открыто предъ университетскимъ начальствомъ, не имѣя отъ него запрещенія, то палата должна будетъ спрашивать и можетъ быть обвинять начальственныя лица университета.

4. Между тѣмъ богохульныя выраженія и возмутительныя начала, открыто повторяясь, отъ часу болѣе будутъ разноситься, дѣлать соблазнъ, а можетъ быть и вредъ. Молва, самыми безобразными толками непрестанно усиливающаяся, перейдетъ изъ столицы въ губерніи въ то самое время, какъ *можетъ быть* судъ уголовный оправдаетъ подсудимыхъ. Тогда что дѣлать? Изъ палаты должно перейти дѣло на заключеніе военнаго генералъ-губернатора и потомъ въ правительствующій сенатъ. Нельзя полагать менѣе одного или двухъ лѣтъ на сіе производство, и легко представить, что съ каждой новою инстанціей будутъ предпринимаемы новые происки, будутъ возникать новыя партіи и причинять новый шумъ.

Ежели я не ошибаюсь въ сихъ заключеніяхъ, то, основываясь на нихъ, полагаю поступить съ профессорами Германомъ и Раупахомъ: 1) на томъ основаніи, какъ, по рѣшенію комитета гг. министровъ, Высочайше утвержденному, поступлено съ профессоромъ Шаде; 2) на томъ основаніи, какъ недавно во Франціи поступлено съ профессоромъ Бува и въ Швейцаріи съ профессоромъ Трекслеромъ, а именно:

1. Профессоровъ Германа и Раупаха выслать заграницу.

2. Въ силу священнаго союза, называющаго христіанскія государства Европы единымъ семействомъ, остеречь державы союзныя насчетъ сихъ опасныхъ людей, и все происшествіе, съ ними здѣсь бывшее, напечатать въ гамбургской газетѣ.

3. Наши университеты увѣдомить окружными предписаніями, а въ которой либо изъ газетъ россійскихъ или въ журналѣ министерства просвѣщенія помѣстить краткое извѣстіе о ходѣ всего дѣла, составивъ оное съ должною осторожностію.

Можно навѣрное ручаться, что симъ ударомъ прекратятся всѣ вредные толки и самое дерзкое невѣріе умолкнетъ;

ибо въ характерѣ шумныхъ мнѣній нашей публики всегда примѣтить можно два направленія: первое—слухи, разсѣеваемые для впечатлѣнія на мнѣніе высшаго правительства, дабы увлечь его въ свой смыслъ; и потомъ второе—не далѣе какъ на другой день послѣ рѣшительнаго его поступка молчать, или думать согласно съ нимъ. Сія неискренняя и политическая, такъ сказать, угодливость замѣняетъ у насъ, доселѣ, по счастію, то нравственное чувство, которое должно соединять мнѣніе добрыхъ гражданъ съ мнѣніемъ правительства. Побужденіе не такъ чисто, но послѣдствія равно полезны.

Михаилъ Магницкій.

Ноября 28-го 1821 года.

X.

Мнѣніе И. И. Мартынова по дѣлу о профессорахъ Германѣ, Раупахѣ, Галичѣ, Шармуа, Деманжѣ и адъюнктѣ Арсеньевѣ.

1. На удаленіе изъ университета профессоровъ Германа и Раупаха съ предоставленіемъ имъ оправдывать свое ученіе по самымъ тетрадямъ, по разсмотрѣнію подлежащаго судебнаго мѣста, я согласенъ; но считаю нужнымъ запретить имъ преподавать ученіе свое не только въ заведеніяхъ, подвѣдомыхъ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но и по всѣмъ другимъ вѣдомствамъ.

2. На заключеніе главнаго правленія училищъ о профессорѣ Галичѣ, Шармуа и Деманжѣ; также на запрещеніе книгъ профессоровъ Германа, Галича и адъюнкта Арсеньева, упомянутыхъ въ журналѣ минувшаго ноября 24-го дня, я также согласенъ.

3. Адъюнктъ Арсеньевъ, кажется, заслуживаетъ снисхожденія. По молодости своей и привязанности къ правиламъ своего наставника, онъ слѣдовалъ имъ и въ своемъ ученіи. Не можно ли его употребить по другимъ должностямъ при

университетѣ или пансіонѣ университетскомъ, удаливъ отъ преподаванія статистики?

4. Объ особыхъ мнѣніяхъ профессоровъ Балугіанскаго, Грефе, Плисова, Соловьева и Чижова ничего сказать не могу, потому что оныя мнѣ не доставлены.

5. По случаю показанія адъюнкта Арсеньева, якобы книга его введена въ университетскомъ пансіонѣ съ словеснаго соизволенія г. директора, изъ журнала университетскаго не видно, спрошенъ ли былъ о томъ г. директоръ, подтвердилъ ли онъ показаніе обвиняемаго и что по отвѣту г. директора заключено.

Иванъ Мартыновъ.

XI.

Письмо бывшаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварова къ императору Александру I.

Sire,

La détermination la plus naturelle de ma conscience, l'élan le plus simple de mon cœur eussent été d'aller me jeter aux pieds de Votre Majesté Impériale lorsque j'ai appris ce qui s'était passé en mon absence à l'université de St. Pétersbourg.

Mais une démarche prématurée de ma part aurait pu peut-être affaiblir la cause des inculpés et montrer ma sollicitude sous un faux jour. Mon silence fut un sacrifice le plus pénible de tous mais le plus utile à la bonne cause et une preuve de ma confiance en la magnanimité de Votre Majesté Impériale.

Cependant les événements ont marché; maintenent l'affaire est arrivée à son point de maturité et je me croirais coupable dans toute la force du mot de garder plus longtems le silence.

Lorsque les motifs les plus graves et dont une faible partie seulement est connue de Votre Majesté me forcèrent

à demander ma retraite du poste de curateur de l'université de Pétersbourg, j'étais loin de penser que l'on tournerait contre moi-même les armes que j'avais constamment employées à combattre un parti dont les vengeances s'accomplissent en ce moment. Par une fatalité sans exemple ceux que j'avais dans pleine et entière impulsion de mon devoir et avec le courage de la conviction signalé comme les fauteurs du désordre et les ennemis secrets mais puissants de la tranquillité publique, ceux dont j'avais repoussé l'alliance avec horreur, ceux-là mêmes se parent à Vos yeux du titre de défenseurs du trône et de l'autel contre des attaques que j'aurais dans leur système sinon tolérées du moins ignorées et méconnues!

Ce simple exposé dit tout: il présente un tel renversement d'idées et un déplacement de personnes si monstrueux et tellement bizarre, que je n'hésite plus à prendre la parole et à Vous exposer, Sire, le véritable état d'une affaire qui est à proprement parler la mienne:

Un office du ministère de l'instruction publique du 19 septembre porte au sujet de la suspension des professeurs Hermann, Raupach, Galitsch et Arsénieff, que «leur enseignement formait un système prémédité d'athéisme et de principes dangereux à la morale et au bien public» (обдуманная система невѣрія и т. д.).

Sire, c'est aux inculpés à plaider leur propre cause, je me permettrai seulement de demander de quoi se compose le *corps de délit* de cette conjuration annoncée avec tant d'éclat?— des cahiers latins de M. Raupach, des leçons de M. Hermann recueillies par ses élèves et de deux livres imprimés depuis plusieurs années par Mm. Arsénieff et Galitsch et approuvés par la censure du ministère et non celle de l'université. Sur ces quatre élémens de conspiration deux ont déjà été abandonnés et M. Hermann n'ayant pas mis lui-même ses leçons par écrit, il ne reste plus que les cahiers de M. Raupach. Étrange conspiration dont le *corps de délit* se dissout pièce à pièce même avant l'enquête!

Si delà passant à la forme on rappelait brièvement les scandales inouis qui ont eu lieu lors de l'enlévement des papiers, si l'on disait qu'au milieu du 19 siècle, dans la 20 année du règne de Votre Majesté Impériale, à trente pas

de Sa royale demeure on a osé déployer au milieu de la nuit un appareil redoutable, compromettre l'honneur d'une institution creée par Votre Majesté, menacer de convertir en soldats des étudians paisibles que l'on n'a pu réussir à soulever, parler de prison et de Sibérie, faire prêter des sermens dérisoires; si l'on ajoutait que tous ces scandales ont été surpassés par ceux de la procédure établie à la conférence de l'université dans laquelle tout a été violé jusqu'au respect humain, on serait sans doute en droit de demander d'où vient cet acharnement prodigieux à empêcher que la défense des professeures librement et légalement dévéloppée ne parvint jusqu'au trône de Votre Majesté? Pourquoi tant de fureurs et de ruses à l'effet de priver les accusés du droit légitime que Votre Majesté leur accordait? Ils ont demandé de prouver non pas que la doctrine perverse exposée dans les questions fut la leur ou qu'ils l'approuvassent, mais qu'elle ne s'est trouvée ni dans leurs cahiers, ni dans leurs leçons. Que leur a-t-on répondu? «que cette demande était *séditieuse*» en ajoutant que c'était un pur effet de la grandeur d'âme dú président que les accusés «n'eussent pas été introduits dans la salle d'assemblée et forcés de s'expliquer entre deux gendarmes le fer nu au poing».

Quelle cause, Sire, que celle qui a besoin de tels moyens pour triompher!

Mais toutes ces considérations trouveront leur place ailleurs. La voix de la vérité ne sera pas étouffée; elle parviendra jusqu'à Votre cœur magnanime et généreux. Vous saurez tout, Sire, aussitôt que Vous daignerez permettre que tout Vous soit dit.

Aujourd'hui pressé par les bornes d'une lettre et obligé de supprimer les sentimens qui s'échappent en foule de mon cœur, je prends la liberté de Vous présenter une seule considération.

Sire, s'il est vrai qu'un système d'enseignement irréligieux et révolutionnaire ait eu lieu à l'université de St.-Pétersbourg, la responsabilité ne peut et ne doit en retomber que sur le ministre et le curateur qui l'ont dirigée. Ou tous les deux ont trempé dans cette conjuration de principes, ou l'un des deux a fasciné les yeux de l'autre, ou tous les deux ont

été les dupes d'une poignée d'hommes pervers et capables. Il n'y a de possible en logique et en justice que ces trois propositions.

J'ignore sous quel point de vue Mr. le prince Gallitzin envisage la question dans ses rapports avec sa personne comme ministre. A mes yeux du moins elle est entièrement décidée. Je n'écouterai pas les sophismes d'un égoïsme timoré; c'est à moi à justifier l'université de S.-Pétersbourg. Je regarde, Sire, cette affaire fâcheuse et pénible en elle-même comme un événement amené par la Providence pour montrer dans leur véritable jour les hommes et les choses. Plein de cette assurance et également rempli du sentiment de mes devoirs, je ne saurais admettre quant à moi ce trop facile *transfer de responsabilité* du ministre sur le curateur, du curateur sur le recteur ou le directeur. C'est devant Vous, Sire, que je repousse la honteuse amnistie qui m'est offert. Non seulement j'accepte la part de responsabilité qui doit tomber sur moi, mais je la réclame.

L'université de St.-Pétersbourg sous le nom d'institut-pédagogique a formé pendant 18 ans une génération d'hommes instruits et religieux, de citoyens paisibles et éclairés, qui remplissent avec honneur la plupart des maisons d'éducation de l'empire tant militaires que civiles. Cette université avait passé successivement sous les yeux de plusieurs fidèles serviteurs de Votre Majesté Impériale et jamais le moindre soupçon n'était tombé sur elle et tout à coup la voilà transformée en un foyer d'athêisme et de sédition! Permettez moi de le dire: il ne s'agit pas de quelques impressions imprudentes trouvées peut-être dans des cahiers arrachés aux étudians, cahiers, dont au reste on n'a pas voulu permettre de constater l'authenticité, il ne s'agit plus même de quelques erreurs dans l'enseignement des sciences politiques, erreurs faciles à redresser si elles sont prouvées (toutes choses dont je ne me permet pas de juger n'ayant pas eu communication des pièces); mais on a signalé aux yeux de Votre Majesté Impériale, aux yeux du public, aux yeux de l'Europe attentive «un système prémédité, une association d'idées depuis longtems existante entre des professeurs ligués contre la religion et la morale publique et dont des chefs aveugles ou entrainés auraient souffert le développement». L'accusation

a été portée en ces termes et nul n'a droit de les déplacer; c'est donc dans cette acception que l'affaire doit être considéré; c'est là, si je ne me trompe, que la question d'état est placée. Puisque mon succésseur temporaire au poste de curateur a déclaré avoir découvert dans l'université que j'ai administrée pendant plus de 10 ans «un foyer de doctrines perverses et séditieuses, foyer dont il assure avoir eu connaissanse avant son entrée en charge», je puis sans trop de présomption demander à Votre Majesté d'être entendu à mon tour. Cette affaire, j'ose le dire, est plus vaste et plus importante qu'on ne voudrait le faire croire; toutes choses égales d'ailleurs elle présente des cotés si bizarres et si mystérieux qu'il est, je le dis avec assurance, d'un haut intêret que cette oeuvre de ténèbres soit enfin éclaircie.

La conférence de l'université de Pétersbourg à la quelle l'examen de cette affaire a été deférée n'a pu que remplir imparfaitement à cet égard les vues de Votre Majesté Impériale. Si les détails de ses trois mémorables séances sont parvenus jusqu'à Vous, Vous aurez pu juger, Sire, du dégré d'audace de ceux qui sentaient que la justification possible des accusés entrainait la condamnation des accusateurs et que ce chainon une fois brisé, toute la chaine des iniquités viendrait à paraitre au jour. La conférence quoique dominée par la terreur a déployé presque en entier une conduite honorable. La plus saine partie des professeurs a résisté à une véritable torture morale, mise en œuvre pendant trois séances de jour et de nuit, aux insultes, aux menaces, aux questions les plus captieuses, aux fureurs les plus inexprimables. Sept pofesseurs, la fleur de l'université: *Balougiansky*, *Gräfe*, *Solovieff*, *Tchigoff*, *Demange*, *Charmoy*, *Plissoff*, ont protésté par écrit contre cette procédure. En leur qualité de juges, ils se sont dévoués à la proscription dont on a osé les menacer au nom de Votre Majesté Impériale. Individus isolés, sans appui, sans fortune, sans protection, ces sept juges ont eu le courage de n'obéir qu'à leur conscience et leurs déclarations signées ne sont assurément qu'une faible image de ce qu'ils ont vu pendant ces trois mémorables séances.

Sire, telle est la position de cette affaire. Puisque c'est à moi que l'on en veut, c'est à moi à répondre. On m'a jetté

le gant, je le ramasse en Votre présence, persuadé qu'à l'aide de Dieu je parviendrai à dévoiler la place que cette affaire occupe dans un enchainement de mesures dont il est tems que Votre Majesté connaisse l'ensemble. Peut-être alors sera-t-il clairément déterminé quels sont ceux qui menaçent l'ordre établi et quels sont les amis de l'ordre? S'il faut les chercher dans les rangs des hommes essentiellement religieux et monarchiques, liés à la conservation de ce qui existe par tous les liens de principes, de sentimens, de patriotisme, d'orgueil national, de lumières, de propriété et de famille; qui ne *peuvent* connaitre *qu'une voye* et qui fidèles à Dieu sans ostentation et à Votre Majesté Impériale sans servilité sont prêts à donner pour Vous tout leur sang parcequ'ils savent que *Vous êtes la pierre angulaire de l'édifice social* et leur unique point de ralliements,—ou bien si les provocateurs des désordres ne seraient pas plutôt cette poignée d'hommes sans aveu qui le fiel dans le cœur et la charité à la bouche ennemis-nés *de tout ordre positif* et par conséquent *amis des ténébres* se revêtent des noms les plus saints pour s'emparer de l'autorité et saper dans ses fondements l'ordre établi; fanatiques de sang-froid qui tour à tour exorcistes, illuminés, quakers, maçons, lancastriens, méthodistes, tout enfin excepté hommes et citoyens, prétendent défendre le trône et l'autel contre des attaques qui n'existent pas et faire en même tems planer le soupçon sur les véritables appuis de l'autel et du trône; comédiens habiles qui prennent tous les masques pour troubler toutes les consciences, alarmer tous les esprits et qui créent maintenent autour d'eux de dangers chimèriques pour prolonger de quelques instans leur éphémère existence?

Sire, j'ai été réduit jusqu'ici à garder le silence; mais le tems des ménagemens est passé. Inculpé dans mes devoirs envers Dieu et envers Vous, dans mes devoirs d'homme public, de citoyen et de père de famille, j'en appelle ouvertement à Votre Majesté Impériale. Je sollicite non pas de Votre bienveillance, Sire, à laquelle je déclare n'avoir aucun droit aussi longtems que l'université ne sera pas justifiée, mais seulement de Votre admirable equité:

1) Qu'il soit accordé aux professeurs inculpés toute la latitude nécéssaire pour se défendre.

2) Que tous les *actes* et *protocoles* de la conférence de l'université soient mis sous les yeux de Votre Majesté non pas en *extrait* ou en copie, mais *en original*.

3) Enfin j'ose émettre le vœu d'être entendu à mon tour.

Sire, si les griéfs publiquement énoncés et appuyés par une suite non interrompue de violences se trouvent fondés, si l'université a été sous mon administration «*une école d'athéisme et de rebellion*», une immense et funeste responsabilité doit retomber sur ses chefs; mais si un examen sévère et approfondi de cette affaire fait jaillir la vérité et crouler cet échafaudage d'impostures et d'intrigues, si la sagacité de Votre Majesté démêle, comme je n'en doute pas, le véritable caractère de cette trâme odieuse, il faut à ceux qui ont été si indignement outragés une réparation d'honneur et la consolation d'apprendre que Votre Majesté Impériale ne les a pas trouvé audessous de Sa confiance.

Sire, j'ai parlé à Votre Majesté ainsi que je l'ai dû: dans toute la simplicité de mon cœur et avec tout l'abandon de dévouement le plus absolu. C'est à Vous, Sire, de peser dans Votre haute sagesse si cet appel loyal et sans détour à Votre inébranlable justice mérite de fixer Votre attention. En me jetant dans cette affaire j'ai fait mon devoir — Dieu fera le reste.

Je suis avec le plus profond repect,

Sire,

de Votre Majesté Impériale

le très humble et très fidèle serviteur et sujet

Ouvaroff.

St.-Pétersbourg, ce 18 novembre. 1821.

XII.

Письмо Уварова по поводу дѣла о профессорахъ.

(20-го ноября 1821: собственноручн. Увар. какъ и франц.).

Для вѣрнѣйшаго изслѣдованія извѣстнаго дѣла профессоровъ ближайшія, кажется, мѣры суть слѣдующія:

1. Чтобъ была обвиненнымъ дана возможность защищать себя свободно и на законномъ основаніи, т. е. чтобъ имъ сообщены были обвинительные пункты и всѣ нужныя для отвѣта бумаги.

2. Чтобъ ихъ отвѣты были бы представлены *въ подлинникѣ* (ибо экстрактами часто затмѣвается дѣло), равно какъ и всѣ другіе безъ исключенія акты и протоколы—на Высочайшее усмотрѣніе.

3. Такъ какъ собственный разборъ сихъ бумагъ и всего дѣла былъ бы слишкомъ обременительнымъ для Государя Императора, то, кажется, можно бы составить особенный комитетъ изъ людей *знающихъ, независящихъ и къ дѣлу неприкосновенныхъ*, коимъ было бы поручено разсмотрѣніе онаго и непосредственный отчетъ въ своихъ сужденіяхъ.

4. Я осмѣлился изъявить желаніе, чтобъ и мнѣ дозволено было *объясниться*, но я не дозволю себѣ сказать, какимъ образомъ сіе воспослѣдовать съ успѣхомъ можетъ, присовокупивъ только, что не благоугодно ли будетъ повелѣть между тѣмъ, чтобъ нѣкоторыя бумаги, *необходимыя для объясненія моего письма*, были бы представлены чрезъ ваши руки на усмотрѣніе Государя Императора.

Наконецъ убѣдительно прошу васъ довести до свѣдѣнія Его Величества, что строгое замѣчаніе на счетъ нѣкоторыхъ выраженій моего письма (111) я принялъ съ должнымъ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и душевнаго прискорбія. Я осмѣливаюсь только прибавить, что выключая сіи выраженія (которыя вырвались изъ пера, потому что, писалъ *изъ избытку сердца)*, нѣтъ ничего *существеннаго* въ моемъ письмѣ, которое я не былъ бы готовъ подтвердить еще разъ какъ передъ всевѣдущимъ Богомъ. Шагъ, который я нынѣ

сдѣлалъ, былъ болѣе года предметомъ моихъ размышленій. Я въ теченіе онаго строго разсмотрѣлъ по совѣсти всѣ мои побужденія и исчислилъ слѣдствія, могущія быть, еслибъ главныя черты моего письма оказались противными истинѣ. Нужно ли сверхъ того указать на мое положеніе и на то, что почти *всѣ доброжелатели* (съ коими я могъ *частью* совѣтоваться, не показывая имъ впрочемъ ничего писаннаго теперь, ибо письмо писано единственно для Государя) совѣтовали мнѣ въ сіе дѣло безъ нужды, какъ они говорили, не входить, представляя мнѣ, что я могъ удобно и легко защищаться, такъ сказать, перомъ обвиненныхъ профессоровъ, и, такъ какъ человѣкъ посторонній и неподозрѣваемый никѣмъ въ умыслѣ, ожидать спокойно рѣшенія сего дѣла, и потомъ явиться на сцену при благопріятныхъ обстоятельствахъ; но ихъ *осторожный* совѣтъ показался мнѣ *малодушнымъ* и *противнымъ долгу чести и службы.* Вотъ *все*, что я имѣлъ въ виду. Если я имѣлъ несчастіе прогнѣвить Его Величество, то по крайней мѣрѣ *Тотъ, который читаетъ во глубинѣ душъ нашихъ,* знаетъ чистоту моихъ побужденій и мое *сокрушеніе*, что на первомъ шагу я могъ быть увлеченнымъ пламеннымъ чувствомъ души непритворной.

XIII.

Мнѣніе Шишкова по дѣлу о профессорахъ.

(Собственноручное).

Будучи во всемъ согласенъ съ положеніемъ комитета гг. министровъ по дѣлу о профессорахъ, я почитаю только за нужное присовокупить къ сему мнѣніе мое объ обстоятельствахъ, неразрывно съ симъ дѣломъ сопряженныхъ и безъ которыхъ какое бы ни было рѣшеніе онаго, но оно не заградитъ источника, отколѣ зло сіе проистекло. Почему я осмѣливаюсь предложить къ разсмотрѣнію слѣдующее:

Я представлялъ нѣкогда государственному совѣту мнѣніе мое о необходимой надобности учредить цензуру на лучшемъ и обширнѣйшемъ основаніи, нежели какъ оная издавна была и нынѣ существуетъ, безъ чего никакимъ образомъ не можно ожидать, чтобъ время отъ времени въ издаваемыхъ книгахъ не появлялись иногда неумышленныя, а иногда и умышленныя худости, служащія къ воспламененію умовъ и распространенію заблужденій. Худости сіи, разсѣянныя во множествѣ книгъ и часто при первомъ взглядѣ непроницаемыя, хотя и уходятъ отъ примѣчанія, какое возбудили бы онѣ, когда бы въ совокупности представлены и по настоящему ихъ намѣренію и смыслу разобраны были; однакожъ онѣ и разбросанныя не пропадаютъ, но подобно посаженнымъ въ землю сѣменамъ даютъ отъ себя плодъ, растутъ и отчасу болѣе умножаются, заражая молодыхъ людей сердца и умы. Въ мнѣніи моемъ, семь лѣтъ тому назадъ двукратно читанномъ въ государственномъ совѣтѣ и всѣми тогда одобренномъ, ясно это выведено. Нынѣшняя исторія съ профессорами показываетъ, что я не безъ основанія называлъ сѣмена сіи плодовитыми, и что способы къ искорененію ихъ становятся тѣмъ труднѣе, чѣмъ долѣе они росли. Учители, пріучась сами думать и писать обо всемъ свободно или, лучше сказать, разсуждать и умствовать дерзко, не соображаясь ни съ какими общими правилами, ниже съ нравоученіями вѣры, тому же научаютъ и учениковъ своихъ. Обыкновенно зараза сія начинается тѣмъ, что наставникъ—или самъ злонамѣренный, или орудіе злонамѣренныхъ людей—отвращаетъ ученика своего отъ простыхъ и чистыхъ понятій, наполняя умъ его мечтательными и непонятными умствованіями, и въ то же время влагая въ душу его причину всѣхъ золъ—гордость и самолюбіе. Тогда уже никакая сила разсудка надъ умомъ его не дѣйствуетъ. Онъ не убѣждается никакими доказательствами, и всякаго презираетъ и ненавидитъ, кто не одинакихъ съ нимъ мыслей. Когда таковыя ученія умножатся и распространятся, такъ что гласъ ихъ сдѣлается громокъ и силенъ, тогда гласъ вопіющей противъ него истины долженъ будетъ ослабѣвать и умолкать. Давно извѣстно, что нѣмецкіе профессоры стараются затмѣвать ясность наукъ, примѣшивая къ нимъ непонятныя начала, изложенныя невразуми-

тельными словами и мыслями, дабы подъ видомъ глубокой, скрывающейся въ нихъ мудрости, внушать ученикамъ великое о себѣ мнѣніе и долговременнѣе получать отъ нихъ плату за свои уроки. Сія на корыстолюбіи основанная хитрость, помрачая природный умъ и здравый разсудокъ, повела ихъ по кривому пути самолюбія, позволя всякому созидать и утверждать собственныя свои мечтанія. Такимъ образомъ шагъ за шагомъ пошли новыя выдумки, новый образъ мыслей; все стало позволительно, законы повиновенія и нравственности потеряли силу свою, и чего прежде никто не терпѣлъ, то сдѣлалось чрезъ частое употребленіе и чтеніе въ книгахъ весьма общимъ и обыкновеннымъ; ибо навыкъ ко всему насъ пріучаетъ. Дерзость мыслей свергла съ себя оковы и наложила ихъ на свободу правды и ума, дабы они не препятствовали ей укореняться. Въ семъ положеніи вещей надлежитъ, конечно, пресѣчь успѣхи сей дерзости, если не хотѣть, чтобъ она достигла до пагубной своей зрѣлости. Но между тѣмъ однако же неудобно пресѣкать ее тѣми мѣрами, какія при началѣ возниканія ея можно было употребить. Тогда первый, кто на нее покусился, былъ дѣйствительно преступникъ, достойный наказанія и котораго тотчасъ можно было обуздать. Но теперь не будетъ уже справедливо наказать немногихъ за ту вину, въ которую долгое время многіе разными образами впадали безъ всякаго ихъ за то охужденія. Они, и съ ними множество другихъ, привыкли не считать это виною, и еще напротивъ, иные тѣмъ тщеславились и думали, что въ семъ-то и состоитъ достоинство и просвѣщеніе. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, хотя съ одной стороны и невозможно попустить и терпѣть то, что разрушаетъ всякій общественный порядокъ и нравственность, однако же съ другой едва ли благообдуманно будетъ вдругъ остановить и преслѣдовать то, что уже нѣкоторымъ образомъ широко разлилось и чего иначе истребить нельзя, какъ токмо кроткими мѣрами, то есть пресѣкая пути нововтекающему злу и дѣлая такъ, чтобъ старое само собою погасало. Надежнѣйшее для сего средство—благоразумная и прилежно наблюдающая должность свою цензура. Но установить ее не легко: надобно, чтобъ она была ни слабая, ни строгая, ибо слабая не усмотритъ и попрежнему будетъ

пропускать вредныя внушенія, а строгая не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ. И такъ, необходимо нужно, чтобъ она составлена была изъ немалаго круга людей ученыхъ, честныхъ, благоразсудительныхъ, умѣющихъ различать позволительную и непозволительную свободу мыслей, и отъ которыхъ бы никакіе цвѣты не закрыли змѣю, и напротивъ, простая травка не казалась бы имъ змѣиными жалами. Надобно, чтобъ книги раздѣлены были по роду содержаній ихъ и ни одна изъ нихъ не осталась безъ прочтенія цензоромъ отъ доски до доски; надобно, чтобъ цензоры строго отвѣтствовали за пропускаемыя ими книги, а дабы обязанность ихъ не была чрезъ мѣру для нихъ тягостна, то надлежитъ имъ дать позволеніе въ сомнительныхъ случаяхъ относиться къ особо для сего учрежденному не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ государственныхъ лицъ, комитету, который бы разрѣшалъ ихъ сомнѣнія. Такимъ образомъ цензура будетъ самымъ бодрственнымъ и проницательнымъ стражемъ, какимъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ ей быть должно, и правительство будетъ увѣрено, что всякое зло останавливается, такъ сказать, при дверяхъ, а не тогда, когда оно уже вступитъ и, прежде нежели откроется, произведетъ уже невозвратныя свои дѣйствія. Я сказалъ, что цензура должна быть ни слабая, ни строгая; но къ сему надо еще присовокупить: *и разумѣющая силу языка;* ибо безъ сего она будетъ препятствовать усиліямъ просвѣщенія, а иногда и сама чрезъ поправленіе того, что само по себѣ было невинно, сдѣлаетъ оное виновнымъ. Нужно ли показать тому изъ многихъ хотя одинъ примѣръ? Въ нѣкоторомъ журналѣ въ стихахъ, подъ названіемъ *Земная грусть*, сочинитель пишетъ:

> Ты мнѣ твердишь, что я скучаю жизнью:
> Земная жизнь—не жизнь!
> О дай мнѣ, другъ, ты крылья *серафима!*
> Мнѣ грустно на земли.

Цензоръ не пропустилъ и вычеркнулъ слово: *серафима*. Можно ли такимъ образомъ стѣснять писателей? Какая бѣда просить крылья серафима, чтобы возлетѣть на небеса? Да на какихъ же иныхъ крыльяхъ можно туда вознестись? Всѣ народы на всѣхъ языкахъ говорятъ и пишутъ о прекрасныхъ женщинахъ или благонравныхъ мужчинахъ: *какой*

ангелъ! какой у него ангельскій нравъ! и проч. Если не позволять сего писать, такъ надобно всѣ книги сжечь и всякому запереть уста. Здѣсь по крайней мѣрѣ дѣло идетъ объ одной только словесности; но покажемъ изъ тѣхъ же стиховъ еще примѣръ несравненно сего чуднѣйшій. Сочинитель говоритъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и *рокъ* цари?

Цензоръ вымаралъ слово: *рокъ*, и сіи два стиха напечатаны такъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и—цари.

Теперь посмотримъ смыслъ двухъ прежнихъ, непропущенныхъ цензоромъ, и двухъ послѣднихъ, испорченныхъ и пропущенныхъ имъ стиховъ: сочинитель жалуется на здѣшній міръ, говоря, что въ немъ всѣ наши радости кратковременны, и что въ немъ *смерть и рокъ цари*, то есть царствуютъ рокъ и смерть — мысль обыкновенная въ грусти и печали. Цензоръ не пропустя нужнаго слова, принудилъ его опорочивать міръ тѣмъ, что въ немъ господствуютъ два зла: *смерть и—цари!* Мысль самая оскорбительная для царей, поелику владычество ихъ уподобляется владычеству смерти. Я очень увѣренъ, что цензоръ сдѣлалъ сіе не съ умыслу, но отъ излишней строгости, отъ боязни, соединенной съ неразумѣніемъ силы языка. Между тѣмъ, какъ говоритъ пословица: *написаннаго не вырубить топоромъ:* оно пошло читаться всѣми и можетъ столько же быть вредно, какъ бы и съ умыслу было сказано. Одинъ сей примѣръ показываетъ, что не довольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобъ она была умная и осторожная. Что-жъ принадлежитъ до слабой и такъ сказать *съ завязанными глазами* цензуры, какая у насъ по сіе время была и есть, то ясно и несомнѣнно доказываютъ выписки изъ печатныхъ и учебныхъ книгъ, какъ въ моемъ мнѣніи за семь лѣтъ тому назадъ показанныя, такъ и нынѣ изъ записокъ профессоровъ извлеченныя.

Александръ Шишковъ.

Февраля 14-го дня, 1822 года.

XIV.

Мнѣніе князя Куракина по дѣлу о профессорахъ, въ комитетѣ гг. министровъ по Высочайшему повелѣнію разсматриваемому.

Общее мнѣніе комитета гг. министровъ, въ послѣднемъ собраніи изъясненное, съ которымъ и я совершенно согласенъ, состоитъ въ томъ, что въ дѣлѣ о профессорахъ здѣшняго университета заключаются два обстоятельства, которыми комитету слѣдуетъ заняться: первое—*объ образѣ преподаванія ученія*, второе—*объ образѣ производства изслѣдованія.*

Насчетъ перваго общее заключеніе, а потому и мое, состоитъ въ томъ, что *по содержанію изложенія въ представленныхъ бумагахъ настоящій образъ ученія есть вреденъ и потому не можетъ быть терпимъ.*

А насчетъ втораго изъяснить одолжаюсь, что при тѣхъ правахъ, которыя предоставлены министерству просвѣщенія при самомъ учрежденіи онаго и на основаніи большей части бывшихъ примѣровъ, изложенныхъ въ представленіи комитету, поелику удаленіе профессоровъ отъ каѳедры исполняться можетъ собственнымъ распоряженіемъ министра при самомъ первомъ открытіи неблагонамѣренности профессоровъ, изъ-за сего и въ настоящемъ случаѣ слѣдовало бы таковымъ же образомъ поступить и, не дѣлая никакой огласки, удалить тѣхъ изъ нихъ, которые найдены оное заслуживающими, чѣмъ самымъ исполнилась бы прямая цѣль обязанности начальства просвѣщенія: «оберегать юношество отъ зловредныхъ наставленій» и отвращены бы были всѣ толки и разнаго рода отъ профессоровъ на начальство свое жалобы, разглашенныя не только въ здѣшней публикѣ, но и во всей Россіи, и вѣроятно корреспонденціею переданныя и въ другія государства.

Въ жалобахъ сихъ, какъ изъ дѣла видно, обвиняемые профессоры, между прочимъ защищаясь изданными по дозволенію правительства учебными книгами и подобнымъ преподаваніемъ уроковъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, настоятъ,

чтобы дано имъ было время для составленія отвѣтовъ противу пунктовъ, коими ихъ обвиняютъ, и для онаго выданы бы имъ были собственныя ихъ тетради и тетради ихъ учениковъ, на которыхъ обвиненія тѣ основаны—цитуя статью наказа императрицы Екатерины Вторыя, смыслъ которой въ себѣ заключаетъ, что *никакому преступнику не слѣдуетъ преграждать путь къ оправданію своему*.

Но тутъ, принимая въ соображеніе, что весь планъ производства сего дѣла, самое изслѣдованіе и исполненіе онаго и образъ, установленный для представленія профессорами отвѣтовъ своихъ, сдѣлано съ вѣдома самого главнаго начальства,—согласно съ общимъ мнѣніемъ гг. членовъ комитета министровъ, что «*удовлетвореніе таковой отъ профессоровъ просьбы было бы, такъ сказать, обнародовать недовѣрчивость къ министерству просвѣщенія, къ самому министру, и опрокинуть все должное уваженіе къ мѣсту управленія и къ званію*», и для того отставя таковыя отъ профессоровъ жалобы безъ производства и обращаясь къ началу самаго дѣла, то есть къ признанію, что *образъ ученія есть вредный и не можетъ быть терпимъ*, и съ онымъ вмѣстѣ принимая основаніемъ право, предоставленное министерству просвѣщенія, удалять профессоровъ отъ ихъ должностей, коль скоро поведеніе ихъ того будетъ требовать, «возложить на министра просвѣщенія собственно отъ своего лица и департамента, ему ввѣреннаго, всѣхъ четырехъ профессоровъ отъ университета удалить и тѣмъ самымъ все сіе дѣло *кончить*».

Относительно же прочихъ частей бумагъ, представленныхъ къ разсмотрѣнію комитета гг. министровъ, какъ-то:

1) Оставленіе при университетѣ профессоровъ Галича и Арсеньева;

2) Основаніе необходимой системы ученія къ отвращенію вреда, ожидать долженствуемаго отъ правилъ настоящаго времени;

3) Запрещеніе учебныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ вредныя начала и толкованія, хотя и съ дозволенія правительства изданныхъ;

4) Увольненіе отъ службы профессоровъ восточныхъ языковъ *Деманжа* и *Шармуа* по поданной ими о томъ просьбѣ.

5) Испрашиваніе *отличнаго награжденія* исправляющему должность попечителя Руничу, и

6) Переименованіе его, Рунича, попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа,—

имѣю я изъяснить, что, по мнѣнію моему, первыя четыре статьи не требуютъ никакого отъ комитета гг. министровъ разрѣшенія. Первая—*о оставленіи при университетѣ профессоровъ Галича и Арсеньева*—потому, что коль скоро министръ просвѣщенія находитъ возможнымъ, для испытанія нравственности Галича и Арсеньева, оставить ихъ при университетѣ въ другихъ должностяхъ: перваго по уваженію его раскаянія, а Арсеньева, по уваженію рѣдкихъ его достоинствъ, для обращенія оныхъ въ пользу части просвѣщенія,—собственныя права министерства для онаго достаточны.

Вторая и третья статьи — *о основаніи системы ученія и запрещеніи нѣкоторыхъ изъ существующихъ учебныхъ книгъ*—потому, что сіе составляетъ совершенную обязанность министра просвѣщенія, и комитету гг. министровъ даже извѣстно, что къ оному уже и приступлено.

Четвертая статья, относящаяся до *увольненія отъ службы профессоровъ восточныхъ языковъ по ихъ о томъ просьбѣ*, и которые неприкосновенны къ обвиненію вышепоименованныхъ четырехъ профессоровъ, отъ комитета министровъ также не слѣдуетъ никакого разрѣшенія потому, что существуетъ на сіе общее положеніе, которымъ министерство просвѣщенія и руководствоваться должно. Но при семъ случаѣ не можно однакоже не изъяснить сожалѣнія, что учебная наша часть лишается таковыхъ знаменитыхъ по сей наукѣ людей и для таковой науки, которая для насъ столь необходима и которая по сіе время въ совершенномъ еще младенчествѣ, а потому и полезно бы было стараться сохранить людей сихъ при университетѣ.

Что же касается до награжденія г. Рунича и до переименованія его въ попечители С.-Петербургскаго учебнаго округа, я считаю, что не слѣдуетъ награжденія такому чиновнику, на дѣйствія котораго есть жалобы и которыя не разсмотрѣны.

А относительно переименованія его въ попечители, удо-

стоеніе господина министра всеконечно должно быть уважено. Но, слѣдуя принятой выше сего системѣ окончанія сего дѣла, чтобы исполнено оно было безъ дальняго производства и огласки однимъ удаленіемъ отъ университета профессоровъ, не лучше ли будетъ, не давая видъ награжденія таковому дѣлу, которое, такъ сказать, утушается, переименованіе г. Рунича отнесть на другое время и къ особому представленію г. министра.

О предназначеніи нѣкоторыми членами комитета гг. министровъ, чтобы при министрѣ просвѣщенія учредить особый комитетъ *для розысканія виновныхъ въ позволеніи печатать учебныя книги, нынѣ признаваемыя вредными, и въ допущеніи образа ученія, которое также признано вреднымъ*, на сіе я согласиться не могу, потому что розысканіе таковое отнеслось бы на прежнія времена и на всѣхъ бывшихъ министровъ, ихъ товарищей и прочихъ частныхъ начальниковъ, и, съ одной стороны, не принеся никакой существенной пользы, потрясло бы прахъ усопшихъ уже и оскорбило бы ихъ память, а съ другой—потому, что отвѣчали бы и ко взысканію были бы подвержены въ живыхъ находящіеся и которые въ очистку свою все право имѣютъ сказать, что руководствовались примѣрами предшественниковъ своихъ, а отъ своего начальства не имѣли никакихъ насчетъ оныхъ не только запрещеній, но и замѣчаній.

Князь Алексѣй Куракинъ.

14-го февраля 1822 г.

XV.

Мнѣніе государственнаго контролера барона Кампенгаузена по дѣлу о профессорахъ.

Къ общему сужденію по дѣлу о профессорахъ нужнымъ нахожу съ своей стороны присовокупить:

Во время нахожденія моего въ 1813 и слѣдующихъ годахъ членомъ комитета объ экзаменахъ, изложены были мною

оному тѣ доводы, по коимъ, по моему мнѣнію, школьная логика, метафизика и нѣкоторыя политическія науки не должны бы принадлежать къ предметамъ испытанія.

Я не распространяюсь здѣсь о сей матеріи, насчетъ коей тѣмъ менѣе надѣюсь убѣдить тѣхъ, кои противнаго мнѣнія, что и у самыхъ ученыхъ точка зрѣнія по сему предмету весьма различна, а ограничиваюсь слѣдующими замѣчаніями.

Соображая существо и начала метафизики въ разныхъ ея эпохахъ и признанія объ оной самыхъ глубокомысленныхъ людей, какъ-то: Бакона, Фенелона, Канта и другихъ, я почитаю несогласнымъ съ правилами, признаваемыми у насъ главнымъ основаніемъ воспитанія, допускать въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ преподаваніе такой науки, которая заключаетъ въ себѣ одно роскошное и безполезное умствованіе, болѣе или менѣе противное духу вѣры и откровенія, и которая нерѣдко многихъ изъ своихъ слушателей (особливо не довольно вникшихъ во всѣ ея таинства) обращаетъ въ атеистовъ и матеріалистовъ.

Я равнымъ образомъ считаю трудомъ преждевременнымъ и потому малополезнымъ, а часто вреднымъ, особливо въ положеніи нашемъ, толковать юношамъ теорію права естественнаго, государственнаго и политической экономіи во всемъ ея пространствѣ, сколько бы полезно не могло быть впослѣдствіи времени и въ зрѣлыхъ лѣтахъ чтеніе лучшихъ сочиненій по симъ наукамъ. Сюлли, Кольбертъ, Питтъ, Бернсдорфъ, Кампоманесъ, Помбаль не хуже насъ управляли, хотя не имѣли случая обучаться онымъ въ университетахъ, въ учебный кругъ коихъ во всемъ ихъ пространствѣ они и понынѣ не вездѣ еще введены и даже въ государствахъ весьма просвѣщенныхъ.

Кому бы ни было препоручено преподавать всю пространную теорію сихъ наукъ, весьма трудно ему будетъ, не перековеркивая самую ихъ систему и основанія, такъ что изъ нихъ выйдетъ что нибудь уродливое, всегда совершенно избѣгнуть всего того, что въ умахъ молодыхъ людей поселить можетъ мысли, противныя вѣрѣ или настоящему порядку вещей.

Основываясь на семъ и принимая сверхъ того въ со-

браженіе: во-первыхъ, что самое училищное управленіе въ прежнее время нѣсколько дало поводъ къ началамъ нынѣ оспариваемымъ, во-вторыхъ, что при изслѣдованіи настоящаго случая допущены были разныя отъ порядка и правилъ отступленія, поправленіе коихъ въ настоящемъ положеніи сего дѣла, по разнымъ уважительнымъ причинамъ, было бы весьма неудобно, я затруднялся бы, не отступя отъ правосудія, запретить означеннымъ профессорамъ на будущее время публичное обученіе вообще, еслибы они сверхъ того, во-первыхъ, не коснулись сихъ предметовъ безъ всякой нужды при преподаваніи наукъ, до коихъ они не принадлежатъ, и во-вторыхъ, не сопровождали бы изложеніе оныхъ неприличными и иногда даже дерзкими выраженіями.

Но одною сею мѣрою, по моему мнѣнію, министерство просвѣщенія не достигнетъ своей цѣли. И впредь встрѣтятся подобные случаи въ томъ или другомъ видѣ. Гоненіе рѣдко истребляетъ мнѣнія, чаще распространяетъ. Здѣсь, какъ я думаю, надобно ему сообразить самый составъ учебныхъ нашихъ курсовъ какъ съ тѣми отношеніями, въ коихъ мы вообще находимся, такъ въ особенности съ тѣми правилами, кои при соединеніи министерства духовнаго съ министерствомъ просвѣщенія признаны были главнымъ основаніемъ воспитанія, и соотвѣтственно тому опредѣлить, преподаваніе какихъ предметовъ полезнѣе бы было на будущее время или вовсе остановить, или ограничить. Я съ своей стороны разборъ сей тѣмъ болѣе признавалъ бы полезнымъ, что по краткости времени, на воспитаніе у насъ обыкновенно употребляемаго, учащіеся едва успѣваютъ достаточно познавать точныя науки (sciences exactes), не касаясь еще тѣхъ, кои болѣе умственны, нежели опредѣлительны.

Что же касается до изслѣдованія, кто виновенъ въ томъ, что ученіе въ семъ духѣ столь долго терпимо было въ университетѣ и благородномъ пансіонѣ, то по разнымъ уваженіямъ считаю я неудобнымъ распространять изслѣдованіе сіе на время, предшествовавшее соединенію министерства духовнаго съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а почитаю достаточнымъ истребовать чрезъ министра отвѣтъ

отъ директора сихъ заведеній, почему онъ съ того времени столь долго терпѣлъ такое ученіе, которое теперь самъ признаетъ вреднымъ, не донесъ объ ономъ и до опредѣленія Рунича попечителю, а если донесеніе его симъ послѣднимъ уважено не было, то самому министру.

Баронъ Кампенгаузенъ.

VII.

Учрежденіе цензуры въ Россіи. — Датскія постановленія о книгопечатаніи.—Разсмотрѣніе ихъ, примѣнительно къ Россіи, въ главномъ правленіи училищъ.—Проектъ Озерецковскаго и Фуса.—Уставъ 1804 года.—Сужденія современниковъ.

Въ царствованіе Императора Александра I дѣятельность по министерству народнаго просвѣщенія сосредоточивалась въ главномъ правленіи училищъ, которому принадлежалъ починъ въ важнѣйшихъ вопросахъ, касавшихся народнаго образованія и распространенія знаній въ обществѣ. Мы замѣтили уже [315]), что изъ числа предметовъ, вызывавшихъ особенную заботливость главнаго правленія училищъ, выдаются два: учрежденіе университетовъ и устройство цензуры. Представивъ, въ первыхъ шести главахъ нашего труда, обозрѣніе судьбы русскихъ университетовъ, постараемся теперь изложить тѣ мѣры, которыя принимаемы были въ отношеніи цензуры. При выборѣ фактовъ мы ограничимся самыми крупными, яркими и характеристическими, предпочитая множеству отрывочныхъ замѣтокъ обстоятельное изложеніе главнѣйшихъ данныхъ со всѣми подробностями, проливающими свѣтъ не только на отдѣльныя явленія, но и на общее состояніе разсматриваемой отрасли управленія.

Воззрѣніе на цензуру, господствовавшее въ главномъ правленіи, подвергалось замѣчательнымъ измѣненіямъ. Первоначально на цензуру смотрѣли какъ на печальную необходимость, стараясь избѣгать требованій, стѣснительныхъ для развитія наукъ и литературы. Находясь подъ вліяніемъ духа

времени и идей, господствовавшихъ въ такъ называемый вѣкъ просвѣщенія, члены правленія, отнюдь не желая стѣснять дарованій, особенно дорожили свободою научныхъ изслѣдованій. Мѣры, принимаемыя въ отношеніи къ печатному слову, заключались преимущественно въ огражденіи общества отъ незаслуженныхъ оскорбленій со стороны лицъ, не понимающихъ значенія печати и достоинства литературы. При обсужденіи вопроса о цензурѣ встрѣтилось много мнѣній, на дѣло взглянули съ различныхъ сторонъ, и въ этихъ взглядахъ ярко выразились мысли, распространенныя въ образованнѣйшей части тогдашняго русскаго общества. Съ одной стороны, общее стремленіе къ свободѣ, воспитанное литературою философскаго вѣка, царившею надъ умами европейскихъ писателей, съ другой — недавніе опыты столкновенія теоретическаго ученія о свободѣ съ дѣйствительною жизнію опредѣляли образъ дѣйствій и самые принципы главнѣйшихъ дѣятелей, призванныхъ властью къ содѣйствію успѣхамъ русской образованности. Въ самомъ началѣ царствованія императора Александра I изданы были постановленія, въ высшей степени благопріятныя для свободнаго движенія литературы; ученые и писатели привѣтствовали восторженными хвалами наступленіе новой эпохи. По такому началу, по сочувствію къ дѣйствіямъ либеральныхъ правительствъ и нерасположенію къ стѣснительнымъ мѣрамъ вообще, можно было бы ожидать, что дарована будетъ совершенная свобода слова. Но примѣръ именно того правительства, которое рѣшилось уничтожить всякаго рода цензуру и дать полную свободу печатному слову, оказалъ вліяніе на рѣшеніе вопроса о свободномъ книгопечатаніи въ Россіи. Тотъ самый король (Христіанъ VII Датскій), который уничтожилъ цензуру, нашелъ необходимымъ возстановить ее, хотя и въ иныхъ формахъ, и это послужило отчасти поводомъ къ новому учрежденію цензуры въ Россіи. Въ главномъ правленіи училищъ былъ выработанъ цензурный уставъ съ его замѣчательнымъ постановленіемъ о томъ, что въ случаѣ возможности двоякаго толкованія, и противъ писателя, и за него, цензоръ долженъ толковать сомнительное мѣсто въ пользу автора. Важность подобнаго требованія вполнѣ оцѣнена писателями различныхъ эпохъ и направленій, отъ

Каченовскаго и Шторха до Гоголя, укорявшаго нашу литературную критику за отсутствіе въ ней прекраснаго принципа, даннаго въ руководство цензурѣ [316]). Воззрѣніе составителей перваго цензурнаго устава полнѣе всего открывается въ проектѣ манифеста объ учрежденіи цензуры, — проектѣ, составленномъ въ главномъ правленіи училищъ и доказывающемъ, что въ средѣ его были лица, принадлежавшія къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей тогдашняго общества. Офиціальные акты того времени довольно часто представляютъ весьма близкое сходство съ заявленіями лицъ, высказывавшихъ мнѣнія свои вполнѣ независимо, не связанныхъ никакими внѣшними условіями. Вспоминая «дней Александровскихъ прекрасное начало», поэтъ говоритъ:

Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...

Но въ дѣйствительности мы отступили, и изъ вѣка свободы и просвѣщенія едва не переселились въ средніе вѣка. Вопросъ о цензурѣ, подробно и внимательно обсужденный представителями науки и власти, казалось, былъ рѣшенъ окончательно и надолго. Но, къ сожалѣнію, не замедлили обнаружиться попытки поколебать едва возведенное зданіе. Отчасти различныя толкованія устава въ тѣхъ его частяхъ, которыя относятся ко внутренной сторонѣ литературы: къ ея духу и направленію, отчасти же постороннія вмѣшательства повели къ распоряженіямъ, болѣе и болѣе уклонявшимся отъ основного характера устава. Уклоненія не ограничивались частностями: приступлено было къ радикальному измѣненію въ общемъ устройствѣ цензуры. Противодѣйствіе прежнему порядку вещей дошло до того, что на цензуру стали смотрѣть не какъ на печальную уступку, вынужденную обстоятельствами, а какъ на карательный бичъ, обуздывающій гордыню человѣческой мысли, и на твердую ограду отъ покушеній духа тьмы. Въ такомъ взглядѣ нельзя не видѣть отблеска средневѣкового фанатизма, заставлявшаго папъ налагать оковы на свободу мысли и слова. Объ усиліяхъ папства—подавить независимость печатнаго слова съ горечью и негодованіемъ отзывалась наша литература въ восьмнадцатомъ вѣкѣ. Но несмотря ни на сѣтованія и укоризны писателей всѣхъ странъ и народовъ, ни даже на дѣйствія власти, от-

крыто осудившей фанатическія увлеченія, не умолкали яростные защитники всякихъ стѣснительныхъ мѣръ. Подобно тому, какъ университетская наука связана была подавляющими требованіями, книгопечатанію старались указать тѣсные предѣлы и подчинить его самой тягостной опекѣ. По мѣткому выраженію поэта, литературу хотѣли обратить въ гаремъ, а цензора въ докучнаго евнуха.

Но фанатики не достигли вполнѣ своихъ цѣлей. Настала, повидимому, новая пора. Во главѣ министерства является человѣкъ, который хотя и слыветъ старовѣромъ, но высказываетъ рѣшимость быстро разорвать съ прошедшимъ и энергически приняться за новое дѣло. При всей исключительности во взглядахъ и понятіяхъ, глава новаго министерства отличался неподкупною, глубокою честностью своихъ убѣжденій. Несмотря на крайнее, зловѣщее раздраженіе противъ пишущей братіи, онъ требуетъ огражденія литературы отъ произвола и невѣжества ея суровыхъ опекуновъ. «Необходимо нужно—говоритъ Шишковъ—чтобы цензура составлена была изъ немалаго круга людей ученыхъ, честныхъ, благоразумныхъ, отъ которыхъ бы никакіе цвѣты не закрыли змѣю, и напротивъ, *простая травка не казалась бы имъ змѣиными жалами*... Слабая цензура будетъ пропускать вредныя внушенія, а строгая не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ... Не довольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобъ она была *умная* и осторожная [317])».

Подобныя мысли естественно располагали представителей тогдашней литературы въ пользу ветерана - писателя, которому ввѣрено было главное управленіе цензурою. Сочувствіемъ къ маститому старцу проникнуты посланія Пушкина къ Аристарху, писанныя въ годъ вступленія Шишкова въ должность министра народнаго просвѣщенія [318]). Указывая на наказъ Екатерины, какъ на лучшій законъ для цензора, Пушкинъ привѣтствовалъ въ Шишковѣ уцѣлѣвшаго свидѣтеля временъ Екатерины, когда

Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной;
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ;

Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ.
Киприду иногда являлъ безъ покрывала,—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.

Въ засѣданіяхъ главнаго правленія училищъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ Шишкова, слышатся сужденія, составляющія рѣзкую противоположность съ рѣчами предшествовавшаго времени. Предложеніе объ отнятіи у профессоровъ права пользоваться необходимыми для ученыхъ занятій книгами, и о томъ, чтобы всѣ запрещенныя цензурою книги отсылались въ департаментъ, вызвало сильныя и основательныя возраженія со стороны многихъ членовъ. Намъ нѣтъ дѣла — говорили они — до исповѣданія Лаланда; намъ нужны только его вычисленія, и потому нельзя астрономовъ лишить возможности читать сочиненія Лаланда, хотя бы онъ былъ и отъявленнымъ атеистомъ. Требованіе отсылать опасныя книги въ департаментъ сравнивали съ распоряженіемъ, чтобы всѣ городскіе обыватели, имѣющіе дѣтей, отсылали ножи и вилки въ магистратъ, и оттуда получали ихъ только на время обѣда, и т. п.

Впрочемъ, рѣшительному повороту къ лучшему не суждено было совершиться съ тою быстротою, которой желали Пушкинъ, Жуковскій и ихъ современники. Продолжительное стремленіе къ одной цѣли не пропадаетъ даромъ и оказываетъ дѣйствіе даже и тогда, когда дѣло переходитъ въ другія руки. Общій характеръ предварительныхъ работъ по преобразованію цензуры, послужившихъ матеріаломъ для дальнѣйшей разработки цензурнаго вопроса, и всемогущій духъ времени положили печать свою на дѣйствія Шишкова. Цензурный уставъ 1826 г., подобно уставу 1804 г., служитъ выраженіемъ *своего* времени. Различіе между ними объясняется различіемъ въ направленіи двухъ эпохъ, памятныхъ въ исторіи русской образованности.

Устройство цензуры въ Россіи совпадаетъ съ учрежденіемъ университетовъ, въ кругъ дѣятельности которыхъ введено и предварительное разсмотрѣніе выходящихъ изъ типографій книгъ свѣтскаго содержанія. Возлагая подобную обязанность на университеты, какъ на высшія учебныя заве-

денія въ государствѣ, главное правленіе поступило согласно съ обычаемъ, существовавшимъ издавна, хотя и въ нѣсколько другомъ видѣ, и получившимъ силу закона. Со времени учрежденія высшихъ училищъ въ Россіи имъ поручаемо было наблюденіе за книгопечатаніемъ. По уставу Славяно - греко-латинской Академіи, ректоръ и профессора обязаны были наблюдать, чтобы никто не читалъ и не имѣлъ у себя волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и богохульныхъ книгъ, а людямъ необразованнымъ, не учившимся такъ-называемымъ свободнымъ наукамъ, строго запрещалось держать у себя книги латинскія, нѣмецкія, польскія, лютеранскія и кальвинскія, и на основаніи ихъ заводить споры о вѣрѣ [319]).

Въ восьмнадцатомъ вѣкѣ наблюденіе за книгами раздѣлено было между вѣдомствами духовнымъ и свѣтскимъ. Разсмотрѣніе книгъ духовнаго содержанія предоставлено было св. синоду, а до его учрежденія — духовной коллегіи. Впрочемъ, духовенство, не ограничиваясь указаннымъ ему кругомъ, простирало наблюденіе свое и на свѣтскую литературу. Въ докладѣ своемъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ члены синода просили объ отобраніи книги Фонтенеля, переведенной Кантемиромъ, и о запрещеніи писать и печатать о множествѣ міровъ и тому подобныхъ предметахъ [320]). Цензура книгъ свѣтскаго содержанія возложена была на Академію Наукъ съ тою цѣлью, чтобы изъ типографій не могли выходить книги предосудительныя, противныя христіанскому закону, правительству или добрымъ нравамъ [321]).

Въ 1783 году дозволено было повсюду заводить вольныя типографіи, не отличая ихъ «отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій», но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы типографіи отнюдь не выпускали книгъ, противныхъ законамъ божескимъ и гражданскимъ и клонящихся къ явнымъ соблазнамъ. Цензура книгъ, выходящихъ изъ вольныхъ типографій, предоставлена управамъ благочинія, а съ 1802 года гражданскимъ губернаторамъ при участіи директоровъ училищъ. Неудобство веденія цензурныхъ дѣлъ губернаторами и управами благочинія, заваленными дѣлами другого рода, не замедлило обнаружиться. Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія дано было новое устройство цензурѣ, отнесенной къ вѣдомству главнаго правленія училищъ и уни-

верситетовъ. Еще въ восьмнадцатомъ столѣтіи цензура отчасти передана была Московскому университету, единственному въ то время русскому университету. Указомъ 1797 года повелѣно было составить въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ цензуру изъ трехъ лицъ, отъ трехъ вѣдомствъ: духовнаго, гражданскаго и ученаго; духовныя особы избирались св. синодомъ, гражданскія—сенатомъ, а ученыя—Академіею Наукъ и Московскимъ университетомъ [322]).

Такимъ образомъ, съ XVIII и до начала XIX вѣка, наблюденіе надъ книгами вообще принадлежало, съ небольшими перерывами, высшимъ учебнымъ заведеніямъ: Славяно-греко-латинской Академіи, Академіи Наукъ, бывшей, по своему образованію, не только ученымъ, но и учебнымъ учрежденіемъ, и наконецъ, Московскому университету. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка, съ открытіемъ университетовъ въ различныхъ краяхъ Россіи, цензура свѣтскихъ книгъ сдѣлалась исключительнымъ правомъ и обязанностью университетовъ. Въ предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, объявленныхъ въ январѣ 1803 года, постановлено: «цензура всѣхъ печаемыхъ въ губерніи книгъ имѣетъ принадлежать *единственно университетамъ*, коль скоро они въ округахъ учреждены будутъ [323]).

Заявляя о необходимости правильнаго и прочнаго устройства цензуры, членъ главнаго правленія училищъ, попечитель Петербургскаго учебнаго округа, Новосильцовъ, указалъ, какъ на образецъ, на постановленія о печати, изданныя *датскимъ* правительствомъ. Главное правленіе, обсуживая различныя мѣры для лучшаго устройства предмета, имѣющаго такую близкую связь съ развитіемъ наукъ и литературы, съ особенною подробностью и вниманіемъ разсматривало постановленія Христіана VII о свободномъ книгопечатаніи.

Датскій король Христіанъ VII, царствовавшій съ 1766 по 1808 годъ, вступилъ на престолъ семнадцатилѣтнимъ юношей и на первыхъ порахъ заплатилъ щедрую дань своему времени. Политическое движеніе, обнаруживавшееся тогда въ различныхъ странахъ Европы, отозвалось и на дѣйствіяхъ и начинаніяхъ юнаго короля, руководимаго горячимъ приверженцемъ новыхъ идей, графомъ Струензе, вліяніе кото-

раго росло не по днямъ, а по часамъ. Вполнѣ довѣряясь совѣтамъ своего министра, король издалъ манифестъ слѣдующаго содержанія: «Находя въ высшей степени вреднымъ для безпристрастнаго изслѣдованія истины и открытія закоренѣлыхъ заблужденій и предразсудковъ запрещеніе гражданамъ, одушевленнымъ любовью къ отечеству и общему благу, свободно высказывать свои убѣжденія и обличать злоупотребленія и предразсудки, мы рѣшились дать неограниченную свободу книгопечатанію и окончательно уничтожить всякаго рода цензуру». Такой смѣлый шагъ по новому пути привелъ въ восторгъ писателей не только въ Даніи, но и въ другихъ государствахъ. Корифей тогдашней литературы, Вольтеръ, привѣтствовалъ короля хвалебнымъ посланіемъ, въ которомъ доказывалъ безвредность печатнаго слова и незначительность вліянія его на ходъ политическихъ событій. Но юношескій жаръ датскаго короля остывалъ съ ослабленіемъ вліянія энергическаго министра. Какъ быстро и неожиданно послѣдовало возвышеніе Струензе, изъ городскихъ, провинціальныхъ врачей возведеннаго въ первые министры, такъ быстро было и его паденіе. Задумавъ пересоздать все государственное устройство на новый ладъ, по идеямъ, заимствованнымъ у энциклопедистовъ, Струензе пренебрегъ мѣстными условіями страны и настроеніемъ общества, ломалъ все старое, не щадя не только народныхъ обычаевъ, идущихъ испоконъ вѣка, но и народнаго языка. Уничтоженіе религіозныхъ празднествъ, открытіе спектаклей въ такъ называемые святые вечера, приказаніе хоронить покойниковъ до шести часовъ утра и никакъ не позже, дозволеніе браковъ между близкими родственниками и тому подобныя нарушенія обычаевъ старины оскорбляли религіозное чувство большинства. Изгнаніе же народнаго языка изъ судовъ и администраціи и насильственное требованіе, чтобы всѣ дѣла производились на нѣмецкомъ языкѣ, а отнюдь не на датскомъ, вооружало противъ реформатора даже и тѣхъ, которые готовы были помириться съ другими его нововведеніями. Въ судахъ и канцеляріяхъ не принимали просьбъ, писанныхъ по-датски; правительство говорило съ народомъ на чужомъ, нѣмецкомъ языкѣ. Общимъ негодованіемъ воспользовалась враждебная Струензе партія, успѣв-

шая захватить власть; онъ объявленъ былъ государственнымъ преступникомъ, посягавшимъ на жизнь, доброе имя и нравственность своихъ согражданъ, и вслѣдствіе этого приговоренъ къ жестокой казни: ему отрубили руку, потомъ голову, и тѣло его четвертовали и колесовали. Съ паденіемъ Струензе началось колебаніе и отчасти возвращеніе къ прежнимъ временамъ. Въ отношеніи цензуры оно выразилось рядомъ распоряженій и преслѣдованіями, жертвою которыхъ иногда дѣлались даровитые писатели. Въ числѣ политическихъ изгнанниковъ за нарушеніе цензурныхъ требованій находился датскій ученый Malte-Brun (Malte Konrad Bruun), избравшій Францію своимъ новымъ отечествомъ, и заслужившій европейскую извѣстность трудами своими въ области географіи. Изъ ряда разновременныхъ постановленій датскаго правительства по этому предмету выдается манифестъ 27-го сентября 1799 года, явившійся какъ бы результатомъ продолжительныхъ заботъ объ устройствѣ дѣла, находящагося въ связи съ умственными и нравственными интересами народа[324]).

Манифестъ датскаго короля, обнародованный въ 1799 году, послужилъ исходною точкою для главнаго правленія училищъ при устройствѣ имъ цензурной части въ Россіи. Члены главнаго правленія представили подробныя замѣчанія на статьи датскаго законодательнаго акта, указавъ въ немъ все то, что̀ требовало измѣненія сообразно съ условіями русской жизни.

Манифестъ Христіана VII начинается такимъ введеніемъ:

«Желая, чтобы каждый изъ нашихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ наслаждался полною свободою, согласною съ благоустройствомъ государства, Мы дозволяемъ всѣмъ и каждому пользоваться правомъ вольнаго книгопечатанія, ибо почитаемъ оное средствомъ самымъ дѣйствительнымъ для распространенія общеполезныхъ знаній и просвѣщенія между всѣми слоями гражданъ. Въ намѣреніи поощрить каждаго къ такому спасительному для человѣчества дѣлу, Мы вскорѣ по вступленіи Нашемъ на престолъ уничтожили цензуру, и тѣмъ самымъ всякому просвѣщенному и благонамѣренному человѣку облегчили способы сообщать публикѣ свои откры-

тія и безъ малѣйшаго принужденія предавать печати свои чувства и мысли обо всемъ, что̀ можетъ споспѣшествовать общему благу. Но злоупотребленіемъ неограниченной свободы книгопечатаніе сдѣлалось къ несчастію орудіемъ страстей самыхъ низкихъ, и произвело слѣдствія самыя пагубныя, какъ для общественнаго спокойствія, такъ и для безопасности частной. Поэтому нужно было, чтобы законъ направлялъ такую свободу къ прямой ея цѣли — общему благу, и чтобы книгопечатаніе, какъ часть народнаго просвѣщенія, ввѣрено было надзору правительства. Мы, какъ государь и законодатель, признаемъ долгомъ Нашимъ поставить злоупотребленію такія препоны, чтобы свобода печати не перерождалась въ необузданное своеволіе, и людямъ злонамѣреннымъ не служила орудіемъ безнаказанно подрывать основанія государства и колебать безопасность гражданъ, нераздѣльную съ истинною свободой. Въ разныя времена изыскивали Мы средства къ отвращенію подобныхъ злоупотребленій; но къ крайнему неудовольствію видимъ, что повелѣнія Наши не исполняются, и что зломыслящіе люди съ соблазнительною и достойною кары дерзостью ежедневно нападаютъ на все, что̀ во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должно быть драгоцѣнно и священно для цѣлаго общества. Они не перестаютъ распространять самыя ложныя понятія о вещахъ и стараются разсѣвать неправильныя мнѣнія о предметахъ самыхъ важныхъ для человѣка и гражданина, чрезъ что̀ малосвѣдущая и не вполнѣ образованная часть народа, особенно же неопытное юношество, можетъ удобно развращаться и впадать въ заблужденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что развратъ сей можно было бы всего надежнѣе предупредить, подвергнувъ разсмотрѣнію правительства всѣ книги, назначаемыя къ печати. Но какъ этому сопутствуетъ принужденіе, непріятное всякому благомыслящему и просвѣщенному человѣку, желающему быть полезнымъ чрезъ сообщеніе другимъ своихъ свѣдѣній, то Мы и не желаемъ употреблять подобное средство. Вмѣсто же сего вознамѣрились Мы опредѣлить и утвердить положительнымъ закономъ, сколько возможно, предѣлы свободнаго книгопечатанія, назначивъ также и соразмѣрное наказаніе для тѣхъ,

которые дерзнутъ преступать Наши отеческія и благонамѣренныя повелѣнія».

Законъ, о которомъ идетъ рѣчь, съ неумолимою строгостью преслѣдовалъ анонимныя сочиненія, признавая ихъ вопіющимъ зломъ, безнравственнымъ орудіемъ для оскорбленія священнѣйшихъ правъ гражданина. Презрѣнная клевета и злоба—сказано въ манифестѣ—обыкновенно таятся подъ завѣсою неизвѣстности, а потому отнынѣ всѣ книги печатать не иначе, какъ съ означеніемъ именъ сочинителей. Всякій, кто отдастъ въ печать свою книгу, какой бы величины она ни была, обязанъ на заглавномъ листѣ означить свое имя, должность, чинъ или званіе, и объявить, имъ ли самимъ или кѣмъ другимъ издается книга, какъ называется городъ, въ которомъ она печатается, и какъ зовутъ содержателя типографіи. Во всѣхъ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ должны быть поименно означены: редакторъ, издатель, типографщикъ и авторъ каждой отдѣльной статьи. Если кто осмѣлится преступить этотъ законъ, то книга будетъ конфискована, а виновные должны будутъ заплатить двѣсти талеровъ въ пользу бѣдныхъ.

Нарушителямъ постановленій о печати вообще грозили самыя строгія кары, отъ тюремнаго заключенія до смертной казни. За кощунство и оскорбленіе религіи, исповѣдуемой иновѣрцами, виновный подвергался тюремному заключенію на время отъ четырехъ до четырнадцати дней и содержанію на хлѣбѣ и на водѣ. Такому же наказанію подлежалъ тотъ, кто позволитъ себѣ насмѣшки надъ государственными учрежденіями и станетъ разбирать ихъ безъ соблюденія должнаго приличія въ выраженіяхъ, а равно и тотъ, кто издастъ книгу соблазнительную для благонравія и цѣломудрія. Работа въ смирительномъ домѣ отъ двухъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ угрожала тому, кто напечатаетъ ложное извѣстіе о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ правительства, а также и тому, кто обнародуетъ презрительные отзывы о дружественныхъ державахъ и представитъ въ ложномъ и оскорбительномъ свѣтѣ дѣйствія ихъ государей. Изгнанію на время отъ трехъ до десяти лѣтъ подвергались обвиненные въ порицаніи монархическаго правленія вообще, въ распространеніи невыгодныхъ и соблазнительныхъ слуховъ о королѣ, королевѣ, принцахъ

и принцессахъ королевскаго дома, и въ изданіи книгъ, написанныхъ въ опроверженіе ученія о бытіи Бога и безсмертіи души. На вѣчную работу въ цѣпяхъ осуждался тотъ, кто въ печатной книгѣ будетъ клеветать на правительство или издѣваться надъ нимъ и возбуждать противъ него ненависть и, подвергшись за такое преступленіе изгнанію, явится снова въ отечествѣ прежде положеннаго закономъ срока. О комъ будетъ доказано, что онъ авторъ книги, заключающей въ себѣ совѣты и внушенія произвести перемѣну въ правленіи, установленномъ государственными законами, и сдѣлать возмущеніе противъ короля, тотъ повиненъ смертной казни, и т. д. [325]).

Представляя въ главное правленіе училищъ переводъ датскаго манифеста, Новосильцовъ имѣлъ въ виду возможность двоякаго рѣшенія цензурнаго вопроса. Въ засѣданіи 3-го октября 1803 года, онъ обратилъ вниманіе правленія на то, что до надлежащаго устройства цензурныхъ комитетовъ при университетахъ слѣдовало бы принять надежныя мѣры для предупрежденія злоупотребленій, которыя допускаются печатаніемъ книгъ, противныхъ религіи и правительству или клонящихся къ оскорбленію личной чести. Въ доказательство небрежности прежней цензуры Новосильцовъ сослался на изданное съ позволенія петербургской цензуры «сочиненіе извѣстнаго Кирруфа» и на книгу барона Унгернштернберга, толкующую объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ и признанную возмутительнымъ пасквилемъ на человѣколюбивыя намѣренія правительства. Для избѣжанія на будущее время подобныхъ явленій Новосильцовъ предлагалъ два средства: или назначеніе цензоровъ, или же изданіе постановленій, по примѣру датскихъ, съ точнымъ обозначеніемъ, за что̀ издатели или типографщики должны неминуемо подвергнуться взысканію. На первый разъ, какъ министръ, такъ и члены правленія, признали второй способъ болѣе удобнымъ, и просили Новосильцова составить проектъ постановленій о книгопечатаніи [326]).

По вызову правленія, Новосильцовъ представилъ, вмѣстѣ съ переводомъ манифеста, тѣ измѣненія, которыя находилъ нужнымъ сдѣлать въ датскомъ образцѣ, а именно:

1) Хотя актъ датскаго правительства вытекаетъ изъ

важныхъ причинъ и намѣреній здравой и благоразумной политики, однакоже нѣкоторыя статьи содержатъ въ себѣ правила, затруднительныя для авторовъ и издателей. Таково требованіе напечатать имя каждаго автора и переводчика,— требованіе, особенно тягостное для молодыхъ литераторовъ, впервые вступающихъ на поприще словесности и изъ скромности скрывающихъ свои имена. Можно бы предоставить свободу печатать книги и безъ означенія имени автора или переводчика. Для отвращенія же злоупотребленій не безполезно средство, отчасти принимаемое датскимъ законодательствомъ, хотя и по другому поводу. Если кто-либо изъ сочинителей или переводчиковъ пожелаетъ, чтобы имя его не было поставлено на издаваемой книгѣ, въ такомъ случаѣ двое или трое изъ гражданъ, имѣющихъ гдѣ-либо постоянное пребываніе, должны дать типографщику письменное обязательство въ томъ, что въ случаѣ надобности они объявятъ имя автора.

2) Взысканія за нарушеніе цензурныхъ правилъ, принятыя въ Даніи и не соотвѣтствующія русскимъ законамъ и обычаямъ, должны быть замѣнены другими, сообразными съ русскимъ законодательствомъ.

3) Датскимъ постановленіемъ требуется, чтобы одинъ экземпляръ каждаго періодическаго изданія, журнала, газеты и каждой книги, до выпуска въ свѣтъ, былъ представляемъ копенгагенскому полиціймейстеру. Если полиціймейстеръ найдетъ въ книгѣ что-либо предосудительное или неблагопристойное, то немедленно долженъ запретить ея продажу, опечатать всѣ экземпляры и препроводить задержанную книгу въ королевскую канцелярію. Въ Россіи право конфискаціи подозрительныхъ книгъ удобнѣе предоставить не полиціи, а университетамъ и академіямъ, съ тѣмъ, чтобъ они, увѣдомивъ мѣстное начальство, представляли мнѣнія свои вмѣстѣ съ экземпляромъ книги въ главное правленіе училищъ.

4) Обвиняемый въ сочиненіи или изданіи предосудительной книги обыкновеннымъ ли порядкомъ долженъ быть судимъ, или же нужно учредить особый родъ суда и разбирательства? Если дѣла по печати предоставить обыкновеннымъ судамъ, въ которыхъ часто засѣдаютъ чиновники, не имѣющіе научныхъ познаній, то могутъ произойти пагубныя

для подсудимыхъ писателей слѣдствія, для отвращенія которыхъ слѣдовало бы учредить особый родъ суда. Главное правленіе училищъ составитъ списокъ государственныхъ чиновниковъ, имѣющихъ требуемыя свѣдѣнія и пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Въ случаѣ обвиненія въ изданіи вредной книги, правленіе назначитъ изъ помѣщенныхъ въ спискѣ лицъ опредѣленное число (четыре, шесть или восемь) посредниковъ изъ живущихъ въ томъ городѣ, гдѣ находится обвиняемый. Для скорѣйшаго теченія дѣлъ и для избѣжанія переписки можно предоставить и университетамъ право назначать посредниковъ изъ лицъ, внесенныхъ въ списокъ въ главномъ правленіи. Если обвиняемый будетъ оправданъ посредниками, то онъ освобождается отъ всякаго суда, а книга его отъ запрещенія и конфискаціи; обвинитель же подвергнется взысканію на основаніи законовъ.

5) Постановленіе о свободномъ книгопечатаніи не должно касаться цензуры книгъ духовныхъ, наблюденіе за которыми вполнѣ предоставлено св. синоду [327]).

Окончательное разсмотрѣніе, какъ датскаго манифеста, такъ и всѣхъ вопросовъ, относящихся къ цензурѣ, возложено было министромъ Завадовскимъ на членовъ главнаго правленія училищъ, академиковъ Озерецковскаго и Фуса. Главное правленіе склонялось скорѣе къ мѣрамъ, подобнымъ датскому постановленію, находя ихъ болѣе соотвѣтствующими духу либеральнаго правительства. Но взвѣшивая, какъ выгоды, такъ и неудобства, представляемыя обоими способами, предложенными на выборъ правленію, Озерецковскій и Фусъ остановились на мысли, что устройство цензурныхъ комитетовъ вѣрнѣе поведетъ къ цѣли, нежели изданіе закона о свободномъ книгопечатаніи, по образцу датскаго манифеста. По ихъ мнѣнію, послѣдній способъ, благопріятствуя скорѣйшему распространенію книгъ вообще и подвергая законной карѣ своеволіе авторовъ и издателей, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большія неудобства:

1) Онъ не предохраняетъ совершенно отъ гибельныхъ послѣдствій злоупотребленія свободою слова. Ядъ возмутительнаго и пагубнаго сочиненія, пущеннаго въ свѣтъ подъ невиннымъ заглавіемъ, можетъ отравить многія сердца и

взволновать умы прежде, нежели успѣютъ остановить его продажу.

2) Онъ поставляетъ въ необходимость всѣхъ сочинителей объявлять свои имена. Но многіе изъ авторовъ, по скромности или во избѣженіе придирчивой критики и личностей, скорѣе согласятся вовсе не печатать своихъ сочиненій, нежели ввѣрить тайну двумъ или тремъ лицамъ, которыя, по тщеславію, нескромности или легкомыслію, могутъ открыть имя автора.

3) Великое неудобство было бы предавать авторовъ обыкновенному суду. Но чрезвычайно затруднителенъ также и выборъ посредниковъ, вполнѣ способныхъ оцѣнить степень виновности писателя, проникнутыхъ истинно-либеральными мыслями и чуждыхъ пристрастія и всякаго рода предразсудковъ.

4) Какъ бы ни разграничивали преступленія и постепенность наказаній, тонкость и неуловимость оттѣнковъ въ нарушеніяхъ закона, различіе въ воззрѣніи и требовательности судей, способъ толкованія намековъ и мѣстъ, имѣющихъ двоякій смыслъ, и т. п., дѣлаютъ въ высшей степени затруднительнымъ приговоръ надъ книгами и авторами.

5) Опытъ показываетъ, что запрещеніе книги придаетъ ей цѣну и пускаетъ въ ходъ сочиненія, не обращавшія на себя дотолѣ ни малѣйшаго вниманія. Приговоръ надъ книгою, произнесенный цѣлымъ судилищемъ, получитъ быструю огласку, и всѣ бросятся покупать запрещенную книгу. Во Франціи запрещеніе книги было когда - то вѣрнѣйшимъ средствомъ для авторовъ поправить свои денежныя дѣла.

Удобства перваго способа, то есть учрежденія цензурныхъ комитетовъ, состоятъ въ томъ, что:

1) Онъ сообразнѣе съ тѣмъ, что́ уже существуетъ въ Россіи или что́ должно открыться въ непродолжительномъ времени. Для книгъ духовнаго содержанія учреждена цензура, находящаяся въ вѣдѣніи св. синода. Академія Наукъ имѣетъ свою цензуру для книгъ, печатающихся въ ея типографіи. Всѣ университеты имѣютъ или будутъ имѣть цензуру для книгъ, печатаемыхъ въ подвѣдомыхъ имъ округахъ.

2) Онъ болѣе обезпечиваетъ отъ злоупотребленій: онъ

останавливаетъ зло въ его зародышѣ и лишаетъ его возможности распространиться.

3) Освобождаетъ авторовъ отъ обязанности, иногда тягостной, объявлять свои имена. Только содержатель типографіи долженъ быть извѣстенъ и отвѣчать передъ закономъ за сходство имъ напечатанной книги съ рукописью, одобренною цензурой.

Съ другой стороны представляются и неудобства такого рода:

1) Сочиненіе, исполненное полезнѣйшихъ истинъ, но поражающихъ своею новостью и смѣлостью, можетъ подвергнуться запрещенію со стороны мнительнаго и робкаго цензора. Во избѣжаніе такихъ случаевъ необходимы подробныя наставленія цензорамъ, составленныя въ духѣ терпимости и любви къ просвѣщенію. Организованная такимъ образомъ цензура представитъ въ сущности мало отличія отъ той свободы книгопечатанія, которая допускается датскимъ законодательствомъ.

2) Цензура предварительная не препятствуетъ распространенію вредныхъ рукописей. Впрочемъ, наблюденіе за этимъ можетъ быть предоставлено управѣ благочинія, равно какъ и за продажей соблазнительныхъ эстамповъ.

«Сообразивъ все — заключаютъ свое представленіе Озерецковскій и Фусъ—чтó можно сказать въ пользу и опроверженіе обѣихъ предложенныхъ мѣръ, полагаемъ, что слѣдуетъ предпочесть учрежденіе цензуры, тѣмъ болѣе, что она существуетъ уже въ Дерптѣ и Вильнѣ, а также и въ Петербургѣ при Академіи Наукъ. Въ уставахъ университетовъ: Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго также говорится о цензурѣ» [328]).

Проектъ подобнаго постановленія, составленный Озерецковскимъ и Фусомъ, послужилъ главнымъ основаніемъ для перваго цензурнаго устава. Измѣненія, которымъ подвергся проектъ въ его окончательной редакціи въ министерствѣ, относятся болѣе ко внѣшнему виду законодательнаго акта, нежели къ сущности дѣла. Увеличено число параграфовъ; обозначены различныя подробности дѣлопроизводства; опущены нѣкоторые мотивы; литературный способъ выраженія замѣненъ дѣловымъ слогомъ того времени и т. п. Но то, что составляетъ душу устава, удержано согласно съ указаніями

первыхъ составителей. На основанiи ихъ проекта предоставлена свобода изслѣдованiямъ въ области наукъ, обнимающихъ какъ природу, такъ и человѣка; ими же предложено постановленiе, ограждающее писателя отъ придирокъ цензора, обязаннаго становиться въ сомнительныхъ случаяхъ не врагомъ, а защитникомъ автора [329]).

Первый уставъ о цензурѣ утвержденъ 9-го iюля 1804 года. Уставъ постановилъ, что ни одна книга, ни одно сочиненiе не можетъ быть печатаемо и продаваемо въ Россiи безъ предварительнаго разсмотрѣнiя цензурою (§ 3). Главная цѣль разсматриванiя—доставить обществу книги и сочиненiя, способствующiя истинному просвѣщенiю и образованiю нравовъ, и удалить книги и сочиненiя, противныя сему намѣренiю (§ 2). При университетахъ учреждены цензурные комитеты изъ профессоровъ и магистровъ для разсматриванiя книгъ и сочиненiй, печатаемыхъ въ типографiяхъ, находящихся въ округѣ каждаго университета (§ 4). Цензоры не должны были задерживать рукописей, присылаемыхъ на разсмотрѣнiе, особливо же журналовъ и другихъ перiодическихъ изданiй, которыя должны выходить въ срочное время, и теряютъ цѣну новости, если издаются позже (§ 23). Цензурному комитету и каждому цензору въ отдѣльности вмѣнено было въ обязанность наблюдать, чтобы въ произведенiяхъ печати не было ничего, противнаго закону Божiю, правительству, нравственности и личной чести гражданина (§ 15). Если же встрѣчались въ рукописи подобныя мѣста, то цензоръ долженъ былъ возвращать ее издателю для исправленiя, не дозволяя себѣ никакихъ въ ней поправокъ (§ 16). Если въ цензуру поступала рукопись, наполненная мыслями и выраженiями, оскорбляющими личную честь гражданина, благопристойность и нравственность, то цензурный комитетъ, отказавъ въ напечатанiи такого сочиненiя, объявлялъ причины запрещенiя владѣльцу рукописи, а самое сочиненiе удерживалъ у себя (§ 18). Цензурный комитетъ предавалъ автора въ руки правосудiя только въ такомъ случаѣ, когда въ своемъ сочиненiи авторъ явно отвергалъ бытiе Божiе, вооружался противъ вѣры и законовъ отечества, оскорблялъ верховную власть и высказывалъ мысли, совершенно противныя духу общественнаго порядка и спокой-

ствія (§ 19). Но, преслѣдуя злоупотребленіе, уставъ не преграждалъ пути для успѣшнаго развитія наукъ и добросовѣстной оцѣнки государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины — сказано въ уставѣ—относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой бы то ни было отрасли правительства, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется *совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія* (§ 22). Основнымъ началомъ, которымъ цензоръ долженъ руководствоваться при запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій, уставъ полагалъ благоразумное снисхожденіе, чуждое пристрастнаго объясненія мѣстъ, кажущихся опасными: «*Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать*» (§ 21) [330]).

Въ то время, когда главное правленіе училищъ занималось обработкою цензурнаго устава, въ обществѣ слышались заявленія различныхъ желаній и надеждъ со стороны лицъ, интересующихся судьбами русской образованности. Отъ дѣйствій главнаго правленія ожидали самыхъ благопріятныхъ послѣдствій; иные находили даже возможнымъ совершенно уничтожить цензуру и дать полную свободу книгопечатанію. Въ главное правленіе прислана была, между прочимъ, пространная записка, доказывавшая необходимость и своевременность освобожденія печатнаго слова отъ всякаго рода цензуры. Обращаясь къ членамъ правленія, авторъ, скрывшій свое имя, говоритъ:

«Истинные сыны отечества ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживающаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связывающаго истину рабскими узами. Свобода писать въ настоящемъ философическомъ вѣкѣ не можетъ казаться путемъ къ развращенію и вреду государства. Цензура нужна была въ прошедшихъ столѣтіяхъ, нужна была фанатизму невѣжества, покрывавшему Европу густымъ мракомъ, когда варварскіе законы государственные, догматы невѣжествомъ искаженной вѣры и деспотизмъ самый безчеловѣчный утѣсняли свободу лю-

дей, и когда мыслить было преступленіе... Словесность наша всегда была подъ гнетомъ цензуры. Сто лѣтъ какъ она составляетъ отдѣлъ въ исторіи ума человѣческаго и его произведеній. Мы имѣемъ много хорошихъ поэтовъ, много прозаиковъ; видимъ на нашемъ языкѣ сочиненія математическія, физическія и другія, но философіи — нѣтъ и слѣда! Можетъ-быть скажутъ, что у насъ есть переводы философскихъ твореній. Это правда, но всѣ наши переводы содержатъ только отрывки своихъ подлинниковъ: рука цензора умѣла убить ихъ духъ... Разные толки объ истинѣ не столько опасны, сколько заблужденіе невѣжества... Нѣкоторые утверждаютъ, что французская революція, причинившая столько бѣдъ Франціи и цѣлой Европѣ, есть слѣдствіе литературныхъ произведеній. Несправедливо обвиняютъ Руссо, Вольтера, Реналя и другихъ писателей Не они, а Робеспьеръ, Маратъ и имъ подобные произвели и питали революцію. Безъ писателей Франція бы пала и сдѣлалась жертвою раздраженія внутреннихъ и внѣшнихъ партій. Писатели одушевили истинныхъ гражданъ, указали имъ цѣль, къ которой должно стремиться. Итакъ, писатели не только не произвели революціи, но въ революціи спасли Францію, показавъ исходъ изъ лабиринта всеобщаго волненія. Если Сена послужила могилою для цѣлыхъ семействъ, бросавшихся въ нее отъ голода; если улицы Парижа наполнены были день и ночь грабителями и убійцами; если кредитъ окончательно упалъ и во всемъ былъ страшный недостатокъ, то писатели въ этомъ отнюдь не повинны. Если я спокоенъ и счастливъ, говори мнѣ философъ что̀ угодно, я не пожертвую своимъ настоящимъ благосостояніемъ для неизвѣстнаго будущаго: такъ думаетъ народъ. Итакъ, писатели спасли Францію отъ революціи, писатели одушевили героевъ, и величайшаго изъ нихъ Бонапарте, устроить благоденствіе народа и успокоить волненіе. Слѣдственно, истины, излагаемыя печатнымъ словомъ, полезны, и свободный ходъ къ нимъ не долженъ быть заграждаемъ» [331]).

Эта записка подана 9-го января 1804 года, а проектъ Озерецковскаго и Фуса 28-го января того же года. На запискѣ надпись правителя дѣлъ, Каразина: «По прочтеніи предварительно сей бумаги, министръ приказалъ оставить ее

безъ доклада въ главномъ правленіи училищъ». Неизвѣстно, читали ли ее Озерецковскій и Фусъ, и потому нельзя рѣшить, не имѣло ли хотя отчасти вліянія на происхожденіе знаменитаго двадцать перваго параграфа то мѣсто записки, въ которомъ авторъ утверждаетъ, что цензоръ естественно расположенъ все сколько-нибудь сомнительное объяснить въ худую сторону. «Цензоръ и простой гражданинъ—говоритъ анонимъ — смотрятъ на книги не одинаково. Простой просвѣщенный гражданинъ видитъ въ общихъ философскихъ положеніяхъ истины или заблужденія, однѣ признаетъ полезными, другія вредными, но вредными болѣе для самого писателя, показывающаго слабость своихъ умственныхъ способностей. Цензоръ же, напротивъ того, въ самыхъ важныхъ и общихъ истинахъ, чуждыхъ всякихъ частностей и личностей, видитъ опасность и расположенъ *толковать* ихъ *въ худую сторону*, увлекаясь или честолюбіемъ, или своенравіемъ, или боязнью потерять свое мѣсто», и т. д.

Изъ приведенныхъ мѣстъ записки видно, что авторъ ея смотрѣлъ на цензуру такими же глазами, какъ и Радищевъ, помѣстившій въ своемъ «Путешествіи изъ С.-Петербурга въ Москву» краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры. Рѣзкое осужденіе цензуры вообще, какъ порожденія темныхъ временъ, и указаніе на пробуждавшееся въ настоящую эпоху стремленіе къ истинѣ и свободѣ, напоминаетъ слова Радищева: «Цензура изобрѣтена на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшіе предѣлы, изобрѣтена властію, недовѣрчивою къ своему могуществу, на продолженіе невѣжества и мрака нынѣ, во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродныя ему оковы суевѣрія, когда истина блистаетъ паче и паче, когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества, когда старанія правительствъ стремятся къ истребленію заблужденій и къ открытію разсудку путей къ истинѣ». По самому способу выраженія записка неизвѣстнаго автора представляетъ много сходнаго съ книгою Радищева. То, чтó сказано въ запискѣ о ходѣ цензуры въ Россіи, служитъ какъ бы продолженіемъ статьи Радищева, сообщившаго о цензурѣ въ Англіи, Франціи, Германіи и обѣщавшемъ поговорить о русской цензурѣ въ другое время. Впрочемъ, въ позднѣйшемъ произведеніи

Радищева, написанномъ незадолго до его смерти, приговоры автора не столь уже рѣзки. Въ его проектѣ гражданскаго уложенія хотя и допускается свобода книгопечатанія, но съ различными ограниченіями, подвергающими виновныхъ отвѣтственности [332]).

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія не только въ обществѣ не замѣчалось особеннаго сочувствія къ цензурѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ на нее смотрѣли какъ на мѣру стѣснительную, не вполнѣ достигающую цѣли и необходимую только для предупрежденія другого, горшаго зла. Въ высшей степени замѣчателенъ проектъ доклада объ учрежденіи цензуры, принадлежащій тѣмъ же членамъ правленія, которые преимущественно участвовали въ разработкѣ цензурнаго вопроса,—Озерцковскому и Фусу.

«Разумная свобода книгопечатанія—говорится въ проектѣ—обѣщаетъ слѣдствія благія и прочныя; злоупотребленіе же ея приноситъ вредъ только случайный и скоропреходящій. Поэтому нельзя не сожалѣть, что правительства, самыя либеральныя по своимъ принципамъ, находятся иногда въ необходимости ограничивать свободу слова, побуждаясь къ тому примѣромъ, стеченіемъ обстоятельствъ и неотразимымъ вліяніемъ духа времени. Сожалѣніе усиливается при мысли, что такое ограничиваніе трудно удержать въ надлежащихъ предѣлахъ, и что оно, будучи доведено до крайности, становится положительно вреднымъ. Неоспоримо, что строгость цензуры всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія: истребляетъ искренность, подавляетъ умы, и, погашая священный огонь любви къ истинѣ, задерживаетъ развитіе просвѣщенія. Неоспоримо и то, что свобода мыслить и писать есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа, и что свободное высказываніе даже ложной мысли ведетъ только къ большему торжеству истины: едва заблужденіе отважится заговорить во всеуслышаніе, множество умовъ готово будетъ вступить съ нимъ въ гибельную для него борьбу.

«Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что истиннаго успѣха въ просвѣщеніи, прямого и прочнаго стремленія къ достижимому для человѣчества совершенству, можно ожидать только тамъ, гдѣ безпрепятственное употребленіе всѣхъ душевныхъ способностей даетъ свободу умамъ; гдѣ дозволяется открыто

разсуждать о важнѣйшихъ интересахъ человѣчества, объ истинахъ, наиболѣе дорогихъ человѣку и гражданину», и т. д. [333]).

Благодаря трудамъ и образу мыслей членовъ главнаго правленія училищъ, цензурный уставъ получилъ такой характеръ, который дѣйствительно сближалъ его съ любыми постановленіями о свободномъ книгопечатаніи. Уставъ 1804 года справедливо признается лучшимъ, и по формѣ, и по содержанію, въ сравненіи съ другими уставами о цензурѣ [334]). При появленіи своемъ онъ удовлетворилъ, повидимому, даже взыскательнымъ требованіямъ и смѣлымъ надеждамъ. Выраженіемъ взгляда писателей на новый уставъ можетъ отчасти служить отзывъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ литераторовъ и журналистовъ того времени, Каченовскаго. Въ статьѣ о книжной цензурѣ въ Россіи Каченовскій, приведя двадцать первый и двадцать второй параграфы устава, утверждалъ, что никогда не были приняты лучшія и надежнѣйшія мѣры для успѣховъ народнаго просвѣщенія, и пророчилъ русской словесности скорое обогащеніе памятниками изящнаго вкуса и учености. Отвергая мнѣніе Вольтера о томъ, что спокойствіе и благо общества не зависятъ отъ напечатанной книги [335]), Каченовскій признавалъ благодѣтельность цензуры, которою не стѣсняется свобода мыслить и писать. Уставъ, допускающій эту свободу, встрѣченъ былъ современниками тѣмъ съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, что явился въ такую пору, когда во многихъ странахъ Европы литература поставлена была въ самыя неблагопріятныя условія. Говоря словами автора замѣчательной статьи о русской цензурѣ,—французскіе писатели бросились изъ одной крайности въ другую: выхваляли блаженное состояніе невѣжества и быстрыми шагами отступали къ четырнадцатому вѣку; южная Германія и всѣ итальянскія государства, по долгу зависимости отъ Франціи и сообразуясь съ модою лицемѣрной набожности, господствовавшей при дворѣ Наполеоновомъ, шли по слѣдамъ своей путеводительницы; въ Испаніи инквизиція истребляла творенія великихъ писателей, а въ Австріи запрещенъ ввозъ *всѣхъ* иностранныхъ сочиненій [336]).

VIII.

Дѣйствіе перваго цензурнаго устава въ Россіи. — Вліяніе духа времени, личнаго взгляда главы министерства и постороннихъ обстоятельствъ.— Статьи о крѣпостномъ правѣ. — Баллада Жуковскаго: Ивановъ вечеръ.— Періодическія изданія.—Протестъ Россійской Академіи.—Разсужденіе Ломоносова о размноженіи и сохраненіи Русскаго народа.

Организовавъ цензуру, главное правленіе училищъ ввѣрило ее цензурнымъ комитетамъ, и только изрѣдка дѣлало распоряженія отъ своего имени, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда издатели заявляли неудовольствіе на рѣшенія комитетовъ, или же сами комитеты обращались въ министерство для разъясненія возникавшихъ по дѣламъ печати недоразумѣній.

Цензурѣ комитетовъ подлежали всѣ книги свѣтскаго содержанія безъ исключенія, хотя несмотря на многократныя запрещенія типографіямъ, появлялось довольно много мелкихъ сочиненій, на отдѣльныхъ листкахъ, безъ цензурнаго дозволенія [337]). Изъ массы издаваемыхъ книгъ особенному контролю главнаго правленія училищъ были подвергаемы, долго спустя по введеніи цензурнаго устава, тѣ сочиненія, которыя назначались въ пособіе при преподаваніи, учебники и руководства. Въ главномъ правленіи училищъ было заявлено, что нерѣдко частныя лица издаютъ по разнымъ предметамъ учебныя книги съ такими неисправностями и погрѣшностями, которыя вводятъ учащихся въ заблужденіе, оставляющее въ юныхъ умахъ вредное и неизгладимое впечатлѣніе. Хотя всѣ учебныя книги разсматриваются обыкновенною цензурой, но

она, строго придерживаясь устава, не можетъ и не имѣетъ права входить въ подробное разбирательство слога и другихъ свойствъ книги, отъ которыхъ зависитъ ея существенное достоинство. На этомъ основаніи признано полезнымъ вмѣнить издателямъ въ обязанность каждую учебную книгу предварительно представлять въ главное правленіе, и для разсмотрѣнія элементарныхъ и другихъ учебныхъ книгъ составить при главномъ правленіи особый комитетъ. Такимъ образомъ учрежденъ ученый комитетъ, начавшій дѣятельность свою совершенно въ духѣ времени, вызвавшемъ учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія [338]).

Цензурный уставъ 1804 года въ теченіе своего двадцатидвухлѣтняго существованія постепенно измѣнялся и утрачивалъ свой первоначальный характеръ вслѣдствіе различныхъ толкованій тѣхъ его статей, которыми до нѣкоторой степени ограждалась свобода книгопечатанія. Въ первые годы по обнародованіи устава, цензура шла, повидимому, рука объ руку съ литературою: по крайней мѣрѣ между ними не было того разлада, который такъ ярко бросается въ глаза впослѣдствіи. Писатели взялись за перо и, по ихъ собственному признанію, высказывали вещи, о которыхъ не рѣшились бы говорить печатно въ прежнія времена; отовсюду слышались сочувственные отзывы о странѣ, гдѣ никому не запрещалось обнаруживать истину на пользу и просвѣщеніе общества.

Ограниченія и запрещенія, явившіяся впослѣдствіи, вытекали изъ господствующаго настроенія эпохи. Начало царствованія императора Александра I во многомъ напоминало времена Екатерины, когда идеямъ энциклопедистовъ открытъ былъ свободный доступъ въ русское общество, и люди другого образа мыслей возбуждали, подобно Новикову, негодованіе и преслѣдованія. Одна изъ первыхъ мѣръ, повлекшихъ за собою одностороннее и отчасти произвольное толкованіе самыхъ существенныхъ параграфовъ устава, направлена была противъ изданія масонскихъ и мистическихъ сочиненій. Въ собраніи главнаго правленія училищъ представлено было, что цензурные комитеты, основываясь на статьѣ устава, дозволяющей скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества и прочаго, одо-

бряютъ къ напечатанію сочиненія мистическія, служащія къ заведенію сектъ, предвѣщательныя и другія, каковы сочиненія Штиллинга, Экартсгаузена, Сведенборга и другихъ. Поэтому главному правленію вмѣнено въ обязанность привести въ бо́льшую ясность означенную статью устава [339]). Масонскія сочиненія, даже самыя невинныя, допускались не иначе какъ съ нѣкоторыми ограниченіями, предварительными справками, и т. п. [340]).

Впрочемъ, масонскимъ и вообще мистическимъ сочиненіямъ не суждено было долго оставаться въ опалѣ. Переворотъ, происшедшій въ образѣ мыслей извѣстной части русскаго общества, содѣйствовалъ тому, что сочиненія съ бо́льшимъ или меньшимъ оттѣнкомъ мистицизма встрѣчали самый радушный пріемъ, одобреніе и поддержку. Сочиненія о внутреннемъ христіанствѣ, о всеобщемъ братствѣ и единеніи народовъ пользовались особенною благосклонностью цензуры, а книги противоположнаго направленія, особенно же враждебныя цѣли библейскихъ обществъ, подвергались ея неумолимому суду. Произведенія самаго нравственнаго, религіознаго содержанія были останавливаемы цензурой, если въ нихъ заключалась защита одного какого-либо исповѣданія, несогласная съ стремленіемъ къ единой, отвлеченной религіи всего человѣчества. Эстетическія разсужденія Ансильйона вызвали полемику, въ которой принялъ участіе архіепископъ рязанскій, но замѣчанія его были задержаны за находившіеся въ нихъ отзывы о католичествѣ и сужденія о предметахъ, которые могутъ возбудить соблазнъ и слабыхъ повести къ паденію [341]). Виленской цензурѣ сдѣлано было замѣчаніе за пропускъ ею «Письма лиссабонскаго раввина къ раввину брестскому» и «Разсужденія, позволительно ли всѣмъ безъ изъятія читать книги св. писанія, печатаемыя на простонародномъ языкѣ». Первое сочиненіе, написанное темно, вызвало брошюру подъ названіемъ: «Простой отвѣтъ простого христіанина, однакожь вѣрнаго, на невѣрное письмо жидовское, недавно напечатанное въ Вильнѣ подъ именемъ письма раввина лиссабонскаго къ раввину брестскому». Разсужденіе же, отрицающее право всѣхъ и каждаго читать св. писаніе на родномъ языкѣ, явилось вскорѣ послѣ открытія Виленскаго библейскаго общества, и много повредило успѣху его

дѣйствій. Профессоръ Гродекъ, пропустившій въ качествѣ цензора письмо раввина, представилъ по этому поводу такое объясненіе. Письмо сочинено было вслѣдствіе оклеветанія общества франкмасоновъ однимъ изъ тамошнихъ проповѣдниковъ. Авторъ письма старается доказать, что общество это не только не имѣетъ цѣлью сопротивляться святымъ законамъ христіанской религіи, но, напротивъ того, основнымъ догматомъ своимъ полагаетъ почитаніе христіанства, усердную любовь къ ближнему, призрѣніе страждущихъ, нищихъ и злополучныхъ. Заставляя писать и говорить раввина, авторъ не могъ навязать ему мыслей, противныхъ его состоянію, характеру и религіи. Будучи убѣжденъ въ хорошемъ намѣреніи письма и на основаніи двадцать перваго параграфа устава, Гродекъ далъ цензурное разрѣшеніе. Изъ объясненій цензора Голянскаго видно, что замѣчанія о чтеніи библіи пропущены имъ потому, что касаются только римско-католическаго исповѣданія, а римская церковь не допускаетъ свободнаго чтенія книгъ св. писанія [342]). Сильнымъ нареканіямъ, запрещенію и преслѣдованію подверглась книга Станевича: «Бесѣда на гробѣ младенца о безмертіи души». «Признаюсь, я удивленъ былъ, — писалъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, — какъ могла книга такого содержанія быть одобрена цензурою. Къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца авторъ привязалъ защищеніе греко-россійской церкви, на которую никто не нападаетъ. Книга наполнена защитою наружной церкви противъ внутренней: раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ, ибо наружная церковь безъ внутренней есть тѣло безъ души; превратно представлено понятіе о церкви, за которую принимается одно только духовенство», и т. п. [343]). Осужденная книга была запрещена, и всѣ экземпляры ея отобраны; цензору, пропустившему ее, сдѣланъ строжайшій выговоръ, а сочинитель ея высланъ изъ столицы.

Едва только преемникъ лица, безпощадно осудившаго книгу Станевича, вступилъ въ управленіе министерствомъ, она снова подвергнута была разсмотрѣнію, которое на этотъ разъ привело къ ея полнѣйшему оправданію. Она признана произведеніемъ усерднаго сына церкви и отечества, съ неотразимою силою обличающаго мечтательное благочестіе и

мнимо-духовную свободу: велѣно было ее одобрить и даже напечатать на казенный счетъ. Снятіе запрещенія съ книги Станевича, вмѣстѣ съ изгнаніемъ Геснера и закрытіемъ библейскихъ обществъ, министръ Шишковъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ и благопріятнѣйшихъ признаковъ наступленія лучшаго времени. Но, къ сожалѣнію, самъ Шишковъ увлекся духомъ своего времени, понимая требованія его совершенно своеобразно. Доказывая, что писатели, подобные Вольтеру, Даламберу, Дидро, произвели французскую революцію и что въ появленіи у насъ декабристовъ сильно участвовала литература, Шишковъ громилъ и раціоналистовъ, и мистиковъ, послѣдователей Новикова и Лопухина, въ кругу которыхъ отчасти происходило образованіе его литературнаго противника, Карамзина [344]). Смѣло требуя свободнаго пропуска вещей, считавшихся опасными и возмутительными, Шишковъ въ свою очередь примѣнялъ къ научнымъ изслѣдованіямъ несвойственныя имъ понятія о пользѣ или безполезности сочиненія. Академикъ Германъ читалъ въ засѣданіяхъ Академіи Наукъ изслѣдованіе свое о числѣ смертоубійствъ и самоубійстъ въ Россіи въ теченіе 1819 и 1820 года. По его исчисленіямъ, всего болѣе какъ смертоубійствъ, такъ и самоубійствъ приходится на долю губерній: Курской, Рязанской, Казанской и Тамбовской; всего менѣе—на долю Костромской и Саратовской. Статистическія цифры заимствованы Германомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ. Важность научныхъ изысканій о насильственной смертности авторъ доказываетъ тѣмъ, что ими до нѣкоторой степени опредѣляется нравственное и политическое состояніе народа, ибо главнымъ источникомъ преступленій служатъ обыкновенно крайности: дикость нравовъ или ихъ эгоистическая утонченность, невѣріе или фанатизмъ, анархія или гнетъ, крайняя бѣдность или чрезмѣрная роскошь. Чрезвычайно рѣдкіе случаи умерщвленія новорожденныхъ и смертоубійствъ, совершаемыхъ членами семейства, служатъ, по мнѣнію автора, признакомъ добрыхъ нравовъ жителей внутреннихъ губерній Россіи [345]). Несмотря на подобный выводъ, лестный для патріотическаго чувства Шишкова, которое было развито у него до высочайшей степени, статистика убійствъ показалась ему возмутительною. Препровождая мемуаръ Германа,

Шишковъ пишетъ: «Статью о исчисленіи смертоубійствъ и самоубійствъ, приключившихся въ два минувшіе года въ Россіи, почитаю не токмо ни къ чему ненужною, но и вредною. Первое: какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? Второе: по какимъ доказательствамъ всякій читатель можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? Третье: къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобы колеблющійся преступникъ, видя предъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того одобреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародыванію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто прислалъ ихъ для напечатанія, отослать назадъ съ замѣчаніемъ, чтобъ и впредь надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе» [346]).

Кромѣ личнаго взгляда главы министерства, на способъ примѣненія устава оказывали еще вліяніе постороннія обстоятельства и столкновеніе съ другими вѣдомствами. Надзоръ за типографіями, книгопродавцами, книгами, журналами и газетами ввѣренъ былъ министерству полиціи, имѣвшему право и обязанность указывать въ пропущенныхъ цензурою книгахъ мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, и опасныя для общественнаго порядка и спокойствія [347]).

По предложенію министра полиціи, цензурнымъ комитетамъ было запрещено, между прочимъ, пропускать статьи объ игрѣ актеровъ. Въ 1815 году нѣсколько друзей-литераторовъ предприняли ежемѣсячное изданіе литературнаго и критическаго журнала подъ названіемъ: *Вѣстникъ Словесности*. Въ журналѣ предполагались три отдѣла: словесность, критика и смѣсь. Въ первомъ отдѣлѣ — историческія происшествія, разсужденія, письма, повѣсти, разговоры, посланія, эклоги, басни, пѣсни; во второмъ — разборъ сочиненій и переводовъ, критическія изслѣдованія и замѣчанія и иногда *судъ о театрѣ;* въ третьемъ — предметы исторіи и статистики, извлеченія изъ иностранныхъ книгъ и журналовъ, анекдоты, извѣстія о благотворительности, и т. п. Управляю-

щій министерствомъ полиціи, Вязмитиновъ, увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что новый журналъ *можно бы почесть излишнимъ*, судя по множеству издаваемыхъ въ семъ году періодическихъ сочиненій, тѣмъ не менѣе къ изданію его не встрѣчается особенныхъ препятствій. Только составъ второго отдѣла возбудилъ сильное сомнѣніе, разрѣшившееся запрещеніемъ театральной хроники. «Я такого мнѣнія, — писалъ Вязмитиновъ, — что позволительны сужденія о театрѣ и актерахъ, когда бы оные зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденія объ Императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся въ службѣ Его Величества, я почитаю неумѣстными во всякомъ журналѣ». Съ этимъ мнѣніемъ согласился министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій, предписавшій С.-Петербургскому и Московскому цензурнымъ комитетамъ, чтобъ они не позволяли печатать въ журналахъ ничего касательно Императорскаго театра и актеровъ [348]). Въ 1823 году снова поднятъ былъ вопросъ о правѣ литературныхъ органовъ разбирать театральныя пьесы и ихъ исполненіе на сценѣ. Московскій военный генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи печатать въ московскихъ журналахъ критическія статьи объ игрѣ актеровъ и самихъ пьесахъ. При обсужденіи этого вопроса въ комитетѣ министровъ, министръ финансовъ Канкринъ отозвался, что онъ не находитъ никакой надобности запрещать помѣщеніе въ журналахъ критическихъ статей объ игрѣ актеровъ и о даваемыхъ на театрѣ пьесахъ, ибо критика необходима для усовершенствованія искусствъ и художествъ. Мнѣніе министра финансовъ поддержано было предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта Николаемъ Семеновичемъ Мордвиновымъ и С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ; но большинство членовъ комитета высказалось въ противоположномъ смыслѣ, и распоряженіе графа Разумовскаго осталось въ прежней силѣ [349]).

По вызову того же министра полиціи запрещенъ былъ романъ Нарѣжнаго: Россійскій Жильблазъ. Увлеченный примѣромъ Лесажа и его многочисленныхъ подражателей, Нарѣжный рѣшился, говоря его словами, вывести на показъ русскимъ людямъ русскаго же человѣка, полагая, что го-

раздо естественнѣе принимать участіе въ дѣлахъ земляка, нежели иноземца. Почему Лесажъ — прибавляетъ авторъ — не могъ этого сдѣлать, всякій догадается; за нѣсколько десятковъ лѣтъ и у насъ нельзя было отважиться описывать безпристрастно наши нравы. Попытка Нарѣжнаго обратила на себя вниманіе цензуры, осудившей многія мѣста въ третьей части книги [350]). По поводу сочиненія Нарѣжнаго, глава министерства, графъ Разумовскій высказалъ свой взглядъ на беллетристику вообще. «Между издаваемыми вновь романами,—говоритъ онъ,—выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой-либо статьѣ цензурнаго устава, но вообще по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ, могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ хотя повидимому и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе было бы вовсе не упоминать. Каково бы ни было литературное достоинство романовъ, они только тогда могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно нравственную цѣль» [351]).

Хотя уставъ предоставлялъ полную свободу основательному и добросовѣстному обсужденію вопросовъ, касающихся государственной жизни, администраціи и учрежденій страны, но въ примѣненіи этой свободы къ дѣлу встрѣчались различныя препятствія. Событія политическія, отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, конституціонныя начала и въ особенности крѣпостное право включены были въ кругъ тѣхъ предметовъ, которые не подлежали суду и разбору печати.

По заключеніи мира съ Франціей послѣдовало требованіе соблюдать въ печати должное уваженіе къ особѣ Наполеона. Въ замѣткахъ о политическихъ происшествіяхъ не допускались личныя соображенія автора, хотя бы и весьма близко знакомаго съ дѣломъ. Въ мартовской книжкѣ «*Русскаго Вѣстника*» 1808 г., издаваемаго Сергѣемъ Глинкою, сказано было: «Въ продолженіе прошедшаго похода Наполеонъ всегда былъ близокъ къ погибели, и чѣмъ далѣе заходилъ,

тѣмъ опасность его становилась ужаснѣе, неизбѣжнѣе... Если бы миролюбивый Александръ не пожертвовалъ невѣрною союзницей благоденствію своей имперіи, то до сихъ поръ Богъ знаетъ гдѣ бы былъ непобѣдимый Наполеонъ и великая армія великой націи... Теперь поднялась завѣса, и всѣ узнали, что прусскимъ кабинетомъ управлялъ Талейранъ; что прусскими силами располагалъ Талейранъ; что онъ нарочно поссорилъ сіе королевство со всѣми державами: съ Австріею, Россіею, Швеціею, Англіею; такъ усыпилъ Фридриха Вильгельма надеждою на миръ, что онъ вступилъ въ сраженіе въ твердомъ увѣреніи, что все кончится дружелюбно. Теперь извѣстно, что измѣна генераловъ и комендантовъ—чего благодаря Бога, въ Россіи еще не случалось и долго не случится—не менѣе геройскаго мужества и быстроты Наполеона способствовали завоеванію Пруссіи». Подобные отзывы вызвали со стороны министерства замѣчаніе: «Таковыя выраженія неприличны и предосудительны настоящему положенію, въ какомъ находится Россія съ Франціей. Почему строжайшимъ образомъ предписать цензурному комитету, дабы воздержался позволять въ періодическихъ и другихъ сочиненіяхъ оскорбительныя разсужденія, и проходилъ бы изданія съ наибольшею строгостью по матеріямъ политическимъ, которыхъ близко видѣть не могутъ сочинители, и увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ» [352]). Всѣмъ учебнымъ округамъ предписано было, чтобы «цензуры не пропускали никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія» [353]).

О конституціяхъ не дозволялось печатать не только тогда, когда въ сочиненіи выражалось сочувствіе къ конституціонному порядку вещей, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлью автора было доказать превосходство неограниченной монархіи въ сравненіи съ конституціонною. Въ Петербургскій цензурный комитетъ представлена была рукопись подъ названіемъ: «Нѣчто о конституціяхъ», авторъ которой не объявилъ своего имени; впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что она есть произведеніе Магницкаго. Комитетъ не рѣшился ее одобрить, во-первыхъ, потому что не находилъ ни нужнымъ, ни полезнымъ, ни даже приличнымъ въ госу-

дарствѣ съ самодержавнымъ образомъ правленія публично разсуждать о конституціяхъ. Во-вторыхъ, нѣкоторыя сужденія объ этомъ предметѣ могутъ показаться непріятными для союзныхъ съ Россіею иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное. Въ-третьихъ, изданіе въ свѣтъ подобнаго сочиненія на русскомъ языкѣ, хотя и написаннаго въ духѣ самодержавнаго правленія, можетъ подать поводъ въ періодическихъ изданіяхъ и другихъ книгахъ писать о конституціи, а публикѣ — дѣлать свои выводы и превратно объяснять появленіе у насъ подобнаго рода вещей. Въ-четвертыхъ, наконецъ, въ министерскомъ предписаніи, объяснено, что обо всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому лучше извѣстно, что́ и когда сообщить публикѣ; частнымъ же лицамъ не слѣдуетъ писать о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то́, и другое, нерѣдко бываетъ озинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ и заключеніямъ [354]).

Крѣпостное право, составляя одно изъ самыхъ важныхъ и вмѣстѣ самыхъ печальныхъ явленій государственной и общественной жизни того времени, естественно привлекало къ себѣ вниманіе всякаго мыслящаго человѣка. Стремленіе къ свободѣ, заявляемое и представителями умственнаго движенія въ русскомъ обществѣ, и органами власти, не легко могло слиться съ тѣмъ вопіющимъ отрицаніемъ свободы, которое представляла тогдашняя дѣйствительность. Неправильность отношеній между крестьянами и землевладѣльцами бросалась въ глаза, и въ обществѣ, въ его лучшей и образованнѣйшей части носилась и постепенно созрѣвала мысль о необходимости освобожденія крестьянъ. Надежда на скорое осуществленіе завѣтной мысли усиливалась съ каждою новою мѣрой для развитія промышленныхъ и умственныхъ силъ народа. Общественное мнѣніе, настроенное на извѣстный ладъ, расположено было открывать признаки соціальнаго переворота въ различныхъ постановленіяхъ правительства, имѣющихъ бо́льшую или меньшую связь съ освобожденіемъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого возникали недоразумѣнія, жертвою которыхъ дѣлались писатели, затрогивавшіе общественные вопросы. За переводъ книги объ условіяхъ помѣщиковъ съ

крестьянами пострадалъ Анастасевичъ. За лекціи объ экономической сторонѣ крестьянскаго вопроса подвергся гоненію Арсеньевъ. Сочувствіе къ освобожденію крестьянъ и сознаніе благодѣтельныхъ послѣдствій этой мѣры, высказанное въ литературѣ, повело къ запрещенію книги Пнина, и послужило источникомъ непріятностей для профессора Черепанова, и т. д.

Литераторъ и журналистъ конца восемнадцатаго и начала девятьнадцатаго вѣка, Иванъ Петровичъ Пнинъ (1773—1805) принадлежалъ къ поколѣнію писателей, знакомившихъ русское общество съ произведеніями европейскихъ публицистовъ, съ основаніями и условіями правильнаго политическаго устройства. Разсужденія, большею частью метафизическія, о предметахъ, относящихся къ государственному организму вообще и къ области политической экономіи въ особенности, часто появлялись въ литературѣ того времени. Не ограничиваясь метафизикой общественнаго устройства, нѣкоторые писатели старались выйдти на болѣе реальный путь, и мысли, вычитанныя изъ Монтескье, Беккарія, Кондорсе и другихъ, пытались примѣнить, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, къ требованіямъ русской дѣйствительности. Въ періодическомъ изданіи Пнина, выходившемъ подъ названіемъ «*Петербургскаго Журнала*», появлялись, вмѣстѣ со стихами и баснями, статьи преимущественно переводныя, изъ круга политической экономіи и сродныхъ съ нею наукъ. Въ литературномъ отдѣлѣ журнала Пнина замѣчательнымъ вкладомъ была исповѣдь Фонъ-Визина и его письма изъ-за границы; въ политическомъ же отдѣлѣ были помѣщены: отрывки изъ Монтескье съ замѣчаніями на Esprit des lois, извлеченіе изъ книги графа Верри, сотрудника Беккарія, объ умноженіи и уменьшеніи государственнаго богатства, главныя побужденія торговли и первоначальныя основанія цѣны, о купеческихъ и художническихъ обществахъ, подробное изложеніе содержанія книги Стюарта (Jacques Stevart)— «Изслѣдованія началъ политической экономіи», и т. д. Преобразованія, совершавшіяся въ первые годы царствованія Императора Александра I, мѣры для распространенія знаній въ обществѣ, обширный планъ народнаго образованія, представленный въ «предварительныхъ правилахъ народнаго про-

свѣщенія», невольно вызывали писателей высказывать свой взглядъ на предметъ, возбуждавшій общее сочувствіе. Подъ вліяніемъ духа времени Пнинъ изложилъ, съ соціальной точки зрѣнія, свои мысли о томъ, въ чемъ должно состоять просвѣщеніе, что̀ можетъ наиболѣе ему способствовать и въ одинаковой ли степени оно должно быть распространяемо между всѣми слоями русскаго общества. Сочиненіе свое Пнинъ издалъ подъ названіемъ: «Опыта о просвѣщеніи относительно къ Россіи» [355]). Признавая тѣснѣйшую связь просвѣщенія народа съ его политическимъ состояніемъ и образомъ правленія и управленія, авторъ полагаетъ, что успѣхи образованности нельзя измѣрять числомъ ученыхъ и литераторовъ. По его понятію, истинное просвѣщеніе состоитъ въ равновѣсіи общественныхъ силъ, въ непреложномъ исполненіи долга, лежащаго на каждомъ членѣ государственнаго организма. Какъ ни многоразличны законы, управляющіе государствомъ, они должны стремиться къ одной главной цѣли — охраненію правъ собственности и личной безопасности гражданина. Гдѣ нѣтъ собственности, тамъ всѣ законы существуютъ только на бумагѣ. «Собственность, восклицаетъ авторъ, — священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ». Право собственности даетъ твердую опору законамъ; законы произошли отъ гражданскихъ обществъ, а общества явились вслѣдствіе неравенства силъ человѣческихъ. Этимъ неравенствомъ условливается различіе сословій и различіе потребностей каждаго изъ сословій. Авторъ, имѣя отчасти въ виду предварительныя правила народнаго просвѣщенія, предлагаетъ планъ умственнаго и нравственнаго образованія для четырехъ сословій: земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго и духовнаго [356]). Назвавъ русскія сословія, Пнинъ замѣчаетъ, что одно изъ нихъ, именно земледѣльческое, находится въ страдательномъ состояніи, будучи отдано во власть рабовладѣльцевъ, поступающихъ съ подвластными людьми хуже чѣмъ со скотомъ. Важнѣйшій пред-

метъ законодательства заключается въ настоящую минуту въ огражденіи правъ собственности земледѣльческаго класса; оно одно можетъ открыть ему путь къ истинному просвѣщенію. Рисуя печальную картину крестьянскаго быта, авторъ порицаетъ многія явленія въ бытѣ другихъ сословій, не щадитъ и системы управленія вообще во всѣхъ ея отрасляхъ. О купцахъ говорится, что они не поддерживаютъ другъ друга въ несчастныхъ случаяхъ: богатый купецъ, видя неудачу и гибель своего собрата, не только не подаетъ ему руку помощи, но еще спѣшитъ притѣснить его, чтобы воспользоваться его несчастіемъ. Въ службу гражданскую, по словамъ автора, опредѣляютъ безъ всякаго разбора; чины и мѣста раздаютъ людямъ, едва умѣющимъ читать и подписывать свое имя; люди же достойные избѣгаютъ службы, опасаясь попасть подъ начальство господъ, заслуживающихъ не почета, а презрѣнія, и т. д. Книга Пнина была напечатана съ дозволенія Петербургскаго гражданскаго губернатора, въ 1804 году, и когда въ томъ же году понадобилось новое изданіе, что́ доказываетъ ея успѣхъ, она представлена была въ цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями. Комитетъ отвергъ и книгу, и дополненія къ ней, мотивируя отказъ свой слѣдующимъ образомъ. Приведя слова автора: «Насильство и невѣжество, составляя характеръ правленія Турціи, не имѣя ничего для себя священнаго, губятъ взаимно гражданъ, не разбирая жертвъ», цензоръ прибавляетъ: «Хочу вѣрить, что эту мрачную картину списалъ авторъ съ Турціи, а не съ Россіи, какъ то иному легко показаться можетъ; но и для турецкаго правленія это язвительная клевета, будто народъ сей не имѣетъ ничего для себя священнаго и губитъ себя взаимно, не разбирая жертвъ». Главный доводъ, приводимый комитетомъ противъ книги Пнина, заключается въ томъ, что «авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши... Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія. Мудрые

наши монархи усмотрѣли его давно, но зная, что сильный переломъ всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь чрезъ то еще бо̀льшаго бѣдствія. Правительство дѣйствуетъ въ семъ случаѣ подобно искусному врачу: мѣры его кротки и медленны, но тѣмъ не менѣе безопасны и спасительны. Еслибы сочинитель нашелъ или думалъ найдти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе къ предполаемой имъ цѣли, то-есть къ истребленію рабства въ Россіи, то приличнѣе бы было предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіею черную, губительную тучу». Изъ этихъ словъ видно какъ то, что въ оффиціальныхъ кругахъ господствовала увѣренность въ положительномъ намѣреніи правительства освободить крестьянъ, такъ и то, что предоставлена была возможность подвергать обсужденію власти различные проекты уничтоженія крѣпостнаго права. Замѣчательно, что цензурный комитетъ, осуждая рѣзкіе отзывы о судьбѣ крестьянскаго населенія, посмотрѣлъ на дѣло съ той же точки зрѣнія, какая выражается въ словахъ Пушкина о Радищевѣ: «Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе; не лучше ли было бы представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ [357])». Цензура начала девятнадцатаго вѣка высказываетъ свою мысль еще рѣшительнѣе, нежели Пушкинъ: Пушкинъ допускалъ только улучшеніе крестьянскаго быта, а цензоръ находилъ полезнымъ и возможнымъ полное, хотя и постепенное, истребленіе рабства. Приговоръ цензуры вызвалъ протестъ со стороны автора. Въ объясненіи своемъ, представленномъ въ главное правленіе училищъ по поводу «Опыта о просвѣщеніи», Пнинъ говоритъ: «Всякій писатель, пишущій о предметахъ государственныхъ, никогда не долженъ терять изъ виду будущее. Ибо цѣлый народъ никогда не умираетъ, ибо государство, какимъ бы ни было подвержено сильнымъ потрясеніямъ, перемѣняетъ только видъ свой, но вовсе никогда не истребляется. И потому сочинитель обязанъ истины, имъ придусматриваемыя, представлять такъ, какъ онъ на-

ходитъ ихъ. Онъ долженъ въ семъ случаѣ послѣдовать искусному живописцу, коего картина тѣмъ совершеннѣе бываетъ, чѣмъ краски, имъ употребляемыя, соотвѣтственнѣе предметамъ, имъ изображаемымъ. Впрочемъ, все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности, всѣ истины, къ сему предмету относящіяся, почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великія Екатерины. Она внушила мнѣ оныя. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе. Рукописное дополненіе, сдѣланное мною по волѣ Монарха, заключаетъ въ себѣ опредѣленіе крестьянской собственности, примѣненное мною къ настоящему положенію вещей [358])».

Новую строгость въ отношеніи статей по крестьянскому вопросу вызвали смуты въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и въ особенности происшествіе при продажѣ крестьянъ Кочубея изъ однѣхъ рукъ въ другія. Помѣщикъ Кочубей продалъ крестьянъ помѣщику Кирьякову, который перевелъ ихъ изъ Полтавской губерніи въ Херсонскую. Крестьяне не хотѣли повиноваться, и не покорились даже и тогда, когда покупщикъ отъ нихъ отказался, и они остались за прежнимъ владѣльцемъ. Предписано было наказать виновныхъ при собраніи одновотчинниковъ и сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ и подтвердить, что малѣйшее неповиновеніе помѣщичьей власти повлечетъ строгое наказаніе, которое, не ограничиваясь лично зачинщиками, можетъ простираться и на ихъ семейства. Но всѣ крестьяне, обоего пола, даже малолѣтные, остались непреклонными. Напрасны были увѣщанія чиновниковъ, представлявшихъ имъ ужасное положеніе, въ которое ввели они себя своимъ упорствомъ: дома стояли безъ крышъ, безъ окошекъ и даже безъ дверей; хлѣба вовсе не имѣли; въ дворахъ не было ни скота, ни птицы. При самомъ совершеніи наказанія, когда палачъ грозилъ всему обществу тою же участью, никто не обнаружилъ ни смущенія, ни робости. Крестьяне сохранили совершенное спокойствіе и не обнаружили ни малѣйшаго сопротивленія и дерзости; когда же уполномоченный отъ помѣщика предложилъ имъ хлѣбъ и другія вспомоществованія, они отказались принять ихъ, говоря, что полагаются на волю Божію и на свою судьбу. Вслѣдствіе такого поступка крестьянъ Кочубея предписано

было попечителямъ учебныхъ округовъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не были пропускаемы цензурою сочиненія, касающіяся до политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи. Въ историко-статистическомъ журналѣ, выходившемъ въ Москвѣ, помѣщена была переведенная съ нѣмецкаго статья подъ названіемъ: «Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ Россійскомъ государствѣ». Главнѣйшимъ залогомъ благосостоянія Россіи авторъ полагаетъ открытіе училищъ и освобожденіе крестьянъ. Въ царствованіе Императора Александра I—замѣчаетъ авторъ—учреждено пять университетовъ, пятьдесятъ восемь гимназій и сто уѣздныхъ училищъ, кромѣ множества народныхъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній. Главное средство къ возведенію Русскаго государства на высшую степень просвѣщенія и благосостоянія заключается въ томъ, чтобы исподоволь и съ благоразуміемъ доставить крестьянамъ бо́льшую свободу и даровать имъ въ полной мѣрѣ права, принадлежащія имъ, какъ людямъ и существамъ разумнымъ. Въ тысячѣ восьмистахъ городахъ живетъ въ Россіи шесть милліоновъ гражданъ, наслаждающихся полною гражданскою свободой; многіе крѣпостные получили свободу отъ рабства съ согласія своихъ господъ; крестьянамъ позволено покупать свою свободу; постепенное уничтоженіе крѣпостного права начато уже на окраинахъ государства, откуда исподоволь можетъ распространиться и во внутренніе предѣлы страны [359]). Пропуская эту статью, цензоръ, профессоръ Черепановъ, не опасался никакихъ послѣдствій, и считалъ себя даже не въ правѣ задержать статью, написанную съ полнымъ сочувствіемъ и глубочайшимъ уваженіемъ къ дѣйствіямъ русскаго правительства. Черепановъ руководствовался, по его собственному объясненію, двадцать первымъ параграфомъ устава, и притомъ видѣлъ подтвержденіе словъ автора въ начинавшемся освобожденіи крестьянъ въ Курляндіи, о чемъ напечатано въ томъ же гамбургскомъ журналѣ, откуда переведена статья объ успѣхахъ земледѣлія и благосостоянія въ Россіи. Несмотря на это, главное правленіе училищъ, имѣя въ виду распоряженіе по поводу крестьянъ Кочубея, обвинило цензора за пропускъ статьи, заключающей въ себѣ неприличныя разсужденія о видахъ правительства, и профессоръ Че-

репановъ удаленъ былъ отъ званія цензора, а какъ по уставу оно соединялось съ должностью декана, то воспрещено было избираніе Черепанова въ деканы [360]).

Обычнымъ поводомъ къ недоразумѣніямъ между цензурою и писателями служили преимущественно второй, пятнадцатый и восьмнадцатый параграфы устава, изъ которыхъ первымъ требовалось удалять книги и сочиненія, не ведущія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, а двумя другими—запрещать вещи, противныя нравственнымъ началамъ благопристойности, личной чести и политическому устройству страны [361]). На этомъ основаніи запрещены или только временно задержаны, съ требованіемъ перемѣнъ: «Эгмонтъ» — Гёте, «Замокъ Смальгольмъ» — Жуковскаго и др.

Разсмотрѣвъ доставленную изъ нѣмецкаго театра трагедію Гёте: «Эгмонтъ», цензоры не одобрили ея къ представленію на сценѣ, потому что въ пьесѣ находятся многія пренія о правахъ государей на ихъ подданныхъ, и содержаніе ея заключается въ возмущеніи Нидерландцевъ, которое, вмѣсто того чтобы внушить зрителямъ повиновеніе правительству, можетъ возбудить въ нихъ совсѣмъ противныя чувства [362]). Тогда же запрещена была къ представленію на сценѣ драма Вернера: Doctor Martin Luther oder die Weihe der Kraft — за колкія выраженія противъ католичества. Если уставомъ запрещается,—говоритъ цензоръ, —всякое сочиненіе, оскорбляющее личную честь гражданина, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ запрета такое сочиненіе, въ которомъ исповѣдующіе римско-католическую религію, терпимую нашимъ правительствомъ, оскорбляются язвительнымъ осмѣяніемъ. Въ пьесѣ происходятъ различные споры о духовныхъ предметахъ и выводятся на сцену: кардиналы, папскіе нунціи, епископы, монахи, монахини, и наконецъ, полный соборъ церковный, судившій Лютера и его ученіе [363]).

Литературный процессъ Жуковскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по имени писателя и достоинству его произведенія, такъ и потому, что баллада Жуковскаго разсмотрѣна комитетомъ со всевозможною подробностью, переводъ сличенъ самымъ точнымъ образомъ съ оригиналомъ, къ разбору примѣнены не только цензурныя постановленія, но и требованія литературной критики того времени.

Баллада Жуковскаго: «Замокъ Смальгольмъ», названная первоначально, какъ и въ оригиналѣ, Ивановымъ вечеромъ, переведена изъ Вальтеръ-Скотта. Изъ иностранныхъ писателей, переводимыхъ Жуковскимъ, постояннымъ и глубокимъ сочувствіемъ русскаго поэта пользовался Вальтеръ-Скоттъ. По чистотѣ нравственныхъ началъ и благотворному вліянію на душу человѣка, творенія Вальтеръ-Скотта Жуковскій сравниваетъ съ исторіею Карамзина, которую называетъ вѣчнымъ завѣщаніемъ на любовь ко благу и правдѣ, на вѣру въ Бога и благоговѣніе передъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ. «Съ благодарностью сердца, — говоритъ Жуковскій, — укажу на нашего современника Вальтеръ-Скотта: поэтъ въ прямомъ значеніи сего званія, онъ будетъ жить во всѣ времена благотворителемъ души человѣческой. Онъ до всего коснулся, отъ самаго низкаго и безобразнаго до самаго возвышеннаго и божественнаго и все изобразилъ съ простодушною вѣрностію, нигдѣ не нарушилъ съ намѣреніемъ истины, нигдѣ не оскорбилъ красоты, во всемъ удовлетворялъ требованіямъ искусства. Но посреди этого очарованнаго міра, самое очаровательное есть онъ самъ, его свѣтлая, чистая, младенчески-вѣрующая душа. Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги, съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту и знаешь, какое назначеніе души твоей» [364]). При такомъ идеальномъ воззрѣніи на знаменитаго англійскаго писателя, Жуковскій далекъ былъ отъ мысли подвергнуться за свой выборъ упреку въ художественномъ или нравственномъ отношеніи. Но переводъ его подпалъ осужденію преимущественно за отсутствіе въ немъ, по мнѣнію цензуры, всякой нравственной цѣли. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Жуковскій въ письмѣ своемъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, изъ Царскаго Села, отъ 17-го августа 1822 года:

«Я на сихъ дняхъ отдалъ для напечатанія въ листахъ *Инвалида* мой переводъ одной баллады англійскаго стихотворца Вальтеръ-Скотта: The Eve of saint John — Ивановъ вечеръ. Сія баллада давно извѣстна; содержаніе оной заимствовано изъ древняго шотландскаго преданія; она переведена стихами и прозою на многіе языки, и до сихъ поръ

ни въ Англіи, гдѣ всѣ уважаютъ и нравственный характеръ Скотта, и цѣль всегда моральную его сочиненій, ни въ остальной части Европы никому не приходило на мысль почитать его балладу безнравственною или по чему-нибудь вредною для читателя. Нынѣ я узнаю съ удивленіемъ, что мой переводъ, въ коемъ соблюдена вся возможная вѣрность, не можетъ быть напечатанъ: слѣдовательно, цензура находитъ сіе стихотвореніе или безнравственнымъ, или противнымъ религіи, или оскорбительнымъ для правительства. Нужно ли мнѣ увѣрять, что для меня ничего не стòитъ отказаться отъ напечатанія нѣсколькихъ стиховъ: очень равнодушно соглашаюсь признать эту балладу не заслуживающею вниманія бездѣлкою; но слышать, что ее не печатаютъ, потому что она можетъ быть *вредна* для читателей, это совсѣмъ иное! Съ такимъ грозно-несправедливымъ приговоромъ я не могу и не долженъ соглашаться.

«Я не въ состояніи даже вообразить, на чемъ гг. цензоры основываютъ свое мнѣніе; но слышалъ, что ихъ между прочимъ въ слѣдующемъ стихѣ:

И ужасное знаменье въ столъ возжено!

пугаетъ слово *знаменье;* должно ли замѣчать, что слова *знаменье* и *знакъ* одно и то же, и что ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего предосудительнаго? Если же цензоры думаютъ, что слово *знаменье* исключительно принадлежитъ предметамъ священнымъ и не должно выражать ничего обыкновеннаго, то они ошибаются, и надобно отказаться отъ знанія русскаго языка, чтобы въ этомъ случаѣ съ ними согласиться. Еще сказываютъ о требованіи, чтобы я обряды греческой церкви, будто описанные въ балладѣ Вальтеръ-Скотта, замѣнилъ *обрядами шотландскими.* Такое требованіе для меня совсѣмъ непонятно. Во-первыхъ, описаны и англійскимъ поэтомъ, и мною не греческіе священные обряды, а римско-католическіе, ибо во время, къ коему относится происшествіе, разсказанное въ балладѣ, римское исповѣданіе было общее въ западной Европѣ: тогда не было реформатскихъ и того менѣе особыхъ шотландскихъ обрядовъ. Во-вторыхъ, еслибы даже въ семъ сочиненіи были описаны обряды греческаго богослуженія, то и въ этомъ можно ли

находить что-либо противное нравственности и нашей святой религіи? Богослужебные обряды описаны въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» и у насъ въ «Россіядѣ», «Владимірѣ», во многихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, и кто же думалъ за то упрекать авторовъ въ неуваженіи святыни? Смѣю думать, что я не менѣе цензоровъ знаю, сколь предосудительно представлять обряды церкви въ неприличномъ видѣ или съ намѣреніемъ ихъ унизить, сдѣлать смѣшными. Но есть ли что-нибудь подобное въ переведенной мною балладѣ Вальтеръ-Скотта! Я позволяю себѣ утверждать, что цѣль оной нравоучительная, и что въ разсказѣ и описаніяхъ соблюдено строгое уваженіе не только къ вѣрѣ и нравамъ, но и къ малѣйшимъ приличіямъ. Наконецъ, главный порокъ сей баллады, по мнѣнію гг. цензоровъ, есть заключеніе. Убійца отъ ревности и невѣрная жена скрываются другъ отъ друга и отъ свѣта въ уединеніи монастырскомъ; одинъ *дичится людей и молчитъ*; другая *не смѣетъ взглянуть на свѣтъ и грустна*: явное дѣйствіе раскаянія, въ тайнѣ терзающаго ихъ душу. Вотъ и все! И въ этомъ господа цензоры видятъ оскорбленіе монашескаго сана. Итакъ, мы въ угодность имъ должны думать, что раскаяніе не есть возвращеніе къ добродѣтели, что оно, изливаясь въ слезахъ предъ алтаремъ въ сихъ святыхъ обителяхъ, гдѣ все вѣщаетъ о смерти и вѣчности, слѣдственно о покаяніи, не можетъ своею таинственною силою примирить преступника съ небомъ,—такое мнѣніе противорѣчитъ не одному человѣческому разуму, а ученію Бога Спасителя! Какъ же утверждать, что писатель, представляющій злодѣя, заключившаго себя въ стѣнахъ монастырскихъ для покаянія, проповѣдуетъ противное вѣрѣ, что онъ оскорбляетъ святыню! Въ переводѣ моемъ нѣтъ точнаго слова *раскаяніе* единственно потому, что его нѣтъ и въ оригиналѣ, что я не хотѣлъ сдѣлать изъ стиховъ прозу и что самое слово здѣсь ни мало не нужно для полной ясности. Гг. цензоры видятъ ли въ моей балладѣ то, чего въ ней нѣтъ, или произвольно предполагаютъ въ ней дурное— не знаю! Во всякомъ случаѣ передъ такимъ обвиненіемъ нѣтъ оправданія!.. Покориться приговору цензуры значило бы признаться, что написанное мною (одинъ ли это стихъ или цѣлая поэма, все равно!) несогласно съ постановленіями

закона и что я не имѣю яснаго понятія о томъ, что противно или непротивно нравственности, религіи и благимъ намѣреніямъ правительства. Еслибы не было защиты противъ подобныхъ странныхъ и непонятныхъ обвиненій цензуры, то благомыслящему писателю, при всей чистотѣ его намѣреній, надлежало бы отказаться отъ пера и рѣшиться молчать: ибо въ противномъ случаѣ онъ не избѣжалъ бы незаслуженнаго оскорбленія передъ лицомъ своего отечества».

Цензурный комитетъ, вызванный письмомъ Жуковскаго на объясненіе, защищаетъ справедливость произнесеннаго приговора и подтверждаетъ его пространными и любопытными доказательствами, предлагая такого рода разборъ баллады Жуковскаго:

«Въ балладѣ представлены дѣйствія четырехъ лицъ: смальгольмскаго барона и его жены, рыцаря Кольдингама и баронова пажа.

«Смальгольмскій баронъ, увѣривъ свою жену, что онъ ѣдетъ поражать непріятелей Шотландіи, въ самомъ дѣлѣ уклоняется отъ исполненія долга защитника отечества, и вмѣсто сего пылаетъ мщеніемъ противу своего домашняго врага, рыцаря Кольдингама, нападаетъ на него скрытно и его убиваетъ. Похоронивъ убитаго Кольдингама, баронъ возвращается домой, и къ удивленію и досадѣ своей узнаетъ отъ молодаго пажа, присматривавшаго за женою барона, что убитый Кольдингамъ во время отлучки его имѣлъ ночныя свиданія съ его женою на отдаленныхъ скалахъ у маяка. Мужъ упрекаетъ въ семъ невѣрную жену словами:

А Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ
И беречься недобрыхъ гостей.

«Кольдингамъ, оскорбитель супружеской чести, измѣнически убитый смальгольмскимъ барономъ, уже погребенный и три дня и три ночи поминаемый священникомъ и монахами, имѣетъ, какъ сказано, ночныя свиданія съ женою барона на отдаленныхъ скалахъ у маяка, и въ послѣдній разъ является ей, по ея приглашенію, ночью предъ Ивановымъ днемъ, въ самой ея спальнѣ, при спящемъ подлѣ нея мужѣ, разсказываетъ ей о своей смерти и о томъ, что онъ осужденъ надолго бродить на пустынной скалѣ, гдѣ маякъ, у котораго видались они подъ защитою тьмы; наконецъ, увѣ-

ряетъ ее въ дѣйствительности своего явленія сильнымъ пожатіемъ ея руки, которую обжигаетъ пламеннымъ своимъ прикосновеніемъ, оставляя на ней навсегда черное пятно, а на столѣ ужасный и также возженный знакъ своихъ пальцевъ.

«Молодая жена барона представлена измѣняющею своему мужу въ супружеской вѣрности въ то самое время, когда она думаетъ, что мужъ ея сражается съ врагами Шотландіи; она въ то самое время имѣетъ частыя свиданья съ рыцаремъ Кольдингамомъ, уже убитымъ, сперва въ уединенномъ мѣстѣ, наконецъ, въ своемъ домѣ, куда она приглашаетъ его сими словами:

...... въ полуночный часъ
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ.
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ:
Онъ теперь на свиданьи иномъ.
Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь,
Онъ въ сраженьи забылъ про меня;
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
Накануне Иванова дня!

«Когда Кольдингамъ представляетъ невозможность имѣть предложенное ему женою смальгольмскаго барона свиданіе, то она уговариваетъ его къ сему еще такъ:

О! сомнѣніе, прочь! Безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
И тиха, и темна, и свиданьямъ она
Благосклонна въ молчаньи своемъ!
Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
Я крыльцо пересыплю травой;
И въ пріютѣ моемъ предъ Ивановымъ днемъ
Безопасенъ ты будешь со мной!

«Кольдингамъ еще отговаривается отъ ночнаго свиданья сими словами:

Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой;
Но священникъ есть тамъ, онъ не спитъ по ночамъ,
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.

«Жена смальгольмскаго барона ободряетъ рыцаря Кольдингама, чтобы онъ не боялся священника:

Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить.
Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
Будетъ три дня поминки творить.

«Кольдингамъ неохотно, но наконецъ соглашается исполнить желаніе жены смальгольмскаго барона:

Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть-можетъ, поминки по мнѣ.
Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы.

«Наконецъ, Кольдингамъ приходитъ къ женѣ барона, по ея назначенію, ночью передъ Ивановымъ днемъ. Она сперва смущается, увидя его своими глазами въ спальнѣ при спавшемъ тамъ мужѣ; потомъ, ободрясь словами Кольдингама, слушаетъ его разсказъ о совершенномъ надъ нимъ мужемъ ея убійствѣ, о трехдневныхъ поминкахъ, отправляемыхъ по немъ монахами, объ ужасномъ снѣ, который въ то самое время видитъ его убійца. Разсказъ Кольдингама и вмѣстѣ разговоръ съ нимъ жены спящаго въ то время барона оканчивается такъ:

И на долго во мглѣ, на пустынной скалѣ,
Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ!
Гдѣ видалися мы подъ защитою тьмы,
Тамъ скитаюсь одинъ мертвецомъ!
И сюда съ высоты не сошелъ бы; но ты
Заклинала Ивановымъ днемъ.
И она, помолясь и крестомъ оградясь,
Вопросила: но что же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ: ты спасенъ или нѣтъ?
Онъ печально потрясъ головой.
Выкупается кровью пролитая кровь—
То убійцѣ скажи моему.
Беззаконную небо караетъ любовь—
Ты сама будь свидѣтель тому!

«Наказаніе беззаконной любви, караемой небомъ, и вмѣстѣ явленіе Кольдингама послѣ своей смерти невѣрной женѣ утверждаются послѣднимъ его дѣйствіемъ, которое описано такъ:

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола,
Ей десницею руку пожалъ,
И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ,
И ужасное знаменье въ столъ возжено:
Напечатаны пальцы на немъ;
На рукѣ обожженной чернѣетъ пятно:
И закрыта съ тѣхъ поръ полотномъ.

«Остается упомянуть о молодомъ пажѣ, который у часовни, сидя на колѣняхъ барона, съ откровенностію младенца разсказываетъ ему первый все, что̀ онъ ни замѣтилъ за своею госпожею, за которою онъ вѣрно присматривалъ во время трехдневной отлучки ея мужа. Пажъ подробно увѣдомляетъ барона о ночныхъ свиданіяхъ и разговорахъ его жены съ рыцаремъ Кольдингамомъ на вершинѣ отдаленныхъ скалъ. Главный разсказъ пажа представленъ выше, гдѣ упомянуто было о дѣйствіяхъ жены барона. Здѣсь разговоръ барона съ пажемъ оканчивается такъ;

Баронъ. Но скажи наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Пажъ. Онъ, клянусь небесами, пропалъ!
Показалося мнѣ при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ
И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ.
Баронъ. Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой.
Сей полуночный мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ прійти: онъ убитъ на пути,
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.
Пажъ. Нѣтъ, не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ.
Баронъ. Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.
Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ,
Ужь три ночи какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.
Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ,
Оглушенъ ты былъ бурей ночной:
Ужь три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой.

«Развязка сей баллады заключается въ слѣдующихъ стихахъ:

Есть монахиня въ древнихъ драйбургскихъ стѣнахъ—
И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ мельрозской обители мрачный монахъ—
И дичится людей, и молчитъ:
Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То—убійца, суровый смальгольмскій баронъ,
То—его молодая жена».

Цензурный комитетъ, разсмотрѣвъ содержаніе русскаго перевода шотландской баллады, нашелъ, что для многихъ

читателей трудно будетъ отыскать въ этой балладѣ какую-либо нравственную и вообще полезную цѣль, потому что:

«Во-первыхъ, удержанное въ русскомъ переводѣ самое названіестихо творенія: *Ивановъ вечеръ* можетъ показаться страннымъ по содержанію шотландской баллады, совершенно противоположному тому почтенію, какое сыны господствующей здѣсь греко-россійской церкви обыкли хранить къ дню сего праздника, и переводчикомъ называемаго великимъ днемъ, между тѣмъ какъ читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ, которыя они должны воображать себѣ происходившими предъ самымъ симъ праздникомъ и въ самую его ночь. Противоположность между названіемъ баллады и содержаніемъ ея тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, обыкновенно бываетъ постъ, по уставу греко-россійской церкви.

«Во-вторыхъ, описаніе соблазнительныхъ дѣйствій и особливо страшныхъ явленій убитаго рыцаря Кольдингама, котораго молодой пажъ и молодая жена барона нѣсколько разъ видятъ не во снѣ, а на яву, принадлежитъ къ числу суевѣрныхъ повѣстей и можетъ болѣе разгорячать и пугать воображеніе, нежели наставлять простыхъ или мало просвѣщенныхъ читателей, особливо молодыхъ людей и женщинъ.

«Въ-третьихъ, для самыхъ тѣхъ читателей, которые любятъ поэзію и уже привыкли равнодушно смотрѣть на подобныя явленія въ балладахъ, шотландская баллада въ русскомъ переводѣ безъ историческихъ примѣчаній темна и не имѣетъ здѣсь той занимательности содержанія, какую представляетъ она шотландцу, англичанину или ирландцу, по достопримѣчательности упоминаемыхъ въ ней мѣстъ и лицъ, которыя имъ знакомы. Безъ подобныхъ примѣчаній читатель баллады на русскомъ языкѣ будетъ не въ состояніи отличить историческую часть его стихотворенія отъ вымысловъ и прикрасъ автора; не увидитъ основанія ихъ, заимствованнаго отъ народныхъ преданій, и въ такомъ смѣшеніи понятій поневолѣ будетъ судить о ней ошибочно. Самъ Вальтеръ-Скоттъ не считалъ излишнимъ пояснить историческими и другими примѣчаніями нѣкоторыя мѣста своего произведенія, темныя и для самихъ англичанъ.

«Въ-четвертыхъ, для многихъ читателей покажется удивительнымъ и даже неприличнымъ то, что въ шотландской простонародной пѣснѣ, въ суевѣрномъ разсказѣ о явленіи мертвеца, въ соблазнительномъ разговорѣ съ нимъ невѣрной жены, дѣлаются весьма некстати обращенія къ Творцу, кресту, великому Иванову дню; представляются священникъ, монахи, панихида, поминки, часовня съ такою малою разборчивостію, что русскій читатель, находя въ шотландской сказкѣ *часовню*, *панихиду* и *чернецовъ*, невольно подумаетъ, что ему хотятъ представить разсказываемое происшествіе случившимся или, по крайней мѣрѣ, могущимъ случиться и въ Россіи. У католиковъ, а тѣмъ менѣе у протестантовъ (прежнихъ и нынѣшнихъ жителей Шотландіи), нѣтъ ни часовень, ни панихидъ; названіе же иноковъ *чернецами*, то-есть, употребляющими черную одежду, исключаетъ монаховъ, носящихъ бѣлую одежду, которые есть въ нѣкоторыхъ орденахъ римской церкви, но которыхъ вовсе нѣтъ въ греко-россійской. Всякій согласится съ тѣмъ, что протестанту, автору шотландской баллады въ странѣ, гдѣ господствуетъ протестантское исповѣданіе, скорѣе простятъ подобную неразборчивость выраженій въ разсказѣ о происшествіи, относящемся ко времени, когда римско-католическое исповѣданіе было общимъ въ западной Европѣ. Но отъ русскаго переводчика, пользующагося въ Россіи именемъ извѣстнаго писателя, можно было ожидать большей разборчивости въ названіи священныхъ предметовъ, по крайней мѣрѣ можно было требовать, чтобъ онъ не подавалъ повода русскому читателю смѣшивать понятія объ установленіяхъ церкви греческой съ понятіями о подобныхъ установленіяхъ, которыхъ касается авторъ, говоря о чужой для него и для переводчика церкви римской. Словомъ, въ переводѣ баллады мало видно заботливости о соблюденіи приличій и различія въ священныхъ предметахъ.

«Въ-пятыхъ, хотя переводчикъ и понималъ духъ автора, но вполнѣ передать его своимъ читателямъ не могъ по обстоятельствамъ, не столько благопріятнымъ ему въ Россіи, гдѣ терпимы и покровительствуемы всѣ христіанскія исповѣданія, и гдѣ въ самой господствующей церкви сохраняются древнія установленія и обряды, отчасти сходные съ

римско-католическими. Можетъ-быть, по симъ самымъ причинамъ переводчикъ находился въ необходимости отступать отъ подлинника; но при семъ онъ позволялъ себѣ иногда и то, чего, можетъ-быть, не сдѣлалъ бы самъ авторъ. Нѣкоторыя отступленія переводчика отъ яснаго смысла оригинала и собственныя прибавленія затемняютъ усматриваемое даже въ подлинникѣ намѣреніе автора касаться съ большею разборчивостію предметовъ, равно почитаемыхъ католиками и протестантами, и говорить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ большею осторожностью и скромностью о непозволенной любви.

«Въ-шестыхъ, развязка всей пьесы не имѣетъ той силы, какую хотѣлъ бы найдти въ ней читатель и какой дѣйствительно требуетъ великость пороковъ и преступленій, описываемыхъ здѣсь съ такою подробностію. Послѣ впечатлѣній, сдѣланныхъ на читателя представленною ему картиною соблазнительной жизни трехъ лицъ (выбранныхъ изъ людей высшаго состоянія), читатель не видитъ сокрушенія преступной жены, сдѣлавшей несчастными и своего мужа, и любовника, и себя; не находитъ сильнаго раскаянія въ мужѣ, которой отъ ревности и свирѣпства сдѣлался убійцею одного врага и желалъ открыть другихъ подобныхъ враговъ. Изъ одного того, что баронъ и его молодая жена скрылись другъ отъ друга и отъ свѣта въ уединеніи монастырскомъ и, надѣвши монашеское платье, показывались одинъ мрачнымъ и дичащимся людей, а другая грустною и не обращающею глазъ на свѣтъ, читатель еще не увѣрится о сокрушеніи ихъ сердецъ и примиренія ихъ съ Богомъ и между собою посредствомъ истиннаго покаянія. Притомъ о состояніи ихъ въ монастырскихъ стѣнахъ упомянуто холодно, съ равнодушіемъ, даже съ нѣкоторымъ видомъ неуваженіи къ сей перемѣнѣ, между тѣмъ какъ здѣсь-то особливо надлежало бы показать живое участіе христіанскаго человѣколюбія, чего имѣли право требовать, если не несчастливцы, можетъ-быть, вымышленные, то по крайней мѣрѣ читатели, желающіе увидѣть въ заключеніи наставительную развязку всей повѣсти» [365]).

Представляя министру приведенный отзывъ комитета, попечитель округа, Руничъ, прибавилъ съ своей стороны, что баллада «Ивановъ вечеръ» не только не заключаетъ въ

себѣ ничего полезнаго для ума и сердца, но и совершенно чужда всякой нравственной цѣли.

Министръ просвѣщенія въ отвѣтномъ письмѣ Жуковскому совѣтовалъ ему «перемѣнить нѣсколько идей и выраженій» и, защищая приговоръ комитета, указываетъ на комедію Фонъ-Визина. Одинъ критикъ не одобряетъ въ «Недорослѣ» того, что авторъ для шутки вывелъ на сцену церковнослужителя и заставилъ его для смѣха повторять изреченія св. писанія, хотя тотъ же критикъ полагаетъ, что Фонъ-Визинъ допустилъ это только потому, что не подумалъ, къ чему могутъ вести подобныя шутки.

Баллада Жуковскаго напечатана была, два года спустя, въ «Новостяхъ литературы», выходившихъ въ видѣ прибавленія къ *Русскому Инвалиду*, издаваемому Воейковымъ. Исправленія, требуемыя цензурою, ограничились перемѣною двухъ-трехъ выраженій и самаго названія; вмѣсто «Иванова вечера» баллада названа: «Дункановъ вечеръ» [366]).

Комитетъ, разсматривая балладу Жуковскаго, свѣряя ее съ подлинникомъ и указывая степень пониманія духа поэтическаго произведенія, избраннаго для перевода русскимъ писателемъ, вступалъ въ область литературной критики. Желаніе вступать въ эту область, болѣе привлекательную, чѣмъ справки съ параграфами устава, цензоры обнаруживали неоднократно; но главное правленіе училищъ постоянно напоминало о томъ, что критика сочиненій вовсе не входитъ въ кругъ обязанностей цензуры. Единственное исключеніе составлялъ *слогъ* сочиненій и переводовъ. Достоинства и недостатки слога, оцѣнкою котораго часто ограничивалась и литературная критика того времени, не были предметомъ безразличнымъ для цензурнаго трибунала. Требованія его простирались иногда даже и на правописаніе. По случаю изданія оды «Богъ» Згерскимъ въ Вильнѣ безъ употребленія буквы ъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ей слѣдовало быть по правиламъ русскаго языка, предписано наблюдать цензорамъ, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка [367]). Возвращая нѣкоторыя рукописи для исправленія слога, цензура расширяла свои требованія въ отношеніи къ повременнымъ изданіямъ, не ограничиваясь одною стилистикою, и

задерживала программы журналистовъ, если не была увѣрена въ успѣхѣ ихъ предпріятій. Бывали случаи, что главное правленіе училищъ откладывало изданіе журнала до того времени, пока редакторъ пріобрѣтетъ необходимыя свѣдѣнія и опытность. Не допуская критики выходящихъ книгъ отъ своего лица, цензура, руководимая главнымъ правленіемъ училищъ, признавала всю законность и пользу появленія критическихъ статей, и не внимала жалобамъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, недовольныхъ указаніемъ слабыхъ сторонъ въ ихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ.

Въ Петербургскій цензурный комитетъ представлена была рукопись: «Повелѣнія законодательныя, собранныя со всѣхъ, древнихъ и нынѣ существующихъ узаконеній, и расположенныя по матеріямъ Павломъ Волошиновымъ». Цензура нашла, что рукопись не можетъ быть напечатана, потому что узаконенія расположены въ ней безъ всякаго систематическаго порядка, названіе не имѣетъ никакого разумнаго смысла, и вообще она скорѣе можетъ запутать и повести къ заблужденію, нежели послужить вѣрнымъ руководствомъ для желающихъ пользоваться ею по дѣламъ суднымъ. Но главное правленіе училищъ разрѣшило печатать книгу Волошинова, замѣтивъ, что критическіе разборы книгъ нисколько не входятъ въ обязанность цензурныхъ комитетовъ, которымъ предоставлено только право внушать кроткими мѣрами сочинителямъ и переводчикамъ, чтобъ они, при изданіи въ свѣтъ сочиненій и переводовъ, старались сколько возможно выправлять встрѣчающіяся въ слогѣ погрѣшности [368]).

Въ книгѣ Монтескье: «О существѣ законовъ», переведенной на русскій языкъ Дмитріемъ Языковымъ, московскій цензурный комитетъ исключилъ слѣдующія мѣста: «Рабство не хорошо по существу своему; оно не приноситъ пользы ни господину, ни рабу; этому, потому что онъ ничего не можетъ сдѣлать по разсужденію, а первому, что обходясь съ своими рабами, занимаетъ разныя дурныя привычки, нечувствительно пріучаясь не наблюдать никакихъ нравственныхъ добродѣтелей, дѣлаясь гордымъ, вспыльчивымъ, суровымъ, гнѣвливымъ, сластолюбивымъ, жестокимъ (кн. XV, гл. I). Но какъ всѣ люди родятся равными, то надобно сказать, что рабство противно природѣ, хотя въ

нѣкоторыхъ земляхъ оно основано на естественной причинѣ, и надобно очень отличать эти земли отъ тѣхъ, въ которыхъ запрещаютъ естественныя причины» (гл. VII). Главное правленіе училищъ, одобривъ рѣшеніе комитета, присовокупило, что по многимъ, усмотрѣннымъ въ отрывкахъ перевода, погрѣшностямъ противъ чистоты и исправности слога, не слѣдовало бы одобрять рукопись къ печатанію, пока слогъ ея не будетъ выправленъ съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ [369]).

Служившій въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, магистръ Сниткинъ, просилъ о дозволеніи издавать съ начала 1820 года журналъ подъ названіемъ: *Невскій Зритель*, и вмѣстѣ съ программою его представилъ свое разсужденіе о томъ, «долженъ ли быть позволяемъ привозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ или только нѣкоторыхъ и какихъ болѣе?» Главное правленіе училищъ утвердило мнѣніе цензурнаго комитета, состоящее въ томъ, что изданіе журнала можетъ быть дозволено Сниткину, какъ по ученой степени его, такъ и по сочиненію, показывающему здравыя сужденія, ясное изложеніе и чистоту русскаго языка [370]).

Издатель новой и древней словесности, Олинъ, предпринялъ, въ 1821 году, изданіе еженедѣльной критической и литературной газеты подъ названіемъ: *Рецензентъ*. Ученый комитетъ, разсмотрѣвъ программу, полагалъ разрѣшить изданіе газеты, редакторъ которой извѣстенъ уже своими литературными трудами и умѣлъ заслужить вниманіе и довѣріе публики [371]).

Представляя о разрѣшеніи Свиньину, служившему тогда при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, издавать *Отечественныя Записки*, ученый комитетъ заявилъ, что журналъ этотъ, по своей цѣли и содержанію, будетъ весьма полезнымъ и совершенно отличнымъ отъ другихъ періодическихъ изданій, а редакторъ его, судя по прежнимъ его сочиненіямъ, въ состояніи совершить предпринятый имъ трудъ [372]).

Менѣе счастливъ былъ въ своихъ литературныхъ предпріятіяхъ Александръ Бестужевъ, бывшій тогда прапорщикомъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка. Онъ намѣренъ былъ издавать, съ 1819 года, журналъ подъ названіемъ: *Зимцерла;* но петербургскій цензурный комитетъ представилъ слѣдую-

щія замѣчанія противъ редактора и составленнаго имъ плана: «1) По содержанію программы, кругъ журнала, предполагаемаго Бестужевымъ, чрезвычайно обширенъ, заключая въ себѣ не только всѣ части отечественной и иностранной словесности, но также критику и всѣ отрасли военныхъ и гражданскихъ наукъ. Къ выполненію такого обширнаго плана потребны и обширныя по всѣмъ частямъ свѣдѣнія, а также и практическая опытность для правильнаго сужденія о предметахъ, относящихся до государственнаго управленія, чего въ Бестужевѣ, по его слишкомъ молодымъ лѣтамъ, нельзя ни предполагать, ни отрицать: ему всего двадцать лѣтъ отъ роду. 2) Хотя въ послужномъ спискѣ Бестужева значится, что онъ обучался многимъ языкамъ и наукамъ, однако въ написанной имъ программѣ комитетъ не безъ удивленія замѣтилъ въ десяти, не болѣе, строкахъ три ошибки противъ правописанія, что̀ доказываетъ по меньшей мѣрѣ его невнимательность и небрежность. 3) Помѣщенные въ *Сынѣ Отечества* переводы Бестужева, на которые онъ ссылается, именно: «Духъ Бури», стихами, изъ Лагарпа, и о состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ, похвальны только потому, что свидѣтельствуютъ объ охотѣ его къ полезнымъ упражненіямъ. Впрочемъ, переводъ въ прозѣ о состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ не отличается ни чистотою слога, ни правильностью языка. 4) Для исправности въ изданіи періодическихъ сочиненій, издателю необходимо имѣть, кромѣ познаній, величайшее терпѣніе, безпрерывную внимательность и навыкъ къ трудамъ. А какъ Бестужевъ въ прошеніи своемъ изъясняетъ, что онъ, будучи занятъ по службѣ, могъ быть извѣстенъ публикѣ только двумя названными статьями, то комитетъ имѣетъ причину думать, что самый родъ его службы будетъ часто отвлекать его отъ многотрудныхъ занятій журналиста, причемъ должно опасаться либо совершенной остановки, либо неисправности въ изданіи журнала. 5) Комитетъ неоднократно имѣлъ случай замѣтить, что многіе, особливо изъ молодыхъ людей, не принадлежащихъ къ сословію ученыхъ, предпринявъ изданіе какого либо журнала, прекращали его, отчего не только публика оставалась обманутою, ибо деньги собраны впередъ, но и цензура нѣкоторымъ образомъ терпѣла нареканіе». Не-

смотря на сомнѣнія, высказанныя комитетомъ, попечитель С.-петербургскаго учебнаго округа полагалъ дозволить, въ видѣ опыта, издавать журналъ Бестужеву по двумъ причинамъ. Во-первыхъ потому, что если изданіе будетъ хорошо, въ такомъ случаѣ предварительное запрещеніе было бы нѣкоторымъ стѣсненіемъ охоты къ ученымъ и полезнымъ для общества занятіямъ. Во-вторыхъ потому, что еслибы выходящій журналъ найденъ былъ недостойнымъ вниманія публики и безполезнымъ, или прекратился по винѣ издателя, тогда бы неудачный опытъ Бестужева послужилъ для правительства бо̀льшимъ еще правомъ обуздывать несоразмѣрную съ силами предпріимчивость новыхъ издателей. Главное правленіе училищъ, находя заключеніе цензурнаго комитета основательнымъ, признало полезнымъ удержать изданіе журнала Бестужева до того времени, пока издатель успѣетъ пріобрѣсть трудами своими болѣе извѣстности въ ученой публикѣ [373]).

Подобно журналу Бестужева, было отказано въ дозволеніи издавать *Тульскія Вѣдомости*, хотя по причинамъ совершенно другого рода. Инспекторъ Александровскаго военнаго училища въ Тулѣ, капитанъ-лейтенантъ Броневскій, испрашивалъ разрѣшенія издавать еженедѣльныя вѣдомости, въ которыхъ бы помѣщались: краткое обозрѣніе важнѣйшихъ внутреннихъ и заграничныхъ происшествій; статистическія и историческія описанія разныхъ губерній Россійской имперіи; статьи, оффиціально сообщаемыя отъ мѣстнаго начальства; подробныя свѣдѣнія о патріотическихъ пожертвованіяхъ; новыя открытія по части физическихъ наукъ; по временамъ статьи, относящіяся собственно къ словесности; извѣстія о выходящихъ въ свѣтъ замѣчательныхъ книгахъ; объявленія какъ со стороны казны, такъ и отъ частныхъ лицъ. Въ главномъ правленіи училищъ состоялось по этому поводу такое рѣшеніе. Изданіе въ Тулѣ вѣдомостей было бы излишне и затруднительно: излишне потому, что всѣ тѣ внутреннія и иностранныя извѣстія, которыя только могутъ быть въ *Тульскихъ Вѣдомостяхъ*, помѣщаются въ петербургскихъ и московскихъ; затруднительно потому, что въ Тулѣ нѣтъ цензуры для разсмотрѣнія помѣщаемыхъ статей. Притомъ же Академія наукъ и Московскій университетъ, из-

дающіе газеты въ Петербургѣ и Москвѣ, могутъ признать изданіе *Тульскихъ Вѣдомостей* подрывомъ и нарушеніемъ своихъ правъ. Поэтому нельзя изъявить согласія на газету, предполагаемую Броневскимъ [374]).

Отстаивая права Академіи и университета на періодическое изданіе, главное правленіе училищъ не принимало стороны какого либо учрежденія во время литературныхъ споровъ, стараясь сохранить полное безпристрастіе.

Понятія о правахъ и характерѣ критики, господствовавшія нѣкогда въ нашей литературѣ, ярко выражаются въ любопытномъ протестѣ Россійской Академіи по поводу разбора ея грамматики, появившагося въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Въ журальномъ приговорѣ Академія увидѣла оскорбленіе авторитета, порицаніе ученаго общества, положившаго много труда на составленіе изданной имъ книги. Еще въ 1794 году Россійская Академія, приступая къ сочиненію русской грамматики, поручила сдѣлать начертаніе ея тремъ членамъ своимъ: протоіерею Красовскому и Димитрію и Петру Соколовымъ, подъ руководствомъ преосвященнаго Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго. Начертаніе, при составленіи котораго руководствовались преимущественно грамматиками Максима Грека и Ломоносова, сперва разсматривалось особымъ комитетомъ, членами котораго были, кромѣ составителей: архимандритъ Новоспасскаго монастыря Меѳодій, Степанъ Яковлевичъ Румовскій, Иванъ Ивановичъ Лепехинъ и Петръ Борисовичъ Иноходцевъ. Потомъ читано оно было въ полномъ собраніи Академіи. По утвержденіи начертанія, и комитетомъ, и Академіей, приступлено было къ сочиненію грамматики, надъ которымъ трудились тѣ же три члена: Красовскій и два Соколова. По окончаніи этого труда, онъ два раза былъ разсматриваемъ и исправляемъ въ академическихъ собраніяхъ. Въ первый разъ грамматика была издана въ 1802 году; второе изданіе ея вышло въ 1809, а третье—въ 1819 году. По поводу послѣдняго изданія помѣщена была критическая статья въ *Сынѣ Отечества,* вслѣдствіе которой Академія составила записку слѣдующаго содержанія:

«Академія въ собраніи своемъ хотя и удивилась такому самовольному поступку журналиста, издающаго *Сынъ Оте-*

чества, однакожъ положила прочитать его замѣчанія съ тѣмъ, во-первыхъ, не найдется ли въ нихъ чего нибудь дѣльнаго и основательнаго, и, во-вторыхъ, приличнымъ ли, по крайней мѣрѣ, образомъ они написаны. По первому положенію она не нашла ничего, кромѣ пустыхъ, несправедливыхъ умствованій, показывающихъ, что правила языка и грамматики господину журналисту мало извѣстны. По второму,—весьма видно, что намѣреніе сей брани, называемой критикою, состояло не въ усердіи къ языку, а въ желаніи показать, что можно всякому, кто хочетъ, печатать и говорить объ Академіи со всякимъ неуваженіемъ и хулою, словомъ, подать тому примѣръ и образецъ. Самый первый приступъ его довольно то показываетъ:

(Рецензентъ Сына Отечества).	(Замѣчанія Академіи).
Мы начали читать грамматику, сочиненную Россійскою Академіею, съ великими ожиданіями, полагая, что найдемъ въ ней многія перемѣны и новыя правила противъ прежнихъ изданій; но, къ сожалѣнію своему, ошиблись въ семъ предположеніи.	Академія не знаетъ, о комъ говорится здѣсь *мы;* кажется, одинъ журналистъ цѣлаго свѣта въ лицѣ своемъ представлять не можетъ.
Сіе третіе изданіе во всемъ подобно первому, кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ, которыя перемѣнены, и не къ лучшему. Это насъ изумило.	Кого *насъ?* и должна ли Академія воздерживаться отъ изданія книгъ своихъ, опасаясь *изумленія* какого нибудь журналиста?
Неужели въ продолженіе семнадцати лѣтъ нельзя было пріискать ничего новаго, хорошаго для исправленія и поправленія столь важной книги, какова грамматика? Неужели въ сіи семнадцать лѣтъ русскій языкъ ни въ теоріи своей, ни въ практикѣ не сдѣлалъ ни малѣйшаго шагу? Или полагаютъ, что первое изданіе сей грамматики было non plus ultra совершенства, къ которому нечего прибавить, въ которомъ нечего перемѣнить?	Жаль, что подобными вопросами отъ журналиста на русскомъ языкѣ дѣлаются шаги, какихъ прежде въ немъ не примѣчалось. Но г. журналистъ не довольствуется сими первыми и никѣмъ доселѣ не дѣланными шагами; онъ простираетъ ихъ далѣе, продолжая въ непристойныхъ выраженіяхъ изливать на Академію хулы, брани, укоризны, насмѣшки и восклицанія.
Чѣмъ ближе метода ученія къ математической, тѣмъ она совершеннѣе. Въ грамматикѣ Россійской Академіи сіе правило выпущено изъ вида... Тутъ двѣ ошибки.—Не лучше ли было бы вмѣсто двухъ словъ *ли-*	Hear! Hear! Восклицанія: послушай, послушай, употребляемыя у англичанъ, когда хотятъ обратить вниманіе слушателей на какое нибудь странное или нелѣпое предложеніе. Журналистъ обращаетъ си-

цо и *вещь* употреблять одно выразительное *предметъ?*—(Такое-то опредѣленіе) и темно, и неправильно. — Прекрасное правило (въ насмѣшку), что Академія букву *и* почитаетъ составленною изъ двухъ *i*.—Авторы грамматики (т. е., Академія) догадываются, гдѣ кроется истина.— Воля Академіи! (въ насмѣшку).— Неужели Академіи сіе (изданное Борномъ краткое руководство) было неизвѣстно? — Упомянемъ и о нескладныхъ выраженіяхъ.—Мы дописываемъ четвертый листъ, и лишь только дошли до произведенія словъ. Отдохнемъ и, собравшись съ силами, пустимся далѣе. Займемся разсмотрѣніемъ *словопроизведенія.* И въ этой части находимъ прежній *порядокъ,* или лучше сказать, *безпорядокъ,* и въ ней встрѣчаются правила неполныя, темныя и совершенно ложныя.... Возможно ли предписывать такія неосновательныя правила?... Hear! Hear!... Почему-жъ нехорошо (сказать: *маленькій, ветхій),* если смѣемъ спросить? Мы не находимъ тутъ никакой ошибки, никакой несообразности, и должны еще спросить разрѣшенія, гдѣ находится предѣлъ употребленія окончаній: *ый* и *ой, ій* и *ей.*

ми словами вниманіе читателей на великую, по мнѣнію его, нелѣпость Академіи, которая говоритъ, что передъ простыми существительными именами приличіе слога требуетъ и прилагательныя ставить простыя же, т. е. съ простымъ окончаніемъ, какъ напримѣръ: *большой палецъ у руки, маленькій домикъ, ветхій сарай,* и проч. Ибо въ семъ случаѣ нехорошо бы было сказать: *большій, маленькій, ветхій*.... Академія опять повторяетъ, что она не знаетъ, о комъ говорится: *мы не находимъ.* Она видитъ одного журналиста, и не можетъ ни по какому приличію располагать себя по его мнѣнію. Впрочемъ, разрѣшеніе, какого требуетъ журналистъ, сказано выше. Сказанное читаютъ и учатся, а не переспрашиваютъ о томъ, ибо въ подобныхъ сужденіяхъ о языкѣ, кто не чувствуетъ приличія и неприличія слога, того никакая грамматика не научитъ.

«Излишне и не достойно выписывать здѣсь всѣ тѣ хулы и брани, которыми журналисту угодно было почтить Академію, называя правила ея *неосновательными, сбивчивыми, несообразными, ложными, забавными,* и проч., и проч. Послѣ всѣхъ сихъ, столько же справедливыхъ сколько и скромныхъ, выраженій, заключаетъ онъ сужденія свои стихомъ Ломоносова:

Что вы, о поздніе потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?

давая чрезъ-то разумѣть, что потомки наши удивляться будутъ невѣжеству Академіи. По прочтеніи сихъ замѣчаній журналиста, Академія въ собраніи своемъ сдѣлала себѣ три вопроса:

«Первый вопросъ: должна ли Академія на сію, публикованную противъ нея подъ названіемъ критики, не дѣльную и грубую брань дѣлать свои возраженія? Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее: Россійская Императорская Академія, учрежденная Екатериною и Александромъ для наблюденія пользъ языка и словесности, не можетъ безъ униженія достоинства своего входить въ состязаніе съ издателемъ журнала, а особливо, когда видитъ въ немъ, при недостаткахъ знанія въ языкѣ, дерзновеніе судить Академію и говорить о ней презрительно. Такое неприличное ей состязаніе съ журналистомъ, даже и между частными лицами предосудительное, могло бы подвергнуть ее несовмѣстности вдаваться въ преніе со всякимъ, кто захочетъ хулами своими вызвать ее на непристойную съ нимъ брань.

«Второй вопросъ: должна ли Академія промолчать? Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее. Академіи, по означеннымъ выше сего причинамъ, не остается, конечно, ничего, кромѣ молчанія. Но, впрочемъ, она съ прискорбностію чувствуетъ, что если подобные о ней толки и укоризны отъ всякаго, кто захочетъ ихъ писать, будутъ публиковаться, то едва ли можетъ она имя свое носить съ честію: положеніе ея будетъ затруднительно, ибо и отвѣтами своими, и молчаніемъ она равному подвергается уничиженію.

«Третій вопросъ: имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ Академіею книгахъ извѣщать публику съ своими о нихъ сужденіями и оцѣнкою? Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее. Цѣлая Академія не можетъ быть безграмотною, журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ, ибо всякій можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой Академіи предполагается болѣе знанія, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. Итакъ, по здравому разсудку, нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобъ изданныя отъ Академіи и, слѣдовательно, оцѣненныя уже ею сочиненія, были вновь переоцѣниваемы журналистами. Въ государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно. Посему ясно, что издатель журнала подъ названіемъ *Сынъ Отечества* присвоилъ самъ

себѣ сіе право. Поступокъ его не подлежитъ суду Академіи, но суду правительства».

Вслѣдствіе такого оборота дѣла оно поступило на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ. Вопреки ожиданіямъ Академіи, главное правленіе признало, что дѣланіе замѣчаній на всякую издаваемую книгу, а тѣмъ болѣе на грамматику, не можетъ никому быть возбранено, и въ случаѣ неосновательности замѣчаній, критикъ подвергается стыду передъ публикою и опроверженію своихъ мыслей тѣмъ же способомъ, какимъ доведены они до всеобщаго свѣдѣнія [375]). Словомъ, главное правленіе дало свободу критикамъ и антикритикамъ, не одобряя только рѣзкости отзывовъ и неразборчивости выраженій.

Подобный же взглядъ на права литературной критики, съ тѣми же ограниченіями, высказалъ Шишковъ, предлагая его въ руководство цензурнымъ комитетамъ. По поводу журнальной полемики того времени Шишковъ пишетъ: «Примѣчается, что въ повременныхъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ разными журналистами, выходятъ подъ названіемъ *критикъ* и *антикритикъ* не столько полезныя о словесности сужденія, сколько бранныя одного съ другимъ переписки, часто имѣющія цѣлію одно только несообразное съ благонравіемъ публичное оскорбленіе другъ друга. А потому, не отнимая отнюдь свободы критическихъ сочиненій, основанныхъ на безпристрастныхъ сужденіяхъ, хотя бы оныя и заключали въ себѣ непріятныя, но справедливыя возраженія и нужныя для пользы языка и словесности обличенія въ погрѣшностяхъ, почитаю, однакожъ, за должное сообщить къ свѣдѣнію господъ журналистовъ и цензоровъ, чтобы подобныя статьи пропускать съ разсмотрѣніемъ, дабы оныя были въ правилахъ благопристойной критики, отнюдь не похожей на такъ называемые *пасквили*, содержащіе въ себѣ одни порывы — колкими и не принадлежащими къ дѣлу выраженіями повреждать честь своего сопротивника. Особливо же надлежитъ наблюдать сіе съ первою, выходящею на какое либо сочиненіе, критикой; ибо когда оная наполнена будетъ неприличными насмѣшками и колкостями, то и въ отвѣтѣ на нее несправедливо будетъ того же не допускать. Впрочемъ, ясныя изобличенія и доказательства не должны почитаться колко-

стями, поелику къ справедливымъ изъ нихъ самъ сочинитель подалъ поводъ, а несправедливыя изобличатъ невѣжество критика. Разсмотрѣніе книгъ, безъ всякаго сомнѣнія, полезно и нужно для процвѣтанія словесности, но для сего потребны немалыя познанія въ томъ, кто разсматриваетъ; иначе одна крикливая похвала или хула есть одно только свидѣтельство недостаточныхъ по сей части свѣдѣній [376])».

Не отрицая права литературной критики и не перенося ея изъ круга литературы въ область администраціи, главное правленіе училищъ развязывало руки писателямъ. Дѣлая замѣчанія цензорамъ за допущеніе грубой журнальной брани, оно въ то же время не осуждало литераторовъ на молчаніе передъ приговоромъ различныхъ авторитетовъ. Какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и въ цензурѣ, многое зависѣло отъ случайной встрѣчи обстоятельствъ, затруднявшихъ изданіе въ свѣтъ того или другого произведенія. Но общій духъ устава не стѣснялъ литературной производительности, какъ можно судить по количеству и качеству книгъ, вышедшихъ во время дѣйствія перваго цензурнаго устава. Дѣла по книгопечатанію, до своего окончательнаго рѣшенія, переходили три инстанціи, и рѣдко случалось, чтобы сочиненіе или переводъ отвергаемы были всѣми тремя степенями цензурнаго вѣдомства: цензоромъ, разсматривавшимъ рукопись, цензурнымъ комитетомъ и, наконецъ, главнымъ правленіемъ училищъ. Обыкновенно бывало, что или сами цензоры давали ходъ книгѣ на основаніи благопріятныхъ для литературы постановленій устава, или же цензурные комитеты и, еще чаще, главное правленіе училищъ разрѣшало сомнѣнія цензуры въ смыслѣ, наиболѣе выгодномъ для авторовъ и переводчиковъ. Благодаря уставу и его разумному примѣненію, явились въ свѣтъ многія вещи, невозможныя при другихъ условіяхъ книгопечатанія, начиная отъ легкихъ очерковъ, напрасно пугавшихъ подозрительную цензуру иного времени, до произведеній капитальныхъ, каковы разсужденія Ломоносова о различныхъ общественныхъ вопросахъ, относящихся къ русской жизни.

Въ петербургскій цензурный комитетъ представлена была

надворнымъ совѣтникомъ Антоновскимъ рукопись подъ заглавіемъ: *Журналъ* или *ежедневная записка всѣхъ случаевъ и плаванія*, веденная вице-адмираломъ Бредалемъ во время военныхъ дѣйствій на Азовскомъ морѣ гребнымъ армейскимъ флотомъ, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Ласси въ 1737 и 1738 годахъ. Комитетъ затруднился дать свое одобреніе, потому что рукопись имѣла видъ оффиціальнаго акта, заимствованнаго изъ какого нибудь публичнаго архива. Главное правленіе училищъ опредѣлило дозволить напечатать рукопись, и такой приговоръ важенъ особенно потому, что комитетъ заявилъ, что рѣшеніе главнаго правленія послужитъ цензурѣ руководствомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Подобнымъ же образомъ главное правленіе училищъ разрѣшило печатать задержанную комитетомъ критику Измайлова на похвальное слово Суворову, и т. д. [377]).

Въ числѣ иностранныхъ книгъ, полученныхъ русскими книгопродавцами, находилась: «Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin ou Frédéric le Grand... par M. Thiebault. Paris. 1802» (въ пяти томахъ). Цензурный комитетъ счелъ нужнымъ задержать эту книгу по нѣкоторымъ причинамъ. Между прочимъ, авторъ влагаетъ въ уста Петру Великому, разговаривающему съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ первымъ, слѣдующія слова о себѣ самомъ: Mon cher frère, je suis un sauvage qui ne sait rien... Daignez faire pendre quelqu'un dès demain afin que je sache comment vos bourreaux s'y prennent... «Хотя бы и былъ такой разговоръ между монархами,—прибавляетъ цензоръ,—однако всякій замѣтитъ, что императоръ Петръ I говорилъ это шуткою, а посему г. сочинитель разсматривалъ анекдотъ не съ надлежащею историческою достовѣрностію и представилъ его въ другомъ видѣ». Главное правленіе училищъ разрѣшило продажу книги съ исключеніемъ одного лишь разсказа изъ событій 1762 г., но съ удержаніемъ въ цѣлости всѣхъ другихъ мѣстъ, «кажущихся опасными, но въ дѣйствительности не имѣющихъ вліянія на общественное мнѣніе» [378]).

Книга подъ заглавіемъ: «De la souveraineté ou connaissances des vrais principes du gouvernement des peuples», осуждаемая нѣкоторыми за новыя правила, вредныя основаніямъ доброй нравственности, вѣры и политики, не была признана вред-

ною комитетомъ. По его отзыву, «въ книгѣ хотя и содержатся многія смѣлыя и оригинальныя мысли, которыя, будучи взяты въ отдѣльности, могутъ показаться предосудительными; но, соображая ихъ съ общимъ духомъ книги, нельзя не признать, что авторъ, разрушая, повидимому, общепринятыя мнѣнія о добродѣтели, нравственности, религіи и правахъ человѣчества, тѣмъ не менѣе утверждаетъ ихъ на новомъ основаніи. Въ такомъ вѣкѣ, когда потрясены всѣ древнія опоры алтарей и троновъ, небезполезно противопоставить опытъ Макіавеліева ученія, смягченнаго и приноровленнаго къ духу настоящаго времени. Будучи наполнена отвлеченными и глубокомысленными изысканіями, книга: «De la souverainété» обратитъ на себя вниманіе только людей ученыхъ и просвѣщенныхъ, которые, безъ сомнѣнія, прочтутъ ее съ пользою, и если не согласятся съ мнѣніемъ автора, то, по крайней мѣрѣ, доведены будутъ до розысканія многихъ полезныхъ истинъ, хотя бы то было и къ опроверженію самого автора. Что же касается до читателей недальновидныхъ, для которыхъ книга эта могла бы послужить соблазномъ, то, кажется, утвердительно можно сказать, что они не захотятъ принять на себя трудъ входить въ лабиринтъ глубокомысленныхъ изслѣдованій автора» [379]).

Издатель *Журнала Древней и Новой Словесности*, Олинъ, оказалъ большую услугу русской литературѣ обнародованіемъ отысканнаго имъ письма Ломоносова о размноженіи и сохраненіи русскаго народа. Драгоцѣнную находку Олинъ помѣстилъ въ одной изъ книжекъ своего журнала [380]). Въ то же время письмо Ломоносова вышло отдѣльною брошюрой, о продажѣ которой объявлено было въ тогдашнихъ газетахъ [381]). Появленіе письма и брошюры не прошло незамѣченнымъ. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлалъ замѣчаніе цензурному комитету, что не слѣдовало, вопреки пятнадцатому параграфу устава, пропускать сочиненіе, въ которомъ содержатся, въ пунктахъ: третьемъ, пятомъ, седьмомъ и восьмомъ, мысли предосудительныя, несправедливыя, противныя православной церкви и оскорбляющія честь нашего духовенства. Цензору Яценкову, одобрившему рукопись, угрожали удаленіемъ отъ должности, и цензурованіе *Журнала Древней и Новой Словесности* передано было въ другія

руки. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ призналъ, что распространеніе письма Ломоносова въ публикѣ должно быть воспрещено. Весьма замѣчательно объясненіе цензора Яценкова, показывающее, какъ мало цензура расположена была стѣснять литературную дѣятельность, и какимъ образомъ относилась она къ произведеніямъ словесности вообще [382]). «Не входя въ изслѣдованіе о томъ,—пишетъ Яценковъ,—справедливы ли разсужденія Ломоносова, въ письмѣ семъ изображенныя, осмѣливаюсь объяснить только слѣдующее. Статья сія имѣетъ совсѣмъ другую цѣну и должна быть разсматриваема совсѣмъ съ другой стороны. Она не есть ни богословская:—ибо кто станетъ искать въ Ломоносовѣ разрѣшенія богословскихъ вопросовъ?—ни медицинская, ниже политико-экономическая, хотя въ семъ дѣлѣ всѣ лучшіе врачи и многіе государственные мужи отдадутъ Ломоносову справедливость. Она есть не что иное, какъ новая черта къ портрету Ломоносова, дополненіе къ исторіи жизни и многочисленнымъ ученымъ занятіямъ сего великаго мужа. До сихъ поръ мы знали и почитали Ломоносова, какъ неподражаемаго поэта, какъ великаго математика, физика, астронома, химика; отнынѣ будемъ знать и почитать его еще и какъ глубокомысленнаго государственнаго мужа, какъ ревностнѣйшаго споспѣшника народной силы, богатства и величія нашего отечества. Онъ могъ ошибаться въ мнѣніяхъ своихъ о предметахъ богословскихъ и политико-экономическихъ; но одно усердіе его къ споспѣшествованію общей пользѣ даетъ уже ему право на всеобщую признательность. Будущій историкъ жизни Ломоносова не пропуститъ и сей черты вмѣстѣ со многими другими, изображающими величественный образъ сего необыкновеннаго человѣка. И сія есть одна истинная точка, съ которой цензоръ считалъ себя въ обязанности разсматривать статью сію. Запретивши оную, онъ бы выкинулъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ похвальномъ словѣ Ломоносову [383])».

IX.

Преобразованіе цензуры.—Временный комитетъ при главномъ правленіи училищъ.—Проектъ устава о цензурѣ и секретной инструкціи цензурнымъ комитетамъ, составленный Магницкимъ.—Проектъ Стурдзы.—Замѣчанія членовъ главнаго правленія училищъ.—Пренія о правѣ университетовъ и профессоровъ пользоваться книгами безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ цензурою.—Новый цензурный уставъ.

Уставъ 1804 г., подвергаясь различнымъ ограниченіямъ и произвольнымъ толкованіямъ, былъ положительно признанъ несовременнымъ въ ту пору, когда предпринято было пересоздать общественное воспитаніе на новыхъ началахъ и дать крутой поворотъ литературной дѣятельности. Главное правленіе училищъ приступило къ преобразованію цензуры, къ составленію новаго устава по дѣламъ книгопечатанія. Съ этою цѣлью учрежденъ былъ особый комитетъ изъ членовъ ученаго комитета: Фуса, Рунича и графа Лаваля и членовъ главнаго правленія училищъ, князя Мещерскаго и Михаила Леонтьевича Магницкаго, который и былъ душою и руководителемъ предпринятаго дѣла. Магницкій предварительно изложилъ мнѣніе свое о цензурѣ вообще и о началахъ, на которыхъ она должна быть устроена въ Россіи, и затѣмъ, принявъ въ соображеніе замѣчанія своихъ сочленовъ и самого министра, представилъ составленный имъ проектъ устава и секретной инструкціи цензурному комитету. Между тѣмъ одинъ изъ членовъ главнаго правленія училищъ, Стурдза, представилъ свой проектъ о цензурѣ; но, по разсмотрѣніи его, преимущество было отдано проекту Магницкаго, послужив-

шему главною основой для трудовъ правленія. Замѣчанія нѣкоторыхъ членовъ главнаго правленія училищъ, а также правила о цензурѣ, дѣйствовавшія въ Варшавѣ, послужили новымъ матеріаломъ, которымъ отчасти воспользовался составитель проекта. Сверхъ того обращено было вниманіе на инструкцію цензору при одесскомъ греческомъ типографскомъ обществѣ, на отзывъ петербургскаго цензурнаго комитета, на свѣдѣнія о числѣ привозимыхъ въ Россію иностранныхъ книгъ, доставленныя изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и т. п. [384]). Начавъ свои дѣйствія въ іюнѣ 1820 года, комитетъ о преобразованіи цензуры представилъ проектъ устава въ его окончательной редакціи въ маѣ 1823 года. Значеніе этого проекта опредѣляется его цѣлію, характеромъ и содержаніемъ.

Цѣль новаго устава заключалась, по свидѣтельству комитета, въ противодѣйствіи пагубному духу времени, выразившемуся въ политическихъ потрясеніяхъ Европы, обнаружившихъ сильное вліяніе и на общественное мнѣніе, и на литературу. Предварительный планъ, которымъ комитетъ началъ свою дѣятельность, раздѣленъ на нѣсколько отдѣловъ.

Въ первомъ отдѣлѣ доказывается, что всѣ европейскія государства: Франція, Испанія, Австрія, Папская область, Англія, Данія, старались оградить себя отъ заразы вредныхъ книгъ мѣрами и постановленіями болѣе или менѣе благоразумными и строгими. Но всѣ единогласно признали, что распространеніе разрушительныхъ началъ и мнѣній помощію книгопечатанія опасно для всякаго благоустроеннаго общества, и потому цензурныя установленія всюду шли рядомъ съ усиленіемъ просвѣщенія и развратомъ общественнаго мнѣнія.

Изъ второго отдѣла видно, что въ Россіи только съ 1783 года положены слабыя начала цензурныхъ постановленій, ибо разсмотрѣніе книгъ поручено тогда управѣ благочинія, что̀ и продолжалось до 1796 года, когда для огражденія отъ революціонныхъ началъ, цензура передана правительствующему сенату. Правильное учрежденіе цензуры послѣдовало не ранѣе 1802 года, и только въ 1804 году изданъ первый цензурный уставъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ высказывается опасеніе переворота, угрожающаго обществу. Политическія революціи по време-

намъ утихаютъ, подобно огнедышащей горѣ, но революція нравственная усиливается, кроется подъ алтарями и тронами, и въ разныхъ мѣстахъ производитъ неожиданные взрывы. Остановить близкую опасность могутъ только два средства: воспитаніе и цензура.

Мысли свои о цензурѣ Магницкій развиваетъ въ слѣдующемъ «проектѣ мнѣнія о цензурѣ вообще и началахъ, на которыхъ предполагаетъ цензурный комитетъ составить для оной уставъ», состоящемъ изъ четырехъ отдѣленій.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Краткое общее обозрѣніе происхожденія и устройства цензурныхъ установленій въ Европѣ.

Европейская цензура есть установленіе подражательное цензорамъ древняго Рима, которыхъ учрежденіе, доказывая недостаточность религіи и философіи языческой и, такъ сказать, дополняя ихъ, было одно изъ самыхъ нравственныхъ законоположеній римскихъ.

Цензоры, установленные вначалѣ для собиранія податей, вышли, наконецъ, по общей къ нимъ довѣренности, блюстителями публичной нравственности и какъ бы народною совѣстью.

Древніе авторы, греческіе и римскіе, приписываютъ установленію ихъ продолжительную славу Рима, которую относятъ они къ добродѣтелямъ его гражданъ

Писатели новѣйшіе, изъяснившіе причину возвышенія и упадка народа римскаго, соглашаются въ томъ, что сохраненіе гражданскихъ добродѣтелей распространило его славу, а потеря ихъ была причиною его паденія.

Цицеронъ сказалъ, что первый трибунъ, нарушившій права цензоровъ, разорилъ республику.

Цѣль установленія цензоровъ была исправленіе преступленій, гражданскимъ правосудіемъ не досягаемыхъ.

Само собою разумѣется, что въ христіанскомъ обществѣ установленіе сіе не могло быть нужно. Первые вѣка христіанства торжественно сіе доказываютъ.

Но когда вѣра ослабла, когда, наконецъ, сдѣлалась она, въ массѣ европейскихъ народовъ, лицахъ и сословіяхъ, ими управляющихъ, нѣкоторымъ только званіемъ, тогда старались замѣнить, и ее, и цензоровъ римскихъ, такъ называемою *честью* и даже обществомъ, исключительно честь сію ограждавшимъ (рыцари). Но и отъ него вскорѣ остались только нѣкоторыя права и наименованія, то есть дворянство и ордены кавалерскіе.

Между тѣмъ люди, управлявшіе народами, видѣли, что развратъ сердца и мысли, не насыщаясь собственными порочными удовольствіями, находитъ наслажденіе въ распространеніи своего круга и въ заразѣ не только современниковъ, но и будущихъ поколѣній (а признано же всѣми, и тѣми даже, кои отвергали ученіе евангельское, что государства на одной только нравственности могутъ стоять надежно), то и старались изъ развалинъ Рима воскресить цензоровъ, переодѣвъ ихъ прилично новѣйшему образу правленій и просвѣщенія.

Установлены цензоры для удержанія вредныхъ вѣрѣ, законной власти и нравственности книгъ.

Во Франціи важное учрежденіе сіе было поручено главному надзору канцлера, и духовная цензура отдѣлена была отъ гражданской и предоставлена епископамъ и докторамъ богословія.

Въ Испаніи принадлежала она инквизиціи и находилась подъ верховнымъ, въ важныхъ случаяхъ, управленіемъ самого короля.

Въ Англіи, въ 1644 году, парламентъ запретилъ печатаніе книгъ безъ цензуры, но возраженіе на сію мѣру славнаго Мильтона и особливо опытъ, что послѣ учрежденія ея стали наиболѣе печатать запрещенныхъ и вредныхъ книгъ, о чемъ и сами цензоры представляли парламенту, было причиною ихъ отмѣны.

Въ Голландіи и Швейцаріи оставалась свобода книгопечатанія неприкосновенною, и всѣ безбожныя книги восьмнадцатаго столѣтія, запрещаемыя во Франціи, печатались въ сихъ двухъ государствахъ. Въ Швейцаріи, однако же, былъ примѣръ запрещенія извѣстной книги Руссо: «Lettres écrites de la montagne», а въ Голландіи осужденіе ея, въ 1765 году, произвело большія волненія, и штатами уничтожено.

Въ Даніи до 1770 года существовала цензура, а въ семъ году, при извѣстномъ министрѣ Струензе, самовластно управлявшемъ молодымъ государемъ, дозволено свободное книгопечатаніе.

Замѣтить надобно, что въ Англіи и въ Даніи свобода книгопечатанія гораздо строже цензуры, ибо подвергаетъ сочинителя уголовному суду, и когда, напримѣръ, кто напечатаетъ что либо оскорбительное противъ короля, его судятъ въ оскорбленіи величества, и, слѣдовательно, подвергаютъ смерти. Въ другихъ же случаяхъ заключаютъ на нѣсколько лѣтъ въ темницу или большою денежною пенею лишаютъ имѣнія.

Въ областяхъ папскихъ, испанскихъ и австрійскихъ, цензура всегда окружена была мракомъ и жестокостію суевѣрія. Въ двухъ первыхъ костры инквизиціи сожигали и книги, и авторовъ.

Во Франціи установленія цензурныя были самыя благоразумныя, какъ по умѣренности ихъ правилъ, такъ и по выбору людей.

Таково было въ Европѣ положеніе цензурныхъ постановленій до революціи.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Краткое историческое обозрѣніе цензуры въ Россіи.

По установленіи у насъ цензуры въ 1783 году, предоставлена она была управѣ благочинія и состояла подъ оною до 1796 года, когда поступила въ вѣдѣніе правительствующаго сената.

На главныхъ пунктахъ границъ была она ввѣрена пограничнымъ начальствамъ. Духовная принадлежала св. синоду и епархіальнымъ архіереямъ.

Въ 1797 году учреждены цензуры въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ изъ трехъ особъ: духовной, гражданской и ученой. Наконецъ, въ 1802 году манифестомъ объ учрежденіи министерствъ возложена цензура на министерство народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ сначала она составляла у насъ маловажное занятіе полиціи; потомъ, съ усилившеюся во Франціи революціей, введена въ другую крайность, то есть изъ управы благочинія перешла въ сенатъ; потомъ усилена въ своемъ дѣйствіи, и, наконецъ, при правильной классификаціи предметовъ управленія, поставлена въ своемъ мѣстѣ.

Министерство народнаго просвѣщенія раздѣлило право цензуры между подчиненными ему университетами. Учреждены комитеты цензурные, духовная цензура отдѣлена отъ гражданской, и ученымъ обществамъ, правительствомъ утвержденнымъ, равно какъ и казеннымъ мѣстамъ, дозволено имѣть собственную цензуру. Но чрезъ четыре года усмотрѣно на опытѣ неудобство сего постановленія, и въ 1804 году всѣ книги разныхъ начальствъ подчинены цензурѣ университетовъ.

При новомъ раздѣленіи министерствъ, въ 1810 году, и высочайшимъ указомъ 1819 года положительно подтверждено и истолковано исключительное право министерства просвѣщенія на цензуру. Между тѣмъ, по представленному въ Государственный совѣтъ управляющимъ тогда министерствомъ полиціи, неизвѣстно, по какому поводу, проекту для цензуры, возникли разныя мнѣнія, постороннія въ дѣлѣ цензуры, рѣшительно основанномъ на манифестахъ и высочайшихъ указахъ, но примѣчательныя потому, что кончились заявленіемъ недостатка существующаго для цензуры устава. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отвергнулъ сіе замѣчаніе, безъ всякихъ доводовъ приведенное, и доказалъ неудобства представленныхъ, какъ бы въ рѣчи только о семъ дѣлѣ, мнѣній о преобразованіи всей цензуры.

На семъ остановились общія у насъ распоряженія по сему предмету, когда главное училищъ правленіе, замѣчая изъ разныхъ встрѣтившихся случаевъ необходимость дополнять распоряженія устава о цензурѣ частными предписаніями, почло нужнымъ, *сообразуясь съ опаснымъ движеніемъ умовъ въ Европѣ*, обозрѣть предметъ цензуры во всей его обширности и *сдѣлать* для него *установленія, сообразнѣйшія* прежнихъ *съ обстоятельствами и временемъ*.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О переворотѣ въ образѣ мыслей Европы, открывшемся въ послѣдніе годы, когда внѣшнія волненія оной утихли.

Третья глава наполнена разсужденіями о томъ, что тотъ духъ, который скрывался у Вольтера и Руссо подъ скромнымъ плащомъ филантропіи, у Робеспьера подъ шапкою свободы, у Бонапарта подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, подъ короною императора, есть тотъ самый духъ, который нынѣ, съ трактатами философіи и хартіями конституцій въ рукѣ, поставилъ престолъ свой на западѣ и хочетъ быть равенъ Богу (Исаіи, гл. XIV, ст. 13 и 14)[385].

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О главныхъ началахъ, на коихъ, по мнѣнію комитета, нынѣ цензура въ Россіи можетъ быть учреждена.

По вышеизложеннымъ, убѣдительнымъ и важнымъ причинамъ, комитетъ мнѣніемъ полагаетъ:

1. По силѣ высочайшаго манифеста 1810 и указа 1819 года, сосредоточить всѣ части разсѣянной нынѣ цензуры въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, дабы единообразіе началъ и духа руководствовали разсмотрѣніемъ всѣхъ книгъ, изданіемъ всѣхъ учрежденій по сей части, и выборомъ людей, безъ коихъ наилучшія постановленія были бы не дѣйствительны.

2. Навсегда разграничить ясно и положительно цензуру министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ положеннаго при министерствѣ полиціи, его учрежденіемъ, комитета для исправленія дѣлъ по цензурнымъ установленіямъ, то есть отдѣлить дѣйствіе цензуры нравственное и ученое отъ дѣйствія вспомогательнаго и наружнаго полиціи, которое состоитъ единственно: а) въ надзорѣ за непечатаніемъ и непродажею книгъ безъ цензуры, b) въ просмотрѣ афишей и другого рода публичныхъ объявленій.

Замѣтить надобно, что до Бонапарта никто не слыхалъ, чтобы полиція участвовала въ цензурѣ, и порученіе сей обязанности министру Фушѐ было только послѣдствіе того страха, который всегда преслѣдовалъ сего похитителя, ибо, повелѣвая половиною вселенной, онъ трепеталъ предъ перомъ госпожи Сталь и другихъ подобныхъ ей писателей.

3. Въ обѣихъ столицахъ, въ Ригѣ и Вильнѣ, учредить цензурные комитеты, независимые отъ университетовъ.

4. Цензуру Медико-хирургической академіи въ нравственномъ ея отношеніи соединить съ общею, ибо въ настоящее время, когда науки математическія и даже географія несутъ часто на себѣ отпечатокъ невѣрія, могутъ ли не подлежать строжайшему надзору творенія медицинскія, въ коихъ разсужденія о дѣйствіяхъ души на органы тѣлесные и о возбужденіи въ тѣлѣ различныхъ страстей подаютъ обильные способы къ утвержденію матеріализма самымъ косвеннымъ и тонкимъ образомъ. Посему медицинскія книги, разсмотрѣвъ въ отношеніи нравственномъ, отсылать въ цензуру академіи Медико-хирургической.

5. Комитеты цензурные, независимые отъ университетовъ, въ двухъ столицахъ составить изъ одной духовной особы, четырехъ русскихъ и двухъ иностранныхъ цензоровъ; а въ Ригѣ и Вильнѣ — изъ трехъ тамошнихъ чиновниковъ министерства просвѣщенія и одной духовной особы.

6. По присвояемой нынѣ важности цензурѣ, комитеты оной составить изъ лицъ, по званію ихъ и по личной довѣренности министра, значительныхъ.

7. Отвергая прежнее понятіе, по которому мѣста цензоровъ почитались какъ бы добавочными къ другимъ занятіямъ, избрать чиновниковъ, единственно или, по крайней мѣрѣ, главнѣйше сему важному дѣлу себя посвятившихъ, и потому, обезпечивъ ихъ достаточнымъ содержаніемъ, дать имъ всѣ нужные способы къ легкому и безостановочному отправленію ихъ обязанностей.

8. Составить такой уставъ для цензуры, который бы обнималъ *всѣ извороты и уловки настоящаго духа времени*, сколько сіе возможно. Невозможное же къ точному опредѣленію предоставить на благоразуміе и совѣсть довѣренныхъ лицъ, цензуру составляющихъ, обезпечиваясь, однако же, сею

личною довѣренностію сколько можно менѣе, ибо люди перемѣняются, а уставы остаются.

9. Главными началами устава для цензуры принять:

a) Всякое сочиненіе, въ которомъ прямо или косвенно отвергается, ослабляется или представляется сомнительнымъ ученіе Откровенія, отвергать и запрещать безъ пощады.

b) Всякое сочиненіе, не только возмутительное противъ властей предержащихъ, но и ослабляющее, въ какомъ либо отношеніи, должное къ нимъ почтеніе, запрещать.

c) Всякое сочиненіе, заключающее въ себѣ какой либо духъ сектаторства или смѣшивающее чистое ученіе вѣры евангельской съ древними подложными ученіями, либо съ такъ называемою естественною магіей, кабалистикой и масонствомъ, — запрещать.

d) Запрещать равнымъ образомъ всѣ тѣ сочиненія, въ коихъ своевольство разума человѣческаго усиливается изъяснить и доказать философски недоступныя для него святыя таинства вѣры.

10. Запрещеніе всего противнаго добрымъ нравамъ, благопристойности и свѣтскимъ приличіямъ, чести народной и личной, само собою за предшествовавшими статьями слѣдуетъ.

11. Но какъ чѣмъ болѣе, съ одной стороны, власть и дѣйствіе цензуры распространяются, тѣмъ болѣе, съ другой, нужно оградить переводчиковъ и сочинителей отъ всякаго произвольнаго къ нимъ притязанія, а самую цензуру отъ нареканій, то поставить правиломъ:

a) Цензура не можетъ положить запрещенія на представленную ей рукопись иначе, какъ актомъ комитета; въ актѣ семъ должно быть указано на статью устава, въ силу которой запрещеніе сдѣлано, и выписка изъ сего акта должна быть выдана тому, чья книга запрещается, а запрещенная рукопись должна оставаться при дѣлѣ.

b) Ежели бы сочинитель и переводчикъ запрещенной книги находилъ, что цензура поступила несогласно съ указанною статьею устава, то онъ можетъ принести жалобу министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который наряжаетъ одного изъ постоянно опредѣленныхъ къ тому, по его назначенію, членовъ ученаго комитета для разсмотрѣнія оной.

Сей назначенный отъ министра членъ председательствуетъ въ сихъ случаяхъ въ комитетѣ цензуры, разсматриваетъ въ общемъ ея собраніи все дѣло, по коему возникла жалоба, отбираетъ нужныя объясненія, и выписку изъ журнала сего чрезвычайнаго засѣданія представляетъ съ своимъ мнѣніемъ министру, который, по усмотрѣнію, или рѣшитъ дѣло сіе лично, или вноситъ его въ главное правленіе училищъ. Какъ мѣра сія на московскую, рижскую и виленскую цензуры простираться не можетъ, то просьбы сочинителей на цензуры сіи, къ министру поступающія, представить на разсмотрѣніе петербургскому цензурному комитету въ порядкѣ вышеизложенной апелляціи.

Мѣра сія для предупрежденія всякаго самоуправства цензуры столь необходима, что самый король испанскій положилъ, что въ случаяхъ несправедливаго запрещенія книги инквизиціею, принимаетъ и разсматриваетъ жалобы на нее онъ самъ.

Сіи только мѣры въ совокупности почитаетъ комитетъ достаточными для принятія ихъ въ основаніе для цензурнаго устава, сообразно съ духомъ настоящаго времени.

Руководящія начала, изложенныя Магницкимъ, вызвали нѣсколько замѣчаній со стороны членовъ ученаго комитета. Академикъ Фусъ возставалъ противъ названія университетовъ безбожными и противъ обвиненія математическихъ наукъ въ духѣ невѣрія. «Науки эти,— говоритъ Фусъ,— никакъ не могутъ носить на себѣ отпечатокъ невѣрія въ тѣ святыя истины, въ которыя христіанинъ долженъ вѣрить для достиженія вѣчнаго блаженства: занимаясь болѣе пятидесяти лѣтъ математикою, я перечиталъ нѣсколько тысячъ математическихъ книгъ, но вѣра моя осталась непоколюбимою». Графъ Лаваль предложилъ ввести въ уставъ особый параграфъ, запрещающій печатать и продавать книги, содержащія оскорбленія, сатиры, колкія насмѣшки на правительства и государей, находящихся съ русскимъ дворомъ въ сношеніяхъ родства, союза или дружества. Графъ Лаваль обратилъ особенное вниманіе на журналистику, распространяющую какъ литературныя, такъ и политическія извѣстія. По его мнѣнію, только два-три журнала, какъ, напримѣръ: *Безпристрастный Наблюдатель*, *Инвалидъ*, *Петербургскія Вѣдомости*,

должны имѣть право помѣщать статьи политическаго содержанія, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія министерства. Всѣ же другіе журналы и газеты могутъ только перепечатывать эти статьи, избѣгая всякихъ сужденій о политическихъ и дипломатическихъ вопросахъ [386]).

Вслѣдъ за мнѣніемъ о цензурѣ, Магницкій представилъ самый проектъ устава и секретную инструкцію въ руководство цензурнымъ комитетамъ. Проектъ устава, по духу своему и содержанію, вполнѣ соотвѣтствуетъ началамъ, съ такою подробностію изложеннымъ въ мнѣніи Магницкаго. Различныя подробности проекта будутъ видны изъ замѣчаній на нихъ, сдѣланныхъ членами главнаго правленія училищъ, а также изъ секретной инструкціи, которую и приводимъ вполнѣ.

Проектъ секретной инструкціи цензурному комитету.

Невозможность выразить краткими положеніями и слогомъ закона всѣ подробности, для руководства цензурнаго комитета нужныя, привела къ мысли дать ему особенную, къ собственному его свѣдѣнію принадлежащую, инструкцію. Удостоена будучи Высочайшаго утвержденія, инструкція сія имѣетъ силу закона. Но для введенія въ оную почитается нужнымъ открыть начало, служившее основаніемъ новому уставу о цензурѣ.

Духъ времени, очевидно и во многихъ государствахъ Европы, открыто уже стремится на разрушеніе всякаго гражданскаго порядка.

Съ седьмагонадесять вѣка явно возсталъ онъ въ Европѣ на Бога ученіями матеріализма, потомъ адскими поруганіями надъ святою Библіею и, наконецъ, отверженіемъ Искупителя и личнымъ на него остервененіемъ. Тогда явились первыя разрушительныя начала теорій права естественнаго. За ними послѣдовало во Франціи низверженіе алтарей Христовыхъ и законныхъ властей. Нынѣ, когда внѣшнія волненія утихли, системы невѣрія, дотолѣ Англію и Францію только обтекавшія, со всею хитростію духа злобы явились подъ новою личиною въ Германіи.

Безъ открытаго уже опроверженія Библіи, въ молчаніи объ Искупителѣ, подъ именемъ чистаго разума, въ совершеннѣйшихъ противъ прежняго системахъ наукъ философскихъ, естественныхъ, историческихъ и въ произведеніяхъ изящнѣйшей словесности разливается нынѣ ядъ опаснѣйшаго всѣхъ прежнихъ временъ невѣрія. Подобно новому Пилату, разумъ человѣческій, со всею правильностію умозрительныхъ формъ своихъ, осуждаетъ и предаетъ на пропятіе Богочеловѣка.

Таково нынѣ состояніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ.

Очевидно, что ни одно христіанское правительство не можетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, не токмо для собственной безопасности, но и для настоящаго и будущаго блага своихъ подданныхъ, оставаться бездѣйственнымъ.

Между мѣрами, противоборствующими сей, господствующей въ Европѣ заразѣ, цензурныя установленія суть одна изъ важнѣйшихъ.

По сей причинѣ и на сихъ началахъ составленъ и изданъ нынѣ уставъ для цензурнаго комитета.

Цѣль сего важнаго законоположенія облекаетъ цензоровъ высокимъ званіемъ стражей, охраняющихъ вѣру Христову, нравы отечественные и самый языкъ нашъ, не оскверненный еще ни богохуленіями, ни разрушительными воплями противъ власти царской, ни нечистотами разврата и сладострастія отъ язвы, повсемѣстно уже и особенно въ Германіи свирѣпствующей.

Да проникнутся цензоры всею важностію сего служенія ихъ Царству Божію во времена самыя опасныя и тяжкія, и, приступая съ благословеніемъ Господнимъ къ исполненію своего долга, да дѣйствуютъ они по прямому разумѣнію и по чистой совѣсти, вѣрою освящаемымъ.

Въ намѣреніи облегчить для нихъ исполненіе устава преподаются имъ здѣсь слѣдующія руководства на разныя статьи его:

1) Въ § 16 постановлены правила для разсмотрѣнія книгъ врачебныхъ въ нравственномъ ихъ отношеніи. Подъ симъ разумѣется отверженіе не токмо явнаго безбожія или матеріализма, но и всякаго ухищренія невѣрія, старающагося ниспровергнуть или представить сомнительнымъ духовный

санъ человѣка, внутреннюю его свободу и высшее предопредѣленіе къ будущей жизни.

2) § 24 (предостовляющій цензурѣ разсмотрѣнія литографированныхъ и вырѣзныхъ изображеній на бумагѣ, деревѣ, мѣди, камнѣ, рисунковъ, эстамповъ, и т. п.) имѣетъ въ предметѣ объять всякаго рода изображенія, коими невѣріе стремится замѣнить для себя повсемѣстно стѣсненную свободу тисненія. Таковы суть богохульныя изображенія Пресвятыя Троицы, недавно появившіяся во Франціи въ честь Бонапарте, священные предметы на табакеркахъ и прозрачныхъ экранахъ для подсвѣчниковъ и каминовъ, и т. п.

3) Возбраняются всѣ творенія, заключающія въ себѣ ученія какихъ либо тайныхъ обществъ, уставомъ благочинія у насъ запрещенныхъ, кои подъ разными вымышленными образами къ Библіи и ученію евангельскому примѣшиваютъ свои преданія и эмблемы христіанской церкви, не токмо чуждыя, но и противныя.

Равному запрещенію подлежатъ всѣ сочиненія, въ которыхъ для привлеченія къ симъ обществамъ довѣрія ложно утверждается о происхожденіи или существованіи ихъ отъ самой якобы глубокой древности. Къ сему разряду принадлежатъ всѣ сочиненія магическія, астрологическія, кабалистическія, книги гадательныя и прочія. При запрещеніи сего рода книгъ цензоръ можетъ объявлять сочинителямъ и издателямъ ихъ словесно, что, по особо даннымъ комитету правиламъ, онѣ пропускаемы быть не могутъ.

4) Къ § 29 (осуждающему книги, порицающія правительство и администрацію) отнести можно сочиненія, въ которыхъ хотя бы и не заключалось явной хулы на настоящій образъ нашего правительства, но подразумѣвалась бы она въ излишнихъ похвалахъ какимъ либо конституціямъ, силою народа и войскъ у законныхъ государей исторгнутымъ.

(Подлежатъ запрещенію книги, порицающія особы отечественныхъ государей, въ Бозѣ почивающихъ). Само собою разумѣется, что пристойнаго о сихъ предметахъ разсужденія, по прошествіи такого времени, которое вводитъ уже ихъ въ отдаленіе историческое, воспрещать не слѣдуетъ.

5) Въ число книгъ, упоминаемыхъ въ § 30 (запрещающемъ сочиненія, противныя добрымъ нравамъ), отнести

можно бо̀льшую часть переводимыхъ романовъ и сладострастныхъ стихотвореній, кои начинаютъ наводнять литературу. Къ запрещенію ихъ часто можно найти предлогъ въ неисправности самаго слога и тому подобномъ.

6) Хотя особое будетъ сдѣлано распоряженіе въ разсужденіи того, чтобы всѣ политическія вѣдомости почерпали сообщаемыя ими заграничныя извѣстія изъ одного офиціальнаго источника; но комитету и за сею мѣрою наблюсти должно, чтобы ничто противное уставу въ нравственномъ отношеніи появиться въ публичныхъ листахъ не могло. Таковъ, напримѣръ, процессъ англійской королевы. Краткое о немъ извѣстіе могло быть напечатано, но подробности и слова ея обвинителей, изъ почтенія къ высокости ея сана, изъ уваженія даже къ ея полу и къ добрымъ нравамъ, должны были бы, по правиламъ нынѣ изданнаго устава, быть пройдены въ молчаніи.

7) Извѣщеніе министра (по § 59) о сочинителѣ опасной книги должно быть учиняемо немедленно и тайно, дабы до сообщенія онаго министру внутреннихъ дѣлъ не могъ онъ укрыться отъ полиціи и закона. Посему каждый цензоръ, не ожидая въ сихъ случаяхъ засѣданія комитета, остановленную рукопись съ своими примѣчаніями обязанъ представить министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ первомъ засѣданіи комитета долженъ онъ объявить сіе собранію, которое до разрѣшенія и хранитъ дѣло втайнѣ.

Въ семъ состоятъ частныя руководства и указанія, кои на сей разъ почтены для комитета нужными. По времени и обстоятельствамъ они будутъ дополняемы и перемѣняемы.

Господь да укрѣпитъ и просвѣтитъ членовъ онаго на важное ихъ служеніе, которое да прейдутъ они безотвѣтственно предъ правосудіемъ человѣческимъ и Божіимъ.

При разсмотрѣніи составленныхъ Магницкимъ проектовъ члены главнаго правленія училищъ: преосвященный Филаретъ, графъ Лаваль, Фусъ, графъ Ливенъ, Мартыновъ, Руничъ и другіе, предложили свои замѣчанія, болѣе или менѣе подробныя.

Преосвященный Филаретъ находилъ излишнимъ присутствіе духовной особы въ числѣ членовъ цензурнаго комитета. На вопросъ, кто же будетъ охранителемъ религіи въ

комитетахъ, преосвященный отвѣчалъ: «Всѣ члены ихъ, которые, при внимательномъ избраніи правительствомъ, должны быть просвѣщенные христіане. А если не будутъ они просвѣщенными христіанами, то и сидящая рядомъ съ ними духовная особа не охранитъ религіи въ ихъ комитетѣ».

Графъ Лаваль замѣтилъ, что невозможно запрещать, и притомъ довольно неопредѣлительнымъ образомъ, писать что либо противъ умершихъ государей какъ отечественныхъ, такъ и чужестранныхъ. «Это все равно,—говорилъ онъ,—что запретить изученіе исторіи сего верховнаго судилища, на которомъ разбираются добрыя и худыя дѣла. Ни одна историческая книга во Франціи не умолчала ни о жестокостяхъ Лудовика XI, ни о фанатизмѣ Карла IX, стрѣлявшаго въ своихъ подданныхъ-протестантовъ. Во всѣхъ историческихъ запискахъ того времени ясно изображено, какимъ образомъ Марія Медичи заставляла партизановъ своихъ дѣйствовать для вооруженія руки Равальяка противъ Генриха IV».

Въ § 55 сказано, что содержатели типографій, печатающіе или перепечатывающіе какія либо книги безъ дозволенія цензуры, подвергаются секвестрованію типографіи со всѣми ея принадлежностями въ пользу приказовъ общественнаго призрѣнія и, сверхъ, того преданію суду. «Итакъ,—возражаетъ Лаваль,—осужденный по силѣ сего параграфа теряетъ въ одну минуту всѣ средства для своего существованія, и ввергается со всѣмъ своимъ семействомъ въ крайнюю нищету безъ всякой надежды на избавленіе. Принужденный отказаться отъ дѣятельности, которой посвятилъ всю свою жизнь, онъ умножитъ собою толпу праздношатающихся бродягъ, число которыхъ и безъ того уже слишкомъ велико и слишкомъ опасно. На краю толь глубокой пропасти чѣмъ не пожертвуетъ онъ для своего избавленія? Какими суммами не будетъ искушать велѣній правительства, и кто знаетъ, до чего не доведетъ великодушное чувство (состраданіе къ злополучнымъ) исполнителей самыхъ безкорыстнѣйшихъ? Нельзя извинить печатанія противозаконнаго, но и нельзя карать всѣхъ безъ разбора. Содержатели литографій, граверы и т. п. не могутъ подвергаться за какое либо неблагопристойное изображеніе одинаковому наказанію съ типографщиками и книгопродавцами, напеча-

тавшими или пустившими въ продажу возмутительную книгу. Также нельзя поставить на одну степень съ сими послѣдними содержателей кабинетовъ для чтенія или продавцовъ картинъ и т. п., у которыхъ найдены будутъ рисунки или изображенія, противныя добрымъ нравамъ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ только существуютъ законы для книгопечатанія, весьма основательно различали проступки типографщиковъ отъ проступковъ книгопродавцевъ.

Никто изъ членовъ главнаго правленія училищъ не высказалъ такого полнаго и восторженнаго сочувствія къ проектамъ Магницкаго, какъ Руничъ. Находя ихъ въ полной мѣрѣ соотвѣтствующими благотворнымъ видамъ преобразованія цензуры, Руничъ представилъ замѣчанія такого рода:

«Къ сочиненіямъ, подлежащимъ запрещенію, полагаю нужнымъ присовокупить нижеслѣдующія:

1) Книги, какого бы рода онѣ ни были, написанныя въ духѣ, противномъ христіанству и не ведущія къ истинной высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества постояннаго и спасительнаго согласія между *вѣрою, вѣдѣніемъ и законною властію*, или что̀ все то же—между *христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ ума и существованіемъ гражданскимъ;*

2) Книги, въ которыхъ излагаются противныя евангельскому ученію понятія о величествѣ Божіемъ, о Его могуществѣ, премудрости и безконечной благости, гдѣ чистота ученія о тайнѣ воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и о подвигѣ всемірнаго искупленія обезображены превратными изъясненіями, или гдѣ тайна сія сомнительною представляется или вовсе отвергается;

3) Книги, въ коихъ описаны частныя видѣнія, откровенія, внутреннія ощущенія; частныя и общія прорицанія и всякаго рода сочиненія, за вдохновенныя выдаваемыя;

4) Книги философскія, вмѣщающія въ себѣ понятія о мнимой добродѣтели, независимой отъ единаго истиннаго источника всякаго блага — Бога и вѣры въ Спасителя нашего;

5) Книги, въ коихъ предлагается ученіе добродѣтели безъ всякаго указанія на единственный ея источникъ — Бога и святое откровеніе;

6) Книги о нравственной философіи и умозрительномъ

законодательствѣ, въ коихъ отдѣляется нравственность отъ вѣры и добродѣтели, и учрежденія гражданскія восписуются чуждому источнику; однимъ словомъ, всѣ тѣ книги, кои противорѣчатъ практическому христіанству;

7) Книги, въ коихъ предлагаются ложныя ученія о происхожденіи верховной власти не отъ Бога, а отъ насилія или условія между людьми;

8) Книги математическія, физическія и химическія, въ которыхъ ложныя умствованія и дерзкія догадки, на нѣкоторыхъ поверхностныхъ заключеніяхъ основанныя, клонятся къ распространенію матеріализма;

9) Книги медицинскія, физіологическія, патологическія и анатомическія, къ анатоміи человѣческаго тѣла или сравнительной принадлежащія, въ которыхъ предлагается ученіе, прямо или косвенно ниспровергающее духовный санъ человѣка, внутреннюю его свободу и высшее предопредѣленіе къ будущей жизни;

10) Сочиненія, называемыя историческими, философическими и филологическими, безъ всякой связи и цѣли представляющія безпорядочный сборъ матерій, умствованій и умозрѣній, противныхъ не только евангельскому ученію, но и здравому смыслу;

11) Романы, повѣсти, сказки, новости, записки, приключенія жизни и всѣ извѣстныя подъ сими заглавіями книги, какъ скоро въ нихъ явно или скрытно распространяется духъ невѣрія или возмущенія, или описываются происшествія и случаи соблазнительные, и употребляются выраженія грубыя, простонародныя, двусмысленныя, ко вреду добрыхъ нравовъ;

12) Сочиненія и переводы на русскомъ и другихъ языкахъ, писанные нечистымъ слогомъ, въ коихъ употреблены обороты и выраженія, несвойственныя языку, на которомъ они писаны, и въ коихъ оказывается грубое незнаніе грамматики, — которые потому не только безполезны, но еще и портятъ вкусъ и, по справедливости, наносятъ вредъ словесности.

Сіи §§ отъ № 1 до 9 составлены изъ правилъ для руководства ученаго комитета, какъ самыхъ основательныхъ и объемлющихъ всѣ науки и части оныхъ. № 7, 8 и 9 по-

читаю необходимо нужнымъ включить въ уставъ, а не въ инструкцію, потому что уставъ, какъ коренное законоположеніе, не подлежитъ измѣненіямъ; инструкція же напротивъ, того, по обстоятельствамъ и духу времени, подвергнуться онымъ можетъ, по наименованію же *секретной* и не дойдетъ до общаго свѣдѣнія.

Я включилъ статью № 3, находя мнѣнія одного благочестиваго писателя (госпожи Гіонъ) весьма справедливыми и основательными, что сего рода дарованія весьма подозрительны, какъ потому, что пріохочиваютъ къ сверхестественнымъ случаямъ и, питая одно любопытство, отводятъ отъ обязанностей дѣятельной жизни, такъ и потому, что все то, что̀ въ образахъ и явленіяхъ представляется, и изъ нечистаго источника происходитъ и заимствовано быть можетъ.

Что касается до § 7, 8 и 9, всякій благонамѣренный членъ общества усмотритъ въ нихъ преграды, правительствомъ къ распространенію невѣрія, разврата и невѣжества полагаемыя, и одно только отеческое его о благосостояніи общества попеченіе. Книги, науки въ предметѣ имѣющія, и системы въ духѣ невѣрія составленныя, тѣмъ опаснѣе, что безбожныя положенія утверждаются въ нихъ мнимо-неопровержимыми учеными доводами. И такія сочиненія, по мнѣнію моему, должны быть оглашены, а ядъ, въ нихъ подъ благовидными личинами скрывающійся, указанъ».

Проектъ цензурнаго устава, составленный Стурдзою, отличается бо̀льшею, въ сравненіи съ проектомъ Магницкаго, мягкостью, терпимостью и отсутствіемъ фанатизма. Цѣлью цензурнаго разсматриванья должно быть, по его мнѣнію, указаніе вреда или безвредности книги, а отнюдь не ея критическая оцѣнка. Безвредность имѣетъ различныя степени, опредѣляемыя принадлежностью книги къ тому или другому отдѣлу наукъ и литературы. Всѣ произведенія, подлежащія цензурѣ, Стурдза раздѣляетъ на двѣнадцать классовъ: сочиненія духовныя, нравственныя, словесныя, историческія, географическія и статистическія, философическія, т. е. логическія и метафизическія вообще, юридическія, математическія, относящіяся къ естественнымъ наукамъ и къ медицинѣ, политическія, увеселительныя, не принадлежащія къ словесности,

еврейскія, эстампы и другія искусственныя произведенія, распространяемыя тисненіемъ. Сочиненія о словесности подраздѣляетъ онъ на дидактическія, классическія и изящныя. Въ отношеніи къ дидактическимъ цензоръ обязанъ наблюдать единственно за безвредною чистотою и благопристойностію ихъ, отнюдь не усвоивая себѣ право одобрять или охуждать методу, распредѣленіе, выборъ предметовъ въ сочиненіяхъ сего рода. Въ отношеніи къ классическимъ цензоръ полагаетъ различіе между *изданіями полными* (omnia quae extant opera) и *ручными книгами*, издаваемыми для юношества и употребленія въ училищахъ (editiones expurgatæ). Текстъ первыхъ не подлежитъ его разбору: онъ довольствуется разсмотрѣніемъ предисловій и примѣчаній. Цензоръ, судя о безвредности разсматриваемой книги, обязанъ наблюдать слѣдующія правила: не запрещать цѣлаго сочиненія ради нѣкоторыхъ мѣстъ, подлежащихъ исключенію; отмѣчать подобныя мѣста не иначе, какъ по зрѣломъ обсужденіи предыдущаго и послѣдующаго, ибо и то, и другое нерѣдко служитъ къ поясненію мысли, которая въ отдѣльности подверглась бы осужденію; указывать и предоставлять сочинителю исправленіе мѣстъ двусмысленныхъ, не искажая для нихъ самаго текста.

Не смотря на то, что нѣкоторые изъ членовъ главнаго правленія училищъ высказались въ пользу проекта Стурдзы, признавая его основательно обдуманнымъ и систематически составленнымъ, главный комитетъ, учрежденный для пересмотра цензурныхъ постановленій, не нашелъ нужнымъ перемѣнять составленный имъ прежде проектъ устава о цензурѣ, оставшись при прежнемъ своемъ мнѣніи.

Съ бо̀льшимъ, повидимому, сочувствіемъ, нежели проектъ Стурдзы, приняты были комитетомъ цензурныя правила Царства Польскаго. Комитетъ заявилъ, что ему одобрительно и лестно видѣть, что духъ и цѣль правилъ и устава совершенно одинаковы за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей [387]). По мнѣнію комитета, изъ правилъ должно сдѣлать слѣдующія заимствованія:

«Запрещается всякое сочиненіе, въ которомъ заключаются прямыя или косвенныя нападенія на ту непреложную истину, что монархическій образъ правленія въ началѣ обществъ

данъ въ примѣръ самимъ Богомъ и составляетъ единое твердое, законное и благотворное ихъ основаніе.

«Запрещается всякое сочиненіе, прямо или косвенно устремленное противъ той царственной думы, коей ввѣрено свыше охраненіе и благоденствіе всего христіанскаго міра, верховная стража алтарей Божіихъ и престоловъ помазанниковъ, и которая наименована союзомъ священнымъ.

«Не нарушая общей строгости надзора за всѣми выходящими книгами, должно обратить особенное вниманіе на мелкія сочиненія, которыя, по дешевизнѣ и легкости чтенія, расходятся быстрѣе другихъ.

«Самая трудная обязанность цензоровъ состоитъ въ уловленіи всѣхъ увертокъ духа времени, столь разнообразныхъ, что весьма умѣстно указать нѣкоторыя средства, которыми пользуется нечестивое скопище любителей переворотовъ: религіозныхъ, политическихъ и нравственныхъ. Къ числу подобныхъ средствъ принадлежатъ: разные разсказы, очерки, характеристики, взятые изъ временъ и странъ отдаленныхъ; искусныя и тонкія аллегоріи; искаженныя историческія событія; возмутительныя и по большей части вымышленныя картины, въ которыхъ изображены дѣйствія фанатизма или тираніи; выписки изъ рѣчей, проникнутыхъ революціоннымъ духомъ; искусство ловко напоминать блистательныя явленія въ эпоху народныхъ смутъ и волненій; коварное опроверженіе безнравственныхъ идей, посредствомъ котораго онѣ еще сильнѣе укореняются въ умѣ читателя; лукавые разборы нечестивыхъ сочиненій съ цѣлію познакомить возможно бо̀льшее число лицъ съ возмутительными началами; ложные слухи, распространяемые и дополняемые для смущенія умовъ; остроты и сатирическія выходки, изъ которыхъ секта энциклопедистовъ, предводимая Вольтеромъ, сдѣлала себѣ орудіе противъ началъ здраваго смысла, и т. д.»

Окончивъ составленіе устава и закрывая свои засѣданія, комитетъ выразилъ надежду, что трудъ его предохранитъ надолго вѣру, правительство и народные нравы отъ повсемѣстнаго на нихъ посягательства [388]). Уставъ, составленный комитетомъ или собственно Магницкимъ, служитъ замѣчательнымъ памятникомъ своего времени. Содержаніе его и характеръ объясняетъ переходъ отъ устава 1804 года къ уставу

1826 года, которые принадлежатъ двумъ различнымъ эпохамъ въ исторіи русской образованности [389]).

При обсужденіи новаго цензурнаго устава, въ главномъ правленіи училищъ поднятъ былъ вопросъ о правѣ университетовъ и профессоровъ пользоваться книгами помимо цензурнаго контроля. Вопросъ этотъ былъ возобновленъ по поводу запрещенныхъ книгъ, оставшихся по смерти одного дерптскаго профессора. Попечитель дерптскаго учебнаго округа, графъ Ливенъ, горячо защищалъ право, издавна принадлежавшее университетамъ, и въ нарушеніи его видѣлъ уклоненіе отъ пути, завѣщаннаго Петромъ Великимъ, открывавшимъ всѣ способы для народнаго образованія.

Въ одномъ изъ засѣданій главнаго правленія училищъ постановлено было лишить профессоровъ всѣхъ русскихъ университетовъ Высочайше дарованнаго имъ права выписывать книги безъ цензуры. Главное правленіе приводило то основаніе, что подобное право неизбѣжно влечетъ за собою вредъ распространеніемъ въ Россіи запрещенныхъ книгъ и злоупотребленіе, состоящее въ томъ, что подъ именемъ университетовъ и профессоровъ могутъ быть выписываемы книги для частныхъ людей. Предложено было всѣ запрещенныя книги, находящіяся въ университетахъ и другихъ училищахъ, отобрать и хранить въ особомъ мѣстѣ за печатью департамента. Если же для того или другого университета нужна будетъ какая либо изъ запрещенныхъ книгъ, то онъ можетъ черезъ попечителя просить министра о доставленіи ея на время, по минованіи котораго возвращается она въ департаментъ тѣмъ же порядкомъ.

Отстаивая дорогое для университетовъ право, графъ Ливенъ доказываетъ свою мысль наглядными образами, сравненіями и сближеніями. «Не позволять ученому пользоваться книгами по своей спеціальности, — говоритъ онъ, — потому только, что между ними есть опасныя или кажущіяся опасными, значило бы то же, что запретить плотнику или столяру употребленіе топора, потому что имъ можно разрубить голову другому. Требованіе отсылать книги въ департаментъ представляется подобнымъ распоряженію, чтобы всѣ город-

скіе и сельскіе жители, имѣющіе дѣтей, отсылали ножи и вилки въ магистраты губернскихъ и уѣздныхъ городовъ для того, чтобы дѣти не зарѣзали себя или кого другого; когда же ножи и вилки понадобятся для стола, то жители могутъ требовать ихъ обратно. Не охотнѣе ли бо̀льшая часть согласилась бы часто оставаться безъ кушанья, кое-какъ разламывая хлѣбъ свой и лишая себя блюдъ, необходимыхъ для подкрѣпленія здоровья, чтобы только избавиться отъ такихъ хлопотъ и затрудненій? То же самое случилось бы съ нашими профессорами. Они скорѣе рѣшились бы прекратить свои дальнѣйшія занятія и остановились бы на одной точкѣ, нежели стали бы подвергаться подобнымъ хлопотамъ и затрудненіямъ, а можетъ быть, даже и подозрительнымъ замѣчаніямъ», и т. д.

Изъ мнѣній, представленныхъ по этому поводу нѣкоторыми изъ членовъ главнаго правленія училищъ, замѣчательно мнѣніе Лаваля и особенно мнѣніе Муравьева-Апостола.

Мнѣніе графа Лаваля.

При исполненіи закона, весьма мудро составленнаго, могутъ войти злоупотребленія; но сіе не должно служить къ его уничтоженію, и лучше сдѣлать въ немъ полезныя измѣненія, нежели совершенно разрушить оный.

Непреложность и постоянство, осѣняющія законодателя, суть немаловажныя причины, внушающія святое почитаніе къ его дѣйствіямъ и простирающіяся на самую силу закона.

Замѣтить должно, что о предметѣ, насъ занимающемъ, четыре указа послѣдовали въ 1803, 1804, 1808 и 1820 году, и пожаловали право пользоваться нецензурованными правительствомъ книгами не только университетамъ и профессорамъ, но даже и Ришельевскому лицею и С.-Петербургскому педагогическому институту.

Нынѣ представляются два злоупотребленія отъ сего преимущества, кои слѣдуетъ прекратить. Первое—обращеніе въ публикѣ запрещенныхъ книгъ чрезъ продажу наслѣдниками послѣ смерти профессоровъ, коимъ онѣ принадлежали. Второе—полученіе въ университетѣ книгъ безъ всякой пользы

для наукъ, единственно изъ любопытства и по той только причинѣ, что онѣ запрещены.

Для предупрежденія перваго случая достаточны существующія постановленія. Коль скоро книга запрещена, то уже очевидно, что она не можетъ быть распространяема и продаваема въ обществѣ. Такого рода книги, если впослѣдствіи будутъ найдены въ наслѣдіи профессоровъ, должны быть конфискованы университетомъ и присылаемы въ департаментъ.

Что касается до злоупотребленія довѣрять профессорамъ книги, коихъ важность и цѣну составляетъ наиболѣе запрещеніе ихъ, то вопросъ сей гораздо сложнѣе. Одно изъ двухъ: или книги сіи значительны только анекдотическими подробностями, и тогда опасность ихъ не велика; или онѣ вредны правилами политики, нравственности и религіи. Но кому же вручить тайну силы и способовъ непріятеля, если не войску, долженствующему противоборствовать? Кому же довѣрить ложныя, но часто заманчивыя правила и начала писателей, коихъ опасное краснорѣчіе увлекло юность безъ оружія для защиты, какъ не тѣмъ, кои должны опровергать и искоренять сіи правила? Надежда совершеннаго невѣдѣнія дурныхъ правилъ оправдаетъ ли нашу безпечность насчетъ опасныхъ послѣдствій оныхъ? И увѣрены ли мы, что зараза сихъ правилъ столь вѣрно будетъ пресѣчена, что, не допустивъ о нихъ понятія, мы избавимся отъ необходимости опровергать оныя? Подобная мысль не можетъ путеводительствовать въ нынѣ принимаемыхъ мѣрахъ.

Не забудемъ, что изъ сильнѣйшаго яда составляются цѣлительныя лекарства и что искусство врача превращаетъ въ пользу и самое его губительное свойство.

Полагаясь на благоразуміе профессоровъ нашихъ въ воспитаніи юности, не будетъ ли противорѣчія въ сей довѣренности, если мы ихъ поставимъ наравнѣ съ учениками въ выборѣ книгъ для ихъ чтенія? Предоставимъ имъ лучше, яко мудрому врачу, извлекать изъ опасныхъ книгъ для юношества необходимыя историческія свѣдѣнія или философическія, политическія и нравственныя истины, могущія просвѣтить учениковъ, утвердить ихъ мысли и предостеречь ихъ отъ опасности ложныхъ системъ и новыхъ мнѣній.

Впрочемъ, чтобъ успокоить самые боязливые умы и чтобъ удалить всякое злоупотребленіе, я соглашусь охотно на великое ограниченіе преимущества, о которомъ рѣчь идетъ, ограниченіе бо̀льшее, можетъ быть, нежели я его полагаю въ самомъ дѣлѣ нужнымъ.

Оно состоитъ въ позволеніи выписывать нецензурованныя правительствомъ книги изъ чужихъ краевъ исключительно однимъ только университетамъ, не простирая сего преимущества для профессоровъ лично, обязывая притомъ университетъ помѣщать книги какъ тѣ, которыя теперь на лицо, такъ и тѣ, которыя, по требованію профессоровъ, выписываемы будутъ, въ особое отдѣленіе университетской библіотеки, коего входъ открытъ будетъ единственно для профессоровъ и запрещенъ всѣмъ ученикамъ за отвѣтственностію библіотекаря.

Что касается до предложенія, сдѣланнаго въ послѣднемъ засѣданіи нашемъ, запрещенныя книги хранить въ департаментѣ и не иначе доставлять ихъ на время профессорамъ, какъ по востребованію ихъ отъ министра чрезъ попечителя, то слишкомъ очевидно, что доставленіе ихъ отъ одной границы государства къ другой и неизбѣжная медленность переписки не могутъ соотвѣтствовать цѣли, которую имѣли въ виду при освобожденіи университета отъ цензуры правительства, и совершенное запрещеніе ученымъ читать нецензурованныя книги почти равнялось бы сей мѣрѣ. Но сіе было бы противоположно просвѣщеннымъ и благотворительнымъ намѣреніямъ, въ силу коихъ выданы помянутые указы 1803, 1804, 1808 и 1820 года.

Мнѣніе Муравьева-Апостола.

Вникнувъ съ должнымъ вниманіемъ въ предметъ засѣданія нашего, я долгомъ почелъ предложить здѣсь на просвѣщенное сужденіе почтенныхъ сочленовъ моихъ размышленія мои, возникшія отъ вопроса: полезно ли и будетъ ли отвѣтствовать предполагаемой правленіемъ цѣли, если мы лишимъ профессоровъ права, коими они до сихъ поръ пользовалися — выписывать книги на имя свое прямо, минуя всякую цензуру?

Разсматривая предметъ вопроса сего со всѣхъ сторонъ его и соображая выгоды и невыгоды, съ предполагаемымъ намѣреніемъ сопряженныя, я такимъ образомъ разсуждаю:

Здѣсь цѣль правленія не въ томъ ли состоитъ, чтобы заградить путь въ отечество наше соблазнительнымъ книгамъ? Цѣль, конечно, самая благонамѣренная; но кто повѣритъ, чтобы средство къ оной было достаточное? Если и полагать, что въ порядкѣ, теперь существующемъ, проскочатъ какія нибудь двѣ или три худыя книги, то что̀ это значитъ въ сравненіи со множествомъ таковыхъ, которыя со всѣхъ сторонъ могутъ къ намъ вкрадываться, которыхъ никакая полиція не можетъ устеречь и на которыя мудрое правительство наше смотритъ сквозь пальцы, съ презрѣніемъ или, лучше сказать, съ равнодушіемъ, ибо великое, могущественное, твердое, оно не можетъ опасаться бредней теоріи воспаленныхъ воображеній, которыя и увлекаютъ по бо̀льшей части праздное любопытство потому только, что онѣ запрещены. Кажется, довольно уже и сего соображенія для показанія безполезности мѣръ относительно къ загражденію ввоза къ намъ книгъ соблазнительныхъ, и я теперь отъ вещи обращаюсь къ человѣку.

Профессоръ или заслуживаетъ довѣренность правленія, или не заслуживаетъ. Въ послѣднемъ случаѣ ему не только книгъ выписывать, но и каѳедру ни на одну минуту не должно занимать, ибо подозрѣвать человѣка способнымъ къ подлымъ, вреднымъ умысламъ и между тѣмъ ввѣрять ему моральное образованіе юношества есть такое противорѣчіе, какого я и предполагать не смѣю. Слѣдовательно, запрещеніе падетъ на кого? На однихъ профессоровъ, достойныхъ носить почтенное названіе сіе,—на тѣхъ, коихъ правленіе признаетъ заслуживающими лестную довѣренность отечества. Сколько оскорбительно должно быть для нихъ подозрѣніе, скрывающееся въ мѣрѣ предосторожности, явно противу ихъ предпринимаемой,—объ этомъ нечего уже и говорить. Но я прибавить къ тому долженъ, что послѣ этого ни одинъ профессоръ не останется у насъ, да и не можетъ оставаться.

Профессоръ (разумѣется, настоящій, не зауряд̀ъ, каковые, по несчастію, находятся и у насъ), профессоръ, говорю я, есть человѣкъ, который посвятилъ жизнь свою

исключительно какой нибудь изъ многочисленныхъ отраслей познаній человѣческихъ, который, такъ сказать, ею и для нея живетъ. Онъ долженъ безпрестанно слѣдовать за успѣхами науки своей, взоромъ обнимать весь ходъ ея. Ему непремѣнно нужно знать о вновь открытыхъ истинахъ, даже о новыхъ заблужденіяхъ ума, и въ этомъ одномъ отношеніи гражданинъ міра, ему не можетъ быть чуждо ничто, касающееся до цѣли жизни его, ни въ Калькуттѣ, ни въ Филадельфіи. Чтò, если у такого человѣка отнять единственное средство сообщенія мысли съ разсѣянными по пространству образованнаго свѣта согражданами его, то есть людьми, занимающимися одинаковыми съ нимъ предметами? Не все ли это равно, что поставить его въ необходимость или измѣнить призванію своему, или отказаться отъ каѳедры своей? Въ обоихъ сихъ случаяхъ потеря будетъ на нашей сторонѣ, ибо въ первомъ — худой профессоръ у насъ останется; въ послѣднемъ — хорошій профессоръ насъ оставитъ.

Профессорамъ,—возразятъ мнѣ,—не возбраняется выписывать книги, до наукъ ихъ касающіяся! Хорошо, но какимъ образомъ? Профессоръ долженъ будетъ отнестись въ университетскій совѣтъ, совѣтъ къ попечителю, попечитель къ министру; министръ отдастъ это на разсмотрѣніе главнаго училищъ правленія, то есть такое время пройдетъ въ переходахъ изъ мѣста въ другое, въ которое профессоръ два или три раза могъ бы уже имѣть книгу въ рукахъ своихъ, и все это для того, чтобы мы здѣсь рѣшили, полезна ли такая книга профессору или нѣтъ. Однако же, къ этому я осмѣливаюсь сдѣлать еще вопросъ: мы по какому праву можемъ произнесть такой приговоръ? Я смотрю вокругъ себя и вижу между нами одного только почтеннаго сочлена, имѣющаго полное право дать мнѣніе свое, и то по одной своей части, прочіе же всѣ мы—недостаточные судьи, ибо тутъ рѣчь ни о вѣрѣ, ни о политикѣ, ни о нравственности, а просто о такой-то книгѣ для такого-то профессора. И эта книга во всѣхъ помянутыхъ отношеніяхъ можетъ быть самая худая; но она нужна профессору, слѣдственно ему одному и отвѣчать за нее. Положимъ въ примѣръ, что астрономъ Струве потребуетъ Лаланда. Чтò мы скажемъ на это?

Намъ всѣмъ здѣсь извѣстно, что Лаландъ былъ открыто, явно атеистъ. Я не читалъ его, однако же, не сомнѣваюсь, что въ ученыхъ его сочиненіяхъ должно находиться много похожаго на систему Эпикура или отголоска его—Лукреція. Но намъ какое дѣло до исповѣданія Лаланда, когда и Струве нужны одни только вычисленія его?

Въ заключеніе скажу, что запрещеніе профессорамъ выписывать книги—есть мѣра для нихъ безъ нужды оскорбительная, какъ средство — безполезная, а для общей цѣли, для просвѣщенія — вредная [390]).

Проектъ цензурнаго устава, представленный ученымъ комитетомъ въ главное правленіе училищъ въ 1823 году, былъ задержанъ вслѣдствіе того, что одновременно съ нимъ составленъ былъ св. синодомъ новый уставъ для духовной цензуры. При сличеніи ихъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ они касаются однихъ и тѣхъ же предметовъ, и потому признано необходимымъ разграничить ихъ области самымъ опредѣлительнымъ образомъ. Дѣло о преобразованіи цензуры снова препровождено въ ученый комитетъ и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ главы министерства, Шишкова, составленъ новый цензурный уставъ, утвержденный 10-го іюня 1826 года.

По собственнымъ словамъ Шишкова, уставъ для цензуры долженъ быть такого свойства, чтобы, служа къ обузданію своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ свободу и отнюдь не связывалъ ума и дарованій писателя. «Уставъ долженъ наблюдать, — говоритъ Шишковъ,— чтобы издаваемыя сочиненія были никому не обидны, всякому для чтенія полезны или, по крайней мѣрѣ, забавны, но безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку» [391]).

Цѣлью устава и цензуры вообще прежній комитетъ полагалъ огражденіе троновъ, алтарей, народной нравственности и личной чести отъ всякаго преступнаго на нихъ покушенія, невѣрія и лжемудрія. Съ каждымъ годомъ комитетъ видѣлъ новыя опасности, находилъ, напримѣръ, что въ 1823 году монархическое начало подверглось несравненно бòльшимъ и открытымъ нападеніямъ, нежели два-три года

тому назадъ, и потому требовалъ большой строгости и осторожности со стороны цензуры. Какъ средство для защиты отъ безпрестанныхъ покушенiй явныхъ и тайныхъ враговъ, цензура призывалась къ постоянной и тягостной борьбѣ съ литературой. Болѣе миролюбивый характеръ давалъ цензурѣ проектъ Шишкова, требуя, чтобъ она сообщала произведенiямъ словесности, наукъ и искусствъ полезное или, по крайней мѣрѣ, безвредное для блага отечества направленiе [392]).

Связь устава 1826 года съ проектомъ 1823 года очевидна; она обнаруживается и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ. Въ уставѣ замѣтно, съ одной стороны, опасенiе воображаемаго и литературнаго карбонарства; съ другой—меньшее, въ сравненiи съ проектомъ 1823 года, увлеченiе и бо̀льшая терпимость и сдержанность въ приговорахъ и требованiяхъ.

Разсмотрѣнiе устава о цензурѣ, составленнаго подъ руководствомъ Шишкова, не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ новый уставъ обнародованъ и началъ дѣйствовать уже въ царствованiе преемника императора Александра I.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Почта духовъ, Крылова; письмо семнадцатое. Сочиненія Крылова, изд. Плетневымъ. Т. I, стр. 154—155.
2) О состояніи наукъ въ Россіи подъ покровительствомъ Павла I. Рѣчь, говоренная при торжествѣ тезоименитства государя, 1799 г., на нѣмецкомъ языкѣ, профессоромъ Московскаго университета Геймомъ.
3) Полное собраніе законовъ. Т. XXVI, № 19387.
4) Полное собраніе законовъ. Т. XXVI, № 19807.
5) Storch: Russland unter Alexander dem Ersten. 1804. Часть 1-я, стр. 134 и др.
6) Записки Вигеля — рукопись Публичной библіотеки. Ч. I, л. 439 и ч. III, л. 304 об.—305.
7) Ода Державина на восшествіе на престолъ императора Александра.
8) Полное собраніе законовъ. Т. XXVI, № 19779.
9) Рескриптъ графу Завадовскому, управленію котораго ввѣряется коммисія о законахъ. Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ. 1831. Т. XIX, стр. 152.
10) Современникъ. 1856. Т. LVI. Статья Колбасина: Ив. Ив. Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ; стр. 31.
11) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I. Царствованіе императора Александра I. 1864; стр. 8.
12) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія: карт. 1258, № 38420.
13) Предварительныя правила народнаго просвѣщенія, а также указы объ обязанностяхъ коммиссіи училищъ и объ учрежденіи округовъ помѣщены въ сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I, стр. 4—5, 13—22.
14) Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ. 1831. № XIX, стр. 249.
15) Въ царствованіе императора Александра министрами народнаго просвѣщенія были:
Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій — съ 1802 по 1810 годъ.
Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій — съ 1810 по 1816 годъ.
Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ — съ 1816 по 1824 годъ.
Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ — съ 15-го мая 1824 года.
При образованіи главнаго правленія училищъ членами назначены

преимущественно члены коммиссіи училищъ. На основаніи § 19 предварительныхъ правилъ, главное правленіе училищъ состоитъ изъ попечителей округовъ и членовъ, назначаемыхъ отъ Императорскаго Величества.

При министрѣ Завадовскомъ, съ 1803 г., членами главнаго правленія училищъ были:

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, попечитель Московскаго округа, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа, князь Адамъ Адамовичъ Чарторижскій.

Попечитель Харьковскаго округа, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

Попечитель С.-Петербургскаго округа, Николай Николаевичъ Новосильцевъ.

Попечитель Казанскаго округа, Степанъ Яковлевичъ Румовскій.

Попечитель Дерптскаго округа, генералъ-маіоръ Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ.

Сенаторъ Петръ Семеновичъ Свистуновъ.

Генералъ-маіоръ Хитровъ.

Членъ училищной коммиссіи Янковичъ-де-Миріево.

Академикъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій.

Академикъ Николай Ивановичъ Фусъ.

Съ 1804 г. исправляющій должность попечителя С.-Петербургскаго округа, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ.

Съ 1805 г. камеръ-юнкеръ графъ Платеръ.

Съ 1806 г. лейбъ-медикъ Франкъ.

Съ 1807 г. графъ А. К. Разумовскій, попечитель Московскаго округа.

Съ 1809 г. товарищъ министра юстиціи Михаилъ Михайловичъ Сперанскій: указомъ 17-го апрѣля 1809 г. на Сперанскаго возложено званіе канцлера Абовскаго университета и члена главнаго правленія училищъ.

Съ 1809 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Диновъ, бывшій «кавалеромъ» при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ.

Въ министерство князя Голицына членами правленій были:

Управляющій временно министерствомъ просвѣщенія Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.

Попечитель С.-Петербургскаго округа (съ 1810 г.), президентъ Академіи наукъ, Сергій Семеновичъ Уваровъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія.

Попечители Московскаго округа: Голенищевъ-Кутузовъ и князь Оболенскій.

Попечитель Казанскаго округа Салтыковъ.

Попечитель Дерптскаго округа графъ Ливенъ.

Первый директоръ департамента Иванъ Ивановичъ Мартыновъ.

Ректоръ С.-Петербургской духовной академіи архимандритъ Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій.

Ректоръ С.-Петербургской семинаріи архимандритъ Иннокентій.
Дѣйствит. стат. сов. князь Мещерскій, оберъ-прокуроръ синода.
Тайный совѣтникъ баронъ Фитингофъ.
Членъ евангелической государственной консисторіи Адеркасъ.
Дѣйствительный камергеръ графъ Лаваль.
Директоръ департамента мануфактуръ и торговли Штеръ.
Камеръ-юнкеръ Александръ Скарлатовичъ Стурдза.
Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.
Дмитрій Павловичъ Руничъ.
Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Корнѣевъ.
При министрѣ, адмиралѣ Шишковѣ въ число членовъ правленія вошли:
Вице-адмиралъ Сарычовъ.
Флота капитанъ 1-го ранга Рикордъ.
Флота капитанъ-лейтенантъ князь Шихматовъ.
Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ.
Членъ Россійской Академіи Соколовъ, и др.

16) Alexandre I et le prince Czartoryski, correspondance particulière et conversations, publiées par le prince Ladislas Czartoryski. Paris. 1865, p. XVI—XVII, XXVI—XXVII etc.

17) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, изданіе Академіи наукъ. 1864. Т. I, стр. 256—258. Слова: «беатусъ братъ мой», и проч.—переводъ второго эпода Горація:

Beatus ille qui, procul negotiis,
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus exercet suis,
Solutus omne foenore...

18) Żywot Piotra hrabi Zawadowskiego pierwszego ministra narodowego oświecenia w cesarstwie rossyjskiem. Zagajenie sessyi publiczněj uniwersytetu, dnia 30 czerwca r. 1813. Dzieła Jana Śniadeckiego, wydanie nowe Michała Balińskiego. 1837. Tom. III, k. 86—100.

19) Ив. Ив. Мартынова: Біографія графа Петра Васильевича Завадовскаго, въ Сынѣ Отечествѣ и Сѣверномъ Архивѣ, 1831 г. Т. XIX, №№ XVII, XVIII и XIX. Біографическія свѣдѣнія о Завадовскомъ въ «Русскомъ Архивѣ», 1865 г., № 7, стр. 824—833: Случайные люди въ Россіи, изъ Гельбига: Russische Günstlinge, съ примѣчаніями М. Н. Лонгинова.

20) Въ дѣлахъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета за 1809 г. Письмо Завадовскаго къ Новосильцеву отъ 28-го марта 1809 г.

21) Сочиненія Муравьева. 1856 г. Т. I, стр. 343—344; т. II, стр. 175 и 242—243.

22) Göttingische gelehrte Anzeigen. Der erste Band auf das Jahr 1804. S. 690.

23) Ср. письма профессоровъ Московскаго университета къ попечителю Муравьеву — въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей русскихъ. 1861 г., кн. 3-я, смѣсь, стр. 22—77.

24) Исторія Московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею проф. Шевыревымъ. 1855 г., стр. 321—385.

25) Alexandre I et le prince Czartoryski, стр. 59 и др. И. И. Мартыновъ, Колбасина. «Современникъ», 1856 г., стр. 25—26. Тургенева: La Russie et les Russes. I, 432—433.

26) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія: карт. 173, № 6998. Журналы главнаго правленія училищъ. 1822 г. № 28.
Pamiętniki o Janie Śniadeckim, jego życiu prywatném i publiczném i dziełach jego, przez Michała Balińskiego. 1865 г. T. I, стр. 430. Alexandre I et le prince Czartoryski, стр. 336—344: письмо Чарторижскаго къ императору, писанное въ 1823 году, заключаетъ въ себѣ какъ бы краткій отчетъ объ управленіи Виленскимъ округомъ.

27) Въ перепискѣ Чарторижскаго, изданной подъ названіемъ: «Alexandre I et le prince Czartoryski», много разъ высказываются мысли и надежды его на образованіе польскаго государства изъ областей, принадлежавшихъ державамъ, участвовавшимъ въ раздѣлѣ Польши. Сверхъ того, въ письмѣ къ другу Чарторижскій говоритъ: Je proposais à l'empereur de faire du rétablissement de la Pologne un des pivôts de sa politique... J'éspérais, en prenant part aux affaires, pouvoir être utile aux provinces polonaises de la domination russe et par contrecoup à celles qui tombèrent en partage aux autres puissances. Vous vous rappellerez que mes espérances ne fûrent pas vaines, et la permission accordée aux polonais de rester sujets mixtes, la délivrance de plusieurs prisonniers de marque retenus depuis notre révolution, l'établissement d'une éducation nationale dans nos provinces en font surtout foi. «Русскій Архивъ», 1863 г., № 10 и 11, стр. 868 и слѣд. Письмо къ Матушевичу напечатано въ сочиненіи: Coup d'oeil sur l'état politique du royaume de Pologne sous la domination russe. Paris. 1832 г. Издатель переписки Чарторижскаго называетъ должность попечителя Виленскаго округа la place toute polonaise. Ср. Le Prince Adam Czartoryski par R. P. Felix. Paris. 1862, стр. 43—50 и др. Il avait en perspective l'affranchissement de la patrie... après la retraite du ministère, il garda une fonction qui lui laissait sur la destinée de sa patrie une action moins éclatante au dehors, mais au fond plus efficace et plus réellement féconde: il demeura curateur de l'instruction publique. Sous ce rapport il est impossible de calculer toute l'influence qu'exerca le prince Adam sur la restauration de la grandeur morale de la patrie et sur la restauration future de la vie nationale... Ministre et curateur, par ces deux fonctions qu'il animait d'un même souffle et qu'il dirigeait à un même bût, le prince Adam montrait en lui, sous deux formes diverses et dans des sphères distinctes, le même et invariable serviteur de la patrie, etc.

28) Сборникъ постановленій по министерству просвѣщенія. T. I, стр. 58—59.

29) Журналы главнаго правленія училищъ. 1818 г., №№ 1, ст. III — 1820 г., № 29, ст. I.—1823 г., № 21, VI и мн. др.

30) Pamiętniki o Janie Śniadeckim, przez Michała Balińskiego. I, 386 и 430—431. Въ письмѣ къ Снядецкому Чарторижскій говоритъ: Les petites vanités sont par tous pays le plus grand obstacle au bien, a osobliwie w naszym kraju, gdzie elles s'amalgament avec cette paresse,

défaut inhérent au caractère national, joint au peu de penchant que nous avons à la persévérance, car il est plus facile d'avoir l'air de faire que de faire et d'accrocher une espèce de réputation par des programmes, que par des ouvrages, etc.

31) Сборникъ постановленій по министерству. I, стр. 444 и др. Уставъ для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской напечатанъ въ Сборникѣ отъ 430 до 450 стр.

32) Дѣла архива министерства: карт. 200, № 9027, и др.

33) Сборникъ постанов. по министерсдву. I, стр. 431—432, 437.

34) Die ruthenische Frage in Galizien, beleuchtet von einem Russinen. 1851. An die Russinen, von einem Russinen. Lemberg. 1848.
Русины въ 1848 году. Основа. 1862, апрѣль.
О первомъ литературно - умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи—въ Науковомъ Сборникѣ. 1865.

35) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича. 1865 стр. 422.

36) Записки Вигеля. III, 335.—Въ переводѣ сочиненія Стройновскаго объ условіяхъ помѣщиковъ къ крестьянами Анастасевичъ говоритъ: «Такой способъ раздаванія существовалъ во всей Европѣ, и сія-то есть первая эпоха рабства земледѣльцовъ, продолжавшаяся чрезъ все время царствованія *заходныхъ* императоровъ» (ст. 17).

37) Журналы главнаго правленія училищъ. 1809, стр. 130.

38) Полное собраніе законовъ. Т. XXVI, № 20075.

39) Свѣдѣнія о жизни и трудахъ своихъ Анастасевичъ написалъ «своеручно—единственно для архіепископа Псковскаго Евгенія», автора словаря русскихъ писателей; рукопись находится въ Публичной библіотекѣ въ числѣ автографовъ изъ древле-хранилища Погодина.

40) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево—статьи А. С. Воронова въ Журналѣ для воспитанія, изд. Чумиковымъ. 1858. Т. III, стр. 353—395. Т. IV, стр. 30—68, 93—132, 182—204, 235—260.

41) Въ статьѣ г. Колбасина: «Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ», помѣщенной въ Современникѣ 1856 г. том. LVI, стр. 1—46 и 75—126, представлено обозрѣніе жизни и литературной дѣятельности Мартынова, а также и трудовъ его по министерству просвѣщенія. Статья составлена преимущественно по собственнымъ подробнымъ запискамъ Мартынова, его письмамъ и замѣткамъ.

42) Записка о Каразинѣ, Анастасевича — въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей, 1861 г., кн. 3, смѣсь, стр. 192—199— Замѣчанія къ запискѣ о Каразинѣ, Бодянскаго—тамъ же, стр. 200—210.—Статьи Данилевскаго о Каразинѣ — въ Сѣверной Пчелѣ 1860, №№ 24, 25, 26, 29 и 31.

43) Дѣла архива министерства: карт. 137, № 4027.—Словарь свѣтскихъ писателей, митр. Евгенія, II, 156 — 158. — Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. акад. Билярскимъ. 1865, стр. 809.

44) Некрологъ Озерецковскаго — въ Сѣверной Пчелѣ. 1827. № 28. — Некрологія, составленная Снегиревымъ—въ второмъ томѣ Рукописныхъ

матеріаловъ къ словарю митр. Евгенія, наход. въ Публичной библіотекѣ.

45) Некрологъ Фуса—въ Сѣверной Пчелѣ. 1826, № 3.

46) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № III, 1827, стр. 39—137: Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія (по 1826 годъ).

47) Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre, précédés d'une notice biographique par son fils le comte Rodolphe de Maistre. Paris. 1851, t. II, p. 300, 303, 306, 318—320.

48) Сборникъ постановленій по министерству. I, 581—582.

49) Вигель въ Запискахъ своихъ, III, л. 192 об., говоритъ: Всѣ сыновья гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго воспитаны были заграницею, начинены французскою литературою, облечены въ иностранныя формы и почитали себя русскими Монморанси. Двое изъ нихъ, Григорій и Алексѣй, предались наукамъ: первый минералогіи, второй—ботаникѣ. Изъ познаній своихъ дѣлалъ графъ Разумовскій то же употребленіе, что и изъ богатства: онъ наслаждался ими одинъ—безъ малѣйшаго удовольствія, безъ всякой пользы для другихъ. Въ подмосковномъ великолѣпномъ помѣстьѣ своемъ, Горенкахъ, среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растеніями и т. д.

50) Сборникъ постановленій по министерству. I, стр. 971—1011. Е. Өеоктистова. Спб. 1865.

51) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. I. Магницкій.

52) Москвитянинъ. 1855. № 4, февраль, кн. 2, стр. 45—80: Краткое свѣдѣніе о жизни и трудахъ А. С. Стурдзы и Переписка В. А. Жуковскаго съ А. С. Стурдзою.

53) Vie de madame de Krüdener par Charles Eynard. 1849. I, 294. II, 367.

54) Записки, издаваемыя отъ департамента народнаго просвѣщенія. 1825, книжка первая, стр. 41—62.

55) Записки адмирала А. С. Шишкова, напечатанныя по рукописи, полученной въ 1863 году редакціею Журнала министерства народнаго просвѣщенія.

56) Семейная хроника и воспоминанія С. Т. Аксакова: Воспоминаніе объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ. Изд. 3-е, 1862, стр. 525—577.

57) Исторія Московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею ординарнымъ профессоромъ Степаномъ Шевыревымъ (1755—1855). Москва. 1855.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета за истекающее столѣтіе (съ 12-го января 1755 по 12-е января 1855), составленный трудами профессоровъ и преподавателей, занимавшихъ каѳедры въ 1854 г. Москва. 1855. Двѣ части.

58) Въ бесѣдѣ съ патріархомъ Адріаномъ Петръ Великій говорилъ: «Изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили: въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачебное искусство. Еще же мнози желаютъ дѣтей своихъ учити свободныхъ наукъ, и отдаютъ зде оные ино-

земцовъ.... А въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякаго добра училися; и кто бы гдѣ въ наукѣ заправился, въ царскую школу хотя бы кто побывать пришолъ, и онъ бы пользовался». (Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. 1858, т. III, стр. 355, 511 и слѣд.).

59) Лейбницъ, обласканный Петромъ Великимъ при свиданіи съ нимъ въ Торгау, въ концѣ 1711 года, пишетъ: «Je serais ravi de pouvoir contribuer au grand et beau dessein que le czar a de faire fleurir les sciences et les arts dans son grand empire... Il est bon qu'un tel dessein soit exécuté uniment par un même esprit qui le dirige, comme une ville qui est toujours plus belle quand elle est batie tout d'un coup, que lorsqu'elle s'est formée peu-à-peu à diverses reprises... Cela posé il sera bon de penser au plutôt à préparer les choses, c'est à dire à former un plan bien lié et puis à songer aux moyens propres à l'exécuter, c'est à dire tant aux personnes, choses et actions dont on aura besoin, qu'aux depenses qu'il conviendra de faire. Les personnes seront choisies très capables, dont la plus grande partie sera établie dans les états du czar et quelques unes seront au dehors pour entretenir la correspondance et pour fournir ce qu'il y a de bon ailleurs. Les choses seraîent: bâtimens, jardins, bibliothèque, cabinets, observatoires, laboratoires etc. Les actions ausquelles il faudrait penser seraient principalement les ordonnances, loix et statuts qu'il faudrait faire et les bons ordres qu'il faudrait donner pour introduire les bonnes connaissances, pour les faire recevoir des peuples, pour bien faire, instruire la jeunesse et pour éviter dès à présent les abus qui s'y peuvent glisser et dont les études ne sont que trop infectées en Europe... On dira seulement ici par avance que la ville capitale de Moscou, et puis Astracan, Kiow et Pétersbourg semblent mériter une réflexion particulière pour l'établissement des universités, académies et écoles et ce que en depend; mais il sera à propos surtout de mettre de bons ordres en général pour l'éducation de la jeunesse et penser à prevenir les abus qui se sont glissés dans la plupart des universités, sociétés et écoles de l'Europe (Peter der Grosse und Leibnitz, von Moritz C. Posselt. Dorpat und Moscau. 1843, стр. 216—218).

О сношеніяхъ Петра Великаго съ Лейбницомъ и о проектахъ Лейбница о введеніи наукъ въ Россіи см. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. I, стр. 25 и слѣд.

60) Сочиненія Ломоносова. 1847. Т. I, стр. 777—778.

61) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 426, 418 и др.

62) Полное собраніе законовъ. Т. XIV, № 10346.

63) Histoire de l'instruction publique en Europe et principalement en France, par A. Vallet de Viriville. Paris. 1849—1855, стр. 281 и слѣд.

64) Ustawy kommissyi edukacyi narodowey dla stanu akademickiego i na szkoly w kraiach rzeczy pospolitey przepisane, w Warszawie, roku 1783. Historya szkoł w Koronie i w wielkiém księstwie Litewskiém od najdawniejszych czasów az do roku 1794, przez Józefa Łukaszewicza. Paznan. 1850. Т. II, стр. 166 и слѣд.

65) Дѣла архива министерства просвѣщенія: карт. 1015. № 39057.
66) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1803. № 2, стр. 177—192.
67) August Ludwig Schlözer's öffentliches und Privatleben von ihm selbst beschrieben. 1802, стр. 76 и др.
68) Jenes Werk (автобіографія Шлецера) eben sowohl, wie Meiners Werk über die Universitäten, einen bedeutenden Einfluss auf die damalige neue Organisation der russischen Universitäten hatte. Denn diese Schöpfung ging vorzüglich von dem damaligen Gehülfen des Ministers der Volksaufklärung, dem herrlichen, genialen Muraviev aus... Auch trat er mit Meiners in Correspondenz, und legte bei der Organisation der russischen Universitäten vorzugsweise die von Meiners vorgeschlagenen massregeln zum Grunde, berücksichtigte jedoch auch manche von Schlözer in seiner Biographie rücksichtlich der frühern Administration der Akademie gewagte Aeusserungen. (Aug. Ludw. Schlözer's Leben, von Christian Schlözer. 1828. T. I, стр. 405—406).
69) О жизни и сочиненіяхъ Мейнерса см. Memoria Christophori Meiners, commendata in consessu societatis d. 23 junii 1810 a C. G. Heyne. Gottingae. Ad memoriam Christophori Meiners adnotata litteraria, стр. 3—18.
70) Ueber die Verfassung und Verwaltung Deutscher Universitäten, von C. Meiners. 1801—1802. Göttingen. Двѣ части—Geschichte der Entstehung und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils, von C. Meiners. 1802—1805. Göttingen. Четыре части.
71) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія: карт. 1281, № 38515.
72) Schlözer's Staatsanzeigen. Göttingen. 1783. Ч. 3, стр. 257—278.
73) Johann Bernoulli's Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Russland etc. 1780. Часть IV, стр. 19—20.
74) Meiners: Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten 3 Band, S. 188 folg.
75) Дѣла архива Казанскаго университета. 1797 г., № 32.
76) Проектъ объ учрежденіи Московскаго университета. § 26 и 39.
77) Сочиненія Ломоносова. 1847. Т. I, стр. 775.
78) Въ планѣ Фуса (Журналъ Коммиссіи. 1802, № 3: карт. 5, № 36742): «въ каждомъ селеніи учредить училище третьяго разряда, въ которомъ бы крестьянскія дѣти могли пользоваться равными выгодами, клонящимися къ ихъ благосостоянію,—внушая имъ ихъ обязанности и преподавая имъ познанія, руководствующія къ облегченію въ сельскихъ ихъ работахъ, уклоняя ихъ притомъ отъ предразсудковъ, столь свойственныхъ ихъ состоянію и столь вредоносныхъ для спокойствія ихъ, здравія и домашняго обихода». Въ уставѣ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, утвержденномъ 5-го ноября 1804 г., § 119: Приходскія училища учреждаются для двоякой цѣли: чтобы пріуготовить юношество для уѣздныхъ училищъ, чтобы доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь

вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію. (Сборникъ постановленій по министерству. I, 330).

79) Въ запискѣ Фуса, представленной въ Коммиссію училищъ, предлагается раздѣленіе на факультеты, удержанное въ уставѣ съ нѣкоторыми измѣненіями въ числѣ и выборѣ предметовъ. Въ главѣ объ университетахъ Фусъ говоритъ: Ce système complet des sciences utiles à la patrie y sera divisé en quatre sections principales savoir:

1) La section de philologie et de belles-lettres.
2) La section des sciences mathématiques et physiques.
3) La section des sciences médicales et chirurgiques.
4) La section des sciences philosophiques, morales et politiques.

Les sections 1, 2 et 4 comprennent six chaires chacune et la 3-me sept, ce qui fait en tout 25 chaires, dont cependant quelques unes peuvent être remplies par la même personne, s'il se présente des savans capables de les occuper à la fois, comme par exemple: la botanique et l'économie rurale et forestière, la zoologie et l'art vétérinaire, et d'autres...

Première section. Philologie et belles-lettres:

1) Histoire et antiquités.
2) Esthétique des belles-lettres et littérature universelle.
3) Esthétique des beaux-arts, théorie et histoire des beaux-arts.
4) Eloquence, poésie et littérature nationale.
5) Interprétation et critique des classiques latins.
6) Langue et littérature grècque etc.

Chaque science doit être enseignée d'après un ouvrage élèmentaire imprimé, au choix du professeur de la science, approuvé toutefois par le collège des proffesseurs de la section, et on aura soin de faire traduire les ouvrages élémentaires qui serviront de base aux leçons qui se donneront en langue russe. Le collège de tous les professeurs reglera les heures et dressera annuellement le programme académique ou le conspectus des leçons, après avoir consulté le nombre des étudians, leurs progrès et leur vocation, ce qui, étant sujet à varier, ne permet pas de fixer par un reglement ni les jours, ni les heures, ni même les objets d'étude, d'une manière invariable, etc. (Дѣла архива министерства: карт. 218, № 9805).

80) Дѣла архива министерства: карт. 5, № 36742: журналы Коммиссіи объ училищахъ, съ 13-го сентября 1802 г., № 1—7. Карт. 7, № 36744, 36745, 36746: журналы главнаго правленія училищъ. 1803, I, стр. 13—14, 74; II, стр. 240; 1804, № 3, ст. 1.

81) Уставы и утвердительныя грамоты университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, помѣщены въ Сборникѣ постановленій по министерству. I, стр. 254—301.

82) Сборникъ постановленій по министерству. I, стр. 205—206 и слѣд.

83) Дѣла архива министерства: карт. 7, № 36744, журналы главнаго правленія училищъ. 1803, I, стр. 138—139.

84) Дѣла архива министерства: карт. 153, № 5520, донесеніе министру народнаго просвѣщенія попечителя Харьковскаго учебнаго округа отъ 23-го января 1805 г. за № 10.

85) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи 17-го января 1805 г. при открытіи Харьковскаго университета, напечат. 1806 г. въ Харьковѣ: Que l'on doit se préparer par l'étude des sciences au maniément des armes et allier la philosophie à l'art des combats.—I. N. Belin de Ballu.
86) Дѣла архива Харьковскаго университета: карт. № 5, по архиву № 68.
87) Дѣла архива министерства: карт. 152, № 5465. Storch: Russland unter Alexander dem Ersten. III, стр. 147.
88) Дѣла архива министерства: карт. 152, № 5430; карт. 153, № 5520.
89) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1805. № VIII, стр. 79—80.
90) Дѣла архива министерства: карт. 7, № 36746: журналы главн. правл. учил. 1804. № 23, стр. V.
91) Дѣла архива Казанскаго университета. 1809. № 32. О четырехгодичныхъ упражненіяхъ университета, привѣтствіе къ посѣтителямъ, 14-го февраля 1809 г., произнесенное директоромъ Яковкинымъ.
92) Журналы главн. правл. училищъ. 1803. I, стр. 15—17.
93) Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи. 1857. Отдѣленіе второе: уѣзды Харьковскій и Валковскій, стр. 222.
94) Leben und Studien Fr. Aug. Wolf's von Wilhelm Körte. 1833, II, 17 и слѣд. Fr. Aug. Wolf in seinem Verhältnisse zum Schulwesen und zur Pädagogik dargestellt vom Prof. Arnoldt. 1851. I, 140, 208.
95) О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи. 1865, стр. 13—17: «Съ 1787 года, въ которомъ учреждены студіи на русскомъ языкѣ, перемѣщены и преподаванія русскіи изъ семинаріи въ университетъ, гдѣ преподавалися всѣ предметы въ обоихъ факультетахъ по-русски. Неимовѣрная жажда знанія и ревность къ наукамъ овладѣла тогдашнюю молодую Русь. Русская интеллигенція засіяла въ полномъ блеску. Въ одно десятилѣтіе успѣли Русины развинути столь численныхъ докторовъ богословія, что были въ состояніи замѣстити ними всѣ катедры университетскіи на латинскомъ и русскомъ языкахъ», и т. д.
96) Журналъ департамента народнаго просвѣщенія. 1822, № 1, стр. 45—51.
97) Журналы главн. правл. учил. 1803, II, стр. 188. 1804, № 13, ст. VII.
98) Дѣла архива Харьковскаго университета. 1805 г., № 4.
99) Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія, проф. Рославскаго-Петровскаго. Журналъ минист. народн. просвѣщенія. 1855, № 7, стр. 6—9.
100) Дѣла архива министерства: карт. 161, № 6201.
101) Дѣла архива министерства: карт. 156, № 5762. Словарь свѣтскихъ писателей, митр. Евгенія. II, 145—146. Извѣстіе о жизни и смерти проф. Харьк. унив. Ив. Ст. Рижскаго. Харьковъ. 1811. Дѣла архива горнаго корпуса, 1799, по архиву № 237.
102) Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи, соч. Смирнова. 1855; стр. 255 и слѣд.
103) Историческое и статистическое описаніе горнаго кадетскаго корпуса, Д. Соколова. 1830; стр. 12—14 и др.
104) О вкусѣ, твореніе Жерарда съ пріобщеніемъ разсужденій о томъ же

предметѣ г. д'Аламберта, Вольтера и Монтескье. Переводъ съ франц. Москва. 1803.

105) Рижскаго: Введеніе въ кругъ словесности, сочиненное въ Харьковскомъ университетѣ и служившее руководствомъ бывшихъ въ 1805 году публичныхъ чтеній. Харьковъ. 1806.

106) Въ архивѣ Академіи наукъ рукописные журналы засѣданій Россійской Академіи подъ названіемъ: Записки Императорской Россійской Академіи. 1802 г., засѣданія 28-го іюня и 23-го августа.

107) Наука стихотворства, сочиненная Россійской Академіи членомъ Иваномъ Рижскимъ, и оною Академіею изданная. Въ С.-Петербургѣ. 1811 года.

108) Дѣла архива Харьковскаго университета. 1806 года, № 43.

Отзывы Палицына о писателяхъ въ подобномъ родѣ:

Представилъ Глѣбовъ намъ въ чертахъ Плутарха русскихъ,
Жаль только, что онъ ихъ со списковъ снялъ французскихъ,
Ревнитель Эйлеровъ и Ураніи другъ,
Ко умноженію и славы и заслугъ,
Къ высокимъ знаніямъ прибавилъ то Румовскій,
Что, бывши астрономъ,
Любилъ словесность онъ, умѣлъ владѣть перомъ,
Ученость съ нею слилъ равно Озерецковскій....
Готовится пѣвецъ намъ съ лѣтами—*Востоковъ:*
Въ немъ есть познанія, и даръ, и вкусъ, и умъ,
И много стихотворныхъ думъ,
Когда-бъ онъ болѣе держался тѣхъ уроковъ,
Какой межъ прочихъ намъ оставилъ Сумароковъ
Въ безсмертной басенкѣ къ Мотонису своей.

(Обращаясь къ Востокову, авторъ говоритъ):

Ты этой басенки конца не позабудь:
«Во вѣкъ отеческимъ языкомъ не гнушайся,
И не вводи въ него
Чужаго ничего,
Но собственной своей красою украшайся».
Фантазій новыхъ намъ въ стихи ты не вводи,
И вмѣсто ихъ слова природны находи,
Да болѣе переводи:
Полезнѣе сто разъ съ творцовъ великихъ списки,
Чѣмъ подлинники низки...

Посланіе къ Привѣтѣ. Харьковъ. 1807.

109) Дѣла архива Академіи наукъ. Записки Россійской Академіи, 1802, 1807—1810 г.

110) Казанскій Вѣстникъ. 1826, январь. Городчанинова: Разговоръ между учителемъ и ученикомъ о новомодномъ слогѣ нѣкоторыхъ россійскихъ стихотворцевъ.

111) Семейная хроника и воспоминанія Аксакова. 1862. 3-е изд., стр. 442—443.

112) Дѣла архива Харьковскаго университета, 1822 года, № 47. Обозрѣ-

ніе публичныхъ чтеній въ Харьковскомъ университетѣ 1821—1822 г., стр. 16.

113) Исторія Московскаго университета, проф. Шевырева. 1855, стр. 449.

114) Въ обозрѣніи публичныхъ чтеній Харьковскаго университета 1809—1810 г. сказано, что профессоръ Рижскій изложитъ науку краснорѣчія по собственному сочиненію и кратко пройдетъ исторію россійской словесности.

115) Дѣла архива министерства: карт. 491, № 21879: автобіографическая, собственноручная записка Осиповскаго.

116) Въ архивѣ министерства Журналы главн. правл. уч. 1809, № 14, ст. XLII.

117) С.-Петербургскія Вѣдомости. 1858. № 40, стр. 221.

118) Русскіе университеты и «университетскій вопросъ» г. Пирогова, А. П. Рославскаго-Петровскаго, изъ прибавленій къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ. 1864 г., стр. 36.

119) Въ архивѣ министерства Журналы главн. правл. учил. 1820, № 27, ст. X.

120) Дѣла архива министерства: карт. 160, № 6, 143; карт. 493, № 22078 карт. 1302, № 38721. Воспоминанія сына объ отцѣ—статьи В. Успенскаго въ Воронежскихъ Вѣдомостяхъ, 1863 г., часть неоффиціальная, №№ 27, 28, 30, 31 и 32.

121) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Гавріила Успенскаго. Харьковъ. 2-е изд. 1818, въ двухъ частяхъ.

122) Записки Вигеля. IV, 60 и слѣд.

123) Переводы Артемовскаго-Гулака съ латинскаго и нѣмецкаго въ такомъ родѣ:

Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll	Вода шумить, вода гуля!
Ein Fischer sass daran,	На берези рыбалка молоденьки
Sah nach dem Angel ruhevoll,	На поплавецъ глядить и примолвя:
Kühl bis ans Herz hinan.	Ловицця, рыбочки, велики и маленьки...
Und wie er sitzt und wie er lauscht,	Сумце винъ, ажь ось реве,
Theilt sich die Fluth empor;	Ажь ось гуде—и хвыля утикае!
Aus dem bewegten Wasser rauscht	Ажъ гулькъ... съ воды дивчинонька плыве,
Ein feuchtes Weib hervor...	И косу счисуе и бривками моргае
Ach wüstest du, wie's Fischlein ist	Колыбъ ты знавъ якъ рыбалкамъ
So wohlig auf dem Grund,	У мори жить и зъ рыбками гарненько,
Du stiegst hinunter wie du bist	Ты-бъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ
Und würdest erst gesund.	И парубоцькее отдавь бы намъ серденько!
Labt sich die liebe Sonne nicht,	Тыжъ бачивъ самъ—не скажешь: ни,
Der Mond sich nicht im Meer?	Якъ сонечко и мисяцъ червоненькій
Kehrt wellenathmend ihr Gesicht	Хлюпошуцця у насъ въ води на дни
Nicht doppelt schöner her...	И изъ воды на свитъ выходятъ веселеньки...

(*Изъ «Рыбалки»—перевода баллады Гете: Der Fischer*).

124) Обозрѣніе публичныхъ чтеній въ Харьковскомъ университетѣ, 1823 и другихъ годовъ.
125) Записка о Яковкинѣ въ Рукописныхъ матеріалахъ для словаря Евгенія, т. 2-й.
126) Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Russland vom Anfang des Staats zum Tode Katharina der II. Aus dem russischen übersetzt. Göttingen. 1802. Chronologische Tabellen von Russland. Aus dem russischen übersetzt. Göttingen. 1802.
127) Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Russland, стр. X. и слѣд.
128) Дѣла архива министерства: карт. 159, № 6053.
Записка объ А. И. Стойковичѣ, составленная его сыномъ Аркадіемъ Аѳанасьевичемъ Стойковичемъ, старшимъ библіотекаремъ С.-Петербургской публичной библіотеки. Считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность А. А. Стойковичу за сообщеніе мнѣ составленной имъ записки.
129) Записки профессора Роммеля о его времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ (1785—1815). Онѣ помѣщены въ пятомъ томѣ сборника Бюлау: Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen, стр. 421—600, подъ заглавіемъ: Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit. Въ русскомъ переводѣ Я. О. Баляснаго напечатаны въ Южномъ Сборникѣ, учено-литературномъ журналѣ, издаваемомъ въ Одессѣ Н. Максимовымъ. 1859, № 9, 10 и 11; стр. 50 и слѣд.
130) Дѣла архива министерства: карт. 156, № 5757.
131) Дѣла архива министерства: карт. 137, № 4091.
132) Das Inland. 1837, № 50 и 51. Biographie: Johann Martin Bartels.
133) Опыты Василія Перевощикова. Дерптъ. 1822. Перевощиковъ перевелъ въ прозѣ идилліи Броннера: Сновидѣніе, Куры, Выздоравливающій Эдонъ, Треножникъ, Рыбы, Каллиронъ источникъ, Подарки, Находка, Отецъ семейства и Тиверій на островѣ Капреѣ.
134) Neuer Nekrolog der Deutschen. 1852, I, 475—477. Gervinus: Geschichte der deutschen Dichtung. 1853. IV, 156 и слѣд.
135) Дѣла архива министерства: карт. 137, № 4045. Отъ Лемберга до Кіева Литровъ ѣхалъ почти мѣсяцъ, въ Кіевѣ продержали около недѣли, не давая лошадей, не смотря, что онъ заплатилъ три рубля станціонному смотрителю; приготовленныхъ лошадей взялъ какой-то офицеръ, а въ другой разъ какой-то дворянинъ, подарившій станціонному смотрителю десять рублей; на жалобы Литрова дворянинъ отвѣчалъ: кто лучше можетъ, тотъ лучше и ѣдетъ, и т. п.
136) Представленный на каѳедру химіи въ Казанскомъ университетѣ, Родіусъ (Rhodius), докторъ медицины и хирургіи, профессоръ ботаники и химіи въ Краковѣ, пишетъ: «Les polonais viennent de réoccuper leur prétendu pays. Les professeurs allemands, dont l'académie de Cracovie est occupée, étaient au commencement traités d'une manière bien audessous de leurs mérites, sont à présent recherchés et flattés. Mais les meilleurs en n'ayant pas égard ni aux menaces ni à leurs flattéries s'en retirent en abandonnant les écoles à leur ruine inévitable, C'est une chose pénible sans doute de se regarder au milieu des hommes qui n'ont jamais connu et estimé les sciences, de rester toute

sa vie auprès d'une université où on n'a point de bibliothèque, point de livres, d'instruments, de plantes et où on n'en aura jamais parce que leur but loin de toute la culture ne sera que le militaire, etc. (Дѣла архива министерства: карт. 137, № 4053).

137) Ersch und Gruber, Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste. 1837. XIV, 240—242.

138) Въ выпискахъ, находящихся при дѣлѣ, изъ книги Шада: De viris illustribus Romæ: Ломондъ говоритъ: «Рея Сильвія родила Рема и Ромула въ одни роды». Шадъ прибавляетъ: «отъ объятій Марса... Лавренція отъ сосѣдей нарицаема была волчицею (lupa), потому что промышляла своимъ тѣломъ: отчего до нашихъ даже временъ... домишки называются логовищами волчицъ (lupanaria)»... Далѣе прибавляетъ Шадъ: «при чтеніи сего мѣста кому не придетъ на мысль Наполеонъ и французы? Въ наше время величайшее вѣроломство по справедливости можно назвать вѣроломствомъ французскимъ», и т. п.

139) Дѣла архива Харьковскаго университета: 1814, № 37, 1816, № 11.

140) Дѣла архива министерства: карт. 163, № 6392.

141) Шадъ прислалъ изъ-за границы на имя князя А. Н. Голицына два стихотворенія: одно подъ названіемъ: Natur, Mensch, Gott als Schöpfer und Erlöser, другое—Nachtgedanken auf einem Begräbniszplatz gemeiner Leute. Вотъ нѣсколько строфъ изъ послѣдняго:

Geist'ge Armuth ist die Quelle
Jedes Glücks, die sanft und helle
 Schlängelt sich durchs Leben hin.
Hier ist Labung für den Matten,
Hier sind Früchte, holde Schatten,
 Blumen hier, die nie verblüh'n.
Aus der goldbegierde Schlamme
Lodert auf die Höllenflamme,
 Steigt empor in voller Glut.
Ach! kein Labsal, das erfrischet!
In dem Schoos der Wollust zischet
 Goldbefleckte Schlangenbrut.
Heil euch, dass nach Geisteslehre
Euch nur zog der Herrschaft Ehre,
 Die aus dem Gewissen quillt!
Tugend giebt nur wahre Grösse;
Ohnmacht, elend ist und blösse
 Jede macht, die Thoren gilt.
Ha! dort würfeln sie, die Grossen,
Trunken, frisch bekränzt mit Rosen,
 Um der Menschheit hohes Gut.
Tigern gleich, die dann nur fühlen
Ihre Kräfte wenn sie wühlen
 In zerfleischter Körperblut *).

*) Man denke hier an die alten heidnischen Tyrannen und an die neuen herrschsüchtigen Eroberer z. B. an Ludwig XIV und Napoleon. Von Fürsten überhaupt ist nicht die Rede.—Schad.

142) Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, 1805, № 12, стр. 522—523.

143) Извѣщеніе о публичныхъ преподаваніяхъ, имѣющихъ быть въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ теченіе 1805 года. Печатано *въ Москвѣ*, въ университетской типографіи, у Любія Гарія и Попова.

144) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Харьковскаго университета, 17-го января 1812 года: Geist der literarischen Cultur des Orients und Occidents, von Reith.

145) Joannes Schad: De fine hominis ultimo—рѣчь въ собраніи Харьковскаго университета 30-го августа 1806 года.—Рѣчь профессора Эрдмана на годичномъ торжествѣ Казанскаго университета, 5-го іюля 1815 года: О выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ. — Сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ Харьковскаго университета, читанныя съ одобренія словеснаго отдѣленія, 30-го іюня 1817 г., какъ продолженіе экзамена въ семъ отдѣленіи: О истинномъ счастіи, и др.

146) *Sachen so gestohlen worden.*
(Immanuel Kant spricht):
Zwanzig Begriffe wurden mir neulich diebisch entwendet,
Leicht sind sie kenntlich, es steht sauber mein I. K. darauf.
Antwort auf obiges avis:
Wenn nicht Alles mich trügt, so hab ich besagte Begriffe
In Herrn Jakob's zu Hall Schriften vor kurzem gesehn.
(Musen-Almanach für das Jahr 1797, herausg. v. Schiller. Xenien, стр. 273).

147) Кантово основаніе для метафизики нравовъ, переведенное Як. Рубаномъ, Николаевъ. 1803.

148) Противъ Канта: Перевощиковъ—въ рѣчи о пользѣ наукъ вообще, говоренной при открытіи Казанскаго университета, 5-го іюля 1814 г.— Лубкинъ — въ рѣчи: «Возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи», читанной на годичномъ торжествѣ Казанскаго университета, 5-го іюля 1815 г., и др.—За Канта: Срезневскій—въ рѣчи, произн. въ Каз. унив. 5-го іюля 1817, «о разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ», и др.

149) Осиповскаго: О пространствѣ и времени — рѣчь въ собраніи Харьковскаго университета 30-го августа 1807 года; Разсужденіе о динамической системѣ Канта — рѣчь въ собр. Харьк. унив. 30 августа 1813 г.

150) Дѣла архива Харьковскаго университета: 1816 г., карт. 6, по архиву № 78.

151) Слово о пользѣ математики, говоренное въ Казанск универс. 5-го іюля 1816 г. проф. Никольскимъ.

152) C. S. Pototsky: De nova per imperium Rossicum constitutione scholarum, indeque oriundo fructu. Рѣчи при открытіи Харьк. унив Харьковъ. 1806.

153) Рѣчь при торжественномъ открытіи Казанскаго университета, 5-го іюля 1814 года, говоренная проф. Перевощиковымъ: О пользѣ наукъ вообще и въ особенности о пользѣ Казанскаго университета.

154) Дѣла архива Харьковскаго университета: 1807, № 64.
155) Дѣла архива министерства: карт. 156, № 5816.
156) Семейная хроника и воспоминанія Аксакова. 1862, стр. 147.— А. А. Попова: Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани—въ Русскомъ Вѣстникѣ. 1859. Сентябрь, кн. 1-я.
157) Труды общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ. Т. I. 1817.
158) Дѣла архива министерства: карт. 1280, № 38503.
159) Дѣла архива Ришельевскаго лицея. 1822, № 9.
160) А. П. Рославскаго-Петровскаго: Указатель сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи Харьковскаго университета — рукопись, ожидающая издателя. — Московскій телеграфъ, 1828. № 11, стр. 410 — 419. — Письмо П. И. Кеппена о составленіи братомъ его словаря харьковскихъ писателей.
161) Дѣла архива Харьковскаго университета: 1807, № 64.
162) Дѣла архива Казанскаго университета: 1808 г., № 2.
163) О состояніи книжной торговли въ университетскихъ городахъ можно судить по объявленіямъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, какъ напримѣръ: «Въ гостиномъ дворѣ, *въ книжномъ прилавкѣ* у Петра Пугина продаются на французскомъ языкѣ книги: Бѣлая магія. Парижъ, 1789 г.; Ертеба или женскій стряпчій — любовное и истинное произшествіе. Парижъ, 1808. Въ той же лавкѣ продается золотой эксельбантъ, немного поношенный», и т. п.
164) Южный Сборникъ. 1859, № 10, стр. 47.
165) Рославскаго-Петровскаго: Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета. 1855, стр. 25.
166) Семейная хроника и воспоминанія. Аксакова; стр. 528.
167) Vorlesungen über mathematische Analysis, von Bartels. Dorpat. 1833, I, Vorrede, IX—X.
168) Дѣла архива Казанскаго университета. 1808, № 2.
169) Дѣла архива министерства: карт. 162, № 6302.
170) Журналы главнаго правленія училищъ: 1820 года, № 22, ст. IX. — 1823 г. № 3, ст. I, и др.
171) Meiners: Geschichte der Enstehung und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils. IV, 218—219.
172) Gervinus: Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. 1856. II, 704.
173) Storch: Russland unter Alexander dem Ersten. VI, 200 и слѣд.
174) Дѣла архива министерства: карт. 152, № 5430: инструкція визитатору Харьковскаго округа, профессору Тимковскому, составившему себѣ имя устройствомъ училищъ по округу.
175) Журналы главнаго правленія училищъ: 1806, № 3, ст. IV. — Дѣла архива Казанскаго округа: 1819 г., № 226.—1815 г., № 30.—1815 г., № 1 особой описи.
176) Воспоминанія Роммеля, стр. 48—49.
177) Журналы главнаго правленія училищъ: 1817 г., № 10, ст. VIII.
178) Журналы главнаго правленія училищъ: 1800 г., № 1. — № 17, ст. XLI.—1810, № 48, ст. LII. — 1812 г., № 11, ст. LIX и LX.— 1818, № 5, ст. XXI.

179) Дѣла архива министерства: кар. 502, № 23066.—Карт. 152, № 5438.
180) Журналы главнаго правленія училищъ. 1017 г., № 3, ст. XIX.
181) Воспоминапія Роммеля, стр. 58.
182) Тургенева: La Russie et les Russes. 1847. I. стр. 420—421.
183) Воспоминанія Роммеля стр. 51.
184) Магницкій, Өеоктистова, стр. 90.
185) Дѣла архива министерства: карт. 154, № 5670.
186) Журналы главнаго правленія училищъ. 1817 г., № 4, ст. XVII.
187) Воспоминанія Роммеля, стр. 48—49.
188) Дѣла архива министерства: карт. 159, № 6006 и № 6053.
189) Записки Вигеля. III, 168—169.
190) Воспоминанія Роммеля, стр. 27—28.
191) Исторія происходила въ 1812 году въ Казанскомъ университетѣ, и дѣйствующими лицами были: Финке, Френъ и Броннеръ.
192) Русскій Вѣстникъ. 1859, сентябрь, книга первая. Статья Попова о Казанскомъ обществѣ словесности, стр. 76 и 77.
193) Дѣла архива министерства: карт. 137, № 4027.
194) Въ архивѣ Академіи наукъ Записки Россійской Академіи: 1802 года, 5-го іюля.
195) Дѣла архива министерства: карт. 161, № 6248.
196) Дѣла Казанскаго округа: 1818 г., № 39. — 1816 года, № 141. — Дѣла архива министерства: карт. 159, № 6023.
197) Журналы главнаго правленія училищъ: 1820 г., № 27, ст. II.—Дѣла архива Казанскаго округа: 1809 г., 14-го іюля.—1816 г., № 43—1808 года, № 24.—1813 г., № 105.—Дѣла архива министерства, по Харьковскому округу, карт. 164, № 6483. — Дѣла архива Харьковскаго университета: 1816 г., карт. № 16, по архиву № 302, и мн. др.
198) Дѣла архива Казанскаго университета: 1817 г., № 117.
199) Дѣла архива Казанскаго университета: 1807 г., № 34. — 1808 года, № 2, и др.
200) Журналы главнаго правленія училищъ: 1803 г., II, стр. 175, 177, 179, 183.—Окончательная редакція помѣщена въ Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ I, стр. 104—124, подъ заглавіемъ: Высочайше утвержденныя правила для учащихся въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ. — Правила утверждены 23-го августа 1803 года.
201) Дѣла архива Казанскаго университета: 1813 года, № 108.—Краткое изложеніе правилъ для наблюденія Императорскаго Казанскаго университета студентамъ, напечат. въ 1813 году.
202) Семейная хроника и воспоминанія С. Аксакова. 1862, стр. 448.
203) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія: кар. 11, № 36763, Журналы главнаго правленія училищъ, 1821 года, л. 29—32. Мнѣніе Магницкаго напечатано въ Русскомъ Архивѣ. 1864 г., выпускъ 3, стр. 321—325.
204) Charakterzüge und historische Fragmente aus dem Leben Königs Friedrich Wilhelm III, gesammelt von Eylert. 2 Theil, 2 Abtheil. 1845, стр. 242 и слѣд. Въ этомъ сочиненіи Эйлертъ, евангелическій прусскій епископъ, приводитъ слышанное имъ самимъ отъ Александра I.

205) Тургенева: La Russie et les Russes. 1847. T. 1. I, стр. 77—78.

206) Nouveau recueil de traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité etc. par Martens 1818. T. II, стр. 656—659.

207) Charakterzüge und historische Fragm., von Eylert, l. c.

208) Шестый отчетъ комитета Россійскаго библейскаго общества за 1818—1819, стр. III—VII: рѣчь президента, произнесенная 27-го сентября 1819 года.

209) Дѣла архива Казанскаго университета: 1821, №№ 267 и 232.

210) Дѣла архива Ришельевскаго лицея: 1818 г., № 14.

211) Дѣла архива министерства: кар. 13, № 36768. Журналы главнаго правленія училищъ. 1826, № 4, ст. XLVII.

212) Дѣла архива министерства: кар. 9, № 36759 и карт. 10, № 36760, Журналы главнаго правленія училищъ: 1817, № 15, ст. XVII. 1818 г., № 1, ст. XIX.

213) Дѣла архива министерства: карт. 466, № 36880. Журналы ученаго комитета главнаго училищъ правленія, 1818 г., л. 140—141 об.

214) Дѣла архива министерства: карт. 10. № 36761. Журн. главн. правленія училищъ. 1819 г. № 7, XVIII, карт. 466, № 30884. Журналы ученаго комитета. 1822 г., стр. 76—77 об.

215) Дѣла архива министерства: карт. 466, № 36882. Журн. ученаго комитета. 1820 г., стр. 47 об. 48 об.

216) Седьмой отчетъ комитета Россійск. библейск. общ. 1820, стр. II—IX. Девятый отчетъ. 1822 г., стр. III—VII.

217) L'herméneutique n'est plus que la profanation des saintes écritures... La raison humaine ne peut parvenir à se pénétrer du sens divin des écritures, qu'autant qu'elle les médite à la lumière de la foi et sous la conduite de l'autorité hiérarchique, etc. Denkschrift über Deutschlands jetzigen Zustand. 1819, стр. 20. Denkschrift über Deutschland gewürdigt von Krug. 1819, стр. 29 и слѣд.

218) Дѣла архива министерства: карт. 11, № 36765. Журн. главн. правл. уч. 1823, № 1, ст. XI.

219) De la direction donnée à l'enseignement dans les universités, discours prononcé le 28 février 1823 dans l'assemblée solennelle de l'université impériale de St.-Pétersbourg, tenue extraordinairement à la fin de cinq années du cours d'études, par M. de Gouroff, professeur ordinaire d'histoire et de littérature. St.-Pétersbourg. 1823.

220) Vie de madame de Krüdener par Charles Eynard. Paris. 1849. T. II, гл. XX. Schnitzler: Histoire intime de la Russie. La Haye. 1847: La sainte alliance et madame Krüdener. T. I, стр. 271 и слѣд. La Russie et les Russes. I, 78. Gervinus: Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. 1856. T. II, стр. 720—721 и друг.

221) Vie de madame Krüdener par Eynard. I, гл. XIV.

222) Kurze und wahrhaftige Beschreibung des grossen Burschenfestes auf der Wartburg bei Eisenach am 18-ten und 19-ten des Siegesmonds 1817. Nebst Reden und Liedern. Gedruckt in diesem Jahre. Пѣсня въ такомъ родѣ:

Hehr erstanden
Aus den Banden
Hob der Geist sich himmelwärts
Doch die schlauen Wälschen kamen,
Streuten gift'gen Schlangensamen
Und zerfleischten Deutschlands Herz.
Aus den Ketten
Sich zu retten,
Schlug der Deutsche heisse Schlacht,
Stritt mit Gott in dreien Tagen,
Und die Feinde sind geschlagen,
Und die Freiheit ist erwacht.
Krieg der Kriege,
Sieg der Siege,
Frei ist unsrer Väter Heerd!
Hermann schaut auf uns hernieder,
Hermann höret unsre Lieder,
Wir sind seiner wieder werth.
Ernster töne,
Deutschlands Söhne,
Jetzt der Schwur durch unsre Reih'n:
Felsenfest, wie unsre Eichen,
Von der Wahrheit nie zu weichen,
Immer deutsch und frei zu sein, etc.

223) Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts, von Gervinus. 1856. T. II, стр. 626 и слѣд.

224) Wichtige Urkunden für den Rechtszustand der deutschen Nation mit eigenhändigen Anmerkungen von Johann Ludwig Klüber, aus dessen Papiere mitgetheilt und erläutert von C. Welcker. Mannheim. 1884, стр. 105 и слѣд.

225) Protokolle der deutschen Bundesversammlung. 1819. 8-r Band. 3-s Heft. стр. 266—268, 271—274, 279—281.

226) Denkschrift über Deutschlands jetzigen Zustand. Aus dem französischen. Stuttgart und Tübingen. 1819.

227) Oppositions-Blatt oder Weimarische Zeitung. 1819 № 1—7. Auch eine Denkschrift über den gegenwärtigen Zustand von Deutschland oder Würdiguug der Denkschrift des Herrn von Stourdza in juridischer, politischer und religioser Hinsicht, vom Professor Krug in Leipzig. 1819. Ueber deutsche Universitäten und Studenten. Ein Wort gegen Stourdza's Urtheil über dieselben. Leipzig. 1819. Des Grafen H. W. A. von Kalckreuth gründliche, allgemeine und vorläufige Widerlegung jedes gesammten Schreibens und Urtheilens, wovon die Schrift des Herrn von Stourdza nur eine einzelne, vorübergehende Erscheinung ist. Leipzig. 1819 и мн. др.

228) Дѣла архива министерства: карт. 466, № 36882. Журн. учен. ком. 1820, л. 217 об.—219 об.

229) Санктпетербургскія Вѣдомости. 1819, № 76. Извѣстіе изъ Гейдельберга, отъ 28-го августа.

230) Представленіе графа Нессельрода отъ 16-го апрѣля 1820 г. за № 1888.

231) Представленіе министра народнаго просвѣщенія отъ 8-го ноября 1822 г. за № 3241.

232) Архив. мин.: карт. 467, № 36885. Журн. учен. ком. 1823, л. 213—216: Замѣчанія по ученой и нравственной части въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ, представленныя профессоромъ Казанскаго университета Симоновымъ, отправленнымъ въ Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну, Мюнхенъ, Парижъ и Неаполь для покупки физическихъ и астрономическихъ инструментовъ для Казанскаго университета.

233) Казанскій Вѣстникъ. 1821, октябрь. «Нѣчто объ иностранныхъ университетахъ» статейка, подписанная: «изъ Саратова».

234) Lettre et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre, précédés d'une notice biographique par son fils le comte Rodolphe de Maistre. Paris. 1851. T. II, ст. 318—320, 326, 328—330.

235) Архивъ министерства: карт. 11, № 36764. Журн. главн. правл. учил. 1822, № 17; ст. XIV.

236) Le moniteur universel, 1821, № 59, стр. 267—268; № 2, 10, 37.

237) Архивъ министерства: карт. 11, № 36863. Журн. главн. правл. учил. 1821, стр. 27.

238) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. 1864. T. I, стр. 971—1011.

239) Архивъ министерства: карт. 466, № 36880. Журн. учен. ком. 1818 г., л. 9—10, 22 об., 99.—Карт. 10, № 36760. Журн. главн. правл. учил. 1818 г., № 8, ст. I.

240) Наставленіе для руководства ученаго комитета помѣщено, въ полномъ объемѣ, въ Журналѣ департамента народнаго просвѣщенія. 1821; № 2, стр. 187—206.

241) Архивъ министерства: карт. 10, № 36760. Журн. главн. правл. уч. 1818, № 6, ст. XII.

242) Архивъ министерства: карт. 466, № 36880—36882. Журн. учен. ком. 1818, л. 128 об.—129 об., 1820 г., л. 56—57.

243) Архивъ министерства: карт. 466, № 36882. Журн. комит. 1820 года, л. 85 об. 87, л. 263—263 об.—л. 152—153 об.

244) Архивъ министерства: карт. 466, № 36881. Журн. учен. ком. 1819 г., л. 43 об.—44 об.—л. 189—190.

245) Архивъ министерства: карт. 466, № 36882. Журн. учен. ком. 1820 г., л. 57 об.—59 об.—л. 187—189—л. 157 об.—158 об.

246) Архивъ министерства: карт. 11, № 36762. Журн. главн. правл. уч. 1820 г., № 22, ст. XV.

247) Архивъ министерства: карт. 466, № 36882. Журн. учен. ком. 1820 г., л. 272 об.

248) Архивъ министерства: карт. 466, № 36882. Журн. учен. ком. 1820 г., л. 35—36—л. 39 об.—42.

249) Архивъ министерства: карт. 467, № 36885. Журн. учен. ком. 1823 г., л. 216—219.

250) Архивъ министерства: карт. 466, № 36882. Журн. учен. ком. 1820 г., л. 196 об.—197 об.

251) Архивъ министерства: карт. 10, № 36760. Журн. главн. правл. учил. 1818 г., № 5, ст. XIX.

252) Архивъ министерства: карт. 466, № 36880. Журн. учен. комит. л. 103 об.—104.

253) Архивъ министерства: карт. 10, № 36760. Журн. главн. правл. учил. 1818, № 5, ст. XIV.
254) Архивъ министерства: карт. 466, № 36882. Журн. учен. комит. 1820, л. 135—135 об.—л. 147—148 л. 205—206.
255) Новый завѣтъ на славянскомъ и русскомъ языкѣ, иждивеніемъ Россійскаго библейскаго общества. 1 коринѳ. VII, 21.
256) О должностяхъ человѣка и гражданина, книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ городскихъ училищахъ Россійской Имперіи, изданная по Высочайшему повелѣнію царствующей императрицы Екатерины II. Въ Санктпетербургѣ, 1783 года, стр. 112—115.
257) Архивъ министерства: карт. 10, № 36761. Журн. главн. правл. учил. 1819 г. № 5, ст. XI—№ 6, ст. IX.
258) Записки адмирала А. С. Шишкова, напечат. по рукописи, полученной въ 1863 году редакціею Журнала министерства народнаго просвѣщенія, стр. 85—86.
259) Архивъ министерства: карт. 467, № 36885. Журн. учен. комит. 1823, л. 253 об.—255 об.
260) Архивъ министерства: карт. 10, № 36761. Журн. главн. правл. учил. 1819. № 5, ст. XI.—№ 6, ст. IX.
261) Архивъ министерства: карт. 10; № 36760. Журн. главн. правл. уч. 1818. № 5, ст. XXV.—Карт. 466, № 36884. Журн. учен. ком. 1822, л. 105—107.
262) Архивъ министерства: карт. 466, № 36883. Журн. учен. комит. 1821, л. 30 об.—33.
263) Архивъ министерства: карт. 467, № 36886. Журн. учен. ком. 1824, л. 77—81 об.
264) Архивъ министерства: карт. 11, № 36763. Журн. глав. правл. учил. 1821, л. 254—272 об.
265) Тамъ же, л. 265—265 об.
266) Архивъ министерства: карт. 467, № 36885. Журн. учен. ком. 1823, л. 128—128 об.
267) Архивъ министерства: карт. 466, № 36882. Журн. учен. ком. 1820, л. 239—243.
268) Свѣдѣнія о Магницкомъ и его управленіи Казанскимъ округомъ находятся въ статьѣ Попова въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1859 г. Т. XXIII, подъ заглавіемъ: «Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани»; въ книгѣ Ѳеоктистова: «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. I. Магницкій», изд въ 1865 году; отчасти въ біографіи Сперанскаго, составленной барономъ Корфомъ, и др. Мы пользовались преимущественно рукописями, хранящимися въ архивѣ Казанскаго университета.
269) Въ журналѣ департамента народнаго просвѣщенія, ч. 2, май, 1821, № 5, помѣщены инструкціи директору (стр. 21—36) и ректору (36—62) Казанскаго университета. Обѣ инструкціи напечатаны и въ Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, I. 1864 г., стр. 1199—1220, подъ именемъ «Инструкцій директору Казанскаго университета». Они утверждены государемъ 18-го января 1820 г.

270) Городчаниновъ, профессоръ словесности въ Казанскомъ университетѣ, род. 1771 г., умеръ въ 1852 г. Свѣдѣнія въ немъ находятся въ примѣчаніяхъ къ письмамъ къ нему митрополита Евгенія, изданныхъ Савваитовымъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, ч. XCIV, отд. VII, стр. 1 — 23. Въ спискѣ сочиненій и переводовъ Городчанинова, составленномъ имъ самимъ и находящемся въ архивѣ Казанскаго университета, названы.

Сочиненія:

Посланіе къ Овидію — въ Ежемѣсячномъ изданіи Академіи наукъ 1794.

Митрофанушка въ отставкѣ — комедія въ пяти дѣйствіяхъ. 1800.

Разсужденіе о дѣйствіи просвѣщенія на разумъ и сердце. 1870.

Руководство къ эстетическому разбору по части россійской словесности. 1813.

О первоначальныхъ средствахъ къ основательному знанію славянскаго языка. 1814.

Собраніе разныхъ стихотвореній. 1816.

Критическія примѣчанія на переводъ Боаловой стихотворной науки, вмѣстѣ съ симъ переводъ, напечатанъ въ 1818.

Разсужденіе о превосходствѣ библейскаго и св. отцовъ краснорѣчія надъ краснорѣчіемъ древнихъ и новыхъ свѣтскихъ писателей—въ Казанскомъ Вѣстникѣ, 1820.

Мнѣніе христіанина о правѣ естественномъ—въ Казанскомъ Вѣстникѣ, 1821.

О разрушительной системѣ воспитанія, противоположной духу св. евангелія, 1822.

О разныхъ системахъ нравоученія—неизданное въ свѣтъ.

Изложеніе естественнаго права въ обличительномъ смыслѣ, по вопросамъ и отвѣтамъ, или compendium, одобренное совѣтомъ Казанскаго университета къ преподаванію и напечатанію, 1823.

Разговоръ учителя съ ученикомъ о новомодномъ слогѣ нѣкоторыхъ россійскихъ писателей, 1826.

О заблужденіяхъ разума въ изысканіи истины—Казанскій Вѣстникъ, 1826.

Благоговѣйный взглядъ христіанина на канонъ пасхи, подарокъ студентамъ Каз. унив.,—тамъ же.

Переводы:

Переводъ Рейналевой исторіи о заведеніяхъ европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ, въ 6 томахъ, 1807.

Переводъ повѣсти подъ названіемъ: Отецъ и дочь, 1804.

Разные переводы изъ Фенелоновыхъ сочиненій — въ Казанскомъ Вѣстникѣ и т. д.

271) Дѣла архива Казанскаго университета, 1820 г., № 152.

272) Дѣла архива Казанскаго университета, 1823 г., № 368.

273) Дѣла архива Казанскаго университета, 1820 г., № 422.—1821 г., № 67, 72, 313.—1824 г., № 49.

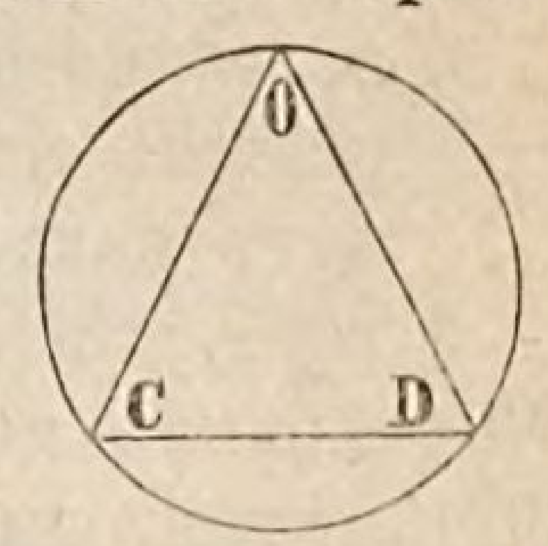
274) Дѣла архива Казанскаго университета, 1821 г., № 10.

275) Дѣла архива Казанскаго университета, 1823 г., № 267.

276) О Ζηλοσοφος, искатель премудрости, или духовный рыцарь, соч. Лопухина. 5791 (т. е. 1791), стр. 91—109.

277) Письма Лопухина изъ Юрьева-Польскаго и изъ села Воскресенскаго въ Казань Саввѣ Андреевичу Москотильникову, совѣтнику губернскаго правленія. Подлинники писемъ, отъ 2-го декабря 1812 г., 1-го іюня 1813 г. и 21-го сентября 1815 г., находятся въ Казани, у Ивана Григорьевича Горемыкина, бывшаго студентомъ Казанскаго университета во времена Магницкаго.

278) Слово о пользѣ математики, говоренное 5-го іюля 1816 года профессоромъ Никольскимъ. Въ древней Россіи извѣстно было сказаніе о треугольникѣ, какъ о религіозномъ символѣ. Въ рукописяхъ Синодальной библіотеки сохранилось слѣдующее «показаніе отъ писаній св. отцовъ о *треугольникѣ:* Мудрѣйшій Максимъ Грекъ, обличая нѣмчика Николая латинника, писаше глаголя, яко землемѣрная образованія равноугольная и неравноугольная Николай ввождаше странна и чужда благочестивыя и православныя вѣры, борьствуя на истину, показати симъ хощетъ свиновна быти Отцу Сына во исхожденіи Духа Святаго. Ты же постави умъ прилежно и разумѣеши, како солга неправда себѣ. Равнотреугольный образъ сей—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ—аки паче иныхъ примѣченъ въ изъявленіе равночинныхъ тріехъ богоначальныхъ ипостасей, зане треми углы равностранными образованъ есть. Выспрь убо полагаетъ Отца, долѣ же у обоихъ угловъ Сына и Духа. И треми убо углы три ипостаси, окруженіемъ же, еже округъ ихъ, безначальное и безконечное божественнаго естества являти хощутъ. Кружалу же Духа Святаго уподобляютъ: яко кружало, глаголютъ, отъ точки наченшее и кругомъ

обращенно кругъ совершаетъ, тако Духъ, отъ Отца произшедъ, къ Сыну достизаетъ, и аще тамо пребудетъ и не возвратится къ отчей ипостаси не совершенна Троица пребываетъ. Сія вся мудрость есть латинниковъ, юже помалѣ и сами похулятъ, дѣтскую сію нарицающе, играющихъ бо сицевая и не философствующихъ суть. Еже бо кругомъ, отъ точки и времене начинаемымъ и рукою человѣческою и кружаломъ описуемымъ, Божее безначальное и необразуемое знаменоватися—кто благомудрствуя не посмѣется! Треугольный бо сей и прямоугольный образъ пиѳагорскихъ философовъ... Что сея ереси хульнѣйше, Бога въ крузѣ заключившія и по угломъ разставившія: бѣжати сего всеусердно подобаетъ (№ 287 (396), л. 59—60 об.).

279) Дѣла архива Казанскаго университета, 1822, № 98.

280) Дѣла архива Казанскаго университета, 1825 г., № 80.—1822 г., № 113.

281) Дѣла архива Казанскаго университета, 1819 г., № 342.

282) Дѣла архива Казанскаго университета, 1826 г., № 68.

283) Архивъ министерства: карт. 298; № 20091.

284) Казанскій Вѣстникъ. 1820 г., январь. III. О философскихъ наукахъ.

285) Архивъ министерства: карт. 11, № 36765. Журн. главн. правл. уч. 1823 г., № 12. ст. VI.

286) Архивъ министерства: карт. 13, № 36768. Журн. главн. правл. уч. 1826 г., № 3, ст. XLVII. Заключеніе Желтухина.

287) Записка о наставленіи, данномъ Магницкимъ директору университета; представлена инспекторомъ студентовъ, Гавріиломъ Вишневскимъ, 15-го іюля 1826 года.

288) Архивъ министерства: карт. 467, № 37886. Журн. учен. комит. 1824 г., л. 206—225 об.

289) Архивъ министерства: карт. 466, № 36883. Журн. учен. комит. 1821 г., л. 132 об.—133 об.

290) Первоначальное образованіе С.-Петербургскаго университета и докладъ объ учрежденіи университета въ С.-Петербургѣ помѣщены въ Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. 1864 г., I, стр. 1152—1160.

291) Geschichte der Universität zu Halle bis zum Jahre 1805, von Hoffbauer. Halle 1805, стр. 66, 129 и др.

292) Архивъ министерства: карт. 518, № 24124.

293) Архивъ министерства: Журн. главн. правл. учил.: карт. 10, № 36761; 1819 г., № 3, V.—№ 16, XIV.—№ 31, I.—33, VI.—Карт. 11, № 36762; 1820 г., № 7, VI.—№ 9.—Карт. 11, № 36763; 1821 г., 185 об.—187.—Карт. 11, № 36765; 1823 г., № 8, V.—Сборникъ постановленій по министерству. 1864 г., I, стр. 1577—1579.

294) Представленіе попечителя министру отъ 15-го февраля 1819 года, за № 143. Свѣдѣнія о первыхъ временахъ университета находятся въ исторической запискѣ, читанной ректоромъ университета П. А. Плетневымъ на актѣ 8-го февраля 1844 года, и изданной въ томъ же году подъ названіемъ: «Первое двадцатипятилѣтіе Императорскаго С.-Петербургскаго университета».

295) Архивъ министерства: карт. 519, № 24192.

296) Архивъ министерства: карт. 11, № 36762. Журн. главн. правл. уч. 1820 г., № 4, ст. VI.

297) Архивъ министерства: карт. 512, № 24192. Объявленіе, приложенное къ № 79 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1819 года.

298) Recueil des actes de la séance publique de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, tenue le 29 décembre 1838. Compte rendu de l'académie pour l'année 1838, p. 8: Il nous a été impossible de recueillir dans si peu de temps (Германъ умеръ въ ночь съ 18-го на 19-е декабря) toutes les données nécessaires même pour une simple nécrologie. Nous tâcherons néanmoins d'y suppléer dans notre prochain compte rendu, et nous espérons qu'alors nous serons à même de donner un aperçu, aussi complet que possible, des travaux littéraires du défunt et des services qu'il a rendus à la statistique en général, et à celle de notre pays en particulier. Но обѣщаннаго обозрѣнія ученыхъ заслугъ Германа не было издано академіею наукъ. Некрологъ Германа, съ исчисленіемъ его трудовъ, помѣщенъ въ Сѣверной Пчелѣ 1839 года. № 213 и 214. Извлеченіе изъ него въ S.-Petersburgische Zeitung. 1839. № 226.

299) Die deutsche Nationalliteratur seit dem Anfange des achtzehnten Jahrhunderts bis auf die Gegenwart, von Hillebrand. 1851. Ч. III, стр. 416—419. Pauline Raupach: Raupach, biographische Skizze 1854. Dramatische Dichtungen von D. Ernst Raupach. Liegnitz. 1818. Die Leibei-

genen, oder Isidor und Olga Trauerspiel in fünf Akten, von Dr. Ernst Raupach. Leipzig. 1826. Newolnjci aneb Isidor a Olga, truchlohra we pęti gednánjch, dle Arn. Raupacha od S. K. Macháčka. W Praze, 1834. Юрій Хованскій говоритъ подобными стихами:

Die Zeit der Wunder, Oheim, ist vorbei,
Wo noch der Vater selbst sein Haus bestellte,
Vo ohne Mittler noch sein ordnend Wort
Zu seiner Kinder Ohren drang, und sie
Noch sonder Tugend, sonder Schuld noch lebten.
Erwachsen ist der Mensch; zurückgezogen
Hat sich der Vater über seine Sterne,
Und seine söhnen nur das eingeborne
Gesetz der Pflicht als Weisung hinterlassen,
Dass sie in dessen freier übung sich
Verdienst erwürben für ein höh'res sein,
Der Menschheit Loos bestimmt nun Menschenthat;
Und jeder muss in Selbsterkenntniss finden,
Was er dem Vaterhause werden soll....
Zwar ein Gesetz steht in den Herzen Allen,
Doch jedem deutet es der eigne Geist,
Und immer wird dem Ewigen gefallen,
Wer dahin strebt, wohin die Deutung weis't:
Der Uberzeugnung ist der Mensch verpflichtet;
Nicht das Gesetz, nur die Erkenntniss richtet....

300) Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ, Скальковскаго, въ Южномъ Сборникѣ, № 3 и 4; № 10, стр. 51—52.

301) Архивъ министерства: карт. 528, № 24978.

302) Архивъ министерства: карт. 231, № 10970.—Карт. 234, № 11177.

303) Исторія философскихъ системъ, по иностраннымъ руководствамъ составленная и изданная главнаго педагогическаго института экстраординарнымъ профессоромъ Александромъ Галичемъ. Книга 1-я, 1818 г., стр. 212—213; книга 2-я, 1819 г., стр. 107, 250—251, 253.

304) Начертаніе статистики Россійскаго государства, составленное главнаго педагогическаго института адъюнктъ-профессоромъ Константиномъ Арсеньевымъ. Часть первая, 1818 г., стр. 106—107, 198—203; часть вторая, 1819 г., стр. 179—181.

305) Лекціи Германа по теоріи статистики — тетради студента *Веселовскаго;* по статистикѣ Россіи студ. *Андреевскаго.* Лекціи Раупаха по исторіи — тетради студ. *Брута* и *Крылова.* Галича по философіи — студ. *Рождественскаго* и *Андреевскаго.* Арсеньева по статистикѣ Россіи—студента *Яковлева.*

306) Мнѣнія графа Лаваля о предметахъ и духѣ преподаванія вообще, а также объ удаленіи обвиняемыхъ профессоровъ и сочиненіяхъ Германа, см. приложенія.

307) Архивъ министерства: карт. 11, № 36763. Журн. главн. правл. уч. 1821 года, л. 184—185 об.—213—217, 218—240.

308) Записки Рунича и проф. Плисова о чрезвычайныхъ собраніяхъ университета—приложенія II и III.

Вопросы профессоровъ и отвѣты на нихъ—приложеніе V.

309) Мнѣніе Магницкаго по дѣлу о профессорахъ—приложеніе IX.

310) Представленіе министра народнаго просвѣщенія отъ 23-го января 1822 года, за № 228.

311) Выписки изъ тетрадей студентовъ—приложеніе I.

312) Мнѣніе Шишкова—приложеніе XIII; князя Куракина—приложеніе XIV; барона Кампенгаузена—приложеніе XV.

313) (къ стр. 307). Историческая записка о дѣлѣ Петербургскаго университета, напечат. въ чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей. 1862 г., кн. 3-я, отд. V, стр. 179—205. Мы помѣщаемъ ее въ болѣе полномъ видѣ, заимствуя изъ достовѣрнаго источника: она представлена въ комитетъ министровъ С. С. Уваровымъ.

314) Замѣчаніе, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣлано по поводу письма Уварова къ императору Александру I, помѣщеннаго въ приложеніи XI.

315) «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи» — въ октябрской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1865 г. и въ особомъ приложеніи къ этому журналу за 1866 г., часть CXXX, апрѣль.

316) «О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности». Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша. 1857. Т. III, стр. 386.

317) «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I». Вып. II, стр. 204—205.

318) Сочиненія Пушкина, изд. Анненкова. 1857. Т. VII, стр. 30—35.

319) Древняя россійская вивліоѳика. Изд. второе. 1788 г. Ч. VI, стр. 415—417.

320) Въ докладѣ св. Синода, представленномъ въ декабрѣ 1756 г., говорится: «Усматриваемъ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ С.-Петербургской Академіи выходящихъ, примѣчаніяхъ, не токмо много честнымъ нравамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые и переводы и сочиненія находятся, многіе, а индѣ и безчисленные міры быти утверждающіе, чтò и св. писанію и вѣрѣ христіанской крайне противно есть, и многимъ не утвержденнымъ душамъ причину къ натурализму и безбожію подаетъ. Того ради... просимъ: Академіи С.-Петербургской запретить, и вездѣ въ имперіи Россійской публиковать, дабы никто отнюдь ничего писать и печатать какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался, а находящуюся нынѣ во многихъ рукахъ книгу о множествѣ міровъ Фонтенеля, переведенную княземъ Кантемиромъ, также и примѣчанія, въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году изданныя, въ которыхъ о той же матеріи припоминается или другое что противное вѣрѣ содержится, — указать вездѣ отобрать и прислать въ Синодъ, какъ то Ваше Императорское Величество нижеслѣдующія книги: въ 1743 г. именуемую Арнда, а въ 1749 г. Ѳеатронъ историческій отбирать и въ Синодъ присылать указали».

321) Полное Собраніе Законовъ: Т. XIX, № 13572; т. XX, № 14495 (указы

1771 и 1776 годовъ). Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ, стр. 16—20.

322) Полное Собраніе Законовъ: Т. XXIV, № 17811. Сборникъ постановленій по цензурѣ, стр. 36—40.

323) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I. Царствованіе Императора Александра I. 1864. Стр. 18, § 30 предварительныхъ правилъ.

324) Geschichte des Königreichs Dänemark. Mit steter Rücksicht auf die innere Entvickelung in Staat und Volk. Von C. F. Allen. Aus dem dänischen übersetzt von Dr. N. Falck. Kiel. 1846. Стр. 441—467, 488.

325) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія: карт. 1316, № 38761, л. 9—28.

326) Дѣла архива министерства: карт. 7, № 36745. Журналы главнаго правленія училищъ. 1803 г., второй половины, стр. 264—265, 310—311.

327) Дѣла архива министерства: карт. 1316, № 38761, л. 3—8, об.

328) Дѣла архива министерства: карт. 1316, № 38761, л. 33—58.

329) Проектъ, составленный Озерецковскимъ и Фусомъ, писанъ на французскомъ языкѣ. Онъ состоитъ изъ двадцати пяти статей. Уставъ раздѣленъ на сорокъ семь параграфовъ. Многія статьи въ проектѣ и въ уставѣ сходны по содержанію и отчасти по изложенію. Между ними подобное соотвѣтствіе:

La discussion modeste de toute vérité qui peut interesser la réligion, l'humanité, l'état social, la législation, l'administration ou quelque branche du gouvernement que ce soit, loin d'être un objet de sevérité modérée de la censure, jouira de toute la publicité, qui est compatible avec la sûreté et la tranquillité de l'état et sans laquelle il n'y a point de progrès des lumières à espérer (§ 23).

...La censure ne doit pas condamner legèrement et sur des simples apparences un ouvrage ou un passage, qui ne tombe peut-être que par des interprétations forcées dans la catégorie des sujets prohibés. Lors qu'un passage suspect présente un double sens, il sera interprété de la manière la plus favorable aux intentions de l'auteur (§ 22).

Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія (§ 22).

Цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать (§ 21).

Dans des cas douteux un censeur communiquera ses doutes au comité entier, et l'approbation sera donnée ou refusée selon ce que la pluralité des voix aura opiné. *Les comités de censure faisant partie des premières corporations savantes de l'empire qui ont pour but la recherche modeste mais intrépide de toute vérité utile, ils sauront respecter les ouvrages qui portent ce caractère* (§ 24).

Книги и сочиненія, которыя цензоръ самъ собою одобрить къ напечатанію сомнѣвается, также книги и сочиненія печатныя, кои почитаетъ онъ слѣдующими къ запрещенію, представляются въ полное собраніе цензурнаго комитета для разрѣшенія по большинству голосовъ; и въ семъ случаѣ отвѣтствуютъ одобрившіе или запретившіе сочиненіе, либо книгу (§ 13).

330) Уставъ о цензурѣ, 1804 г., помѣщенъ въ Сборникѣ постановленій по цензурѣ, стр. 83—96.

331) Дѣла архива министерства: карт. 1316, № 38761, л. 60—63 об.

332) Александръ Николаевичъ Радищевъ, по воспоминаніямъ сына, П. А. Радищева: *Русскій Вѣстникъ* 1858 г., № 23, стр. 424.

333) Изъ проекта, составленнаго Озерецковскимъ и Фусомъ, въ утвержденномъ краткомъ докладѣ заимствована мысль: «Сими постановленіями ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной». Она обратила на себя вниманіе, какъ по своему внутреннему достоинству, такъ и по справедливости своей въ отношеніи къ дѣйствительному примѣненію ея въ самомъ уставѣ. Приводимъ подлинникъ замѣчательнаго проекта писаннаго рукою Фуса, на французскомъ языкѣ:

Le bien qui résulte d'une sage liberté de la presse est si grand et si durable; le mal qui accompagne l'abus de cette liberté est si rare et si passager, qu'on ne peut que regretter la nécessité, dans laquelle un gouvernement porté d'ailleurs à une libéralité décidée dans ses principes, peut se trouver de mettre des bornes à cette liberté lorsqu'il est entrainé à cette mesure par l'exemple, par des circonstances temporaires et par les suites impérieuses de l'esprit du temps. Ces regrets augmentent quand on considère qu'une telle restriction est difficile à contenir dans les justes bornes, et que, poussée à l'excès elle devient souvent inutile et toujours nuisible. Car il est incontestable que cette mesure de rigueur a presque toujours le funeste effet de supprimer entièrement la franchise, de paralyser les esprits, d'étouffer la flamme sacrée de l'amour du vrai, et d'arrêter, par là même, la propagation de la lumière. Il n'est pas moins incontestable que la liberté de penser et d'écrire est un des plus puissans moyens d'exalter le génie d'une nation, de l'annoblir et de l'éclairer; que l'empire de la vérité peut même gagner par l'émission libre d'une erreur quelconque, parce que cette erreur n'a que paraître au grand jour pour mettre en mouvement cent plumes prêtes à la réfuter. Il est incontestable enfin qu'il ne peut y avoir de véritable progrès dans la culture, ni d'acheminement droit et ferme vers le dégré de parfection dont l'espèce humaine est susceptible, que là, où l'usage libre de toutes les facultés de l'âme donne de l'essort aux esprits; que là, où il est permis de discuter publiquement les grands

interêts de l'humanité et les vérités qui interessent le plus l'homme et le citoyen.

Guidés par ces principes et jaloux de conserver toute leur activité aux moyens qui sont réconnus comme les plus propres à favoriser la propagation des lumières: Nous avions aboli dès la première année de Notre avènement au thrône, par un oukaze du 19 février 1802, les anciens comités de censure, comme une mesure de rigueur qui, reconnue nécessaire dans les temps de leur création, avait cessée de l'être par les changemens des relations et des circonstances, et qui d'ailleurs s'était montrée insuffisante pendant une expérience de cinq ans. Nous avions rendu, par le même oukaze, aux institutions savantes, aux corps des cadets et aux tribunaux de l'empire, le droit de censurer les livres qui sortiraient de leurs imprimeries, et Nous avions chargé les gouverneurs civils de la censure des livres imprimés dans les typographies des particuliers.

Or depuis l'émanation de cet oukaze Nous avons créé un nouveau département de l'instruction publique, et par Notre manifeste suprême du 10 septembre 1802. Nous avons confié, entre autres, à la surveillance immédiate du ministre de ce département, les imprimeries, les gazettes et ouvrages périodiques et la censure des livres. De plus Nous avons accordé à l'académie des sciences et aux universités, par les actes de fondation et par les réglemens confirmés, le droit d'avoir leur propre censure, non seulement pour les ouvrages publiés par ces institutions savantes et par leurs membres, mais aussi pour les livres qu'elles feraient venir de l'étranger pour leur propre usage. Enfin dans les règles préliminaires pour l'instruction publique, que Nous confirmâmes le 24 janvier 1803, Nous avons confié aux universités la censure de tous les ouvrages qui s'imprimeront dans leurs arrondissemens.

En vertu de tous ces actes, passés formellement en lois, il y aura un comité de censure dans chaque université de Notre empire, et du moment qu'un tel comité sera organisé, Nous dispensons les gouverneurs civils des gouvernemens qui composent l'arrondissement de cette université, de l'examen des manuscrits déstinés à être imprimés dans les imprimeries de l'arrondissement, en remettant à ces comités le soin d'empêcher que rien ne s'imprime qui fut contraire à la réligion, au gouvernement, à la décence et aux mœurs.

Mais en établissant ainsi un nouveau système de censure, Nous désirons d'écarter de cette mesure tout ce qui pourrait mettre des entraves à l'exercice innocent du droit de penser et d'écrire. Nous déclarons que ce n'est que l'abus que des écrivains mal intentionnés, immoraux et irréligieux pourraient faire d'une liberté de la presse sans bornes, que Nous voulons prévenir. A ces causes, et afin qu'il y ait uniformité de principes et de procédure dans tous les comités de censure établis et à établir encore, et afin que chacun d'entr'eux sache ce qu'il doit défendre d'imprimer et ce qu'il peut approuver avec assurance: Nous avons fait dresser un réglement de censure conforme à nos intentions, que Nous avons confirmé et par lequel Nous ordonnons ce qui suit. (Дѣла архива министерства. Карт. 1316, № 38761, л. 84—86 об.)

334) Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. 1862, стр. 10.
335) Oeuvres complètes de Voltaire. A. Basle. 1785. T. XIII, стр. 236—244. Въ посланіи къ Датскому королю Христіану VII Вольтеръ говоритъ:

Hélas! dans un état l'art de l'imprimerie
Ne fut en aucun temps fatal à la patrie.
Les pointes de Voiture et l'orgueil des grands mots
Que prodigua Balzac assez mal à propos,
Les romans de Scarron n'ont point troublé le monde;
Chapelain ne fit point la guerre de la fronde.
Chez le Sarmate altier la discorde en fureur,
Sous un roi sage et doux, semant partout l'horrur,
De l'empire ottoman la splendeur éclipsée,
Sous l'aigle de Moscou sa force terrassée,
Tous ces grands mouvemens seraient-ils donc l'effet
D'un obscur commentaire ou d'un méchant sonnet?
Non, lorsqu'aux factions un peuple entier se livre,
Quand nous nous égorgeons, ce n'est pas pour un livre....
Que dans l'Europe entière on me montre un libelle,
Qui ne soit pas couvert d'une honte éternelle,
Ou qu'un oubli profond ne retienne englouti
Dans le fond du bourbier dont il était sorti...

336) *Вѣстникъ Европы*. 1805, № 3, стр. 199—204. Статью о книжной цензурѣ въ Россіи проф. Соловьевъ называетъ замѣчательнѣйшею изъ статей Каченовскаго въ періодъ изданія имъ *Вѣстника Европы* съ 1805 по 1809 годъ. (Біографич. словарь Московск. университета. 1855. Т. I, стр. 389).
337) Дѣла архива министерства, по главному управленію цензуры, № 12. Объясненіе по этому поводу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ происходило въ январѣ 1819 года.
338) Дѣла архива министерства: карт. 9, № 35759. Журн. главн. правл. училищъ. 1817. № 3, ст. XXVIII.
339) Дѣла архива министерства: карт. 7, № 36749. Журн. главн. правл. училищъ. 1807. № 1, ст. LXXI.
340) Дѣла архива министерства: карт. 8, № 36752. Журн. главн. правл. училищъ. 1810. № 48, ст. LX. Главное правленіе училищъ потребовало отъ содержателя типографіи письменнаго свидѣтельства отъ министерства полиціи о томъ, что масонскія общества дозволены въ имперіи, чтобы пропустить масонскія пѣсни подобнаго содержанія:

De l'univers Architecte immuable,
De la vertu trace nous les chemins;
Pour les mortels que l'infortune accable
Grave en nos coeurs tes généreux desseins!
 Des malheureux faut-il sécher les larmes,
 Au faible enfant tendre un bras protecteur,
 Gride nos pas vers leur séjour d'alarmes —
 Il deviendra l'asile du bonheur.
C'est en ouvrant les yeux à la lumière
Que des vertus nous puisons les leçons.
Par leur pratique à notre heure dernière
C'est dans ton sein que nous reposons...

Le vrai maçon armé de son courage
A la tempête oppose un front serein.
Faut-il sauver un ami du naufrage,
A son péril il lui tendra la main.
Servir son Dieu, son prince, sa patrie
Sont des humains les premières leçons,
Et ces leçons quand chacun les oublie
On les retrouve au coeur de vrais maçons...

341) Дѣла архива министерства, 1813 года. карт. 222, № 10200.

342) Дѣла архива министерства: карт. 10, № 36760. Жтрн. главн. правл. учил. 1818, г., № 8, ст. XV.

343) Дѣла архива министерства, 1819 г., карт. 284, № 19224.

344) Записки адмирала А. С. Шишкова, стр. 53 и слѣд.; 109—110; 113; 128—130.

345) Mémoires de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Sixième série. 1832. Recherches sur le nombre des suicides et des homicides commis en Russie en 1819 et 1820, par M. Hermann. T. I, стр. 3—20. Читано въ засѣданіяхъ академіи 17-го декабря 1823 и 30-го іюня 1824 года. По исчисленію Германа, приходится:

	Самоубійствъ.		Смертоубійствъ	
Въ Курской г. одно на	32,041 жит. об. пола;	одно—на	48,658 жит. об. пола.	
› Рязанск. ›	41,639	›	40,037	›
› Казанск. ›	42,701	›	42,701	›
› Тамбовск. ›	52,389	›	37,654	›
› Костром. ›	214,305	›	142,820	›
› Саратов. ›	319,198	›	119,696	›

346) Дѣла архива министерства, по главному управленію цензуры, 1824 года, № 106.

347) Сборникъ постановленій по цензурѣ, стр. 104, 107—108.

348) Дѣла архива министерства: карт. 223, № 16287.

349) Дѣла архива министерства, по главному управленію цензуры, 1824 года, № 99.

350) Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова, сочиненіе Василія Нарѣжнаго. СПБ. 1814 года, три части, съ эпиграфомъ: homo sum, humani nil a me alienum puto. Книга Нарѣжнаго отмѣчена уже Сопиковымъ какъ библіографическая рѣдкость. Графомъ Разумовскимъ указаны «предосудительныя и соблазнительныя мѣста» на стр. 46, 98, 125, 185, и далѣе, третьей части, вышедшей прежде первыхъ двухъ, хотя цензурное одобреніе дано ей нѣсколько позже, именно 9-го октября 1823 года, а первыя двѣ одобрены тѣмъ же цензоромъ, Яценковымъ, 12-го сентября 1823 года.

351) Дѣла архива министерства, 1814 года, карт. 222, № 10226.

352) Предписаніе министра, на имя Новосильцова, отъ 19-го апрѣля 1808 года.

353) Дѣла архива министерства: карт. 1325, № 38683.

354) Дѣла архива главнаго правленія цензуры, 1824 г., № 109. Предисловіе, на которое ссылается комитетъ, дано отъ 14-го мая 1818 года за № 1036.

355) Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи, соч. *Ивана Пнина.* Спб. 1804. Съ эпиграфомъ изъ Шапталя: l'instruction doit être modifiée selon la nature du gouvernement qui régit le peuple. На оборотѣ: «Блажены тѣ государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное». Книга Пнина отобрана изъ книжныхъ лавокъ, и новое изданіе ея не дозволено: поэтому, вѣроятно, въ «Словорѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія (II, 125—126) и въ «Опытѣ исторіи русской литературы» Греча (601—602) книга Пнина названа въ числѣ сочиненій, не появлявшихся въ печати.

356) По мнѣнію Пнина, въ училищахъ для земледѣльцевъ должно обучать чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механикѣ, обработкѣ полей, осушенію болотъ, скотоводству и проч. Въ мѣщанскомъ училищѣ слѣдуетъ преподавать: русское чтеніе, чистописаніе, грамматику, ариѳметику, введеніе во всеобщую исторію и географію, сокращеніе и главныя эпохи русской исторіи, геометрію и тригонометрію, математическое и физическое познаніе земнаго шара, физику, естественную исторію и технологію, практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и потребностей края. Къ этимъ предметамъ въ купеческомъ училищѣ присоединить: чтеніе, чистописаніе и грамматику англійскаго языка, алгебру, купеческіе счеты всѣхъ родовъ, простую и двойную бухгалтерію, исторію комерціи и навигаціи, познаніе торговли и товаровъ, и наконецъ, сокращеніе всего человѣческаго познанія и діэтетику. Образованіе дворянскаго сословія усовершенствовать введеніемъ въ курсъ кадетскихъ корпусовъ преподаванія юридическихъ наукъ, и т. п.

357) Сочиненія Пушкина, изд. Анненкова, Т. VII, ч. 2, стр. 57—58.

358) Дѣла архива министерства: карт. 218, № 9826, представленія Петербургскаго цензурнаго комитета отъ 2-го декабря 1804 г. за № 15.

359) Историческій, статистическій и географическій журналъ, или современная исторія свѣта, на 1820 годъ. Часть вторая; книжка первая. Апрѣль, стр. 18—32.

360) Дѣла архива министерства: кар. 11, № 36763. Журн. главн. правл. учил. 1821 года, л. 85—87.

361) Дѣла Петербургскаго цензурнаго комитета. 1806 г. № 1, л. 30.

362) Журналы засѣданій Петербургскаго цензурнаго комитета, 1806 года, л. 204—205.

363) Дѣла Петербургскаго цензурнаго комитета, 1804 и 1805 годовъ, № 1, л. 14: отношеніе въ контору театральной дирекціи отъ 3-го января 1805 года.

364) Сочиненія Жуковскаго. Спб. 1857. Т. XI, стр. 164—165.

365) Дѣла архива министерства, по главному управленію цензуры. 1822 года № 76. Дѣла архива Петербургскаго цензурнаго комитета, 1822 года № 32. Комитетъ указалъ двадцать три невѣрности въ переводѣ Жуковскаго; приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ томъ видѣ, въ какомъ находятся они въ представленіи комитета:

Въ подлинникѣ:

And I heard her name the midnight hour,
And name this holy eve;
And say: Come this night to thy lady's bower,
Ask no bold Baron's leave.
И я слышалъ, какъ она поминала полуночный часъ,
И какъ называла этотъ святой вечеръ,
И говорила: Приходи въ эту ночь въ бесѣдку (гротъ) твоей госпожи;
Не спрашивай у храбраго барона позволенія.

He lifts his spear with the bold Buccleuch,
His lady is all alone;
The door she'll undo to her knight so true,
On the eve of good St.-John.
Онъ поднимаетъ копье (онъ на войнѣ) вмѣстѣ съ храбрымъ Боклю,
Барыня (жена) его одна одинёхонька;
Она отворитъ дверь столь вѣрному своему кавалеру
Ввечеру передъ Ивановымъ днемъ (собственно: ввечеру милостиваго Іоанна).

O fear not the priest, who sleepeth to the east!
For to Dryburgh the way he has ta'en;
And there to say mass, till three days do pass,
For the soul of a knight that is slayne.
О, не бойся священника, который спитъ на восточной сторонѣ!
Онъ ушелъ въ Дрейбургъ (въ монастырь),
И тамъ останется цѣлые три дня служить обѣдню
По душѣ какого-то убитаго кавалера.

У Жуковскаго:

И сказала, я слышалъ: «въ полуночный часъ
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ
Приходи ты; *мой мужъ не опасенъ для насъ:*
Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь.

Онъ въ сраженьи забылъ про меня;
И *тайкомъ* отопру я для милаго дверь
Накануне Иванова дня.

Онъ уйдетъ къ той порѣ; въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить.
Кто-то былъ умерщвленъ—по душѣ его онъ
Будетъ три дни поминки творить.

His arms shone full bright in the beacon's red light,
His plume it was scarlet and blue;
On his shield was a hound, in a silver leash bound
And his crest was a branch of the yew.
Его оружіе ярко блистало при свѣтѣ маяка,
Перья отсвѣчивали багрянымъ и лазуревымъ цвѣтомъ;
На его щитѣ изображена была собака на серебряной привязи,
А на шишакѣ была вѣтка тисоваго дерева.

Yet hear but my word, my noble lord.
For I heard her name his name;
And that lady bright, she called the knight
Sir Richard of Coldinghame.
Но позволь мнѣ сказать еще словечко, знатный мой баринъ,
Я вѣдь слышалъ, какъ она называла его по имени,
Знатная барыня называла кавалера:
Сэръ Ричардъ Кольдингамъ.

For the Dryburg bells ring, and the white monks do sing
For Sir Richard of Coldinghame.
Ибо дрейбургскіе колокола звонятъ, и *бѣлые монахи* поютъ, поминая
Сэра Ричарда Кольдингама.

The lady blush'd red, but nothing she said;
Nor added the Baron a word.
Then she stepp'd down the stair to her chamber fair,
And so did her moody lord.
Жена покраснѣла, только ничего не сказала,
И баронъ ни слова не промолвилъ.
Потомъ она пошла *внизъ* по лѣстницѣ въ свою прекрасную комнату,
Куда пошелъ и ея сердитый (огорченный) мужъ.

Показалося мнѣ при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,
И *палашъ* боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ.

Нѣтъ, не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала—
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ.

Ужъ три ночи, три дня какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой.

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова... Ни слова и онъ!
И пошла въ свой покой *съ наклоненной главой,*
И за нею *суровый* баронъ.

By the Baron's brand, near Tweed's fair strand,
Most fully slain I fell;
And my restless sprite on the beacon's height.
For a space is doomed to dwell.

У баронова маяка, близь прекраснаго берега рѣки Твида,
Я былъ убитъ самымъ безчестнымъ образомъ;
И моему безпокойному духу на высотѣ маяка
Опредѣлено оставаться на нѣкоторое время.

Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночной,
И *ужасный теперь ему сонъ!*
И надолго во мглѣ, на пустынной скалѣ,
Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ.

366) Новости литературы, изданныя А. Воейковымъ и В. Козловымъ. 1824 года. Книжка VII, № VII, стр. 106—111. Цензурное одобреніе, подписанное тѣмъ же цензоромъ Бируковымъ, который задержалъ рукопись при первомъ представленіи ея въ цензуру, дано 23-го февраля 1824 года. Измѣненія, кромѣ названія, состояли въ слѣдующемъ:

Въ рукописи:

И она, помолясь и крестомъ оградясь,
Вопросила: «но что же съ тобой»...

И ужасное знаменье въ столъ возжено:
Напечатаны пальцы на немъ;
Но рукѣ обожженной чернѣетъ пятно:
И закрыта съ тѣхъ поръ полотномъ.

Напечатано:

Содрогнулась она и смятенья полна
Вопросила: «но что же съ тобой»...

И печать роковая въ столѣ возжена:
Отразилися пальцы на немъ;
На рукѣ-жъ—но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

367) Дѣла архива петербургскаго цензурнаго комитета, 1822 года, № 19. Дѣла архива министерства: карт. 58, № 36853. Журналъ исходящимъ бумагамъ за подписаніемъ министра, 1822 г., часть 1-я; отнош. къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 5-го апрѣля 1822 года, № 1078: въ отношеніи предлагалось объявить всѣмъ содержателямъ типографій въ государствѣ о напечатаніи книгъ безъ буквы ъ. Згерскій состоялъ въ то время въ должности секретаря виленской римско-католической духовной консисторіи.

368) Дѣла архива министерства: карт. 8, № 36752. Журн. главн. правл. учил. 1810 года, № 41, ст. I.

369) Дѣла архива министерства: карт. 8, № 36751. Журн. главн. правл. учил. 1809, № 17, ст. LXI.

370) Дѣла архива министерства: карт. 10, № 36761. Журн. главн. правл. учил. 1819 г., № 26, ст. XIX.

371) Дѣла архива министерства: карт. 466, № 36883. Журн. учен. комит. 1821 г., № 11, ст. I, л. 86—87.

372) Дѣла архива министерства: карт. 466, № 36882. Журн. учен. комит. 1820 г., № 7, ст. I, л. 88—88 об.

373) Дѣла архива министерства: карт. 10, № 36760. Журн. главн. правл. учил. 1818 г., № 10, ст. 10.

374) Дѣла архива министерства: карт. 11, № 36763. Журн. главн. правл. учил. 1821 г., № 2, ст. I, л. 6—7.

375) Дѣла архива министерства: карт. 10, № 36761. Журн. главн. правл. учил. 1819 г., № 23, ст. VII. Дѣла главнаго управленія цензуры, 1819 г., № 28.

376) Дѣла архива министерства по главному управленію цензуры, 1824 г., № 106.

77) Дѣла архива министерства: карт. 8, № 36752. Журн. главн. правл. учил. 1810 г., № 10, ст. XX; № 44, ст. V.

378) Цензурнымъ комитетомъ указаны, какъ предосудительныя, слѣдующія мѣста въ книгѣ Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin etc. Т. II, стр. 6—9, 16, 214, 233, стр. 65, 158, 342, 350, 351, 353—359.

379) Опредѣленіе Петербургскаго цензурнаго комитета по поводу книги De la souveraineté etc. состоялось 12-го апрѣля 1807 года.

380) *Журналъ Древней и Новой Словесности,* издаваемый В. Олинымъ, 1819 г., часть пятая, мѣсяцъ мартъ, № 6, стр. 52—78: Письмо покойнаго Михайла Васильевича Ломоносова къ Ивану Ивановичу Шувалову, нигдѣ не напечатанное. Въ 1842 году оно снова напечатано въ № 1-мъ *Москвитянина,* въ отдѣлѣ матеріаловъ для исторіи русской словесности, стр. 126—143, съ примѣчаніемъ отъ редакціи: подлинность этого разсужденія засвидѣтельствована Россійскою академіею; отрывокъ изъ него, именно оглавленіе другихъ предположенныхъ Ломоносовымъ сочиненій, найденъ г. Ѳедоровымъ въ собственноручномъ подлинникѣ Ломоносова». Изъ *Москвитянина* оно перепечатано въ сочиненіяхъ Ломоносова, изданныхъ Смирдинымъ въ полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ, 1847 г., т. I, стр. 631—654. Нѣсколько отрывковъ, пропущенныхъ въ Смирдинскомъ изданіи, напечатано въ *Библіографическихъ Запискахъ,* 1859 г., № 11, стр. 345—348, подъ названіемъ: «Матеріалъ для будущаго издателя сочиненій Ломоносова». Нѣкоторыя мѣста, пропущенныя въ *Москвитянинѣ* и въ Смирдинскомъ изданіи, находятся у Олина, а именно:

(Изданіе Олина).

Въ обычай вошло во многихъ россійскихъ предѣлахъ, а особливо по деревнямъ, что малыхъ ребятъ, къ супружеству неспособныхъ, женятъ на дѣвкахъ взрослыхъ; и часто жена могла бы по лѣтамъ быть матерью своего мужа. Сему съ натурою спорному поведенію слѣдуютъ худыя обстоятельства и слезныя приключенія, и рода человѣческаго приращенію вредныя душегубства. Пер-

(Изданіе Смирдина).

Важнѣйшимъ злоупотребленіемъ Ломоносовъ считаетъ браки между лицами несоотвѣтственныхъ лѣтъ; при немъ почти вездѣ по деревнямъ выдавались взрослыя дѣвки за несовершеннолѣтнихъ парней. Такому обычаю Ломоносовъ приписываетъ происхожденіе многихъ пороковъ, унижающихъ человѣческое достоинство, кромѣ естественнаго вреда и препятствія размноженію. «По мо-

выя послѣ женитьбы лѣта проходятъ безплодно; слѣдовательно, такое супружество—не супружество, и сверхъ того вредно размноженію народа затѣмъ, что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить нѣсколько дѣтей обществу.... Второе неравенство въ супружествѣ бываетъ, когда мужчина въ престарѣлыхъ лѣтахъ женится на очень молодой дѣвушкѣ, которое хотя не столь опасно, однако приращенію народа вредно; и хотя непозволенною любовію недостатокъ нерѣдко дополняется, однако сіе дѣло грѣховное недружелюбія, подозрѣнія, безпокойства и тяжбъ въ наслѣдствѣ и большихъ злоключеній причиною бываетъ. Для сего вредное пріумноженію и сохраненію народа неравенство супружества запретить и въ умѣренные предѣлы включить должно. По моему мнѣнію, невѣста жениха, и т. д. (стр. 55—56).

ему мнѣнію, невѣста жениха должна быть старѣе развѣ только двумя годами, а женихъ старѣе можетъ быть пятнадцатью лѣтами, и т. . (стр. 633).

Неравному супружеству много подобно насильное, ибо гдѣ любви нѣтъ, не надежно и плодородіе. Несогласія, споры и драки вредятъ плоду зачатому, и нерѣдко бываютъ причиною безвременному и незрѣлому рожденію. Для того должно вѣнчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить... (стр. 57).

Неравному супружеству много подобно насильное!... для того должно вѣнчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить... (стр. 633—634).

Конецъ восьмой главы отъ словъ: «и не провалился бы подъ ледъ, какъ случается на святой недѣлѣ» и вся четвертая глава у Олина пропущены; изъ третьей главы помѣщено только нѣсколько словъ, которыми начинается глава.

381) *Русскій Инвалидъ* или *Военныя Вѣдомости,* 18-го февраля 1820 г. № 40, стр. 158: «Также можно получать у него (В. Н. Олина) и письмо покойнаго Михайла Васильевича Ломоносова къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи народа Россійскаго. Сіе любопытное письмо, отысканное г. Олинымъ, до 1819 года нигдѣ напечатано не было. Цѣна оному на простой бумагѣ 1 р. 20 к. Всякое сочиненіе Ломоносова должно быть драгоцѣнно для любителей отечественной словесности. Мы смѣло можемъ рекомендовать почтенной публикѣ сіи двѣ небольшія, но достопримѣчательныя книжки» (т. е.,

письмо Ломоносова и повѣсть Ѳеофана Прокоповича о смерти Петра Великаго, изд. также Олинымъ).

382) Григорій Максимовичъ Яценковъ получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, былъ учителемъ латинскаго синтаксическаго и риторическаго и греческаго этимологическаго и синтаксическаго классовъ, и потомъ (1804 года) адъюнктомъ философіи и свободныхъ наукъ при Московскомъ университетѣ. Въ 1804 году опредѣленъ цензоромъ въ Петербургскій цензурный комитетъ. Объясненіе свое о пропускѣ письма Ломоносова Яценковъ представилъ 9-го іюня 1819 года.

383) Дѣла архива министерства по главному управленію цензуры. 1819 г., № 24.

384) Дѣла архива министерства: картонъ 1325, № 38783, л. 300. Въ перечнѣ изъ дѣлъ цензурнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ о разсмотрѣнныхъ новыхъ заграничныхъ книгахъ значится:

Въ 1820 году новыхъ заграничныхъ книгъ прочтено.	794
изъ числа ихъ запрещено.	169
позволено .	625
Въ 1821 году новыхъ заграничныхъ книгъ прочтено.	323
изъ числа ихъ запрещено	121
позволено .	202
Въ 1822 году новыхъ заграничныхъ книгъ прочтено	310
изъ числа ихъ запрещено	102
позволено .	108

Слѣдовательно, въ теченіе трехъ лѣтъ изъ 1427 книгъ запрещено 392, т. е., почти четвертая часть; въ 1821 и въ 1822 гг. книгъ получено было вдвое меньше, чѣмъ въ 1820 году.

385) Третья глава предварительнаго проекта Магницкаго приведена нами въ III главѣ, стр. 161—192.

386) Дѣла архива министерства: карт. 1325, № 38783, л. 41 и слѣд.

387) Тамъ же, л. 248 и слѣд.: Règles pratiques que la censure suit actuellement à défaut d'une instruction positive à l'égard des objets essentiels (traduction du polonais). Правила были сообщены, по высочайшему повелѣнію, главному правленію училищъ для соображенія при составленіи цензурнаго устава.

388) Дѣла архива министерства: карт. 1325, № 38783, № 24: О новомъ устройствѣ цензуры въ Москвѣ и составленіи проекта общаго устава о цензурѣ; начато 12-го мая 1820 года, закончено 11-го февраля 1826 г. Также журналы главнаго правленія училищъ и ученаго комитета съ 1820 по 1826 г.

389) Приводимъ вполнѣ проектъ устава (составленный Магницкимъ, который, какъ оказывается, почти не обращалъ вниманія на замѣчанія другихъ членовъ главнаго правленія училищъ), внесенный комитетомъ въ главное правленіе, — въ томъ видѣ, въ какомъ сохранился онъ въ архивѣ министерства (картонъ 1325, № 38783, л. 313 и слѣд.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О цѣли цензуры.

§ 1.

Цѣль установленія цензуры на твердомъ и правильномъ основаніи есть двоякая:

а) Огражденіе святыни Господней, почтенія къ властямъ предержащимъ, нравовъ народныхъ, чести народной и частной, отъ всякаго преступнаго на нихъ покушенія.

b) Огражденіе словесности и дарованій, во славу Божію и на пользу отечества посвящаемыхъ, опредѣлительностію цензурныхъ правилъ отъ всякаго притѣсненія со стороны членовъ цензурныхъ комитетовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О мѣстахъ учрежденія и составѣ цензурныхъ комитетовъ.

§ 2.

Цензура поручается цензурнымъ комитетамъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ.

§ 3.

Цензурный комитетъ въ С.-Петербургѣ именуется главнымъ цензурнымъ комитетомъ. Онъ имѣетъ постояннаго предсѣдателя, опредѣляемаго его императорскимъ величествомъ по представленію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и состоитъ изъ восьми цензоровъ и одной духовной особы, между которыми будетъ раздѣляемо разсмотрѣніе книгъ на разныхъ языкахъ, не исключая и еврейскаго, для коего одному цензору греко-россійскаго исповѣданія должно необходимо знать языкъ и обычаи евреевъ.

§ 4.

Цензура книгъ еврейскихъ принадлежитъ исключительно главному цензурному комитету.

§ 5.

Цензурный комитетъ въ Москвѣ составляется изъ четырехъ цензоровъ и одной духовной особы.

§ 6.

Цензурный комитетъ въ Дерптѣ составляется изъ двухъ цензоровъ и одной духовной особы евангелическаго исповѣданія.

§ 7.

Цензурный комитетъ въ Вильнѣ составляется изъ двухъ цензоровъ и одной духовной особы римско-католическаго исповѣданія.

Книги церковныя и догматическія разныхъ христіанскихъ исповѣданій, по мѣстному пребыванію духовныхъ ихъ властей, разсматриваются

въ слѣдующемъ порядкѣ иногородными цензурами: въ Москвѣ только книги греко-россійскаго исповѣданія, въ Дерптѣ только книги евангелическаго исповѣданія. Всѣ же прочія поступаютъ въ главный цензурный комитетъ для препровожденія ихъ по принадлежности, какъ то въ § 20 установлено.

§ 9.

Цензоры во всѣ цензурные комитеты опредѣляются министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

§ 10.

Число цензоровъ въ комитетахъ можетъ быть увеличено, съ высочайшаго утвержденія, по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію министра.

§ 11.

При цензурныхъ комитетахъ полагаются особыя канцеляріи.

§ 12.

Канцеляріи цензурныхъ комитетовъ состоятъ: въ С.-Петербургѣ изъ одного секретаря и шести канцелярскихъ служителей; въ Москвѣ изъ одного секретаря и трехъ канцелярскихъ служителей; въ Дерптѣ и Вильнѣ изъ одного секретаря и двухъ канцелярскихъ служителей.

§ 13.

Главный цензурный комитетъ, по мѣстному положенію его и удобности ближайшаго надзора со стороны высшаго начальства, состоя въ непосредственной зависимости отъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, имѣетъ первенство предъ всѣми прочими цензурными комитетами.

§ 14.

И потому главный цензурный комитетъ разсматриваетъ всѣ дѣла прочихъ цензурныхъ комитетовъ по жалобамъ на нихъ авторовъ и издателей, получаетъ отъ нихъ всѣ срочныя, положенныя симъ уставомъ, свѣдѣнія для представленія министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; сообщаетъ предписанія министра, въ разсужденіи какихъ либо нужныхъ руководствъ и предостереженій цензуры, прочимъ цензурнымъ комитетамъ циркулярно, и вообще участвуетъ во всѣхъ предположеніяхъ министерства о перемѣнѣ существующихъ цензурныхъ установленій или изданіи новыхъ по предписанію министра.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Предѣлы дѣйствія цензурныхъ комитетовъ.

§ 15.

По силѣ манифеста 1810 г., указа 1819 года и учрежденія министерствъ, всѣ части цензуры, за исключеніемъ изъясненныхъ въ семъ отдѣленіи ниже сего изъятій, сосредоточиваются въ установляемыхъ нынѣ цензурныхъ комитетахъ.

§ 16.

Цензура академій ограничивается просмотромъ рѣчей, диссертацій и всякаго другого рода сочиненій, въ собраніи сихъ сословій читанныхъ, и отъ имени оныхъ, а не отъ лица членовъ ихъ издаваемыхъ.

§ 17.

Цензура университетовъ ограничивается просмотрѣніемъ рѣчей и диссертацій, въ публичныхъ собраніяхъ сихъ сословій произносимыхъ, также издаваемыхъ оными, по утвержденію начальства, періодическихъ сочиненій.

§ 18.

Въ университетѣ Казанскомъ остается цензура книгъ татарскихъ и издаваемаго онымъ *Казанскаго Вѣстника.*

§ 19.

Но всѣ мѣста, при коихъ какая либо цензура оставляется, во всемъ подлежатъ правиламъ, въ семъ уставѣ изложеннымъ, и общей отвѣтственности цензурныхъ комитетовъ въ случаѣ ихъ нарушенія.

§ 20.

Всѣ цензурные комитеты препровождаютъ ученыя книги, по принадлежности, въ высшія ученыя заведенія, и по разсмотрѣніи оныхъ ими въ отношеніи къ ихъ ученому достоинству, разсматриваютъ, на основаніи сего устава, въ нравственномъ только отношеніи.

§ 21.

Комитетъ для исправленія дѣлъ по цензурнымъ установленіямъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденный, сохраняетъ, по точному смыслу его назначенія, полное свое дѣйствіе въ наблюденіи за непремѣннымъ исполненіемъ цензурныхъ установленій.

§ 22.

Посему, въ особенную обязанность его отнынѣ вмѣняется сдѣлать такое устройство повсемѣстнаго надзора полиціи, помощію котораго не токмо запрещенныя цензурою или безъ ея одобренія напечатанныя книги не могли бы нигдѣ появиться; но и изъ книгъ, до изданія сего устава напечатанныхъ и въ лавкахъ, магазинахъ, у разнощиковъ продающихся, либо въ кабинетахъ чтенія имѣющихся, изъемлемы были всѣ, противныя его правиламъ, и чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ препровождались бы къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на разсмотрѣніе, для запрещенія ихъ, буде бы то найдено было нужнымъ.

§ 23.

Для разсмотрѣнія иностранныхъ книгъ, привозимыхъ изъ-за границы, сообразно правиламъ, въ семъ уставѣ опредѣленнымъ, учреждается при

главномъ цензурномъ комитетѣ особое отдѣленіе изъ трехъ членовъ, знающихъ европейскіе языки. Въ немъ полагается для письмоводства одинъ секретарь и четыре канцелярскихъ чиновника.

§ 24.

Учебныя книги должны быть разсматриваемы и къ напечатанію удостоиваемы ученымъ комитетомъ, при главномъ правленіи училищъ учрежденнымъ.

§ 25.

Просмотрѣніе всякаго рода афишей и мелкихъ публичныхъ объявленій принадлежитъ къ дѣйствію мѣстныхъ полицій.

§ 26.

За симъ всѣ рукописи на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, какого бы содержанія онѣ ни были (исключая книгъ церковныхъ и догматическихъ, принадлежащихъ къ духовной цензурѣ греко-россійской и иностранныхъ исповѣданій), кои сочинители или переводчики пожелаютъ напечатать; а равно и тѣ напечатанныя уже книги, кои бы пожелалъ кто-либо перепечатать, принадлежатъ къ просмотрѣнію цензурныхъ комитетовъ, и ни въ какой типографіи, ни по чьему приказанію, не могутъ быть преданы тисненію безъ подписи цензора и печати цензурнаго комитета.

§ 27.

Изъ сего исключаются акты гражданскіе, по распоряженію правительствующаго сената въ его типографіи печатаемые; своды и собранія законовъ, издаваемые частными лицами по установленію за цензурованіемъ комиссіи составленія законовъ; акты министерствъ и мѣстныхъ губернскихъ начальствъ, предаваемые тисненію въ типографіяхъ ихъ, и акты воинскіе, въ типографію военнаго вѣдомства по Высочайшимъ повелѣніямъ поступающіе.

§ 28.

Къ разсмотренію цензуры принадлежатъ не токмо разныя мелкія сочиненія, таблицы и пѣсни, отдаваемыя къ напечатанію; но и все то, что помощію литографіи, вырѣзанія или какимъ либо другимъ способомъ изображается для чтенія, на бумагѣ, деревѣ, мѣди, камнѣ или иномъ какомъ веществѣ и составѣ, равно какъ рисунки, эстампы и ноты, здѣшніе и изъ-за границы привозимые.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Обязанности цензурныхъ комитетовъ.

§ 29.

Всякое сочиненіе, переводъ, подражаніе или извлеченіе, въ которомъ прямо или косвенно отвергается, ослабляется или представляется сомнительнымъ святое ученіе Откровенія, достовѣрность и святость книгъ Св. Писанія, или въ коемъ утверждается что либо вопреки преданію и постоновленіямъ святой православной церкви, подвергается запрещенію. Равнымъ образомъ запрещается все противное, явно или косвенно, должному уваженію къ іерархіи церковной вообще и къ мѣстамъ и лицамъ, ее составляющимъ въ особенности, и все противное православію, т. е. всѣ тѣ сочиненія, въ коихъ прямо или косвенно старались бы ослабить непреложную его достовѣрность. Само собою разумѣется, что статья сія не противорѣчитъ той, которая относитъ всѣ книги церковныя и догматическія разныхъ христіанскихъ исповѣданій къ безусловному разсмотрѣнію ихъ духовныхъ вѣдомствъ.

§ 30.

Всякое твореніе, въ которомъ подъ предлогомъ защиты или оправданія одной изъ церквей христіанскихъ порицается другая, яко нарушающее союзъ любви, всѣхъ христіанъ единымъ духомъ во Христѣ связующей, подвергается запрещенію.

§ 31.

Всякое произведеніе словесности, въ которомъ гордость и своевольство разума человѣческаго усиливается изъяснить и доказать недоступныя для нихъ святыя таинства вѣры, подвергается запрещенію.

§ 32.

Всякое твореніе, не токмо открыто возмутительное противъ властей предержащихъ, но скрытно ослабляющее должное къ нимъ почтеніе, подлежитъ запрещенію.

§ 33.

Запрещается всякое сочиненіе, въ которомъ заключаются прямыя или косвенныя нападенія на ту непреложную истину, что монархическій образъ правленія въ началѣ обществъ данъ въ примѣръ самимъ Богомъ, и составляетъ единое твердое, законное и благотворное ихъ основаніе.

§ 34.

Къ сему роду сочиненій принадлежатъ:

a) Всѣ книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, кои отдѣляютъ нравственность отъ вѣры.

b) Всѣ книги, почерпнутыя изъ теоріи естественнаго права, основаннаго на ложномъ понятіи о нѣкоемъ первобытномъ состояніи человѣка, въ которомъ уподоблялся онъ якобы животнымъ.

c) Книги, нарушающія должное уваженіе къ установленнымъ отъ Бога властямъ отечественнымъ и государствъ союзныхъ.

d) Всѣ книги, прямо или косвенно устремленныя противъ той царственной думы, коей ввѣрено свыше охраненіе и благоденствіе всего христіанскаго міра, верховная стража алтарей Божіихъ и престоловъ помазанниковъ, равно какъ и всѣ творенія противъ державныхъ ея членовъ и актовъ и постановленій, изъ нея проистекающихъ.

§ 35.

Запрещаются всѣ сочиненія, противныя добрымъ нравамъ, благопристойности, принятымъ въ свѣтѣ приличіямъ, чести народной и личной.

§ 36.

Запрещаются всѣ еврейскія книги, безъ дозволенія, означеннаго на нихъ цензурнымъ комитетомъ, въ Россіи напечатанныя.

§ 37.

А какъ цѣль правительства при запрещеніи вредныхъ еврейскихъ книгъ есть та, чтобы народъ сей могъ читать священную библію безъ ложныхъ и злоумышленныхъ на нее толкованій, и имѣлъ книги для богослуженія его нужныя, безъ поврежденія ихъ; посему дозволяется къ вывозу и напечатанію въ Россіи:

a) Библія безъ толкованій.

b) Книга молитвъ безъ прибавленій о предметахъ постороннихъ.

c) Книга псалмовъ Давыдовыхъ также безъ толкованій.

Въ разсмотрѣніи прочихъ книгъ еврейскихъ цензура, сверхъ общихъ правилъ, руководствуется въ особенности слѣдующими:

a) Книги, въ коихъ содержатся хуленія на святѣйшее христіанство и на Божественнаго Основателя его, не только не пропускаются къ напечатанію, но и представленный въ цензурный комитетъ экземпляръ таковой книги удерживается въ архивѣ его.

b) Книги, въ которыхъ лжеучителями внушается евреямъ ненависть или презрѣніе къ людямъ не одного съ ними вѣроисповѣданія и преподаются правила, противныя нравственности и общественному благоустройству, какъ, напримѣръ, не позволяется свидѣтельствовать въ пользу христіанина или позволяется обманывать христіанина, — также подлежатъ запрещенію.

c) Спорныя книги между сектами еврейскими дозволяется печатать въ томъ случаѣ, если въ нихъ нѣтъ ничего противнаго двумъ предыдущимъ правиламъ.

§ 38.

Цензура армянскихъ и греческихъ книгъ остается на прежнемъ основаніи.

§ 39.

Всякаго рода періодическія изданія, мѣсяцесловы, театральныя пьесы и вѣдомости, въ какомъ бы вѣдомствѣ оныя въ С.-Петербургѣ не изда-

вались, подвергаются безъ исключенія общему уставу для цензуры въ нравственномъ ихъ отношеніи, и не могутъ быть нигдѣ напечатаны безъ подписи цензора и печати цензурнаго комитета.

§ 40.

Въ разсужденіи газетъ и періодическихъ сочиненій, въ Москвѣ и разныхъ мѣстахъ имперіи нынѣ издаваемыхъ, по особеннымъ правамъ и по существованію донынѣ мѣстныхъ цензуръ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія имѣетъ сдѣлать распоряженія, съ цѣлію настоящаго устава сообразныя.

§ 41.

Ежели бы въ какой либо рукописи было одно только мѣсто или нѣсколько, запрещенію подлежащихъ, и представляющій оную въ цензуру согласился ихъ выкинуть или перемѣнить по указанію цензора, то рукопись, въ прочемъ съ правилами сего устава сообразную, запрещать не слѣдуетъ.

§ 42.

Ежегодно будетъ составляемъ главнымъ цензурнымъ комитетомъ списокъ запрещенныхъ книгъ, изъ отчетовъ всѣхъ цензурныхъ комитетовъ, для сообщенія къ свѣдѣнію полицій чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, и объявленія всѣмъ книгопродавцамъ и содержателямъ кабинетовъ для чтенія здѣшнимъ и иногороднымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Отвѣтственность цензурныхъ комитетовъ.

§ 43.

Каждая дозволенная къ печатанію рукопись или печатная книга должна быть подписана однимъ цензоромъ и утверждена печатью комитета.

§ 44.

Посему за пропускъ непозволительной рукописи или книги отвѣчаетъ въ нарушеніи сего Высочайше утвержденнаго устава лично подписавшій дозволеніе, и убытки, понесенные авторомъ или переводчикомъ за напечатанные и подлежащіе къ отобранію экземпляры запрещенной книги могутъ они отыскивать по суду съ цензора, подписавшаго пропускъ.

§ 45.

Для предупрежденія сего, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, особенно по предмету книгъ духовно-нравственныхъ, коихъ всѣ оттѣнки буквальнымъ опредѣленіемъ довольно точно въ уставѣ выражены быть не могутъ, цензоръ, коему часть сія принадлежать будетъ, долженъ вносить сомнительную рукопись или книгу на общее сужденіе комитета, котораго единогласное о ней заключеніе приводится въ дѣйствіе, и тогда отвѣтственность за пропускъ или удержаніе падаетъ на весь комитетъ.

Въ случаѣ же разногласія членовъ или несогласія хотя бы и одного изъ нихъ, главный цензурный комитетъ испрашиваетъ разрѣшеніе министра; прочіе же цензурные комитеты входятъ о томъ съ представленіями въ главный цензурный комитетъ.

§ 46.

Письменное разрѣшеніе начальства снимаетъ всякую отвѣтственность съ цензурныхъ комитетовъ.

§ 47.

Цензурные комитеты, при способахъ, кои даны имъ нынѣ въ разсужденіи безостановочнаго теченія дѣлъ ихъ, должны безъ всякаго отлагательства разсматривать представляемыя имъ книги и ни въ какомъ случаѣ не задерживать болѣе двухъ мѣсяцевъ.

§ 48.

Сему сроку не подлежатъ мелкія изданія, какъ-то: вѣдомости, журналы, театральныя пьесы и пр., кои безъ малѣйшаго задержанія должны быть пропускаемы, какъ скоро не подвергаются запрещенію.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Порядокъ дѣлопроизводства въ цензурныхъ комитетахъ.

§ 49.

Сочинитель, переводчикъ или издатель книги, желающій получить къ напечатанію оной одобреніе цензуры, обязанъ рукопись ея, чисто, четко и исправно переписанную, представить при краткой просьбѣ на гербовой бумагѣ въ цензурный комитетъ.

§ 50.

Сей обрядъ не относится ни на сочиненія, поступающія въ цензуру отъ высшихъ сословій, кои присылаютъ ихъ при сообщеніяхъ, ни на вѣдомости и другія періодическія сочиненія, для коихъ обряды сіи сокращаются.

§ 51.

Въ просьбѣ сей должно быть означено имя сочинителя, переводчика или издателя и его жительство. Она записывается въ журналъ, а рукопись вносится въ особенную опись и передается, по резолюціи комитета, на разсмотрѣніе тому цензору, къ которому по роду своему принадлежитъ.

§ 52.

Цензоръ, разсмотрѣвъ рукопись, и буде оная не подлежитъ запрещенію, надписываетъ одобреніе установленнымъ порядкомъ, и вноситъ въ комитетъ для возвращенія издателю.

§ 53.

Издатель, приступая къ изданію рукописи, увѣдомляетъ комитетъ, давшій на сіе дозволеніе, въ какую типографію намѣренъ онъ отдать ее,

дабы, на случай печатанія оной въ мѣстопребываніи другого комитета, могъ первый сообщить сему послѣднему о дозволеніи печатанія согласно съ одобреннымъ оригиналомъ и о выдачѣ на продажу экземпляровъ билета

§ 54.

Комитетъ обязанъ дать знать содержателю типографіи, въ которой одобренная рукопись или книга предается тисненію, чтобы онъ, до выпуска экземпляровъ изъ типографіи, доставилъ одинъ изъ нихъ въ цензурный комитетъ съ одобреннымъ подлинникомъ для сличенія и подписку свою, что онъ отвѣчаетъ за совершенное ихъ сходство между собою. Въ то же время долженъ содержатель представить и положенное существующими предписаніями число экземпляровъ для разныхъ вѣдомствъ и библіотекъ.

§ 55.

Буде рукопись или печатная книга, цензору на разсмотрѣніе отданная, подлежитъ по сему уставу запрещенію, то цензоръ представляетъ ее комитету съ мнѣніемъ своимъ и примѣчаніями, на письмѣ изложенными.

§ 56.

Если комитетъ съ мнѣніемъ цензора согласенъ, то въ журналѣ его отмѣчается, что книга запрещена, а представившему оную издателю объявляется отъ комитета за подписаніемъ того цензора, который разсматривалъ рукопись, что книга его запрещается на основаніи такого-то именно отдѣленія и параграфа цензурнаго устава; рукопись же удерживается въ комитетѣ и пріобщается къ дѣлу. Въ случаѣ разногласія цензоровъ дѣло о запрещеніи книги представляется изъ главнаго цензурнаго комитета министру, а изъ другихъ комитетовъ въ главный цензурный комитетъ.

§ 57.

Ежели бы издатель запрещенной книги находилъ, что цензура истолковала и приложила къ нему упоминаемую въ объявленіи статью устава неправильно, то можетъ представить письменный о семъ отзывъ въ цензурный комитетъ, изъ котораго поступаетъ онъ съ самою рукописью и объясненіемъ цензуры на разсмотрѣніе главнаго цензурнаго комитета, а изъ сего на разрѣшеніе министра.

§ 58.

Книгопродавцамъ иностранныхъ книгъ дозволяется воспользоваться симъ же правиломъ въ случаѣ, еслибы находили они, что книга, или выписанная, или у нихъ продающаяся, запрещена по неправильному къ ней приложенію какой либо статьи устава.

§ 59.

Право сіе распространяется и на тѣхъ россійскихъ книгопродавцевъ, у коихъ была бы неправильно запрещена какая либо книга, которой подлинникъ пріобрѣли они въ собственность отъ сочинителя или переводчика.

§ 60.

Каждый цензурный комитетъ обязанъ при запрещеніи книги немедленно представлять о семъ въ главный цензурный комитетъ, а сей о каждой запрещенной книгѣ тогда же доноситъ министру и предписываетъ циркулярно прочимъ комитетамъ.

§ 61.

Цензурные комитеты обязаны ежемѣсячно представлять свои меморіи въ главный цензурный комитетъ, а сей представляетъ оныя *вмѣстѣ* съ своими министру.

ОТДѢЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Объ отвѣтственности издателей, содержателей типографій, книгопродавцевъ и проч.

§ 62.

Всякая запрещенная книга, открывающая въ ея сочинителѣ, переводчикѣ или издателѣ возмутительный и опасный обществу духъ и образъ мыслей, немедленно представляется въ главный цензурный комитетъ, а сей доноситъ о томъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который, на основаніи прежняго закона (уставъ о цензурѣ, 9-го іюля 1804 года Высочайше утвержденный, § 19), сообщаетъ объ отысканіи сочинителя министру внутреннихъ дѣлъ для преданія его суду или поступленія съ нимъ по правиламъ предохранительной полиціи.

§ 63.

Ежели взаимно полиція остановитъ гдѣ либо вредную рукопись или опасную изъ привезенныхъ чужестранныхъ книгъ, либо напечатанную и перепечатанную безъ дозволенія цензуры книгу, то министръ внутреннихъ дѣлъ препровождаетъ ее къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія въ цензурѣ и полученія на оную его заключенія.

§ 64.

Ежели содержатель типографіи, печатающій или перепечатывающій книги и другія мелкія произведенія словесности въ разныхъ ихъ видахъ, обличенъ будетъ въ напечатаніи или перепечатаніи книги безъ дозволенія цензуры, то онъ подвергается:

а) Въ первый разъ секвестрованію всѣхъ экземпляровъ недозволенной книги или сочиненія, трехмѣсячному содержанію въ полиціи и штрафу 2,000 рублей.

b) Во второй разъ запечатанію типографіи на два года, штрафу 4,000 рублей и суду.

c) Въ третій разъ секвестрованію типографіи со всѣми принадлежностями и суду.

§ 65.

Книгопродавцы, россійскіе и иностранные, и содержатели кабинетовъ для чтенія обязаны, во избѣжаніе подобныхъ съ ними обстоятельствъ, представить на первый разъ въ цензуру катологи книгамъ, у нихъ имѣющимся, и поставить симъ способомъ книгохранилища свои въ тотъ порядокъ, который настоящимъ уставомъ требуется.

§ 66.

Мелочные книгопродавцы и разнощики книгъ равной обязанности подвергаются.

§ 67.

Побужденіе къ немедленному исполненію сего постановленія всѣхъ вышепоименованныхъ книгопродавцевъ (§ 63 и § 64) возлагается на отвѣтственность полиціи.

§ 68.

Когда каталоги ихъ цензурою утвердятся, то имѣютъ наблюдать:

a) Книгопродавцы россійскіе, чтобы никакая книга, цензурою недозволенная, ни явно, ни тайно у нихъ не продавалась;

b) Книгопродавцы иностранные, чтобы не продавалось у нихъ никакой книги, не одобренной главнымъ цензурнымъ комитетомъ;

c) Содержатели разныхъ кабинетовъ чтенія; чтобы не было въ книгохранилищахъ ихъ ни книгъ, напечатанныхъ безъ цензуры, ни иностранныхъ произведеній, цензурою запрещенныхъ.

§ 69.

Ежели за всѣми сими предостереженіями кто либо изъ книгопродавцевъ россійскихъ и иностранныхъ или содержателей кабинетовъ чтенія правила сего устава нарушитъ, таковой подвергается слѣдующему взысканію:

a) Въ первый разъ секвестрованію всѣхъ экземпляровъ запрещенной книги и штрафу 1,000 рублей.

b) Во второй разъ штрафу 3,000 рублей и запечатанію лавки или кабинета чтенія на два года.

c) Въ третій разъ секвестрованію лавки или кабинета чтенія, и ежели виновный подданный россійскій, суду, а ежели иностранный, изгнанію изъ предѣловъ имперіи.

§ 70.

Равному взысканію подвергаются продавцы картинъ, эстамповъ и всякаго рода рисунковъ и изображеній.

§ 71.

Переводъ сего устава на французскій и нѣмецкій языкъ данъ будетъ всѣмъ иностраннымъ книгопродавцамъ и содержателямъ кабинетовъ чтенія для предостереженія.

390) Дѣла архива министерства: карт. 13, № 36767. Журн. главн. правл. училищъ. 1825 г., № 1, ст. III и № 2, ст. V.

391) Записки адмирала А. С. Шишкова, изд. министерства народн. просвѣщ., стр. 5—7.

392) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ, 1862 г., стр. 127—196.

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Юношескіе годы Радищева. — Литературная исторія Путешествія. — Появленіе его въ печати. — Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева. — Арестъ автора и предварительное слѣдствіе. — Литературныя занятія Радищева въ крѣпости. — Мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ комиссію о составленіи законовъ. — Отношеніе послѣдующей литературы къ Радищеву.

Книга А. Н. Радищева, изданная имъ подъ названіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», обратила на себя вниманіе общества при самомъ своемъ появленіи. Весьма скоро послѣ выхода ея авторъ подвергся чрезвычайно строгому суду, но не литературному, а уголовному. На всѣ вопросы о томъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ издалъ свою книгу, Радищевъ отвѣчалъ одно и то же, утверждая, что написалъ и напечаталъ ее для того и только для того, чтобы «прослыть *писателемъ*». И въ этомъ отношеніи цѣль его вполнѣ достигнута. Литературная извѣстность Радищева создана его Путешествіемъ. Имя Радищева, какъ автора Путешествія, появлялось и появляется не только во многихъ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ, но и въ словаряхъ русскихъ писателей и въ руководствахъ по исторіи русской литературы. Какъ содержаніе и направленіе книги, такъ и судьба автора, постигшія его несчастія, выдвигали ее изъ ряда произведеній нашей литературы прошлаго столѣтія.

Для того, чтобы понять дѣйствительное значеніе книги Радищева и вѣрно оцѣнить отношеніе къ ней различныхъ лагерей, необходимо имѣть въ виду тѣ измѣненія и колеба-

нія, которыя совершались въ нашей общественной жизни въ теченіе чуть не цѣлаго столѣтія, протекшаго со времени выхода книги, или — что̀ тоже самое — со времени ссылки автора. Отрѣшившись отъ представленія о злобѣ дня, о ея неумолимыхъ требованіяхъ и неизбѣжныхъ жертвахъ, не дашь себѣ яснаго отчета во всемъ происходившемъ и не разберешься въ массѣ противорѣчій.

Въ литературныхъ работахъ вѣрность выводовъ и соображеній зависитъ отъ количества и качества матеріаловъ, разъясняющихъ литературную и общественную дѣятельность писателей. Въ настоящемъ очеркѣ мы предлагаемъ нѣсколько подобныхъ матеріаловъ, найденныхъ нами въ различныхъ архивахъ. Данныя эти должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ Радищева какъ писателя; вмѣстѣ съ тѣмъ они проливаютъ свѣтъ на весь ходъ дѣла, возникшаго по поводу его книги и живо рисующаго не только тогдашнее судопроизводство, но и тогдашніе нравы вообще.

I.

Не задаваясь никакою предвзятою мыслію и относясь совершенно безпристрастно какъ къ собственному свидѣтельству Радищева, такъ и ко всему тому, что̀ вышло изъ-подъ пера этого писателя, невольно приходишь къ заключенію, что преобладающею, отличительною чертою Радищева была необыкновенная впечатлительность и воспріимчивость. Все, что̀ онъ видѣлъ, слышалъ или читалъ, производило на него болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Обладая, какъ самъ говоритъ, чувствительнымъ сердцемъ и легко раздражающимися нервами, онъ давалъ полный просторъ своей чувствительности, т. е. чрезвычайно живо воспринималъ все то̀, что̀ дѣйствовало на его чувство. Отзывчивый ко всему и въ высшей степени впечатлительный, Радищевъ съ самой ранней юности своей поставленъ былъ въ такія условія, которыя не вполнѣ соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ его духовной природы. Радищевъ, какъ натура исключительная, требовалъ и особеннаго, приспособленнаго къ нему ухода; но воспитаніе не дало спасительнаго равновѣсія духовнымъ силамъ даровитаго юноши. Для правильнаго развитія его спо-

собностей необходима была разумная сила, сдерживающая порывы и увлеченія и призывающая къ упорному труду и самообладанію; необходимы были совѣты и примѣръ руководителя, понимающаго и уважающаго нравственное достоинство человѣка. Не то, повидимому, выпало на долю Радищева. По крайней мѣрѣ тѣ скудныя извѣстія, которыя сохранились о его ближайшей обстановкѣ въ его юношескіе годы, показываютъ, что онъ въ сущности былъ предоставленъ самому себѣ, хотя имѣлъ, и не одного даже, а нѣсколькихъ, оффиціальныхъ руководителей.

Воспитаніе и образованіе Радищева началось въ Пажескомъ корпусѣ, а кончилось въ Лейпцигскомъ университетѣ.

Къ тому времени, когда Радищевъ былъ пажемъ, относится планъ для обученія пажей, составленный академикомъ Миллеромъ. Въ планѣ этомъ находимъ слѣдующее:

«Пажи обыкновенно вступаютъ въ службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ, и для того стараться должно съ самаго начала вкоренить въ нихъ истинную любовь къ добродѣтели и омерзеніе къ порокамъ. Вслѣдствіе сего гофмейстеръ и учители должны о всемъ томъ, что читано и разсказывано будетъ, дѣлать нравоучительныя разсужденія. Чего ради для морали особливо опредѣляются нѣсколько часовъ. Чрезъ сіе воздержаны будутъ пажи отъ обыкновенныхъ ихъ рѣзвостей, кои при другихъ дворахъ подъ именемъ mechancété des pages, какъ неразлучныя свойства сихъ молодыхъ людей, разумѣются.... Правила жизни подавать имъ можно въ примѣрахъ и притчахъ изъ Соломона или Сираха. За столомъ не безполезно читать каждый день главу изъ какой нибудь нравоучительной книги, дабы чрезъ то подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ....

Для обученія пажей потребны:

1) Учитель математики, ариѳметики, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, механики.

2) Учитель философіи, морали, естественнаго и народнаго права. Для лучшаго же упражненія можно все сіе преподавать на латинскомъ языкѣ.

3) Учитель исторіи, географіи, генеалогіи и геральдики.

4) Учитель юриспруденціи, гражданскаго и государственнаго права и церемоніаловъ.

5) Учитель россійскаго языка долженъ быть непремѣнно русской націи и такой, который бы писалъ хорошею рукою, ибо онъ долженъ также учить россійской каллиграфіи».

Въ преподаваніи русскаго языка предлагалось обращать вниманіе на слѣдующіе предметы:

«Правописаніе. Грамматическія правила. Красота языка въ разсужденіи порядка и избранія словъ, показывая всѣ красоты, наблюдаемыя лучшими писателями. Различіе высокихъ и низкихъ словъ и оныхъ употребленіе. *Сочиненіе короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ*».

О латинскомъ языкѣ сказано: «По крайней мѣрѣ пажъ долженъ знать читать, склонять, спрягать, положить правильно падежъ и разумѣть легкую мысль, или надпись, ибо быть въ ономъ совсѣмъ невѣдущу не только по обыкновенію другихъ народовъ непристойно благородному человѣку, но еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вредно, какъ-то въ путешествіяхъ и негоціяціяхъ» [1]).

И обиліе предметовъ, и нравственное наблюденіе существовали на бумагѣ, въ планахъ и проектахъ, а какъ было въ дѣйствительности, это—другой вопросъ, и судя по многимъ даннымъ, дѣйствительность представляла мало утѣшительнаго. О нравственномъ вліяніи пажескихъ гофмейстеровъ можно до нѣкоторой степени заключить по тому образцу, который представляетъ гофмейстеръ, выбранный для руководства пажей, отправляемыхъ въ Лейпцигскій университетъ.

Руководителемъ нашей молодежи избранъ былъ пресловутый маіоръ Бокумъ, весьма вѣрно изображенный Радищевымъ въ написанной имъ біографіи Ѳ. В. Ушакова. «Не зналъ нашъ путеводитель,—говоритъ Радищевъ,—что худо отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе, и что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ, и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали, наконецъ, презирать его власть».

[1]) Государственный Архивъ. XIV, № 216. Планъ для обученія пажей, составленный Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, 1765 года.

Русскіе студенты, и во главѣ ихъ Радищевъ, жаловались властямъ на «несчастную и горестную жизнь, въ которую ввергнулъ ихъ маіоръ Бокумъ». Онъ подвергалъ молодыхъ людей жестокому тѣлесному наказанію: билъ фухтелемъ, сѣкъ розгами, и т. п. Пререканіямъ, столкновеніямъ и оскорбленіямъ не было конца. Гофмейстеръ Бокумъ обмѣнивался съ своими питомцами не только дерзостями и бранью, но и пощечинами.

Матеріальное положеніе студента Радищева было самое незавидное. Во время пребыванія своего въ Лейпцигскомъ университетѣ Радищевъ жилъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Алексѣемъ Кутузовымъ. Въ донесеніяхъ своихъ изъ Лейпцига, кабинетъ-курьеръ Яковлевъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ изображаетъ бытъ русскихъ студентовъ и обращеніе съ ними гофмейстера:

«Алексѣй Кутузовъ и Александръ Радищевъ—во второмъ этажѣ, безъ гофмейстера. У нихъ одна комната посредственной величины, а спятъ въ той же комнатѣ, въ сдѣланной къ стѣнѣ, глухой отъ пола и до потолка перегородкѣ такой величины, какъ кровати стать могли. И оттого, что воздухъ не можетъ порядочно проходить, всегда сырость. Кровати деревянныя, нанятыя у хозяина; перины-жъ и подушки собственныя, а одѣяла у Кутузова свои, а у Радищева казенное, данное по пріѣздѣ въ Лейпцигъ, ветхо, надѣвается безъ подшивки простыни.

У каждаго комнату моютъ въ годъ два раза, и чистота въ оныхъ дурно наблюдается. Во всякомъ кушаньѣ масло горькое, тожъ и мясо старое крѣпкое, да случалось и протухлое. А г. Радищевъ находился всю бытность мою въ Лейпцигѣ боленъ, да и по отъѣздѣ еще не выздоровѣлъ, и за болѣзнію къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ въ разсужденіи его болѣзни, за отпускомъ худого кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ» [1]).

Русскихъ студентовъ Лейпцигскаго университета обвиняли въ нравственной распущенности—«въ непреодолѣваемой склонности къ женскому полу», развившейся подъ вліяніемъ лейпцигской жизни: «должно признаться, что городъ

[1]) Государственный Архивъ. XVII. 1766—1775 года. № 62.

Лейпцигъ—мѣсто соблазнительное, и что такихъ довольно здѣсь находится, кои молодыхъ людей слабость видя, ко всему склонить ихъ умѣютъ». Обвиненіе это подтверждаетъ и Радищевъ, но главную причину зла видитъ въ отсутствіи надзора и руководства. «Во все продолженіе нашего пребыванія (въ Лейпцигѣ), — говоритъ Радищевъ,—кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ-то: на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ. Не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не онѣ къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень»[1])...

Если вѣрить извѣстіямъ, доходившимъ изъ Лейпцига, во всемъ тамошнемъ университетѣ не было и трехъ профессоровъ, которые не ссорились бы между собою изъ корыстныхъ видовъ, а мѣстные жители наперерывъ старались о томъ, чтобы на счетъ русскихъ студентовъ вознаградить себя за убытки, понесенные во время послѣдней войны [2]).

Свѣтлая сторона лейпцигской жизни заключалась, для Радищева и его товарищей, въ тѣхъ познаніяхъ, которыя выносили они изъ бесѣдъ и лекцій профессоровъ и изъ научныхъ занятій подъ руководствомъ профессоровъ, наиболѣе внимательныхъ къ своимъ русскимъ слушателямъ.

Въ первые года, 1767 по 1769 годъ, русскіе студенты обучались: логикѣ, естественному праву, народному праву, «универсальной исторіи, генеральному политическому праву, исторіи всѣхъ государствъ и о состояніи оныхъ».

Объ успѣхахъ русскихъ студентовъ, черезъ полтора года по пріѣздѣ ихъ въ Лейпцигъ, отзывались такимъ образомъ: «Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавно тамъ обучаются. Особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искус-

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. 1811. Часть пятая, стр. 38—39.

[2]) Сборникъ русскаго историческаго общества. 1872. Томъ десятый, стр. 115.

ными: во-первыхъ—старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превзошли чаяніе своихъ учителей»[1]).

Въ 1769 году знаменитости Лейпцигскаго университета, профессора: Гоммель, Бемъ и др. составили слѣдующій планъ обученія русскихъ студентовъ, распредѣленный на четыре полугодія, по истеченіи которыхъ студенты должны были возвратиться въ отечество:

1) По первому и второму пункту инструкціи нужно истолковать всю практическую философію.

2) Для генеральнаго знанія юриспруденціи можно съ пользою читать такъ называемую книгу Encyclopaedia juris, сочиненную на Пюттерову Записную книгу.

3) Потомъ наипаче приступить надобно къ установленію римскихъ правъ по Гебауеровой Записной книгѣ. Оная содержитъ въ себѣ изъясненія, раздѣленія и знатнѣйшія понятія правъ, то искуснѣе и полезнѣе гг. дворянамъ у разныхъ профессоровъ по два раза сряду слушать, а именно, первый разъ только теоретически, а во второй больше практически.

4) Особливо потребно имъ обучаться прагматической исторіи о Германской имперіи, начиная съ государствованія императора Максимиліана Перваго.

5) Нѣмецкое политическое право, но больше исторически, а не юристическое.

6) Исторію и изъясненіе о достойнѣйшихъ примѣчанія приключеніяхъ, заключеніи мирныхъ и прочихъ трактатовъ прошедшаго и нынѣшняго вѣка, по Ахенвалеву плану (о) европейскихъ политическихъ дѣлахъ.

7) Наставленіе о политической перепискѣ на Пюттерово Предуготовленіе къ нѣмецкой имперской и политической практикѣ.—

[1]) Письмо князя Бѣлосельскаго, изъ Дрездена, 29 апрѣля (10 мая) 1768 года.

СЪ МИХАЙЛОВА ДНЯ 1769 г. (ПО СЕМЕСТРАМЪ).

Первые полгода:

Encyclopaedia juris.
Исторія о сѣверныхъ государствахъ.
Математика.
Нѣмецкій и латинскій языки.

Вторые полгода:

Практическая философія.
Установленіе юриспруденціи, теоретически.
Исторія нѣмецкой имперіи
Физика.

Третьи полгода:

Философія (продолженіе).
Установленіе юриспруденціи, практикою.
Знаніе о сѣверныхъ государствахъ.
Физика.

Четвертые полгода:

Европейскія политическія дѣла XVII и XVIII вѣка.
Германское политическое право.
Наставленіе для нѣмецкой переписки по политическимъ дѣламъ.

Въ воспоминаніяхъ о своей студенческой жизни Радищевъ съ особенно-теплымъ чувствомъ упоминаетъ о Геллертѣ, преподававшемъ словесныя науки въ Лейпцигскомъ университетѣ. Призваніе писателя,—говорилъ Геллертъ своимъ слушателямъ,—заключается въ томъ, чтобы перомъ своимъ служить *истинѣ* и *добродѣтели*. Радищевъ благодаритъ судьбу, пославшую ему такого наставника: «Отличнымъ счастіемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ счастіемъ пользовалися мы, хотя недолгое время, наслаждаяся преподаваніями Геллерта: малое знаніе тогда нѣмецкаго языка лишило насъ

пользоваться его наставленіями самымъ дѣйствіемъ» и т. д.[1]), т. е. работать подъ руководствомъ Геллерта и представлять на его судъ свои литературные опыты.

Самымъ популярнымъ профессоромъ былъ Платнеръ, читавшій философію и физіологію. Онъ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями, и въ лекціяхъ своихъ затрогивалъ соціальные вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественные порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, сытыми и голодными, и т. п. Но въ преподаваніи Платнера былъ весьма важный недостатокъ: оно не отличалось послѣдовательностью, а потому и не пріучало слушателей къ строго-систематическому мышленію.

Будучи студентомъ университета, Радищевъ съ большимъ увлеченіемъ читалъ французскихъ писателей, преимущественно энциклопедистовъ. Говоря его собственными словами, онъ «учился мыслить» по книгѣ Гельвеція: О разумѣ — de l'Esprit. Извѣстно, въ какія крайности впадалъ Гельвецій, и какъ рѣзко порицали его книгу сами энциклопедисты. Послѣдующіе критики отзывались о ней такимъ образомъ: Ce livre est partout écrit avec la même faiblesse de logique; on n'y sent aucune force de tête. Какъ представитель самыхъ крайнихъ воззрѣній, Гельвецій едва ли годился въ наставники такому ученику, котораго слѣдовало всячески удерживать отъ крайностей, а не наталкивать на нихъ.

Еще сильнѣе, несравненно сильнѣе было вліяніе Руссо. Блестящіе, увлекательные парадоксы Руссо производили неотразимое впечатлѣніе на читателей вообще и на молодые умы въ особенности.

Къ студенческимъ годамъ Радищева относится и знакомство его съ сочиненіями Мабли. Гельвецій и Мабли отвлекали русскихъ студентовъ отъ профессорскихъ лекцій. Передъ открытіемъ курса одного изъ первостепенныхъ ученыхъ своего времени, профессора Böhme, русскіе студенты заявили, что они предпочитаютъ этому курсу чтеніе книги Мабли: Droit public de l'Furope fondé sur les traités, будучи заранѣе увѣрены, что

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. Ч. V, стр. 68—69, 60—61.

образцовое, «по мнѣнію всего свѣта», произведеніе Мабли заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поучительнаго, нежели какія бы то ни было лекціи—*gewiss* mehr Sachen enthält, als in irgend einer Vorlesung über diese Materie gesaget werden kann. Такой отзывъ далъ товарищъ Радищева, студентъ лейпцигскаго университета Яновъ. Съ мнѣніемъ Янова вполнѣ согласились студенты: Рубановскій и *Радищевъ*. Радищевъ написалъ: in Ansehung der Lehrart bin ich vollkommen der Meinung des Hr. von Janoff.

Однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Радищева былъ переводъ на русскій языкъ сочиненія Мабли: Observations sur l'histoire de la Grèce—*Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ*.

Особенно громкую извѣстность въ обществѣ и въ литературѣ пріобрѣлъ Мабли историческимъ трудомъ своимъ, изданнымъ подъ названіемъ: Observations sur l'histoire de France. Взглядъ Мабли на задачу историка поражаетъ своею оригинальностью. Обращаясь къ памятникамъ прошлаго, Мабли искалъ въ нихъ не исторической истины, а поучительнаго смысла для настоящаго и будущаго — для переустройства общества по тѣмъ идеаламъ, которые ему казались единственно вѣрными и вполнѣ согласными съ требованіями природы во всей ихъ безпримѣсной чистотѣ. Онъ говорилъ: исторія должна не только просвѣщать разумъ, но и направлять сердце и научать обязанностямъ *гражданина*. Главнѣйшая обязанность гражданина заключается въ стремленіи къ *свободѣ* и равенству. Ради своей излюбленной идеи, Мабли готовъ помириться со всевозможными передѣлками и извращеніями историческихъ фактовъ. Отъ историка, также какъ и отъ поэта, онъ требуетъ соблюденія только психологическаго правдоподобія. На этомъ основаніи онъ охотно прощаетъ Вольтеру «невѣжественное и наглое искаженіе и изуродываніе большинства описываемыхъ событій». Вотъ собственныя слова Мабли о Вольтерѣ: J'étais très disposé à lui pardonner *son ignorance et la hardiesse avec laquelle il tronque, défigure et altère la plupart des faits*. Mais j'aurais au moins voulu trouver dans l'historien un poète qui eût assez de sens pour ne pas faire grimacer ses personnages et qui

rendit les passions avec le caractère qu'elles doivent avoir [1]). Идеи свободы и равенства, развиваемыя въ сочиненіяхъ французскихъ писателей восемнадцатаго столѣтія, Мабли переноситъ въ вѣка отдаленные и, описывая событія глубокой древности, толкуетъ о державныхъ правахъ народа, о законодательномъ собраніи, о представителяхъ народной свободы, и т. п. Вильменъ остроумно замѣтилъ, что Мабли заставляетъ исторію лгать и обманывать изъ либеральныхъ соображеній: de même qu'avant lui une érudition servile avait mal interprété les vieux monuments de notre histoire pour leur faire mentir la servitude, ainsi souvent Mably leur *fait mentir la liberté* [2]). Выдавая за быль свои мечты и гаданія, высказывая вещи чрезвычайно странныя и даже дикія, Мабли тѣмъ самымъ вербовалъ себѣ многочисленныхъ читателей и почитателей. Тогдашнее общество,—говоритъ Тьерри,—требовало отъ писателя революціоннаго возбужденія, а не научной истины—l'excitation révolutionnaire, non la vérité scientifique: Мабли умѣлъ удовлетворить этому требованію, и вотъ причина необычайной популярности его книги во всѣхъ классахъ читающаго общества [3]).

II.

Радищевъ возвратился въ Россію подъ сильнымъ вліяніемъ идей, развиваемыхъ энциклопедистами и ихъ приверженцами и подражателями. Въ Россіи онъ засталъ тоже поклоненіе энциклопедистамъ. Сочиненія ихъ переводились на русскій языкъ и издавались на средства не только частныхъ лицъ, но и правительства. Вліяніе Руссо, Рейналя и другихъ писателей ярко обнаружилось въ сочиненіяхъ Радищева. Вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ же ярко отразилось въ нихъ и общественное состояніе среды, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. По складу своихъ понятій и по своей необычай-

[1]) De la manière d'écrire l'histoire, par m. l'abbé de Mably. A Paris. 1783, стр. 31—33.

[2]) Cours de littérature française par m. Villemain. 1840. Tableau du dix-huitième siecle. Dix-septième leçon, стр. 155—156.

[3]) Récits des temps mérovingiens, par Augustin Thierry. 1858. Considérations sur l'histoire de France. Глава III, стр. 63—71.

ной воспріимчивости, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на все, что̀ происходило передъ его глазами.

Радищевъ быстро и всецѣло поддавался впечатлѣніямъ, откуда бы ни получались они—изъ книгъ или изъ жизни. Все, что поражало мысль или волновало чувство, сейчасъ же изливалось на бумагу. Черновыя рукописи Радищева почти безъ помарокъ; въ бѣглыхъ замѣткахъ его слышится свѣжесть перваго впечатлѣнія. Большая часть того, что̀ написано и напечатано Радищевымъ, представляетъ въ сущности одни наброски, а не строго обработанное цѣлое; но именно потому, что это только наброски, а не *сочиненія*, въ нихъ заключается много жизненной правды, и вѣрно, и искренно передается то̀, что̀ было на душѣ автора, что̀ онъ думалъ и чувствовалъ.

Для оцѣнки литературной дѣятельности Радищева вообще и его путешествія въ особенности, всего надежнѣе обратиться къ собственному свидѣтельству Радищева, которое можно назвать его авторскою исповѣдью. Въ безсонныя ночи, которыя Радищевъ проводилъ въ крѣпости, онъ брался за перо, и то̀, что̀ писалъ онъ тогда, весьма любопытно во многихъ отношеніяхъ. Въ одну изъ подобныхъ ночей онъ описалъ исторію своего идеальнаго Путешествія.

16 іюля 1790 года Шешковскій доносилъ графу Безбородко: «Сего утра, въ шестомъ часу, прислалъ ко мнѣ Радищевъ написанную сею ночью, при офицерѣ, на оставленномъ листу, бумагу, съ коей списавъ копію, имѣю честь при семъ приложить къ вашему сіятельству. Она въ себѣ иного не содержитъ, какъ онъ описалъ гнусность своего сочиненія, и кое онъ самъ мерзитъ».

Рукопись Радищева заключаетъ въ себѣ данныя, имѣющія неоспоримое значеніе для характеристики его, какъ писателя:

— «Не въ оправданіе моего мерзительнаго сочиненія я сказать что либо намѣренъ, ибо, убѣжденный теперь самъ въ себѣ, сколь онъ гнусно, я бы самъ могъ написать на оное опроверженіе, еслибы разумъ не былъ въ разстройкѣ и сердце не болѣло. Но я желаю показать шествіе моихъ мыслей, и какъ разумъ, цѣпляяся изъ заблужденія въ заблужденіе, дошелъ, наконецъ, въ сію путаницу, которая ввергла меня въ погибель.

До женитьбы моей я болѣе упражнялся въ чтеніи книгъ, до словесныхъ наукъ касающихся; много также читалъ и книхъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова, ибо, имѣя малое знаніе въ россійскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ. Родяся съ чувствительнымъ сердцемъ, опыты моего письма обращалися всегда на нѣжные предметы, но все было съ неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставилъ и наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимаяся ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами.

Когда я опредѣленъ былъ въ комерцъ-коллегію, то за долгъ мой почелъ пріобрѣсть знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того, сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до комерціи касающіяся, возобновилъ паки чтеніе общей исторіи и путешествій и старался пріобрѣсти знанія въ россійскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся. Доселѣ разумъ мой какъ будто забылъ прежнюю свою охоту упражняться въ сочиненіяхъ, или отвлеченъ былъ отъ того, какъ тò я сказалъ, неудачею въ любовныхъ сочиненіяхъ. Въ сіе время я опредѣленъ былъ въ помощь г. Далю къ таможеннымъ дѣламъ, и въ сіе же время, между другими коммерческими книгами, купилъ я *Исторію о Индіяхъ Реналя*. Сію-то книгу могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію. Я началъ ее читать въ 1780 или 81 году. Слогъ его мнѣ понравился. Я высокопарный (ampoulé) его штиль почиталъ краснорѣчіемъ, дерзновенныя его выраженія почиталъ истиннымъ вкусомъ, и, видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу. Но въ сіе время, т. е. при началѣ вступленія моего въ таможню, и по случаю составленія общаго тарифа, за препоручаемыми мнѣ многими письменными дѣлами, я не имѣлъ случая книгу сію окончить чтеніемъ. Воспослѣдовавшая потомъ, въ 1783 году, смерть жены моей погрузила меня въ печаль и уныніе, и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія. Не прежде, какъ въ 1785 году я началъ паки упражняться въ чтеніи, и недочтеннаго Реналя окончалъ. Для упражненія въ слогѣ я въ сіе время началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго

торга. Въ слѣдующій годъ, читая Гердера, я началъ писать о цензурѣ; началъ повѣсть Систербецкую; но все не было докончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій *Іорикова Путешествія*, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать. И такъ, могу сказать поистинѣ, что *слогъ Реналевъ*, водя меня изъ путаницы въ путаницу, довелъ до совершенія моей безумной книги, которая готова была въ исходѣ 1788 года; въ цензурѣ была въ 1789 году; начата печатью въ началѣ генваря 1790 г.

Такимъ образомъ, желая подражать сему писателю, я произвелъ своего урода. О безуміе, безуміе! О пагубное тщеславіе быть извѣстну между сочинителями! О вы, несчастные и возлюбленные чада, научитеся моимъ примѣромъ и убѣгайте пагубнаго тщеславія быть писателемъ!—»

Въ словахъ Радищева заключаются весьма цѣнныя указанія. Доказательствомъ правдивости ихъ можетъ служить и содержаніе книги и ея изложеніе. Подражаніе слогу Рейналя, котораго французскіе критики называютъ не иначе, какъ le déclamateur Raynal, развило въ нашемъ авторѣ наклонность къ фразерству, къ риторическимъ украшеніямъ и многословію. Возгласамъ и восклицаніямъ нѣтъ конца. Они появляются не только тамъ, гдѣ самый предметъ задѣвалъ за душу, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Радищевъ приходитъ въ ужасъ при мысли о томъ, что люди ѣдятъ хлѣбъ, о, даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ есть крѣпостное право; что многіе пьютъ кофе, а нѣкоторые занимаются минералогіею, и т. п.: «Вообрази себѣ, что кофе, налитый въ твоей чашкѣ, и сахаръ, распущенный въ ономъ, лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка; что они были причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія: дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою!.... Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ классовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой! Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ житницѣ дворянской! На немъ почили скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ. Блюдитеся, да не отравлены будете вожделѣнною вами пищею. Отрините ее отъ устъ вашихъ; поститеся: се истинное

и полезное можетъ быть пощеніе!.....» Обращаясь мысленно къ Ломоносову, спускающемуся въ рудники для изученія минераловъ, Радищевъ восклицаетъ: «Неужели отличила тебя природа своими дарованіями для того только, чтобы ты употреблялъ ихъ на пагубу своея собратіи. Желаешь ли снискать вящшее искусство извлекати сребро и злато? Или не вѣдаешь, какое въ мірѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеваніе Америки? Познай подземныя ухищренія человѣка и, возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысячи, въ животѣ сущіи, погребаются» и т. д. (стр. 270—272, 431). Во всемъ этомъ много искусственнаго, преувеличеннаго, много риторики, навѣянной чтеніемъ «декламатора» Рейналя.

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ тѣ рѣчи, въ которыхъ авторъ говоритъ изъ глубины души и рисуетъ картину, дѣйствительно, ужасную по своему внутреннему смыслу. Таково изображеніе горя и отчаянія отца, сознающаго на могилѣ безвременно погибшаго сына всю вину свою передъ покойнымъ. Вина эта не преслѣдовалась ни закономъ, ни даже общественнымъ мнѣніемъ, а между тѣмъ, по существу своему, она есть самое тяжкое изъ преступленій. Развратный отецъ влилъ разрушительный ядъ въ своего сына при самомъ его зачатіи, и вся жизнь несчастнаго сына была безпрерывнымъ, незаслуженнымъ страданіемъ за грѣхи и пороки отца....

Многое въ книгѣ Радищева заимствовано изъ иностранныхъ писателей; но главное и существенное, т. е. то, чему самъ авторъ придавалъ особенное значеніе, взято изъ русской жизни. Самъ Радищевъ весьма опредѣленно указываетъ свои источники.

Многія мѣста и, что̀ всего важнѣе, общій тонъ и направленіе книги — заимствованы: «дерзновенныя *выраженія* и неприличной *смѣлости* почерпнулъ я, читая *разныхъ писателей*» и т. д. На страницахъ Путешествія помѣщены извлеченія, выписки изъ Рейналя, Гердера и др. Заимствованія изъ Руссо бросаются въ глаза безъ всякихъ постороннихъ указаній. Труднѣе опредѣлить тѣ мѣста или тѣ взгляды, которые взяты у писателей гораздо менѣе извѣст-

ныхъ. Такова, напримѣръ, мысль о принципіальной невозможности *оскорбить* Бога, какъ всесовершеннѣйшее Существо, высказанная Радищевымъ и подробно развиваемая въ одномъ изъ тѣхъ курсовъ философіи, которые Платнеръ читалъ въ бытность Радищева въ Лейпцигскомъ университетѣ. Идя отчасти по слѣдамъ Платнера, Радищевъ приходитъ къ заключенію, что нѣтъ никакого основанія преслѣдовать и наказывать богохульство, такъ называемое оскорбленіе религіи, изданіе книгъ, отрицающихъ бытіе Бога, и т. п.

Нѣкоторыя изъ описаній, раскрывающихъ темныя стороны тогдашняго быта, оказываются картинами съ натуры. Въ одной изъ главъ Путешествія, которой дано названіе станціи *Чудово,* описывается съ возмутительными подробностями, какъ буря разбила судно, какъ погибающіе молили о спасеніи, и какъ никто изъ береговой команды не подавалъ имъ помощи, потому что никто не рѣшался разбудить спавшаго начальника. «Происшествіе, въ *Чудовѣ* описанное,— говоритъ Радищевъ,—*было на самомъ дѣлѣ*». Недосказанное Радищевымъ дополняется другими свидѣтельствами, вполнѣ достовѣрными. Въ главѣ *Валдай* Радищевъ описываетъ фривольные нравы валдайскихъ красавицъ. Вѣрность его описанія подтверждается Записками Державина. Въ главѣ *Едрово* говорится о развратномъ помѣщикѣ, изнасиловавшемъ шестьдесятъ дѣвушекъ; во время пугачевщины, крестьяне, связавъ его, повели на вѣрную казнь. «*Повѣсть сія нелжива*»,— замѣчаетъ Радищевъ (стр. 217). Екатерина спрашивала по этому поводу: «едва ли не гисторія Александра Васильевича Салтыкова»? и т. д.

Въ книгѣ Радищева рѣзко отдѣляются одна отъ другой двѣ ея составныя части: съ одной стороны — заимствованное, чужое, вычитанное изъ книжекъ; съ другой — свое, взятое изъ жизни, изъ тогдашняго быта. Между своимъ и чужимъ, какъ между Парижемъ и Едровомъ, нѣтъ внутренней, органической связи; они сопоставлены болѣе или менѣе случайно, образуя два, независимыя одно отъ другого, теченія. Эта двойственность объясняется двоякостью той цѣли, для достиженія которой нашъ авторъ и подвизался на литературномъ поприщѣ.

Съ какою же цѣлью напечаталъ Радищевъ свое Путе-

шествіе? Радищевъ прямо говоритъ, что сочиненіемъ своимъ онъ желалъ пріобрѣсти *славу писателя* и вмѣстѣ съ тѣмъ принести *пользу обществу*. Слѣдовательно, у него было двѣ цѣли.

О первой изъ своихъ цѣлей Радищевъ говоритъ: «Главное мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ *прослыть писателемъ* и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ обо мнѣ думали до того.... Самое изданіе книги ни къ чему другому стремилось, какъ быть извѣстну между авторами» и т. д.[1]). По духу того времени, весьма лестно было заслужить званіе писателя, и притомъ такого, который усвоилъ себѣ идеи энциклопедистовъ. Обычный пріемъ тогдашней критики состоялъ въ сближеніи именъ русскихъ писателей съ именами иностранныхъ знаменитостей въ различныхъ отрасляхъ литературы. Вѣдь были же и русскіе Гораціи, и русскіе Малербы, и русскіе Корнели и Расины, отчего же не быть и русскому Рейналю и даже русскому Мирабо, какъ назвалъ Радищева одинъ изъ его современниковъ. Подобно тому, какъ Фонвизинъ заставлялъ героевъ своихъ комедій говорить словами Вольтера, Дюкло и другихъ французскихъ писателей, такъ и Радищевъ влагалъ въ уста русскихъ людей тирады, заимствованныя изъ Руссо, Рейналя и другихъ представителей французской литературы восемнадцатаго столѣтія. По свидѣтельству Фонвизина, разсужденія Стародума и Правдина поражали современниковъ своей смѣлостью, и были главною причиною громаднаго успѣха его комедій. Такимъ же образомъ и смѣлыя рѣчи лицъ, выведенныхъ въ книгѣ Радищева, могли дѣйствовать на публику, непривыкшую къ свободѣ печатнаго слова, и авторъ могъ быть увѣреннымъ, что завѣтная мечта его исполнится—что онъ прослыветъ хорошимъ писателемъ.

Но не одна только авторская *слава* соблазняла Радищева. У него были и другія мечты и надежды, болѣе возвышенныя, благородныя и чистыя. Онъ дорожилъ званіемъ писателя, сознавая, что писатель выдѣляется изъ толпы не внѣшними отличіями, не случайнымъ стеченіемъ обстоя-

[1]) Ср. Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 431, 423.

тельствъ, а дѣйствительнымъ достоинствомъ — силою ума и таланта. Истинное, прямое призваніе писателя заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать умственному совершенствованію своихъ современниковъ. Радищевъ говоритъ: «Блаженъ писатель, если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго; блаженъ, если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель!» (стр. 96—97). Чтобы достигнуть этой прекрасной цѣли, чтобы принести посильную *пользу обществу*, Радищевъ выступилъ обличителемъ самыхъ опасныхъ, по его убѣжденію, общественныхъ язвъ. На первомъ планѣ является у него крѣпостное право и затѣмъ — наши административные и судебные порядки.

Много страницъ въ книгѣ Радищева посвящено крѣпостному праву, о злоупотребленіяхъ котораго онъ говоритъ особенно подробно и особенно горячо. И суровая доля крѣпостныхъ крестьянъ вообще, и невыносимая тяжесть возлагаемаго на нихъ труда, и самоуправство, и необузданный развратъ помѣщиковъ, и нравственная пытка, переживаемая тѣми изъ крестьянъ, которые, по барской прихоти, получили образованіе, и т. п. — представлены въ самыхъ яркихъ и возмущающихъ душу чертахъ. Въ каждой строкѣ слышится участіе автора къ печальной судьбѣ рабовъ и неудержимая ненависть къ рабовладѣльцамъ. Обличая злыхъ и жестокосердыхъ помѣщиковъ, Радищевъ надѣялся пробудить въ нихъ чувство стыда и раскаянія—«посрамить, а не меньше и навести страхъ» указаніемъ опасныхъ послѣдствій отъ безчеловѣчнаго обращенія съ крестьянами. На вопросъ, почему онъ охуждалъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, Радищевъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «чая, что между помѣщиковъ есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда предосудительныя дѣянія, симъ своимъ писаніемъ думалъ дурнаго сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить». Гдѣ есть рабство, тамъ нѣтъ и не можетъ быть благосостоянія. Въ подтвержденіе этой мысли Радищевъ приводитъ не только нравственныя соображенія, но и прямыя указанія житейскаго опыта. Трудъ свободный всегда производительнѣе труда подневольнаго, и свое поле обработывается лучше и усерднѣе, нежели поле чужое. Самымъ свѣт-

лымъ событіемъ въ государственной жизни Россіи будетъ освобожденіе крестьянъ—окончательное паденіе рабства. Но это великое событіе совершится не вдругъ. Сознавая, что «высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на претвореніе мнѣній мгновенно», Радищевъ предлагаетъ слѣдующій проектъ или «путь къ постепенному освобожденію земледѣльцовъ въ Россіи» (стр. 265—267):

«Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и *рабства домашняго*. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ, по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ, брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ.

Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина.

Запретить брать выводныя деньги.

Второе положеніе относится къ *собственности* и *защитѣ* земледѣльцовъ.

Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать.

Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно.

Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю.

Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму.

Запретить произвольное наказаніе безъ суда.

За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства».—

Наши общественные порядки, вся система управленія и всѣ представители ея темныхъ сторонъ подвергаются въ книгѣ Радищева рѣзкому и безпощадному осужденію. Восходя все выше и выше, отъ почтоваго комиссара до намѣстника, онъ обращается съ своимъ обличительнымъ словомъ къ самому источнику власти. Въ одной изъ главъ Путешествія описано такого рода сновидѣніе. На золотомъ престолѣ возсѣдаетъ верховный владыка, увѣнчанный лавровымъ

вѣнкомъ. Вокругъ престола всѣ атрибуты роскоши и власти. Въ раболѣпной толпѣ придворныхъ слышатся лицемѣрные возгласы: «онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; онъ расширилъ предѣлы отечества; онъ обогатилъ государство; онъ распространилъ торговлю; онъ любитъ науки и художества; онъ поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе; велѣнію гласа его повинуются стихіи» и т. д. Только одно честное существо оказалось во всемъ этомъ сонмищѣ: въ толпѣ придворныхъ появилась невѣдомая странница; имя ея—Истина. Подойдя къ властителю, она сказала: «у тебя на обоихъ глазахъ бѣльма, а ты такъ рѣшительно судишь обо всѣхъ». Истина сняла предательскія бѣльма, и властитель долженъ былъ сознаться въ жестокомъ разочарованіи (стр. 61—72). Увидѣвши вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, онъ пришелъ къ такому убійственному выводу: «Подвигъ мой, коимъ *въ ослѣпленіи* моемъ душа моя наиболѣе гордилась—отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Милосердіе мое сдѣлалося торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосердымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ» (стр. 80—81)....Снимать бѣльма, мѣшающія правителямъ узнавать нужды и горе своихъ подвластныхъ, Радищевъ считалъ прямою обязанностью писателей, и, обращаясь къ прозрѣвшему владыкѣ, говоритъ: «если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній, и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя» (стр. 75).

Такой же точно взглядъ на призваніе писателей-публицистовъ высказываетъ и Мабли. Но, къ великому несчастію для Радищева, совершенно иначе смотрѣла Екатерина и на права литературы, и на выборъ друзей между писателями.

III.

Екатерина признала сочиненіе Радищева: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву* книгою, «наполненною самыми вредными умствованіями, разрушающими покой обществен-

ный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, и, наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской». Вслѣдствіе этого авторъ былъ приговоренъ къ смертной казни; но, по случаю мира съ Швеціею и по желанію императрицы «соединить правосудіе съ милосердіемъ», смертная казнь замѣнена была десятилѣтнею ссылкою въ Сибирь. Такое наказаніе, даже въ его смягченномъ видѣ, поразило Радищева и своею строгостью, и своею неожиданностью. Но какимъ образомъ Радищевъ могъ не чуять бѣды, которую самъ накликалъ на себя? Возставая противъ существующаго порядка вещей и расширивъ до послѣднихъ предѣловъ кругъ своихъ обличеній, Радищевъ долженъ былъ взвѣсить свои силы въ неравной борьбѣ и заранѣе приготовиться къ пораженію со всѣми его послѣдствіями. На чемъ же основывалась самоувѣренность Радищева, и чѣмъ объяснить рѣшимость его напечатать подобную книгу? Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе не столько для оцѣнки личныхъ свойствъ Радищева—его предусмотрительности или недальновидности, сколько для выясненія общественныхъ и литературныхъ условій, при которыхъ появилась его книга. Суть вопроса заключается въ слѣдующемъ: были ли въ дѣйствительной жизни достаточные поводы для того, чтобы книгу Радищева считать революціоннымъ набатомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ тогдашними произведеніями литературы и неоставляющимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что автору угрожаетъ самая жестокая уголовная кара?

Отвѣтомъ, и весьма краснорѣчивымъ, могутъ служить данныя, находящіяся въ произведеніяхъ императрицы Екатерины II, въ законодательныхъ памятникахъ ея времени, и въ литературныхъ трудахъ Фонвизина и самого Радищева.

Въ Наказѣ Екатерины II говорится: «Называть преступленіемъ, до оскорбленія величества касающимся, такое дѣйствіе, которое въ самой вещи онаго въ себѣ не заключаетъ, есть самое насильственное злоупотребленіе... Человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя: сей царь приказалъ казнить его смертію, говоря, что не приснилось бы сіе ему ночью, еслибы онъ о томъ днемъ наяву не думалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо *еслибы онъ то и*

думалъ, однакожъ на исполненіе мысли своей еще не поступилъ: законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ или наружныхъ *дѣйствій... Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе,* развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное... Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ *сочиненія очень язвительныя: весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять,* представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество; опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ», и т. д.

Подъ сильнымъ вліяніемъ идей Наказа и началась, и продолжалась литературная дѣятельность Радищева. Отдаваясь всецѣло своимъ первымъ и лучшимъ впечатлѣніямъ, онъ словно боялся провѣрить ихъ критически: ему больно было разставаться съ золотыми снами довѣрчивой молодости. Идеалы, начертанные въ наказѣ, увлекали воспріимчиваго автора, и онъ прогонялъ отъ себя мысль о противорѣчіи ихъ съ дѣйствительностью. Въ оправданіе своей смѣлости, онъ въ самой книгѣ своей ссылается на наказъ: «*Пускай печатаютъ все, кому что̀ на умъ ни взойдетъ.* Я говорю не смѣхомъ. *Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же— не преступленія:* се правила *Наказа о новомъ уложеніи*» (стр. 294). Надо полагать, что Радищевъ говорилъ это, дѣйствительно, «не смѣхомъ», а вполнѣ искренно, считая невозможнымъ, чтобы авторъ *Наказа* призналъ автора *язвительнаго сочиненія* заслуживающимъ смертной казни, и если отмѣнилъ этотъ приговоръ, то не во имя *правосудія,* а только по чувству милосердія. Какъ бы въ отвѣтъ на оговорку, сдѣланную въ Наказѣ, что слова не могутъ быть преступленіемъ только тогда, когда приготовляютъ къ дѣйствіямъ, Радищевъ говоритъ въ своей повинной: «Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается, потому что народъ нашъ книгъ не читаетъ и что писана она слогомъ, для простого народа невнятнымъ».

Впечатлѣніе, произведенное въ литературномъ мірѣ На-

казомъ и начинавшее сглаживаться, возобновлено было изданіемъ закона *о вольныхъ типографіяхъ*, въ которомъ увидѣли, если не прямое, то косвенное, признаніе свободы печатнаго слова. Указомъ 15 января 1783 года повелѣвалось «типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій», и вслѣдствіе того позволено, какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи, «каждому, *по своей собственной волѣ,* заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія». Такая мѣра возбудила преувеличенныя надежды въ людяхъ, постоянно мечтавшихъ о свободѣ слова и находившихъ, что новый законъ «развязывалъ и умъ, и руки» писателей. Въ то самое время, когда Радищевъ готовилъ къ изданію свое Путешествіе, Стародумъ Фонвизина писалъ слѣдующія строки: «Я буду сообщать мысли мои по мѣрѣ, какъ они мнѣ въ голову приходить будутъ. Я буду говорить полезныя истины для того только, что мы, Богу благодареніе, живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно. Я самъ жилъ бо́льшею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ *вольныхъ* разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно, ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить *вольныя типографіи,* дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, россійскіе писатели, какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ. Я думаю, что таковая *свобода писать,* каковою пользуются нынѣ россіяне, поставляютъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, *гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству,* такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть *полезнымъ совѣтователемъ госу-*

дарю, а иногда и спасителемъ сограждан своихъ и отечества»[1]).

Указомъ о вольныхъ типографіяхъ цензура книгъ возложена на полицію, на управу благочинія. Полиція и не разрѣшила напечатать приведеннаго письма Стародума. Но статьи Радищева, изъ которыхъ большая часть вошла и въ Путешествіе, дозволены управою благочинія — полиційместеромъ Жандромъ и оберъ-полиціймейстеромъ Рылѣевымъ. Подъ заключительною статьею Путешествія, оканчивающеюся словами: «Москва, Москва!» подпись, относящаяся ко всей книгѣ: «Печатать позволено. 22 іюня 1789 года. Никита Рылѣевъ». На другихъ рукописяхъ Радищева подписи: «Печатать позволено. 25 сентября 1789 года. Никита Рылѣевъ».— «Печатать позволено отъ управы благочинія въ С.-Петербургѣ. Марта 10 дня 1790 года. Андрей Жандръ» и т. д. Разрѣшеніе печатать, данное правительственными цензорами—полиціймейстеромъ и оберъ-полиціймейстеромъ, могло въ значительной степени способствовать увѣренности Радищева въ томъ, что предпріятіе его сойдетъ съ рукъ и во всякомъ случаѣ не надѣлаетъ ему большой бѣды.

Та рѣзкость въ сужденіяхъ и выводахъ по вопросамъ общественной жизни, которая бросается въ глаза въ Путешествіи Радищева, замѣтна, въ большей или меньшей степени, и во всѣхъ прежнихъ его трудахъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ. Общее направленіе, господствующіе взгляды—одни и тѣ же. Какъ человѣкъ образованный и знающій иностранные языки, Радищевъ приглашенъ былъ къ участію въ работахъ общества, учрежденнаго Екатериною для перевода замѣчательныхъ произведеній съ иностранныхъ языковъ на русскій. Во главѣ общества стояли лица, пользовавшіяся особеннымъ довѣріемъ правительства; на вознагражденіе переводчикамъ назначалась весьма значительная сумма изъ собственной шкатулки государыни. На долю Радищева достался переводъ сочиненія Мабли: «Observations sur l'histoire de la Grèce» [2]). Къ переводу своему Радищевъ

[1]) Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1866, стр. 229—230, 356.

[2]) Опытъ россійской библіографіи, собранный изъ достовѣрныхъ источниковъ Василіемъ Сопиковымъ. 1816. Часть IV, стр. 279, № 9493.

присоединилъ нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. Всего любопытнѣе примѣчаніе, разъясняющее смыслъ слова *despotisme*, переведеннаго Радищевымъ словомъ *самодержавство:*

Подлинникъ Мабли.

Quelle que fût la situation de la Macédoine, ses maux n'étaient point incurables comme ceux de la Grèce. Les prédécesseurs de Philippe n'avaient pas exercé sur leurs sujets cette autorité aveugle et absolue qui dégradait l'humanité dans la Perse; et quand les monarchies ne sont pas encore dégénérées en ce despotisme qui ôte à l'âme tous les ressorts, le citoyen conserve le sentiment de la vertu et du courage, et le prince se crée, lorsqu'il le veut, une nation nouvelle. Le peuple accoutumé à obéir sans lâcheté, et qui n'est point son propre législateur, ne résiste jamais aux exemples de ses maîtres. Il sort de son assoupissement, quitte ses vices; et, sans qu'il s'en apperçoive, prend un nouveau caractère et la vertu qu'on veut lui donner [1]).

Переводъ и примѣчаніе Радищева.

Каково Македоніи состояніе ни было, но болѣзни ея не были неисцѣлимы, какъ то были болѣзни Греціи. Филипповы предшественники не царствовали надъ своими подданными со властію слѣпою и неограниченною, человѣчество въ Персіи унижающею, а какъ монархіи не прешли еще въ самодержавство *), отъемлющее у души всѣ ея пружины, то гражданинъ соблюдалъ чувствованіе добродѣтели и мужества, а государь созидалъ, если хотѣлъ, народъ совсѣмъ новый. Народъ, навыкшій повиноватися безъ малодушія, не будучи самъ свой законодатель, никогда не противится примѣру своихъ государей. Онъ изступаетъ изъ своего забвенія, отметаетъ свои пороки, и, не вѣдая самъ того, воспріемлетъ новый нравъ и добродѣтель, ему подаваемую.

*) *Самодержавство* есть наипротивѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою

[1]) Observations sur l'histoire de la Grèce ou des causes de la prospérité et des malheurs de Grèce. Par m. l'abbé de Mably. A Genève 1766, стр. 170—171.

неограниченной власти; но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно; но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, тоже и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества» [1]).

Въ книгѣ Радищева: «Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова», напечатанной въ томъ самомъ году, когда Путешествіе представлено было въ цензуру, встрѣчаются такія мѣста: «Не тревожился Юлій Кесарь о томъ, что прослыветъ государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну. Не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на сограждан своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, вчиная войну и предавая смерти тысячи воиновъ... Примѣръ самовластія государя, неимѣющаго закона, ниже другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. Да и сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію, и Гельвеціево о семъ мнѣніе ежечасно подтверждается» и т. д. (стр. 63—64, 20—21, изд. 1811 г.). Ссылка на Гельвеція весьма краснорѣчиво указываетъ на тѣ источники, откуда вытекали у нашего автора воззрѣнія на общество и на укоренившійся въ немъ порядокъ вещей.

[1]) Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де Мабли. Переведено съ французскаго. Иждивеніемъ общества, старающагося о напечатаніи книгъ. Въ С.-Петербургѣ. При императорской академіи наукъ. 1773 года, стр. 126—127.

Предшествующіе литературные опыты Радищева могли поддерживать въ увлекающемся авторѣ увѣренность, что и новая и самая смѣлая попытка, хотя и не удостоится награды «изъ собственной шкатулки», однако же, ни въ какомъ случаѣ не приведетъ его къ смертной казни, какъ государственнаго преступника.

IV.

Впечатлѣніе, произведенное книгою Радищева, находится въ связи съ личными взглядами и степенью образованности читателей, которыхъ нашлось довольно много для того времени. Одни—читали и не понимали, въ чемъ откровенно и сознавались; просто-на-просто они не могли взять въ толкъ мудреныхъ разглагольствій русскаго энциклопедиста. Другіе очень хорошо понимали въ чемъ дѣло, но таили свой взглядъ про себя; по крайней мѣрѣ до поры, до времени. Никто, кажется, не предполагалъ, что исторія можетъ окончиться плахою или висѣлицею. Только одна читательница признала автора опаснымъ революціонеромъ и, какъ власть имѣющая, подвергла его строгому уголовному суду.

Когда стали производить разслѣдованіе о книгѣ Радищева, одинъ изъ первыхъ спрошенъ былъ книгопродавецъ Зотовъ. Онъ прямо заявилъ, что онъ хотя и продавалъ эту книгу, и самъ ее читалъ, но никакъ не могъ думать, что она заключаетъ въ себѣ что̀-либо противное правительству!.. Безграмотныя подписи Зотова служатъ доказательствомъ искренности его показанія.

При самомъ началѣ слѣдствія Екатерина полагала, что авторами книги были Радищевъ и Челищевъ, товарищъ Радищева по Лейпцигскому университету. Графъ Безбородко писалъ графу Воронцову: «По слѣдствію, порученному оберъ-полиціймейстеру, а болѣе думаю, *по слухамъ*, сказано государынѣ, что авторы извѣстной развратной книги—господа Радищевъ и Челищевъ, и что ее печатали въ домовой типографіи того или другого изъ нихъ. Дѣло сіе весьма въ дурномъ положеніи. Хотя ея величество, узнавъ имя перваго, кажется, болѣе расположена умягчить свое негодова-

ніе, но все, впрочемъ, не лучшій конецъ оно имѣть можетъ» [1]).

Ходили также слухи, что сотрудникомъ Радищева былъ другой товарищъ его по Лейпцигскому университету—Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. Основываясь на свидѣтельствѣ «честнаго и нелживаго» Богдановича, княгиня Дашкова сообщаетъ извѣстіе, что Державинъ говорилъ при многихъ: «Вотъ какой я души человѣкъ, что я не сказалъ о *Козодавлевѣ*, что *онъ участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева*. Козодавлевъ противъ меня неблагодаренъ, меня злословитъ» [2]). Былъ ли Козодавлевъ дѣйствительнымъ *участникомъ* въ составленіи книги, объ этомъ нѣтъ никакихъ положительныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ указаній. Но что онъ сочувствовалъ идеямъ Радищева объ освобожденіи крестьянъ и о свободѣ печатнаго слова, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Стоитъ только прочесть статьи Козодавлева въ «Растущемъ Виноградѣ» и въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», и сравнить съ ними нѣкоторыя мѣста въ Путешествіи Радищева. Козодавлевъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ Радищева съ Державинымъ, которому и передалъ, по порученію автора, одинъ экземпляръ Путешествія.

Радищевъ отдавалъ справедливость поэтическому таланту Державина и, по всей вѣроятности, ожидалъ сочувственнаго пріема своей книги со стороны пѣвца Фелицы и безстрашнаго обличителя ея двора. То четверостишіе, которое молва почему-то приписывала Державину, признаетъ правдивость содержанія книги, но обвиняетъ автора за излишнюю смѣлость:

Ѣзда твоя въ Москву *со истиною сходна*,
Некстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна.
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: «вирь, вирь!»
Знать, *русскій Мирабо*, поѣхалъ ты въ Сибирь [3]).

Вообще въ отзывахъ своихъ о Радищевѣ Державинъ вовсе не касается содержанія его сочиненій и ограничивается замѣтками о слогѣ. Отсюда можно заключить, что

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1879. Книга XIII, стр. 200.

[2]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 221.

[3]) «Вчера и Сегодня». Литературный сборникъ, составленный графомъ В. А. Соллогубомъ. 1845. Книга I, стр. 63.

Державинъ не видѣлъ ничего опаснаго для общественнаго спокойствія въ книгахъ и идеяхъ Радищева. Чтобы убѣдиться въ томъ, что литераторы наши плохо знаютъ русскій языкъ, Державинъ совѣтовалъ прочитать сочиненіе Радищева—«Описаніе жизни Ѳ. В. Ушакова». Княгиня Дашкова говоритъ: Un jour que nous étions à l'académie russe, mr. Державинъ, en parlant du peu de connaissance que l'on avait de la langue russe, que l'on ne connaissait pas la valeur des mots et qu'on prétendait pourtant être auteur, me dit qu'il venait de lire un sot livre de Радищевъ au sujet d'un de ses amis morts.

Не только писатели, но и государственные люди временъ Екатерины II были, повидимому, далеки отъ мысли, что Радищевъ совершилъ преступленіе, подлежащее смертной казни. Въ правительственныхъ сферахъ, въ кругу лицъ, призываемыхъ къ обсужденію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, въ средѣ сановниковъ, составлявшихъ такъ называемый «совѣтъ ея императорскаго величества» находились ходатаи за Радищева, желавшіе смягчить гнѣвъ императрицы.

Одинъ изъ членовъ совѣта ея величества, главный начальникъ Радищева по службѣ его въ комерцъ-коллегіи, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, навлекъ на себя даже подозрѣніе въ пособничествѣ Радищеву, т. е. въ такомъ же *участіи* въ составленіи книги, въ какомъ обвиняли и Козодавлева. Подобное же подозрѣніе падало и на сестру графа Воронцова, княгиню Екатерину Романовну Дашкову, президента академіи наукъ и россійской академіи. Екатерина говорила окружающимъ, что она не вѣритъ слухамъ, распускаемымъ о Дашковой и о ея братѣ. Но лицо, ручавшееся за искренность этихъ словъ, не возбуждаетъ особеннаго довѣрія. Во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія уже одно то обстоятельство, что единомышленниковъ Радищева искали въ самомъ высшемъ кругу тогдашняго общества. Изъ письма Дашковой очевидно, что и Державинъ могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, такъ какъ онъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о друзьяхъ и сотрудникахъ Радищева. Въ своемъ полурусскомъ и полуфранцузскомъ письмѣ къ брату княгиня Дашкова говоритъ: «Vers le soir, Samoi-

loff vient chez moi. Vouz connaissez le faible de ce galant homme. Il commença à se vanter qu'il ne me disait pas le quart de ce qu'il avait dit en ma faveur, parce que, dit-il, Elle m'a dit, qu'Elle n'a pas voulu croire à *la colomnie* que *moi et vous avions eu part au livre de Радищевъ*.... Державинъ *меня и брата* злословитъ. Для чего, когда Державинъ, почувствовавъ ужасъ къ слѣдствіямъ преступнаго сочиненія, и *зная прямыхъ сочинителей*, маралъ и *клеветалъ* на честныхъ людей» [1]).

Ближайшимъ помощникомъ Екатерины II по дѣлу о Радищевѣ былъ членъ совѣта ея величества, гофмейстеръ и «надъ почтами въ государствѣ главный директоръ» графъ Александръ Андреевичъ Безбородко. Всѣ распоряженія Екатерины касательно предварительнаго слѣдствія, а также и сношенія ея по этому поводу съ Шешковскимъ, происходили при участіи графа Безбородко. Онъ получалъ приказанія отъ императрицы, передавалъ ихъ кому слѣдуетъ и докладывалъ о ходѣ и результатахъ дознанія, очныхъ ставокъ, и т. п. Безпрекословный исполнитель воли Екатерины, не промолвившій слова въ защиту Радищева, Безбородко дѣйствовалъ не по своему внутреннему убѣжденію и не всегда думалъ тò, чтò писалъ въ оффиціальныхъ бумагахъ. Будучи послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Екатерины и не допуская оффиціально ни малѣйшаго повода къ смягченію вины подсудимаго, Безбородко указывалъ въ откровенной перепискѣ на смягчающія обстоятельства, и — чтò всего замѣчательнѣе — искалъ ихъ въ мѣрахъ и дѣйствіяхъ самого правительства. Онъ указывалъ преимущественно на законъ о вольныхъ типографіяхъ и о цензурѣ книгъ въ полиціи, въ которомъ люди осторожные усматривали поводъ и даже вызовъ къ разнаго рода излишествамъ и крайностямъ въ печати. Во время суда надъ Радищевымъ, графъ Безбородко писалъ къ правителю канцеляріи князя Потемкина, В. С. Попову: «Здѣсь по уголовной палатѣ производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, не смотря что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, *правду сказать, и правилъ изрядно и без-*

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 220—223.

корыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія. Заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго и, наконецъ, неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ, оберъ-полиційместеръ въ С.-Петербургѣ, цензировалъ сію книгу, не читавъ, а, удовольствовавшись титуломъ, надписалъ свое благословеніе. *Книга сія начала входить въ моду* у многой шали; но, по счастію, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ—авторъ. Теперь его судятъ, и, конечно, ему выправиться нечѣмъ. *Съ свободою типографій да съ глупостію полиціи* и не усмотришь, какъ нашалятъ» [1]).

Самымъ неумолимымъ критикомъ сочиненія и обвинителемъ автора явилась императрица Екатерина II. Она разобрала книгу Радищева до мельчайшихъ подробностей, отъ первой строки до послѣдней, съ необыкновеннымъ вниманіемъ и безпощадною строгостью. «Намѣреніе сей книги,— говоритъ Екатерина,— на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ всевозможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства» [2]). Подъ именемъ *французскаго заблужденія* Екатерина понимаетъ тотъ порядокъ вещей, отъ котораго «теперь Франція разоряется», т. е. французскую революцію.

Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева и прямая связь ихъ съ ходомъ и исходомъ уголовнаго суда надъ авторомъ представляютъ рѣзкую противоположность съ тѣмъ, чего можно было бы ожидать отъ государыни-писательницы, прославленной энциклопедистами за свое сочувствіе къ свободѣ

[1]) Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко, въ связи съ событіями его времени. Н. Григоровича. 1881. Томъ II, стр. 94—95.

[2]) Архивъ кн. Воронцова. 1872. Книга V, стр. 407—422. Разборъ сочиненія Радищева, написанный императрицею Екатериною II.

мысли и слова. Вслѣдствіе какихъ же причинъ Екатерина измѣнила свой взглядъ и, вопреки Наказу, признала слова преступленіемъ? По всей вѣроятности, это произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ политическихъ событій въ западной Европѣ; быть можетъ, также примѣшались сюда и личныя опасенія, и чувство глубоко-оскорбленнаго самолюбія. Екатерина читала книгу Радищева подъ свѣжимъ еще и чрезвычайно сильнымъ впечатлѣніемъ французской революціи. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія измѣнился и взглядъ Екатерины на литературу. До революціи Екатерина много разъ высказывалась въ томъ смыслѣ, что между книгою и дѣйствительною жизнью — цѣлая бездна, а потому весьма снисходительно смотрѣла на либеральныя «упражненія» литераторовъ. Но революція заставила признать за писателями болѣе серьезное, хотя и отрицательное, значеніе. При первыхъ попыткахъ объяснить событіе, вызвавшее всеобщую панику, главными виновниками провозглашены энциклопедисты на томъ основаніи, что они, постоянно толкуя о пересозданіи общества и государства, сочиненіями своими подготовляли революцію. Нагляднымъ доказательствомъ измѣнившагося взгляда Екатерины II на свободу печатнаго слова могутъ служить слѣдующіе два примѣра.

Въ трагедіи одного писателя встрѣчаются такіе стихи:

> Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
> Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
> Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
> Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца...

Въ трагедіи другого писателя таже самая мысль выражена стихами:

> Самодержавіе, повсюда бѣдъ содѣтель,
> Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
> И невозбранные пути открывъ страстямъ,
> Даетъ свободу быть тиранами царямъ...

Цензура запретила-было первое четверостишіе, но Екатерина сняла запрещеніе и велѣла напечатать трагедію въ академическомъ изданіи — въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ». Авторъ трагедіи, Николевъ, заслужилъ «благоволеніе» государыни. Второе четверостишіе находится въ трагедіи Княжнина: «Вадимъ», напечатанной въ томъ же академическомъ изданіи. Екатерина пришла въ ужасъ отъ этихъ стиховъ и уви-

дѣла въ нихъ что-то зловѣщее. «И вы еще увѣряете меня, что мнѣ нечего бояться»,—сказала Екатерина своей собесѣдницѣ, прочитавъ трагедію Княжнина.

Въ сущности, вся разница заключается въ томъ, что первое четверостишіе появилось до революціи, а второе — послѣ революціи.

Страхъ, навѣянный французскою революціею, былъ до того силенъ, что и въ сочиненіяхъ русскихъ писателей стали искать слѣдовъ и вліянія событій, происходившихъ во Франціи. Радищеву пришлось оправдываться въ приписываемыхъ ему замыслахъ и, по совѣсти, увѣрять, что сочиненіями своими онъ не желалъ произвести революцію на подобіе французской. Вотъ подлинныя слова Радищева: «не можетъ онъ того отрицать, чтобъ «Письмо къ другу», живущему въ Тобольскѣ, не казалось произвести французскую революцію, но однакожъ, по чистой совѣсти своей увѣряетъ, что онъ сего злаго намѣренія не имѣлъ».

Къ тревожнымъ вѣстямъ, получаемымъ изчужа, присоединялось безпокойство относительно нашихъ домашнихъ дѣлъ. Особенно подозрительно смотрѣли тогда на такъ называемыхъ *мартинистовъ*, которыхъ считали опасными заговорщиками. По этому поводу происходила весьма оживленная переписка между Петербургомъ и Москвою. Донесенія свои князь Прозоровскій облекалъ большою таинственностью, увѣряя Екатерину, что онъ только ей и ей одной можетъ представить дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ, и умоляя не выдавать его и не указывать источника, откуда получены свѣдѣнія о мартинистахъ. Ходили слухи, что мартинисты, въ одномъ изъ своихъ собраній, метали жребій, «кому изъ нихъ зарѣзать императрицу Екатерину», и что число метавшихъ жребій простиралось будто бы до тридцати. Говорятъ даже, что показанія и повинныя ихъ находились впослѣдствіи въ рукахъ Екатерины [1]). Разбирая книгу Радищева, Екатерина дѣлала такого рода замѣтки: «онъ едва ли не *мартинистъ*»... «касательно метафизики—*мартинистъ*» и т. п.

[1]) «Русскій Архивъ». 1875. Книга третья. Записка о мартинистахъ, представленная, въ 1811 году, графомъ Растопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, стр. 76—77.

Всего болѣе Екатерина была изумлена и оскорблена вызывающимъ тономъ книги Радищева и небывалою смѣлостью обличеній, далеко выходившихъ за тѣ предѣлы, у которыхъ почтительно останавливались всѣ предшествующіе обличители.

Многія изъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя разсѣяны въ книгѣ Радищева, можно встрѣтить и въ одахъ Державина, и въ произведеніяхъ другихъ тогдашнихъ писателей. Но Державинъ — употребляя его собственное выраженіе — «говорилъ истину съ улыбкой», а Радищевъ говорилъ ее съ пѣною у рта. Оттого и впечатлѣніе получалось совершенно противоположное.

Обыкновенный пріемъ обличителей заключался въ слѣдующемъ. Вся вина взваливалась на второстепенные и третьестепенные органы власти; что же касается ея источника, ея верховнаго представителя, то онъ изображался въ самомъ привлекательномъ лучезарномъ свѣтѣ. Державинъ превозносилъ Екатерину именно за то̀, что она «не подражаетъ своимъ мурзамъ», что она нисколько на нихъ не походитъ. Описавши пороки и недостатки придворныхъ, окружающихъ Фелицу, Державинъ восклицаетъ, обращаясь къ ней:

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого...
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ....
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творишь.
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь *только* созидать...

Въ такомъ же духѣ писались оффиціальныя бумаги и постановленія высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Совѣтъ ея величества, слушая учрежденіе о губерніяхъ, «ощущалъ во всѣхъ частяхъ онаго мудрое предусмотрѣніе, матернее о подданныхъ попеченіе, человѣколюбіе и милосердіе ея императорскаго величества; признавалъ, что доставитъ оно всѣмъ и каждому благополучную и спокойную жизнь» и т. д.[1]).

[1]) Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи. Составлена помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта Даневскимъ. 1855, стр. 39—40.

Для читателей, привыкшихъ къ подобному краснорѣчію, книга Радищева была самою непріятною и возмутительною новостью. Рѣчи странницы-истины, снимающей бѣльма, звучали диссонансомъ въ общемъ хорѣ торжественныхъ восхваленій, а «проектъ въ будущемъ» представляется пародіею на хвалебную лирику и на нѣкоторые оффиціальные акты. Въ проектѣ говорится: «Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оное нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія, возведенныя до высочайшія совершенства степени, до коей человѣку достигнуть дозволяется; наслаждаяся внутреннею тишиною; внѣшнихъ враговъ не имѣя; доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія» и т. д. (стр. 236—238). Радищевъ подводитъ итогъ государственной дѣятельности неожиданно прозрѣвшаго владыки, и въ итогѣ оказывается, что его постоянно обманывали блестящими призраками и сказочными успѣхами исполинскихъ замысловъ, а онъ такъ слѣпо вѣрилъ величію небывалыхъ подвиговъ и такъ щедро награждалъ своихъ мнимыхъ сподвижниковъ....

Всякому понятно, кого разумѣетъ Радищевъ подъ именемъ прозрѣвшаго владыки. Екатерина прямо приняла на свой счетъ все то, что говорится о самовластіи и верховномъ властителѣ и написала: «скажите сочинителю, что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, *не сдѣлано ли ему мною какой обиды?*» Радищеву и былъ предложенъ вопросъ: «не чувствуете ли вы со стороны ея императорскаго величества какой себѣ обиды?» Посылая въ совѣтъ дѣло о Радищевѣ, Екатерина велѣла сказать, что она презираетъ все, что относится *лично къ ней* въ книгѣ Радищева.

Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева послужили главною основою при производствѣ слѣдствія и дознанія. Отвѣчая на вопросные пункты, предложенные ему на слѣдствіи, Радищевъ въ сущности давалъ отвѣты на замѣчанія, сдѣланныя Екатериною.

V.

Истинною и въ высшей степени энергическою руководительницею дѣла, державшею въ своихъ рукахъ всѣ его нити, была сама Екатерина. Отъ нея исходили всѣ распоряженія; по ея почину возникло дѣло; по ея настоянію производилось оно съ необычайною для того времени быстротою, и ею же доведено оно до предназначеннаго конца. Докладчикомъ по дѣлу Радищева былъ, какъ мы сказали, графъ Безбородко. Допрашивалъ Радищева, какъ важнаго государственнаго преступника, Степанъ Ивановичъ Шешковскій, хорошо извѣстный петербургскому населенію и получившій довольно мѣткое названіе *духовника*. Когда кто либо изъ петербургскихъ жителей исчезалъ безъ вѣсти на нѣкоторое время, то, по возвращеніи его, знакомые и незнакомые говорили ему: «вы навѣрно были у духовника». На разспросы любопытныхъ нельзя было отвѣчать, потому что Шешковскій отбиралъ подписки въ соблюденіи строжайшей тайны, подъ угрозою неизбѣжнаго наказанія за малѣйшую нескромность.

Дѣло о Радищевѣ велось около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, съ конца іюня и до начала сентября 1790 года.

Сохранилась собственноручная записка Екатерины на клочкѣ бумаги, безъ означенія года и числа: «По городу слухъ, будто Радищевъ и Щелищевъ писали и печатали въ домовой типографіи ту книгу: изслѣдовавъ лучше узнаемъ».

Подъ 26 іюня 1790 года записано въ дневникѣ Храповицкаго: «Говорено о книгѣ: *Путешествіе отъ Петербурга до Москвы*. Тутъ разсѣваніе заразы французской; отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева» [1]).

Тогда же, 26 іюня, взятъ подъ стражу книгопродавецъ Зотовъ, продававшій книгу Радищева. Но самъ Радищевъ не былъ въ этотъ день арестованъ, какъ можно заключить изъ содержанія слѣдующаго письма.

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, по подлинной его рукописи, съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. 1874, стр. 338.

27 іюня 1790 года графъ Безбородно писалъ графу Александру Романовичу Воронцову: «Ея императорское величество, свѣдавъ о вышедшей недавно книгѣ подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, оную читать изволила, и нашедъ ее наполненною разными дерзостными израженіями, влекущими за собою развратъ, неповиновеніе власти и многія въ обществѣ разстройства, указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Между тѣмъ достигъ къ ея величеству слухъ, что оная сочинена г. коллежскимъ совѣтникомъ Радищевымъ. Почему, прежде формальнаго о томъ Слѣдствія, повелѣла мнѣ сообщить вашему сіятельству, чтобъ *вы призвали предъ себя помянутаго г. Радищева*, и сказать ему о дошедшемъ къ ея величеству слухѣ на счетъ его, вопросили его: онъ ли *сочинитель* или *участникъ* въ составленіи сея книги; кто ему въ томъ способствовалъ; гдѣ онъ ее печаталъ; есть ли у него домовая типографія; была ли та книга представлена на цензуру управы благочинія или же напечатанное въ концѣ книги: *съ дозволенія управы благочинія* есть несправедливо. При чемъ бы ему внушили, что чистосердечное его признаніе есть единое средство къ облегченію жребія его, котораго, конечно, нельзя ожидать, если, при упорномъ несправедливо отрицаніи, дѣло слѣдствіемъ откроется. *Ея величество будетъ ожидать, что̀ онъ покажетъ*».

Но въ тотъ же день, 27 іюня, Безбородко извѣщалъ Воронцова о перемѣнѣ рѣшенія: «Спѣшу предувѣдомить ваше сіятольство, что ея величеству угодно, чтобъ вы уже господина Радищева ни о чемъ не спрашивали для того, что дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ» [1]).

30 іюня Радищевъ былъ уже въ крѣпости. Дежурный подполковникъ Дмитрій Горемыкинъ доносилъ Шешковскому, 7 іюля 1790 года: «Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Радищевъ, съ даннымъ мнѣ отъ его сіятельства господина генералъ - аншефа и кавалера графа Якова Александровича Брюса ордеромъ къ его превосходительству г. генералъ-маіору и с.-петербургскому оберъ-каменданту Андрею Гаври-

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1879. Книга XIII, стр. 199—201.

ловичу Чернышеву, минувшаго *іюня 30, пополудни въ девять часовъ,* показанному г. генералъ - маіору доставленъ».

Радищеву предложенъ былъ цѣлый рядъ вопросныхъ пунктовъ, представляющихъ дословное сходство съ замѣчаніями Екатерины, какъ напримѣръ:

Замѣчанія Екатерины.	Вопросные пункты Радищеву.
На страницѣ 341 начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина; на 349 кончится сими словами: *и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно* (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія,* то есть надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ.	Начиная съ страницѣ 341 по 349, въ концѣ разсужденія о проданной съ молотка семьи за долги, помѣщены сіи слова: *и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно* (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія,* то что вы подъ оными разумѣете?
Съ 350 до 369 содержится, по случаю будто стихотворчечтва, ода совершенно явно и ясно бунтовская, гдѣ царямъ грозится плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами. Сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія. О сей одѣ спросить сочинителя, въ какомъ смыслѣ и кѣмъ сложена.	Начиная съ 350 до 369 стр. помѣстили вы, по случаю будто бы стихотворчества, оду совершенно явно и ясно бунтовскую, гдѣ царямъ угрожаете плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами, и сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія; то скажите, въ какомъ смыслѣ она писана и кѣмъ сложена? [1]).

Письменныя показанія по вопроснымъ пунктамъ Радищевъ давалъ въ теченіе трехъ дней—8, 9 и 10 іюля.

Рукою Шешковскаго написано: «Пожалуйте, объясните:

1) Гдѣ вы жили въ приходѣ и у каторой церкви?

2) Кто у васъ и семьи вашей отецъ духовный?

3) Когда вы и семья ваша были у исповѣди и святаго причастія?»

Радищевъ отвѣчалъ, также письменно и собственноручно:

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга V, стр. 430—443.

«1) Жительство имѣлъ въ приходѣ Знаменія.

2) Отецъ мой духовный былъ протоіерей церкви Богоматери Владимірскія, если помню хорошо, Дмитрій; онъ же былъ и духовникъ моей семьи. Но когда его перевели въ другой приходъ, то семья моя имѣла духовникомъ священника младшаго церкви Знаменія.

3) Я не былъ у исповѣди и причастія, кажется, лѣтъ пять или шесть. Домашніе же мои, по причинѣ болѣзней, не были только въ нынѣшнемъ году въ намѣреніи исправить оное въ августѣ мѣсяцѣ».

Въ книгахъ, поданныхъ отъ церкви Входа въ Іерусалимъ, что у Лигова канала, значится (1789 г.): Портовой таможенный полковникъ Александръ Радищевъ, 41 года. Дѣти его: Василій 12, Николай 10 лѣтъ. У исповѣди и св. причастія всѣ были.

Весьма подробно также допрашивали книгопродавца *Зотова*. Приводимъ его показанія:

1.

— 28 іюня 1790 года «допрашиванъ и показалъ: Отъ роду ему 25 лѣтъ. Зовутъ его Герасимъ Козьминъ сынъ Зотовъ. С.-Петербургскій третьей гильдіи купецъ; производитъ торгъ книгами, гостинаго двора по Суконной линіи, въ лавкахъ подъ № 15 и 16. Съ мѣсяцъ времени какъ познакомился онъ съ приходящимъ къ нему въ лавку купцомъ, торгующимъ въ Москвѣ, Петромъ Михайловымъ сыномъ Сидѣльниковымъ, который недѣли съ три назадъ принесъ для продажи къ ему книгу подъ названіемъ *Путешествія отъ Санктпетербурга до Москвы*, одинъ экземпляръ. На другой же день послѣ того пришелъ къ ему, Зотову, спрашивалъ, не хочетъ ли онъ купить у его сихъ книгъ. Почему онъ, Зотовъ, согласясь, приказалъ ему принести. Отъ коего на другой день и получилъ двадцать пять экземпляровъ [1]),

[1]) Не *двадцать пять* экземпляровъ, а *пятьдесятъ,* какъ говорится во второмъ показаніи. Двадцать пять экземпляровъ получено Зотовымъ, какъ видно изъ третьяго его показанія, лично отъ Радищева. Что въ первомъ показаніи число 25 экз. поставлено по ошибкѣ, очевидно уже изъ того, что *изъ нихъ* отдано въ переплетъ 26.

изъ коихъ отдано было имъ въ переплетъ двадцать шесть, а остальные проданы были безъ переплета разнымъ людямъ— съ переплетомъ по два рубли тридцати пяти копѣекъ, а безъ переплета по два рубли. Печать была сихъ книгъ с.-петербургская. И по надписи: «съ дозволенія управы благочинія» не публиковалъ, а продавалъ безъ публикаціи. Отъ помянутаго купца Сидѣльникова хотя онъ и требовалъ для продажи еще сихъ книгъ, но онъ, по неимѣнію ихъ, болѣе дать отказался. Гдѣ же здѣсь онъ, Сидѣльниковъ, жительство имѣетъ, онъ не знаетъ, а думаетъ, что онъ, какъ ему проговаривалъ нерѣдко, уѣхалъ въ Москву. Сего же мѣсяца 26 дня взятъ онъ, Зотовъ, подъ стражу и представленъ къ оберъ-полицій-мейстеру, генералъ-маіору и кавалеру. Кто же сей книги издатель и гдѣ въ типографіи печатана, того онъ не знаетъ; по литерамъ же узнаетъ печать похожую на Шнорову. Кто же сіи книги отъ неизвѣстныхъ особъ покупалъ, о томъ показываетъ подписаннымъ имъ регистромъ, и симъ утверждаетъ по сущей правдѣ. Къ сему допросу купецъ Герасимъ Зотовъ руку приложилъ».—

2.

— 29 іюня 1790 года, показалъ на допросѣ: «Извѣстную книгу «Путешественникъ въ Москву» подлинно получилъ онъ отъ московскаго купца 50 экземпляровъ, и хотя онъ ее и читалъ, но только, по глупости своей, не могъ онъ думать, что она противная правительству потому болѣе, что на ней выставлена цензура управы благочинія. На что сказано ему, что въ управѣ въ послѣднемъ листу книги цензуры не выставливаютъ, а пишутъ въ началѣ книги. На что онъ сказалъ: это правда; что у него книгъ до 5,000, но цензура выставлена въ первой страницѣ, а не внизу. На что ему сказано: «сія-то разница и удостовѣряла и вразумляла тебя, что сія книга есть пасквиль». На что онъ сказалъ: «теперь я и самъ вижу, что эта книга невѣрная. А что о ней не объявилъ, въ томъ виноватъ». Сочинителя книги онъ подлинно не знаетъ, а только многіе гостинодворцы и писари Радищева ему говорили, что-де эта книга печатана въ типографіи Радищева, но точно ли у него оная печатана, сего онъ

утвердить не можетъ. Но, по помянутому слуху, думаетъ онъ, что *можетъ быть та книга подослана и отъ Радищева, а о семъ думаетъ онъ потому, что Радищевъ могъ подослать и съ сердцовъ за то, что онъ, по доносу его о неявленныхъ товарахъ, получилъ изъ таможни тысячъ до семи, а Радищеву, по простотѣ своей, ничѣмъ не поклонился*. Сіи книги вступили къ нему въ маѣ мѣсяцѣ, и болѣе не были, какъ недѣли двѣ, въ лавкѣ. Какъ же *многіе стали спрашивать*, то онъ, по объявленному слуху, что она печатана у Радищева, къ нему ходилъ; а какъ спросилъ онъ Радищева, не продастъ ли онъ той книги еще нѣсколько экземпляровъ, то онъ съ негодованіемъ сказалъ, что нѣтъ. И послѣ спрашивалъ его: «кто-жъ тебѣ сказалъ, что эта книга моя?» Онъ оторопѣлъ, и не сказавъ, отъ кого о семъ слышалъ, изъ дому его ушелъ. Послѣ чего онъ былъ спрошенъ: тѣ люди, о коихъ онъ показалъ, что они у него книги покупали, но если иногда, можетъ быть, запрутся, то можетъ ли чѣмъ ихъ онъ уличить? На что онъ сказалъ съ совершенною горестію: «чѣмъ мнѣ ихъ уличить,—я погибъ; воля всемилостивѣйшей государыни и со мною, а я сказалъ правду». Какъ же онъ, Зотовъ, хаживалъ почасту къ Радищеву въ домъ, то видѣлъ самъ въ домѣ его типографію, а наборщики у него—таможенные досмотрщики и его люди.—

3.

— «1790 года, іюля 6 дня. По соизволенію ея императорскаго величества призванъ былъ въ домъ г. Шешковскаго купецъ Зотовъ и спрошенъ, самъ ли онъ лично получилъ отъ Радищева книги или чрезъ другихъ и сколько. На сіе онъ отвѣчалъ, что лично отъ Радищева получилъ онъ на мѣну книгъ только 25 экземпляровъ, да отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, ему незнакомыхъ, которые приносили ему по два и по три экземпляра, до 50. Объ ономъ московскомъ купцѣ думаетъ Зотовъ, что онъ—не московскій купецъ, а какой ни есть изъ таможенныхъ; а о другихъ людяхъ, которые приносили ему по два и по три экземпляра, думаетъ онъ, Зотовъ, что они изъ его домашнихъ. Кому-жъ оные

продавалъ, всѣхъ тѣхъ людей именъ и прозваній не знаетъ, а кого вспомнилъ, о тѣхъ объявилъ, и именно:

1) Ивану Ивановичу Кушалеву.
2) Никитѣ Демидову. Купилъ дворецкій.
3) Купцу Варенкову. Въ желѣзн. линіи торг.
4) Камеръ-пажу Балашову.
5) Алексѣю Лукину Михайлову.
6) Какому-то сочинителю Николаю Петрову.
7) Ивану Яковлевичу. 2 экземп. При Ник. Ив. Рылѣевѣ.
8) Матвѣю Федоровичу Кашталинскому.

Наконецъ объявилъ, что послѣ того, какъ онъ въ домѣ оберъ-полиціймейстера былъ спрашиванъ, приходили къ нему въ лавку многіе незнакомые люди, и спрашивали его: «былъ ли ты у *духовника?*» Онъ, Зотовъ, спрашивалъ: «у какого?» Они отвѣтствовали: «у Шешковскаго». Но я-де имъ говорилъ, что никогда не бывалъ, и его не знаю; а они ему на сіе говорили: «врешь ты, дуракъ; мы знаемъ, что былъ».—

4.

— «Іюля 8 дня. Онъ же, Зотовъ, спрошенъ былъ, не вспомнилъ ли онъ кого изъ тѣхъ, которые спрашивали, былъ ли у *духовника,* т. е. у Шешковскаго. На сіе онъ отвѣчалъ, что вспомнилъ. Прежде, нежели взятъ онъ былъ къ оберъ-полиціймейстеру, приходили къ нему двое въ лавку, и сторговавъ книжку, просили въ долгъ, такъ какъ-де съ ними мелкихъ денегъ не случилось, а какъ я имъ сказалъ, что васъ не знаю, то одинъ изъ нихъ сказалъ: «какъ ты не знаешь: вѣдь вы у насъ бумагу покупаете изъ лавки, я— Хлѣбниковъ», почему я имъ и повѣрилъ. Послѣ-жъ того, какъ я былъ у оберъ-полиціймейстера, то приходили они опять и, заплатя за ту книгу деньги, другой съ нимъ, Хлѣбниковымъ, бывшій спросилъ меня: «былъ ли ты у *духовника*», т. е. у Шешковскаго? Я ему отвѣчалъ, что не былъ и его не знаю; но онъ мнѣ сказалъ: «врешь ты». Но имени и прозванія не знаетъ; примѣтою-жъ онъ поплотнѣе сына Хлѣбникова, и на немъ былъ бриліантовый перстень сотъ въ шесть.

Также вспомнилъ онъ, что одинъ экземпляръ продалъ Амбодику. Когда-жъ онъ, Зотовъ, спросилъ его, гдѣ тотъ экземпляръ, на сіе Амбодикъ отвѣчалъ, что онъ отдалъ частному приставу ихъ части, а приставъ оберъ-полицеймейстеру». —

5.

—«1790 года, іюля 13 дня. Извѣстный книгопродавецъ Зотовъ, по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, приведенъ въ крѣпость офицеромъ управы благочинія, и о чемъ по дѣлу надлежало, спрашиванъ и показалъ:

Во-первыхъ, сказано ему, Зотову, было: «въ первомъ допросѣ въ домѣ оберъ-полицеймейстера показалъ ты, что извѣстной книги: *Путешествіе изъ Санктпетербурга въ Москву* получилъ ты отъ какого-то московскаго купца 50 экземпляровъ, а во второмъ—домѣ г. Шешковскаго, когда сказано тебѣ было, что г. Радищевъ показываетъ, будто ты отъ него получилъ только 25 экземпляровъ, то ты показалъ, что 25 отъ него лично на мѣну книгъ точно получилъ, да кромѣ того, отъ называющагося московскимъ купцомъ Петра Михайлова и отъ другихъ людей, кои приносили по два и по три экземпляра, до 50. Изъ чего и выходитъ разнь. Сверхъ же того Радищевъ и нынѣ утверждаетъ, что онъ болѣе 25 экземпляровъ тебѣ не давалъ, да и ни чрезъ кого къ тебѣ не присылалъ. А посему всемилостивѣйшая государыня требуетъ отъ тебя, чтобъ ты непремѣнно открылъ самую истину». На сіе онъ отвѣчалъ, согласно со вторымъ допросомъ: «воля ваша—что̀ я показалъ прежде, то̀ есть самая истина, и ничего не утаилъ».

Послѣ многаго увѣщанія призванъ былъ на очную ставку и г. Радищевъ, который и началъ его уличать такимъ образомъ: «ты, конечно, лжешь, что получилъ отъ какого-то московскаго купца Михайлова, и кромѣ тѣхъ, которые я тебѣ далъ 25 экземпляровъ, ни отъ кого не получалъ», уличая его (какъ и прежде въ запискѣ, еще до привода Зотова, онъ написалъ) тѣмъ, что «ты послѣ того, какъ г. Шешковскій у оберъ-полицеймейстера тебя спрашивалъ, то присылалъ ко мнѣ приказчика Семена (имя сего показалъ Зотовъ послѣ) съ тѣмъ, что ежели меня будутъ спрашивать, продавалъ ли

ты Зотову экземпляры, то-де вы скажите, что не продавалъ, а что они у васъ изъ типографіи *пропали*». Зотовъ и противу сего нѣсколько запирался и путался разнымъ образомъ. Почему г. Шешковскій говорилъ ему: «слушай, ты долженъ непремѣнно сказать правду, а то я пошлю за Семеномъ, и ежели онъ тебя въ семъ изобличитъ, то ты тогда жестоко наказанъ будешь». То онъ, наконецъ, обратясь къ г. Шешковскому, сказалъ: «Виноватъ. Это было дѣло такъ, и первые мои допросы оба несправедливы въ томъ, что я болѣе тѣхъ 25 экземпляровъ, которые получилъ отъ г. Радищева, ни отъ кого не получалъ».

На сіе сказано ему, Зотову: «Какую-жъ ты имѣлъ причину лгать въ прежнихъ своихъ допросахъ, что получилъ отъ такого-то купца, а не прямо отъ Радищева». На сіе онъ говорилъ: «Я для того говорилъ такимъ образомъ, что г. Радищевъ, отдавая мнѣ оную книгу для продажи, просилъ меня, чтобъ я не сказывалъ, отъ кого оную получилъ, а притомъ-де меня обнадеживалъ, что тебѣ ничего за сіе не будетъ, да я и самъ думалъ, что какъ скажу на неизвѣстнаго человѣка, то тѣмъ и его просьбу исполню и себя оправдаю». Какъ же-де я показалъ сіе въ первомъ и во второмъ допросахъ, что получилъ оную отъ московскаго купца, то и теперь не хотѣлось отстать отъ прежнихъ словъ. Въ первыхъ же допросахъ показалъ ложь для того, думая, что г. Радищевъ отъ дачи оной книги отопрется, а ему уличить его нечѣмъ, то и опасался, что его доносу не повѣрятъ, за что онъ и претерпитъ наказаніе. Обѣщанія-жъ такого, чтобъ сказать ложно, что у него *пропали* экземпляры изъ типографіи, Радищевъ ему не дѣлалъ, а выдумалъ онъ, Зотовъ, самъ собою, думая, что какъ Радищевъ скажетъ, что у него *пропали*, то ему въ томъ и повѣрятъ. И для того посылалъ онъ, послѣ бывшаго ему у оберъ-полиціймейстера допроса, приказчика своего Семена къ г. Радищеву съ тѣмъ, чтобъ онъ его упросилъ о томъ, чтобъ Радищевъ показалъ, что у него *пропали* изъ типографіи 50 экземпляровъ. Но приказчикъ, возвратясь, сказалъ ему, что-де Радищевъ такъ сказать не хочетъ, также и того, что будто-бъ 50 экземпляровъ отдалъ онъ купцу московскому, говорить не хотѣлъ, а сказалъ, что де ему бояться нечего: «я не отопрусь, что

книга *моя*», а того приказчика онъ посылалъ уговаривать о семъ Радищева для того, чтобъ его, Зотова, противъ прежняго показанія не сочли лжецомъ.

На все сіе сказано ему было: «Какъ же ты осмѣлился сіе сдѣлать:

1) Солгать,—ибо тебѣ сказано было, чтобъ ты показалъ самую истину, такъ какъ предстать предъ страшный судъ Божій, и что̀ сего требуетъ отъ тебя всемилостивѣйшая государыня.

2) Послѣ взятія съ тебя допроса обязанъ ты былъ подпискою, чтобъ ты о томъ, о чемъ г. Шешковскимъ спрашиванъ, никому ни подъ какимъ видомъ не открывалъ, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ наказанія; но ты на другой же день открылъ оное приказчику Семену, да еще послалъ его и къ Радищеву съ извѣщеніемъ, что ты Шешковскимъ спрашиванъ».

На сіе онъ говорилъ: «Въ семъ я виноватъ. Помилуйте. Я и самъ не радъ, что такъ сдѣлалъ».

По окончаніи всего вышеписаннаго, спрошенъ онъ, Зотовъ, былъ, не напечаталъ ли онъ, Зотовъ, гдѣ той книги вновь, и не послалъ ли въ Москву или куда на продажу. На сіе онъ съ клятвою говорилъ, что ей-ей не печаталъ, доказывая, наконецъ, тѣмъ, что-де ее и напечатать такъ скоро нельзя, а надобно-де ее печатать мѣсяца два, такъ какъ-де она велика.

Такъ же спрошенъ былъ: «по крайней мѣрѣ, не слыхалъ ли ты отъ кого, чтобъ ее еще гдѣ печатали?» На сіе отвѣчалъ: «*сочинитель Николай Петровъ*, о которомъ я въ прежнемъ допросѣ показалъ, что продалъ ему одинъ экземпляръ, въ одно время пришедъ ко мнѣ въ лавку, сказывалъ, что ее гдѣ-то въ чужихъ земляхъ печатаютъ на нѣмецкомъ языкѣ, а гдѣ именно, того не сказалъ. Болѣе-жъ сего онъ ни отъ кого не слыхалъ. Оный-же-де сочинитель какъ прозывается, того онъ, Зотовъ, не знаетъ, а знаетъ-де про его прозваніе полиціймейстеръ Жандръ. Жительство-жъ имѣетъ онъ у Владимірской, по улицѣ отъ кабака ведернаго, противъ перваго двора Зеленова, въ худенькомъ домикѣ».—

— «А Радищевъ, противъ того, приказывалъ ли ему, Зотову, о себѣ никому не сказывать, на очной ставкѣ го-

ворилъ, что онъ при дачѣ съ самаго начала книги наказывалъ ему, Зотову, чтобъ онъ до времени, чья это книга, никому не сказывалъ для того, чтобъ сперва услышать, какъ приметъ оную публика, т. е. ежели одобритъ, то онъ самъ себя объявитъ, а ежели публикѣ не понравится, то онъ и въ продажу ея болѣе не пуститъ».—

Хотя Зотовъ, на очной ставкѣ съ Радищевымъ, и отказался отъ своего прежняго показанія о томъ, что самъ Радищевъ говорилъ, что экземпляры книги его *пропали* изъ типографіи; но есть убѣдительное доказательство, что Радищевъ, если и не говорилъ, то во всякомъ случаѣ писалъ объ этой пропажѣ или *покражѣ*. При самомъ началѣ дознанія, содержатель типографіи Иванъ Шноръ объяснилъ, что онъ, въ счетъ долга, состоящаго на Радищевѣ, просилъ прислать ему отъ пятидесяти до ста экземпляровъ книги, печатаемой подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующую, собственноручную, записку Радищева, на нѣмецкомъ языкѣ: Mit dem grössten Vergnügen würde ich dem H. Schnoorr von dem Buche Exemplare geben. Für jetzt ist es aber mir unmöglich. Diejenigen, die ins Publico gegangen sind, sind *gestohlen*.

Тогда же, 13 іюля «Радищевъ, по поводу показанія Зотова о печатаніи книги его въ чужихъ краяхъ, спрошенъ былъ, не посылалъ ли онъ къ кому въ чужіе краи для напечатанія книги своей. На что онъ сказалъ, что одинъ экземпляръ послалъ онъ въ Берлинъ къ г. Кутузову, но не для того, чтобъ ее напечатать, а для единаго прочтенія, при своемъ письмѣ, запечатавъ въ пакетѣ. Для пересылки-жъ оный пакетъ отдалъ г. *Вальцу*, находящемуся при его сіятельствѣ вице-канцлерѣ, прося его, чтобъ онъ тотъ пакетъ съ книгою доставилъ чрезъ посланнаго куріера. И какъ помнится ему, что онъ Вальцу отдалъ тотъ пакетъ въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ съ шуриномъ его».

Всѣ показанія Радищева и Зотова были представлены Екатеринѣ и она указала дальнѣйшій ходъ слѣдствія и, не дожидаясь окончанія его, велѣла судить Радищева какъ уголовнаго преступника.

13 іюля 1790 года послѣдовалъ на имя главнокомандующаго въ Петербургѣ графа Брюса указъ о преданіи Радищева уголовному суду.

16 іюля графъ Безбородко писалъ Шешковскому: «Возвращая допросы, отъ васъ, милостивый государь мой, присланные, имѣю честь извѣстить о высочайшемъ соизволеніи ея императорскаго величества, чтобъ ваше превосходительство объ упоминаемомъ тутъ *сочинителѣ Николаѣ Петровѣ* освѣдомилися и у него спросили о касающемся до него, такъ какъ и отъ *Вальца* узнали, послалъ ли онъ пакетъ и къ кому именно, да и сказано ли ему было что либо о семъ пакетѣ или книгѣ. О купцѣ *Зотовѣ* государыня находитъ нужнымъ справиться образомъ повальнаго обыска, какого онъ поведенія и нѣтъ ли за нимъ еще какихъ худыхъ дѣлъ, а тогда и можно будетъ его выслать изъ столицы въ какой либо городъ, гдѣ меньше худыхъ книгъ читаютъ».

По указанію императрицы допрошены были: состоявшій при вице-канцлерѣ *Вальцъ* и сочинитель *Николай Петровъ*.

На вопросъ о пакетахъ, въ которыхъ были сочиненія Радищева, Вальцъ отвѣчалъ: «Когда оные пакеты я получилъ, точно упомнить не могу, а думаю, что въ маѣ мѣсяцѣ. Получилъ же ихъ чрезъ моего шурина, капитана Девиленева, который служитъ при таможнѣ ученикомъ, для того, чтобъ съ куріеромъ отправить; но даже до сего времени я отправить случая удобнаго не имѣлъ, хотя нѣкоторыя оказіи и были. А распечаталъ оные потому: какъ скоро услышалъ, что г. Радищева взяли подъ стражу за какую-то книжку, то и подумалъ, что и въ сихъ конвертахъ можетъ быть есть та книга, за которую его взяли, почему и распечаталъ сперва у большого конверта одну сторонку и, вытащивъ книгу, увидѣлъ, что это *та книга, о которой по всему городу говорятъ.* А послѣ я открылъ и другой маленькій конвертъ, чтобъ посмотрѣть, что въ немъ посылается и нашелъ, что и тутъ книжки. Почему оба оные конверты въ кабинетъ спряталъ и посылать болѣе не хотѣлъ для того, что ежели объ нихъ будутъ спрашивать, то бы я могъ ихъ отдать. Были-ль же въ тѣхъ конвертахъ письмы, того сказать не могу, потому что я, распечатавъ оные конверты, и посмотря, что тутъ лежатъ книги, тотчасъ оныя въ кабинетъ положилъ, и ихъ не читалъ, что доказательно тѣмъ, что у большой книги и листы не разрѣзаны, да и теперь,

при отдачѣ оныхъ конвертовъ, внутри оныхъ я не смотрѣлъ. Надворный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Вальцъ».—

Сочинитель *Николай Петровъ* оказался отставнымъ поручикомъ *Николаемъ Петровичемъ Осиповымъ*, добывавшимъ себѣ пропитаніе литературными трудами. Онъ работалъ весьма усердно на избранномъ имъ поприщѣ, занимаясь преимущественно переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Съ французскаго онъ перевелъ, между прочимъ, Донъ-Кихота: «Донъ-Кишотъ ла Манхскій, сочиненіе Серванта».Съ нѣмецкаго перевелъ: «Алкивіадъ, соч. Мейснера»; «Дѣтская физика, или разговоры отца съ дѣтьми своими касательно до первыхъ понятій естественной науки, соч. Шица» и др. Онъ составилъ довольно много книжекъ въ такомъ родѣ: «Подробный словарь для сельскихъ и городскихъ охотниковъ и любителей ботаническаго, увеселительнаго и хозяйственнаго садоводства»; «Карманный коновалъ»; «Псовый лекарь»; «Опытный винокуръ»; «Любопытный, загадчивый, угадчивый и предсказчивый мѣсяцесловъ», и т. п. Ему же принадлежатъ: «Виргиліева энеида, вывороченная наизнанку» и «Овидіевы любовныя творенія, переработанныя въ Энеевскомъ вкусѣ». Онъ издавалъ и еженедѣльникъ подъ названіемъ: «Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ». Въ одномъ 1790 году, памятномъ для него по бесѣдѣ съ Шешковскимъ, Осиповъ издалъ нѣсколько вещей, а именно: «Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь»; «Бездушный говорящій, или повѣсть булавки и ея знакомыхъ»,—пер. съ нѣмецкаго; «Англинскія письма, или приключенія госпожи Клевеландши»,—пер. съ французскаго, и т. д.

По дѣлу Радищева Н. П. Осиповъ далъ слѣдующее, собственноручное, показаніе:

— «1790 года, іюля 17 дня. Отставной поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ, на вопросъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шешковскаго, объявилъ: Назадъ тому недѣли три или четыре приходилъ онъ въ квартиру коллежскаго ассесора Петра Богдановича для прошенія имѣющагося на немъ долгу за переводы съ французскаго и нѣмецкаго на россійскій языкъ имъ, Осиповымъ, книгъ. И въ то время Богдановичъ спросилъ его, Осипова, нѣтъ ли у него книги, называемой *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*.

На что онъ, Осиповъ, ему сказалъ, что у меня та книга была, но онъ для прочтенія отдалъ ее господину генералъ-поручику Николаю Ивановичу Ладыженскому. Богдановичъ спросилъ: «гдѣ ты ту книгу досталъ?» На что Осиповъ отвѣчалъ ему, что купилъ ее въ книжной лавкѣ у купца Зотова за 2 р. 40 к. Богдановичъ сказалъ на сіе, что посылалъ къ нему въ лавку, но ея не досталъ; также спрашивалъ и въ домѣ у Радищева, но и тамъ ея не получилъ. Между тѣмъ говорилъ, что слышалъ онъ, будто та книга въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ—не помню—печатается или переводится. И послѣ того онъ, Осиповъ, будучи въ книжной лавкѣ у купца Зотова, послѣ того, какъ онъ, *пропадавши нѣсколько дней,* явился, между разговорами пересказалъ ему слышанное имъ отъ Богдановича о печачаніи той книги въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Оная книга здѣсь или въ другихъ городахъ печатается или нѣтъ, онъ, Осиповъ, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ. Но *судя по великому любопытству публики къ той книгѣ;* нельзя не сумнѣваться, чтобы кто нибудь изъ завистливыхъ и корыстолюбивыхъ типографщиковъ не вздумалъ ее печатать. Службу онъ, Осиповъ, продолжалъ сначала лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку солдатомъ и капраломъ; потомъ выпущенъ въ Володимірскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ, гдѣ былъ и подпоручикомъ. А послѣ того, въ 1781 году, за болѣзнями отставленъ на свое пропитаніе съ награжденіемъ поручичья чина. Обучался на своемъ коштѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, математикѣ и архитектурѣ. О семъ, исполняя волю ея императорскаго величества, никому во всю свою жизнь объявлять не будетъ, въ чемъ и подписуюсь. Поручикъ Николай Петровъ сынъ Осиповъ».—

По справкамъ, собраннымъ о *Зотовѣ,* оказалось, что онъ записался, въ 1789 году, изъ московскихъ купцовъ въ петербургскіе иногородные гости; ни въ какихъ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ; всѣ знающіе его купцы объявили, что онъ всегда былъ поведенія хорошаго, и ни въ какихъ подозрительныхъ поступкахъ никѣмъ не замѣченъ. Такимъ образомъ не предстояло надобности выслать «туда, гдѣ худыхъ книгъ не читаютъ». Но очная ставка съ Радищевымъ

не прошла ему даромъ: онъ просидѣлъ нѣкоторое время въ крѣпости.

21 августа 1790 года содержащемуся въ с-петербургской крѣпости *Зотову* объявлено слѣдующее:

«На очной ставкѣ, по уличенію Радищева, самъ ты признался, что получилъ оную книгу лично отъ него, Радищева, и не болѣе, какъ двадцать пять экземпляровъ, слѣдовательно, въ первыхъ своихъ показаніяхъ говорилъ ты о всемъ ложь, за что и достоинъ ты былъ строжайшаго по законамъ осужденія. Но ея императорское величество, изъ матерняго своего милосердія, вмѣня тебѣ содержаніе подъ стражею въ наказаніе, а притомъ и въ разсужденіи заключенія съ королемъ шведскимъ мира, всемилостивѣйше указать соизволила изъ подъ стражи тебя освободить, съ таковымъ, однакожъ, высочайшимъ ея императорскаго величества подтвержденіемъ, чтобъ ты впредь при судѣ отнюдь лгать не отваживался, подъ опасеніемъ неминуемаго уже съ тобою по законамъ поступленія. Причемъ напоминается тебѣ, чтобъ ты о томъ, гдѣ содержался, и о чемъ былъ здѣсь спрашиванъ, никому ни подъ какимъ видомъ не сказывалъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ тожъ строжайшаго по законамъ наказанія».

Вся отвѣтственность и вся тяжесть наказанія *пала на Радищева.*

Въ именномъ указѣ графу Брюсу, 13 іюля 1790 года, говорится: «Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской. Сочинителемъ сея книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ, который учинилъ въ томъ признаніе и потому взятъ подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ палатѣ уголовнаго суда въ с.-петербургской губерніи, гдѣ, заключа приговоръ, внесть оный въ сенатъ нашъ».

Въ уголовную палату не было сообщено ни показаній Радищева, ни его повинной и вообще никакихъ данныхъ, относящихся къ предварительному слѣдствію. Сообщать объ этомъ считали излишнимъ и неудобнымъ какъ потому, что слѣдствіе было келейное, такъ и потому, что Радищева спрашивали, не обидѣла ли его чѣмъ либо Екатерина. Въ одно время съ указомъ, графъ Брюсъ получилъ отъ Безбородко наставленіе, какъ слѣдуетъ вести дѣло въ уголовной палатѣ. Въ собственноручной запискѣ Безбородко сказано:

«Порядокъ, которымъ дѣло о преступленіи Радищева разсмотрѣно и рѣшено быть долженствуетъ, не можетъ быть иной, какъ слѣдующій:

Палата уголовнаго суда призоветъ его и спроситъ:

1) Онъ ли сочинитель книги?

2) Въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее?

3) Кто его сообщники?

4) Чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія?

По таковомъ допросѣ не трудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный, и оный, объявя при открытыхъ дверяхъ, взнесть на разсмотрѣніе въ сенатъ.

Посему кажется, что ни допросовъ, ему по тайной экспедиціи учиненныхъ, ни его раскаяній, туда посылать не слѣдуетъ, ибо допросы келейные ему учинены быть долженствовали изъ предосторожности, какіе у него скрывалися умыслы и не далеко ли они произведены. Многія тутъ вещи никакъ не могутъ относиться къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ, и имѣетъ прямые законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: «не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія или обиды на ея величество» отнюдь непристойно выводить предъ судомъ.

Раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ».—

Вопросы, указанные Безбородко, и были предложены Радищеву въ уголовной палатѣ. Его спрашивали: Въ какомъ намѣреніи сочинили вы оную книгу? Кто именно вамъ были въ томъ сообщники? Чувствуете ли вы важность своего пре-

ступленія? и т. д. Палата приговорила: Радищева казнить смертію, а книгу его истребить. Въ приговорѣ своемъ, палата ссылалась и на уложеніе, и на воинскій уставъ, и на морской [1]). По тогдашнему порядку судопроизводства, палата препроводила свое рѣшеніе, для внесенія въ сенатъ с.-петербургскому главнокомандующему. До какой степени скоро велось дѣло о Радищевѣ, видно изъ слѣдующаго письма графа Брюса. 26 іюля 1790 года графъ Брюсъ писалъ графу Безбородко: «Я счелъ за нужное ваше сіятельство увѣдомить, что *вчерась ввечеру* я получилъ изъ уголовной палаты дѣло о господинѣ Радищевѣ, который приговоренъ, какъ на основаніи уложенія, такъ и по многимъ артикуламъ военнаго процесса и морского устава, къ смертной казни. Я то дѣло, разсмотря и находя той палаты рѣшеніе правильнымъ, *сего же утра* представилъ правительствующему сенату, *о чемъ покорнѣйше прошу* ваше сіятельство *ея величеству донести*».

Разсмотрѣвши представленіе уголовной палаты и постановляя свой приговоръ по дѣлу Радищева, сенатъ приводилъ статьи изъ уложенія, изъ законовъ временъ Петра Великаго и Елисаветы Петровны, и сверхъ того изъ законовъ Екатерины II. Въ уложеніи сказано: «А которые воры чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнить смертію». Въ морскомъ уставѣ: «Ежели въ пасквилѣ про кого и правду напишетъ, то, однакожъ, по разсмотрѣнію судейскому, наказанъ быть имѣетъ тюрьмою, сосланіемъ на галеру на время, шпицрутеномъ или инымъ чѣмъ». Въ указѣ императрицы Екатерины II, данномъ 4 іюня 1763 года, говорится: «Къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе люди, кои сами заражены *странными разсужденіями* о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ непринадлежащихъ, стараются заражать и другихъ слабоумныхъ. По природному нашему

[1]) Подробности суда надъ Радищевымъ, преимущественно въ уголовной палатѣ, изложены въ статьѣ В. Е. Якушкина: «Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ». В. Е. Якушкина (Русская Старина. 1882. Сентябрь, стр. 457—532).

человѣколюбію, всѣхъ таковыхъ, зараженныхъ *неспокойными мыслями*, матерински увѣщеваемъ удалиться отъ всякихъ *вредныхъ разсужденій*, нарушающихъ покой и тишину. А если сіе наше материнское увѣщеваніе не подѣйствуетъ, то преступники почувствуютъ всю тяжесть нашего гнѣва».

Сенатъ приговорилъ Радищева къ смертной казни: «по силѣ воинскаго устава, 20 артикула, отсѣчь голову».

Въ приговорѣ своемъ сенатъ обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что Радищевъ, издавая книгу, скрылъ свое имя, «слѣдовательно, не могъ себѣ льстить, чтобъ въ свѣтѣ его остроумнымъ сочинителемъ считали». Указомъ сената предписано было отобрать книгу Радищева у лицъ, названныхъ имъ при производствѣ дѣла въ уголовной палатѣ, и сжечь. Петербургскій губернаторъ получилъ устное приказаніе передать всѣ отобранныя книги Шешковскому. Возвратили свои экземпляры: Козодавлевъ, Державинъ и князь Петръ Ивановичъ Трубецкой. Оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ объявилъ, что онъ *истребилъ* свой экземпляръ, полученный отъ банковскаго совѣтника Хитрово, а о двадцати пяти экземплярахъ, находившихся у книгопродавца *Зотова*, управа благочинія увѣдомляла, что на квартирѣ, на которой онъ жилъ, не только никакихъ книгъ, но и *его самого не оказалось*.

Постановляя свой приговоръ о *дворянинѣ* Радищевѣ, сенатъ, на основаніи жалованной дворянству грамоты, окончательное рѣшеніе дѣла «предавалъ въ монаршее благоволеніе». Докладъ сената представленъ былъ 8 августа 1790 года. Не довольствуясь установленными для уголовнаго судопроизводства инстанціями, Екатерина сочла почему-то нужнымъ передать дѣло Радищева на разсмотрѣніе «совѣта ея величества», который учрежденъ былъ во время турецкой войны для совѣщанія собственно по военнымъ событіямъ, но въ который вносились и другого рода дѣла, по особенному повелѣнію императрицы. Такое отступленіе отъ общепринятаго порядка объясняютъ различнымъ образомъ. Одни видятъ въ этомъ безпристрастіе Екатерины; Храповицкій замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, 11 августа: «съ примѣтною чувствительностью приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, *чтобъ не быть пристрастною*». Другіе полагаютъ, что дѣло перенесено въ

совѣтъ по вліянію Безбородко, желавшаго смягчить участь подсудимаго. Но предположенія эти не подтверждаются ни указаніями, сдѣланными самою Екатериною, ни собственноручною запискою графа Безбородко. Екатерина прямо указываетъ совѣту на два новыя, но не смягчающія, а усиливающія вину обстоятельства, незамѣченныя ни сенатомъ, ни уголовною палатою. Екатерина обращаетъ вниманіе на то, что Радищевъ нарушилъ вѣрноподданническую *присягу* и нанесъ своею книгою *личное оскорбленіе* императрицѣ, которое, впрочемъ, она презираетъ. Совѣтъ ограничился внесеніемъ въ свой, чрезвычайно краткій, протоколъ записки Безбородко, прибавивъ отъ себя нѣсколько словъ, удостовѣряющихъ, что воля государыни исполнена въ точности. 10 августа 1790 года въ засѣданіи совѣта читанъ былъ докладъ сената о Радищевѣ. Въ протоколѣ сказано: «А какъ при внесеніи сего доклада гофмейстеръ графъ Безбородко приложенною здѣсь запискою объявилъ, что «ея императорское величество указать изволила поданный отъ правительствующаго сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы, кромѣ *присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился;* причемъ объявить, что ея величество презираетъ *все, что̀*, въ развратной его, Радищева, книгѣ *оскорбительнаго особѣ ея величества сказано*»,—то совѣтъ, по выслушаніи реченнаго доклада, сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находитъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное» [1]).

Весьма вѣроятно, что, передавая дѣло въ совѣтъ, Екатерина имѣла въ виду, чтобы судебный приговоръ основанъ былъ на возможно̀ большемъ числѣ *обвинительныхъ* данныхъ. Екатерина очень хорошо понимала, что дѣло Радищева выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ процессовъ и приговоръ по этому дѣлу вызоветъ различные толки въ обществѣ. Чѣмъ сложнѣе и ужаснѣе преступленіе, тѣмъ рѣшительнѣе можетъ

[1]) Архивъ государственнаго совѣта. Протоколы Совѣта. Протоколъ засѣданія 10 августа 1790 года.

дѣйствовать *правосудіе*, и тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ можно назвать *милосердіемъ* какое бы то ни было смягченіе опредѣленнаго законами наказанія. О впечатлѣніи, которое произведено не только самимъ приговоромъ, но и степенью его *смягченія*, можно судить по отзыву графа С. Р. Воронцова, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при англійскомъ дворѣ. Воронцовъ писалъ: «такой приговоръ и такое смягченіе заставляютъ содрагаться»—la condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême; quelle sentence et *quel adoucissement* pour une étourderie... cela fait frémir [1]). Съ своей точки зрѣнія Екатерина желала представить дѣло въ такомъ видѣ: Радищевъ совершилъ цѣлый рядъ ужасныхъ преступленій и *правосудіе* исполнило требованіе закона—приговорило преступника къ смертной казни; но я дарую ему жизнь и, руководствуясь *милосердіемъ*, и забывая о личной обидѣ — объ оскорбленіи величества, смягчаю вполнѣ заслуженное наказаніе. Такая именно мысль проводится въ указѣ, окончательно рѣшившемъ судьбу Радищева. Въ указѣ, данномъ сенату 4 сентября 1790 года, говорится:

«Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно*. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовнхъ дѣлъ санктпетербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя, по роду столь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1876. Книга IX, стр. 181.

приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ» [1]).

Замѣчательно, что въ приведенномъ актѣ дословно повторяются обвиненія, послужившія поводомъ къ уголовному суду надъ Радищевымъ. Такимъ образомъ съ самаго начала процесса Радищевъ являлся въ сущности не подсудимымъ, а осужденнымъ, и суду оставалось только подобрать законы, опредѣляющіе наказаніе за вину. Такая роль прямо указана суду въ запискѣ Безбородко, принятой въ руководство уголовною палатою. Вопроса о томъ, виновенъ или невиновенъ подсудимый, не было да и не могло быть потому, что обвиняемый преданъ суду тою же самою властію, которая произнесла надъ нимъ и окончательный приговоръ. Въ дѣлѣ Радищева весьма ярко обнаруживается одна изъ тѣхъ особенностей тогдашняго судопроизводства, противъ которой высказывались не только депутаты въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, но и сама Екатерина. Находя справедливымъ мнѣніе Монтескьё, что правительству неудобно являться въ одно и то же время и истцомъ и судьею, Екатерина писала въ своемъ Наказѣ депутатамъ: «тамъ нѣтъ гражданской свободы и безопасности, гдѣ судебная власть не отдѣлена отъ законодательной». Многія поколѣнія судей и подсудимыхъ сошли въ могилу прежде, нежели судопроизводство подверглось коренному преобразованію. О необходимости преобразованія, извѣданной горькимъ личнымъ опытомъ, Радищевъ говорилъ и въ литературныхъ произведеніяхъ, и въ дѣловыхъ бумагахъ—въ тѣхъ «мнѣніяхъ», которыя онъ представлялъ въ комиссію о составленіи законовъ.

[1]) Полное собраніе законовъ, т. XXIII, № 16901.

VI.

Во время заключенія своего въ крѣпости Радищевъ томился неизвѣстностью объ участи, ожидающей его семейство. Радищева преслѣдовала мысль о томъ, что̀ станется съ его несчастными дѣтьми. Вопросъ о долгѣ родителей въ отношеніи къ дѣтямъ, затронутый въ Путешествіи, возставалъ передъ умомъ и чувствомъ узника, вызывая мучительное сознаніе виновности отца, погубившаго своихъ дѣтей. Подавленный горемъ, Радищевъ умолялъ Екатерину пощадить его не ради его самого, но ради дѣтей его, безвинно погибающихъ за преступленіе отца. Въ приливѣ отчаянія онъ безпощадно осуждалъ своей поступокъ и клеймилъ позоромъ свою книгу, надѣлавшую ему столько бѣдъ. Онъ совершенно искренно признавалъ себя преступникомъ въ отношеніи своихъ дѣтей и заклиналъ ихъ никогда не заниматься литературою. Но въ эти минуты онъ говорилъ противъ самого себя, отвергая то̀, что̀ составляло живую потребность его духовной природы. Литературныя занятія были до такой степени ему по душѣ, что какъ только стихали первые порывы негодованія и раздраженія, онъ снова брался за перо и мысли сами собой просились на бумагу.

Право читать и писать было единственнымъ свѣтлымъ лучемъ, падавшимъ въ темницу Радищева. Обращаясь къ представителю власти, Радищевъ говоритъ: «Богъ вамъ воздастъ, что не лишаете несчастнаго плачевнаго *удовольствія изъявлять свои мысли*. Благодареніе чувствительнѣйшее приношу за *священныя книги*. Читая ихъ, въ бѣдствіи нахожу утѣшеніе и подкрѣпленіе силъ и, можно сказать, нѣкоторое ободреніе». Находясь въ крѣпости, Радищевъ, по свидѣтельству его сына, заказалъ художнику написать образъ святого, вверженного въ темницу за слишкомъ смѣло говоренную истину; надпись на образѣ: «блаженны изгнанные правды ради»[1]).

Въ бумагахъ Радищева сохранилась повѣсть, написанная имъ въ крѣпости и обнаруживающая религіозное настрое-

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая. «Александръ Николаевичъ Радищевъ». По воспоминаніямъ сына П. А. Радищева, стр. 409.

ніе автора. Изъ прочитанныхъ имъ книгъ особенно сильное впечатлѣніе произвела на него жизнь *Филарета милостиваго*, представляющая трогательный образецъ самоотверженія и любви къ человѣчеству. Необычайная щедрость привлекала къ Филарету, въ его счастливые дни, массу нуждающихся и повсюду прославила его имя. Съ перемѣною своей судьбы, изъ богача сдѣлавшись бѣднякомъ, онъ не переставалъ быть вѣрнымъ другомъ несчастныхъ, дѣлясь съ ними своими послѣдними крохами. У него осталась всего одна пара воловъ; запрягши ихъ, онъ отправляется въ поле на работу; тамъ узнаетъ онъ, что у бѣдняка-крестьянина неожиданно палъ волъ, и сейчасъ же отпрягаетъ своего вола и отдаетъ его крестьянину, и т. п. Радищевъ считалъ милосердіе самою высшею добродѣтелью; этимъ объясняется и выборъ сюжета для повѣсти, которую авторъ предназначалъ преимущественно въ назиданіе своимъ дѣтямъ, чтобы преподать имъ живой урокъ безкорыстнаго служенія человѣчеству. Съ цѣлію подѣйствовать на юныхъ читателей, придуманы различныя подробности, относящіяся къ воспитанію и образованію идеальнаго героя. Авторъ далъ полный просторъ своей фантазіи. За исключеніемъ нѣсколькихъ чертъ, заимствованныхъ изъ источника, повѣсть представляетъ рядъ описаній и размышленій, принадлежащихъ самому автору. Въ общемъ ходѣ разсказа, въ эффектныхъ сценахъ, въ чувствительныхъ рѣчахъ выводимыхъ лицъ и т. п., отражается общее направленіе тогдашней беллетристики. Каковы бы ни были литературные достоинства или недостатки произведенія, написаннаго Радищевымъ въ крѣпости, самая обстановка, среди которой оно явилось, придаетъ ему своего рода интересъ. Оно знакомитъ насъ съ внутреннею стороною темничной жизни Радищева и должно быть принято въ соображеніе при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности вообще.

Помѣщаемъ повѣсть Радищева въ томъ видѣ, въ какомъ находится она въ собственноручной рукописи автора:

— «Положивъ непреоборимую преграду между вами и мною, о возлюбленные мои,—преграду, которую единое монаршее милосердіе разрушити можетъ; лишенный жизнодательнаго для меня веселія слышати глаголы устъ вашихъ; лишенный утѣшенія васъ видѣть; не имѣя даже и той ма-

лѣйшія отрады—бесѣдовати съ вами въ разлученіи, я простру къ вамъ мое слово, безнадеженъ — о бѣдствіе! — достигнетъ ли оно вашего слуха. Всечасно хотя тщуся, напрягая томящееся воображеніе, сдѣлать васъ мысли моей присутственными, всечасно плачевный стонъ и восклукновеніе именъ вашихъ ударяетъ въ безчувственныя стѣны моего пребыванія. Но вся мечта ежеминутно сокрушается, и бѣдствіе, умножаяся бѣдствіемъ, преломляетъ сердце и терзаетъ душу.

«Почти младенцамъ вамъ сущимъ, я старался внятнымъ вамъ сдѣлать, что добродѣтель есть вершина всѣхъ нашихъ дѣяній и наилучшее украшеніе житія человѣческаго. А дабы сіи понятія врожденными, такъ сказать, въ васъ были, то старался я всякими способами возбудить въ васъ мягкосердіе, которое можно назвать физическимъ коренемъ добродѣтели. Я видѣлъ уже въ васъ начало благое моихъ трудовъ. Счастіе не допустило меня видѣть дальнѣйшіе въ томъ успѣхи и надежнѣйшую дать мягкосердію опору—разсудокъ благорасположенный. Отче всеблагій! призри на нихъ окомъ милосердымъ...

«Шествіе природы есть постепенно, а потому твердо. Слѣдуя ея стезямъ, не ослабѣвайте упражняться въ мягкосердіи, и яко упражненіе въ тѣлодвиженіяхъ укрѣпляетъ тѣлесныя силы, яко упражненіе въ размышленіяхъ укрѣпляетъ силы разумныя, тако упражненіе въ мягкосердіи укрѣпитъ корень добродѣланія. Заматерѣвъ въ семъ благомъ подвигѣ, колико блестящія произойдутъ изъ того слѣдствія. Милосердіе, человѣколюбіе, благодѣяніе, милость, будутъ обыкновенныя души вашей движенія, и въ сладостное помышленіе вамъ самимъ все сіе будетъ нечувствительно.

«Пройдите всѣ языки и всѣ столѣтія, найдете ли гдѣ либо, чтобы добродѣланіе было ненавистно, чтобы человѣколюбіе было порокъ, чтобы милосердіе было презрѣнно. Различны ихъ виды и образы, но корень благъ повсюду одинаковъ, ибо природа себѣ неизмѣнна нигдѣ. Дикій американецъ, преторгающій жизнь изнемогшаго своего родителя, когда дальное предпріемлетъ путешествіе, чѣмъ подвигается на толико варварское убивство? Мягкосердіемъ. Любомудріе не пристаетъ поощрять насъ къ оному доводами; воспитаніе тщится оное въ насъ сдѣлать привычкою; слово украшаетъ

его цвѣтами витійства и стихотворенія, а христіанскій законъ оное освятилъ. Повсюду и во всѣхъ состояніяхъ оно славится. Законъ же Христовъ подвижниковъ мягкосердія причиталъ къ лику праведныхъ. Вина сему отмѣнному почитанію вездѣ одинакова: дабы человѣкъ, легко къ совращенію со стези добродѣланія удобный, благоуязвлялся изящнымъ примѣромъ и не ослабѣвалъ бы въ добродѣтели.

«Проходя повѣтствованія дѣлъ человѣческихъ, вамъ замѣчали удостоившіяся напоминовенія потомства; читали вы иногда вымышленные примѣры добродѣтелей: прочтите нынѣ, если сіе до васъ когда либо достигнетъ, примѣръ отличнаго мягкосердія, соблюденный *въ священныхъ* христіанскихъ *книгахъ*. Чрезъ весь вѣкъ свой упражняяся въ добродѣланіи, человѣкъ, о которомъ будетъ слово, заслужилъ названіе *милостиваго*, и церковь причла его къ лику праведныхъ. Поистинѣ достоинъ тотъ къ оному причтенъ быть, кто, забывая даже свое благосостояніе, старается ежечасно облегчать бѣдствія себѣ подобныхъ.

«Филаретъ праведный родился въ Галатіи, во дни греческаго царствія, отъ родителей благородныхъ, почти убогихъ, но отличавшихся всегда своимъ безпримѣрнымъ благонравіемъ и страннопріимствомъ. Предки его, во время двѣнадцати первыхъ римскихъ кесарей, были почтены первыми въ государствѣ чинами; немалое во всѣхъ тогдашнихъ произшествіяхъ имѣли участіе; знатны почитаемы, богаты чрезмѣрно, властительны. Но, пріявъ христіанскую вѣру, претерпѣли изгнаніе, лишились всего имущества и еле животъ спасти могли, живучи въ убожествѣ и неизвѣстности. Съ того времени не стяжали ни почестей, ни богатства, хотя имъ уже тò было при христіанскихъ царяхъ невозбранно; посвятя себя сельскому жительству, упражнялися въ земледѣліи, и пріобрѣтаемые избытки употребляли на угощеніе странныхъ и пришельцевъ. Въ семъ дому обитала поистинѣ благодать Вышняго, ибо стяжаніе онаго было незлобіе и кротость. Въ таковомъ семействѣ воспитанъ былъ Филаретъ. Благому примѣру навыкшая душа издѣтства укоренилась во благодѣланіи и явила свѣту дѣянія во благосердіи, почти невѣроятныя.

«Отецъ Филаретовъ счастливыми нѣкоторыми оборотами

могъ сдѣлать больше пріобрѣтеній, нежели его предки. Не отступая отъ призрѣнія странныхъ, онъ думалъ, что наилучшее употребленіе своего имѣнія будетъ то, которое онъ обратитъ на воспитаніе любезнаго своего Филарета. Утвердясь въ семъ намѣреніи, онъ сына своего отправилъ въ Аѳины. Если разумъ его предузнавать не могъ, каковъ будетъ плодъ его о сынѣ попеченія, душа его тò предчувствовала, въ чемъ и вѣра Христова его утверждала. Упованіе возлагая на Отца всѣхъ благъ, онъ хотя со слезами разстался съ Филаретомъ, но въ твердомъ увѣреніи, что благонамѣреніе его не будетъ тщетно.

«Аѳины далеко уже тогда низпали отъ той славы, которую ей пріобрѣли знаменитые мужи, въ ней бывшіе въ разныя времена. Неощутительна уже была въ ея бесѣдахъ древняя аѳическая сланость, и многажды уже невѣжество и суевѣрія, возгнѣздившіяся въ портикѣ, простирали черное свое крыліе. Но отечество Ѳемистокла, Аристида, Платона и Сократа долго пребыло твердынею учености, простирая владычество любомудрія на своихъ побѣдителей. Аѳины были и въ сіе время училищемъ любомудрія и словесности, водворяя славныхъ витій, софистовъ и учителей христіанскихъ.

«Изъ сельскаго своего пребыванія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, Филаретъ къ жертвеннику любомудрія принесъ незлобіе, благонравіе, кротость, навыкъ человѣколюбія и правила Христова евангелія. Чуждый всякія учености, отецъ его преподалъ ему ученія любомудрія своимъ примѣромъ: изустно же наставлялъ его заповѣдямъ Христовымъ. Онъ ему вѣщалъ: «чадо возлюбленное, помни всечасно, что умѣренность желаній, что любовь къ ближнему сдѣлаютъ человѣка счастливымъ во всякомъ состояніи. Послушай словесъ Христовыхъ и кого Онъ училъ блаженными быти: блаженны нищіе духомъ, блаженны кроткіе, блаженны алчущіе и жаждущіе правды, блаженны милостивіи, блаженны чистые сердцемъ, блаженны миротворцы. Радуйтеся и веселитеся, глаголетъ Богочеловѣкъ, мзда ваша многа. О чадо возлюбленное, коликое утѣшеніе, когда душа ничѣмъ не тревожится и волнуется тогда токмо, когда устремляется на благодѣяніе! Коликое услажденіе—подавать пищу алчущему и жаждущему

питіе!» Мать въ простотѣ души своей Филарету твердила: «возлюбленный, се слова священнаго писанія: блаженъ, иже и скоты милуетъ». Возможно ли, чтобы на таковыхъ началамъ любомудріе произрастило плевелы!

«Филаретъ, упражняяся во всѣхъ частяхъ философіи, наипаче прилѣпился къ ученію о душѣ или психологіи, къ богословіи, или наукѣ о познаніи Бога, и къ нравственному любомудрію. Но коль много онъ удивился, нашедъ, что все ему преподаваемое было уже для него не новое; что все, что̀ другіе называли *понятіе*, въ немъ было то *чувствованіе*, которое онъ почиталъ въ себѣ врожденнымъ, ибо навыкъ оному отъ сосца почти матерня.

«Всѣ вещи,—говорилъ Филарету учитель его Ѳеофилъ,—суть или сами по себѣ или отъ другихъ. Одни суть причины, другія—дѣйствія. Но, восходя отъ одной причины къ другой, постепенно дойдемъ до крайнія или высшія всѣхъ, которую именуемъ Богомъ. Изъ самаго сего понятія слѣдуетъ, что первѣйшая причина отличествуетъ отъ всѣхъ другихъ; что всѣ другія суть ограничены тѣмъ самымъ, что онѣ существуютъ не сами собою и что первая причина есть неограничена, ибо она существуетъ сама по себѣ».

«Отче,—отвѣтствовалъ Филаретъ,—съ того времени, какъ разсудокъ сталъ во мнѣ дѣятеленъ, я мысль мою обращалъ на вещи, окрестъ меня находящіяся и на самого себя. Легко примѣтно мнѣ стало, что все на землѣ существующее подвержено перемѣнѣ, все родится и все гибнетъ, но въ превращеніяхъ сихъ есть правило непремѣнное, отъ котораго ничто удаляться не можетъ. Я примѣтилъ, что тѣла небесныя слѣдуютъ начертанному пути и отъ него не устраняются. Вопросилъ я самъ себя: «кто зиждетъ все; кто живитъ; кто разрушаетъ, дабы оживить паки; кто путь измѣрилъ тѣлесамъ небеснымъ?» Потомъ вопросилъ себя паки: «ты живъ, но кѣмъ и какъ; кто жизнь тебѣ далъ и почто она скончается?» Силу сію, вся содержащую, вся зиждущую, всему предѣлъ положившую, вся оживляющую, въ коей теряется и самое разрушеніе, отче, я чувствовалъ отъ млечныхъ ногтей. Именовали мнѣ Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже его ощущалъ въ себѣ и душа моя къ Нему прильпе».

«Всѣ вещи,—говорилъ Ѳеофилъ,—суть сложны или един-

ственны, то есть несложны. Всѣ сложныя суть протяженны; къ симъ принадлежатъ всѣ тѣлеса, ибо суть протяженны. Всякое протяженіе можно дѣлить на части. Возьми мысленно малѣйшую часть тѣла, дѣли ее на части, разумъ не найдетъ въ раздѣленіи семъ предѣла, и какую бы я часть себѣ ни вообразилъ, вообразить могу оныя половину. Слѣдуетъ, что всякое тѣло можетъ раздѣлиться, разрушиться, измѣнить свой видъ, умереть. Посему человѣкъ, яко вещество сложенное, умираетъ.

«Напротивъ того, если воображу себѣ вещество несложное, то не могу найти въ немъ частей; оно будетъ нераздѣлимо, не можетъ разрушиться: слѣдуетъ, не можетъ умереть. Какія же суть вещи, въ коихъ частей воображать неможно? Опричь математической точки, въ умозрѣніи только существующей, мы чувствуемую нами непосредственно обрѣтаемъ—*мысль*. Напряги всѣ мышцы свои, устремися на разрушеніе мысли, — силы твои немощны и тщетно стараніе. Мысль нераздѣльна, ибо несложна. Чтò же мысль, или несложенное производитъ? Конечно, несложенное, ибо невозможно, чтобы сложенное несложность производило. Мысль производящее существо именуемъ мы *душею*. А поелику душа есть несложна, то и нераздѣлима — не можетъ разрушиться, не умретъ. Познай, о человѣкъ, твое величество; ты сопричастенъ божеству; если тѣло твое разрушится, но мысль твоя вѣчна и душа безсмертна.

«Отче,—вѣщалъ Филаретъ,—доселѣ я не чувствовалъ печали. Но отлученный отъ возлюбленныхъ моихъ родителей, воспоминая о нихъ, душа моя терзается, горитъ желаніемъ быть съ ними. Углубленный самъ въ себя, всѣ окрестные предметы почти исчезаютъ изъ очей моихъ; я чувствую нѣчто, отдѣляющееся отъ меня. Мысль мгновенно прелетаетъ въ жилище родившихъ меня; я съ ними бесѣдую, лобызаю ихъ чело. Но все мгновенно исчезаетъ. Зрю окрестъ себя— я не сходилъ съ мѣста. Два существа я въ себѣ чувствовалъ: одно было въ Аѳинахъ, другое—съ моими возлюбленными.

«Востечемъ мыслію,—вѣщалъ Ѳеофилъ—въ тѣ времена, когда человѣкъ скитался по невоздѣланнымъ нивамъ, житію общественному былъ чуждъ. Опричь заблудшихъ въ пусты-

няхъ, мы дикаго человѣка находимъ обществующаго: онъ поемлетъ себѣ жену. И такъ, первое основаніе къ общежитію есть *любовь*. О, человѣкъ, познай колико природа до тебя была всещедра. Первое твое побужденіе къ общественному житію она основала на усладительнѣйшемъ изъ всѣхъ чувствованій и сіе чувствованіе изліяно щедрою рукою на всѣхъ животныхъ, побуждая ихъ обществованію, хотя временному. И такъ, человѣкъ въ пустынномъ почти состояніи имѣлъ *обязанности*, имѣлъ *права*.

«*Право, обязанность* между супруговъ?—прервалъ Филаретъ,—мнѣ кажется, сіи слова здѣсь употреблены несвойственно. Я не женатъ, но, мнѣ кажется, что у мужа съ женою обязанность должна быть—*согласіе*, право—*любовь взаимная*. Вотъ что̀ я видѣлъ ежечасно между моими престарѣлыми родителями. Одинъ въ разсужденіи другого принужденія не ощущалъ; чего одинъ хотѣлъ, другого желанія туда же обращалися.

«За правами супруговъ,—продолжалъ Ѳеофилъ—слѣдуютъ права и обязанности взаимныя родителей и чадъ». «Любезный старецъ,—прервалъ паки Филаретъ,—давно ли ты лишился своихъ родителей?

Ѳеоф.: «Счастіе не допустило меня пользоваться ихъ о мнѣ призрѣніемъ. Родивъ меня, мать моя скончалась въ третій день; отецъ мой не могъ пренести сея печали — по прошествіи года скончался. И такъ, не вкусивъ млека матерня, я осиротѣлъ сугубо, питаяся наемными сосцами.

Фил.: «Любезный старецъ, въ какомъ возрастѣ твои чада?

Ѳеоф.: «Едва не нищенское состояніе, въ которомъ я остался по кончинѣ моихъ родителей, воспретило мнѣ вступить въ супружество и носить сладостное именованіе супруга и отца.

«Ахъ, любезный старецъ,—сказалъ Филаретъ,—вниди въ домъ отца моего; въ немъ узришь все собраніе сихъ любезнѣйшихъ законоположеній чадолюбивой природы, румяною, но незагладимою чертою ознаменованныхъ на сердцахъ родителей и чадъ. Внемли:—о, хотя я малъ былъ, но помню, какъ бы теперь то̀ видѣлъ—мнѣ уже исполнилося семь лѣтъ; играя на дворѣ при глазахъ моихъ родителей, я нечаянно запнулся и вывихнулъ ногу. О, еслибы ты видѣлъ сѣтова-

ніе возлюбленныхъ моихъ родителей о моей болѣзни; о еслибы ты видѣлъ ихъ скорбь! Попеченіе ихъ было неусыпно; лишались они пищи и покоя, доколѣ я не получилъ отъ болѣзни облегченія. Какъ назовешь сіе, любезный старецъ? *Обязанность*. Присовокупи, присовокупи и другое къ тому именованіе, назови: *горячность*. Ахъ, какъ не любить, какъ не чтить, кто насъ любитъ до изступленія. Мою къ нимъ обязанность ношу я въ моемъ сердцѣ непрестанно, и еслибы не была на то̀ ихъ воля, я бы упрекалъ себѣ мое отъ нихъ отсутствіе».

«Такимъ-то образомъ Филаретъ, шествуя въ ученіи любомудрія, доводами укрѣплялъ свои чувствованія, а изъ чувствованій своихъ новые почерпалъ доводы къ утвержденію умозрительныхъ истинъ любомудрія.

«Филарету сотовариществовалъ во ученіи его Пробъ, юноша знатныя породы, котораго отецъ имѣлъ чинъ патриція. Одинаковыя склонности, одинаковое незлобіе души, скоро изъ товарищей сдѣлали друзей искреннѣйшихъ. Хотя состоянія ихъ были неравны, но въ храмѣ любомудрія сіе неравенство теряется совсѣмъ изъ виду, и тамъ, гдѣ отличествовать могли только остроуміе, прилежаніе и качества душевныя, знатность и богатство своей цѣны не имѣли.

«Филаретъ съ Пробомъ были нераздѣльны. Жили они вмѣстѣ, пили и ѣли вмѣстѣ, учились вмѣстѣ, бесѣдовали вмѣстѣ; радость и печаль были взаимны между ими, и привычка, укрѣпляя склонность ихъ сердецъ, явила свѣту примѣръ дружества отличныя твердости.

«Лѣта ихъ ученія приходили уже къ окончанію и послѣдніе мѣсяцы казалися Филарету столѣтіями: столь сильно возродилося въ немъ желаніе видѣть давшихъ ему жизнь. «О день вожделѣнный, о минута блаженная, въ которую я васъ узрю, возлюбленные мои родители! Боже,—вѣщалъ Филаретъ, проливая слезы,—Боже, сохрани жизнь угодниковъ твоихъ; Царь всещедрый, дай зрѣти ихъ, да облобызаю еще, уморщенныя въ благихъ подвигахъ ихъ чела. Но почто смущаюся въ моемъ надѣяніи; неужели возвращеніе мое будетъ столь бѣдственно, что ихъ не узрю... Нѣтъ, нѣтъ. Въ Богѣ мое упованіе; бѣги, мысль лютая, отчаяніе, исчезни!»

«Въ такихъ размышленіяхъ проходилъ послѣдній годъ пре-

бываніи Филаретова въ Аѳинахъ. Помаваемый неизвѣстно(сті)ю будущаго и нетерпѣніемъ, онъ твердость обрѣталъ въ щедротѣ предвѣчнаго Отца.

«Пробъ получилъ нечаянное извѣстіе, что отецъ его, поболѣвъ мало дней, скончался. Мать его, извѣщая его о семъ, звала его къ себѣ поспѣшно для того, что одержима была отчаянною болѣзнію. Письмо уже писано было не ею, но сестрою Проба: «Спѣши, любезный братъ, спѣши, можетъ быть, радость твоего возвращенія дастъ силы родшей насъ, и сохранитъ ея жизнь». Пробъ получилъ другое письмо отъ епарха константинопольскаго: «Государь, сожалѣя о смерти твоего родителя, помня его великія заслуги и желая утѣшить изнемогающую его супругу, а твою мать, возводитъ тебя въ отцовское достоинство».

«Лицо возрыдавшаго Проба при читаніи извѣстія о кончинѣ отца своего и о болѣзни матери, начало паки оживляться румянцемъ веселости. Онъ отиралъ текущія еще изъ очей его слезы, объялъ выю любезнаго своего Филарета: «мой другъ, возлюбленный! если Пробъ счастливъ, Филаретъ не отречется блаженству его быть сопричастенъ». Видя друга своего безмолвна, Пробъ вѣщалъ съ сокрушеніемъ: «мысль твою понимаю, но укоризна твоя несправедлива; ужели мой другъ думалъ, что чинъ патриція во мнѣ произвелъ радость. О, возлюбленный, — продолжалъ Пробъ, проливая слезы, — какъ могъ ты мыслить, чтобы другъ Филаретовъ радовался наслѣдію отца своего. Мысль возвышенія моего для того вознесла мгновенно мое сердце, что всѣхъ благъ, всѣхъ радостей, Пробу въ удѣлъ доставшихся, Филарету будетъ половина». Филаретъ горестнымъ видомъ отвѣтствовалъ: «О, Пробъ, любезный Пробъ, не спѣши радостію; жизнь наша есть мгновеніе, счастіе—зыбь морская».

«Пробъ, оставляя Аѳины, звалъ Филарета съ собою, а Филаретъ, горя желаніемъ видѣть своихъ родителей, охотно за нимъ слѣдовалъ. Возвратившись въ Константинополь, Пробъ не имѣлъ удовольствія закрыть очей умирающей своей матери. За день до его пріѣзда она скончалася. «Увы! — воскликнулъ Пробъ,—почто мы не поспѣшили, почто»... «Жизни нашей,—вѣщалъ Филаретъ,—мой другъ, ты самъ тò знаешь— предѣлъ неотвратимый. Немощны силы естественныя про-

длить ее или сократить на одну минуту. Болѣзнь матери твоей была конечная, опредѣленная естественно, да теченіе ея жизни скончаетъ. Ужели бы ты пожелалъ, чтобы Всесильный, творяй чудеса, жизнь матери твоей продлилъ на одинъ день токмо, да ты ее живу обрящешь. Но, дерзая на таковое желаніе, не помыслишь, что болѣзненное терзаніе родшей тебя продлилось бы, и для чего? Въ твое утѣшеніе. О, юноша, зри здѣсь самолюбіе твое, сокровенное подъ покровомъ сыновнія любви». Такимъ образомъ Филаретъ, утѣшая своего друга, на всѣ испытанія житейскія находилъ всегда оправдающую божественное Провидѣніе причину и не вознегодовалъ николи.

«Пробъ, сопряженный съ Филаретомъ дружбою, давно уже помышлялъ, какъ бы въ тѣснѣйшій съ нимъ вступить союзъ, и смертію своихъ родителей, ставъ начальникъ своего дома, вознамѣрился возлюбленному своему Филарету отдать сестру свою въ супружество. «Коликимъ чувствованіямъ,—вѣщалъ Пробъ самъ себѣ,—я тѣмъ удовлетворить могу. Осиротѣвшей сестрѣ моей дамъ надежную опору, другого я дамъ отца; другъ мой мнѣ будетъ братъ, и—на что̀ бы его согласія я получить не могъ—отдавая ему сестру мою, дамъ ему и половину, бо̀льшую половину, моего имѣнія».

«Легко къ сему супружеству Пробъ могъ склонить сестру свою Ѳеозву. Воспитанная въ благонравіи и въ послушаніи къ родителямъ своимъ, брата своего почитая теперь своимъ отцомъ, она тѣмъ болѣе непрекословна была къ сему союзу, что въ Филаретѣ видѣла друга возлюбленнаго своего брата и юношу, всѣми отличными качествами украшеннаго. Филарета нашелъ Пробъ равно къ сему наклонна, ибо благая его душа, видя красоту, благонравіе, цѣломудріе и кротость младой Ѳеозвы, любовію уязвленна стала. «Колико лестно Филарету,—вѣщалъ онъ Пробу, когда сей сдѣлалъ ему предложеніе о женитьбѣ,—колико лестно другу твоему премѣнить имя сіе и называться твоимъ братомъ. О, мой возлюбленный, ты вѣдаешь, что душа моя давно уже къ твоей прилѣпилася, но теперь и паче будетъ съ нею воедино. Но сколь сердце мое ни горитъ желаніемъ совершить твое намѣреніе, позволь, чтобы я отдалилъ сію счастливую для насъ минуту; позволь, и за сіе на меня не сѣтуй, позволь, чтобы не было

еще къ тому моего согласія».—Мой другъ любезнѣйшій,—вскричалъ, вострепетавъ, Пробъ,—что̀ слышу я; Филаретъ ли сіе вѣщаетъ?—«Не смущайся, возлюбленный, Филаретъ пребудетъ всегда тебѣ и себѣ неизмѣненъ. Требуя моего на женитьбу согласія, ужели ты забылъ, что большее моего согласія на сіе нужно и необходимо. Если въ волѣ моей иногда направлять мои желанія и разсудку подлежитъ устремлять ихъ къ пути благому, опредѣленіе желаній не въ моей еще рукѣ, ибо я состою подъ властію. Запамятовалъ развѣ Пробъ, что родители мои живы»... О, любезнѣйшій мой, — сказалъ Пробъ, опомнившись и лобызая своего друга, — ступай, поспѣшай, все къ отъѣзду твоему уже готово.—«Мой другъ, — вѣщалъ Филаретъ,—я уже наказанія достоинъ. Сочти, сколько дней я у тебя умедлилъ—непростительный проступокъ: не долженствуетъ дружба совершаться насчетъ благоговѣнія къ родителямъ». Пробъ лобызалъ только своего друга и понуждалъ его къ отъѣзду.

«Отпустивъ Филарета, Пробъ, горя нетерпѣніемъ быть ему родственникомъ, вознамѣрился его предупредить и совершить бракъ сестры своей въ селѣ Филаретовыхъ родителей: «симъ способомъ предварю всѣмъ его отговоркамъ и возраженіямъ, въ вѣрномъ упованіи, что родители друга моего не восхотятъ оскорбить сердца любящаго (ихъ) сына и желающаго нарещися его братомъ». Исполненъ сего намѣренія, онъ вслѣдъ почти за Филаретомъ отправилъ все, что̀ нужно могло быть для совершенія великолѣпнѣйшія свадьбы. Все, что̀ въ тогдашнее время производили Европа, Азія и Африка изящнаго и драгоцѣннаго, все было собрано, и вдобавокъ всему Пробъ наполнилъ брачные сосуды многими тысячами сребра и злата. Но бояся, что Филаретъ не приметъ его безвременныхъ даровъ и все посланное велѣлъ вручить отцу его и матери, сопровождая все письмомъ слѣдующимъ: «Пробъ патрицій благочестивымъ родителямъ возлюбленнаго Филарета. Другъ Филаретовъ къ родителямъ своего друга не можетъ иначе быть, какъ почитать ихъ съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Съ таковыми мыслями устроено сіе мое къ вамъ посланіе. Не отвергните, благочестивые старцы, сихъ недостойныхъ васъ даровъ, но пріимите ихъ, какъ приходящихъ отъ чистѣйшія души. Малѣйшее, чѣмъ я могъ предъ вами изъявить мою

дружбу къ вашему сыну, суть сіи дары. Но лучшее, что̀ онъ мнѣ дать можетъ, есть названіе брата — взять сестру мою себѣ въ жену, которая, цѣлуя васъ, проситъ на то̀ вашего благословенія. Миръ вамъ и здравіе».

«Между тѣмъ Филаретъ, разставшись со своимъ другомъ, поспѣшилъ въ село своихъ возлюбленныхъ родителей. На межѣ, отдѣляющей селитьбы ихъ отъ сосѣдей, построена была при дорогѣ гостинница, въ которой отецъ и мать Филаретовы, въ свободные часы отъ сельскихъ упражненій, ходили сами на угощеніе убогихъ, нищихъ и странныхъ. Уже солнце лучи свои скрывало въ нощную тѣнь; родители Филаретовы, угостивъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ для дальнаго пути проходящаго убогаго, намѣрены были возвратиться въ домъ свой, и стояли у воротъ гостиницы. Видятъ приближающуюся блестящую колесницу. «Куда лежитъ сей путь, — говорила мать, — дорога проселочная, какому вельможѣ судьба довела направить стопы своя въ здѣшнюю весь?» Отецъ не отвѣтствовалъ ни слова, стоялъ въ изумленіи. Не успѣли они ничего примыслить, какъ Филаретъ, скочивъ съ остановившейся колесницы, висѣлъ уже на ихъ выяхъ. «Филаретъ, сынъ возлюбленный!—Дражайшіе мои, о колико небо до меня было всещедро: васъ вижу, васъ лобызаю! О колико отсутствіе тягостно любящему сердцу! — Любезный Филаретъ, чадо моего сердца!» Престарѣлые родители не въ силахъ были произносить другихъ словъ. Сладостныя минуты, веселіе неизреченное! Чѣмъ уста безмолвнѣе, тѣмъ сердце въ чувствованіяхъ избыточнѣе.

«Услаждаяся бесѣдою своихъ родителей, Филаретъ забылъ на время о своей женитьбѣ. Но по осьми дняхъ его въ домѣ отчемъ пребыванія достигло онаго посланіе Проба. Отецъ Филаретовъ, прочитавъ письмо, пошелъ къ сыну, который тогда сидѣлъ съ матерью своею: «Не могъ я мыслить, чтобы Филаретъ, мой любезный, потаилъ отъ меня что̀-либо, но и тѣмъ важнѣйшее, что оно до блаженства его касается». Не могъ Филаретъ вообразить себѣ, чтобы Пробъ, не дождавшись его отвѣта, самъ пошлетъ къ отцу его на испрошеніе дозволенія о его бракѣ. Робкимъ взоромъ и прослезившимися очами смотрѣлъ онъ на отца своего, стараяся по-

нять его мысль. «Прочти,—вѣщалъ старецъ, и не давъ ему письмо докончить чтеніемъ,—«о, любезный мой, благословеніе наше всегда съ тобою, да благословитъ тебя Всевышній на благое сіе дѣло!» Филаретъ упалъ къ ногамъ своихъ родителей, его благословляющихъ.

«Пробъ, получивъ соизволяющее на бракъ сыновній отвѣтствіе отъ отца Филаретова, не медля нимало отправилъ сестру свою къ ея жениху, снабдивъ ее богатымъ приданымъ и укрѣпивъ ей съ будущимъ ея супругомъ бо̀льшую половину своего имѣнія. Самъ принужденъ былъ остаться въ Константинополѣ ради усмиренія случившагося въ народѣ смятенія, обѣщаяся за сестрою слѣдовать, не теряя драгоцѣннаго времени.

«Ѳеозва принята была сугубо съ честію и любовію отъ родителей Филаретовыхъ, отъ Филарета же встрѣчена яко любезнѣйшая невѣста и сестра друга безпримѣрнаго. Наслаждаяся взаимными чувствованіями, сердце услаждающими, всѣ они нетерпѣливо ожидали пріѣзда Проба. Время, имъ къ тому назначенное, давно уже протекло. Разные слухи, достигшіе до ихъ, о бывшихъ въ столицѣ возмущеніяхъ, ихъ тревожили. Наконецъ, къ неизреченной ихъ печали, они получили извѣстіе, что въ царствіи послѣдовала перемѣна—что Пробъ со многими другими посланъ отъ новаго царя въ дальнѣйшія страны въ заточеніе и лишился оставшаго всего своего имѣнія.

«Ѳеозва, желая исполнить приказаніе своего брата и повинуяся уже начинающейся къ будущему ея супругу горячности, ускорила совершеніемъ брака и, скорбя съ Филаретомъ о возлюбленномъ ихъ братѣ, искала отраду во взаимной ихъ горячности.

«Филаретъ, однако же, бояся, чтобы злоключеніе его друга не простерлося на его сродниковъ, продалъ все приданое жены своея имѣніе и селитьбы своего отца, и переселился со всею своею семьею въ Пафлагонію, въ весь, нарицаемую Амнія, и дабы жить въ неизвѣстности, перемѣнилъ названіе своего рода.

«Распоряжая своимъ имѣніемъ, Филаретъ купилъ многія села, земли, устроилъ сады и домъ, не великолѣпный, но снабженный всѣмъ, что̀ къ нуждѣ и спокойствію житія на-

шего потребно. Оставшія же деньги отдалъ въ торгъ купцамъ тирскимъ и александрійскимъ.

«Всевышній, вѣнчая горячность Филарета и Ѳеозвы, благословилъ плодомъ ихъ супружество. Ѳеозва, по прошествіи года, родила сына и чрезъ нѣсколько лѣтъ двухъ дочерей. Отецъ и мать Филаретовы, благословивъ своихъ внучатъ, на шестомъ году по женитьбѣ ихъ сына преставились, скончавъ безболѣзненно жизнь праведную въ смиреніи и незлобіи.

«Филаретъ и Ѳеозва, упражняяся въ воспитаніи своихъ дѣтей, слѣдовали примѣру отшедшихъ къ Богу старцевъ въ угощеніи пришельцевъ и въ снабженіи нищихъ. Дѣти ихъ предуспѣвали въ ученіи и добрыхъ поступкахъ, и пришедъ въ совершенный возрастъ, вступили въ супружество, купно по волѣ родителей своихъ и слѣдуя своей склонности. И Филаретъ и Ѳеозва наслаждалися, видѣвъ благіе успѣхи во внучатахъ. Всѣ жили въ одномъ родительскомъ домѣ, ибо Филаретъ, отдавая дочерей своихъ въ супружество, избралъ себѣ въ зятья юношей, богатыхъ добрыми качествами паче, нежели имуществомъ.

«Благословилъ Богъ Филарета богатствомъ, и казалося, чѣмъ онъ былъ щедролюбивѣе, тѣмъ имѣніе его множилось! Плодоносные годы, доброе хозяйство и разсмотрительное земледѣліе одаряли его обильнѣйшими жатвами. Честность, вѣрность и счастіе въ торгу воздали ему сотичную мзду отъ употребленныхъ капиталовъ»[1])...

VII.

Радищевъ оставался въ ссылкѣ до самой кончины Екатерины II. По воцареніи Павла I, отмѣнены многія распоряженія предшествовавшаго царствованія, и въ томъ числѣ и указъ о десяти-лѣтнемъ пребываніи Радищева въ Илимскѣ. Но отмѣна этого указа вовсе не служитъ признакомъ измѣнившихся воззрѣній на свободу печатнаго слова. Напротивъ того, стѣснительныя мѣры усилились въ весьма значительной степени. По свидѣтельству современниковъ, заботы о просвѣщеніи выражались тогда преимущественно въ учре-

[1]) Государственный Архивъ. VII, № 2760.

жденіи строгой и бдительной цензуры, ограждающей умы отъ «обольстительныхъ напѣвовъ вольности», и т. п. Сокращеніе срока ссылки еще не снимало опалы съ сосланнаго литератора и не возвращало ему его гражданскихъ правъ. Надъ нимъ былъ учрежденъ надзоръ; письма его вскрывались; для перемѣны мѣста жительства требовалось особенное дозволеніе, и т. п. Вскорѣ по воцареніи, 23 ноября 1796 года, императоръ Павелъ повелѣлъ: «Находящагося въ Илимскѣ на житьѣ Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему въ своихъ деревняхъ, предписавъ начальнику губерніи, гдѣ онъ пребываніе имѣть будетъ, чтобы наблюдаемо было за его поведеніемъ и *перепискою*».

6 декабря 1797 года Радищевъ писалъ императору Павлу: «Я живу нынѣ въ деревнѣ моей, наслаждаяся сельской жизни спокойствіемъ... За толь великое благодѣяніе благословляю десницу, даровавшую мнѣ новую жизнь, прося Всевышняго, да продлитъ на многія лѣта вашего императорскаго величества здравіе и царствованіе, подъ которымъ вся Россія спокойствуетъ, счастливѣетъ, благоденствуетъ... Желаніе видѣть (престарѣлыхъ родителей) возростало по мѣрѣ моего отъ нихъ отдаленія и усугубляемо было терзательною для чувствительныя души мыслію, что безразсуднымъ моимъ поступкомъ, въ несчастіе меня ввергнувшимъ, я навлекъ имъ много скорби, печали и убытка. Позволь, всемилостивѣйшій государь, мнѣ ѣздить къ нимъ на свиданіе; позволь, великій монархъ, да могъ бы я хотя однажды видѣть родившихъ меня и родительскаго себѣ испросить благословенія. Болѣзнь ихъ и древнія ихъ лѣта побуждаютъ опасаться, что недолго могутъ пользоваться благодѣяніемъ жизни. Я самъ хотя еще на пятидесятомъ году отъ рожденія, не могу надѣяться долголѣтняго продолженія дней моихъ, ибо горести и печали умалили силы естественныя. Взглянувъ на меня, всякъ сказать можетъ, колико старость предварила мои лѣта». Радищеву разрѣшено было съѣздить въ Саратовскую губернію для свиданія съ родителями, одинъ только разъ.

Дѣйствительнымъ освобожденіемъ своимъ Радищевъ обязанъ преемнику Павла I. Въ первые же дни своего царство-

ванія императоръ Александръ I «простилъ и освободилъ» всѣхъ тѣхъ, которые осуждены были ненавистною ему тайною экспедиціею. Число освобожденныхъ, имена которыхъ названы въ четырехъ спискахъ, представленныхъ государю, простирается до ста пятидесяти шести.

Въ первомъ спискѣ помѣщены: заключенные въ крѣпостяхъ и сосланные въ разныя мѣста, съ лишеніемъ чиновъ и дворянскаго достоинства.

Во второмъ спискѣ—заключенные и сосланные безъ лишенія чиновъ и дворянства.

Въ третьемъ спискѣ—содержащіеся въ крѣпостяхъ и сосланные на поселеніе и въ работу, не имѣющіе чиновъ.

Въ четвертомъ спискѣ — разосланные по городамъ и въ деревни подъ наблюденіе и присмотръ земскихъ начальствъ.

Въ первомъ спискѣ осужденныхъ находится и «Радищевъ, *бывшій* коллежскій совѣтникъ; въ Калужской губерніи».

12 марта 1801 года императоръ Александръ I взошелъ на престолъ, а 15 марта того же года изданъ манифестъ, въ которомъ сказано: «Желая облегчить тягостный жребій людей, содержащихся по дѣламъ, въ тайной экспедиціи производившимся, препровождаемъ при семъ четыре списка, всемилостивѣйше прощая всѣхъ, поименованныхъ въ тѣхъ спискахъ, возводя лишенныхъ чиновъ и дворянства въ первобытное ихъ достоинство, и повелѣвая сенату нашему *освободить ихъ немедленно* изъ постоянныхъ мѣстъ ихъ пребыванія, и дозволять возвратиться, *кто куда пожелаетъ, уничтожая* надъ послѣдними и порученный *присмотръ*» [1]).

Указомъ капитулу, 29 сентября 1801 года, Радищеву возвращенъ былъ и орденъ св. Владиміра четвертой степени, пожалованный ему въ 1784 году.

Радищеву не только возвращены его гражданскія права и служебныя отличія, но онъ призванъ былъ правительствомъ къ участію въ трудахъ, предпринятыхъ въ области законодательства. Довѣріе правительственныхъ лицъ къ Радищеву, къ его образованности и здравому пониманію юридическихъ вопросовъ, выразилось въ назначеніи его членомъ комиссіи о составленіи законовъ.

[1]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 584—588. № 19784.

Императоръ Александръ I возлагалъ большія надежды на дѣятельность законодательной комиссіи. Онъ думалъ, что пришло, наконецъ, время преобразовать наше судопроизводство и оградить отъ произвола какъ приговоры судовъ, такъ и участь подсудимыхъ. Въ такомъ именно духѣ написанъ рескриптъ графу Завадовскому, которому поручалась комиссія въ непосредственное управленіе [1]). Въ рескриптѣ говорится: «Поставляя въ единомъ *законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ *счастливыя времена,* но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ *навѣки,* въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней нашихъ, т. е. въ теченіе почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто противоположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда *всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго; мракъ, облежащій равно судью и подсудимаго; безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія*».

Чтобы внести свѣтъ въ эту мрачную область, Александръ I указывалъ комиссіи необходимость составить общій, руководящій, планъ работъ по различнымъ отраслямъ законодательства и выбрать въ члены комиссіи людей, вполнѣ способныхъ и подготовленныхъ къ этимъ работамъ.

Прежде всего необходимо было, по мнѣнію императора Александра I, разсмотрѣть всѣ матеріалы, находящіеся какъ въ комиссіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ. А матеріаловъ накопилось великое множество, съ половины семнадцатаго столѣтія и до начала девятнадцатаго. Для разбора этихъ матеріаловъ учреждаемы были, въ разныя времена и подъ разными названіями, комиссіи, но для успѣшнаго хода работъ

[1]) Полное собраніе законовъ. Т. XXVI, стр. 682—685. № 19904.

недоставало главнаго — общаго плана. Императоръ Александръ I находилъ, что «разнородной массѣ предположеній» надо «дать образъ и *единство*», и тогда можно будетъ надѣяться, что возникнетъ довольно твердое основаніе къ лучшему законоположенію.

Касательно выбора людей въ комиссію императоръ Александръ I замѣтилъ, что когда будетъ составленъ и утвержденъ общій планъ, то «съ симъ планомъ сообразить и самый составъ комиссіи, держась того правила, что не количество, а *качество* людей успѣхъ удостовѣряетъ».

Число членовъ комиссіи о составленіи законовъ, во времена Радищева, было весьма ограничено. Постановленія комиссіи подписывались предсѣдателемъ, графомъ Завадовскимъ, и членами: Ананьевскимъ, Пшеничнымъ, Прянишниковымъ, *Радищевымъ* и Ильинскимъ. Всѣхъ чаще подавалъ особыя мнѣнія Прянишниковъ.

Радищевъ вступилъ въ комиссію уже съ надломленными силами, и преждевременная смерть прервала труды его въ самомъ ихъ началѣ. Со времени опредѣленія его въ комиссію и до его кончины прошло всего тринадцать мѣсяцевъ, изъ которыхъ четыре проведены имъ въ Москвѣ, куда онъ уѣзжалъ по случаю коронаціи.

6 августа 1801 года данъ былъ слѣдующій указъ правительствующему сенату: «Въ комиссіи сочиненія законовъ всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ коллежскому совѣтнику Александру Радищеву съ жалованьемъ по тысячу пятисотъ рублей въ годъ». Въ журналѣ комиссіи о составленіи законовъ, 13 августа 1801 года, записано: «Опредѣленный по именному его императорскаго величества указу, данному сенату сего августа въ 6 день, членомъ въ комиссію сочиненія законовъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ въ присутствіе въ комиссію вступилъ».

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи Радищева въ комиссію, 17 августа 1801 года, графъ Завадовскій прислалъ ей такое предложеніе: «По случаю отъѣзда моего въ Москву, на время пребыванія тамъ его императорскаго величества для высочайшей коронаціи, нужнымъ нахожу быть при мнѣ члену оной комиссіи коллежскому совѣтнику Радищеву».

Радищевъ воротился изъ Москвы 21 декабря 1801 года,

и 23 декабря вступилъ въ комиссію; тогда же ему вручены были орденъ и лента, присланные изъ капитула еще въ октябрѣ. Въ послѣдній разъ Радищевъ былъ въ засѣданіи комиссіи 2 сентября 1802 года, за девять дней до своей смерти [1]).

Въ чемъ же выразилась дѣятельность Радищева въ законодательной комиссіи? Извѣстія объ этомъ весьма неопредѣленны и сбивчивы; они составлены большею частью по слухамъ, которые еще требуютъ подтвержденія, а потому и не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными источниками. Тщательная провѣрка тѣмъ необходимѣе, что всѣ хвалебные отзывы о Радищевѣ, какъ о писателѣ, *опередившемъ свой вѣкъ,* основываются главнымъ образомъ на Путешествіи и на *трудахъ въ законодательной комиссіи.*

О дѣятельности Радищева въ законодательной комиссіи и о составленномъ имъ проектѣ говорится всего подробнѣе въ біографическомъ очеркѣ Радищева, написанномъ его младшимъ сыномъ, Павломъ Александровичемъ; есть и нѣсколько другихъ указаній.

Въ собственноручной запискѣ старшаго сына Радищева, Николая Александровича, сказано только слѣдующее касательно участія А. Н. Радищева въ трудахъ комиссіи: «По вступленіи на престолъ государя императора Александра I, Александру Николаевичу возвращено было прежнее его званіе и совершенная свобода. Онъ воспользовался ею, чтобъ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, благодарить великодушнаго монарха, и, по весьма краткомъ тамъ пребываніи, опредѣленъ былъ *членомъ комиссіи о составленіи законовъ.* Послѣ священнаго обряда коронаціи, Александръ Николаевичъ отправился изъ Москвы въ Петербургъ, и *ревностно приступилъ къ отправленію своей должности*; но здоровье ему измѣнило, онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость» и т. д. [2]).

Николай Александровичъ Радищевъ передалъ свою запи-

[1]) Архивъ бывшаго второго отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи:

Журналы комиссіи составленія законовъ 1801 и 1802 годовъ.

Дѣла комиссіи. V разр. Ч. I. Отд. 3, № XXIII.

[2]) Русская Старина. 1872. Ноябрь, стр. 580—581, 573.

ску князю Петру Андреевичу Вяземскому. На рукописи, полученной отъ Радищева-сына, князь Вяземскій сдѣлалъ такую приписку: «Радищевъ-отецъ, *кажется*, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія *проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ* и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній».

Пушкинъ, въ статьѣ своей о Радищевѣ, говоритъ слѣдующее: «Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ и, извиняя въ немъ то̀, что̀ можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои *мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій*. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину, и *въ проектѣ, представленномъ начальству*, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ» [1]).

Позднѣйшій біографъ Радищева, младшій сынъ его, Павелъ Александровичъ, сообщаетъ такого рода подробности: «Радищевъ, помѣщенный въ комиссію составленія законовъ, занялся сочиненіемъ *уложенія* и, уже составилъ *проектъ гражданскаго уложенія*, полагая представить его графу Петру Васильевичу Завадовскому, предсѣдателю комиссіи. Для составленія *уголовнаго уложенія* онъ имѣлъ намѣреніе отправиться въ Англію, въ видахъ изученія тамошнихъ уголовныхъ законовъ, и изслѣдовать на мѣстѣ публичное судопроизводство и учрежденіе *присяжныхъ* (jury). *Проектъ гражданскаго уложенія*, сочиненный въ Петербургѣ, переписанный набѣло его рукою, былъ ввѣренъ Василію Назарьевичу Каразину, удержанъ имъ и потерянъ. Мнѣнія Радищева вообще таковы: онъ расходился въ убѣжденіяхъ со Сперанскимъ, написавшимъ, при изданіи Свода законовъ, что Россія не имѣетъ

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Томъ V, стр. 350.

нужды въ новыхъ законахъ, а только нужно привести старые въ систематическій порядокъ, и что даже невозможно Россіи дать новое уложеніе. Радищевъ, напротивъ, допускалъ реформу законодательства, говоря, что невозможно знать, какъ современемъ люди будутъ управляемы. Вотъ его мнѣнія:

1) Всѣ состоянія должны быть равны предъ закономъ, а потому и тѣлесное наказаніе должно отмѣнить.

2) Табель о рангахъ уничтожить.

3) Въ уголовныхъ дѣлахъ — отмѣнить пристрастные допросы, ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ: иначе не можетъ быть правосудія.

4) Вѣротерпимость должна быть совершенная и устранено все тò, чтò стѣсняетъ свободу совѣсти.

5) Ввести свободу книгопечатанія, съ ограниченіями и ясными постановленіями о степени отвѣтственности.

6) Освободить крѣпостныхъ господскихъ крестьянъ, а съ тѣмъ и прекратить продажу людей въ рекруты.

7) Поземельную подать ввести вмѣсто подушной.

8) Установить свободу торговли.

9) Отмѣнить строгіе законы противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ — нѣчто въ родѣ habeas corpus» [1]). —

Ни одно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ о содержаніи проекта Радищева не подверждается точными и вполнѣ убѣдительными данными и не устраняетъ вопроса о томъ, существовалъ ли подобный проектъ въ дѣйствительности.

Лицо, показанія котораго внушаютъ наиболѣе довѣрія, старшій сынъ Радищева, вовсе не упоминаетъ о проектѣ, который составленъ его отцомъ, какъ членомъ законодательной комиссіи. А между тѣмъ старшій сынъ Радищева, Николай Александровичъ, болѣе, нежели кто либо другой, могъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ въ комиссіи, такъ какъ онъ въ то время не только находился при отцѣ, но и самъ, вмѣстѣ съ отцомъ, служилъ въ той же комиссіи о составленіи законовъ. Въ очеркѣ своемъ онъ перечисляетъ всѣ труды отца своего: отчего же бы онъ умолчалъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ? Вѣдь обстоя-

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая, стр. 422, 424—425.

тельный, *строго обдуманный и примѣненный къ условіямъ русской жизни* проектъ гражданскаго уложенія былъ бы великою заслугою Радищева, совершившаго въ нѣсколько мѣсяцевъ то̀, чего не могли сдѣлать цѣлыя комиссіи въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Молчаніе старшаго сына Радищева бросаетъ тѣнь на показанія другихъ лицъ, гораздо дальше стоявшихъ отъ непосредственнаго источника.

Не знаемъ, откуда взято княземъ Вяземскимъ извѣстіе, что Радищевъ составилъ проектъ, направленный *противъ освобожденія крестьянъ*. Во всякомъ случаѣ извѣстіе это, составляющее рѣзкую противоположность съ общепринятымъ мнѣніемъ о Радищевѣ, какъ о заклятомъ врагѣ крѣпостнаго права, требуетъ подтвержденія. Поставивъ слово: *кажется*, самъ Вяземскій далъ поводъ предполагать, что онъ не совершенно точно припомнилъ обстоятельство, о которомъ говоритъ въ своей припискѣ. По всей вѣроятности, Вяземскій выразился бы съ бо̀льшею опредѣленностью и, быть можетъ, даже съ указаніемъ источника, еслибы слышалъ о проектѣ отъ ближайшаго свидѣтеля и очевидца трудовъ Радищева въ законодательной комиссіи—отъ его старшаго сына. Притомъ, самая приписка князя Вяземскаго сдѣлана уже послѣ смерти Радищева-сына.

Пушкинъ говоритъ о какихъ-то «мысляхъ» и о какомъ-то, ему неизвѣстномъ, проектѣ Радищева.

Какъ бы въ поясненіе недосказаннаго Пушкинымъ, являются проектъ и его основныя начала, приводимыя въ статьѣ младшаго сына Радищева, писанной по воспоминаніямъ о случившемся болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Подробности, сообщаемыя младшимъ сыномъ Радищева, не заключаютъ въ себѣ несомнѣнныхъ признаковъ исторической достовѣрности. Рисуемая имъ картина производитъ впечатлѣніе нѣсколько подновленнаго снимка съ такого подлинника, черты котораго, незамѣченныя современниками, стали привлекать вниманіе знатоковъ впослѣдствіи. Радищевъ-сынъ желалъ возстановить съ математическою точностью основныя черты рукописи, исчезнувшей во времена его дѣтства. О реформахъ, предложенныхъ въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія, онъ писалъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда и въ обществѣ, и въ литературѣ слышались оживленные толки

о предстоящихъ реформахъ: объ освобожденіи крестьянъ, о новыхъ началахъ въ судопроизводствѣ и т. п. Сопоставленіе давно минувшаго съ настоящимъ могло такъ или иначе отразиться и на воспоминаніяхъ старца, излагавшаго ихъ на основаніи единственнаго источника — своей старческой памяти.

Изъ словъ Радищева-сына выходитъ, что отецъ его былъ вызванъ правительствомъ въ Петербургъ именно для составленія проекта: «отчего препоручили бы это не предсѣдателю комиссіи, не кому либо другому изъ членовъ, а бѣднаго Радищева взяли изъ деревни, еслибы Радищевъ не имѣлъ ни обширнаго ума, ни познаній». Какъ-то странно предположить, чтобы проектъ, написанный по вызову комиссіи и для комиссіи, Радищевъ отдалъ въ чужія руки, не извѣстивши даже своихъ сочленовъ, что окончилъ возложенную на него работу.

Всѣ поиски наши въ архивѣ бывшей камиссіи о составленіи законовъ оказались напрасными: намъ не удалось найти не только самаго проекта, но и какихъ бы то ни было слѣдовъ его. Ближайшее же знакомство съ ходомъ дѣлъ, общепринятымъ въ комиссіи, еще болѣе заставляетъ сомнѣваться въ существованіи проекта, представляющаго обработанное, стройное цѣлое.

Комиссія о составленіи законовъ вела свои работы сообразно указаніямъ, которыя получала отъ верховной власти. Приступивъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, къ разбору матеріаловъ для начертанія общаго плана, комиссія должна была вскорѣ заняться главнымъ образомъ выработкою *формы суда*, т. е. такого порядка судопроизводства, при которомъ бы достигалось *возможно-скорое* рѣшеніе дѣлъ въ различныхъ инстанціяхъ.

Существеннымъ, вопіющимъ недостаткомъ нашего судопроизводства была крайняя медленность въ ходѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Въ указѣ, данномъ сенату 24-го іюля 1801 года и вызванномъ «ежедневно входящими» къ государю жалобами на медленное рѣшеніе дѣлъ, повелѣвалось сенату «представить мѣры, какія признаетъ онъ къ *скорѣйшему* рѣшенію дѣлъ наилучшими». Въ общемъ собраніи сената, графъ А. Р. Воронцовъ предлагалъ предварительно

потребовать отъ уголовныхъ и гражданскихъ палатъ мнѣнія по этому поводу, и то̀, что̀ получится изъ палатъ, передать на разсмотрѣніе комиссіи о составленіи законовъ. Державинъ заявилъ, что, по трудности и сложности вопроса, онъ можетъ подать свое мнѣніе не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца. Сенатъ поспѣшилъ, впрочемъ, представить свой докладъ, ограничившись изложеніемъ его въ самыхъ общихъ чертахъ. Дальнѣйшая и чрезвычайно трудная работа возлагалась на комиссію о составленіи законовъ.

Въ рескриптѣ на имя предсѣдателя комиссіи, графа Завадовскаго, 25 августа 1801 года, говорилось, что дѣла влачатся въ продолженіе многихъ лѣтъ, бывъ подчинены одной и той же формѣ, несвойственной ни существу ихъ, ни современному состоянію просвѣщенія, и потому требовалось, чтобы комиссія занялась этимъ предметомъ «предпочтительно всѣмъ другимъ» [1]). Надо замѣтить, что еще въ 1784 году учреждена была, и также подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, комиссія для составленія *проекта о сокращеніи канцелярскаго порядка,* и въ нее поступило довольно много матеріаловъ.

Въ декабрѣ 1801 года графъ Завадовскій распредѣлилъ между членами комиссіи работы *по сокращенію канцелярскаго порядка.*

Въ 1803 году комиссія разсматривала систематическій планъ по гражданской части, составленный *Ананьевскимъ,* (а *не Радищевымъ*) и подготовительное собраніе бумагъ по уголовной части, составленное *Ильинскимъ.*

Комиссіи о составленіи законовъ вмѣнено было въ обязанность не ограничиваться исключительно отечественными источниками и обращаться, въ случаѣ надобности, къ источникамъ иностраннымъ—къ постановленіямъ, существующимъ или въ смежныхъ намъ странахъ, или у народовъ, наиболѣе прославившихся своимъ просвѣщеніемъ и своимъ законодательствомъ. Въ этомъ отношеніи Радищевъ могъ оказать комиссіи большое содѣйствіе. Будучи основательно знакомъ съ юридическою литературою, имѣя всегда подъ рукою, въ своей библіотекѣ (какъ оказалось послѣ его смерти) законодатель-

[1]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXVI, стр. 759—760. № 19989.

ные памятники различныхъ странъ и народовъ, онъ съ бóльшимъ удобствомъ, нежели кто либо другой изъ его сочленовъ, могъ взять на себя составленіе требуемыхъ отъ комиссіи выписокъ и извлеченій изъ иностранныхъ кодексовъ. Такихъ выписокъ, считавшихся необходимымъ матеріаломъ для работъ комиссіи, находится довольно много въ ея архивѣ. Но такъ какъ рукописи эти не собственноручныя, и неизвѣстно, кто именно представилъ ихъ въ комиссію, то можно только предполагать, что значительная доля труда въ собираніи матеріаловъ изъ иностранныхъ источниковъ принадлежитъ Радищеву.

По счастію, въ архивѣ законодательной комиссіи и въ архивѣ сената сохранились хотя немногія, но весьма цѣнныя доказательства участія Радищева въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, относящихся къ области законодательства. Комиссія для составленія законовъ, по самой цѣли, съ которою она учреждена, обязана была давать заключенія по такимъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены на точномъ основаніи существующихъ постановленій и вызывали вслѣдствіе этого потребность въ составленіи новаго закона. Обстоятельство, непредусмотрѣнное законодателемъ, называлось *казусомъ*, и дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ— *казусными*. Накопившіяся въ сенатѣ, съ давнихъ поръ, казусныя дѣла были переданы въ комиссію о составленіи законовъ. Комиссія представила въ сенатъ какъ коллективное заключеніе по каждому дѣлу, такъ и отдѣльныя мнѣнія членовъ по тому или другому поводу. Въ числѣ отдѣльныхъ мнѣній есть и принадлежащія Радищеву. При этомъ считаю не лишнимъ сдѣлать оговорку, чтобы устранить недоразумѣніе, которое можетъ возникнуть при пользованіи рукописями, уцѣлѣвшими въ архивѣ бывшей законодательной комиссіи, вошедшемъ въ составъ архива бывшаго втораго отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Въ одномъ изъ оглавленій рукописей, помѣщенныхъ въ связкѣ подъ № XLIV, значится: *Мнѣнія г. Радищева касательно различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, производившихся въ сенатѣ*. Подъ этимъ заглавіемъ находятся самыя краткія, въ нѣсколько строкъ, замѣтки о восьми дѣлахъ, въ такомъ родѣ: «Когда о семъ есть точный *законъ*,

то съ моей стороны *казуса* къ разрѣшенію не нахожу» и т. п. Въ заключеніи комиссіи по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободою по манифесту 1782 года, сказано: «*Небезуповательно*, что жребій ихъ рѣшился новымъ манифестомъ 1787 года, по которому должны они, освободясь отъ каторги, поселены быть на земляхъ, къ тому назначаемыхъ». Одинъ изъ членовъ комиссіи (Прянишниковъ—какъ видно изъ дѣлъ сената) замѣчаетъ: «Остается токмо правительствующему сенату имѣть рапорты, что жребій сихъ несчастныхъ *точно и достовѣрно,* а не *уповательно,* совершился». Оказывается, что мнѣнія или замѣтки эти принадлежатъ не Радищеву, а *Прянишникову,* что̀ положительно доказывается подписью его на подлинныхъ рукописяхъ, представленныхъ въ сенатъ, какъ напримѣръ на замѣткѣ по дѣлу о преступникахъ, невоспользовавшихся свободою, и т. д. Въ этомъ удостовѣряетъ также и приписка къ составленному въ комиссіи перечню дѣлъ, названныхъ *мнѣніями Радищева:* «къ сему мнѣніе и г. *Радищева*». Значитъ, всѣ остальныя мнѣнія—не его, а кого либо другого.

Несомнѣнно принадлежатъ Радищеву два мнѣнія, представленныя имъ въ законодательную комиссію: одно—по вопросу о неумышленномъ убійствѣ, другое — по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи.

Соображенія, высказанныя Радищевымъ по поводу спорнаго вопроса о наказаніи за неумышленное убійство, въ высшей степени замѣчательны. Такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ лицахъ обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ, то Радищевъ долженъ былъ говорить о предметѣ, особенно дорогомъ для его ума и чувства. И онъ остался на высотѣ своей задачи. «Мнѣніе» его, небольшое по объему, чуждое многословія и риторическихъ прикрасъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей основной мысли и по достоинству изложенія. Радищевъ выступаетъ, *передъ лицомъ закона,* искреннимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ человѣческихъ правъ крестьянъ, основывая свои доводы частію на общихъ началахъ, выработанныхъ наукою права, частію на живыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ русской жизни. Двумя-тремя штрихами очерчиваетъ онъ воз-

мутительное явленіе, которое безнаказанно совершается въ дѣйствительности и которое онъ изобразилъ такими яркими красками въ своемъ Путешествіи.

Мнѣніе Радищева до такой степени выдѣляется изъ массы бумагъ, писанныхъ въ комиссіи по дѣламъ, поступавшимъ изъ сената, что весьма возможенъ вопросъ, не оно ли послужило поводомъ къ извѣстію, сообщаемому Пушкинымъ: «графъ Завадовскій удивился молодости сѣдинъ Радищева и сказалъ ему съ *дружескимъ* упрекомъ: эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить *попрежнему*. Что упрекъ былъ *дружескій*, видно изъ того, что самъ же Завадовскій представилъ мнѣніе Радищева въ сенатъ, какъ вполнѣ достойное вниманія и разсмотрѣнія въ высшемъ правительственномъ учрежденіи. Въ словѣ: *попрежнему* заключается очевидно намекъ на *Путешествіе*. А въ мнѣніи своемъ Радищевъ беретъ нѣсколько чертъ изъ Путешествія, и притомъ такихъ, о которыхъ Екатерина замѣтила, что авторъ ожидаетъ «свободы отъ самой тяжести порабощенія, т. е. надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ». Какъ бы то ни было, мнѣніе, представленное въ законодательную комиссію, должно занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду того, что когда либо написано или напечатано Радищевымъ по крестьянскому вопросу.

Для вѣрной оцѣнки мнѣнія Радищева необходимо сопоставить его съ мнѣніями другихъ членовъ комиссіи и сенаторовъ, разсматривавшихъ какъ самое дѣло, такъ и заключеніе комиссіи. И въ мнѣніяхъ сенаторовъ и членовъ комиссіи, и въ самыхъ законахъ, на которые они ссылались, находятся весьма любопытныя черты, рисующія чрезвычайно живо тогдашнія понятія о крѣпостномъ правѣ.

Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1769 году крестьянинъ князя Дулова, Василій Тимоѳеевъ, убилъ крѣпостную крестьянку помѣщика Трухачева Степаниду Ѳедосѣеву. На допросѣ крестьянинъ Тимоѳеевъ показалъ, что отнюдь не замышлялъ убійства и совершенно случайно попалъ на ссору жены своей съ крестьянкой Ѳедосѣевой. Ссора произошла изъ-за коровы, «подъ которую подпалъ его собственный теленокъ». Услышавши брань между женщинами, Тимоѳеевъ «прибѣжалъ къ воро-

тамъ, ударилъ Степаниду по лѣвому плечу маленькою палочкою, отъ котораго удару въ тожъ время и умре». Но такъ какъ на тѣлѣ убитой оказались кровавые слѣды побоевъ: на головѣ, на лицѣ, на груди и на спинѣ, то убiйца подвергся «пристрастному подъ плетьми разспросу» и трижды пытанъ былъ въ провинцiальной канцелярiи. Но онъ все стоялъ на своемъ, утверждая, что убилъ неумышленно, вслѣдствiе чего и выпустили, въ 1771 году, на свободу. А такъ какъ въ законахъ не опредѣлено взысканiе за *неумышленное убiйство помѣщичьихъ крестьянокъ,* то дѣло внесено въ сенатъ. За неимѣнiемъ точныхъ законовъ, сенаторы порѣшили: собрать въ сенатъ коллежскихъ президентовъ и членовъ. Дѣло, однакожъ, не двигалось съ 1775 года, цѣлые пятнадцать лѣтъ. Только въ 1800 году сенатъ постановилъ передать дѣло на разсмотрѣнiе комиссiи о составленiи законовъ.

Комиссiя приводитъ цѣлый рядъ законовъ, имѣющихъ бо̀льшее или меньшее отношенiе къ разсматриваемому дѣлу, а именно:

Уложенья глава 21, статья 73:

Ежели чей нибудь крестьянинъ неумышленно убьетъ чьего крестьянина, то вмѣсто убитаго выдать, по наказанiи кнутомъ, самого убiйцу съ женою, съ дѣтьми и съ животы, тому помѣщику, чей былъ убитый крестьянинъ. А буде его взять не похочетъ, то вмѣсто онаго, кого выберетъ, другого крестьянина-жъ, съ женою и съ дѣтьми, и со всѣми животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и который сѣянъ въ землѣ.

Въ новоуказныхъ 7177 года статьяхъ, статья 80:

Какъ дворцовымъ крестьянамъ, посадскимъ и ямщикамъ, съ помѣщиковъ, такъ и помѣщикамъ съ посадскихъ, дворцовыхъ и ямщиковъ, за убитыхъ безъ всякаго умышленiя брать деньгами по 50 рублей.

Именной указъ 1765 года, генваря 28 дня:

Экономическимъ крестьянамъ, по взятiи оныхъ въ казенное вѣдомство, сравнивая ихъ съ дворцовыми крестьяны, за убитыхъ помѣщиковыхъ крестьянъ, такъ какъ и помѣщикамъ за экономическихъ, на основанiи предписанныхъ новоуказныхъ 7177 года статей, платить деньгами же, но только не по 50, а по 100 рублей.

Вслѣдствіе сихъ узаконеній, сенатомъ въ 1766 году опредѣлено.

Съ дворцовыхъ крестьянъ, также съ посадскихъ и ямщиковъ, за убитыхъ помѣщиковыхъ крестьянъ, и, напротивъ того,—съ помѣщиковыхъ за убитыхъ посадскихъ и ямщиковъ, тожъ и дворцовыхъ крестьянъ, не отдавая ихъ самихъ и вмѣсто ихъ другихъ, равно какъ и съ экономическихъ и вмѣсто экономическихъ, взыскивать за каждаго человѣка по 100 рублей.

Именной указъ 1798 года, генваря 28 дня:

Разсмотрѣвъ докладъ сената по предмету взысканія казенныхъ и партикулярныхъ долговъ съ помѣщиковъ, которые имѣютъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, повелѣваемъ оцѣнять ихъ по работѣ и по тому доходу, каковый каждымъ изъ нихъ, чрезъ искусство, рукодѣліе и труды, доставляется владѣльцу, брать ихъ въ казну, принимая оный процентомъ съ капитала, который и зачитать въ казенный долгъ. При взысканіи же по долгамъ партикулярнымъ, продажу чинить обыкновеннымъ при купчихъ образомъ.

Именной указъ 1798 года, февраля 24 дня:

По дѣлу коллежскаго ассесора Ростопчина съ помѣщицею Бутеневою, въ рапортѣ сената апеляціоннаго департамента намъ представленному, повелѣваемъ: *вмѣсто убитаго* въ пьянствѣ крестьянина Ростопчина, по нежеланію его взять самого убійцу, *отдать* изъ деревень Бутеневой *другаго, неоглашеннаго въ порокахъ, крестьянина*, по волѣ ея, Бутеневой, поступая согласно сему и въ прочихъ таковыхъ дѣлахъ.

На основаніи приведенныхъ законовъ, комиссія представила въ сенатъ слѣдующее

Заключеніе.

«За неумышленно - убитаго крестьянина сторублевая цѣна положена въ 766 году, чему протекло тридцать пять лѣтъ, а въ высочайшемъ 786 году марта 9 числа указѣ изображено: «Какъ цѣны нынѣ вообще на все противу преж-

няго гораздо возвысились, то положенная въ рекрутскомъ 766 года учрежденіи рекруту цѣна 120 р. недостаточна, а потому и велѣно постановить рекруту цѣну 360 р.». Въ разсужденіи чего и за убитаго неумышленно, во владѣльческихъ, равно какъ и во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, какого бы рода и званія они ни были, мужеска пола крестьянина надлежитъ постановить сообразную за рекрута цѣну 360 р.; а за крестьянокъ, женщину или дѣвку, по 100 р. Буде же таковое неумышленное убивство случится дворовому человѣку или дворовой женкѣ или дѣвкѣ, которые, по художествамъ, искусствамъ, ремесламъ и трудамъ, болѣе иногда стоятъ, нежели лучшій крестьянинъ и крестьянка, то хотя и за нихъ полагать такую же цѣну, но въ такомъ только случаѣ, буде помѣщикъ ихъ будетъ тѣмъ доволенъ. Если же онъ сею цѣною почтетъ себя за потерю человѣка неудовлетвореннымъ, то обязанъ представить суду неоспоримыя доказательства, почему точно болѣе той цѣны убитый ему стоитъ, и тогда уже, на основаніи высочайшаго именного 1798 году генваря 28 числа указа, оцѣнять таковыхъ дворовыхъ людей, женокъ и дѣвокъ, по работѣ и по тому доходу, каковый каждый изъ нихъ, чрезъ искусство, рукодѣлье и труды, доставлялъ своему владѣльцу. И сіе относится единственно на тотъ случай, ежели владѣльческій казеннаго или казенный владѣльческаго крестьянина, или женку или дѣвку, неумышленно убьетъ до смерти. Но что касается до подобныхъ несчастныхъ случаевъ между одними владѣльческими крестьянами, то поступать по состоявшемуся въ 1798 году, февраля 24 числа, высочайшему именному указу» и т. д.

Подписали: Иванъ Ананьевскій.
Григорій Пшеничный.
Иванъ Прянишниковъ (при своемъ мнѣніи).
Александръ Радищевъ *(при своемъ мнѣніи)*.
Николай Ильинскій.

При разсмотрѣніи дѣла въ сенатѣ большинство сенаторовъ согласилось съ мнѣніемъ сенатора Алексѣева, который полагалъ, что есть довольно основательныя причины допустить вознагражденіе потерпѣвшихъ отъ неумышленнаго убійства. Первая причина та, что неумышленныя убійства происходятъ бо̀льшею частью въ пьянствѣ и дракахъ, а по-

тому и взысканіе, опредѣленное за убитыхъ людей, можетъ побудить помѣщиковъ и сельскія общества заботиться объ устраненіи безчинствъ. Вторая причина заключается въ томъ, что помѣщики или общества казенныхъ поселянъ, теряя въ убитомъ работника, и сверхъ того будучи обязаны платить за него до новой ревизіи всѣ казенныя подати и повинности, были бы весьма отягощены, еслибы остались безъ всякаго удовлетворенія. Сенаторъ Алексѣевъ продолжаетъ: «Что принадлежитъ до *крестьянскихъ женщинъ*, то, кажется мнѣ, неопредѣлено за нихъ удовлетвореніе, какъ потому, что ни дракамъ, ни пьянству сопричастными не полагалися, такъ и въ разсужденіи того, что сей полъ ни въ какихъ окладахъ и повинностяхъ государственныхъ не состоитъ». Общій выводъ тотъ, что всего лучше оставить вещи такъ, какъ они есть, до изданія новыхъ законовъ, вѣрнѣе и въ полной мѣрѣ соображенныхъ съ другими предметами. Мнѣніе Алексѣева цѣликомъ внесено въ протоколъ общаго собранія сената, 30 января 1803 года, какъ мнѣніе большинства, именно четырнадцати сенаторовъ.

Меньшинство, пять сенаторовъ, полагало: за неумышленно-убитыхъ, какъ крестьянскихъ, такъ и дворовыхъ помѣщичьихъ женщинъ или дѣвокъ, производить взысканіе въ размѣрѣ *ста* рублей за каждую женщину или дѣвку. Цифра *сто* явилась вслѣдствіе того, что императоръ Павелъ I повелѣлъ департаменту удѣловъ: «вдовъ и дѣвокъ удѣльнаго вѣдомства выпускать только въ замужество, взымая за выходъ по *сту* рублей; въ купеческое же и мѣщанское состояніе лично женскаго пола не выпускать».

Сенаторъ Захаровъ писалъ въ своемъ мнѣніи: «За дворовыхъ мужеска и женска пола людей, убитыхъ неумышленно, полагаю удобнѣйшимъ постановить положительную цѣну, которую, размѣряя *съ настоящею дороговизною продаваемыхъ существъ*, мню быть довольною: за мужескъ полъ — *500 рублей*, а за женскъ—*вполы*.

Такимъ образомъ всѣ мнѣнія сводились къ одному и тому же—къ опредѣленію стоимости убитаго крестьянина, измѣряемой тою прибылью, которую получилъ отъ него помѣщикъ. Никто, ни въ комиссіи, ни въ сенатѣ не замѣтилъ, или не желалъ замѣтить, что крестьянинъ, хотя и крѣпостной,

но всетаки *человѣкъ*, а не вещь, предназначенная единственно и исключительно для того, чтобы приносить матеріальную пользу и выгоду своему владѣльцу. Никто не вспомнилъ и о томъ, что смерть крестьянина составляетъ потерю не только для его господина, но и для семьи умершаго. Одинъ Радищевъ возвысилъ голосъ за оскорбленныя права человѣка и заявилъ о необходимости оградить ихъ закономъ, вполнѣ сообразнымъ съ требованіями правды и съ уваженіемъ къ человѣческому достоинству.

Вмѣстѣ съ коллективнымъ заключеніемъ комиссіи о составленіи законовъ представлено въ правительствующій сенатъ и слѣдующее мнѣніе Радищева:

„О цѣнахъ за людей убіенныхъ.

«Когда въ нынѣшнее время и въ кроткое и человѣколюбивое правленіе нынѣ царствующаго въ Россіи государя императора Александра Перваго дойдетъ дѣло издавать какія-либо новыя постановленія, то духъ, ими путеводительствовать долженствующій, не можетъ быть тотъ, который руководствовалъ трудившимся надъ соборнымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Ни пытка, ни казнь смертная нынѣ уже неупотребительны, а за ними должны отмѣнены быть и многія постановленія соборнаго уложенія, сообразныя грубости нравовъ тогдашняго времени, сообразныя тогдашнему образу мыслей, но нынѣ уже несовмѣстныя. Тогда казнь торговая, кнутъ, были наказанія исправительныя и стыда не приносили наказаннымъ ими, хотя многое, о чемъ законополагаетъ соборное уложеніе, еще существуетъ. Но полтора столѣтія, исполинные шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даетъ вещамъ новый видъ, и тò, чтò существуетъ хотя законно, производитъ иногда удобно нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, чтò законъ почитаетъ правильнымъ.

Съ сей стороны должно смотрѣть о распоряженіи закона поставляющему цѣну за убіенныхъ неумышленно.

Законъ постановляетъ за убитаго помѣщичьяго крестьянина неумышленно—отдать крестьянина, за другихъ же—отдавать деньгами; за мужчину 100 р.; за женщинъ въ законѣ не положено. Комиссія полагаетъ отдавать за мужчину противъ рекрута, за женщину 100 р.; но за тѣхъ людей, которые, будучи ремесленные, приносили господамъ своимъ прибыль, платить по мѣрѣ прибыли, которую они господамъ приносили, считая труды ихъ процентами, а ихъ—капиталомъ, въ сходственность указа 1798 года, генваря 28 дня.

Если мы, слѣдуя всѣмъ законоучителямъ, разыщемъ цѣны вещей, то мы увидимъ, что *цѣна* вещи есть то опредѣлительное сравненіе вещи, которое мы ей постановляемъ вслѣдствіе пользы, отъ вещи происходящей. И такъ, польза вещи опредѣляетъ ея цѣну. Если цѣна вещи бываетъ для всѣхъ *одинакова*, то вещь таковая есть *цѣны обыкновенной*. Если же станемъ исчислять пользу, которую можно имѣть отъ вещи, то цѣна уже будетъ *необыкновенная*, ибо время, обстоятельство, нужда и проч. могутъ цѣну возвысить или понизить. Если же вещь ради какихъ-либо причинъ или ради ея качествъ, уважается особо, тогда вещь бываетъ драгоцѣнная. Если же качества вещи, или паче ея цѣну, ни съ чѣмъ не можно постановить въ сравненіе, то вещь стоновится *безцѣнною*. На сіи опредѣленія цѣны вещей дальнѣйшія изъясненія ненужны. Если мы цѣну неумышленно убіенныхъ опредѣлять будемъ по вышеозначеннымъ правиламъ, то она нерѣдко выходить будетъ совсѣмъ не та, какъ то опредѣляетъ ее комиссія. *Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, еслибы несчастіе постигло и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ его младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая вскромила господина своего своими сосцами и стала вторая его мать*. Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикамъ за убіенныхъ и имъ принадлежащихъ людей: *цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами*[1]).

[1]) Ср. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, стр. 341—344: «Ка-

Еслибы можно было помыслить объ удовлетвореніи за убіеніе человѣка, то оно принадлежать долженствовало бы тѣмъ, которые истинно страждутъ, когда бываетъ убіенный. Убіенный можетъ быть отецъ, сынъ, супругъ или мать, жена, дочь и проч. Не остающимся ли по нихъ—и сіе разумѣть должно о людяхъ низкаго состоянія—принадлежать можетъ всякое удовлетвореніе, по той истинной причинѣ, что они бóльше, нежели ихъ господинъ, потерею человѣка претерпѣть могутъ: мужъ лишается жены, жена мужа, дѣти отца, отецъ сына или дочери; но чѣмъ таковую потерю замѣнить можно? Сверхъ того, кому неизвѣстно, сколько потерпѣть можетъ крестьянинъ въ своемъ хозяйствѣ, если семья его лишится работника. И такъ заключимъ:

1) Цѣны убіенному человѣку, умышленно или неумышленно, опредѣлить не можно, ибо, сверхъ общихъ чувствованій человѣчества, потеря таковая есть всегда неоцѣнимая. Каждый, лишающійся жизни, принадлежитъ къ какому либо семейству, слѣдственно кончина его всегда бываетъ чувствительна, и, отъ какой бы причины она ни происходила, она равно для чувствующихъ бѣдственна.

2) Если убіеніе бываетъ неумышленно, то наказанія за него быть не можетъ. На что же за него полагать цѣну, ибо платимая цѣна есть родъ наказанія. Но въ отношеніи теряющаго, все равно—убитъ ли кто умышленно или неумышленно. А какъ въ законѣ за умышленно убіеннаго платы не положено, то не должно ей быть и за убіеннаго неумышленно.

ждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ платить того, чтó занялъ или взялъ. Занятое проиграно, прожито, проѣдено, пропито... Публикуется: сего дня продаваться будетъ съ публичнаго торга недвижимое имѣніе, домъ и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу. Наступилъ день и часъ продажи. Въ залѣ стоятъ на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ въ 75, съ отцомъ господина своего былъ въ крымскомъ походѣ при фельдмаршалѣ Минихѣ; въ франкфуртскую баталію, раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строю; возвратясь домой, былъ дядькою молодого барина; *во младенчествѣ спасъ его отъ утопленія,* бросясь за нимъ въ рѣку; *въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы*, куда посаженъ былъ за долги. Женщина, лѣтъ въ 40, вдова, *кормилица своего молодого барина,* въ жилахъ его льется ея кровь; *она ему вторая мать,* и ей онъ болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія о младенчествѣ его не радѣла» и т. п.

3) Хотя убійство въ пьянствѣ не столь виновно, какъ убійство умышленное, или, паче, злостное, однако же, убивающій въ пьянствѣ наказанъ быть долженъ, не по мѣрѣ опасности, въ которой бываетъ жизнь гражданъ отъ злоумышляющихъ на нее, но по мѣрѣ вреда, который оттого проистекаетъ обществу. Умышленный убійца, ради будущей опасности, долженъ быть изъ общества изъятъ; но вредящій обществу своею невоздержностью, сдѣлавшій убійство въ пьянствѣ, въ сильномъ изступленіи, побуждаемъ страстію, долженъ быть воздержанъ и исправленъ. Слѣдственно, перваго наказаніе должно быть навсегда, другого—временное. Перваго отослать въ ссылку, въ отдаленность отъ людей, которые могутъ заражаться его худымъ примѣромъ. Другого—лишить свободы, посадить въ смирительный домъ на большій или меньшій срокъ, и воздержаніемъ, и работою, соразмѣрною состоянію и свойству убійцы, стараться укротить страсть и неумѣренность, и воздержаніе(мъ?) преступившаго исправить.

4) Что же касается до потерпѣвшихъ отъ убіенія человѣка, какъ-то дѣтей, жены, то какъ сія статья входитъ въ общее распоряженіе о призрѣніи, то здѣсь о ней говорить невмѣстно; но доколѣ не будетъ сдѣлано о призрѣніи общихъ распоряженій, то терпящіе отъ убіенія человѣка должны быть на попеченіи общества того селенія или города, къ которому убіенный принадлежитъ [1]).—

Александръ Радищевъ».

Когда въ комиссіи о составленіи законовъ разсматривался вопросъ о правѣ подсудимыхъ заявлять подозрѣніе на судей, Радищевъ не согласился съ мнѣніемъ большинства, неблагопріятнымъ для подсудимыхъ.

Въ указѣ 3 мая 1725 года сказано, что виновныхъ въ богохульствѣ, въ противныхъ словахъ про ихъ величества, ихъ высокую фамилію, въ измѣнѣ и бунтѣ, смертоубійцъ, разбойниковъ и татей, пойманныхъ съ поличнымъ,—разспрашивать какъ злодѣевъ, и не давать имъ списковъ съ пунк-

[1]) Архивъ сената, въ Петербургѣ. Дѣло 1803 года. № 9. Производство общаго собранія по дѣлу о неумышленно-убитыхъ крестьянскихъ женкахъ.

товъ или челобитенъ. Комиссія замѣчаетъ по этому поводу: «Слѣдственно, когда списковъ давать не велѣно, то кольми паче подозрѣній на судей отъ таковыхъ подсудимыхъ принимать не должно и несвойственно, поелику сужденіе преступника почитается дѣломъ общественнымъ, а не частнымъ, и въ семъ случаѣ истцомъ бываетъ самъ законъ».

Учрежд. объ управл. губерній 107, 108, 110—113; указы 29 мая 1784 г. и 28 марта 1796 г., требующіе просмотра дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ, «всякое отнимаютъ сомнѣніе въ томъ, что судимые по важнымъ уголовнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, и подлежащіе къ лишенію жизни или къ лишенію чести, или торговой казни, объявлять подозрѣній на судей не могутъ, и принимать отъ нихъ того ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ».

Радищевъ признаетъ за подсудимыми право *отводить судей* и *выбирать себѣ защитника*. Для постановленія приговора по уголовнымъ дѣламъ, требуетъ не абсолютнаго большинства, а по крайней мѣрѣ двухъ третей голосовъ. Приводимъ мнѣніе Радищева:

— «Согласуясь со мнѣніемъ статскаго совѣтника Пряничникова, что для огражденія безопасности гражданской нужно дозволить при производствѣ дѣлъ уголовныхъ подавать подозрѣніе на судей, я въ дополненіе еще полагаю, чтобы во всѣхъ уголовныхъ производствахъ дозволено было подсудимому не только подавать подозрѣніе, но отвергнуть весь судъ, не приводя причинъ, для чего онъ судей отвергаетъ, и требовать быть судиму иными судьями. Правило Наказа, означенное въ статьѣ 126, мудрое и человѣколюбивое, стремится къ тому, чтобы соблюсти невиннаго — не дать ему пострадать. Нужно, конечно, чтобы преступникъ былъ наказанъ безъ упущенія; но нужно столько же, чтобъ онъ былъ уличенъ, а еще того нужнѣе—чтобы не наказанъ былъ невинный. Можно здѣсь опереться на древнемъ правилѣ законоученія, гласящемъ: лучше отпустить сто виновныхъ, нежели заставить пострадать одного невиннаго. И такъ, заключаю: если дозволено въ дѣлахъ, касающихся до имѣнія или въ обидахъ гражданскихъ подавать подозрѣнія на судей, когда уже таковое правило постановлено въ воинскомъ уставѣ, то еще нужнѣе, чтобъ оно наблюдаемо было въ тѣхъ судо-

производствахъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни, свободѣ или чести. И дабы безопасность личная не могла пострадать и невинность бы не потерпѣла николи, то должно постановить въ производствахъ дѣлъ уголовныхъ слѣдующія правила:

1) Судимому, или обвиняемому въ преступленіи, дозволить избрать себѣ для совѣта кого онъ хочетъ, а если никого не имѣетъ, то такого человѣка дать ему отъ суда. Сіе тѣмъ паче дозволить можно, что и въ гражданскихъ дѣлахъ не возбранено препоручать оныя, кто кому пожелаетъ.

2) Дозволить судимому отвергнуть всѣхъ судей, которые должны были бы судить о его дѣлѣ, не сказывая причинъ, для чего онъ ихъ отвергаетъ.

3) Дозволить на избранныхъ вновь судей подавать подозрѣніе.

4) Чтобы во всѣхъ уголовныхъ приговорахъ рѣшеніе постановляемо было не по большинству голосовъ, но или единогласно, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ согласныхъ мнѣній было двѣ трети. Единогласное рѣшеніе не есть что̀-либо новое въ россійскомъ законоученіи, ибо оно установлено было для рѣшеній правительствующаго сената. Такимъ образомъ соблюдется правило Наказа императрицы Екатерины II, статьи 127, гдѣ она изъясняется слѣдующими словами: «чтобъ онъ, то есть обвиняемый, не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ». Въ заключеніе прибавимъ еще, что, въ сходственномъ уложеніи, гл. 21, ст. 7, можно на уголовныхъ судей производить искъ въ недружбѣ и проволочкѣ [1]).

Александръ Радищевъ».

Радищевъ находился на службѣ въ комиссіи о составленіи законовъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 12 сен-

[1]) Архивъ втораго отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи. Дѣла комиссіи о составленіи законовъ. V разр. Ч. II. О. II. № XLIV. Мнѣнія членовъ комиссіи по различнымъ необыкновеннымъ дѣламъ, присланнымъ изъ правительствующаго сената въ комиссію на разсужденіе, № 2 и 6.

тября 1802 года. Онъ былъ въ засѣданіяхъ комиссіи 25, 26, 27, 28 августа и 1 и 2 сентября.

Сынъ покойнаго, Николай Александровичъ, доносилъ комиссіи: «Сего 1802 года, сентября 12 дня, родитель мой, оной комиссіи членъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Николаевичъ Радищевъ *волею Божіею* скончался».

Въ журналѣ комиссіи 16 сентября 1802 года записано: «По доношенію служащаго въ оной губернскаго секретаря Николая Радищева, коимъ показывая, что родитель его, оной комиссіи членъ, Александръ Радищевъ, сего сентября 12 дня, *бывъ боленъ*, умре» и т. д.

Радищевъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Въ вѣдомости церкви Воскресенія Христова, что на Волковскомъ кладбищѣ, подъ 13 сентября 1802 года показанъ въ числѣ погребенныхъ «коллегскій совѣтникъ Александръ Радищевъ; пятидесяти лѣтъ»; умеръ «*чахоткою*»; при выносѣ былъ священникъ Василій Налимовъ [1]).

Но въ обществѣ ходили слухи, что Радищевъ — самоубійца. Современникъ и почитатель Радищева, литераторъ Борнъ, говоритъ: «Радищевъ умеръ, и, *какъ сказываютъ, насильственною смертію*. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостію философа, покоряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи? Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? Или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели?.... Онъ зрѣлъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости,—и сошелъ во гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи, и во гробъ сошелъ» [2]).

Ближайшій свидѣтель послѣднихъ дней и кончины Радищева, старшій сынъ его, говоритъ о покойномъ: «здоровье ему измѣнило; онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость, и, наконецъ, къ неописанной горести семейства своего, скончался въ сентябрѣ мѣсяцѣ, имѣя отъ роду 53 года».

[1]) Архивъ С.-Петербургской духовной консисторіи. Метрическая книга объ умершихъ, за сентябрь 1802 года, погребенныхъ на Волковомъ кладбищѣ.

[2]) Свитокъ музъ. Книжка вторая. 1803, стр. 141—142.

Пушкинъ указываетъ и причину, и видъ самоубійства. Завадовскій сказалъ подружески Радищеву: «Охота тебѣ пустословить попрежнему! или мало тебѣ Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ.... и отравился! Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ напророчилъ».

Младшій сынъ Радищева разсказываетъ, что Завадовскій далъ однажды почувствовать Радищеву, что его *слишкомъ восторженный образъ мыслей* можетъ навлечь ему бѣду, и «даже произнесъ слово *Сибирь*. Пораженный ли такою угрозою, или *по другой какой причинѣ*, онъ вдругъ сдѣлался задумчивъ. *Душевная болѣзнь* развивалась все болѣе и болѣе». Выпилъ стаканъ крѣпкой водки; пытался зарѣзаться бритвою. Ядъ дѣйствовалъ ужаснымъ образомъ. Радищевъ потребовалъ священника, который его и исповѣдовалъ. На вопросъ врача о причинѣ самоубійства, «отвѣтъ былъ продолжительный, несвязный». Врачъ сказалъ: «видно, этотъ человѣкъ былъ несчастный».

По смерти Радищева, библіотека его пріобрѣтена комиссіею для составленія законовъ. Комиссія купила у наслѣдниковъ Радищева книги, «нужныя для соображенія при составленіи законовъ Россійской Имперіи». Изъ библіотеки Радищева поступило въ комиссію 130 книгъ: 77 на французскомъ языкѣ и 53 на нѣмецкомъ[1]). Въ томъ числѣ:

Code criminel d'Angleterre.—
Examen du gouvernement d'Angleterre.—
Constitution d'Angleterre.—
Manuel de la justice de paix.—
Principes du droit naturel.—
Du contract social.—
Principes d'économie politique.
Instituts de Tamerlan.—
Esquisse d'un ouvrage en faveur des pauvres.—
Sur l'administration des finances de France de Necker.—

[1]) Архивъ втораго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Дѣла комиссіи о составленіи законовъ. V разр. Ч. I. Отд. 3, № XIII.

Considérations sur la puissance et la faiblesse de la Russie.—

Gesetzbuch für die preussischen Staaten.—

System des preussischen Civilrechts.—

Abhandlung über wichtige Gegenstände der Staatswissenschaft von Struensee.—

Schmaussens Einleitung zur Staatswissenschaft.—

Sonnenfels. Ueber die Staatsverwaltung.—

Grundriss der Finanzwissenschaft.—

Ueber den Luxus.—

Klugheit vereint mit Tugend oder die Politik des Weisens.—

Vergleichung des ältern und neuern Russlands и т. д.

VIII.

Смерть Радищева не прошла совершенно безслѣдно въ тогдашнемъ литературномъ кругу. Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ почтило, стихами и прозою, память писателя, преждевременно сошедшаго въ могилу. Общество это основано бывшими студентами академическаго университета или гимназіи: Попугаевымъ, Борномъ и др.; въ числѣ членовъ были: А. Е. Измайловъ, Дм. Ив. Языковъ, знаменитый впослѣдствіи Востоковъ и др.[1]). Въ одной изъ рѣчей своихъ въ собраніи общества, Иванъ Мартыновичъ Борнъ, обращаясь къ своимъ сочленамъ, указываетъ на предметы, особенно достойные ихъ пера: «Друзья мои! Кто изъ васъ сообщалъ разсужденія о разныхъ частяхъ наукъ, о философіи, морали; кто изобрѣталъ или кто соби-

[1]) Переписка А. Х. Востокова, въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. Срезневскаго. 1873, стр. XXXIX. Востоковъ говоритъ о вольномъ обществѣ любителей словесности: «Это общество составилось, 15 іюня 1815 года, изъ шести студентовъ, выпущенныхъ изъ бывшей при Академіи Наукъ гимназіи. Основатели общества были: Вас. Вас. Попугаевъ, Ив. Март. Борнъ, Вас. Вас. Дмитріевъ, Алексѣй Гавр. Волковъ, Вас. Ив. Красовскій, Мих. Козм. Михайловъ». Въ краткомъ историческомъ очеркѣ общества сказано, что первую идею общества подали Попугаевъ и Борнъ (Періодическое изданіе вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. 1804. Ч. I, стр. 1).

ралъ матеріи касательно лучшихъ способовъ воспитанія дѣтей, сей первой потребности жизни; кто подавалъ свои *мысли объ уврачеваніи неисчетныхъ золъ человѣчества,* — вотъ поле, любезные друзья и сотрудники, поле обширное для вашихъ способностей и вашей ревности ко благу отечества, *ко благу всѣхъ людей»* и т. д.[1]). Считая величайшею заслугою писателя стремленіе къ общему благу, обыкновенно сопровождаемое горькими разочарованіями и жертвами, Борнъ говоритъ о Радищевѣ: «Пламенное его человѣколюбіе жаждало озарить *всѣхъ своихъ собратій*, жаждало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ»...

Чертогъ сатрапскій не манитъ
Того, кто жизни цѣну знаетъ,
И въ цвѣтѣ юныхъ лучшихъ лѣтъ
Стопы свои не совращаетъ
Искать большихъ, мірскихъ суетъ....
Кто добродѣтель лишь пріемлетъ
Отличіемъ земныхъ властей.
Кто, силы не страшася ложной,
Дерзаетъ истину вѣщать,
Тревожитъ спящій сонъ вельможный,
Ихъ чорство сердце раздирать!
Но *участь правды—быть гонимой....*
. тамъ Сократъ,
Мудрецъ и смертныхъ благодѣтель,
Казненъ, а *въ ссылкѣ* тамъ стократъ
Пьютъ *патріоты* смерти чашу [2])....

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Радищева, дѣти его издали всѣ его сочиненія, *за исключеніемъ Путешествія.* Издатели говорятъ: «Вотъ *все, что осталось изъ сочиненій* человѣка, извѣстнаго уже публикѣ. Мы бы почли себѣ преступленіемъ, имѣя оставшіяся г. Радищева бумаги въ рукахъ своихъ, предать ихъ забвенію и не издать въ свѣтъ». Имена издателей не названы; но младшій сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ, въ прошеніи, поданномъ императору Александру II, говоритъ: «родитель мой оставилъ сочиненія,

[1]) Періодическое изданіе общества любителей словесности, наукъ и художествъ. 1804. Ч. I. Рѣчь на случай чрезвычайнаго собранія 15 іюля 1802 года.

[2]) Свитокъ музъ. 1803. Книжка вторая, стр. 136—144. Борна: На смерть Радищева (къ О. Л. И.).

которыя были напечатаны *нами, его наслѣдниками*»[1]). Къ изданію не приложено біографическаго очерка, котораго тѣмъ скорѣе слѣдовало ожидать отъ людей, близкихъ къ Радищеву, что сообщенныя ими свѣдѣнія могли бы напомнить о писателѣ, такъ скоро позабытомъ и обществомъ, и литературою. Кое-гдѣ еще можно было услышать разсказъ о печальной судьбѣ Радищева, но уже и въ тѣ времена многое передавалось невѣрно, быль смѣшивалась съ небылицею, и собираніе точныхъ свѣдѣній представляло большія трудности. Доказательствомъ служитъ краткая собственноручная замѣтка митрополита Евгенія, уцѣлѣвшая въ его бумагахъ и вошедшая въ его словарь русскихъ писателей.

Дорожа памятью о лицахъ, потрудившихся для русской литературы и науки, митрополитъ Евгеній счелъ нужнымъ внести и Радищева въ словарь писателей, труды которыхъ заслуживаютъ вниманія историковъ русской литературы. Въ матеріалахъ для словаря сохранилась слѣдующая замѣтка: «Радищевъ, Александръ Николаевичъ, коллежскій совѣтникъ, сочинилъ книгу *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, напеч. въ С.-Петербургѣ, 1790 года. Однакожъ оная, за многія дерзкія и возмутительныя въ ней мѣста, конфискована была и сожжена, а сочинитель сосланъ былъ въ Казань; но по кончинѣ императрицы Екатерины II, возвращенъ, и жилъ въ С.-Петербургѣ, частно занимаясь разными сочиненіями, до кончины своей, случившейся въ 1802 году. Собраніе его сочиненій, въ 6 частяхъ, напечатано въ Москвѣ, 1807—1811 года[2]).

Замѣтка Евгенія относится къ весьма давнему времени. Уже въ 1813 году словарь Евгенія отосланъ былъ въ московское общество исторіи и древностей, и съ тѣхъ поръ переходилъ изъ рукъ въ руки, перебывалъ у многихъ литераторовъ и ученыхъ, дѣлавшихъ свои замѣчанія, поправки и дополненія. Его читали и журналисты, помѣщая въ сво-

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. Москва. Первая часть издана въ 1806 году; вторая и третья—въ 1809 г.; четвертая, пятая и шестая—въ 1811 г.

[2]) Поступившіе въ публичную библіотеку изъ древлехранилища Погодина, рукописные Матеріалы къ словарю писателей митрополита Евгенія, т. 2.

ихъ изданіяхъ извлеченія изъ него, безъ вѣдома автора, и распоряжаясь его трудомъ, какъ своею собственностью. Словарь Евгенія послужилъ главнѣйшимъ источникомъ и для перваго опыта исторіи русской литературы, составленнаго Гречемъ. Но ни одинъ изъ литераторовъ, пользовавшихся трудомъ Евгенія, не обратилъ вниманія на статью о Радищевѣ, и не измѣнилъ въ ней ни единой черты. Только въ 1845 году трудъ Евгенія былъ, наконецъ, напечатанъ и замѣтка о Радищевѣ, написанная много лѣтъ тому назадъ, появилась на страницахъ словаря въ своемъ первоначальномъ видѣ[1]).

Не только позднѣйшія, но и современныя Радищеву поколѣнія литераторовъ мало, повидимому, интересовались и книгою, и судьбою Радищева. Члены того же общества любителей словесности, которое заявило свое уваженіе къ памяти Радищева, отзывались, при его жизни, довольно равнодушно и съ легкой ироніей о его Путешествіи. Извѣстный литераторъ того времени, Г. П. Каменевъ (1772—1803), бывшій также членомъ общества, писалъ о своемъ намѣреніи ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ: «Скоро отправлюсь я въ резиденцію царя добраго. Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ идеально блуждалъ Радищевъ, и мечталъ перомъ своимъ, въ жолчи обмакнутымъ, давать уроки властямъ» и т. д.[2]).

Одинъ изъ самыхъ искреннихъ литературныхъ друзей Радищева позабылъ о немъ въ своемъ перечнѣ русскихъ писателей, изданномъ всего черезъ пять лѣтъ послѣ «Свитка музъ», въ которомъ тотъ же авторъ, Ив. Март. Борнъ, оплакивалъ безвременно погибшаго друга человѣчества. Говоря въ своемъ руководствѣ[3]), о произведеніяхъ русской словесности восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія, Борнъ упоминаетъ и о Карабановѣ, переводчикѣ Делилевыхъ Садовъ, и о Барковѣ, издателѣ сатиръ Кантемира, и о Львовѣ, на-

[1]) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. 1868. Т. V. Выпускъ I, стр. 226—237.

[2]) Вчера и Сегодня. Литературный сборникъ, составленный графомъ В. А. Соллогубомъ. 1845. Книга I, стр. 63.

[3]) Краткое руководство къ россійской словесности. Санктпетербургъ. 1808 года.

писавшемъ стихи: къ рѣкѣ Талажнѣ, къ лирѣ, къ пѣночкѣ, и о «россійскомъ Скарронѣ» Осиповѣ, выворотившемъ наизнанку Энеиду, — о томъ самомъ Осиповѣ, который былъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу о Радищевѣ, и т. д. Но о Радищевѣ — ни полслова. Положимъ, что онъ не могъ привести въ примѣръ Путешествія Радищева, какъ вещи запрещенной, когда говорилъ: «Особенный родъ путешествій, цѣлію имѣющихъ наблюденіе нравственности и степени народнаго и частнаго просвѣщенія, извѣстенъ подъ именемъ *сентиментальныхъ* путешествій». Но и когда шла рѣчь о «стихотворствѣ», т. е. о различныхъ размѣрахъ стиховъ, автору, приводившему выписки не только изъ Ломоносова и Державина, но изъ Востокова, Каменева и др., не вспомнились стихотворенія Радищева, появившіяся уже въ печати и заслужившія впослѣдствіи похвалу перваго мастера и судьи въ области поэзіи.

Изданіе перваго опыта исторіи русской литературы, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, послужило для тогдашнихъ писателей прекраснымъ поводомъ вспомнить о своихъ предшественникахъ на литературномъ поприщѣ. Со всѣхъ сторонъ получалъ Гречъ указанія на разнаго рода пропуски и недомолвки. Бестужевъ, Катенинъ, Измайловъ и др. обращались къ Гречу съ вопросами. Гречъ едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы. Одни упрекали его за пропускъ *Грибоѣдова*, *Загоскина*, *Баратынскаго*, и т. д. Другіе выражали сожалѣніе, что не нашли въ книгѣ Греча именъ: *Спасскаго*, ознакомившаго насъ съ зауральскою природою; *Шиповскаго*, едва ли не перваго переводчика языкомъ человѣческимъ; *Осипова*, творца вывороченной наизнанку Энеиды; *Сковороды*, сочинителя многихъ народныхъ пѣсенъ; *Н. И. Тургенева*, автора политическихъ сочиненій; *Кайданова*, *Кашанскаго*, и т. д.[1]). Словомъ, и въ настоящемъ, и въ прошедшемъ искали именъ, которыми слѣдовало бы дополнить опытъ исторіи русской литературы при новомъ его изданіи. Но никто не вспомнилъ о Радищевѣ, никто не упрекнулъ Греча за пропускъ его имени. Не вспомнилъ о Радищевѣ и другъ

[1]) Сынъ Отечества. 1822. Часть семьдесятъ шестая, стр. 249—261.— Часть семьдесятъ седьмая, стр. 165—168.

Рылѣева, Бестужевъ, въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи» [1]). Упоминая о Бобровѣ, Маринѣ, Осиповѣ, Кайсаровѣ и др., Бестужевъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на Путешествіе Радищева. Невольно приходятъ на умъ слова Пушкина: «всѣ прочли книгу Радищева и забыли ее»....

Если и встрѣчается имя Радищева на страницахъ стариннаго журнала, то какъ-то неожиданно совершенно случайно, какъ, напримѣръ въ статейкѣ: «Взглядъ на русскую литературу», помѣщенной во французской газетѣ, выходившей въ Петербургѣ. Авторъ статьи упрекаетъ русскихъ писателей за то̀, что они черезчуръ увлекались французскими образцами и не хотѣли знать великихъ поэтовъ Англіи и Германіи, *не смотря на усилія Радищева и Нарѣжнаго:* Malgré les efforts de *Radichtcheff*, de *Nerejène* et de quelques autres, efforts qui peut-être avec le temps seront appreciés, il existait dans notre poésie jusqu'au commencement du 19 siècle une école entièrement fondée sur les principes de la littérature française [2]). Сопоставленіе Радищева съ Нарѣжнымъ указываетъ какъ бы на путешествіе, но далѣе говорится съ упрекомъ, что стихами считались только *риѳмованныя* строки, а такъ какъ Радищевъ писалъ безъ риѳмъ свои стихотворенія большого объема: Бова, Пѣснь историческая и т. д., то можно бы подумать, что о Радищевѣ упоминается, какъ о стихотворцѣ. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ сравнивать его съ Нарѣжнымъ? Да и какимъ образомъ Нарѣжный (род. 1780 г.) могъ измѣнить направленіе нашей литературы въ *восемнадцатомъ* столѣтіи...

Среди всеобщаго равнодушія къ Радищеву и его литературной дѣятельности, раздался только одинъ голосъ, напомнившій о забытомъ писателѣ. Но это былъ голосъ Пушкина. Пушкинъ, можно сказать, открылъ Радищева и для своихъ современниковъ, и для русской литературы вообще.

[1]) Полярная Звѣзда. Карманная книжка для любительницъ и любителей русской словесности, на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 1—44.

[2]) Le Conservateur impartial. № 77, стр. 376. Variétés. Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe. Article 1-er; communiqué.

Чтобы оцѣнить заслугу Пушкина въ этомъ отношеніи, надо посмотрѣть прямыми глазами и на самого Пушкина, какъ писателя, и на открытаго имъ Радищева, отдѣливъ, въ сужденіяхъ Пушкина о Радищевѣ, существенныя, основныя черты отъ всего того, что̀ навѣяно злобою дня.

Не встрѣчая имени Радищева ни въ «Опытѣ исторіи русской литературы» Греча, ни въ статьѣ Бестужева: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», Пушкинъ писалъ Бестужеву: «Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ. Покамѣсть жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о *русской словесности* забыть *Радищева? Кого же мы будемъ помнить?* Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни *Гречу:* я отъ тебя его не ожидалъ» [1]).

Но Пушкинъ не ограничился упреками и совѣтами. Онъ самъ извлекъ книгу Радищева изъ забвенія, на которое она была осуждена, и воспроизвелъ ее, отчасти при другомъ освѣщеніи, въ рядѣ живыхъ очерковъ, напоминающихъ опальнаго писателя временъ Екатерины. Пушкинъ оцѣнилъ въ Радищевѣ литературное чутье, выразившееся въ вѣрномъ выборѣ предметовъ, составляющихъ главное содержаніе книги. Въ своихъ «Мысляхъ на дорогѣ» Пушкинъ говоритъ о *тѣхъ же самыхъ предметахъ,* которые въ такихъ яркихъ чертахъ изображены Радищевымъ въ его путешествіи.

Статья Пушкина о Радищевѣ, предназначавшаяся для «Современника», служитъ также своего рода доказательствомъ, что Пушкинъ признавалъ Радищева крупною литературною величиною, съ которою можно и должно считаться, и забывать о которомъ не слѣдуетъ занимающимся исторіею русской литературы. Многочисленныя и пространныя выписки изъ Путешествія Радищева, сдѣланныя Пушкинымъ и въ «Мысляхъ на дорогѣ, и въ статьѣ о Радищевѣ, свидѣтельствуютъ самымъ нагляднымъ образомъ о желаніи Пушкина познакомить современное ему общество съ произведеніемъ писателя, несправедливо преданнаго забвенію.

Указывая недостатки Радищева, какъ писателя, Пушкинъ

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе восьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Т. VII, ст. 162.

выставляетъ и свѣтлыя стороны, и передъ вами является сочувственный образъ человѣка, совершенно чуждаго какихъ либо разсчетовъ и не способнаго мириться со зломъ, господствовавшимъ въ общественной жизни. При всей строгости своего приговора, Пушкинъ признаетъ въ Радищевѣ искренность, *честность* убѣжденій и *рыцарскую совѣстливость;* называетъ *замѣчательными* его *изученія* въ области русской литературы, и т. д. Въ основномъ содержаніи книги Радищева — въ изображеніи быта и несчастій крѣпостныхъ крестьянъ Пушкинъ видитъ сущую правду, и не только соглашается съ Радищевымъ во многихъ случаяхъ, но и подтверждаетъ его свидѣтельство своими личными наблюденіями. Приводимъ подлинныя слова Пушкина:

— «Человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины! У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону... Не можемъ не признать въ немъ преступника съ духомъ необыкновеннымъ, политическаго фанатика, дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію» [1]).

Самопожертвованіе Радищева, искренняго и восторженнаго поборника свободы, производило сильное впечатлѣніе на поэтическую душу Пушкина. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего говоритъ замѣчательный варіантъ въ стихотвореніи «Памятникъ»:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ;
Что *вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу,*
И милость къ падшимъ призывалъ.

Въ окончательной редакціи третій стихъ читается такъ: «Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу» [2]).

— «Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Те-

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 347—348.

[2]) Русскій Архивъ. 1881. Книга первая, стр. 235, и приложенное fac-simile рукописи «Памятника» Пушкина.

лемахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы, Прочтите его: *Осьмнадцатое столѣтіе. Сафическія строфы*, басню или, вѣрнѣе, элегію: *Журавли*,—все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ «Тверь» помѣщена его извѣстная ода *на вольность:* въ ней много сильныхъ стиховъ». —

— «Радищевъ, въ главѣ «Черная Грязь», говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни. Неволя браковъ—давнее зло» и т. д.

Въ главѣ «Мѣдное» Пушкинъ, приведя изъ Путешествія выписку о продажѣ крестьянъ съ молотка (стр. 341—342), говоритъ: «слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она *правдоподобна*. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но *искреннихъ* мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ *соглашаюсь* поневолѣ».

— «Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріучить народъ къ рекрутству» и т. д.

— «Въ Вышнемъ-Волочкѣ Радищевъ любуется шлюзами, и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку рукодѣльную, и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній—корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ состояніе русскаго земледѣльца.... (Путешествіе, стр. 268—275). Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другаго, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и убѣжденію. Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Пріучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, тер-

пѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

Возражая Радищеву, Пушкинъ въ пріемахъ своихъ остается вѣренъ литературному преданію, идущему со временъ Болтина. Подобно Болтину, онъ сопоставляетъ явленія русской жизни съ тѣмъ, что происходитъ въ западной Европѣ. Судьбу русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ Радищевъ сравниваетъ съ горькою участью африканскихъ невольниковъ. Пушкинъ замѣчаетъ по этому поводу: «Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ»... Соглашаясь съ Радищевымъ, что рекрутскій наборъ — самая тягчайшая изъ повинностей народа, Пушкинъ указываетъ на то, что не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, наборъ «влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи. Прусское Landwehr возбуждаетъ ропотъ въ терпѣливыхъ пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи», и т. д. [1]).

Пушкину не нравились въ книгѣ Радищева ея «надутый, жеманный» слогъ и пестрая смѣсь скептицизма, филантропіи и цинизма, заимствованныхъ изъ иностранныхъ источниковъ. Но подобные недостатки въ книгѣ Радищева замѣчаемы были даже самыми ревностными ея защитниками, желавшими выставить на видъ преимущественно ея достоинства, а отнюдь не ея слабыя стороны. При семъ сочувствіи къ Радищеву и его произведенію, Искандеръ сдѣлалъ такую оговорку: «тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала въ французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ и поддѣльнаго романтизма—устарѣла для насъ» и т. п.

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 192—225.

Въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ замѣтны довольно ясные слѣды того непривычнаго положенія, въ которомъ находились наши писатели, когда имъ случалось говорить о вопросахъ общественныхъ. По тогдашнимъ условіямъ печати, весьма рѣдко поднимались въ ней подобные вопросы, а вслѣдствіе этого писатели, пользуясь представившимся случаемъ, высказывали тò, чтò накопилось у нихъ на душѣ, и дѣлали разнаго рода обобщенія. Къ числу подобныхъ обобщеній принадлежатъ и слѣдующія строки, обращенныя только по внѣшней формѣ лично къ Радищеву: «Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ?... Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна» и т. д.[1]). Пушкинъ совершеннно правъ въ томъ отношеніи, что для умовъ серьезныхъ, для истинныхъ друзей человѣчества и свободы, нѣтъ ничего дороже «просто-полезнаго», и нѣтъ ничего противнѣе безцѣльнаго шума и соблазна. Но о Радищевѣ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ упорно избѣгалъ «просто-полезнаго» въ своей литературной и общественной дѣятельности. Упреки въ умышленномъ противодѣйствіи правительству едва ли справедливы по отношенію къ Радищеву. Напротивъ того, есть весьма вѣскія свидѣтельства, что онъ, и словомъ и дѣломъ, пытался оказать правительственной власти свое посильное содѣйствіе. Сохранилось извѣстіе, заимствованное, какъ утверждаютъ, изъ «совершенно-достовѣрнаго источника», о такого рода проектѣ Радищева. Сознавая необходимость въ строгомъ и неподкупномъ контролѣ за дѣйствіями судовъ и чиновниковъ, потворствующихъ неправдѣ, Радищевъ «предлагалъ учредить тайное общество, котораго члены были бы обязаны слѣдить за отправленіемъ правосудія, стараться исправлять или предупреждать несправедливыя дѣйствія, и въ случаѣ надобности доводить о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства» [2]).

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Т. V, стр. 352—353.

[2]) Библіографическія Записки. Томъ II, стр. 541—542.

Самъ Радищевъ говорилъ, что еслибы книга его вышла лѣтъ за десять или за пятнадцать до французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, могъ бы разсчитывать на награду, потому что въ книгѣ его есть полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству [1]). Прямой отвѣтъ на вопросы, поставленные Пушкинымъ, находится въ книгѣ Радищева. Въ ней авторъ ясно и опредѣленно указываетъ, что величайшее благо, которое верховная власть можетъ сотворить, есть освобожденіе крестьянъ, и представляетъ весьма разумный и дѣльный способъ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Не вина Радищева, если ни правительство, ни умные помѣщики не пожелали воспользоваться его указаніями. А что было чѣмъ воспользоваться, это признало само правительство, какъ только разсѣялся страхъ, навѣянный французскою революціею. По свидѣтельству Пушкина, императоръ Александръ обратилъ вниманіе на Радищева, какъ на *сочинителя Путешествія,* и, замѣтивъ въ немъ отвращеніе отъ злоупотребленій и благонамѣренные виды, призвалъ его содѣйствовать правительству трудами своими въ законодательной комиссіи.

Статья о Радищевѣ предназначена была для журнала: «Современникъ». Предпринявъ повременное изданіе, Пушкинъ очутился между двухъ огней. Съ одной стороны онъ долженъ былъ отбиваться отъ нападеній и нареканій враждебной литературной партіи; съ другой стороны ему надо было ограждать свое изданіе отъ придирокъ цензуры, черезчуръ зорко слѣдившей за «журнальными замыслами».

Выступивъ на поприще журналистики и отстаивая за своимъ журналомъ право за существованіе, Пушкинъ вынужденъ былъ бороться противъ опасной монополіи. Во всякой борьбѣ неизбѣжна нѣкоторая доля страстности, и въ статьяхъ, хотя бы и о далекомъ прошломъ, но написанныхъ въ разгарѣ полемики, всегда отзывается, такъ или иначе, раздраженіе настоящей минуты. И внутренній смыслъ, и даже тонъ нападокъ на Радищева показываютъ, что не всѣ они направлены по его адресу и что за Радищевымъ скрывается, въ иныхъ случаяхъ, другое лицо. Изъ-за Радищева,

[1]) Русскій Вѣстникъ. 1858. Декабрь. Книжка первая, стр. 425.

къ которому такъ часто обращалась мысль Пушкина, виднѣлись ему въ туманной дали ненавистныя черты Полевого, уронившаго себя въ глазахъ Пушкина и загробною враждою къ Карамзину и журнальною дружбою къ Булгарину. Статья о Радищевѣ и его Путешествіи должна быть разсматриваема въ связи съ статьями о Полевомъ и объ его Исторіи русскаго народа. Въ Радищевѣ,—говоритъ Пушкинъ,—отразилась вся французская философія его вѣка, взгляды Вольтера, Руссо, Дидро, Реналя, но все «въ нескладномъ и искаженномъ видѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему» и т. д. Указанные Пушкинымъ признаки полупросвѣщенія только примѣнены къ Радищеву, а списаны они съ другого болѣе современнаго образца. Отзывы Пушкина о Полевомъ въ такомъ родѣ: «Г. Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодого неофита. Онъ очень забавно пародировалъ Гизо и Тьерри. Въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою—первый признакъ ума просвѣщеннаго; позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г. Полевой—никакого» и т. д. [1]). При этомъ невольно вспоминаются слова другого противника Полевого, князя Вяземскаго: «Смѣшно, когда русскій историкъ передразниваетъ наобумъ, наугадъ понятія, соображенія и языкъ Гизо или Тьерри; когда онъ кроитъ нашу исторію по чужимъ вырѣзкамъ, привыкнувъ въ званіи своемъ журналиста одѣвать насъ по парижскимъ покроямъ» и т. д. [2]). Самъ Пушкинъ даетъ ключъ къ

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. 1882. Томъ V, стр. 81, 95, 83, 116, 79, 80.

[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметьева. 1879. Томъ II, стр. 164.

пониманію того взгляда на Радищева, который сложился у нашего поэта подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній. Въ высшей степени замѣчательны слова, зачеркнутыя Пушкинымъ въ рукописи и относящіяся къ Радищеву: «отымите у него *честность;* въ остаткѣ будетъ Полевой» [1]).

При оцѣнкѣ статьи Пушкина, не слѣдуетъ забывать и о томъ обстоятельствѣ, что авторъ находился на ту пору подъ двойною и, пожалуй, даже подъ тройною цензурою. Чтобы добиться возможности напечатать «въ его жестокій вѣкъ» статью о государственномъ преступникѣ, съ выписками изъ книгъ, за которую онъ приговоренъ къ смертной казни, Пушкину надо было какъ можно ярче выставить свое неодобреніе поступку Радищева и отклонить всякое подозрѣніе въ своемъ политическомъ единомысліи съ человѣкомъ, въ которомъ онъ признавалъ и необыкновенную силу духа, и рыцарскую совѣстливость. Пушкинъ предвидѣлъ затрудненія, угрожавшія ему со стороны цензуры, но не въ силахъ былъ отклонитъ ихъ. Цензура не пропустила статьи Пушкина, канъ онъ ни «перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ».

По разсмотрѣніи рукописи Пушкина, с.-петербургскій цензурный комитетъ препроводилъ ее, въ августѣ 1836 года, въ главное управленіе цензуры при слѣдующемъ представленіи:

— «Г. цензоръ Крыловъ донесъ с.-петербургскому цензурному комитету, что на разсмотрѣніе его поступила статья для періодическаго изданія «Современникъ», подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ,* съ эпиграфомъ: «il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu». — Статья сія напоминаетъ о лицѣ и происшествіи временъ императрицы Екатерины II. Радищевъ, посланный на счетъ правительства для усовершенствованія себя въ иностранныхъ университетахъ, возвратился въ Россію, напитавшись, какъ другіе сверстники его, философіею своего вѣка. По вступленіи въ службу, онъ напечаталъ въ домашней типографіи возмутительное сочиненіе: *Поѣздка въ Москву* и, по повелѣнію императрицы, былъ сосланъ въ Сибирь. Императоръ Павелъ I приказалъ его возвратить, а Александръ I соизволилъ и на принятіе

[1]) Русскій Архивъ. 1881. Книга первая, стр. 235.

въ службу по комиссіи составленія законовъ. Не смотря на тѣ, Радищевъ повторилъ старыя идеи свои въ одномъ проектѣ, котораго составленіе было ему поручено съ высочайшаго повелѣнія. Графъ З. сдѣлалъ, по сему случаю, замѣчанія, и устрашенный Радищевъ отравилъ себя ядомъ. Жизнь Радищева—политическая и литературная—составляетъ содержаніе статьи, назначаемой для періодическаго изданія «Современникъ»; въ ней предполагается помѣстить и два отрывка изъ его сочиненій: одинъ—въ стихахъ, заимствованный изъ сочиненій, напечатанныхъ въ 1807 году, съ позволенія правительства; другой—въ прозѣ, подъ заглавіемъ: *Клинъ*, взятъ изъ упомянутой *Поѣздки въ Москву*, но въ отдѣльности не заключаетъ, однакожъ, мыслей, не позволительныхъ по правиламъ цензуры. Не зная, въ какой степени можетъ быть допущено въ періодическомъ изданіи возобновленіе свѣдѣній *о такомъ лицѣ и происшествіи, которому, въ наше время, есть еще многіе современники*, г. цензоръ представилъ статью сію на разрѣшеніе комитета. Комитетъ, по уваженію причинъ, затруднившихъ г. цензора Крылова одобрить статью о Радищевѣ къ напечатанію, призналъ себя не въ правѣ пропустить ее безъ разрѣшенія высшаго начальства.

Вслѣдствіе сего имѣю честь представить оную на благоусмотрѣніе главнаго управленія цензуры».—

Министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, написалъ на представленіи цензурнаго комитета: «Статья (сама?) по себѣ недурна, и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія»[1]).

Въ 1840 году, когда печаталось посмертное собраніе сочиненій Пушкина, статья о Радищевѣ была снова представлена въ цензуру и на этотъ разъ уже непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Тотъ же министръ, С. С. Уваровъ, писалъ попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа: «Г. цензоръ Никитенко представилъ мнѣ на усмотрѣніе статью

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи главнаго управленія цензуры. 1836 года. № 72/1081. Представленіе цензурнаго комитета 24 августа 1836 г. Отвѣтъ министра 26 августа 1836 г.

подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ*, предполагаемую въ третій томъ *Сочиненій Пушкина, собранныхъ послѣ его смерти*. По разсмотрѣніи этой статьи, я нахожу, что она *по многимъ заключающимся въ ней мѣстамъ* къ напечатанію допущена быть не можетъ, и потому предлагаю сдѣлать распоряженіе о запрещеніи ея» [1]).

Только въ 1857 году, слѣдовательно спустя болѣе двадцати лѣтъ по написаніи, появилась, наконецъ, въ печати статья Пушкина: *Александръ Радищевъ*. Она помѣщена въ седьмомъ, дополнительномъ, томѣ *Сочиненій Пушкина*, изданныхъ П. В. Анненковымъ.

Разсмотрѣніе статьи Пушкина, какъ и всего дополнительнаго тома его сочиненій, поручено было одному изъ первостепенныхъ писателей нашихъ, пользующихся общимъ уваженіемъ и по силѣ своего таланта, и по своей образованности и благородному образу мыслей,—Ивану Александровичу Гончарову. Такое порученіе дано было И. А. Гончарову вслѣдствіе его служебнаго положенія: онъ занималъ въ то время должность цензора. Въ донесеніи своемъ цензурному комитету И. А. Гончаровъ говоритъ:

«Въ статьѣ *Александръ Радищевъ* (стр. 67 по 97) представляется полный очеркъ извѣстнаго вольнодумца временъ Екатерины II, автора книги: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, за которую онъ былъ сосланъ въ Сибирь, потомъ возвращенъ. Пушкинъ описываетъ вступленіе его въ существовавшее тогда общество мартинистовъ, ихъ духъ и направленіе. Образъ мыслей того времени, воспитаніе, лица,—все это не имѣетъ никакого отношенія къ нашей современности и можетъ развѣ только послужить матеріаломъ будущему историку нравовъ той эпохи, а потому вся статья могла быть безъ всякаго вреда напечатана, какъ любопытный историческій эскизъ» и т. д. Сдѣлавши общій обзоръ содержанія седьмого тома сочиненій Пушкина, И. А. Гончаровъ приходитъ къ такому выводу: «Принимая въ соображеніе, что со времени кончины Пушкина прошло двадцать

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія по главному управленію цензуры 1840 года. № 50. Отношеніе министра попечителю, 9 марта 1840 года.

лѣтъ, и эпоха его дѣятельности, относительно современнаго литературнаго движенія, можетъ считаться минувшею, и— что уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады и осторожности при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій, которыя и въ этомъ отношеніи могли бы, до значительной степени, составить ксключеніе противу другихъ писателей, я полагалъ бы испросить разрѣшеніе главнаго управленія цензуры на одобреніе седьмого тома сочиненій Пушкина въ печать *безъ всякихъ измѣненій*».

Въ такомъ же духѣ высказался и другой писатель, исполнявшій въ то время должность чиновника особыхъ порученій при товариществѣ министра народнаго просвѣщенія, Николай Ѳедоровичъ Щербина. Въ запискѣ, которую Н. Ѳ. Щербина представилъ товарищу министра народнаго просвѣщенія, князю Петру Андреевичу Вяземскому, говорится слѣдующее:

«При чтеніи рукописи VII-го (дополнительнаго) тома сочиненій Пушкина, издаваемыхъ П. В. Анненковымъ, представляются, въ цензурномъ отношеніи, слѣдующія общія соображенія:

a) Такъ какъ эти произведенія принадлежатъ перу великаго русскаго національнаго поэта, а великіе писатели наши имѣли счастіе быть постоянно подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти въ государствѣ, то цензура къ таковымъ сочиненіямъ должна относиться *снисходительнѣе*, чѣмъ къ произведеніямъ писателей меньшаго значенія и извѣстности, принявъ въ соображеніе то, что нѣкоторыя творенія Пушкина, Гоголя, комедія Грибоѣдова, удостоились быть напечатанными съ монаршаго соизволенія и одобренія, тогда какъ обыкновенная цензура не рѣшалась дозволить ихъ къ напечатанію.

b) Такъ какъ въ этой рукописи находятся пьесы, представляющія какъ бы нѣкоторыя цензурныя сомнѣнія, и пьесы, до сихъ поръ ни разу еще не напечатанныя, содержаніе которыхъ отчасти выходитъ изъ уровня обыкновенно дозволяемыхъ къ печати сочиненій, то, въ подобномъ случаѣ, неизлишне соображаться и съ тою мыслію, что произведенія, сохраняемыя какъ бы втайнѣ, пользуются своего рода привлекательностію и обожаніемъ, съ жадностію пере-

писываются, останавливаютъ на себѣ гораздо больше вниманіе и возбуждаютъ толки; между тѣмъ какъ эти же произведенія, явившись въ печати, дѣлаются обыкновенными, лишаются прежняго вниманія и какъ бы профанируются печатью.

c) Замѣчено, что сочиненія великаго національнаго писателя, долгое время не являвшіяся въ печати и дозволенныя къ ней правительствомъ, пріобрѣтаютъ къ нему еще большую искреннюю любовь всѣхъ и каждаго. Кромѣ того, изъ читающей публики, самый строгій и придирчивый, въ цензурномъ отношеніи, ригористъ, читая подобныя произведенія любимаго поэта, составляющаго національную славу, какъ бы подкупленный сердцемъ и патріотическимъ чувствомъ, не можетъ видѣть ничего хоть сколько нибудь предосудительнаго въ дозволенныхъ къ изданію посмертныхъ твореніяхъ поэта.

d) Въ пьесахъ этой рукописи, даже въ самой большей степени представляющихъ цензурныя сомнѣнія и затрудненія, нѣтъ новыхъ, невѣдомыхъ доселѣ идей, для мыслящаго и стоящаго на высшей ступени образованности читателя, а для большинства читающей публики *содержаніе ихъ чуждо*, не остановитъ на себѣ ея вниманія и не возбудитъ никакихъ толковъ,—а это-то большинство и должна брать цензура въ соображеніе.

e) Всякая пьеса великаго національнаго поэта и даже, нѣкоторымъ образомъ, всякая строка его составляютъ какъ бы духовный капиталъ народа и государства, и служатъ къ объясненію и къ большему уразумѣнію личности великаго поэта, такъ дорогого сердцу каждаго русскаго,—что̀ необходимо взять цензурѣ въ соображеніе» [1]).

Статья Пушкина о Радищевѣ, впервые появившаяся въ печати, произвела большое впечатлѣніе. Она возбудила интересъ къ Радищеву, къ его судьбѣ, къ его литературной и общественной дѣятельности. Съ легкой руки Пушкина, начали появляться, въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ,

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло канцеляріи народнаго просвѣщенія по главному управленію цензуры. 1857 года. № 98.—Донесеніе И. А. Гончарова, 6 апрѣля 1857 года.—Докладная записка Н. Ө. Щербины, 23 мая 1857 года.

статьи и замѣтки о жизни и сочиненіяхъ Радищева. Въ литературныхъ кругахъ заговорили объ изданіи сочиненій Радищева и преимущественно его Путешествія и т. д.

Первое изданіе Путешествія напечатано самимъ Радищевымъ, въ его домовой типографіи, подъ такимъ заглавіемъ:

ПУТЕШЕСТВІЕ

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ

«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй».
Тилемахида. Томъ II. Кн. XVIII, стр. 514.

1790.

Въ Санктпетербургѣ.

На послѣдней, 453-й, страницѣ книги, внизу, напечатано: «Съ дозволенія Управы Благочинія».

Любопытно, что книгу Радищева набирали и печатали крѣпостные крестьяне автора и таможенные надсмотрщики, служившіе у него подъ начальствомъ.

Такъ какъ судъ постановилъ истребить книгу Радищева, и ее разыскивали и отбирали, то уцѣлѣвшіе экземпляры сдѣлались библіографическою рѣдкостью.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ статьи Пушкина о Радищевѣ появилось второе изданіе Путешествія. Оно напечатано въ Лондонѣ, въ 1858 году, и представляетъ безпрерывный рядъ уклоненій отъ подлинника. Съ какой рукописи печатался текстъ и кому принадлежитъ его передѣлка, намъ неизвѣстно; но несомнѣнно то, что въ лондонскомъ изданіи *подновленъ* слогъ, сглажены шероховатости языка, измѣненъ порядокъ словъ, выпущены цѣлыя фразы, одни слова замѣнены другими, и т. п. Нагляднымъ доказательствомъ очевиднаго *подновленія* подлинника могутъ служить слѣдующіе примѣры:

Первое изданіе, 1790 г.

Дорогой мой затюшка ходитъ повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. *Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повыталкалъ*, но уже поздо. *Сросшихся твоихъ накриво составовъ тѣмъ не спрямитъ.—Плачь, мой любезный зять, плачь. Мать наша*, слѣдуя плачевной и *смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменнованой модѣ*, уготовала *за многія лѣта* тебѣ печаль, а дочери своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе... (стр. 214).

Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ *оное* нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія, возведенныя *до высочайшія совершенства степени*, до коей человѣку *достигнути* дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, *вольно распростирая* свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и *надежнымъ нынѣ сталъ стражею* общественныхъ законоположеній; подъ державнымъ его покровомъ, *свободно и сердце наше въ молитвахъ, ко Всевышнему Творцу воз-*

Второе изданіе, 1858 г.

Дорогой мой затюшко ходитъ повѣся носъ. Всѣ твои шнурованія бросилъ въ огонь, *всѣ кости изъ платьевъ твоихъ повытаскивалъ;* но уже поздно. *Криво сросшихся твоихъ составовъ тѣмъ не спрямишь. Плачь, мой любезный зять! Плачь, мать наша*, слѣдуя плачевной *модѣ, ознаменованной смертью разрѣшающихся отъ бремени женъ;* она уготовала тебѣ *на многія лѣта* печаль, дочери твоей болѣзнь, а дѣтямъ слабое тѣлосложеніе.... (стр. 212).

Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ *оно* нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія, возведенныя *до высочайшей степени совершенства*, до коей человѣку *достигнуть* дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, *распростирая свободно* свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію, и *сталъ нынѣ надежнымъ стражею* общественныхъ законоположеній, *и что* подъ державнымъ его покровомъ *сердце наше свободно возсылаетъ молитвы* ко Всевышнему Творцу: съ неизре-

сылаемыхъ; — съ неизреченнымъ радованіемъ *сказати можетъ* (можемъ?), что отечество наше есть пріятное Божеству обиталище, ибо *сложеніе его* не на предразсудкахъ и *суевѣріяхъ* основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ.... Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ, *отъемлютъ корень даже гражданскихъ несогласій*. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы *верховныя* власти, *яко* велѣнія нѣжныхъ родителей *къ своимъ чадамъ*, предупреждаетъ *даже и* безхитростныя злодѣянія.... Звѣрскій обычай порабощать *себѣ подобнаго* человѣка, знаменующій *сердце окаменѣлое и души отсутствіе совершенное*, простерся *на лицѣ земли* быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные *невѣжества мракомъ*, воспріяли *обычай сей*, и ко стыду нашему, *ко стыду прошедшихъ вѣковъ, ко стыду сего разумнаго времяточія*, сохранили его нерушимо даже до сего дня.... (стр. 236—239).

ченнымъ радованіемъ *сказать можемъ*, что отечество наше есть пріятное Божеству обиталище, ибо *оно* не на предразсудкахъ и *суевѣріи* основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ.... Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ *истребляютъ даже гражданскія несогласія*. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы *верховной* власти, *какъ* велѣнія нѣжныхъ родителей *своимъ чадамъ*, предупреждаетъ *и* безхитростныя злодѣянія.... Звѣрскій обычай порабощать *подобнаго себѣ* человѣка, знаменующій *окаменѣлое сердце и совершенное отсутствіе души*, простерся *по лицу земли* быстротечно, широко и далеко; и мы, сыны славы, мы, именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные *мракомъ невѣжества*, воспріяли *сей обычай;* и къ стыду нашему, *къ стыду сего времени*, сохраняли его нерушимо даже до сего дня.... (стр. 222—223).

Правильныя черты лица *его знаменовали душѣ его спокой-*

Правильныя черты лица *показывали душевное его спокой-*

ствіе, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка *безмятежнаго* удовольствія, *незлобіемъ раждаемаго*, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь *прельщающими*. Взоры его, когда *я вошелъ* въ ту комнату, гдѣ *онъ сидѣлъ*, *были устремлены* на двухъ *его сыновей*. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица *незыбки*, являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ... (стр. 157—158).

Пріявъ васъ *даже* отъ чрева матерня *въ объятія мои*, не восхотѣлъ николи, чтобы кто-либо былъ *рачителемъ* въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася тѣлеси вашего, *и* никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око *моея* горячности бдѣло надъ вами *денноночно*, да не приближится васъ оскорбленіе, и блаженъ *нарицаюся*, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобы я хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарностъ за мое о васъ попеченіе, или же *признаніе, хотя слабое*, *ради васъ мною содѣланнаго*. *Вождаемъ собственныя корысти побужденіемъ*, *предпріемлемое* на ва-

ствіе, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка *кроткаго* удовольствія, *раждаемаго незлобіемъ*, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь *прелестными*. Взоры его, когда *вошелъ я* въ ту комнату, гдѣ *сидѣлъ онъ*, *устремлены были* на двухъ *сыновей его*. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ... (стр. 184).

Пріявъ васъ отъ чрева матерня *въ свои объятія*, не восхотѣлъ николи, что былъ кто *родителемъ* въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалась тѣлеси вашего; никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око *моей* горячности бдѣло надъ вами *денноношно*, да не приближится васъ оскорбленіе; и блаженъ *нарицается*, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобъ хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе или *хотя слабое признаніе мною для васъ сдѣланнаго*. *Предпринимаемое* на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное *мнѣ* услажденіе.

шу пользу имѣло всегда въ виду собственное *мое* услажденіе. Итакъ, *изжените изъ мыслей вашихъ, что вы есте подъ властію моею.* Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, *хощу искати* твердости союза нашего. Онъ *оснуется* на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, *если его въ забвеніи оставите!* Образъ мой, преслѣдуя нарушителю союза *нашея дружбы, поженетъ его въ сокровенности его*, и устроитъ ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, *вы мнѣ ничѣмъ не должны.* Воззрите на меня, *яко* на странника и пришельца, и *если сердце ваше ко мнѣ ощутитъ нѣкую нѣжную наклонность*, то поживемъ въ дружбѣ — въ семъ *наивеличайшемъ на земли* благоденствіи. Если же оно *безъ ощущенія пребудетъ, да забвени будемъ другъ друга, яко же намъ не родитися...* (стр. 160—161).

Итакъ, *не думайте, что вы подъ властію моею.* Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ *хочу искать* твердости союза нашего. Онъ *основанъ будетъ* на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, *если вы его забудете!* Образъ мой, преслѣдуя нарушителя союза *дружбы нашей, будетъ терзать его въ сокровенности* и устроитъ ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, *вы не должны мнѣ ничѣмъ.* Воззрите на меня, *какъ* на странника и пришельца, и *если сердце ваше ощутитъ нѣжную ко мнѣ наклонность*, то поживемъ въ дружбѣ — въ семъ *величайшемъ на землѣ* благоденствіи. Если же оно *не почувствуетъ ничего, то забудемъ другъ друга, какъ будто мы не родились...* (стр. 185—186).

Различіе между подлинникомъ Радищева и лондонскимъ изданіемъ послужило отчасти причиною того разногласія, которое встрѣчается въ отзывахъ о предметѣ, самомъ, повидимому, безспорномъ. Одни находятъ, что слогъ Радищева утомителенъ по своей напыщенности, по длиннотѣ періодовъ и *по изобилію устарѣлыхъ словъ и оборотовъ.* Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что книга Радищева написана слогомъ довольно живымъ, который *даже и для нашего вре-*

мени весьма мало устарѣлъ, особенно если сравнить книгу Радищева съ другими произведеніями нашей литературы прошлаго столѣтія. Такое противорѣчіе объясняется всего проще тѣмъ, что одни читали книгу Радищева въ подлинникѣ, а другіе—въ ея лондонской передѣлкѣ.

Третье изданіе Путешествія, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Радищева, предпринимаемо было въ 1860 году, въ Россіи, а не заграницей. 9 августа 1860 года, сынъ автора Путешествія, Павелъ Александровичъ Радищевъ, обратился къ императору Александру II съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ:

— Всемилостивѣйшій государь!

Родитель мой, Александръ Николаевичъ Радищевъ, оставилъ послѣ себя сочиненія, которыя были напечатаны нами, его наслѣдниками, въ 1807, 1809 и 1811 годахъ, въ Москвѣ, но въ 1812 году, во время нашествія непріятеля, были истреблены пожаромъ, и мы не могли воспользоваться ихъ изданіемъ, и съ тѣхъ поръ они не были перепечатаны.

Книга его: *Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву*, въ 1790 году,напечатанная и подвергшаяся запрещенію нынѣ напечатана заграницею и, съ распространеніемъ русскаго языка, пользуется европейскою извѣстностію, какъ произведеніе русскаго, предупредившаго свой вѣкъ, и котораго главныя идеи впослѣдствіи осуществились. Многіе изъ нея отрывки и цѣлая глава *Клинъ* уже появились въ Россіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; но все это сочиненіе, высоко цѣнимое, до сихъ поръ не имѣетъ права гражданственности въ отечествѣ автора.

Всемилостивѣйшій государь! Осмѣливаюсь просить ваше императорское величество о разрѣшеніи цензурному комитету принять отъ меня къ разсмотрѣнію означенное *Путешествіе*, и что̀ онъ найдетъ не противнымъ даннымъ ему правиламъ, дозволить мнѣ напечатать. И какъ всѣ эти сочиненія еще въ продажѣ не были, мнѣ, какъ единственному законному наслѣднику Радищева, благоволите даровать на нихъ привилегію на двадцать пять лѣтъ.

Вашего императорскаго величества
вѣрноподданный
Павелъ Радищевъ.—

Прошеніе Радищева было препровождено въ главное управленіе цензуры. Узнавши о томъ, что цензурное вѣдомство встрѣчаетъ препятствія къ напечатанію Путешествія, П. А. Радищевъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, Евграфу Петровичу Ковалевскому, 24 ноября 1860 года: «Прошеніе мое состоитъ не въ томъ именно, чтобъ позволить напечатать эту книгу, а чтобъ это дозволеніе дать только на тѣ статьи *въ представленной мною съ сокращеніями копіи съ этой книги*, которыя будутъ цензурою найдены позволительными, каковы, какъ я полагаю, кромѣ напечатанной неоднократно *Клинъ*, статьи: *Едрово*, *Крестцы*, *Выѣздъ*, *Посвященіе* сочинителя, *Валдай*, *Слово о Ломоносовѣ*. Статьи: *Любани; Зайцово; Вышній-Волочекъ; Хотиловъ; Мѣдное; Городня; Пешки; Черная Грязь;* относится къ быту крестьянскому—современному вопросу, о которомъ было такъ много писано въ журналахъ и особыхъ сочиненіяхъ. Статья *Мѣдное* была напечатана, почти вся, въ 1858 или 1859 году, въ одномъ журналѣ. Благоволите обратить вниманіе на эти статьи, особливо на семь первыхъ, и, по крайней мѣрѣ, въ видѣ отрывковъ, дозволить представить въ цензуру для присоединенія къ прочимъ сочиненіямъ А. Радищева».

Главное управленіе цензуры признало несвоевременнымъ изданіе въ свѣтѣ Путешествія Радищева.

Въ 1865 году тотъ же сынъ Радищева ходатайствовалъ о напечатаніи Путешествія, и также безуспѣшно. Онъ представилъ и біографію Александра Николаевича Радищева, не обозначивъ имени ея автора; но, по ея восторженному тону, полагали тогда, что авторомъ ея былъ ни кто другой, а самъ сынъ Радищева, представившій ее въ цензуру. Въ біографіи были изложены разныя подробности слѣдствія, суда, ссылки и помилованія Радищева. Хотя, по существовавшимъ тогда постановленіямъ о печати, Радищевъ могъ напечатать сочиненія своего отца и безъ предварительной цензуры, но онъ, очевидно, желалъ заручиться дозволеніемъ со стороны цензурнаго вѣдомства. Главное управленіе по дѣламъ печати не взяло, однако же, на себя отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что надъ книгою Радищева тяготѣло запрещеніе уголовнаго суда, утвержденное верховною властію.

Въ 1867 году петербургскій книгопродавецъ Шигинъ напечаталъ, подъ именемъ Путешествія, не подлинный текстъ Путешествія, а извлеченіе изъ него съ большими пропусками. Обращаясь въ цензурный комитетъ, Шигинъ заявилъ, что имъ «*тщательно исключено* изъ книги Радищева все, чтò было въ противорѣчіи съ цензурными установленіями», и на этомъ основаніи просилъ ходатайствовать о выпускѣ его изданія въ свѣтъ. Главное управленіе по дѣламъ печати, не видя достаточнаго повода испрашивать высочайшаго разрѣшенія для плохой книгопродавческой спекуляціи, признало вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ справедливымъ ходатайствовать вообще о снятіи запрещенія съ книги Радищева. Министерство внутреннихъ дѣлъ не только дало движеніе этому ходатайству, но и усилило его новыми доводами съ своей стороны. При снятіи запрещенія принято было во вниманіе, что книга Радищева представляетъ одинъ изъ хорошихъ образцовъ карамзинской литературы и служитъ интереснымъ памятникомъ языка и понятій того времени; что новое изданіе этого сочиненія, составляющаго библіографическую рѣдкость было бы не безполезно для исторіи отечественной литературы; что Радищевъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, совершенно прямо указавшій на страшную тягость крѣпостнаго права, и т. д.

22 марта 1868 года послѣдовало высочайшее соизволеніе о снятіи запрещенія съ книги Радищева. Государь императоръ повелѣлъ: «запрещеніе, наложенное, вслѣдствіе высочайшаго указа отъ 4 сентября 1790 года, на сочиненіе Радищева подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, отмѣнить, съ тѣмъ, чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ нынѣ узаконеній о печати»[1]).

[1]) Вслѣдствіе указа о снятіи запрещенія съ книги Радищева, выпущено было, въ 1868 году, въ свѣтъ и изданіе купца Шигина, подъ названіемъ: «Радищевъ и его книга: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Къ изданію Шигина приложена статья: «Александръ Николаевичъ Радищевъ». Статья эта есть компиляція изъ біографическаго очерка, составленнаго П. А. Радищевымъ и помѣщеннаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858 года, и изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ, въ 1865 году, въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей. Авторомъ этой компиляціи нѣкоторые считаютъ младшаго сына Радищева, Павла Александро-

Въ 1869 году появилось въ газетахъ («С.-Петербургск. Вѣдом». № 219) извѣстіе, что печатаются и въ концѣ этого года выйдутъ въ свѣтъ сочиненія Радищева, всѣ какія остались, со включеніемъ полнаго текста Путешествія по изданію 1790 года подъ редакціею П. А. Ефремова, съ приложеніемъ статьи А. Н. Пыпина. Газетные слухи оказались невѣрными: въ 1869 году не появилось объявленнаго изданія. Сочиненія Радищева, дѣйствительно, напечатаны и въ числѣ ихъ и Путешествіе по подлинному тексту 1790 года, съ небольшими пропусками, подъ редакціею П. А. Ефремова, но не въ 1869, а въ 1872 году, и безъ статьи А. Н. Пыпина, который вовсе и не писалъ статьи о Радищевѣ для этого изданія.

Помѣщенный въ напечатанныхъ въ 1872 году Сочиненіяхъ Радищева текстъ Путешествія долженъ считаться *третьимъ* изданіемъ Путешествія. Въ 1872 году напечатаны, въ двухъ томахъ: «Сочиненія Александра Николаевича Радищева. Съ портретомъ автора и статьею о жизни и сочиненіяхъ Радищева А. П. Пятковскаго. Редакція изданія П. А. Ефремова». Хотя въ заглавіи и упоминается о статьѣ А. П. Пятковскаго, но въ дѣйствительности она не только не напечатана, но не была еще и написана, когда изданіе подверглось запрещенію. Изданіе это въ свѣтъ не выходило: оно уничтожено въ 1873 году.

Въ 1876 году вышло въ Лейпцигѣ «Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву, А. Радищева» «Международная Библіотека». Томъ XVII). Лейпцигское изданіе есть точный снимокъ, дословная перепечатка лондонскаго изданія. Вслѣдствіе этого въ лейпцигскомъ изданіи, какъ и въ лондонскомъ, встрѣчается безчисленное множество разнаго рода уклоненій отъ подлинника, какъ напримѣръ:

вича. Академикъ Я. К. Гротъ, хорошо знавшій П. А. Радищева, говоритъ: «Въ 1868 году Павелъ Александровичъ напечаталъ отдѣльно брошюру *Радищевъ и его книга,* и здѣсь (стр. 12) прежнее свѣдѣніе насчетъ Державина пополнилъ слѣдующимъ образомъ» и т. д. (Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1880. Т. VIII, стр. 693).

Что сталось съ біографіею, которую П. А. Радищевъ представлялъ въ цензурное вѣдомство въ 1865 году? Есть ли связь сокращеннаго текста Путешествія, изданнаго въ 1868 году, съ тѣми *сокращеніями,* о которыхъ П. А. Радищевъ говорилъ въ 1860 году, въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія? Вотъ вопросы для библіографовъ.

Первое изданіе, 1790 г.

Возможно ли, чтобы были столь безумные *судіи*, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь? Я напишу жалобницу въ высшее правительство. *Уподроблю все происшествіе*, и представлю неправосудіе судившихъ и *невинность* страждушаго (стр. 58—59).

Не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или *мыслями чуждыми*.

Съ тѣхъ поръ какъ *начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой* вамъ стезѣ.

Доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующи.

Tò, чтò бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ.

Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ (стр. 171—172), и т. д.

Лейпцигское изданіе, 1876 г.

Возможно ли, чтобъ были столь безумные *суды*, что для насыщенія казны отнимали у людей имѣніе, честь и жизнь? Я напишу жалобницу въ вышнее правительство. *Я изображу всѣ происшествія*, и представлю непровосудіе судившихъ и *невинно* страждущаго (стр. 37).

Не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или *чужими мыслями*.

Съ тѣхъ поръ, какъ *начали вы ощущать силы своего разума, шествуете сами къ открытой* вамъ стезѣ.

Пока силы разума въ васъ еще не дѣйствовали.

Tò, чтò узнали бы вы прежде, нежели сдѣлались разумны, было бы въ васъ предразсудокъ.

Когда жъ увидѣлъ, что вы въ сужденіяхъ своихъ руководствуетесь разсудкомъ (стр. 95), и т. д.

Не только проза Радищева, но и стихи, приводимые въ его Путешествіи, подверглись передѣлкамъ и *подновленіямъ* въ заграничныхъ изданіяхъ, лондонскомъ и лейпцигскомъ.

Первое изданіе, 1790 г.
(стр. 356 и слѣд.)

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди тягченныхъ жатвой нивъ,

Лейпцигское, 1876 г.
(стр. 188 и слѣд.)

Въ срединѣ злачныя долины,
Средь отягченныхъ жатвой нивъ,

Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины	Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины
Средь мирныхъ подъ сѣньми оливъ,	*Подъ мирной сѣнію оливъ*,
Пароска *мармора* бѣлѣе,	Паросска *мрамора* бѣлѣе,
Яснѣйша для лучей свѣтлѣе,	*Лучей яснѣйша дня свѣтлѣе*,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ...	Стоитъ прозрачный всюду храмъ...
Воззримъ мы *въ области* обширны...	*Воззримъ на области* обширны...
Кровавымъ потомъ доставая	Кровавымъ потомъ доставая
Плодъ, *кой я въ пищу насадилъ*...	*Тотъ плодъ*, *кой въ пищу насадилъ*...

Стихъ: «Во свѣтъ рабства тьму претвори» измѣненъ такимъ образомъ: «Во свѣтъ тьму рабства претвори», не смотря на тò, что самъ Радищевъ поясняетъ, что съ умысломъ помѣщенъ не какой либо другой, а именно этотъ стихъ «*Во свѣтъ рабства тьму претвори*». Радищевъ говоритъ: «Сію строфу обвиняли за стихъ: *Во свѣтъ рабства тьму претвори;* онъ очень тугъ и труденъ на изреченіе, ради частаго повторенія буквы *т*, и ради соитія согласныхъ буквъ: *бства*, *тьму*, *претв*. Иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя *въ негладкости стиха изобразительное выраженіе трудности самаго дѣйствія*».

Главными источниками свѣдѣній о жизни, а отчасти также и о литературной дѣятельности Александра Николаевича Радищева служили и служатъ два біографическіе очерка, составленные людьми самыми близкими къ Радищеву—сыновьями его, бывшими при немъ въ самой ранней своей молодости.

Старшій сынъ автора Путешествія, Николай Александровичъ Радищевъ, началъ свою службу въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку; въ 1783 году произведенъ сержантомъ и выпущенъ въ армію подпоручикомъ въ Маллороссійскій гренадерскій полкъ. Въ 1797 году уволенъ, по прошенію, отъ службы. Въ 1801 году опредѣленъ къ комиссію о корона-

ціи, а въ 1802 году—въ комиссію о составленіи законовъ. Въ 1803 году онъ перешелъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, гдѣ занималъ должность архиваріуса. Въ исходѣ 1806 года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ службы съ тѣмъ, чтобы поступить въ милицію, желая «раздѣлять предлежащіе труды и жертвы, которыя понесетъ дворянство Калужской губерніи при образованіи милиціи и служеніи въ оной»[1]). Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій говоритъ о Ник. Ал. Радищевѣ: «Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ, Жуковскимъ: въ этомъ кружкѣ познакомился и я съ нимъ въ 1810 году, а послѣ нашелъ его въ Саратовской губерніи, за короткое время до смерти его (скоропостижной). Онъ тогда занимался переводомъ сельскохозяйственныхъ сочиненій. Былъ очень любимъ и уважаемъ въ губерніи; служилъ предводителемъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ». Изъ литературныхъ трудовъ Радищева извѣстны: «Алеша Поповичъ» и «Чурила Пленковичъ»—«богатырскія пѣснотворенія»; переводы романовъ Августа Лафонтена: «Вальтеръ, дитя ратнаго поля, или и вторая любовь надежна»; «Двѣ невѣсты, или любовь, вѣрность и терпѣніе», и др.

Въ бумагахъ покойнаго князя П. А. Вяземскаго хранилась собственноручная записка Николая Александровича Радищева: *О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева.* Князь Вяземскій отмѣтилъ на ней: «Записка сія составлена и доставлена мнѣ сыномъ Радищева, извѣстнымъ нѣкоторыми литературными занятіями». Рукописью Радищева, находившеюся у князя Вяземскаго, воспользовался Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли». Статья о Радищевѣ, помѣщенная въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго, представляетъ дословное извлеченіе изъ статьи Н. А. Радищева, изъ которой заимствованы не только свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Александра Николаевича Радищева, но и отзывы о его сочиненіяхъ, какъ напримѣръ: «слогъ Радищева устарѣлъ, но замѣчательна смѣлость мыслей, чистая и глубокая философія» и т. п. [2]). Записка,

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 196. Дѣла № 8633.

[2]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, составленный Дмитріемъ Бантышъ-Каменскимъ. 1836. Часть IV, стр. 258—264.

составленная Николаемъ Александровичемъ Радищевымъ, до сихъ поръ остается самымъ цѣннымъ біографическимъ матеріаломъ и необходимымъ пособіемъ для литературныхъ изслѣдованій о Радищевѣ-отцѣ. Только въ 1872 году появилась въ печати записка Н. А. Радищева. Она помѣщена въ «Русской Старинѣ» (1872 г., ноябрь, стр. 573 — 581) Н. П. Барсуковымъ, занимавшимся тогда разборомъ бумагъ архива князя П. А. Вяземскаго.

Меньшой сынъ Радищева, Павелъ Александровичъ, получилъ образованіе въ Морскомъ корпусѣ, откуда и выпущенъ во флотъ мичманомъ. Прослу́жа около трехъ лѣтъ во флотѣ, вышелъ въ отставку и вскорѣ опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Но и тамъ оставался недолго, не болѣе двухъ лѣтъ, и въ 1807 году уволенъ отъ службы за болѣзнію [1]). Въ 1812 году поступилъ въ московское ополченіе. Впослѣдствіи, онъ не разъ мѣнялъ свое мѣстопребываніе; въ сороковыхъ годахъ онъ жилъ на югѣ, въ Таганрогѣ; въ шестидесятыхъ—въ Петербургѣ, и т. д., много натерпѣлся онъ на своемъ долгомъ вѣку.

Все то̀, что̀ Павелъ Александровичъ Радищевъ «*вспомнилъ* изъ своего грустнаго давно-минувшаго и *записалъ самъ*» передана въ статьѣ его: *Александръ Николаевичъ Радищевъ*, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1858 г. декабрь, книжка первая, стр. 395—432). Статью свою П. А. Радищевъ писалъ единственно по воспоминаніямъ, и притомъ уже въ глубокой старости. Въ разсказѣ его есть неточности; нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ извѣстій требуютъ повѣрки; въ изложеніи нѣтъ той объективности, которая замѣтна въ очеркѣ старшаго сына Радищева; мѣстами черты давно-минувшаго сливаются съ проблесками настроенія, господствовавшаго въ ту пору, когда П. А. Радищевъ писалъ свои воспоминанія. Ему пришлось разсказывать по старой памяти, какъ по грамотѣ. У него не было подъ руками ни мемуаровъ, ни писемъ, ни другихъ какихъ либо достовѣрныхъ источниковъ. Бумаги Радищева-отца исчезли какъ-то вдругъ и совершенно безслѣдно. Пропалъ и «проектъ уло-

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 197. Дѣла № 8794.

женія»; пропали и «многія важныя и забавныя творенія»; пропала и «пространная и занимательная» переписка съ А. М. Кутузовымъ, которая могла бы составить «важную книгу» и т. д.

Статья П. А. Радищева находится въ непосредственной связи со статьею Пушкина. Многія подробности заимствованы П. А. Радищевымъ у Пушкина. По свидѣтельству А. Корсунова, самая мысль о составленіи біографическаго очерка А. Н. Радищева возникла «при чтеніи, въ одной литературной бесѣдѣ, *статьи Пушкина: Радищевъ*». Мысль эта сообщена была П. А. Радищеву, который и привелъ ее въ исполненіе.

Вліяніе статьи Пушкина отразилось, въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно, въ значительной части всего того, что̀ писалось впослѣдствіи о Радищевѣ.

При самомъ появленіи статьи Пушкина въ печати, издатель сочиненій Пушкина, П. В. Анненковъ, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ ея значеніе: «Статья *Александръ Радищевъ* принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здоровому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ незадолго до его кончины. Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намѣренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій, и никакія злоупотребленія, столь неизбѣжныя въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками, Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ всякаго дѣятеля *любви* и пребыванія въ границахъ *закона*,—и это составляетъ высокую нравственную мысль его дѣльной и строгой статьи» [1]).

Четверть вѣка прошло со времени появленія статьи Пушкина и отзыва о ней, и почтенный издатель ея, пользующійся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ литературѣ, не измѣнилъ своего взгляда, какъ можно заключить изъ статьи его: *Общественные идеалы А. С. Пушкина*. Разъясняя полити-

[1]) Сочиненіе Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1857. Т. VII. Часть II, стр. 3—4.

ческіе и общественные идеалы поэта, П. В. Анненковъ видитъ въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ отраженіе тѣхъ началъ, которыя намѣчены «въ безсмертныхъ словахъ» друга Пушкина, обращенныхъ къ наслѣднику престола: «Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ» и т. д. Близкое знакомство съ литературною дѣятельностью Пушкина, чуткаго къ вопросамъ общественной жизни, привело П. В. Анненкова къ такому заключенію: «Пушкинъ былъ примѣромъ человѣка, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чувство, и всею душою постоянно желалъ для своей родины умноженія правъ и свободы, въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденнаго всѣмъ прошлымъ и настоящимъ Россіи» [1]).

Иначе взглянулъ на статью Пушкина лондонскій издатель Путешествія. Онъ говоритъ, что статья не дѣлаетъ особенной чести поэту, и лучше бы ея не печатать, но тутъ же прибавляетъ оговорку, что поэтъ чуть ли не перехитрилъ ея изъ цензурныхъ видовъ. Что касается книги Радищева, то въ ней всего сочувственнѣе были для лондонскаго издателя протестъ противъ крѣпостного права и юморъ; но его отталкивала устарѣлая для насъ риторическая форма и филантропическая философія; онъ находитъ, что идеалы Радищева такъ же высоко на небѣ, какъ идеалы князя Щербатова — глубоко въ могилѣ, и т. д.

Два противоположные взгляда, высказанные двумя глубокими почитателями Пушкина, обнаруживаются болѣе или менѣе ясно, и въ другихъ статьяхъ и отзывахъ о Радищевѣ, появлявшихся отъ времени до времени въ нашей литературѣ. Въ иныхъ изъ этихъ статей и отзывовъ слышится злоба дня, и Радищевъ выставляется въ томъ или другомъ свѣтѣ, съ тѣми или другими оттѣнками, смотря по господствовавшему тогда настроенію. Подобные статьи и взгляды, въ совокупности своей, могутъ послужить современемъ матеріаломъ для исторіи нашихъ литературныхъ идей вообще. Въ отношеніи же собственно къ Радищеву, для справедливой и

[1]) Вѣстникъ Европы. 1880. Іюнь, стр. 624, 637 и др.

серьезной оцѣнки его, какъ писателя, наиболѣе пригодны статьи и изданія, въ которыхъ заключаются или новые матеріалы или дѣльныя соображенія о кругѣ его литературной дѣятельности, о связи его Путешествія съ другими произведеніями современной ему литературы, и т. п.

Весьма важные матеріалы обнародованы въ «Архивѣ князя Воронцова», какъ напримѣръ: разборъ сочиненія Радищева, написанный императрицею Екатериною; повинная Радищева; отвѣты его на вопросные пункты, предложенные при слѣдствіи, и т. д. [1]).

Въ сочиненіи г. Стоюнина: «О преподаваніи русской литературы», вышедшемъ въ 1864 году, находимъ такого рода отзывы о Радищевѣ и о его книгѣ: «Радищевъ смѣло вноситъ въ литературу вопросъ о народныхъ интересахъ отдѣльно отъ государственныхъ. Авторъ направляетъ свои стрѣлы особенно противъ крѣпостнаго права, которое не позволяло развиваться истинному просвѣщенію... Смѣшеніе вопросовъ жизни, поставленной въ извѣстныя историческія условія, и случайностей, происходящихъ отъ страстей и имѣющихъ одно моральное значеніе, мѣшаетъ цѣлости впечатлѣнія отъ книги, задавшейся вопросомъ разсмотрѣть условія счастливой жизни въ современной дѣйствительной обстановкѣ» и т. д. [2]).

Сочиненіе г. Стоюнина послужило поводомъ къ появленію статьи А. Д. Галахова подъ названіемъ: «Историко-литературные вопросы». Опредѣляя значеніе книги Радищева, А. Д. Галаховъ говоритъ: «Историкъ крѣпостного состоянія въ Россіи отдаетъ справедливую похвалу филантропіи и самоотверженію автора, который не только доказывалъ вредъ рабства въ нравственномъ отношеніи, но и предложилъ краткій проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ. Историкъ нравственной философіи откроетъ въ книгѣ Радищева послѣдованіе матеріалистическому ученію Ламетри и Гельвеція, которые фун-

[1]) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга пятая, стр. 407—444.

Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Книга третья. Смѣсь. А. Н. Радищевъ, стр. 67—106.—См. Русская Старина. 1882. Сентябрь, стр. 522, примѣчаніе.

[2]) О преподаваніи русской литературы. Сочиненіе Владиміра Стоюнина. 1864. Стр. 232, 238, 235 и др.

даментомъ и цѣлью человѣческихъ дѣйствій ставили эгоизмъ. Другіе историки замѣтятъ, что въ толкахъ о естественномъ правѣ человѣка и объ его правахъ въ обществѣ, о воспитаніи и общественномъ и частномъ, Радищевъ копировалъ Руссо... Радищевъ въ вѣчной своей подражательности, не пристроился ни къ одной системѣ, не остановился ни на одномъ твердомъ положеніи, не развилъ основательно ни одной мысли... Въ книгѣ Радищева не одно смѣшеніе вопросовъ жизни, замѣченное г. Стоюнинымъ: въ ней смѣшеніе доктринъ или, вѣрнѣе, тамъ-и-сямъ вычитанныхъ мыслей разнаго значенія, разнаго характера, разнаго калибра. Этого именно и должно было ожидать отъ человѣка, получившаго хотя заграничное, но поверхностное образованіе», и т. д. [1]). Подобную же оцѣнку книги Радищева находимъ и въ Исторіи русской словесности А. Д. Галахова [2]).

Мы не перечисляемъ всѣхъ статей и замѣтокъ о Радищевѣ, появлявшихся въ нашей литературѣ, и не входимъ въ оцѣнку ихъ относительнаго достоинства, предоставляя это будущимъ издателямъ сочиненій Радищева.

Весьма желательно, чтобы скорѣе появилось такое изданіе его сочиненій, которое удовлетворяло бы научнымъ требованіямъ, будучи, дѣйствительно, полнымъ, и воспроизводя подлинникъ со всевозможною точностью, безъ всякихъ подновленій и передѣлокъ. Неполнота и несовершенство матеріала, подлежащаго изслѣдованію, всегда отражаются, въ большей или меньшей степени, какъ на ходѣ научныхъ работъ, такъ и на выводахъ и объясненіяхъ изслѣдователей.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

[1]) С.-Петербугскія Вѣдомости. 1864. № 122. Стр. 491—492. Статья подписана псевдонимомъ: *Красовъ*, по имени Московскаго стихотворца въ кружкѣ Н. Станкевича.

[2]) Исторія русской словесности древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Изданіе второе. 1880. Томъ I. Отдѣлъ 2. Стр. 273—276.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Suchomlinov, Michail Ivanovič,

Izslědovanija i stat̓i po russkoj literaturě i prosvěščeniju

Bd.: 1

(1889)

H.lit.p. 463 y-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11906932-6